

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853—1856 годовъ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА

М. И. Богдановича.

Томъ IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Екатерининскій канал, 168.

1876.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
КАНАЛЪ ЕКАТЕРИНИНСК. 100.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Успѣхи осады.—Военный совѣтъ въ Союзномъ лагерѣ.—Усиленное бомбардированіе, 24—26 августа (5—7 сентября).—Положеніе Севастополя на канунѣ штурма.

Глава XXXV. Штурмъ Севастополя. Приготовленія Союзниковъ къ штурму. Диспозиція къ штурму. Число Союзныхъ войскъ.

Русскія войска въ день штурма: на береговыхъ батареяхъ; на Городской сторонѣ; на Корабельной сторонѣ.

Канонада 27 августа (8 сентября).

Расположеніе нашихъ войскъ на Малаховомъ курганѣ. Атака Макъ-Магона. Бой на бастіонѣ Корнилова.

Расположеніе нашихъ войскъ на 2-мъ и на 1-мъ бастіонахъ. Атака Сенъ-Поля на 2-й бастіонъ; отбитіе атаки генераломъ Сабашинскимъ. Атака куртины де-Ламоттъ-Ружемъ; отбитіе атаки генераломъ Хрулевымъ. Вторичная атака на 2-й бастіонъ и куртину. Дѣйствія русскихъ пароходовъ; сужденіе французскаго историка о дѣйствіяхъ парохода «Владиміръ». Пораженіе Французовъ. Атака на 2-й бастіонъ Мароля. Генералъ Сабашинскій.

Атака Англичанъ на 3-й бастіонъ. Расположеніе русскихъ войскъ. Неудача Виндгама и вторичная атака его. Генералъ Павловъ.

Расположеніе русскихъ войскъ на 4-мъ и 5-мъ бастіонахъ.—Распоряженія Союзниковъ для атаки Городской стороны. — Атака Левальяна на 5-й бастіонъ и на люнетъ Шварца. Генералъ Хрущевъ. Вторичная атака, Бретона.—Неудача Союзниковъ на всѣхъ пунктахъ кромѣ Малахова кургана.

Генералъ Хрулевъ на бастіонѣ Корнилова. Лысенко, Юферовъ, Ильинскій.—Генералъ Мартинау штурмуетъ бастіонъ. — Послѣднія усилія Русскихъ—отбить курганъ.

Прибытіе главнокомандующаго на Корабельную сторону.—Генералъ Шепелевъ.—Оборона развалинъ башни на Малаховомъ курганѣ.

Приготовленія Союзниковъ къ новому штурму.—Причина, побудившая насъ къ оставленію Севастополя.—Изумленіе Севастопольцевъ.

Отступленіе гарнизона. Послѣдніе защитники Севастополя.—Гибель остатковъ Черноморскаго флота.—Взрывы.

Уронъ обѣихъ сторонъ на штурмѣ и въ продолженіи осады.

Обстоятельства, способствовавшія продолжительной оборонѣ Севастополя.

Высочайшій Приказъ Россійскимъ арміямъ. Записка Государя на счетъ современнаго положенія дѣлъ.

Глава XXXVI. Продовольствованіе войскъ въ Крыму. Госпитали.

Распоряженія генералъ-адъютанта Анненкова по части продовольствованія войскъ.—Необходимое для крымской арміи количество жизненныхъ припасовъ. Затруднительность доставки ихъ — Сѣнокошеніе, неудовлетворительность его. Заготовленіе сѣна коммисіонерскимъ способомъ.—Продовольствованіе мясными порціями; замѣна мяса саломъ и другими припасами.—Снабженіе провіантомъ. Дороговизна.

Положеніе турецкой арміи въ Карсѣ.—Генералъ Вилліамсъ.—Муширъ-Вассифъ-паша.—Англійскіе офицеры.

Городъ Карсъ. Укрѣпленія Карса въ маѣ 1855 года. Значеніе этой крѣпости.—Расположеніе турецкой арміи на театрѣ войны.—Снабженіе продовольствіемъ Карса.—Намѣреніе Вассифъ-паши—оставить Карсъ.

Предметы дѣйствій русской арміи. Планъ дѣйствій генерала Муравьева. — Предписанія Ковалевскому и Суслову. — Выступленіе главныхъ силъ къ Карсу. Расположеніе у Агджы-кала; рекогносцировки. Назначеніе отряда Ковалевскаго. Фланговое движеніе главныхъ силъ къ Махараджиху. Поиски легкихъ отрядовъ: Камкова, Бакланова, князя Андроникова. Движеніе главныхъ силъ къ сел. Капыкевъ.

Расположеніе эриванскаго отряда Суслова.—Расположеніе Ванскаго корпуса.—Наступленіе Суслова. Дѣло при Сурбъ-Оганесѣ.

Распоряженія главнокомандующаго для усиленія дѣйствующаго корпуса.—Экспедиція за Саганлугъ.—Бѣгство Омеръ-бека.—Движеніе корпуса къ сел. Тикме. Поиски легкихъ отрядовъ: Бакланова, Унгернштернберга, Камкова, Куколевскаго, графа Нирода, Лорисъ-Меликова. Поискъ князя Дондукова-Корсакова.

Прибытіе подкрѣпленій къ дѣйствующему корпусу. Движеніе генерала Муравьева за Саганлугъ противъ Вели-паши. Наступленіе кавалеріи князя Дондукова и за нимъ Ковалевскаго; наступленіе Суслова. Отступленіе Вели-паши на позицію при Деве-Бойну; занятіе русскими войсками Гассанъ-калы. Возвращеніе Ковалевскаго подъ Карсъ, а Суслова—къ Алашкерту.—Фуражировка близъ Карса.—Расположеніе главныхъ силъ у Чифтликая.

Глава XI. Совершенное обложеніе и штурмъ Карса.

Укрѣпленія Карса въ началѣ (въ половинѣ) августа.—Силы гарнизона.—Уменьшеніе дачи провіанта; изнуреніе лошадей въ кавалеріи.—Расположеніе русскихъ войскъ при тѣсной блокадѣ Карса. Мѣры, принятыя для снабженія войскъ: провіантомъ, фуражемъ, дровами, и проч. Покушенія турецкой кавалеріи уйти изъ Карса. Ночное дѣло, на 23-е августа (на 4-е сентября).

Появленіе Турокъ у Пеняка. Экспедиція Ковалевскаго. Пораженіе непріятеля, 30-го августа (11-го сентября).—Появленіе въ русскомъ лагерѣ холеры; мѣры принятыя для предосторожности отъ развитія эпидеміи.—Слухи о высадкѣ Турокъ у Батума. Примѣрный разсчетъ карсскихъ запасовъ. Намѣреніе Омера-паши идти на выручку Карса. Главнокомандующій рѣшается на штурмъ. Военный совѣтъ 15 (27) сентября.

Шорахскія высоты; укрѣпленія и гарнизоны ихъ.—Планъ дѣйствій русскихъ войскъ. Составъ колоннъ: Ковалевскаго, князя Гагарина, Майделя; общаго резерва; составъ колоннъ Базина и графа Нирода. Предварительныя распоряженія.

Штурмъ. Атака Ковалевскаго. Атака князя Гагарина. Атака Майделя. Штурмъ Тахмасъ-табіи. Броневскій, Гапецкій, князь Трубецкой.—Атака Базина. Баклановъ.—Подкрѣпленія, высланныя въ по-

Франціей.—Письмо Императора Николая князю Мих. Дмитр. Горчакову. Кончина Государя. Циркуляръ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. — Вѣнскія конференціи. Изложеніе уполномоченными Союзныхъ державъ 3-го пункта условій мира (ограниченія владычества Россіи на Черномъ морѣ). Проектъ (contre-projet) князя Александра Мих. Горчакова.—Предложеніе графа Буля.—Послѣднее наше слово на вѣнскихъ конференціяхъ.

Колебанія австрійскаго правительства. Различіе видовъ Союзныхъ державъ. Проектъ условій мира, составленный въ Лондонѣ. Обстоятельства, побудившія русское правительство принять ихъ за основанія переговоровъ на Парижскомъ конгресѣ. Переговоры въ Парижѣ и заключеніе мира (*).

Прим. Парижскій трактатъ и приложенныя къ нему конвенціи помѣщены въ Приложеніяхъ къ 4-му тому, на стран. 64—71.

(*) При составленіи этой главы, авторъ пользовался замѣчаніями К. К. Злобина.

ОБЪЯСНЕНІЕ

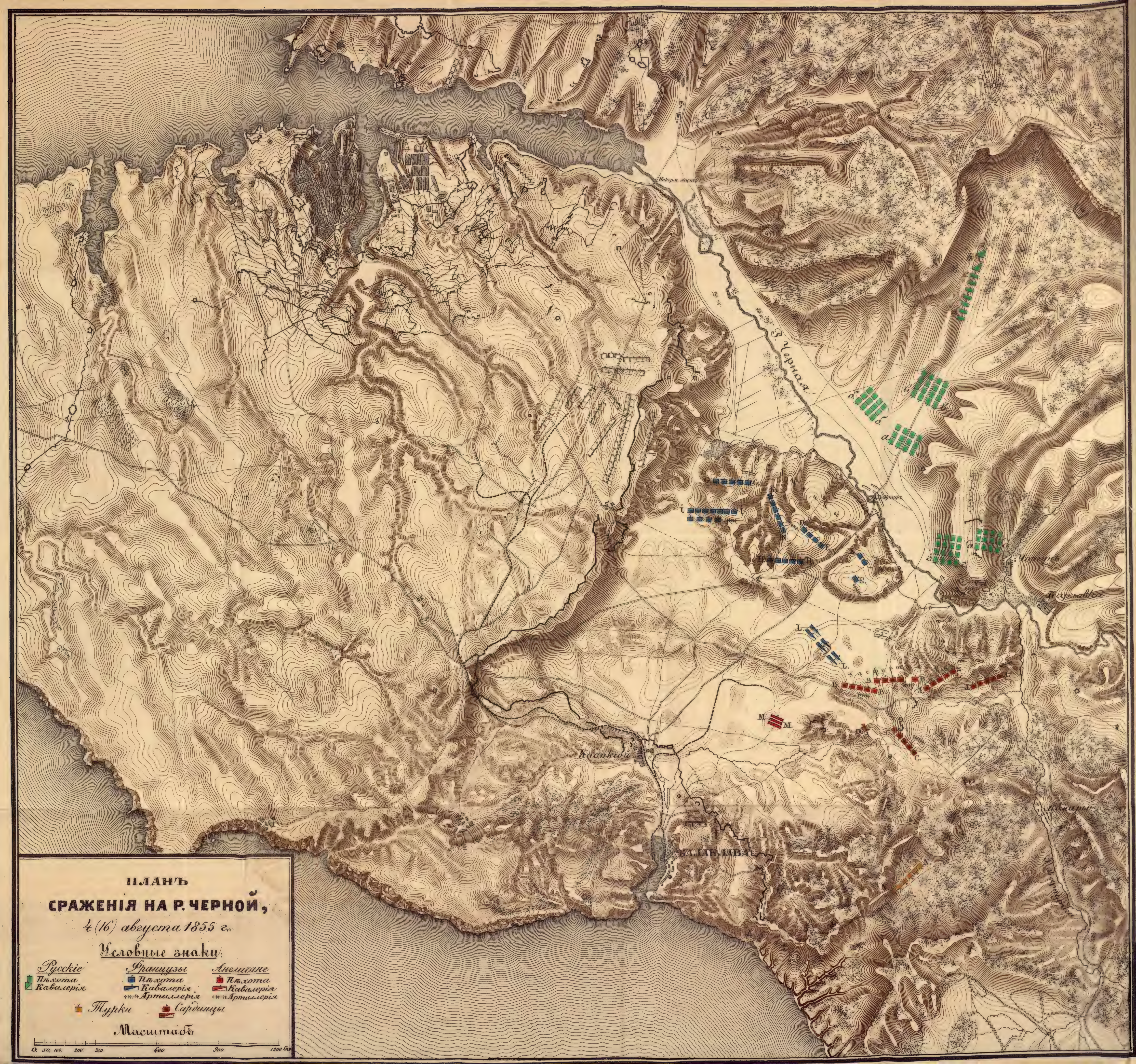
къ плану сраженія на р. Черной.

Союзныя войска.

A. A. дивизія Дурандо.
B. B. » Тротти.
C. C. бригада Джустиніани.
D. кавалерія Савоару.
E. E. F. F. дивизія Фоше.
K. K. бригада Вимпфена.
G. G. бригада дивизіи Каму.
H. H. H. дивизія Гербильона.
L. L. кавалерія Морриса.
M. M. » Скерлета.
N. N. Турецкія войска.

Русскія войска.

а. а. 12-я дивизія.
б. б. 7-я »
в. в. 5-я »
г. г. 17-я »
д. д. войска Бельгарда.
е. е. 4-я дивизія.
к. кавалерія.

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ НА Р. ЧЕРНОЙ,
4 (16) августа 1855 г.
Условные знаки:
Русскіе
Пѣхота
Кавалерія
Французы
Пѣхота
Кавалерія
Артиллерія
Англичане
Пѣхота
Кавалерія
Артиллерія
Турки
Сардинцы
Масштабъ
0. 50. 100. 200. 300. 600 900 1200
Р. Черная
БАЛАКЛАВА

ГЛАВА XXXIII.

Сраженіе на Черной.

(4-го (16-го) августа 1855 года).

Нельзя отрицать пользы военныхъ совѣтовъ, созываемыхъ для обсужденія важныхъ вопросовъ, встрѣчающихся при веденіи войны. Опытность главныхъ сподвижниковъ можетъ указать даже геніальному полководцу средства для достиженія задуманной имъ цѣли дѣйствій. Но самое рѣшеніе важныхъ вопросовъ не должно зависѣть отъ многоразличныхъ, нерѣдко противорѣчащихъ одно другому, мнѣній. Мы знаемъ, что даже Суворовъ иногда созывалъ военный совѣтъ, какъ наприм. при осадѣ Измаила; но уже тогда, когда измаильскій штурмъ былъ непреложно рѣшенъ въ умѣ его, и когда оставалось ему только, убѣдивъ членовъ совѣта въ необходимости труднаго подвига, возбудить ихъ усердіе къ исполненію возлагаемыхъ на нихъ дѣйствій.

Что касается до собственнаго мнѣнія князя Горчакова о предстоявшемъ вопросѣ, то, съ самаго принятія главнаго начальства надъ войсками въ Крыму, нашъ главнокомандующій не переставалъ высказываться о необходимости ограничиваться пассивною

обороною и воздерживаться отъ рѣшительнаго наступленія. Такъ, между прочимъ, въ письмѣ его къ военному министру, находимъ: „Было бы просто сумашествіемъ начать наступленіе противъ превосходнаго въ числѣ непріятеля, главныя силы котораго занимаютъ, кромѣ того, недоступныя позиціи. Первый день я бы двинулся впередъ; второй — я бы отбросилъ непріятельскій авангардъ и написалъ бы великолѣпную реляцію; третій день я былъ бы разбитъ, съ потерею отъ 10 до 15 тысячъ человѣкъ, и четвертый день Севастополь и значительная часть арміи были бы потеряны. Если бы я дѣйствовалъ иначе, Севастополь уже болѣе мѣсяца принадлежалъ бы непріятелю, и вашъ покорнѣйшій слуга былъ бы между Днѣпромъ и Перекопомъ ([1])... Я бы желалъ, любезный князь, чтобы вы убѣдились въ одной истинѣ, которую я считаю непреложною, а именно, что принятая мною система осторожности есть конечно наилучшая, которой можно было послѣдовать, и что полученные чрезъ нее результаты доставили неисчислимую выгоду для Россіи“ ([2]).

При всей невыгодѣ пассивной обороны, нельзя не сознать, что, какъ только мы не воспользовались зимою съ 1854 на 1855 годъ для уничтоженія непріятельской арміи, то намъ ничего не оставалось, какъ только отстаивать шагъ за шагомъ Севастополь, въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій и наступленія глубокой осени, которая, по всей вѣроятности, заставила-бы Союзниковъ отказаться отъ ихъ предпріятія и удалиться изъ Крыма. Но всѣ ожидаемыя нами подкрѣпленія едва могли вознаградить постоянныя потери гарнизона отъ бомбардированія и болѣзней, а осаждающій могъ еще болѣе усилиться. Да и невозможно было удержать до осени непріятеля, подошедшаго столь близко къ оборонительной линіи.

Ежедневно выбывали изъ нашихъ рядовъ защитники Севастополя; остальные же, изнемогая при всемъ своемъ усердіи, жаждали боя, который могъ-бы измѣнить ихъ невыносимое положеніе, и не скрывали своего желанія. Ихъ поддерживалъ генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій, прибывшій изъ Петербурга еще въ половинѣ іюня, чтобы собрать на мѣстѣ свѣдѣнія, въ которыхъ нуждалось военное министерство, и войти лично въ сношенія съ главнокомандующимъ, на счетъ различныхъ вопросовъ, касающихся продовольствія и подкрѣпленія Крымской арміи ([3]). Генералъ Вревскій, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Крыму, пришелъ къ заключенію, что „оставаться до осени въ настоящемъ положеніи—значило-бы понапрасну истощать собственныя силы; ибо Севастополь, даже безъ усиленнаго бомбардированія и не считая обыкновенной убыли отъ болѣзней, поглощалъ ежедневно круглымъ числомъ до 250-ти человѣкъ. По разсчету, выведенному изъ вѣдомости о потерѣ нашихъ войскъ, оказалось, что въ девять дней, съ 1-го (13-го) по 9-е (21-е) іюля, у насъ выбыло изъ строя отъ непріятельскаго огня 2,260 человѣкъ, слѣдовательно до ноября мы потеряли бы еще около 30-ти тысячъ человѣкъ, между тѣмъ какъ непріятель могъ значительно усилиться. Къ этому надлежало присовокупить потерю достойнѣйшихъ начальниковъ; остававшіеся-же на своихъ мѣстахъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изнемогали въ силахъ физическихъ и нравственныхъ, а лица вновь прибывающія должны были знакомиться съ положеніемъ дѣлъ и пріучаться къ совершенно новой для нихъ дѣятельности. Наконецъ—продовольствованіе войскъ было сопряжено съ чрезвычайными затрудненіями, а недостатокъ сѣна не позволялъ содержать до зимы и уменьшенное число лошадей“. На основаніи этихъ соображеній, генералъ

Вревскій полагалъ необходимымъ: „по прибытіи ожидаемыхъ подкрѣпленій, не отлагая далѣе, предпринять чтó-либо рѣшительное, дабы, во что бы ни стало, выдти изъ того тяжкаго положенія, которое гарнизонъ Севастопольскій выдерживаетъ уже болѣе 10-ти мѣсяцевъ“ (4).

Князь Горчаковъ, увѣренный въ невозможности успѣха наступательныхъ дѣйствій, не обладалъ достаточною силою характера для поддержанія своего мнѣнія, и подъ вліяніемъ генерала Вревскаго, волнуемый болѣе нежели когда-либо всегдашнимъ опасеніемъ своимъ: чтó скажутъ въ Петербургѣ о бездѣйствіи Крымской арміи, рѣшился атаковать непріятельскую армію. какъ только прибудутъ двигавшіяся тогда къ Севастополю три дивизіи. Донося Государю о своемъ намѣреніи, князь Горчаковъ писалъ, что какъ, до прихода ожидаемыхъ нами подкрѣпленій, Союзники будутъ такъ-же усилены, то всѣ невыгоды будутъ на нашей сторонѣ. „По сему— полагалъ главнокомандующій — весьма было-бы желательно продолжать систему темпоризаціи до осени; но наврядъ-ли это будетъ возможно. Постепенное сближеніе подступовъ непріятеля къ нашимъ веркамъ поставитъ Севастополь въ крайне опасное положеніе. Имѣя это въ виду, я приготовляю все для аттаки по прибытіи сюда 4-й, 5-й и 7-й резервной дивизій, но рѣшусь на нее только по необходимости...“ (5).

Въ запискѣ, представленной на Высочайшее имя, князь Горчаковъ, изложивъ необходимость, для спасенія Севастополя, перейти къ наступленію, какъ только прибудутъ 4-я, 5-я и 7-я резервная дивизіи, т. е, около 1-го августа, писалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о невозможности овладѣть укрѣпленными высотами Сапунъ-горы. По мнѣнію главнокомандующаго: „необ-

ходимо было ограничиться попыткою — сбить главныя силы непріятельскаго обсерваціоннаго корпуса съ позиціи по лѣвую сторону рѣки Черной, на высотахъ Өедюхиныхъ и Гасфортовыхъ (противъ сел. Чоргунъ). Занятіе нами этихъ высотъ будетъ имѣть важныя послѣдствія: мы стѣснимъ непріятеля, лишимъ его изобильнаго водопоя въ р. Черной и станемъ столь близко отъ позиціи Сапунъ-горы, что будемъ ей угрожать ежечаснымъ нападеніемъ, такъ что непріятель не можетъ штурмовать Севастополь, не опасаясь атаки въ тылъ во время штурма; притомъ, подобный первый успѣхъ нашъ уронитъ духъ непріятеля и можетъ быть откроетъ виды для дальнѣйшихъ выгодныхъ дѣйствій. Но не должно обманывать себя. За успѣхъ и этой атаки ручаться невозможно...“ ([6]).

Государь Императоръ. не задолго до полученія отъ главнокомандующаго войсками въ Крыму записки о предположенныхъ имъ дѣйствіяхъ, удостоилъ его Высочайшимъ отзывомъ, въ которомъ писалъ:

....„Ежедневныя потери неодолимаго Севастопольскаго гарнизона, все болѣе и болѣе ослабляющія численность войскъ вашихъ, которыя едва замѣняются вновь прибывающими подкрѣпленіями, приводятъ Меня еще болѣе къ *убѣжденію*, выраженному въ послѣднемъ Моемъ письмѣ, *въ необходимости предпринять что либо рѣшительное, дабы положить конецъ сей ужасной бойнѣ*, могущей имѣть наконецъ пагубное вліяніе на духъ гарнизона.

„Въ столь важныхъ обстоятельствахъ, дабы облегчить нѣкоторымъ образомъ лежащую на васъ отвѣтственность, предлагаю вамъ собрать изъ достойныхъ и опытныхъ сотрудниковъ вашихъ *военный совѣтъ*. Пускай жизненный вопросъ этотъ будетъ въ

немъ со всѣхъ сторонъ обсуженъ, и тогда, призвавъ на помощь Бога, *приступите къ исполненію того, что признается наивыгоднѣйшимъ.*

„Опасенія ваши на счетъ высадки Союзниковъ у Перекопа полагаю *преувеличенными*; въ худшемъ случаѣ, т. е. еслибы имъ и удалось временно занять этотъ пунктъ, Я считаю войска, находящіяся въ Крыму, по представленнымъ вами свѣдѣніямъ, обезпеченными, какъ по продовольственной, такъ и по артиллерійской части, на 4 мѣсяца...“ ([7]).

Очевидно, что главнокомандующій, не былъ нисколько стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ Высочайшими повелѣніями, въ которыхъ было только указано собрать военный совѣтъ для рѣшенія важнаго вопроса о предстоявшихъ дѣйствіяхъ, и что самое мнѣніе военнаго совѣта не обязывало князя Горчакова отказаться отъ собственнаго убѣжденія, но оно, къ сожалѣнію, вмѣсто рѣшительныхъ, энергическихъ дѣйствій, заставило нашего главнокомандующаго ограничиться полу-мѣрами, недостаточными для достиженія предположенной цѣли.

Во исполненіе Высочайшей воли, главнокомандующій собралъ, 28-го іюля (9-го августа), военный совѣтъ изъ слѣдующихъ лицъ: генералъ-адъютантовъ, графа Сакена и Коцебу, генералъ-лейтенантовъ Сержпутовскаго, Липранди, Бухмейера, Бутурлина, Хрулева, Ушакова *), Семякина и вице-адмирала Новосильскаго **). Кромѣ этихъ лицъ, отъ которыхъ князь Горчаковъ требовалъ мнѣнія, въ совѣтѣ присутствовали: генералъ-адъютантъ Вревскій,

*) Дежурный генералъ Крымской арміи.

**) Генералъ-адъютантъ Реадъ и генералъ-маіоръ Веймарнъ, за болѣзнію, не участвовали въ совѣтѣ.

а также, для разныхъ объясненій, начальники штабовъ: генералъ-маіоры Крыжановскій и князь Васильчиковъ, полковники Исаковъ и Козляниновъ и генералъ-интендантъ арміи, генералъ-маіоръ Затлеръ. Объяснивъ членамъ совѣта положеніе дѣлъ, князь Горчаковъ предложилъ имъ представить на другой день письменно мнѣнія свои въ разрѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ:

„Ополченіе предназначенное въ мое распоряженіе, независимо отъ Курскихъ дружинъ, окончательно можетъ собраться къ Перекопу, только къ концу октября.

„По приблизительному соображенію генералъ-интенданта, войска, въ нынѣшнемъ своемъ составѣ, могутъ довольствоваться сѣномъ въ Крыму, до 15-го октября. Если-же уменьшить число лошадей на половину, то сѣна достанетъ до половины января; если на 3/4 лошадей, то по 15-е апрѣля, т. е. до появленія подножнаго корма.

„И такъ, нынѣ настало время рѣшить неотлагательно вопросъ о предстоящемъ намъ образѣ дѣйствій въ Крыму: продолжать-ли пассивную защиту Севастополя, стараясь только выигрывать время и не видя впереди никакого опредѣленнаго исхода,— или-же, немедленно по прибытіи войскъ 2-го корпуса и Курскаго ополченія, перейти въ рѣшительное наступленіе?

„Вопросъ этотъ предлагаю на ваше обсужденіе и въ дополненіе онаго, если мы не должны долѣе оставаться въ пассивномъ положеніи, то:

„1) Какое дѣйствіе предпринять?

„2) Въ какое время?“

На слѣдующій день, 29-го іюля (10-го августа), лица, участвовавшія въ совѣтѣ, представили свои

мнѣнія, большинство коихъ высказалось въ пользу наступленія со стороны р. Черной.

Генералъ-адъютантъ *графъ Сакенъ* полагалъ, что всякое предпріятіе, не ведущее къ снятію осады, имѣло-бы послѣдствіемъ безполезное кровопролитіе; что, съ другой стороны, пассивная оборона рано или поздно должна повлечь за собою паденіе Севастополя и потерю лучшей, испытанной части арміи. Превосходство непріятеля въ числѣ войскъ не позволитъ намъ атаковать его со стороны Черной иначе, какъ ослабивъ Севастопольскій гарнизонъ. Если-же предпримемъ наступленіе изъ Севастополя, то попадемъ въ лабиринтъ укрѣпленій и траншей съ глубокими профилями. И потому—намъ не остается ничего болѣе, какъ очистить Южную сторону и собравъ всю Крымскую армію, дѣйствовать въ полѣ.

По мнѣнію генералъ-адъютанта *Коцебу*, надлежало ускорить развязку дѣлъ подъ Севастополемъ, и для этого атаковать непріятеля со стороны Чоргуна, не ожидая прибытія всѣхъ дружинъ Курскаго ополченія.

Генералъ-лейтенантъ *Сержпутовскій* выразилъ мнѣніе, что хотя съ тѣми силами, которыя состоятъ въ нашемъ распоряженіи, невозможно сбить непріятеля съ Сапунъ-горы и заставить его снять осаду Севастополя, однакоже слѣдуетъ немедленно атаковать Федюхины и смѣжныя съ ними горы, поддержавъ эту атаку, въ случаѣ спуска непріятеля въ значительныхъ силахъ съ Сапунъ-горы къ Чоргуну, вылазкою изъ Севастополя на Камчатскій редутъ и демонстраціею съ Городской стороны на лѣвый флангъ непріятельской позиціи, слабо занятый Союзниками.

Генералъ-лейтенантъ *Липранди* полагалъ, съ прибытіемъ первыхъ дружинъ ополченія, атаковать непріятеля со стороны Чоргуна, гдѣ можно удобнѣе

развернуть силы, нежели со стороны Корабельной, непосредственнымъ послѣдствіемъ чего было-бы занятіе нашими войсками теченія рѣки Черной, а потомъ уже предстояло-бы судить о возможности атаковать Сапунъ-гору. Успѣхъ на р. Черной стѣснитъ непріятеля, но насколько онъ можетъ замедлить осаду Севастополя—заключить трудно.

По мнѣнію генералъ-лейтенанта *Бухмейера*, не смотря на продолжительное сопротивленіе Севастополя, нельзя не предвидѣть, что непріятель приближается постоянно, хотя медленно, и тѣмъ пріобрѣтаетъ возможность предпринять внезапное нападеніе значительными силами, что̀ заставляетъ насъ держать въ готовности на оборонительной линіи много войскъ и терпѣть ежедневную огромную убыль. Имѣя въ виду, что численность обѣихъ противныхъ сторонъ почти равна, надлежало предпочесть наступательныя дѣйствія въ полѣ пассивной оборонѣ, чтобы, оттѣснивъ непріятеля, примкнуть позицію войскъ дѣйствующихъ въ полѣ къ крѣпости и войти въ связь съ гарнизономъ Южной стороны. Для этого генералъ Бухмейеръ предлагалъ безотлагательно атаковать непріятеля на Черной рѣчкѣ двумя отрядами, устремивъ правый, сильнѣйшій, на Ѳедюхины горы, а лѣвый, для демонстраціи—на правую оконечность позиціи Союзниковъ; по овладѣніи же Ѳедюхиными высотами, правый отрядъ долженъ быть направленъ, для занятія Сапунъ-горы одновременно съ вылазкою гарнизона Корабельной стороны къ редуту Викторія, гдѣ предполагалось соединить оба отряда, между тѣмъ какъ лѣвый отрядъ, оттѣснивъ Сардинцевъ и Турокъ къ сел. Кадикіой, разобщитъ ихъ съ Французами и Англичанами. По соединеніи праваго отряда съ Черной рѣчки съ гарнизономъ Корабельной стороны, они должны занять позицію между Ма-

лаховымъ курганомъ и хуторомъ Соколовскаго и устроить мѣстами полевыя укрѣпленія, которыя въ послѣдствіи могутъ быть постепенно усилены.

Генералъ-лейтенантъ *Бутурлинъ* изъявилъ мнѣніе, что оставаться въ пассивномъ положеніи, не имѣя въ виду никакого опредѣленнаго исхода, значило-бы не выигрывать, а терять время, и приготовить не только паденіе Севастополя, но и потерю всего Крымскаго полуострова, и по тому предложилъ, выждавъ прибытія первыхъ дружинъ ополченія, атаковать непріятеля со стороны Черной, овладѣть Гасфортовою и Ѳедюхиными высотами, укрѣпиться на нихъ, и оставя на нихъ часть войскъ, съ прочими отойти на Мекензіеву позицію и въ Чоргунъ, гдѣ оставаться во всегдашней готовности встрѣтить непріятеля, еслибы онъ предпринялъ вновь овладѣть Ѳедюхиными высотами, или самимъ атаковать Сапунъ-гору, еслибы онъ двинулся на приступъ Севастополя.

Дежурный генералъ *Ушаковъ* полагалъ, что было выгодно продолжать пассивную оборону города до 1-го ноября, во первыхъ, по тому, что тогда мы получимъ въ подкрѣпленіе отъ 40 до 50 тыс. челов. государственнаго ополченія и прибудутъ къ намъ до 4,500 рекрутъ, и во вторыхъ, въ октябрѣ наступитъ время года менѣе благопріятное для осаждающихъ, нежели для насъ. Но пассивная оборона можетъ быть нарушена со стороны непріятеля сильною бомбардировкою и даже штурмомъ. На эти два случая, надобно быть готовыми заблаговременно, и тогда, ни мало не медля, атаковать непріятеля въ полѣ. При рѣшительномъ наступленіи съ нашей стороны, всего выгоднѣе направить главную атаку на Чоргунъ, поддержавъ эту атаку другою на Уральскія (Ѳедюхины) горы, а для развлеченія непріятеля, въ тоже время,

сдѣлать вылазки: одну, сильную, изъ Корниловскаго бастіона, и другую, фальшивую — изъ центра или праваго фланга оборонительной линіи.

Генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ*, подобно графу Сакену, полагалъ, что атака со стороны рѣки Черной, даже при успѣхѣ, немогла доставить существенныхъ результатовъ, и что было несравненно выгоднѣе повести рѣшительную атаку съ Корабельной стороны, овладѣть Камчатскимъ редутомъ, 24-хъ-орудійною батареею, Зеленою горою, и наконецъ редутомъ Викторіею; затѣмъ вытѣснить непріятеля съ оконечности Сапунъ-горы за Киленъ-балкою и утвердиться на пространствѣ между Каменоломнымъ оврагомъ и Делагардіевою балкою. Еслиже это предположеніе сочтется неудобоисполнимымъ, то оставалась—по мнѣнію Хрулева—рѣшительная мѣра, которую онъ считалъ болѣе дѣйствительною и вѣрнѣе ведущею къ главной цѣли — изгнанію Союзниковъ изъ Крыма. Онъ предлагалъ, укрѣпивъ и вооруживъ орудіями большаго калибра Сѣверную сторону бухты, вывести гарнизонъ изъ города и Корабельной слободки, взорвать оставленныя нами укрѣпленія, и перейти со всею арміею въ числѣ 90 тыс. челов. въ наступательное положеніе. Въ другой запискѣ, поданной главнокомандующему генераломъ Хрулевымъ, изложенъ третій планъ дѣйствій, заключавшійся въ томъ, чтобы, оставя правую (Городскую) сторону оборонительной линіи, сосредоточить на Корабельной сторонѣ до 75-ти тыс. человѣкъ и расположить на Инкерманѣ, для прикрытія Сѣверной стороны, 15 тыс. челов. пѣхоты и всю кавалерію. Съ этими войсками, по мнѣнію Хрулева, можно было навѣрно овладѣть высотами командующими Корабельною стороною и утвердиться на Сапунъ-

горѣ, послѣ чего мы могли окончательно оттѣснить Союзниковъ къ морю.

Генералъ-лейтенантъ *Семякинъ*, изложивъ невыгоды, какъ пассивнаго положенія, такъ и рѣшительной атаки со стороны Севастополя, либо со стороны Черной рѣчки, признавалъ необходимымъ: совершенно оставить Южную сторону и перевести войска со всѣми годными орудіями и снарядами на Сѣверную сторону, уничтоживъ остальное взрывами.

Вице-адмиралъ *Новосильскій*, исчисливъ невыгоды пассивнаго положенія, предложилъ немедленно начать наступательныя дѣйствія, не выжидая ни прибытія Курскихъ дружинъ, ни построенія моста чрезъ Большую бухту (9).

Получивъ отзывы лицъ, участвовавшихъ въ военномъ совѣтѣ, главнокомандующій рѣшился, согласно съ мнѣніемъ большинства членовъ, атаковать Союзниковъ со стороны Черной. Очищеніе безъ боя Южной стороны было отвергнуто княземъ Горчаковымъ. Да и какъ онъ могъ принять его? Оставленіе Севастополя, послѣ тѣхъ жертвъ, которыхъ намъ стоила его оборона, было почти равносильно уступкѣ непріятелю Москвы въ 1812 году; а князь Горчаковъ не обладалъ авторитетомъ Кутузова. Несравненно было удобнѣе, сложивъ съ себя отвѣтственность, приступить къ исполненію плана дѣйствій, одобреннаго большинствомъ членовъ совѣта. Наканунѣ сраженія, главнокомандующій писалъ военному министру: „Я иду противъ непріятеля, потому что еслибы я этого не сдѣлалъ, Севастополь все равно палъ-бы въ скоромъ времени. Непріятель дѣйствуетъ медленно и осторожно; онъ собралъ невѣроятное множество снарядовъ на своихъ батареяхъ; его подступы насъ стѣсняютъ болѣе и болѣе, и нѣтъ почти ни одного пункта въ Севастополѣ, который

не подвергался-бы его выстрѣламъ. Пули свищутъ на Николаевской площади. Нельзя заблуждаться пустыми надеждами; я иду па встрѣчу непріятелю при самыхъ плохихъ обстоятельствахъ. Его позиція весьма сильна: правый флангъ его па Гасфортовой горѣ, которой скаты почти отвѣсны и тщательно укрѣплены; а лѣвый—на Ѳедюхиныхъ высотахъ, за глубокимъ наполненнымъ водою каналомъ, черезъ который можно перейти не иначе какъ по мостамъ, наброcаннымъ подъ сильнымъ огнемъ непріятельскимъ. У меня 43 тысячи челов. пѣхоты; а у непріятеля, если онъ распорядится по надлежащему, 60 тысячъ. Ежели—на что я впрочемъ мало надѣюсь — мнѣ послужитъ счастіе, я постараюсь воспользоваться успѣхомъ. Въ противномъ случаѣ, придется положиться на волю Божію. Я отойду на высоты Мекензи и постараюсь очистить Севастополь съ наименьшею потерею. Надѣюсь, что мостъ на бухтѣ поспѣетъ въ пору и что это облегчитъ мои дѣйствія. Не оставьте вспомнить о своемъ обѣщаніи — оправдать меня. Если дѣла примутъ дурной оборотъ, я нисколько не виноватъ въ томъ. Я сдѣлалъ все возможное. Но задача была слишкомъ трудна съ самаго прибытія моего въ Крымъ" ([10]).

Князь Горчаковъ, уже по донесеніи Государю о результатѣ военнаго совѣта и о намѣреніи своемъ— атаковать непріятеля со стороны Черной рѣчки, пожелалъ узнать мнѣніе генерала Тотлебена на счетъ предположенныхъ дѣйствій, и съ этою цѣлью, въ сопровожденіи генералъ-адъютантовъ Коцебу и барона Вревскаго, посѣтилъ раненаго Тотлебена на Бельбекѣ, 2-го (14-го) августа, и просилъ его высказать свой взглядъ на этотъ предметъ. Генералъ Тотлебенъ не одобрялъ наступленія къ Черной. Указавъ на благопріятныя для непріятеля обстоятель-

ства—мѣстныя выгоды и превосходство силъ его - Тотлебенъ изъявилъ сомнѣніе въ успѣхѣ атаки на Ѳедюхины высоты. Да и самое овладѣніе этимъ пунктомъ не послужило-бы ни къ чему: немыслимо было разсчитывать на успѣхъ при атакѣ неприступной позиціи на Сапунъ-горѣ, подъ огнемъ батарей, вооруженныхъ орудіями большаго калибра, и, по всей вѣроятности, мы не могли-бы удержаться на Ѳедюхиныхъ высотахъ, уступая непріятелю и въ числѣ войскъ, и въ вооруженіи ихъ; а Союзники, по прежнему, владѣя Сапунъ-горою и Балаклавою, продолжали-бы осаду. По мнѣнію генерала Тотлебена, удобнѣе было атаковать непріятеля значительными силами со стороны Корабельной, между Киленъ-балкою и Лабораторною балкою, но для успѣха въ томъ онъ полагалъ непремѣннымъ условіемъ—произвести всѣ предварительныя распоряженія къ наступленію совершенно скрытно и напасть на непріятеля неожиданно. Самъ Тотлебенъ, не смотря на страданія отъ раны, занимался тогда составленіемъ плана для предположеннаго имъ нападенія, не скрывая, сопряженныхъ съ нимъ затрудненій. Главнокомандующій, призпавъ основательность доводовъ генерала Тотлебена, уже былъ готовъ отказаться отъ предпріятія, на которое рѣшался противъ собственнаго убѣжденія, слѣдуя мнѣнію высказанному большинствомъ лицъ, которые однако-же были во многомъ несогласны между собою въ подробностяхъ исполненія предложенныхъ ими плановъ. Напротивъ того, баронъ Вревскій, въ порывѣ неудовольствія на генерала Тотлебена, сказалъ ему, что на него падетъ вся отвѣтственность за стараніе отклонить главнокомандующаго отъ принятаго имъ рѣшенія. Князь Горчаковъ колебался въ своемъ намѣреніи и, разставаясь съ Тотлебеномъ, по видимому, предполагалъ отложить

на время атаку непріятельской позиціи; но, по возвращеніи въ главную квартиру, находясь подъ вліяніемъ Вревскаго, Бутурлина и другихъ лицъ, которые не командовали никакими частями войскъ и въ случаѣ неудачи дѣйствій не подвергались ни малѣйшей отвѣтственности, снова склонился на сторону прежняго плана — атаковать непріятеля на р. Черной ([11]). Сосредоточеніе войскъ къ Мекензіевой горѣ и къ верховью Бельбека, начавшееся въ послѣднихъ числахъ іюля (въ началѣ августа н. ст.), продолжалось дѣятельно и предполагаемое нападеніе было заранѣе извѣстно не только у насъ, но и въ непріятельской арміи; 2-го (14-го) августа, перебѣжчикъ отъ непріятеля показалъ, что на Черной ждутъ нападенія Русскихъ. Дѣйствительно—Союзники могли разгадать намѣреніе князя Горчакова изъ нѣсколькихъ нашихъ рекогносцировокъ къ рѣчкѣ Черной, и къ тому-же у насъ не скрывали намѣренія—дать рѣшительное сраженіе. Въ главной квартирѣ былъ многочисленный штабъ; офицеры, при немъ состоявшіе, большею частью не были взяты изъ фронта, а наѣхали въ армію изъ всей Россіи, съ цѣлью пріобрѣсти чины и отличія; въ средѣ ихъ—какъ выразился одинъ изъ участниковъ обороны Севастополя—господствовалъ духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія. Не имѣя никакихъ опредѣленныхъ занятій, они употребляли, или, лучше сказать, убивали время на сплетни, которыя расходились въ ихъ пустой перепискѣ и достигали Петербурга къ немалому безпокойству князя Горчакова, придававшаго особую важность свѣтской молвѣ ([12]).

Положеніе его было безисходно. Донося Государю о намѣреніи своемъ—атаковать непріятеля, онъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе убѣждался въ

невозможности успѣха. Дѣйствительно—всѣ выгоды были на сторонѣ Союзниковъ.

Позиція, занятая ихъ войсками съ 13-го (25-го) мая, на лѣвой сторонѣ р. Черной, была весьма сильна. Она находилась на возвышенностяхъ, простирающихся по лѣвому берегу рѣки, правую (восточную) сторону коихъ—*Гасфортовы высоты*—занимали сардинскіе войска, а лѣвую (западную)—*Ѳедюхины высоты*—Французы. Подъ названіемъ *Ѳедюхиныхъ горъ* извѣстны три отдѣльныя возвышенности, разобщенныя между собою глубокими оврагами. Всѣ эти высоты представляли для Союзниковъ ту выгоду, что онѣ обращены къ Балаклавской долинѣ отлогою стороною и, напротивъ того, къ сторонѣ Черной-рѣчки образуютъ крутые спуски. Позиція Союзниковъ была прикрыта съ фронта рѣчкою Черною, которая, пройдя ущеліе выше селенія Чоргуна, течетъ далѣе къ Инкерману въ долинѣ, омывая подножія высотъ Черкесъ-Керманскихъ и Мекензіевыхъ, лежащихъ отъ нея къ сѣверу, и высотъ Гасфорта и Ѳедюхиныхъ—лежащихъ къ югу. Рѣчка Черная, на всемъ протяженіи своемъ, отъ селенія Чоргуна до устья, имѣетъ отъ одной до 4-хъ саженъ ширины и отъ 2-хъ до 6-ти фут. глубины, и мѣстами переходима въ бродъ; но позиція Союзниковъ была прикрыта, независимо отъ Черной, водопроводнымъ каналомъ, который идетъ отъ Чоргуна до Севастополя вдоль лѣваго берега рѣки и въ разстояніи отъ нея около пятидесяти саженъ. Черезъ этотъ глубокій каналъ можно было переходить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по мостикамъ: переправа-же чрезъ него въ бродъ затруднялась каменною одеждою береговъ канала. На Черной находились два моста: одинъ изъ нихъ, каменный, на дорогѣ ведущей отъ Мекензіевыхъ высотъ къ Балаклавѣ,

чрезъ Ѳедюхины горы, получилъ отъ Французовъ названіе *Трактирнаго* (pont de Traktir), по причинѣ трактира, бывшаго здѣсь прежде на правомъ берегу Черной; а другой, около версты выше, на дорогѣ отъ позиціи Союзниковъ къ Телеграфной горѣ, занятой передовымъ постомъ Сардинцевъ, подъ прикрытіемъ эполемента. Мостъ у трактира на Черной, образующей здѣсь входящій, выгодный для обороны, уголъ, былъ прикрытъ небольшимъ слабой профили предмостнымъ укрѣпленіемъ, въ видѣ реданта; а позади, на лѣвомъ берегу рѣки, сооружены два эполемента, для фланкированія фасовъ укрѣпленія. На горѣ Гасфорта было построено нѣсколько батарей, а Ѳедюхины высоты усилены ложементами для стрѣлковъ, расположенными въ нѣсколько ярусовъ. Еще несравненно сильнѣе были укрѣпленія, возведенныя Французами на Сапунъ-горѣ.

Союзныя войска расположились на этой позиціи слѣдующимъ образомъ.

Высоты Гасфорта, противъ сел. Чоргуна, были заняты сардинскими войсками, въ числѣ 9-ти тысячъ челов. при 36-ти орудіяхъ, подъ начальствомъ генерала Ламармора: на правомъ крылѣ, примыкая къ рѣчкѣ Варнуткѣ, стояла дивизія Дурандо (10 батал.); на лѣвомъ — дивизія Тротти (10 батал.); позади въ резервѣ—резервная бригада Джустиніани (5 батал.), кавалерія полковника Савоару (4 эскадр.) и крѣпостная артиллерія ([13]).

На высотахъ Ѳедюхиныхъ стояли французскія войска, въ числѣ около 18-ти тыс. челов. при 48-ми орудіяхъ, подъ начальствомъ генерала Гербильона (Herbillon): на правомъ (восточномъ) возвышеніи была расположена 1-я бригада дивизіи Фоше (3 батал.) съ 6-ю орудіями; а влѣво отъ большой балаклавской дороги, на господствующемъ пунктѣ средняго воз-

вышенія,—2-я бригада той-же дивизіи (4 батал.) и часть бригады Вимпфена, изъ дивизіи Каму (6 батал.) при 6-ти орудіяхъ; на лѣвомъ-же (западномъ) возвышеніи—остальныя войска дивизіи Каму (7 батал.) съ 6-ю орудіями; въ резервѣ оставалась дивизія Гербильона, изъ которой одна часть (5 батал.) была назначена въ подкрѣпленіе дивизіи Фоше, а другая (7 батал.) при 30-ти конныхъ орудіяхъ — для поддержки дивизіи Каму и для связи войскъ, занимавшихъ Ѳедюхины высоты, съ войсками, прикрывавшими осадныя работы противъ Корабельной ([14]). Кавалерійская дивизія генерала Морриса (20 эскадр.), въ числѣ до 2,600 чел. также находилась на балаклавской равнинѣ, между Гасфортовыми и Ѳедюхиными высотами ([15]); англійская-же кавалерія генерала Скерлета (30 эскадрон.) у Кадикіой, въ готовности поддержать Французовъ ([16]). Турецкій корпусъ, въ числѣ до 10-ти тыс. челов. съ 36-ю орудіями, подъ начальствомъ Османа-паши, занималъ высоты правѣе сел. Камары ([17]), а генералъ д'Алонвиль, съ 20-ю эскадронами, 2-мя баталіонами и 12-ю конными орудіями, стоялъ на бивакахъ, въ Байдарской долинѣ ([18]). Вообще-же, въ случаѣ нашей атаки на Черной, Союзники могли встрѣтить насъ на первый разъ сорока тысячами человѣкъ съ 120-ю орудіями ([19]), а потомъ, по прибытіи кавалеріи Скерлета и части французскихъ войскъ съ позиціи на Сапунъ-горѣ, 60-ю тысячами человѣкъ.

Русская армія занимала столь-же сильную укрѣпленную позицію на высотахъ Инкерманскихъ и Мекензіевыхъ. Кромѣ большой балаклавской дороги, единственнаго мѣста, гдѣ наша позиція могла быть атакована непріятелемъ и гдѣ мы могли спуститься въ долину Черной для нападенія на Союзниковъ, была другая дорога, ведущая чрезъ Юкары-Кара-

лезское ущеліе, и далѣе, по долинѣ рѣчки Шули, къ Чоргуну, въ разстояніи болѣе двухъ верстъ отъ главнаго спуска съ Мекензіевыхъ высотъ; но эта дорога извивалась среди непрерывныхъ ущелій, и наступающая по ней колонна былабы лишена содѣйствія прочихъ войскъ, пока Телеграфная высота и котловина передъ Ѳедюхиными горами оставались въ рукахъ непріятеля. Кромѣ того, было нѣсколько тропинокъ, неудобныхъ для движенія большими массами и непроходимыхъ для артиллеріи, тѣмъ болѣе, что для неожиданнаго нападенія предстояло намъ спуститься въ долину Черной въ темную южную ночь ([20]).

Въ концѣ іюля (въ первыхъ числахъ августа), генералъ Симпсонъ сообщилъ генералу Гербильону полученное отъ лазутчиковъ свѣдѣніе о приготовленіи въ русскомъ лагерѣ мостовъ и другихъ средствъ къ переправѣ. Хотя въ слѣдствіе такого извѣстія, Французы приняли нѣкоторыя мѣры предосторожности на случай нечаяннаго нападенія, однако-же не было обращено на этотъ предметъ надлежащаго вниманія ([21]), быть можетъ по тому, что наши приготовленія были слишкомъ явны.

Въ продолженіи времени съ 25-го іюля по 3-е августа (съ 6-го по 15-е августа), между тѣмъ какъ наша армія усиливалась подкрѣпленіями (*), производились почти ежедневно обозрѣнія Ѳедюхиныхъ высотъ и р. Черной.

Въ диспозиціи для наступленія войскъ Крымской арміи съ 3-го на 4-е (съ 15-го на 16-е) августа, было сказано:

„1) Корпусъ праваго фланга, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Реада ($25^1/_4$ баталіоновъ, 8

(*) Эти подкрѣпленія состояли изъ 4-й, 5-й и 7-й резервной пѣхотныхъ дивизій.

эскадроновъ, 6 сотенъ, 62 орудія), 3-го августа, съ наступленіемъ сумерекъ и получивъ предварительное приказаніе, спускается съ Мекензіевой горы и располагается въ резервномъ порядкѣ на высотѣ новаго редута, правѣе большой дороги.

„Съ разсвѣтомъ 4-го августа 7-я и 12-я пѣхотныя дивизіи строятся въ боевой порядокъ, имѣя кавалерію въ резервѣ, и одновременно съ движеніемъ генералъ-лейтенанта Липранди къ Телеграфной горѣ, о коемъ упоминается ниже сего, сближаются къ Черной рѣкѣ настолько, чтобы обстрѣливать Ѳедюхины высоты, и приготовляются форсировать переправу черезъ р. Черную. Для чего особыя команды съ переносными мостами для пѣхоты и артиллеріи, заранѣе обученныя набрасыванію оныхъ, должны находиться при 7-й и 12-й пѣхотныхъ дивизіяхъ.

„Для переправы черезъ р. Черную и атаки Ѳедюхиныхъ высотъ генералъ-адъютантъ Реадъ ожидаетъ приказанія г. главнокомандующаго.

„По овладѣніи среднею и лѣвою высотами, корпусъ сей выстраивается на нихъ въ боевой порядокъ, фронтомъ частью къ Сапунъ-горѣ, частью— къ сторонѣ непріятеля, и выдвигаетъ на позицію въ обоихъ направленіяхъ сильную артиллерію; что-же касается до правой высоты, то, сбивъ съ нея непріятеля, занимаютъ оную однѣ передовыя части.

„По окончаніи боя, войска сего корпуса приступаютъ къ возведенію укрѣпленій на Ѳедюхиныхъ высотахъ.

„2) Корпусъ лѣваго фланга, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди ($30^1/_4$ баталіоновъ, греческій легіонъ, 2 сотни, 70 орудій), 3-го августа, въ сумерки, выступаетъ въ двухъ колоннахъ: правая, подъ непосредственнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди (17 баталіоновъ, 28 ору-

дій), спускается съ Мекензіевой горы вслѣдъ за войсками генералъ-адъютанта Реада; лѣвая колонна, генералъ-лейтенанта Бельгарда ($13^1/_4$ баталіоновъ, 1 легіонъ, 2 сотни, 42 орудія), идетъ на Юкары-Каралезъ, по дорогѣ къ Чоргуну, и на ночь останавливается на Мокрой-Луговинѣ, принимая всѣ мѣры предосторожности, чтобы не возбудить вниманіе непріятеля. Правая колонна, спустившись съ Мекензіевой горы, строится въ резервный порядокъ на высотѣ новаго редута, лѣвѣе большой дороги. Движеніе это генералъ-лейтенантъ Липранди долженъ совершить какъ можно скрытнѣе.

„Съ разсвѣтомъ 4-го августа генералъ-лейтенантъ Липранди атакуетъ Телеграфную гору. Въ тоже время войска генералъ-лейтенанта Бельгарда быстро выдвигаются къ Чоргуну, двумя отдѣлами, и выстраиваютъ двѣ батареи: одну—на хребтѣ, что̀ вправо отъ Чоргунской дороги, для обстрѣливанія горы Телеграфной; другую—на хребтѣ, что̀ лѣвѣе этой дороги, для обстрѣливанія долины Чоргуна и горы Гасфорта. По взятіи Телеграфной горы весь лѣвый корпусъ готовится къ переправѣ черезъ р. Черную, для атаки Гасфорта горы, на что̀ и ожидаетъ приказанія г-на главнокомандующаго.

„3) Главный пѣхотный резервъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шепелева ($30^1/_2$ баталіоновъ, 36 орудій), 3-го августа, послѣ обѣда, выступаетъ съ рѣчки Бельбека съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы прибыть на Мекензіеву гору къ 5-ти часамъ пополудни. 4-го августа, часа за два до разсвѣта, пѣхотный резервъ спускается двумя дорогами съ Мекензіевой горы и выстраивается въ резервный порядокъ позади войскъ генералъ-адъютанта Реада.

„4) Главный кавалерійскій резервъ, подъ началь-

ствомъ генерала-отъ-кавалеріи Шабельскаго (50 эскадроновъ, 9 сотенъ, 28 орудій), 3-го августа, въ сумерки, выступаетъ съ рѣки Бельбека, слѣдуетъ чрезъ с. Юкары-Каралезъ, за войсками генералъ-лейтенанта Бельгарда, до с. Шули, и останавливается на мѣстѣ, которое будетъ указано генеральнаго штаба капитаномъ Кебеке.

„4-го августа, часть кавалерійскаго резерва (34 эскадрона) выступаетъ съ разсвѣтомъ, слѣдуетъ долиною, что лѣвѣе Мекензіевыхъ высотъ, и располагается лѣвѣе артиллерійскаго резерва; остальные 16 эскадроновъ (1 полкъ драгунъ, 1 полкъ уланъ и батарея) остаются на мѣстѣ, подъ командою генералъ-лейтенанта барона Корфа.

„5) Артиллерійскій резервъ, подъ начальствомъ полковника князя Челокаева (76 орудій), прибываетъ 3-го августа, къ 6-ти часамъ вечера, на Мекензіеву гору. Передъ разсвѣтомъ 4-го августа, по полученіи особаго приказанія, артиллерійскій резервъ спускается съ Мекензіевой горы двумя дорогами и выстраивается сзади войскъ пѣхотнаго резерва.

„6) Лѣво-фланговый отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Миттона (6 баталіоновъ, 8 эскадроновъ, 10 сотенъ, 12 орудій), 3-го августа, утромъ, сосредоточивается впереди горы Мангутъ-Кале, по дорогѣ чрезъ Айтодоръ на Езенбашикъ, и распологается въ скрытномъ мѣстѣ; съ наступленіемъ-же сумерекъ направляется съ возможною поспѣшностью на Чамлы-Езенбашикъ, Упу и Кучки.

„На отрядъ сей возлагается обязанность наблюдать главные выходы на нашъ лѣвый флангъ отъ Байдарской долины и отъ Алсуя. Для сего генералъ-маіоръ Миттонъ становится съ главными силами своего отряда между с. Езенбашикъ и Кучки, около с. Упы, и сильно занимаетъ какъ Езенбашикъ, такъ

и Кучки. Часть пѣхоты, съ нѣсколькими казаками, должна быть выдвинута къ перевалу Байдарской долины. Отъ Упы и Кучекъ слѣдуетъ посылать разъѣзды по всѣмъ направленіямъ. Отрядъ генералъ-маіора Миттона долженъ быть, сверхъ того, постоянно въ сношеніяхъ съ тыльнымъ отрядомъ генералъ-маіора Халецкаго и съ колонною генералъ-лейтенанта Бельгарда.

„Въ случаѣ необходимости, отрядъ отступаетъ двумя отдѣлами на Айтодоръ и Шулю, удерживаясь въ сихъ мѣстахъ сколь возможно долѣе; при совершенной-же необходимости—отходитъ къ Юкары-Каралезскому ущелью, которое и защищаетъ до послѣдней крайности.

„7) Тыльный отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Халецкаго (8 эскадроновъ, 6 сотенъ, 4 орудія), прибываетъ 2-го августа въ с. Епи-Сала, гдѣ и расположится, имѣя казачій № 56 полкъ впереди, на постахъ, гдѣ онъ и нынѣ находится. На отрядъ сей возлагается наблюденіе за непріятелемъ со стороны Байдарской долины. Въ случаѣ появленія непріятеля въ превосходныхъ силахъ, отступать ему, задерживая непріятеля, по долинѣ Бельбека къ Албату, а если необходимость заставитъ, то и далѣе, ущельемъ этой рѣки, къ с. Ташъ-Басты, наблюдая вмѣстѣ съ тѣмъ дороги, ведущія къ р. Качѣ, изъ Албата на с. Пички и изъ Кучюкъ-Сюйреня, на Тиберти. Прибывъ въ Ташъ-Басты, присоединяетъ оставленную тамъ для защиты тѣснины роту Низовскаго егерскаго полка и удерживаетъ эту позицію до послѣдней крайности. Отрядъ этотъ долженъ находиться въ постоянной связи, посредствомъ разъѣздовъ, съ отрядомъ генералъ-маіора Миттона.

„8) Инкерманскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Попова ($6^1/_4$ баталіоновъ, 16 орудій,

3 сотни), назначается для прикрытія съ востока Сѣверной части гор. Севастополя и производства демонстраціи къ сторонѣ р. Черной и Сапунъ-горы.

„Господинъ главнокомандующій, 3-го августа, вечеромъ, будетъ находиться на Мекензіевой горѣ; 4-го-же августа, въ продолженіи наступленія, — на уступѣ Мекензіевой горы, близъ новаго редута, куда и присылать всѣ донесенія".

Независимо отъ общей диспозиціи, князь Горчаковъ, въ частныхъ диспозиціяхъ по войскамъ генераловъ: Реада, Липранди, главнаго пѣхотнаго и главнаго кавалерійскаго резервовъ, артиллерійскаго резерва, лѣво-фланговаго и тыльнаго отряда, и въ инструкціи для командующаго инкерманскимъ отрядомъ, подробно начерталъ правила, коими они должны были руководиться при исполненіи порученныхъ имъ дѣйствій.

Войска, назначенныя для атаки непріятельской позиціи, были раздѣлены на слѣдующіе отряды: *правое крыло*, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Реада, состояло изъ 25¼ баталіоновъ, 8 эскадроновъ, 6 казачьихъ сотенъ и 7½ батарей, въ числѣ 14,833 человѣкъ съ 62-мя орудіями; *лѣвое крыло*, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди — изъ 30¼ баталіоновъ, греческаго легіона, 2-хъ казачьихъ сотенъ и 7-ми батарей, въ числѣ 15,899 чел. съ 70-ю орудіями; *главный пѣхотный резервъ*, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шепелева, изъ 30½ баталіоновъ съ 4-мя батареями, всего-же 18,968 челов. съ 36-ю орудіями; *артиллерійскій резервъ*, подъ начальствомъ полковника Челокаева, изъ 8-ми батарей, въ числѣ 76-ти орудій; *главный кавалерійскій резервъ*, подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи Шабельскаго, изъ 50-ти эскадроновъ, 9-ти казачьихъ сотенъ и 3½ батарей, въ числѣ 8,195 чел.

съ 28-ю орудіями. Вообще-же для дѣйствія противъ непріятеля на Черной было назначено 47,622 челов. пѣхоты и 10,263 челов. кавалеріи съ 224-мя пѣшими и 48-ю конными орудіями ([22]).

На основаніи диспозиціи князя Горчакова, *войска генералъ-адъютанта Реада*, спустясь въ ночи съ 3-го на 4-е (съ 15-го на 16-е) августа съ Мекензіевой горы, должны были расположиться въ резервномъ порядкѣ, правѣе большой дороги; а съ разсвѣтомъ построиться въ боевой порядокъ, имѣя кавалерію въ резервѣ, и одновременно съ движеніемъ генералъ-лейтенанта Липранди къ Телеграфной горѣ сблизиться къ Черной рѣкѣ, открыть канонаду противъ Ѳедюхиныхъ высотъ и приготовиться къ форсированію переправы черезъ Черную и къ атакѣ Ѳедюхиныхъ высотъ, ожидая приказанія на то главнокомандующаго. *Войскамъ генералъ-лейтенанта Липранди* предписано выступить въ сумерки 3-го (15-го) августа двумя колоннами: правая, подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Липранди (17 бат. съ 28-ю орудіями), спускается съ Мекензіевой горы вслѣдъ за войсками генерала Реада и строится въ резервный порядокъ лѣвѣе большой дороги; а лѣвая, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Бельгарда ($13^1/_4$ батал., 1 легіонъ, 2 сотни, съ 42-мя орудіями), идетъ на Юкары-Каралесъ, по чоргунской дорогѣ, и въ ночи останавливается на Мокрой-Луговинѣ, по возможности скрытно. Съ разсвѣтомъ 4-го (16-го) августа, генералъ Липранди атакуетъ Телеграфную гору, а генералъ Бельгардъ быстро наступаетъ къ Чоргуну и выдвигаетъ двѣ батареи: одну на высоту вправо отъ чоргунской дороги, для обстрѣливанія Телеграфной горы, а другую на высоту влѣво отъ дороги, для обстрѣливанія долины Чоргуна и Гасфортовой горы; по занятіи-же Телеграф-

ной горы, весь корпусъ генерала Липранди готовится къ переправѣ черезъ Черную и къ атакѣ Гасфортовой горы, на что ожидаетъ приказанія главнокомандующаго. *Главный пѣхотный резервъ*, стоящій на верхнемъ Бельбекѣ, получилъ приказаніе — прибыть 3-го (15-го августа, къ 5-ти часамъ по полудни, на Мекензіеву гору, а на слѣдующій день, за два часа до разсвѣта, спуститься въ долину р. Черной и построиться въ резервный порядокъ за войсками генерала Реада. *Артиллерійскому резерву*—прибыть 3-го (15-го) августа, къ 6-ти часамъ вечера, на Мекензіеву гору, а передъ разсвѣтомъ спуститься съ горы и выстроиться сзади войскъ пѣхотнаго резерва. *Кавалерійскій резервъ* долженъ былъ выступить 3-го (15-го) августа въ сумерки съ рѣки Бельбека, до сел. Шули, а съ разсвѣтомъ часть резерва (34 эскадр.) двигается по долинѣ влѣво отъ Мекензіевыхъ высотъ и располагается лѣвѣе артиллерійскаго резерва; остальные-же 16 эскадроновъ, подъ командою генералъ-лейтенанта барона Корфа, остаются на мѣстѣ.

Главнокомандующій, предписывая обоимъ начальникамъ главныхъ отрядовъ, генераламъ Реаду и Липранди, приготовиться къ переправѣ черезъ Черную, но не приступать къ атакѣ Ѳедюхиныхъ и Гасфортовыхъ высотъ до его приказанія, имѣлъ въ виду избрать на мѣстѣ одинъ изъ слѣдующихъ трехъ родовъ дѣйствій: 1) повести атаку на высоту Гасфорта пѣхотою Липранди, поддержанною войсками Реада и резервами, оставя противъ Ѳедюхиныхъ горъ нѣсколько батарей подъ прикрытіемъ сильной кавалеріи, либо 2) атаковать Ѳедюхины горы пѣхотою Реада, поддержавъ его большею частью пѣхоты Липранди и главнымъ пѣхотнымъ резервомъ, или, наконецъ, 3) въ случаѣ, еслибы обѣ эти атаки оказа-

лись слишкомъ затруднительными, ограничиться усиленнымъ обозрѣніемъ непріятельской позиціи ([23]).

Для охраненія съ лѣваго фланга и тыла войскъ, предназначенныхъ для наступленія къ р. Черной, были составлены особые отряды.

Лѣво-фланговый отрядъ, въ составѣ 6-ти баталіоновъ, 8-ми эскадроновъ и 10-ти казачьихъ сотень, съ 12-ю орудіями, подъ начальствомъ генералъ-маіора Миттона ([24]), назначенный для наблюденія выходовъ изъ Байдарской долины и отъ сел. Алсуя, долженъ былъ, собравшись скрытно впереди горы Мангутъ-Кале, двинуться въ сумерки чрезъ Айтодоръ и Упу, къ сел. Кучки, и расположась тамъ, выслать разъѣзды по всѣмъ направленіямъ.

Тыльный отрядъ, въ составѣ 8-ми эскадроновъ и 6-ти сотенъ, съ 4-мя орудіями, подъ начальствомъ генералъ-маіора Халецкаго ([25]), назначенный для наблюденія Байдарской долины, былъ высланъ къ сел. Ени-Сала.

Инкерманскій отрядъ, въ составѣ 6¼ баталіоновъ при 16-ти орудіяхъ и 3-хъ сотенъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Попова 1-го, ([26]), былъ назначенъ для прикрытія съ востока Сѣверной части Севастополя и для демонстрацій къ нижней части р. Черной и къ Сапунъ-горѣ.

Князь Горчаковъ предполагалъ, въ случаѣ успѣха на р. Черной, довершить его сильною вылазкою (примѣрно въ числѣ 20 тыс. челов. пѣхоты) съ Корабельной либо изъ города. Составленіе диспозиціи для вылазки было сперва поручено генералу Хрулеву, а потомъ диспозиція составлена княземъ Васильчиковымъ ([27]).

Самъ главнокомандующій былъ намѣренъ находиться 3-го (15-го) августа, вечеромъ, на Мекензіевой горѣ, а 4-го (16-го), въ продолженіи наступле-

нія — на уступѣ Мекензієвой горы, близъ главнаго резерва ([28]).

Чтобы не затруднить войска на первое время заботами о подвозѣ продовольствія, князь Горчаковъ приказалъ всѣмъ людямъ имѣть при себѣ четырехъ-дневный запасъ сухарей, по фунту вареного мяса и манерки, наполненныя водою; а для лошадей фуражъ по положенію. Такимъ образомъ устранялась необходимость имѣть при войскахъ артельныя повозки и весь обозъ ограничивался патронными и зарядными ящиками и лазаретными фурами. Войскамъ было приказано взять съ собою шанцовой инструментъ ([29]).

Сообразно отданному по войскамъ приказанію, движеніе нашихъ войскъ, въ ночи съ 3-го (15-го) на 4-е (16-е) августа, было исполнено съ соблюденіемъ всевозможной тишины; по прибытіи на указанныя мѣста, запрещено раскладывать бивачные огни. Непріятель оставался въ совершенномъ невѣдѣніи о нашемъ наступленіи, и даже тогда, когда генералъ д'Алонвиль, замѣтивъ усиленіе русскихъ войскъ въ Байдарской долинѣ, донесъ о томъ по телеграфу генераламъ Пелисьè и Гербильону, они приняли наше движеніе за демонстрацію. Густой туманъ скрывалъ русскіе отряды; но въ четыре часа утра передовые посты сардинскаго корпуса донесли о появленіи противъ нихъ значительныхъ силъ ([30]). Союзники, ожидая уже нѣсколько дней нападенія съ нашей стороны, перестали вѣрить этимъ слухамъ, и по тому нашимъ войскамъ удалось подойти незамѣтно къ ихъ позиціямъ.

Князь Горчаковъ, еще до разсвѣта, съѣхавъ съ Мекензієвой горы къ такъ называемому новому ре-

дуту, гдѣ стояли наши резервы, увидѣлъ, что войска обоихъ нашихъ корпусовъ еще не приступили къ исполненію перваго дѣйствія указаннаго имъ въ диспозиціи, т. е. къ открытію канонады противъ непріятельской позиціи, и подозвавъ къ себѣ состоявшаго въ его свитѣ поручика Красовскаго, сказалъ ему: „Поѣзжайте къ генераламъ Липранди и Реаду и спросите у нихъ, что̀ они стоятъ? Пора начинать“, а самъ поѣхалъ къ войскамъ лѣваго отряда. Красовскій-же отправился туда еще прежде, нашелъ Липранди, и передавъ ему приказаніе главнокомандующаго, получилъ въ отвѣтъ: „сейчасъ отправлюсь“. Между тѣмъ, генералъ Реадъ, еще до полученія посланнаго къ нему приказанія, такъ-же открылъ канонаду какъ только послышались выстрѣлы у Липранди на нашемъ лѣвомъ флангѣ, а самъ съ своимъ штабомъ сталъ позади 12-й дивизіи, на небольшомъ пригоркѣ, у дороги ведущей къ мосту. Вскорѣ затѣмъ начальникъ артиллеріи 3-го корпуса генералъ-маіоръ Гагеманъ сказалъ ему, что огонь нашъ недѣйствителенъ, и что ядра ложились у подошвы горы, занятой непріятелемъ. Приказано было прекратить огонь, и начальникъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-маіоръ Веймарнъ, еще не оправившійся отъ тяжкой болѣзни, но прибывшій къ войскамъ наканунѣ сраженія, поѣхалъ къ артиллеріи. Генералъ Реадъ, получивъ между тѣмъ отъ Красовскаго приказаніе главнокомандующаго — начать дѣло, спросилъ посланнаго: „Что̀ значитъ начинать? Огонь мы уже открывали и потомъ прекратили. Значитъ-ли это атаковать?“. И когда Красовскій повторилъ слово въ слово приказаніе князя Горчакова—„Хорошо, сказалъ Реадъ—скажите князю, что я атакую и прошу прислать подкрѣпле-

ніе“ *) ([31]). Затѣмъ, встрѣтивъ возвратившагося къ нему начальника штаба, Реадъ сказалъ ему: „général, il faut attaquer“ (генералъ, надо атаковать). По смыслу диспозиціи, надлежало ожидать на то приказанія, и по тому Веймарнъ, находя атаку преждевременною, отвѣчалъ, что наши войска еще не успѣли совершенно построиться, и что уланскій полкъ еще не сталъ на правомъ флангѣ, „je ne puis pas attendre; j'ai l'ordre du prince“ — (я не могу ждать: я получилъ приказаніе отъ князя)—отвѣчалъ рѣшительно Реадъ. Поручикъ Красовскій, возвратясь къ князю Горчакову, выразилъ свои опасенія на счетъ выполненія Реадомъ переданнаго ему приказанія, по тому, что онъ говорилъ не объ открытіи огня, а объ атакѣ. Князь Горчаковъ отвѣчалъ: „генералъ Реадъ знаетъ, что̀ ему слѣдуетъ дѣлать по диспозиціи“. Вскорѣ послѣ того, главнокомандующій, уже подъѣзжая къ отряду Липранди, услышалъ сильный ружейный огонь на правомъ флангѣ, а чрезъ нѣсколько минутъ прискакалъ адъютантъ генерала Реада Волковъ съ донесеніемъ: „предмостное укрѣпленіе взято, Французы бѣгутъ“. Удивленный нападеніемъ Реада, князь Горчаковъ послалъ ему черезъ Волкова приказаніе: „атаковать Ѳедюхины горы, выждавъ прибытіе 5-й дивизіи“, а самъ поскакалъ къ отряду Липранди, на Телеграфную гору, которая между тѣмъ, была атакована нашими войсками.

Сообразно диспозиціи, лѣвая колонна войскъ генерала Липранди, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Бельгарда, послѣ отдыха на Мокрой-Луговинѣ, выступила, 4-го (16-го) августа, въ половинѣ 3-го часа утра, къ Чоргуну, двумя колоннами: *лѣ-*

---

*) По свидѣтельству Красовскаго, генералъ Реадъ сказалъ ему: «хорошо, скажите князю, что я буду обстрѣливать мѣстность». Но эти слова не согласуются съ дѣйствіями Реада.

вая, состоявшая изъ 2-хъ баталіоновъ Низовскаго и 4-хъ баталіоновъ Симбирскаго егерскихъ полковъ, 2-хъ ротъ 3-го стрѣлковаго и одной роты 6-го сапернаго баталіоновъ, съ двумя батарейными батареями, слѣдовала лѣвымъ берегомъ рѣчки Шули къ высотамъ противъ сел. Карловки, гдѣ занявъ позицію, открыла, около 4-хъ часовъ утра, огонь изъ 10-ти орудій по сардинскимъ укрѣпленіямъ Телеграфной горы, а изъ 14-ти по Гасфортовой горѣ. *Правая* колонна, въ составѣ 2-хъ баталіоновъ Днѣпровскаго пѣхотнаго полка, съ легкою батареею № 8, двинулась правымъ берегомъ Шули и заняла на горѣ позицію, съ которой, одновременно съ артиллеріей лѣвой колонны, стала обстрѣливать съ тыла укрѣпленія на Телеграфной горѣ. Греческій легіонъ спустился въ Карловское ущеліе и занялъ дер. Карловку; а 2 баталіона Низовскаго и 2 баталіона Днѣпровскаго полковъ, съ легкою батареей № 6, слѣдовали въ резервѣ по чоргунской дорогѣ.

Прочія-же войска отряда Липранди, подъ его непосредственнымъ начальствомъ, въ составѣ 16-ти баталіоновъ 17-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Веселитскаго, 3-хъ ротъ 6-го стрѣлковаго и одной роты 3-го сапернаго баталіоновъ, при двухъ батарейныхъ и одной легкой батареяхъ, двинулись правѣе войскъ Бельгарда и выстроились на походѣ въ боевой порядокъ противъ линіи сардинскихъ укрѣпленій Телеграфной горы: 2-й баталіонъ Московскаго пѣхотнаго полка былъ посланъ влѣво на высоты, для охраненія отряда отъ обхода со стороны Чоргунскаго ущелья, и одна рота 6-го стрѣлковаго баталіона выдвинута для обстрѣливанія слѣва передняго непріятельскаго ложемента. Генералъ Веселитскій поставилъ на ближайшей отъ Телеграфной горы высотѣ батарейную № 3 батарею 17-й бригады, ко-

торая открыла огонь съ фронта по непріятельскимъ укрѣпленіямъ одновременно съ канонадою въ ихъ тылъ и правый флангъ артиллеріи Бельгарда. Въ половинѣ 6-го часа утра, генералъ Ламармора, усиливъ три роты, занимавшія Телеграфную гору 4-мъ баталіономъ берсальеровъ, построилъ свой корпусъ на Гасфортовой горѣ: на правомъ крылѣ, для обороны выхода изъ долины р. Варнутки, была расположена дивизія Дурандо; на лѣвомъ, въ промежуткѣ между высотами Гасфорта и Ѳедюхиными, дивизія Тротти; въ резервѣ—бригада Джустиніани; одна изъ сардинскихъ батарей стала на высотѣ противъ деревни Карловки; другая—на уступѣ горы, противъ моста, находящагося на чоргунской дорогѣ; кромѣ того, на вершинѣ горы, впереди редута, была поставлена англійская гаубичная батарея, для пораженія продольнымъ огнемъ русскихъ батарей выше Карловки. Тогда-же генералъ Ламармора извѣстилъ о наступленіи нашихъ войскъ Османа-пашу, предлагая ему двинуться впередъ, для прикрытія съ праваго фланга сардинской позиціи.

Какъ только батарейная батарея, выдвинутая генераломъ Весселитскимъ противъ Телеграфной горы, сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ, то двинулся въ атаку 4-й баталіонъ Тарутинскихъ егерей, въ ротныхъ колоннахъ, подъ прикрытіемъ густой цѣпи охотниковъ своего полка и стрѣлковъ одной роты 6-го стрѣлковаго баталіона. Не смотря на сильный ружейный огонь непріятеля, наши егеря выбивъ его, сперва изъ передней траншеи и потомъ изъ втораго эполемента, заставили поспѣшно отступить частью въ послѣднее укрѣпленіе, на высотѣ у праваго берега р. Черной, частью къ чоргунскому мосту, гдѣ Сардинцы стали переходить на другую сторону рѣки, подъ сильнымъ огнемъ нашей пѣхоты. По занятіи нашими

ми войсками Телеграфной высоты, на ней расположилась батарейная № 3-го батарея, которая тотчасъ открыла огонь, какъ по возвышенію, занятому Сардинцами на правой сторонѣ рѣки, и по непріятелю, собравшемуся у моста, такъ и по высотѣ Гасфорта, куда, тогда-же, былъ обращенъ огонь артиллеріи Бельгарда (32).

Успѣхъ дѣйствій нашего лѣваго крыла заставилъ князя Горчакова, по совѣщаніи съ начальникомъ главнаго штаба арміи, генералъ-адъютантомъ Коцебу, рѣшиться на атаку Гасфортовой горы всѣми войсками генерала Липранди, поддержанными 5-ою пѣхотною дивизіей, стоявшею въ головѣ пѣхотнаго резерва. Эта дивизія, получивъ приказаніе главнокомандующаго — направиться на усиленіе лѣваго крыла, уже взошла на Телеграфную гору, когда въ долинѣ Черной рѣчки раздалась сильная ружейная пальба, и вслѣдъ затѣмъ начальникъ 5-й дивизіи, генералъ-маіоръ Вранкенъ получилъ переданное полковникомъ Меньковымъ приказаніе главнокомандующаго — идти къ каменному (Трактирному) мосту и поступить въ распоряженіе генералъ-адъютанта Реада (33). Такимъ образомъ князь Горчаковъ, увлеченный первоначальнымъ успѣхомъ праваго крыла, отказался отъ своего прежняго намѣренія—повести главную атаку лѣвымъ крыломъ на Гасфортову высоту и рѣшился поддержать нападеніе Реада на Ѳедюхины горы.

Между тѣмъ генералъ Реадъ двинулся впередъ и построилъ свои войска на походѣ въ боевой порядокъ: первую линію—въ ротныя, прочія—въ баталіонныя колонны. 12-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора Мартинау, была направлена вдоль большой дороги къ Трактирному мосту, а 7-я пѣхотная дивизія, генералъ-лейтенанта Ушакова—къ броду ниже

моста. Прикрытіе послѣдней дивизіи съ праваго фланга было возложено на уланскій Ея Импер. Высочества Великой Княгини Екатерины Михаиловны (Елисаветградскій) и донской казачій № 37 полки съ конно-легкою № 26 батареею. Дойдя до ближайшихъ къ рѣкѣ высотъ праваго берега, генералъ Реадъ приказалъ открыть огонь противъ Өедюхиныхъ горъ изъ двухъ батарейныхъ и двухъ легкихъ батарей. Вскорѣ, (какъ уже сказано), прискакалъ поручикъ Красовскій съ приказаніемъ главнокомандующаго — „начать дѣло". Какъ, незадолго передъ тѣмъ, канонада батарей нашего праваго крыла была въ полномъ разгарѣ, то генералъ Реадъ не могъ отнести этихъ словъ къ дѣйствію артиллеріи, а полагалъ, что ему было приказано — начать атаку и повелъ войска впередъ, въ то самое время, когда главнокомандующій, готовясь атаковать Гасфортову гору, притянулъ къ лѣвому флангу 5-ю пѣхотную дивизію; но потомъ, будучи принужденъ измѣнить свое предположеніе, рѣшился поддержать атаку генерала Реада. Съ этой минуты князь Горчаковъ призналъ дѣло испорченнымъ ([34]).

Со стороны Французовъ, ближайшія къ Трактирному мосту войска были расположены слѣдующимъ образомъ: 1-й баталіонъ 95-го линейнаго полка съ 3-ею батареей 12-го артиллерійскаго полка стоялъ на средней возвышенности Өедюхиныхъ горъ; а 19-й егерскій баталіонъ съ 6-ою батареей 13-го артиллерійскаго полка—на восточной возвышенности; отрядъ отъ дивизіи генерала Фоше занималъ предмостное укрѣпленіе; въ резервѣ находились полки: 97-й линейный и 2-й зуавовъ.

Съ нашей стороны были направлены къ укрѣпленію, прикрывавшему Трактирный мостъ, три полка 12-й пѣхотной дивизіи: Азовскій, Украинскій и Одес-

скій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Мартинау; въ головѣ ихъ храбрые Одессцы, подъ командою полковника Скюдери, кинулись впередъ бѣгомъ, частью на предмостное укрѣпленіе, частью по сторонамъ его черезъ рѣку въ бродъ, глубиною до плечъ. Французы, устрашенные рѣшительнымъ наступленіемъ нашихъ войскъ, оставили тет-де-понъ, отошли за водопроводный каналъ и, будучи поддержаны резервами, открыли ружейный огонь; но войска 12-й дивизіи, не обращая на то вниманія, быстро перешли черезъ рѣку, и потомъ черезъ водопроводный каналъ, пользуясь отчасти переносными мостиками. Здѣсь, по свидѣтельству самихъ Французовъ, наша артиллерія, подъ начальствомъ генерала Гагемана, дѣйствовала весьма удачно ([35]). Цѣпь стрѣлковъ и за нею егеря 3-го и 4-го баталіоновъ Одесскаго полка, перейдя черезъ каналъ, взошли, подъ картечнымъ огнемъ, на первый уступъ средней Ѳедюхиной высоты, бросились на французскую батарею и захватили ее совершенно врасплохъ, не давъ непріятельскимъ артиллеристамъ времени взять орудія на передки. Къ сожалѣнію, при этой молодецкой атакѣ, смертельно раненъ отважный Скюдери и выбыла изъ фронта большая часть офицеровъ и солдатъ; непріятель такъ же потерялъ здѣсь болѣе 400 человѣкъ ([36]). Не смотря на жестокій огонь ближайшихъ французскихъ батарей, наши егеря порывались увезти два изъ захваченныхъ ими непріятельскихъ орудій; но прибытіе остальныхъ войскъ бригады Фальи и трехъ баталіоновъ бригады Клера (двухъ 62-го и одного 73-го полковъ) способствовало Французамъ удержаться на этомъ пунктѣ. Азовскій пѣхотный полкъ, штурмовавшій восточную Ѳедюхину высоту, такъ же былъ отраженъ непріятелемъ, имѣвшимъ на своей сторонѣ выгоды превосходства въ

числѣ и мѣстности. Французы, устоявъ на занятой ими позиціи, съ прибытіемъ свѣжихъ войскъ, перешли къ наступленію. 50-й линейный полкъ, (дивизіи Каму), высланный генераломъ Вимпфеномъ на помощь бригадѣ Фальи, сперва встрѣтилъ Одессцевъ батальнымъ огнемъ, а потомъ вмѣстѣ съ полками Фальи ударилъ въ штыки и заставилъ разстроенныя части 12-й дивизіи отойти за рѣку, причемъ мѣткій огонь двухъ французскихъ батарей, расположенныхъ на уступахъ Өедюхиныхъ горъ, нанесъ нашимъ войскамъ большой уронъ ([37]). Отступленію въ порядкѣ 12-й дивизіи способствовали поставленныя на скатѣ Телеграфной горы генералъ-маіоромъ Кишинскимъ двѣ батарейныя батареи, которыя, не смотря на значительное разстояніе отъ непріятеля (около 600 саженъ), дѣйствовали весьма удачно ([38]).

Начальникъ 7-й пѣхотной дивизіи, генералъ Ушаковъ, получивъ отъ генерала Реада, (который тогда находился при 12-й дивизіи), чрезъ его адъютанта, приказаніе: *начинать* и зная диспозицію, былъ приведенъ въ недоумѣніе — что́ начинать? Огонь уже былъ открытъ, а идти въ атаку было несвоевременно, потому что резервы (4-я и 5-я дивизіи) еще не спустились съ Мекензіевой горы. Генералъ Ушаковъ послалъ просить генералъ-адъютанта Реада о болѣе точномъ приказаніи. Прибывшій вслѣдъ за тѣмъ къ 7-й дивизіи оберъ-квартирмейстеръ 3-го корпуса генералъ-маіоръ Гротенфельдъ объявилъ, что „главнокомандующій приказалъ: *начинать*, но что́ именно — ему такъ-же не извѣстно.“ Въ это время со стороны 12-й дивизіи раздался батальный огонь, и по тому генералъ Ушаковъ, не ожидая опредѣлительнаго приказанія, быстро двинулся съ тремя полками въ бродъ черезъ Черную рѣчку и атаковалъ западный скатъ средней Өедюхиной высоты. Смоленскій-же полкъ

былъ оставленъ на правомъ берегу, для прикрытія артиллеріи, по совершенной невозможности перевезти орудія черезъ рѣку и водопроводный каналъ, за неимѣніемъ переносныхъ мостиковъ, отставшихъ при спускѣ съ Мекензіевой горы и въ послѣдствіи оказавшихся негодными. Такимъ образомъ нашимъ войскамъ пришлось наступать безъ содѣйствія артиллеріи, которая была заслонена пѣхотными колоннами, подъ сильнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей и пѣхоты расположенной въ нѣсколькихъ параллельныхъ ложементахъ на уступахъ Ѳедюхиной высоты. Не смотря однако же на то, войска 7-й дивизіи овладѣли нѣсколькими ложементами, но прибытіе французскихъ резервовъ остановило наши успѣхи. 3-й зуавскій и 82-й линейный полки дивизіи Каму ударили съ фронта и въ правый флангъ нашихъ войскъ, поражаемыхъ съ близкаго разстоянія картечью 4-й батареи 13-го полка. Генералъ Ушаковъ, лишенный содѣйствія 4-й пѣхотной дивизіи, отставшей далеко при спускѣ съ Мекензіевой горы, и потерявъ до 2,000 человѣкъ, былъ принужденъ отступить на правую сторону Черной, подъ прикрытіемъ огня артиллеріи, который, вмѣстѣ съ наступленіемъ уланъ и казаковъ, остановилъ Французовъ и далъ возможность 7-й дивизіи отойти въ порядкѣ къ подошвѣ Мекензіевыхъ высотъ ([39]).

Такимъ образомъ, около семи часовъ утра, непріятель владѣлъ лѣвымъ, а мы—правымъ берегомъ р. Черной. Сраженіе казалось оконченнымъ; но князь Горчаковъ, не успѣвъ поддержать первыхъ атакъ резервами, рѣшился возобновить бой свѣжими силами.

Командующій 5-ю пѣхотною дивизіей, генералъ-маіоръ Вранкенъ, храбрый кавказецъ, просилъ у генерала Реада позволенія атаковать непріятеля

цѣлою дивизіей, ручаясь за успѣхъ. Но Реадъ приказалъ ему, построивъ дивизію въ боевой порядокъ, штурмовать горы однимъ полкомъ. Генералъ Вранкенъ расположилъ въ первой линіи 3-й баталіонъ Галицкаго егерскаго полка, въ ротныхъ колоннахъ, прикрывъ ихъ цѣпью штуцерныхъ отъ всѣхъ полковъ дивизій; а во второй линіи поставилъ Костромской егерскій полкъ въ баталіонныхъ колоннахъ, назначивъ его для атаки Ѳедюхиныхъ горъ. Но когда Костромской полкъ съ барабаннымъ боемъ уже двинулся впередъ, подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, генералъ Реадъ приказалъ остановить его и вести въ атаку Галицкій полкъ. Не смотря на сильную канонаду и огонь французскихъ стрѣлковъ, занимавшихъ ложементы, Галицкій полкъ перешелъ Черную рѣчку и водопроводный каналъ и дошелъ до подошвы Ѳедюхиныхъ высотъ; но былъ опрокинутъ подоспѣвшими въ помощь бригадѣ Фальи полками Клера и отступилъ за Костромской полкъ. Тогда-же генералъ Гербильонъ отдалъ въ распоряженіе генерала Каму семь баталіоновъ бригады Сенсѐ и приказалъ полковнику Форжó съ пятью конными батареями, стоявшими въ резервѣ, занять позицію на Ѳедюхиныхъ высотахъ, гдѣ непріятель собралъ вмѣстѣ съ прежними восемь батарей. Генералъ Пелисье, узнавъ о наступленіи Русскихъ, двинулъ въ помощь корпусу Гербильона Императорскую гвардію и дивизіи Левальяна и Дюлака. Шесть турецкихъ баталіоновъ, подъ начальствомъ Зеферъ-паши, двинулись въ помощь правому крылу Союзниковъ, а дивизія африканскихъ конныхъ егерей генерала Моррнса и англійская кавалерія Скерлета готовились, въ случаѣ переправы нашихъ войскъ черезъ Черную, атаковать ихъ съ фланга ([40]).

Съ нашей стороны, въ это время, 7-я и 12-я пѣхотныя дивизіи уже отступили на правую сторону Черной, а войска Липранди ограничились занятіемъ Телеграфной горы: такимъ образомъ 5-я дивизія должна была бороться одна съ превосходными силами, и къ тому-же, генералъ Реадъ, вмѣсто дружнаго наступленія, вводилъ войска свои въ бой по частямъ. По отступленіи Галицкаго полка, онъ приказалъ вести въ атаку Костромской полкъ, долго стоявшій на мѣстѣ подъ непріятельскими выстрѣлами и ослабленный потерею многихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Начальникъ штаба генералъ-маіоръ Веймарнъ лично повелъ впередъ полкъ и былъ убитъ; незадолго передъ тѣмъ раненый генералъ Вранкенъ сдалъ начальство надъ дивизіею командиру 1-й бригады, генералъ-маіору Тулубьеву. Французы, допустивъ наши баталіоны подойти на близкое разстояніе, осыпали ихъ градомъ пуль и картечи. Потерявъ почти половину своихъ людей, Костромской полкъ былъ принужденъ отступить. Тогда генералъ Реадъ приказалъ дивизіонному квартирмейстеру, капитану Кузмину снова направить на штурмъ Галицкій полкъ, въ которомъ уже выбыли изъ строя: командиръ полка, три баталіонныхъ командира, много офицеровъ и огромное число нижнихъ чиновъ. Единственный остававшійся при полку штабъ-офицеръ, маіоръ Чертовъ контуженный въ ногу и сброшенный съ убитой подъ нимъ лошади, повелъ впередъ баталіоны, разстроенные прежнею атакою; не смотря на свою малочисленность, Галицкій полкъ снова занялъ мостовое прикрытіе и перешелъ черезъ рѣчку и каналъ, но не могъ устоять въ неравной борьбѣ. Туманъ, все еще покрывавшій долину, вмѣстѣ съ густымъ пороховымъ дымомъ, не позволявшій непріятелю ясно видѣть движенія нашихъ войскъ, умень-

шалъ мѣткость его огня, что̀ спасло наши войска отъ совершеннаго истребленія.

По отступленіи Галицкаго полка послѣ вторичнаго штурма, получено было приказаніе главнокомандующаго—атаковать горы цѣлою дивизіей; но какъ 2-я бригада была совершенно разстроена, то генералъ Реадъ приказалъ командовавшему 5-ою дивизіей генералъ-маіору Тулубьеву двинуть впередъ Вологодскій полкъ. Тулубьевъ, бывшій прежде командиромъ этого полка, хотѣлъ лично вести его на штурмъ; но едва лишь успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ былъ сильно контуженъ въ грудь и упалъ съ лошади. 3-й и 4-й баталіоны Вологодскаго полка въ одинъ мигъ выбили непріятеля изъ мостоваго укрѣпленія и устремились по мосту; другіе два баталіона перешли черезъ рѣку въ бродъ правѣе моста; но только горсть этихъ храбрыхъ, уцѣлѣвшая подъ жесточайшимъ огнемъ французскихъ батарей, успѣла взойти на высоты. Нѣсколько непріятельскихъ колоннъ, окруживъ остатки Вологодскаго полка, покушались отрѣзать ихъ, но они, благодаря присутствію духа командира 4-го баталіона, маіора Мѣдникова и успѣшному дѣйствію легкой № 5-го батареи капитана Бороздина, отступили на правую сторону рѣчки. Французы, послѣ отчаяннаго рукопашнаго боя, окончательно заняли предмостное укрѣпленіе.

Въ это самое время былъ пораженъ смертельно генералъ Реадъ осколкомъ гранаты, сорвавшимъ ему лѣвую часть головы. Тѣло его осталось въ рукахъ непріятеля. Въ 5-й пѣхотной дивизіи тогда уже выбыли изъ фронта: начальникъ дивизіи, генералъ-маіоръ Вранкенъ; оба бригадные командиры, генералъ-маіоры Тулубьевъ и Проскуряковъ, раненый четыре раза; всѣ четыре полковые командиры, де-

сять баталіонныхъ командировъ и болѣе ста офицеровъ. О потерѣ нижнихъ чиновъ можно судить по тому, что Архангелогородскій Великаго Князя Владиміра Александровича полкъ, еще не штурмовавшій непріятельскую позицію, потерялъ отъ огня 168 нижнихъ чиновъ. Когда прибылъ къ дивизіи назначенный командующимъ ею, на мѣсто Вранкена, генералъ-маіоръ Бѣлевцевъ, то въ полкахъ Галицкомъ, Костромскомъ и Вологодскомъ, перестроенныхъ изъ 4-хъ-баталіоннаго состава въ 2-хъ-баталіонный, сводные баталіоны оказались слабѣе тѣхъ, которые первоначально вступили въ дѣло. Ближайшій резервъ (4-я пѣхотная дивизія) находился въ разстояніи около 4-хъ верстъ отъ мѣста побоища ([41]).

Въ такомъ положеніи было дѣло около 8-ми часовъ утра, когда князь Горчаковъ, для отвлеченія непріятеля отъ войскъ направленныхъ противъ Ѳедюхиныхъ высотъ, приказалъ генералу Липранди атаковать восточную (правую) высоту Ѳедюхиныхъ горъ восемью баталіонами 1-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Гриббе. На Телеграфную-же гору, вмѣсто этой бригады, были переведены войска Бельгарда, кромѣ оставленныхъ на Чоргунской горѣ двухъ батарейныхъ батарей подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ Низовскаго егерскаго полка.

Войска генерала Гриббе спустились съ Телеграфной горы въ долину Черной, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, и перешли въ бродъ по поясъ въ водѣ черезъ рѣчку и водопроводный каналъ; въ головѣ шли Бутырцы, за ними Московцы. Эти храбрые полки смѣло атаковали восточную Ѳедюхину высоту, гдѣ Французы имѣли только четыре роты 19-го егерскаго баталіона; но пока наши взбирались на гору, непріятель былъ усиленъ пятью бата-

лiонами 62-го и 73-го полковъ бригады Клèра. Бутырцы, встрѣченные сильнымъ огнемъ и поражаемые во флангъ съ Гасфортовой высоты, неустрашимо шли впередъ и достигли вершины горы. Но убыль въ рядахъ ихъ была столь значительна, что генералъ Гриббе нашелъ нужнымъ выдвинуть въ первую линiю Московскiй полкъ. Командиръ его, подполковникъ Труневскiй, переведя свои баталiоны чрезъ интервалы Бутырскаго полка, ударилъ въ штыки, опрокинулъ Французовъ и достигъ до ихъ лагеря. Между тѣмъ подоспѣлъ въ помощь непрiятелю 14-й егерскiй полкъ бригады Сенсьè и появилась на нашемъ лѣвомъ флангѣ часть сардинской бригады Моллара, прибывшая съ высоты Гасфорта. Бригада генерала Гриббе, потерявъ своего командира, тяжело раненаго въ ногу, командира Бутырскаго полка, полковника Гернета и почти всѣхъ баталiонныхъ и ротныхъ командировъ, была принуждена податься назадъ. Генералъ Липранди прикрылъ отступленiе бригады Лейбъ-егерскимъ Бородинскимъ Его Величества полкомъ, послѣ чего всѣ три полка поднялись на Телеграфную гору и расположились тамъ, въ десятомъ часу утра.

Самъ главнокомандующiй, по смерти генерала Реада, лично принялъ на себя начальство надъ правымъ крыломъ, гдѣ — по словамъ очевидца — былъ адъ. Князь Горчаковъ, наблюдая за ходомъ дѣла, находился близъ самой рѣки, подъ сильнѣйшимъ картечнымъ огнемъ; при немъ оставались начальникъ главнаго штаба генералъ Коцебу и генералъ-адъютантъ баронъ Вревскiй; прочiя-же лица свиты главнокомандующаго получили приказанiе нѣсколько удалиться (42). По словамъ князя Горчакова, баронъ Вревскiй, видя плохой оборотъ дѣла, сказалъ ему: „Mon prince, faites retirer les troupes“ (князь, прика-

жите отступать войскамъ).—„Impossible, mon cher, il fallait y songer d'avance“ (невозможно, мой другъ, слѣдовало о томъ подумать прежде)—отвѣчалъ князь ([43]). Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, подъ генераломъ Вревскимъ была убита лошадь и самъ Вревскій получилъ контузію; но, желая сопровождать князя Горчакова, пересѣлъ на другую лошадь и спустя четверть часа былъ пораженъ ядромъ въ голову. Войска наши, вводимыя въ бой по частямъ, истощали напрасно свои усилія въ неравной борьбѣ. Наконецъ, въ 10-мъ часу утра, когда уже оказалось невозможнымъ одержать какой-либо успѣхъ, главнокомандующій приказалъ отвести войска отъ праваго берега Черной и расположилъ ихъ въ разстояніи небольшаго пушечнаго выстрѣла отъ рѣки, имѣя лѣвый флангъ на Телеграфной горѣ, а правый, составленный изъ кавалеріи, у подошвы Мекензіевыхъ горъ. Въ такомъ расположеніи русскія войска оставались четыре часа. „Князь Горчаковъ надѣялся, что непріятель, стянувъ свои войска, перейдетъ черезъ Черную и атакуетъ нашу позицію, гдѣ мы могли встрѣтить его сильнымъ огнемъ артиллеріи и потомъ атаковать его; но онъ этого не сдѣлалъ, почему, не имѣя возможности оставаться долѣе на мѣстахъ, гдѣ не было воды, войска наши получили приказаніе возвратиться на Мекензіеву позицію“ ([44]). Отрядъ генерала Бельгарда отступилъ къ Юкары-Каралезскому ущелью, кромѣ Днѣпровскаго пѣхотнаго полка, который присоединился къ своей (12-й) дивизіи ([45]).

Союзники, довольствуясь отраженіемъ русскихъ войскъ, не преслѣдовали ихъ далѣе рѣчки Черной. гдѣ французскія войска остановились, выслали стрѣлковъ къ лѣвому берегу и открыли огонь изъ ракетной батареи, стоявшей на Сапунъ-горѣ, по нашей

кавалеріи; Сардинцы-же снова заняли свои укрѣпленія на Телеграфной горѣ и Карловскія высоты; а Турки расположились на высотѣ Гасфорта. Генералъ Пелисье, успѣвъ собрать на высотахъ, обращенныхъ къ Черной, до 60 тыс. человѣкъ пѣхоты, смѣнилъ сражавшіяся войска́ свѣжими дивизіями: одна изъ бригадъ Дюла́ка, подъ начальствомъ Биссо́на, заняла предмостное укрѣпленіе, а другая — Сенъ-Поля — позади лежащія высоты; дивизія Меллине (Императорская гвардія) расположилась на средней Ѳедюхиной высотѣ, въ резервѣ; дивизія Левальяна, уже спускавшаяся съ Сапунъ-горы, была обращена назадъ и заняла свою прежнюю позицію ([16]).

Изъ всѣхъ нашихъ отдѣльныхъ отрядовъ только одинъ, *тыльный*, генералъ-маіора Халецкаго, имѣлъ 4-го (16) августа перестрѣлку съ непріятелемъ. По невозможности перевести черезъ перевалъ въ Байдарскую долину артиллерію, Халецкій оставилъ приданныя его отряду четыре орудія у Ени-Сала, подъ прикрытіемъ двухъ дивизіоновъ гусаръ, и перейдя черезъ перевалъ, заставилъ непріятеля отступить за Черную. За тѣмъ, расположивъ отрядъ впереди дер. Уркусты, генералъ Халецкій выслалъ сильный разъѣздъ по Байдарской долинѣ и открылъ сообщеніе съ отрядомъ генералъ-маіора Миттона. Вечеромъ наступленіе значительныхъ непріятельскихъ силъ заставило Халецкаго отступить къ Ени-Сала. Отрядъ Миттона занялъ сел. Чамлы-Узенбашикъ и простоялъ тамъ до разсвѣта 5-го (17-го) августа, а потомъ отошелъ, черезъ Айтодоръ, къ Юкары-Каралезъ.

Что-же касается до вылазки изъ Корабельной, которую предполагали произвести одновременно съ наступленіемъ отъ рѣки Черной, князь Горчаковъ отказался отъ этого предпріятія по причинамъ, из-

ложеннымъ имъ въ письмѣ къ военному министру, отъ 6-го (18-го августа, слѣдующимъ образомъ: „Непріятельскія параллели очень глубоки и расположенный въ нихъ траншейный караулъ весьма многочисленъ. Нельзя выдти противъ нихъ, не подвергая себя крайне убійственному ружейному огню и картечи многочисленныхъ батарей. Войска, вышедшія изъ нашихъ укрѣпленій, могли-бы занять ближайшую къ намъ параллель не иначе, какъ понеся огромный уронъ, что лишило-бы ихъ возможности овладѣть слѣдующею параллелью. Подобная вылазка стоила-бы мнѣ множества людей безъ всякой пользы, ибо непріятель былъ достаточно силенъ для отпора намъ съ обѣихъ сторонъ, и потому я предпочелъ сохранить мой гарнизонъ въ цѣлости, не подвергая его чрезвычайно убійственному бою, который, въ случаѣ невыгоднаго для насъ оборота, могъ привести непріятеля въ самую крѣпость вмѣстѣ съ войсками отбитой имъ вылазки“ ([47]).

Уронъ русскихъ войскъ въ сраженіи на рѣкѣ Черной вообще простирался свыше 8,000 человѣкъ, именно:

	Генераловъ.	Шт. и об.-офиц.	Нижн. чин.
Убитыми	3	69	2,273.
Ранеными	4	160	3,995.
Безъ вѣсти проп. .	—	31	1,742.

Огромность послѣдней цифры произошла отъ того, что многіе изъ нашихъ раненыхъ остались въ рукахъ непріятеля. Главною причиною тому было недоразумѣніе, въ слѣдствіе котораго музыканты съ носилками и медики съ перевязочными средствами не были распредѣлены за наступавшими колоннами, а отправлены всѣ въ долину рѣчки Шули. Для уборки раненыхъ пришлось брать рабочихъ изъ фронта

безъ посылокъ, что замедляя работу, ослабляло сражавшіеся полки. Наибольшую потерю понесли войска праваго крыла, именно: 6,613 человѣкъ; въ войскахъ-же лѣваго крыла выбыло изъ строя 1,397 челов., изъ коихъ въ колоннѣ генерала Бельгарда всего 14 человѣкъ (48).

Французы потеряли въ день 4-го (16-го) августа:

	Офицеровъ.	Нижн. чиновъ.
Убитыми	19	172
Ранеными	61	1,163
Безъ вѣсти пропавш.		146

Уронъ Сардинцевъ вообще простирался до 250 человѣкъ; въ числѣ убитыхъ былъ генералъ графъ Монтевеккіо.

Слѣдовательно у Союзниковъ выбыло изъ фронта всего на все 1,811 чел, (49).

Въ числѣ убитыхъ 4-го (16-го) августа былъ начальникъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-маіоръ Веймарнъ.

Петръ Владиміровичъ Веймарнъ воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда вышелъ въ артиллерію, участвовалъ въ польской войнѣ 1831 года и былъ на штурмѣ Варшавы. Затѣмъ, послѣ двухъ-годичнаго курса въ Императорской Военной Академіи, (что нынѣ Николаевская Академія генеральнаго штаба), Веймарнъ, въ чинѣ поручика, былъ переведенъ въ генеральный штабъ и съ того времени всѣ свободные часы отъ службы посвящалъ основательному образованію себя, какъ воина. Изучая исторію войнъ во всей подробности и нѣсколько языковъ, онъ, вмѣсто отдыха, подъ руководствомъ художника Ламне, занимался живописью. Въ Венгерскую войну 1849 года, Веймарнъ, въ чинѣ подполковника, исполнялъ трудныя обязанности капи-

тана надъ вожатыми, а въ кампаніи 1853 и 1854 годовъ, на Дунаѣ, производилъ рекогносцировки береговъ этой рѣки и принималъ участіе въ дѣйствіяхъ при осадѣ Силистріи. По выступленіи нашей арміи изъ Дунайскихъ княжествъ, Петръ Владиміровичъ, произведенный въ генералъ-маіоры, занимая должность начальника штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, получилъ возможность явить свою полезную дѣятельность въ бóльшихъ размѣрахъ. Въ письмѣ генерала Веймарна къ одному изъ его товарищей по службѣ, находимъ: „Распутица, холодная или мокрая погода, поспѣшность, съ которою должны слѣдовать войска въ Крымъ, сильно дѣйствуютъ на здоровье солдатъ; числительность нашего корпуса уменьшается ежедневно; много отсталыхъ, много и больныхъ. Ежедневно объѣзжаю нѣсколько эшелоновъ, употребляю всѣ средства, чтобы доставляемо было полное число обывательскихъ подводъ, дѣлаю все отъ меня зависящее для призрѣнія заболѣвающихъ; но климатъ и почва страны сильнѣе моихъ желаній и стараній, и я утомился до болѣзненнаго состоянія, не столько физически, сколько отъ душевнаго безпокойства и отъ сознанія человѣческаго безсилія въ борьбѣ со здѣшнею, степною природою...“ Въ іюлѣ 1855 года, онъ, находясь въ Севастополѣ, заболѣлъ опасно тифомъ и не успѣвъ еще оправиться, 3-го (15-го) августа, уже былъ на конѣ, при отрядѣ генералъ-адъютанта Реада, а на слѣдующій день— его не стало. Украшая скромностью свои достоинства, генералъ Веймарнъ былъ уважаемъ и любимъ всѣми его знавшими ([50]).

Въ тотъ-же день палъ, въ головѣ своихъ храбрыхъ солдатъ, полковой командиръ Одесскаго егерскаго полка, полковникъ Скюдери. Гигантъ ростомъ, герой въ душѣ, Александръ Петровичъ Скюдери

былъ созданъ для боевой жизни. Въ сраженіи при Ольтеницѣ, онъ велъ ввѣренный ему баталіонъ Якутскаго полка на штурмъ укрѣпленнаго карантина и былъ раненъ; но едва лишь нѣсколько оправился, какъ поспѣшилъ на службу, принялъ въ командованіе Одесскій полкъ, съ которымъ славно участвовалъ въ дѣлѣ при Балаклавѣ, 13-го (25-го) октября 1854 года, и былъ смертельно раненъ въ сраженіи при рѣкѣ Черной. Перенося съ необыкновеннымъ мужествомъ страданія отъ ранъ, онъ, умирая, произнесъ послѣднюю просьбу—о наградѣ крестами военнаго ордена четырехъ солдатъ Одесскаго полка, вынесшихъ его съ мѣста побоища ([51]).

Въ сраженіи при Алмѣ, не смотря на значительное превосходство непріятеля въ числѣ войскъ и лучшее вооруженіе его пѣхоты, мы могли имѣть надежду, пользуясь выгодами занятой нами позиціи, отразить союзниковъ, либо, по крайней мѣрѣ, замедлить ихъ движеніе къ Севастополю, гдѣ въ то время производились усиленныя инженерныя работы; въ сраженіи при Инкерманѣ, мы одержали-бы побѣду, еслибы войска Боске появились часомъ позже на мѣстѣ побоища. Напротивъ того, на рѣкѣ Черной, мы не могли надѣяться на успѣхъ наступленія противъ двойныхъ силъ непріятеля, занимавшихъ выгодную по мѣстнымъ качествамъ своимъ и тщательно укрѣпленную позицію. Ежели Союзники, послѣ десяти-мѣсячныхъ усилій, подойдя на разстояніе ста шаговъ къ нашей оборонительной линіи, обратившейся въ развалины, не рѣшались на штурмъ Севастополя, то какъ могли мы разсчитывать на какую-либо вѣроятность успѣха, предпринимая наступленіе, котораго конечною цѣлью была атака не-

сравненно сильнѣйшихъ укрѣпленій Сапунъ-горы? Подобное предпріятіе было такъ неосновательно, что даже тѣ, которые предлагали его, не были увѣрены въ его успѣхѣ; а самъ главнокомандующій нисколько не сомнѣвался въ его неудачѣ. Мы уже видѣли, что князь Горчаковъ уже былъ готовъ отказаться отъ своего намѣренія—атаковать непріятеля на Черной, и что его окончательно побудило устоять въ томъ вліяніе генерала барона Вревскаго. Весьма понятно было бы, если-бы главнокомандующій рѣшился на такой важный шагъ, слѣдуя совѣтамъ генерала Тотлебена, бывшаго душею защиты Севастополя, либо генерала Хрулева, постоянно готоваго на самые отважные подвиги; но какія правà на довѣріе главнокомандующаго могъ имѣть баронъ Вревскій, никогда не командовавшій никакою частью войскъ? И какія права имѣлъ самъ князь Горчаковъ жертвовать жизнью тысячей людей на дѣло, неудача котораго была ему очевидна?

При атакѣ непріятельской позиціи обыкновенно устремляютъ главную массу войскъ на такой пунктъ, овладѣніе которымъ можетъ оказать рѣшительное вліяніе на успѣхъ боя. Князь Горчаковъ имѣлъ въ виду два подобныхъ пункта: Ѳедюхины высоты и Гасфортову гору. Послѣдній для нашей атаки казался выгоднѣе тѣмъ, что былъ занятъ слабѣе, нежели первый, а овладѣніе нами Гасфортовой горы заставило-бы непріятеля очистить и Ѳедюхины высоты. Самъ князь Горчаковъ, оцѣнивъ эту выгоду, предполагалъ направить большую часть резерва на лѣвый флангъ и самъ поѣхалъ туда, чтобы лично руководить дѣйствіями войскъ Липранди и Бельгарда. Но несвоевременная атака Ѳедюхиныхъ горъ генераломъ Реадомъ заставила его обратить резервы и

отправиться на правый флангъ, т. е. атаковать сильнѣйшій пунктъ непріятельской позиціи.

На основаніи донесенія о дѣлѣ на Черной князя Горчакова, все дѣло было испорчено преждевременною атакою генерала Реада, который не понялъ полученнаго имъ приказанія. Но точное исполненіе приказаній обезпечивается, паче всего, ихъ опредѣленностью. Генералъ Реадъ, получивъ приказаніе: „начинать", весьма естественно спросилъ: „что̀ начинать?"—Этотъ вопросъ остался безъ разъясненія. Если въ чемъ можно винить Реада, то вовсе не въ томъ, что онъ не разгадалъ мысли главнокомандующаго; гораздо справедливѣе поставить ему въ укоръ атаку сильной непріятельской позиціи полками 5-й дивизіи, порознь, однимъ въ слѣдъ за другимъ, что̀ подвергло ихъ страшной потерѣ. Впрочемъ такое неискусное употребленіе войскъ, наступавшихъ безъ всякой взаимной между собой связи, видимъ въ продолженіе всего боя: сперва была введена въ огонь 12-я дивизія, нѣсколько позже—7-я; затѣмъ слѣдовали, одна послѣ другой, атаки Галицкаго, Костромскаго и Вологодскаго полковъ, и наконецъ—трехъ полковъ 17-й дивизіи.

Войска дрались храбро; начальники ихъ не щадили себя; но всѣ ихъ подвиги, не будучи направлены къ общей цѣли, были напрасны.

Князь Горчаковъ, доведя до свѣдѣнія Государя Императора о результатѣ сраженія 4-го (16-го) августа, писалъ:

„....Изъ вчерашней депеши Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, извѣстно уже, что наша атака не имѣла успѣха. На удачу я мало разсчитывалъ, но не думалъ понести столь большаго урона... Жаль

храбрыхъ, павшихъ по непонятному недоразумѣнію генерала Реада: жаль его самаго: онъ былъ въ полномъ смыслѣ рыцарь; жаль барона Вревскаго, генерала Веймарна и весьма большое число штабъ и оберъ-офицеровъ, убитыхъ и раненыхъ, коихъ не знаю какъ замѣнить; наконецъ—сердце стѣсняется, думая, что еслибы Реадъ держался въ точности моихъ приказаній, мы кончили-бы можетъ быть дѣло съ успѣхомъ, и что, по крайней мѣрѣ, треть храбрыхъ воиновъ, въ этотъ день потерянныхъ, была-бы еще въ нашихъ рядахъ.

„Теперь вся моя забота—переформировать наиболѣе потерпѣвшіе полки... На Мекензи непріятель меня не атакуетъ, а если атакуетъ, то милости просимъ... Но огромное бомбардированіе, угрожающее Севастополю, вѣроятно, скоро доведетъ насъ до необходимости очистить городъ. Надѣюсь, что до этой крайности мы не дойдемъ до окончанія моста черезъ бухту. Но Вашему Императорскому Величеству надобно быть готовымъ на все...“ ( ).

Государь Императоръ писалъ въ отвѣтъ князю Горчакову:

„...Огромная потеря нашихъ славныхъ войскъ, *безъ всякаго результата*, Меня крайне огорчаетъ. Сожалѣю отъ души о бѣдномъ Реадѣ, заплатившемъ кровью за свою ошибку, равно о Вревскомъ, Веймарнѣ и двухъ полковыхъ командирахъ, Моихъ старыхъ сослуживцахъ.

„Но какъ все это не прискорбно, Я не унываю, а, покоряясь безропотно волѣ Божіей, не теряю надежды, что Онъ насъ не оставитъ и что подъ конецъ все-таки наша возметъ. Разсуждая хладнокровно о теперешнемъ положеніи вещей, Я нахожу, что *неудача 4-го числа ни въ чемъ не перемѣнила наше взаимное положеніе относительно Севастополя.*

Если Богъ благословитъ выдержать безъ слишкомъ огромной потери начавшееся вновь бомбардированіе *), которое, впрочемъ, по телеграфическимъ донесеніямъ вашимъ, *съ 8-го числа* стало ослабѣвать, то есть еще надежда, что новый штурмъ будетъ столь-же удачно отбитъ, какъ и первый. Но если усиленный огонь будетъ продолжаться еще нѣсколько дней, батареи наши будутъ сбиты и мы не въ состояніи будемъ ихъ исправлять, какъ оно доселѣ дѣлалось съ успѣхомъ, то, разумѣется, лучше будетъ рѣшиться на оставленіе Южной стороны. Но Я не скрываю отъ Себя всю трудность исполненія сего предпріятія. Съ нетерпѣніемъ буду ждать, на что вы рѣшитесь... Если обстоятельства принудятъ васъ оставить Южную часть Севастополя и вмѣстѣ съ нею жертвовать остатками нашего флота, то дѣло ***еще далеко не потеряно...***

„Сейчасъ прибылъ флигель-адъютантъ Эссенъ съ подробнымъ донесеніемъ о дѣлѣ 4-го числа, изъ котораго Я еще болѣе убѣдился, что славныя войска наши исполнили долгъ свой свято. Прошу объявить имъ, отъ генерала до солдата, Мою искреннюю и душевную благодарность...

„...Повторяю вамъ, что если суждено Севастополю пасть, то Я буду считать эпоху эту только началомъ новой настоящей кампаніи...“ ([52]).

---

*) Государю Императору уже тогда было извѣстно изъ телеграфическихъ донесеній объ усиленномъ бомбардированіи Севастополя, начавшемся 5-го (17-го) августа.

ГЛАВА XXXIV.

Пятое и шестое усиленныя бомбардированія Севастополя.

(Съ 5-го (17-го) по 8-е (20-е) августа и съ 24-го по 26-е августа (съ 5-го по 7-е сентября) 1855 года.).

Сраженіе на Черной, не смотря на понесенную нами неудачу, не оказало замѣтнаго вліянія на рѣшимость защитниковъ Севастополя—обороняться до послѣдней крайности, но возвысило духъ осаждающихъ войскъ. Тѣмъ не менѣе однако-же ни разрушеніе Севастопольскихъ укрѣпленій, коихъ мѣсто обозначалось, большею частью, грудами развалинъ, ни близость вражескихъ доступовъ къ нашей оборонительной линіи, не могли побудить Союзниковъ къ безотлагательному штурму; самъ Пелисье считалъ необходимымъ сперва ослабить силу Севастопольскаго гарнизона и довершить уничтоженіе его прикрытій новымъ—усиленнымъ бомбардированіемъ.

Съ разсвѣтомъ 5-го (17-го августа), огонь восьмисотъ непріятельскихъ орудій загремѣлъ подъ Севастополемъ [1]. Заколыхалась земля и разверзся сущій адъ на пространствѣ отъ Малахова кургана до 4-го бастіона—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ—участниковъ обороны *знаменитаго города*. У непрія-

теля, какъ и у насъ, чувствовался недостатокъ въ снарядахъ, но онъ уже не щадилъ ихъ—ни въ этотъ, ни въ слѣдующіе дни. Бомбардированіе открывалось залпами; потомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, неустанно раздавался батальный огонь артиллеріи и рокотъ штуцерныхъ; канонада болѣе и болѣе усиливалась, потомъ дѣлалась рѣже и наконецъ, послѣ полудня, почти совершенно замолкала. Этотъ, довольно правильный, перерывъ длился отъ двухъ до трехъ часовъ, пользуясь чѣмъ гарнизонъ успѣвалъ съ какою-то лихорадочною торопливостью навозить снарядовъ на батареи, убрать убитыхъ и раненыхъ, поужинать, большею частью, сухарями съ водою, другіе-же лакомились варевомъ, которое приносили на бастіоны, подъ градомъ пуль, неустрашимыя матроски. Хотя и отдано было нѣсколько приказовъ и подтвержденій—не появляться женщинамъ на Южной сторонѣ, однакоже само начальство смотрѣло сквозь пальцы на явное нарушеніе этихъ приказовъ: по прежнему матроски подъ выстрѣлами стирали бѣлье, носили воду и щи. На Малаховомъ курганѣ постоянно жили нѣсколько женщинъ, которыя доставали воду изъ ближайшихъ колодцевъ и поили солдатъ и матросовъ въ самую жаркую пальбу. Одну изъ нихъ убило у колодца, близъ 2-го бастіона; прочія-же оставались на бастіонѣ до конца осады и нѣкоторыя были награждены медалями. При усиленномъ бомбардированіи, въ началѣ (въ половинѣ) августа, передъ вечеромъ, опять раздавались залпы, за ними—опять батальный артиллерійскій огонь, а ночью—сыпались бомбы, на всемъ пространствѣ отъ оборонительной линіи до Сѣверной стороны включительно, въ особенности-же на Малаховъ курганъ и 3-й бастіонъ, куда нерѣдко падало вдругъ по пяти и по шести бомбъ огромнаго

калибра. Близость непріятельскихъ подступовъ, изъ которыхъ иные находились въ разстояніи около ста шаговъ отъ нашихъ укрѣпленій, и показанія дезертировъ о приготовленіяхъ Союзниковъ къ штурму, заставляли насъ быть въ постоянной готовности къ отпору и держать въ первое время послѣ сраженія при Черной на оборонительной линіи значительное число войскъ, что сопряжено было съ огромнымъ урономъ въ людяхъ. Особенно-же у насъ толпились люди на батареяхъ передъ разсвѣтомъ — время самое удобное для приступа (²).

Во всемъ городѣ не оставалось безопаснаго уголка, гдѣ былобы можно укрыться отъ непріятельскихъ снарядовъ. Жителей на улицахъ не было видно. Городскіе базары исчезли. Вся торговая дѣятельность сосредоточилась въ Николаевскихъ казармахъ, гдѣ часть казематъ была занята лавками со всякими товарами. Когда бомбы стали падать у Михайловскаго собора и одну изъ нихъ разорвало на паперти во время Богослуженія, наполнивъ церковь густымъ дымомъ, рѣшено было перенести соборный храмъ въ болѣе безопасное мѣсто—въ Николаевскія казармы, толстые своды которыхъ могли выдерживать паденіе большихъ снарядовъ. Эта столь-же торжественная, сколько и печальная процессія была совершена 6-го (18-го) августа, въ день Преображенія Господня. Въ самый разгаръ утренней канонады, шли священно-служители, въ полномъ облаченіи, съ тихимъ пѣніемъ молитвъ, неся святые дары, церковную утварь, евангеліе, образа́ и хоругви, подъ громомъ выстрѣловъ, при трескѣ разрывающихся вблизи бомбъ. Немногіе проходящіе, встрѣчая процессію, становились на колѣни, осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ и клали земные поклоны (³). Наканунѣ и въ сей день, непріятельская артиллерія

сдѣлала по 17-ти тысячъ выстрѣловъ; а съ нашей стороны въ оба дня — 15,500. Гарнизонъ Севастополя терялъ ежедневно около тысячи человѣкъ, что заставило перевести на усиленіе его 4-ю пѣхотную дивизію генералъ-лейтенанта Шепелева, въ составѣ 16-ти баталіоновъ, всего около 7,500 штыковъ: одна изъ бригадъ поступила на Корабельную, а другая— въ резервъ Городской стороны.

Днемъ 7-го (19-го августа), непріятель хотя и возобновилъ столь-же сильную канонаду противъ Корабельной, однако-же дѣйствовалъ слабѣе противъ Городской стороны; штуцерной-же огонь по всей линіи продолжался съ прежнею силою. Въ этотъ день, какъ и въ оба предъидущіе, батареи Малахова кургана и 2-го бастіона, будучи сильно повреждены, почти прекратили канонаду около полудня; напротивъ того, артиллерія 3-го бастіона и смежныхъ съ нимъ батарей, благодаря мужеству и распорядительности начальника 3-го отдѣленія оборонительной линіи, капитана 1-го ранга Перелешина 1-го, не только заставила замолчать англійскія батареи Зеленой Горы, но и приняла участіе въ поддержаніи Малахова кургана (¹). Нѣкоторыя изъ французскихъ батарей, впереди 4-го бастіона, были сильно повреждены и на одной изъ батарей, впереди Малахова кургана, взорванъ погребокъ (²). По ночамъ, и даже днемъ, когда утихала непріятельская канонада, по возможности, исправляли мерлоны и платформы, очищали рвы и насыпали землю на пороховые погребки, что давало возможность батареямъ оборонительной линіи бороться съ осадною артиллеріей. Батареи Сѣверной стороны обстрѣливали пространство между южнымъ берегомъ рейда и редутами Селенгинскимъ и Волынскимъ, а Коп-

стантиновская батарея дѣйствовала по непріятельскимъ работамъ у Херсонесской церкви (6).

По ночамъ непріятель дѣлалъ иногда фальшивыя тревоги, и когда вызываемы были наши люди на банкеты, ихъ встрѣчалъ усиленный огонь осадной артиллеріи. Такъ, въ одну ночь, часу въ 11-мъ, въ англійскихъ траншеяхъ былъ поданъ сигналъ тремя ракетами, и вслѣдъ за тѣмъ, вмѣстѣ съ канонадою противъ 3-го бастіона, раздались крики: ура! Наши отозвали цѣпь; но какъ въ непріятельскихъ траншеяхъ крики и барабанный бой усилились, и въ темнотѣ нельзя было разобрать, что Англичане оставались на мѣстѣ, то у насъ вызвали людей на банкеты. Непріятель между тѣмъ, предвидя, что мы примемъ мѣры для его встрѣчи, открылъ по бастіону самый частый огонь. Здѣсь, въ числѣ прочихъ, былъ пораженъ въ голову осколкомъ бомбы отважный строитель Камчатскаго люнета, генералъ-маіоръ Н. П. Голевъ, командовавшій по очереди съ другимъ Севастопольскимъ героемъ, генералъ-маіоромъ Сабашинскимъ, войсками на 3-мъ бастіонѣ (7).

8-го (20) августа, во время самой жаркой канонады, посѣтилъ Севастополь главнокомандующій, князь Горчаковъ, въ сопровожденіи начальника штаба, генералъ-адъютанта Коцебу и многочисленной свиты. Обходя укрѣпленія, князь благодарилъ, Именемъ Государя, въ самыхъ теплыхъ, сердечныхъ выраженіяхъ, всѣхъ, кого встрѣчалъ, отъ генерала до матроса и солдата. Дойдя до Павловскаго мыска, онъ остановился въ комнатѣ генерала Хрулева и подписалъ письма́ начальникамъ отдѣленій войскъ, поручая имъ передать его искреннюю признательность всѣмъ ихъ подчиненнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, было доставлено въ каждое отдѣленіе по восьми знаковъ военнаго ордена, для возложенія ихъ на

отличнѣйшихъ нижнихъ чиновъ. Когда генералъ-маіоръ Сабашинскій, встрѣтивъ главнокомандующаго, просилъ дозволенія навѣстить сына, раненаго въ дѣлѣ на р. Черной, князь Горчаковъ обнялъ храбраго воина и вручилъ ему золотую саблю, для передачи его сыну. Появленіе вождя, совершенно равнодушнаго къ ужасамъ смерти, привело въ восторгъ закаленныя въ бояхъ войска, и удвоило ихъ готовность пасть до послѣдняго на развалинахъ Севастополя (8).

Въ тотъ-же день, князь Горчаковъ писалъ военному министру: „Побывавъ утромъ въ Севастополѣ и убѣдясь, что непріятельскій огонь не сильно повредилъ нашимъ укрѣпленіямъ, я рѣшился обороняться, пока наши окопы будутъ разрушены до такой степени, что въ успѣхѣ штурма уже не останется сомнѣнія. Гарнизонъ усиленно исправляетъ укрѣпленія, и я полагаю, что мы, можетъ быть, успѣемъ удержаться въ городѣ до 15-го числа сего мѣсяца, дня, когда, надѣюсь, мостъ на рейдѣ будетъ готовъ. Какъ только онъ будетъ, мы можемъ оставить Севастополь съ наименьшею потерею. Быть можетъ, къ тому времени, дальнѣйшая оборона будетъ намъ стоить отъ 7-ми до 8-ми тыс. человѣкъ; но мы потеряли бы гораздо болѣе сразу, если-бы очистили городъ прежде устройства моста. Къ тому-же, дѣйствуя такъ, какъ я предполагаю, мы предоставляемъ себѣ надежду еще разъ отразить непріятеля, если онъ рѣшился бы атаковать насъ, не заставя замолчать большую часть крѣпостныхъ батарей. Кто знаетъ? Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. При такомъ успѣхѣ, мы удержались-бы въ Севастополѣ до октября, усилились-бы ополченіями и можетъ быть даже окончили-бы кампанію съ успѣхомъ“ (9).

7-го (19) и 8-го (20) августа, непріятель продол-

жалъ усиленную канонаду, выпуская отъ 10-ти до 12-ти тысячъ снарядовъ; съ нашей-же стороны, въ эти дни, сдѣлано въ каждый около 7-ми тыс. выстрѣловъ. Гарнизонъ терялъ ежедневно до 900 человѣкъ; уронъ Союзниковъ, съ 5-го (17) по 8-е (20) включительно, всего на все, не превосходилъ 711 человѣкъ. Начиная-же съ 9-го (21-го) по 24-е августа (по 5-е сентября), непріятель хотя и обстрѣливалъ усиленно Корабельную сторону, однако-же замѣтно слабѣе, нежели прежде. При всемъ томъ, въ продолженіи этихъ 15-ти дней, у насъ ежедневно выбывало изъ фронта отъ 500 до 700 человѣкъ ([10]).

Непріятель, стараясь засыпать снарядами Севастополь, увеличилъ число большихъ мортиръ. Съ нашей стороны, для противодѣйствія губительному навѣсному огню, недоставало ни орудій, ни снарядовъ, что́ заставило, для замѣны ихъ, придумывать особые пріемы и средства. Вмѣсто мортиръ, стали употреблять поврежденныя длинныя орудія (какъ наприм. съ разбитою немного дульною частью, либо съ отлетѣвшимъ цапфомъ), клали ихъ подъ большимъ угломъ возвышенія въ яму вырытую на батареѣ и бросали изъ нихъ навѣсно снаряды. Для замѣны-же бомбъ, употребляли брандскугели, которыхъ очки плотно задѣлывались, кромѣ одного, служившаго для помѣщенія трубки; по недостатку снарядовъ большаго калибра, кидали разомъ по 15-ти и 20-ти гранатъ, уложенныхъ въ корзины ([11]). Непріятель имѣлъ болѣе средствъ для пораженія осажденныхъ, однако-же не довольствуясь ядрами, бомбами, картечью и боевыми ракетами, сталъ бросать, въ послѣдніе дни осады, на Малаховъ курганъ такъ называемыя *метательныя мины* (mines de projection). Этотъ снарядъ состоялъ изъ боченка, скрѣпленнаго желѣзными обручами и наполненнаго шестью пудами по-

роха. Для сообщенія огня служилъ стапинъ, покрытый гуттаперчею и пропущенный сквозь поддонъ и нижнее дно боченка; а, вмѣсто орудія, вырывали въ траншеѣ камору, подъ угломъ 45°, и помѣстивъ туда зарядъ, прикрытый поддономъ, ставили на него боченокъ. Одинъ изъ такихъ снарядовъ, брошенный 20-го августа (1-го сентября), пролетѣвъ надъ 2-мъ бастіономъ, упалъ у 2-й оборонительной линіи, гдѣ стоявшій вблизи матросъ бросился къ боченку съ топоромъ и обрубивъ горѣвшій фитиль, предупредилъ взрывъ ([12]).

Подобныя разрушительныя средства могли употребляться уже тогда, когда осаждающій подошелъ на весьма близкое разстояніе къ нашимъ укрѣпленіямъ. Въ половинѣ (въ концѣ) августа, Французы уже были въ 40 саженяхъ отъ Малахова кургана и въ 35-ти отъ 2-го бастіона; Англичане—ближе ста саженъ отъ 3-го бастіона.

Давно уже сознавалась необходимость устроить постоянную переправу черезъ Большую бухту—если не для отступленія на Сѣверную сторону по взятіи непріятелемъ Севастополя (возможность чего допускали немногіе лишь изъ защитниковъ города), то, по крайней мѣрѣ, для быстраго движенія подкрѣпленій и безостановочнаго подвоза снарядовъ съ Сѣверной на Южную сторону. Проектъ постояннаго моста, составленный инженеръ-генералъ-лейтенантомъ Бухмейеромъ, былъ утвержденъ главнокомандующимъ еще въ іюнѣ; но огромныя матеріальныя средства, которыхъ требовала постройка моста, не дозволили приступить къ работамъ прежде 2 (14) августа; работало 40 саперъ и 60 армейскихъ солдатъ, дѣлая въ день до 10-ти плотовъ; оковки изготовлялись въ полковыхъ и батарейныхъ кузницахъ. Въ продолженіи двухъ недѣль, мостъ былъ совершенно оконченъ, а 15-го

(27-го) августа, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, освященъ и въ восемь часовъ утра открытъ для движенія. Сначала по мосту пускали не иначе какъ съ билетами, но въ послѣдствіи это оказалось неудобнымъ и стали пускать безъ билетовъ. Носился слухъ, будтобы какой-то матросъ, не успѣвъ въ первое время достать билетъ, составилъ самъ записку, въ которой было сказано, что—„по приказанію сапернаго адмирала Бухмеріуса дозволяется такому-то проходить по мосту во всякое время" ([13]).

Не смотря на крайнее утомленіе Севастопольскаго гарнизона, всѣ ночи на-пролетъ проводились, какъ и прежде, въ зоркой осторожности. Орудійная прислуга находилась вблизи своихъ орудій, наведенныхъ по гласису и заряженныхъ ввечеру картечью; прикрытіе не сходило съ банкетовъ; впереди укрѣпленій, сторожили непріятеля цѣпь и секреты. Отдыхали утромъ. Матросы и прочая прислуга орудій, оставя при нихъ дежурныхъ, отправлялись соснуть въ блиндажи, либо въ норки и другія убѣжища, устроенныя на батареѣ. Прикрытіе, кромѣ нѣсколькихъ штуцерныхъ, сходило съ банкетовъ; половина его, не снимая аммуниціи, ложилась на батареѣ; прочая-же пѣхота укрывалась въ ближайшихъ блиндажахъ второй линіи ([14]).

Какъ непріятель продолжалъ подвигаться впередъ, хотя и весьма медленно, и къ 8-му (20-му) августа, окончивъ участокъ 7-й параллели передъ 2-мъ бастіономъ, уже находился въ ста шагахъ отъ контръ-эскарпа, то генералъ Тотлебенъ, получивъ, между тѣмъ, облегченіе отъ болѣзни, далъ инженеръ-полковнику Геннериху письменную инструкцію, въ которой, подтверждая свои прежнія предположенія объ усиленіи огня по мѣстности впереди Малахова кургана, указывалъ еще слѣдующія мѣры:

„1) Когда непріятель приблизитъ свои сапы на 25 саж. къ Малахову кургану, то изъ выводимыхъ передъ курганомъ контрминъ подорвать его работы, возобновляя эти взрывы по мѣрѣ приближенія осадныхъ подступовъ.

„2) Ускорить устройство ретраншамента на Малаховомъ курганѣ, съ приспособленіемъ его къ ружейной и картечной оборонѣ, а площадку впереди ретраншамента очистить отъ блиндажей и траверсовъ.

„3) Изъ обѣихъ потернъ, служащихъ сообщеніемъ внутренности Малахова кургана со рвомъ, вывести рукава, для заложенія небольшихъ зарядовъ, съ цѣлью подорвать, въ случаѣ надобности, передній фасъ кургана, имѣя въ виду упорно защищать ретраншаментъ.

„4) Сдѣлать широкіе выходы во 2-й оборонительной линіи, вправо и влѣво отъ Малахова кургана, для прохода взводной колонны въ 25 рядовъ, т. е. шириною въ 10 саж., и заготовить къ нимъ рогатки.

„5) Для подорванія 2-го бастіона, заложить подъ бруствером его заряды, съ отведеніемъ гальваническихъ проводниковъ на 2-ю оборонительную линію. Съ этою цѣлью, приступить одновременно къ отрывкѣ нѣсколькихъ колодцевъ; изъ нихъ въ обѣ стороны вывести рукава на длину отъ 2 до 3 саж. и выдѣлать каморы для заложенія зарядовъ около 12 пуд.

„6) Снять горжу 2-го бастіона, такъ какъ доступъ къ ней могъ быть обстрѣливаемъ со вновь устроенной 2-й оборонительной линіи.

„7) Траншею, соединяющую поперегъ Ушаковой балки батареи у Лабораторіи со 2-ю оборонитель-

ною линіею, уширить и снабдить банкетами, для производства ружейнаго огня въ тылъ 2-му бастіону.

„8) Надъ Ушаковою балкою устроить сильныя батареи, для обороны мѣстности въ тылу Лабораторной батареи и 2-го бастіона.

„9) Усилить оборону мѣстности въ тылу куртины лѣвѣе Малахова кургана, для чего поставить полевыя орудія на лѣвомъ фасѣ кургана.

„10) Дѣлать на новыхъ батареяхъ большіе мерлоны и присыпать къ нимъ банкеты, обращая особенное вниманіе на исправность банкетовъ, для того, чтобы можно было вездѣ встрѣтить штурмующаго непріятеля сильнымъ и хорошо-направленнымъ ружейнымъ огнемъ.

„11) Въ ожиданіи нападенія непріятеля на 2-й бастіонъ, направить сколько можно орудій для обстрѣливанія картечью промежутка между рвомъ 2-го бастіона и ближайшими непріятельскими подступами, для чего, особенно къ вечеру, половинное число орудій должно быть заряжаемо картечью и быть въ совершенной готовности къ дѣйствію.

„12) Въ случаѣ занятія непріятелемъ 2-го бастіона, гарнизону этого укрѣпленія отступить за 2-ю оборонительную линію, по заблаговременно-указанному пути, и за тѣмъ произвести взрывъ подрывныхъ горновъ и пороховыхъ погребовъ на бастіонѣ“.

На основаніи этой инструкціи, въ продолженіи двухъ недѣль съ 9-го (21-го) по 23-е августа (4-е сентября н. ст.), были произведены слѣдующія работы:

Позади 3-го бастіона, за батареей Будищева, построена новая батарея на *три* орудія; позади 2-го бастіона, на 2-й оборонительной линіи, построена другая батарея Геннериха), вооруженная *8-ю* ору-

діями, изъ которыхъ *пять* были направлены на Камчатскій люнеть (строившіе эту батарею два офицера были убиты, одинъ послѣ другаго; третій строитель л.-гв. сапернаго баталіона поручикъ Денъ тяжело раненъ; наконецъ –батарею достроилъ инженеръ-подпоручикъ Бульмерингъ). На куртинѣ между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ и на лѣвомъ фасѣ бастіона Корнилова, прибавлено *по одной* пушкѣ. Кромѣ того, во 2-й оборонительной линіи, влѣво отъ горжи Малахова кургана, заложена 11-ти-орудійная батарея. Дѣйствительно-же вооруженіе Малахова кургана было усилено всего на все *десятью* орудіями, между тѣмъ какъ орудія, ежедневно подбиваемыя на курганѣ, большею частью, оставались безъ замѣны, такъ что наша артиллерія, послѣ пятаго бомбардированія, не только не была усилена, но съ каждымъ днемъ постоянно дѣлалась слабѣе ([15]).

На Малаховомъ курганѣ возвели ретраншаментъ и приспособили его къ ружейной и пушечной оборонѣ впереди-лежащей площадки; но не очистили площадку отъ загромождавшихъ ее пороховыхъ погребовъ и блиндажей: такимъ образомъ почти весь передній фронтъ укрѣпленія остался закрытымъ отъ выстрѣловъ съ ретраншамента.

Чтобы усилить оборону куртины между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ, на лѣвомъ фронтѣ кургана присыпали нѣсколько барбетовъ для полевыхъ орудій, а для обстрѣливанія мѣстности позади 2-го бастіона, на случай занятія его непріятелемъ, построены на обоихъ берегахъ Ушаковой балки батареи: одна на 7, а другая на 2 карронады Тогда-же приступлено къ устройству траншеи отъ 2-го бастіона къ батареѣ Геннериха ([16]).

Съ 9-го (21-го) по 23-е августа (4-е сентября н. ст.) включительно, въ продолженіи 15-ти сутокъ,

съ нашей стороны сдѣлано было 51,275 артиллерійскихъ выстрѣловъ, а съ осадныхъ батарей—свыше 132,000 тысячъ, слѣдовательно болѣе нежели въ $2^1/_2$ раза. Ружейныхъ выстрѣловъ производилось съ нашей стороны ежедневно около 37,000. Въ теченіе этого времени, гарнизонъ потерялъ выбывшими изъ строя 8,921 челов., а непріятель до 3,500 человѣкъ. Подбито у насъ, преимущественно на Корабельной сторонѣ, 54 орудія и столько же станковъ. Большая часть этой артиллеріи осталась безъ замѣны. Число подбитыхъ осадныхъ орудій неизвѣстно. Мы успѣли взорвать нѣсколько пороховыхъ погребовъ: въ ночи съ 16-го (28-го) на 17-е (29-е) августа, бомбою съ батареи Будищева взорвало на Камчатскомъ курганѣ два пороховыхъ погреба, въ которыхъ хранились 7 тысячъ килограммъ (около 400 пуд.) пороха и 350 снаряженныхъ гранатъ; нѣсколько батарей были сильно повреждены. Одно изъ бревенъ, брошенное болѣе нежели на полтораста сажень, упало въ англійскую траншею и перебило до 20-ти человѣкъ; у Французовъ-же убито и ранено взрывомъ 140 человѣкъ, въ числѣ коихъ 3 офицера. Сотрясеніе было столь сильно, что были выбиты въ окнахъ стекла, не только на Павловской, но и на Николаевской батареѣ, отстоявшей около 3-хъ верстъ отъ мѣста взрыва. Камни и куски дерева достигали нашей цѣпи, разсыпанной впереди 3-го бастіона.— 19-го (31-го) августа, въ половинѣ 6-го часа по полудни, на непріятельской мортирной батареѣ, противъ 2-го бастіона, произошелъ другой, довольно сильный взрывъ, которымъ выброшены на нашъ бастіонъ обрубки бревенъ и доски съ гвоздями (17).

Не смотря однако-же на удачное дѣйствіе нашей артиллеріи, мы не могли ослабить огонь осадныхъ батарей, и особенно французскихъ, дѣйство-

вавшихъ противъ 2-го бастіона и Малахова кургана. Брустверы нашихъ укрѣпленій во многихъ мѣстахъ ежедневно были срываемы и рвы засыпаны до половины землею падавшею съ брустверовъ. Какъ наши рабочіе въ тоже время старались утолщать профиль укрѣпленій, присыпая землю со внутренней стороны брустверовъ, то они подавались назадъ, отодвигаясь отъ рвовъ, и дѣлались доступными для непріятеля. На 2-мъ бастіонѣ, по которому дѣйствовали сосредоточенно болѣе 70-ти орудій, были почти совершенно срыты всѣ траверсы, разбиты блиндажи и разрушены пороховые погреба. Сообщеніе 2-го бастіона съ 1-мъ, гдѣ находились начальствующія лица, резервъ и перевязочный пунктъ 5-го отдѣленія, подвергалось анфиладному огню съ Камчатскаго кургана и было такъ опасно, что раненыхъ днемъ на 2-мъ бастіонѣ не уносили тотчасъ на перевязочный пунктъ, а оставляли до вечера, когда носильщики, подъ покровомъ темноты, менѣе были поражаемы непріятелемъ. Легко представить себѣ, какъ все это затрудняло оборону развалинъ 2-го бастіона, прозваннаго *толчеею* въ Севастополѣ ([18]).

Непріятель, подъ покровительствомъ своей грозной артиллеріи, подвигался впередъ тихою сапою и строилъ новыя батареи. Французы къ 24-му августа (5-му сентября) довершили 7-ю параллель, вывели изъ нея подступъ, на оконечности коего устроили плацдармъ, и выйдя изъ него другою сапою, приблизились къ контръ-эскарпу 2-го бастіона на 47 метровъ (22 сажени); а впереди Малахова кургана подвели головы сапъ ко рву закругленной части передняго фронта на 39 метровъ (около 18-ти саженъ). Одновременно съ тѣмъ, для дѣйствія по куртинѣ между 2-мъ и Корниловымъ бастіонами, были построены на скатѣ Камчатскаго кургана двѣ новыхъ

батареи, на 11 орудій. Англичане, на Воронцовской высотѣ, удлинили 5-ую параллель, вышли изъ нея впередъ двумя сапами и подвели одну изъ нихъ (лѣвую) ко рву 3-го бастіона, на разстояніе 85 саженъ. Тогда-же ими заложена новая батарея, для пораженія исходящаго угла 3-го бастіона. Противъ 4-го бастіона и Язоновскаго редута, а такъ-же на Херсонесскихъ высотахъ, противъ 6-го бастіона, Французы заложили новыя батареи (19).

Для замедленія осадныхъ работъ, обороняющійся дѣйствовалъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, ежедневно съ разсвѣтомъ направляя выстрѣлы всѣхъ орудій на головы сапъ и стараясь разбросать туры, послѣ чего открывался по рабочимъ картечный и ружейный огонь. Когда-же осаждающій заставлялъ умолкать нашу артиллерію, тогда дѣйствовали по разрушеннымъ сапамъ ружейнымъ огнемъ и поражали ихъ изъ малыхъ мортиръ, для чего были сформированы особыя подвижныя батареи. По ночамъ, обороняющійся, пользуясь превосходнымъ духомъ гарнизона, старался препятствовать успѣху непріятельскихъ работъ небольшими вылазками. Въ ночи съ 12-го (24-го) на 13-е (25-е) августа, командовавшій цѣпью впереди 2-го бастіона, подпоручикъ Хайбетовъ, съ командою изъ 70-ти охотниковъ, атаковалъ и занялъ три французскіе ложемента. Одновременно съ тѣмъ, двѣ непріятельскія колонны двинулись впередъ, для овладѣнія волчьими ямами у 2-го бастіона, но, встрѣченные картечью и ружейнымъ огнемъ, отступили и потомъ ударили въ штыки на нашихъ охотниковъ, которые, будучи поддержаны взводомъ Замостскаго полка, захватили въ плѣнъ одного изъ французскихъ солдатъ, взяли нѣсколько ружей и прикатили въ ровъ бастіона мантелетъ. Нѣсколько спустя, Французы атаковали наши завалы впереди кур-

тины и Малахова кургана и послѣ рукопашной схватки овладѣли двумя завалами, но изъ остальныхъ были выбиты Люблинскаго полка капитаномъ Поповымъ съ 60-ю охотниками, причемъ потеряли 2-хъ человѣкъ плѣнными. Съ нашей стороны, въ этихъ стычкахъ выбыли изъ фронта 12 человѣкъ ([20]). Въ ночи съ 18-го на 19-е (на 31-е) августа, были высланы съ 3-го бастіона, противъ англійскихъ работъ на Воронцовской высотѣ, 60 охотниковъ Селенгинскаго полка при поручикѣ Юдинѣ, 30 пластуновъ и 2 матроса, служившихъ проводниками, подъ общимъ начальствомъ войсковаго старшины Даниленка. Охотники направились частью по Докову оврагу, частью лѣвѣе, и подойдя къ непріятелю скрытно, ворвались въ англійскій подступъ, выведенный изъ 5-й параллели. Непріятельскіе рабочіе и траншейный караулъ, застигнутые врасплохъ, обратились въ бѣгство и, достигнувъ позади-лежащихъ траншей, открыли сильный ружейный огонь. Часть нашихъ охотниковъ провожала Англичанъ батальнымъ огнемъ, между тѣмъ какъ прочіе разрывали подступъ и сваливали въ ровъ туры; а потомъ вся команда отошла въ наши ложементы, захвативъ въ плѣнъ одного изъ англійскихъ солдатъ и унеся 4 штуцера, снятыхъ съ убитыхъ непріятелей, и 20 штукъ шанцоваго инструмента. Уронъ нашъ въ этой стычкѣ состоялъ въ одномъ убитомъ, 2-хъ раненыхъ и одномъ безъ вѣсти пропавшемъ. Въ тоже время 10 охотниковъ Прагскаго полка направились съ батареи Жервѐ черезъ Доковъ оврагъ, на правый флангъ англійской 5-й параллели, гдѣ разбросавъ до 50-ти туровъ, взяли въ плѣнъ двухъ Англичанъ и захватили нѣсколько ружей и часть шанцоваго инструмента. Съ нашей стороны здѣсь выбыло изъ фронта 3 человѣка ([21]).

Въ продолженіи времени съ 5-го (17-го) по 23-е августа (4-е сентября), Французы, передъ 4-мъ бастіономъ, продолжали подземную войну, настойчиво наступая булевыми колодцами съ обѣихъ сторонъ капитали, чтобы отрѣзать нашу галлерею на капитали отъ боковыхъ ходовъ; а съ нашей стороны генералъ Тотлебенъ готовился разрушить работы непріятельскаго минера небольшими зарядами ([22]).

Послѣ сраженія на Черной, 4-е отдѣленіе гарнизона было усилено тремя дружинами Курскаго ополченія; по случаю сильной убыли въ людяхъ, Люблинскій полкъ переформированъ въ одинъ баталіонъ, а Елецкій — въ два; Муромскій-же полкъ укомплектованъ вновь и приведенъ въ двухъ-баталіонный составъ.

Сближеніе непріятельскихъ подступовъ къ нашимъ укрѣпленіямъ, почти совершенно разрушеннымъ, и огромная убыль гарнизона окончательно убѣдили князя Горчакова въ необходимости уступить непріятелю развалины Севастополя. Мы уже видѣли, изъ письма его къ военному министру, отъ 6—8-го августа, что онъ ожидалъ для этого только окончанія постройки моста на Большой бухтѣ. Нѣсколько дней спустя, главнокомандующій писалъ: „Наши укрѣпленія Корабельной начинаютъ совершенно разрушаться отъ непріятельскаго, почти безпрерывнаго, огня; въ особенности-же намъ наносятъ вредъ бомбы, падающія въ изобиліи (à foison), и огонь стрѣлковъ, расположенныхъ въ весьма близкихъ отъ насъ траншеяхъ. Вылазки невозможны; производить ихъ — значило бы вызвать со стороны непріятеля сильный огонь, который не позволилъ-бы намъ исправлять ежедневныя поврежденія, что

необходимо для отпора въ случаѣ штурма. Съ 5-го по 11-е, мы потеряли убитыми, ранеными и сильно контуженными 5,743 человѣка, слѣдовательно около тысячи человѣкъ въ сутки. Ожидать, чтобы непріятель — совершенно разоривъ наши окопы, повелъ на насъ штурмъ—немыслимо. Быть можетъ, онъ будетъ, по прежнему, громить насъ 15 дней, и мы, потерявъ еще 15,000 человѣкъ, отъ бомбардированія, потеряемъ столько-же на штурмѣ. Предпринять отчаяшную вылазку въ большихъ силахъ такъ-же не послужило-бы ни къ чему; еслибы даже намъ удалось одержать минутный успѣхъ, (на что впрочемъ нѣтъ никакой надежды), то черезъ десять дней мы очутились-бы въ прежнемъ положеніи, потерявъ 10,000 человѣкъ на вылазкѣ, столько-же отъ бомбардированія, и, кромѣ-того, 15,000 при штурмѣ, который мы все-таки должны были-бы выдержать.

„Мостъ на бухтѣ будетъ готовъ черезъ два или три дня, и я предполагаю оставить Южную сторону Севастополя, 18-го либо 20-го числа этого мѣсяца...

„Таково, любезный князь, мое положеніе. Съ марта мѣсяца до сей поры мы держались въ плохомъ убѣжищѣ, не заслуживающемъ названія укрѣпленнаго лагеря, противъ непріятеля, превосходнаго въ силѣ, обладающаго средствами, безпримѣрными въ Исторіи, который, во время моего прибытія сюда, уже тѣснилъ Севастополь сблизка и обезпечилъ себя съ тыла неприступными укрѣпленіями. Въ настоящее время мы достигли крайнихъ предѣловъ возможнаго, и я считаю долгомъ, въ отношеніи къ Государю и отечеству, стараться, по крайней мѣрѣ, вывести севастопольскій гарнизонъ, съ наименьшею по возможности потерею, изъ безвыходнаго положенія, въ которое онъ поставленъ. Это будетъ очень

трудно; но я приложу къ сему все мое старанье. Вчера, по зрѣломъ обсужденіи дѣла, я рѣшился очистить Севастополь. Завтра опять поѣду въ Корабельную, чтобы окончательно принять мѣры для отступленія. Я не созывалъ военнаго совѣта; быть можетъ—рѣшусь на то въ послѣднія минуты; въ настоящее-же время необходимо сохранять тайну; въ противномъ случаѣ, непріятель насядетъ на насъ во время исполненія. Впрочемъ—здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который не считалъ-бы безуміемъ дальнѣйшей обороны...„ ([23]).

Дѣйствительно князь Горчаковъ, по видимому, рѣшась оставить Южную сторону, приказалъ генералу Тотлебену составить проектъ работъ, необходимыхъ для обезпеченія отступленія на Сѣверную сторону.

Представленный проектъ былъ утвержденъ главнокомандующимъ 12-го (24-го) августа, (въ тотъ самый день, когда онъ извѣстилъ военнаго министра о своемъ непремѣнномъ намѣреніи—очистить Севастополь), и тогда-же предприняты слѣдующія работы:

1) Чтобы обезпечить отступленіе войскъ съ Городской стороны къ мосту, устроены въ городѣ баррикады вооруженныя 15-ю малыми карронадами, образовавшія преграду, въ видѣ обширнаго предмостнаго укрѣпленія.

2) Чтобы обезпечить отступленіе войскъ къ переправѣ съ Павловскаго мыска, устроены баррикады, вооруженныя 8-ю малыми карронадами, и, кромѣ того, предполагалось, въ случаѣ надобности, поставить за баррикадами нѣсколько полевыхъ орудій.

3) Начали приготовлять къ подорванію Павловскую и Николаевскую батареи выдѣлкою каморъ въ опорныхъ стѣнахъ этихъ зданій.

4) Для обстрѣливанія, послѣ перехода на Сѣверную сторону, Корабельной слободки и города, заложили на сѣверномъ берегу рейда нѣсколько батарей.

Кромѣ того, предполагалось, оставляя укрѣпленія Южной стороны, положить во всѣхъ пороховыхъ погребахъ заложенные приводы, чтобы постепенными взрывами удержать преслѣдующаго непріятеля.

Въ тоже время главнокомандующій приказалъ, чтобы всѣ главные пороховые запасы, лабораторіи и вообще все имущество артиллерійскаго гарнизона и арсенала, всѣ штабы, канцеляріи, архивы, и проч. были переведены съ Южной стороны на Сѣверную. Начальнику штаба гарнизона, князю Васильчикову было поручено составленіе подробныхъ диспозицій для постепеннаго отвода войскъ отъ оборонительной линіи къ мосту и пристанямъ, перехода черезъ мостъ и посадки на суда, и наконецъ для дебушированія съ моста, высадки съ судовъ и расположенія на Сѣверной сторонѣ (24).

Но едва лишь прошло два дня съ начала этихъ приготовленій, какъ князь Горчаковъ, побуждаемый присущими въ немъ чувствами рыцарской доблести и самопожертвованія, отказался отъ своего намѣренія—очистить безъ боя Южную сторону и рѣшился оборонять Севастополь до послѣдней возможности. „Продолженіе до крайности защиты Севастополя—писалъ онъ Государю Императору—конечно, будетъ для насъ славнѣе, чѣмъ очищеніе его безъ очевидной необходимости. Дѣйствуя такъ, армія понесетъ, можетъ быть, большій уронъ; но она для того только и существуетъ, чтобы умирать за Вашу славу“ (25).

Тогда же князь Горчаковъ писалъ военному министру: „... il est possible que je fasse une sottise en me decidant à tenir encore Sévastopol, mais de deux

mauvais partis entre lesquels j'ai le choix c'est le plus honorable. Au reste je fais en secret les préparatifs nécessaires pour l'évacuation et je fortifie la *Сѣверная*, dans le sens de la ville, pour contrebattre l'ennemi si je la lui abandonne. Les fortifications faites avant étaient tournées dans le sens opposé. Il est possible que l'ennemi, en me voyant faire ces nouvelles batteries, en conclue que je m'apprete à quitter la ville. Tant mieux: il ne tentera pas d'effort, dans l'espoir de me tomber dessus, au moment de la retraite, et en attendant j'acheverai ces coupures qui me feront une espèce de nouvelle enceinte. Après avoir perdu du tems, l'ennemi se decidera à m'attaquer, et avec ma nouvelle ligne je le repousserai bien plus facilement que dans l'état actuel de mes deux bastions attaqués qui sont en capillotade. A la grace de Dieu! La troupe est très bien. La journée du 4 août n'a pas influé sur son esprit. On dit que Read a fait tout le mal et chacun compte prendre sa revanche"... (Быть можетъ, я поступилъ глупо, рѣшась продолжать оборону Севастополя; но изъ двухъ плохихъ способовъ дѣйствій, остающихся на мой выборъ, я предпочелъ наиболѣе достойный. Впрочемъ, я дѣлаю въ тайнѣ приготовленія къ очищенію города и укрѣпляю Сѣверную къ сторонѣ города, чтобы противодѣйствовать непріятелю, когда онъ займетъ Севастополь (*). Прежнія укрѣпленія были обращены въ противную сторону. Можетъ быть непріятель, замѣтя эти новыя батареи, подумаетъ, что я готовлюсь оставить городъ. Тѣмъ лучше: онъ пріостановитъ свои усилія, въ надеждѣ нагрянуть на меня при моемъ отступленіи, а, между тѣмъ, я построю завалы, которые составятъ новую ограду. За тѣмъ, непріятель, поте-

(*) Приготовленія къ переходу на Сѣверную сторону не могли оставаться въ тайнѣ, и, по всей вѣроятности, оказали невыгодное вліяніе на дальнѣйшую оборону Севастополя.

рявъ напрасно время, рѣшится атаковать меня, и тогда, расположась на моей новой оборонительной линіи, я отражу его удобнѣе, нежели теперь, когда у меня два бастіона совершенно разрушены. Какъ Богъ дастъ! На войска можно полагаться. Неудача 4-го августа не оказала вліянія на ихъ духъ. Всѣ убѣждены, что виноватъ одинъ лишь Реадъ, и всякій надѣется отмстить) ([20]).

Нѣсколько дней спустя, главнокомандующій, извѣщая военнаго министра, что устроиваемая вновь оборонительная линія будетъ готова черезъ недѣлю (т. е. въ концѣ августа ст. ст.), писалъ: „Le travail va lentement, parcequ'il faut apporter la terre de loin et sous le feu de l'ennemi. Je crains beaucoup que les Alliés ne se decideront pas à faire un assaut général, ou du moins qu'ils ne le tenteront qu' après nous avoir pilé comme dans un mortier pendant un mois. Je le crois d'autant plus que Stakelberg pretend que leurs renforts veritables (30 mille hommes) n'arriveront ici que vers le 8 (20) septembre. En attendant il leurs viennent des secours partiels. Il en est arrivé ces derniers jours de 5 à 6 mille hommes. Je suis décidé à opiniatrer la defense du côté sud, aussi longtems que faire se pourra, parceque c'est le parti le plus honorable, et que si quelque circonstance imprevue nous favorise, il nous fournira l'occasion d'en profiter“... (Работа идетъ медленно, потому что приходится носить землю издалека и подъ огнемъ непріятеля. Опасаюсь крайне, что Союзники не рѣшатся повести общій штурмъ, либо, по крайней мѣрѣ, поведутъ его не прежде, какъ истолокши насъ какъ-бы въ ступкѣ, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Я думаю такъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Стакельберга, ихъ дѣйствительныя подкрѣпленія прибудутъ сюда не ранѣе 8 (20) сентября; а между тѣмъ они усиливаются постоянно и въ послѣднее время

къ нимъ пришло отъ 5-ти до 6-ти тысячъ человѣкъ. Я рѣшился упорно защищать Южную сторону, пока это будетъ возможно, такъ какъ это самый почетный для насъ исходъ, и къ тому же мы можемъ воспользоваться какимъ либо благопріятнымъ случаемъ). Далѣе—главнокомандующій разсчитывалъ, что если бы даже дальнѣйшая оборона Севастополя въ продолженіи мѣсяца стоила до 25,000 человѣкъ, то ихъ можно было замѣнить, постепенно выдѣляя изъ арміи нужное число людей, такъ чтобы окончательно осталось для защиты Мекензіевыхъ высотъ 20,000 человѣкъ.... Впрочемъ—писалъ князь Горчаковъ—дѣйствительный уронъ гарнизона будетъ не болѣе 10,000 челов. потому что, по всей вѣроятности, онъ усилится 15-ю тысячами выздоровѣвшихъ отъ ранъ и болѣзней ([27]).

Во второй половинѣ августа (въ началѣ сентября), Французы, пройдя подступами чрезъ наши засѣки, впереди Малахова кургана, находились въ разстояніи около 60-ти шаговъ отъ контръ-эскарпа бастіоновъ Корнилова и 2-го, и уже могли видѣть, что брустверъ обоихъ укрѣпленій и куртины между ними былъ разрушенъ, а рвы почти совершенно завалены. Съ обѣихъ сторонъ бросали тучи навѣсныхъ снарядовъ, а въ тѣ немногія минуты, когда умолкалъ громъ орудій, можно было слышать въ ночи говоръ непріятелей ([28]).

На лѣвой французской атакѣ противъ Городской стороны, гдѣ дѣятельно велась подземная война, на пространствѣ передъ бастіонами 4-мъ и 5-мъ и редутомъ Шварца, непріятель успѣлъ подвести свои траншеи на разстояніе около 60-ти шаговъ отъ 4-го и 85-ти — отъ 5-го бастіона.

Атаки Англичанъ подвигались несравненно медленнѣе: въ началѣ сентября по н. ст. они находились въ разстояніи двухъ сотъ шаговъ отъ контръ-эскарпа 3-го бастіона ([29]).

Веденіе осадныхъ работъ на близкомъ разстояніи отъ нашей оборонительной линіи стоило Союзникамъ дорого, хотя и не въ такой степени, какъ намъ защита Севастополя: съ 4-го (16-е) по 23 августа (4-е) сентября), Французы теряли выбывшими изъ фронта ежедневно кругомъ по 170-ти, а Англичане—по 50-ти человѣкъ. Какъ ни велики были у непріятеля запасы снарядовъ, они видимо истощались, и при усиленномъ бомбардированіи могло ихъ стать лишь на нѣсколько дней. Генералъ Боске увѣрялъ, что войска его не могли долго держаться подъ столь сильнымъ огнемъ, а генералъ Ніель, которому не было извѣстно вполнѣ отчаянное положеніе нашихъ укрѣпленій, указывалъ на работы 2-й оборонительной линіи, полагая, что надлежало предупредить ихъ довершеніе рѣшительнымъ штурмомъ. Самъ-же Пелисье, при всей своей отвагѣ, сдѣлавшись осторожнѣе со времени неудачнаго покушенія 6-го (18) іюня, изъявлялъ намѣреніе выждать присылку изъ Франціи четырехъ-сотъ мортиръ, чтобы засыпать бомбами защитниковъ Севастополя; но, уступая желанію своихъ сподвижниковъ, собралъ, 22-го августа (3-го сентября), на военный совѣтъ, для рѣшенія вопроса о предстоявшемъ образѣ дѣйствій, генераловъ: Боске, начальника штаба Мартимпрей, начальника инженеровъ Ніеля, начальника артиллеріи Тири, генераловъ Фроссара, Бёре и начальника инженеровъ англійскаго корпуса, сэра Гарри Джона. Генералъ Ніель, которому главнокомандующій предоставилъ изъявить свое мнѣніе, въ началѣ совѣщанія, предложилъ штурмовать Малаховъ

курганъ, и когда всѣ прочіе генералы единогласно подали такой-же отзывъ, Пелисье сказалъ: „хорошо: будетъ данъ штурмъ" (C'est bien, l'assaut sera donné). За тѣмъ, генералъ Ніель потребовалъ, чтобы не только день, но даже часъ штурма оставался въ тайнѣ до послѣдней минуты. Замѣтимъ, что нѣкоторые изъ французскихъ генераловъ полагали, что было выгоднѣе штурмовать Городскую сторону, овладѣвъ которою, можно было отрѣзать отступленіе на Сѣверную сторону войскамъ занимавшимъ Корабельную. Но генералъ Ніель настаивалъ на своемъ мнѣніи, утверждая, что успѣхъ на какомъ-бы то ни было пунктѣ, кромѣ Малахова кургана, не могъ повести къ овладѣнію Севастополемъ ([30]).

Составленіе проекта штурма было поручено генералу Боске. Положено открыть, 24-го августа (5 сентября), усиленную канонаду по нашимъ укрѣпленіямъ и городу, обращая огонь на различные пункты, и то усиливая, то ослабляя дѣйствіе батарей, чтобы поставить осажденныхъ въ недоумѣніе на счетъ времени и направленія штурма.

24-го августа (5-го сентября), въ день, назначенный для начала шестаго усиленнаго бомбардированія Севастополя, на французскихъ батареяхъ находилось 609 орудій, именно: на правой французской атакѣ 239 (103 пушки, 49 гаубицъ и бомбовыхъ пушекъ и 87 мортиръ), а на лѣвой французской атакѣ 370 орудій; на батареяхъ англійской атаки—198 орудій (108 пушекъ и 90 мортиръ), всего-же на осадныхъ батареяхъ стояло 807 орудій, изъ коихъ только небольшая часть была назначена для дѣйствія противъ Сѣверной стороны и по рейду, либо находилась въ редутахъ на Сапунъ-горѣ ([31]); прочія-же всѣ 698 орудій должны были громить нашу оборонительную линію.

Съ нашей стороны, въ началѣ (въ половинѣ) августа, вооруженіе всѣхъ укрѣпленій Южной стороны состояло изъ 1,381 орудія; изъ нихъ на передовой линіи находилось 982 (32), въ числѣ коихъ около 600 были назначены для борьбы съ осадными батареями, а прочія—для обстрѣливанія лощинъ и овраговъ, для фланговой и внутренней обороны и для дѣйствія въ случаѣ атаки съ моря. Но изъ числа помянутыхъ 600 орудій, назначенныхъ для противодѣйствія осаднымъ батареямъ, слѣдуетъ исключить, по крайней мѣрѣ, 60, которыя будучи подбиты послѣ 4-го (16-го) августа, не были замѣнены новыми (33). Слѣдовательно—противъ 698-ми орудій мы имѣли на передовой оборонительной линіи только около 540.

24-го августа (5-го сентября), въ пять часовъ утра, началась канонада, превосходившая силою всѣ прежнія. Весь Севастополь покрылся густымъ облакомъ дыма, которое съ этой поры три дня сряду висѣло надъ городомъ. Солнце свѣтило; но его не было видно. Громовые, потрясающіе всю окрестность, залпы смѣнялись безпрерывнымъ ровнымъ гуломъ орудій и потомъ снова раздавались съ прежнею силою. Сперва огонь осадныхъ батарей былъ преимущественно обращенъ на Городскую сторону, противъ 4-го и 5-го бастіоновъ; а въ 2 часа пополудни, непріятель, почти совершенно прекративъ канонаду по Городской сторонѣ, сталъ дѣйствовать еще сильнѣе по нашему лѣвому флангу, и въ особенности по Малахову кургану и 2-му бастіону, осыпая ихъ градомъ бомбъ, гранатной картечи и ружейныхъ пуль. Это былъ — по выраженію одного изъ участниковъ побоища—адъ, пожиравшій защитниковъ кургана въ продолженіи двухъ часовъ. Въ 4 часа, непріятель опять усилилъ канонаду противъ Городской стороны, а съ 6-ти часовъ вечера возоб-

повилъ жесточайшій огонь противъ Корабельной. Въ продолженіи этой ужасной канонады. Союзники съ умысломъ иногда прекращали ее, на нѣсколько минутъ, замѣтивъ, что мы, въ эти паузы, изъ опасенія штурма, сосредоточивали на бастіонахъ войска́, пользуясь чѣмъ, непріятель внезапно громилъ ихъ еще съ большею силою (34).

Противъ Малахова кургана былъ сосредоточенъ огонь 110-ти орудій большаго калибра, и въ томъ числѣ до 40 мортиръ. На бастіонѣ Корнилова, въ переднемъ фронтѣ, брустверъ мѣстами былъ срытъ до половины и ровъ засыпанъ, почти всѣ мерлоны разрушены и подбито много орудій. Еще болѣе пострадалъ 2-й бастіонъ, уже полуразрушенный прежнимъ бомбардированіемъ. Находясь въ лощинѣ, бастіонъ былъ поражаемъ съ трехъ сторонъ демонтирными и продольными выстрѣлами, изъ 60-ти орудій, и навѣсно, изъ 30-ти мортиръ. Гарнизонъ этого небольшаго укрѣпленія, лишенный всякихъ укрытій и осыпаемый градомъ гранатной картечи и ружейныхъ пуль, потерялъ, въ продолженіи 12-ти часовъ, изъ 600 человѣкъ, убитыми и тяжело ранеными, болѣе двухъ-сотъ. Всѣ раненые оставались на батареѣ до ночи, и только тогда стало возможнымъ отправлять ихъ съ наименьшею для носильщиковъ опасностью на ближайшій перевязочный пунктъ, устроенный на 1-мъ бастіонѣ. Изъ 20-ти орудій 2-го бастіона было подбито 4; остальныя-же почти всѣ приведены въ бездѣйствіе поврежденіями въ станкахъ и платформахъ. Исправленіе амбразуръ сдѣлалось почти невозможно: уже нѣсколько дней, по опасности сообщенія съ этимъ бастіономъ, на него не было доставлено ни одного тура, ни одной фашины, и потому амбразуры, исправляемыя по ночамъ, съ большою потерею въ людяхъ, изъ стараго совершенно

высохшаго хвороста, безпрестанно загорались и разваливались. Для починки платформъ недоставало лѣса; наибольшую-же опасность представляли пороховой и бомбовой погреба, на сохраненіе коихъ было нами обращено главное вниманіе.

На Городской сторонѣ наиболѣе были повреждены 5-й бастіонъ, люнетъ Шварца и правый фасъ 4-го бастіона ([35]).

Вообще-же въ сей день артиллерія осаждающаго одержала перевѣсъ надъ нашею на всѣхъ пунктахъ, кромѣ 6-го бастіона, Ростиславскаго редута и бастіоновъ 3-го и 1-го. Въ особенности-же удачно дѣйствовали батареи 3-го и 1-го бастіоновъ, управляемыя мужественными и энергическими начальниками, Перелешинымъ 1-мъ и Микрюковымъ ([36]).

Непріятель, не ограничиваясь канонадою и бомбардированіемъ нашей оборонительной линіи, громилъ городъ, Большую и Южную бухты и Сѣверную сторону. Въ городѣ произошло нѣсколько пожаровъ и разрушено стоявшее на горѣ зданіе городскаго телеграфа. Въ 6 часовъ вечера, непріятельская бомба, упавъ на военный транспортъ „Березань“, стоявшій у сѣвернаго берега Большой бухты, прошла до самаго трюма, и тамъ лопнувъ, произвела пожаръ. Какъ всѣ усилія матросовъ потушить его оказались напрасны, и судно, унесенное волною, угрожало мосту, то рѣшено было потопить транспортъ, сдѣлавъ въ немъ нѣсколько пробоинъ выстрѣлами съ ближайшаго изъ нашихъ пароходовъ. Пожаръ продолжался до утра, освѣщая бухту и оба берега ([37]).

Всю ночь продолжалось бомбардированіе. Какъ падающія звѣзды, съ обѣихъ сторонъ сверкали бомбы, скрещиваясь на полетѣ между собою и разрываясь съ зловѣщимъ трескомъ. До 80-ти мортиръ

постоянно сосредоточивали огонь по Малахову кургану и 2-му бастіону, на которомъ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, выбыла изъ строя почти половина рабочихъ. Но, не смотря на то, обороняющійся успѣлъ, не только исправить на этихъ укрѣпленіяхъ и на куртинѣ между ними главныя поврежденія въ пороховыхъ погребахъ и амбразурахъ, но и насыпать нѣсколько новыхъ барбетовъ для полевыхъ орудій ([38]).

Число выстрѣловъ въ эти сутки со стороны осаждающаго вообще простиралось до 40 тысячъ (по другимъ свѣдѣніямъ—болѣе 80 тыс.); а съ нашей—до 20 тыс. Въ гарнизонѣ выбыло изъ строя, какъ показано въ журналѣ военныхъ дѣйствій, 1.200, въ дѣйствительности-же около 2,000 человѣкъ, а у непріятеля до 300 человѣкъ ([39]).

25-го августа (6-го сентября), съ самаго разсвѣта, осаждающій поражалъ всю оборонительную линію еще болѣе жестокимъ огнемъ, нежели наканунѣ, то ослабляя и даже прекращая его, то возобновляя съ большею силою. Наши батареи, по возможности, отвѣчали непріятелю, кромѣ Малахова кургана и 2-го бастіона, которые, черезъ часъ послѣ разсвѣта, были принуждены замолчать. Брустверъ передней батареи Корнилова бастіона былъ почти совершенно срытъ и ровъ мѣстами засыпанъ. Здѣсь нѣсколько разъ загорались туры, и наконецъ пламя, быстро распространяясь, перешло на туровую одежду пороховаго погреба. Непріятель, замѣтивъ дымъ, сосредоточилъ на этотъ пунктъ жесточайшую канонаду и весьма сильный навѣсный огонь; но, не смотря, на то, пожаръ, угрожавшій страшнымъ взрывомъ, былъ потушенъ геройскими усиліями саперъ и рабочихъ Замостскаго полка, подъ начальствомъ Томскаго полка прапорщика Насакина, при чемъ былъ раненъ

этотъ отличный офицеръ и пало до 30-ти нижнихъ чиновъ. На 2-мъ бастіонѣ, обращенномъ въ груду развалинъ, пожаръ слѣдовалъ за пожаромъ и погреба ежеминутно угрожали взрывомъ. Изъ прочихъ укрѣпленій наиболѣе потерпѣли 4-й и 5-й бастіоны. Всего-же у насъ въ этотъ день подбито 29 орудій и 35 станковъ.

Въ городѣ вспыхнуло нѣсколько пожаровъ.

Ночью непріятель осыпалъ градомъ бомбъ и гранатной картечи всю нашу линію, и въ особенности Малаховъ курганъ и 2-й бастіонъ, дѣйствуя также по сообщеніямъ этихъ укрѣпленій, чтобы вредить нашимъ резервамъ. Въ эту ночь, за горжею Малахова кургана, загорѣлся складъ сухаго хвороста, освѣщая яркимъ заревомъ наши укрѣпленія и способствуя непріятелю бить нашихъ рабочихъ на выборъ. Самъ генералъ Хрулевъ поспѣшилъ на мѣсто пожара, и вскорѣ туда пришли изъ Корабельной слободки двѣ роты Сѣвскаго полка. Одушевленные присутствіемъ любимаго начальника, солдаты, подъ руководствомъ подпоручика 6-го сапернаго баталіона Орды, потушили пожаръ, понеся при томъ значительную потерю ([40]).

Число выстрѣловъ въ эти сутки вообще простиралось со стороны осаждающаго до 52-хъ тысячъ; а съ нашей—до 20-ти тысячъ. Выбыло изъ строя: у насъ болѣе 2,500 человѣкъ, а у непріятеля—около 300 ([41]).

Со времени, когда началось усиленное бомбардированіе, защитники Севастополя находились въ постоянномъ ожиданіи штурма; каждый день передъ разсвѣтомъ и во время перерывовъ огня, орудія были заряжаемы картечью, пѣхота становилась по банкетамъ, резервы приближались къ укрѣпленіямъ. Какъ вслѣдъ за тѣмъ, непріятель открывалъ уси-

ленный огонь, то войска наши теряли много людей и чрезвычайно утомлялись. Въ особенности-же мы ожидали штурмъ 26-го августа (7 сентября), полагая, что Французы захотятъ ознаменовать годовщину Бородинской битвы взятіемъ Севастополя. Еще наканунѣ храбрый генералъ Сабашинскій, на 2-мъ бастіонѣ, во время самаго страшнаго бомбардированія, ободряя войска истребляемыя непріятельскими снарядами, сказалъ: „вамъ уже не долго остается терпѣть; завтра разсчитаемся съ Французами и отпразднуемъ бородинскую годовщину".

Но непріятель, все еще не рѣшаясь на штурмъ, и въ сей день, какъ въ оба предъидущіе, открылъ усиленную стрѣльбу, съ самаго разсвѣта—сперва залпами, потомъ артиллерійскимъ батальнымъ огнемъ, съ обычными перерывами, въ продолженіи коихъ осыпалъ укрѣпленія ружейными пулями. Въ этотъ день, кромѣ дѣйствія изъ орудій, были пускаемы изъ-за Карантинной бухты боевыя ракеты и брошено на Малаховъ курганъ, съ помощью фугасовъ, нѣсколько бочекъ съ порохомъ; одна изъ нихъ упала на банкетъ полукруглой батареи впереди гласиса и взрывомъ своимъ вывела изъ фронта до 10-ти человѣкъ, обваливъ брустверъ на 3 сажени. Но этотъ обвалъ былъ тотчасъ задѣланъ, благодаря распорядительности подпоручика 4-го sапернаго баталіона Софронова. Вслѣдъ за тѣмъ, на курганѣ взлетѣлъ погребокъ съ 50-ю зарядами и 100 снаряженными бомбами и гранатами, при чемъ было убито и ранено 15 человѣкъ. Бастіонъ Корнилова, не смотря на энергію временнаго командира своего, капитанъ-лейтенанта Карпова, почти совершенно прекратилъ пальбу. Но люди, уцѣлѣвшіе на немъ отъ истребленія, оставались непоколебимо среди груды труповъ своихъ товарищей и множества раненыхъ, от-

правленіе которыхъ на перевязочный пунктъ было затруднено артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, поражавшимъ продольно дорогу съ кургана въ Корабельную. Нѣсколько матросскихъ женъ отважились посѣтить своихъ раненыхъ мужей и даже привели съ собою дѣтей—принять послѣднее отеческое благословеніе. Большая часть этихъ безвѣстныхъ, но славныхъ женщинъ заплатила жизнью за геройскій подвигъ.

На 2-мъ бастіонѣ осталось всего на все 6 цѣлыхъ орудій и почти вся артиллерійская прислуга перебита. Множество ратниковъ Курскаго ополченія было поставлено къ орудіямъ. Не только доставка орудій и матеріаловъ на 2-й бастіонъ сдѣлалась совершенно невозможною, но даже въ теченіе трехъ дней нельзя было принести туда, не подвергая себя явной гибели, ни одного ведра воды, что крайне увеличивало страданія раненыхъ, лежавшихъ подъ открытымъ небомъ до наступленія ночи, и было весьма тягостно для артиллерійской прислуги и рабочихъ, изнуренныхъ безпрестаннымъ трудомъ при палящемъ знoѣ (42).

На Городской сторонѣ были сильно повреждены 4-й и 5-й бастіоны. Наиболѣе успѣшно съ нашей стороны дѣйствовалъ въ этотъ день, какъ и прежде, 3-й бастіонъ.

Въ 3-мъ часу по полудни, непріятельская бомба, упавъ на стоявшій у сѣвернаго берега Большой бухты фрегатъ „Коварна“, незадолго предъ тѣмъ нагруженный двумя стами бочекъ спирта, зажгла его. Этотъ пожаръ продолжался почти до разсвѣта, освѣщая зеленымъ заревомъ 1-й, 2-й и Корниловъ бастіоны (43).

Ночью непріятель поражалъ укрѣпленія и городъ жесточайшимъ навѣснымъ огнемъ. Въ 10-мъ часу

вечера, вспыхнулъ сильный пожаръ въ городѣ, позади 4-го бастіона, а въ 11 часовъ, въ то самое время, когда двѣ шаланды съ двумя стами пудовъ пороха, отправленныя съ Сѣверной стороны, приближались къ Графской пристани, одна изъ нихъ была взорвана непріятельскою боевою ракетою, а другая, отъ сотрясенія затонула; при этомъ взрывѣ погибли лейтенантъ князь Кекуатовъ и нѣсколько матросовъ и тяжело раненъ капитанъ 2-го ранга Лихачевъ. Лѣстница пристани была разрушена и лежавшія на ней 36-ти-фунтовыя пушки, будучи взброшены на верхнюю площадку, задавили нѣсколько человѣкъ. Отъ сильнаго сотрясенія, на Николаевской и Павловской батареяхъ вылетѣли вонъ всѣ оконныя рамы, и даже на Сѣверной сторонѣ растворились двери въ нѣсколькихъ домахъ и были сдвинуты съ мѣстъ кровати больныхъ ([44]).

Въ эти сутки осаждающій выпустилъ болѣе 50-ти тысячъ снарядовъ, и въ томъ числѣ 30 тыс. разрывныхъ. Съ нашей-же стороны—израсходовано 15 тысячъ. Выбыло изъ фронта: у насъ болѣе 3-хъ тысячъ, а у непріятеля—около 250-ти человѣкъ ([45]).

26-го августа (7-го сентября), наканунѣ послѣдняго дня обороны Севастополя, городъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ строеній, прилегавшихъ къ западному берегу Южной стороны, представлялъ груду обгорѣлыхъ развалинъ. Матеріалы морской части, хранившіеся въ городскихъ складахъ, большею частью обращены на разныя постройки, въ продолженіи осады. Оставался флотъ—послѣдняя жертва, которую надлежало принести, въ случаѣ потери Севастополя. Въ продолженіи трехъ сутокъ усиленнаго бомбардированія, у насъ выбыло изъ фронта болѣе 7,500 человѣкъ, и дальнѣйшая оборона день-ото-дня становилась безнадежнѣе. Исправленіе по

ночамъ поврежденныхъ укрѣпленій было трудомъ напраснымъ; камни и сухая земля, разбитые непріятельскими снарядами, разсыпались отъ попадавшихъ въ нихъ ядеръ и бомбъ, а гранатная картечь и ружейныя пули довершали истребленіе гарнизона. Прежнее активное мужество Севастопольскихъ воиновъ обратилось въ пассивную готовность—умереть, не переживъ потери залога имъ ввѣреннаго. Уже разрушены были укрѣпленія, но еще стояли незыблемо живыя стѣны его защитниковъ ([46]).

ГЛАВА XXXV.

Штурмъ Севастополя.

(27-го августа (8-го сентября) 1855 г.).

26-го августа (7-го сентября) по полудни, генералъ Боскè, созвавъ начальниковъ дивизій и бригадъ, а равно генераловъ инженерной части и артиллеріи своего корпуса, объявилъ имъ, что, по приказанію главнокомандующаго, будетъ произведенъ рѣшительный штурмъ на слѣдующій день въ полдень. За тѣмъ изложивъ общій планъ нападенія и предваривъ, что каждый изъ главныхъ начальниковъ получитъ особую инструкцію, Боскè предложилъ генераламъ обозрѣть и изучить мѣстность, на которой имъ придется двигаться и дѣйствовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приказалъ имъ соблюсти, на счетъ времени штурма, глубочайшую тайну. Еще на военномъ совѣтѣ 22-го (3-го сентября), было рѣшено повести главную атаку на Малаховъ курганъ, устремивъ туда наибольшія силы; но вмѣстѣ съ тѣмъ, для развлеченія вниманія Русскихъ, атаковать ихъ на всѣхъ пунктахъ, начавъ однакоже второстепенныя атаки не прежде, какъ по взятіи Малахова кургана. Штурмъ былъ назначенъ въ полдень—а не на раз-

свѣтѣ — именно по тому, чтобы атаковать насъ въ такое время, когда мы не ожидали нападенія. Къ томуже Союзники опасались диверсіи со стороны русской арміи, дѣйствовавшей въ полѣ: еслибы штурмъ начался на разсвѣтѣ, то вспомогательная армія успѣла-бы въ тотъ-же день придти на рѣку Черную и атаковать Союзниковъ съ тыла; напротивъ того, при начатіи штурма въ полдень, русская армія не могла собраться до наступленія сумерекъ и должна была отложить нападеніе до слѣдующаго утра. Наконецъ, чтобы обезпечить взаимное содѣйствіе различныхъ частей войскъ и избѣжать ошибокъ, подобныхъ той, которая случилась 6-го (18-го) іюня, рѣшено было не подавать никакого сигнала для начала штурма; а при опредѣленіи назначеннаго времени руководиться часами генерала Пелисье, по которымъ начальники частей войскъ и англійскій главнокомандующій, генералъ Симпсонъ поставили свои часы утромъ 27-го августа (8-го сентября). (1).

Диспозиція къ штурму заключала въ себѣ слѣдующія распоряженія:

Для правой (главной) французской атаки, подъ общимъ начальствомъ генерала Боске, назначены три колонны: *лѣвая*, генерала Макъ-Магона, изъ его дивизіи, резервной бригады генерала Вимпфена и двухъ баталіоновъ гвардейскихъ зуавовъ, всего-же въ составѣ 19-ти баталіоновъ, числомъ до 10 тыс. человѣкъ, должна была штурмовать Малаховъ курганъ. *Средняя* колонна, генерала Ламотружа, изъ его дивизіи и четырехъ гвардейскихъ полковъ, въ составѣ 21-го баталіона, числомъ до 10-ти тыс. человѣкъ, назначена для атаки куртины между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ и позади-лежащей второй оборонительной линіи. *Правая* ко-

лонна, генерала Дюлака, изъ его дивизіи, бригады генерала Мароля (дивизіи д'Ореля) и баталіона гвардейскихъ стрѣлковъ, всего въ составѣ 20-ти баталіоновъ, числомъ до 8-ми тыс. человѣкъ, должна была штурмовать 2-й бастіонъ (petit redan), и овладѣвъ имъ, обойти съ лѣваго фланга вторую оборонительную линію. При каждой изъ штурмовыхъ колоннъ находились: по двѣ команды саперъ и пѣхотныхъ рабочихъ, одна съ перекидными мостами и лѣстницами, а другая съ укороченнымъ шанцовымъ инструментомъ, для проложенія пути штурмующимъ войскамъ; команда минеръ, для отысканія контръминъ и уничтоженія приводовъ; команда артиллеристовъ, для заклепки, либо расклепки орудій; кромѣ того, колоннамъ, назначеннымъ для штурма Малахова кургана и 2-го бастіона, приданы особыя артиллерійскія команды, для переноски въ занятыя укрѣпленія небольшихъ мортирокъ (7-фунтов.) и для дѣйствія изъ этихъ орудій (2).

Атака 3-го бастіона (grand redan) была предоставлена Англичанамъ, которые уже штурмовали это укрѣпленіе 6-го (18-го) іюня. Главнокомандующій англійской арміи поручилъ непосредственное начальство надъ войсками въ день 27-го августа (8-го сентября) генералу Кодрингтону. Для штурма назначены двѣ дивизіи: 2-я, Маркгама и легкая, самаго Кодрингстона, а въ главный резервъ—дивизіи: шотландская, Колинъ-Кемпбеля и 3-я Эйра. Число всѣхъ этихъ войскъ простиралось до 10,720-ти человѣкъ, которые были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: *штурмовыя колонны* генерала Ширлея и полковника Виндгама, вообще состоявшія изъ 1,000 охотниковъ 2-й и легкой дивизій, въ головѣ коихъ должны были идти 200 стрѣлковъ и 320 саперъ и рабочихъ, съ лѣстницами и шанцевымъ инструментомъ,

а въ хвостѣ — 200 саперъ и рабочихъ, также съ шанцевымъ инструментомъ. Позади штурмовыхъ колоннъ слѣдовали, одинъ за другимъ, три резерва: первый — въ 1,500, второй — въ 3,000 и третій, главный — въ 4,500 человѣкъ ([3]).

Въ лѣвой французской атакѣ, подъ главнымъ начальствомъ генерала де-Салль, назначены: *правая* колонна (сардинская бригада генерала Чіальдини), въ составѣ 5-ти баталіоновъ, числомъ 1,200 чел. и *средняя* (дивизія д'Отемара), въ составѣ 11-ти баталіоновъ, числомъ 4,000 челов. противъ 4-го бастіона (bastion du mât); *лѣвая* колонна (дивизія Левальяна), въ составѣ 13-ти батал. числомъ 4,300 человѣкъ противъ 5-го бастіона (bastion central). За ними, въ резервахъ, должны были слѣдовать дивизіи Буá и Патѐ, всего 26 баталіоновъ, въ числѣ до 9,000 человѣкъ ([4]). Для содѣйствія пѣхотѣ правой французской аттаки, приказано имѣть въ готовности, утромъ въ день штурма, 24 полевыхъ орудія на бывшей Ланкастерской батареѣ и 12 орудій въ редутѣ Викторія; а для содѣйствія лѣвой аттакѣ—24 орудія, поставя лошадей, по возможности, въ закрытой мѣстности и снабдивъ прислугу лямками, на случай передвиженія орудій на людяхъ ([5]).

Для охраненія тыла Союзныхъ армій, со стороны рѣки Черной, оставлены: одна *бригада изъ дивизіи д'Ореля*, въ составѣ 7-ми батал. при 24-хъ орудіяхъ, числомъ 2,700 человѣкъ, противъ Инкермана; *обсерваціонный корпусъ генерала Гербильона*, въ числѣ 20-ти тыс. чел. при 100 орудіяхъ, на Сапунъ-горѣ и на Ѳедюхиныхъ высотахъ; *сардинскій отрядъ генерала Ламармора*, въ числѣ 8-ми тыс. челов. при 36-ти орудіяхъ, на Гассфортовой горѣ и у сел. Комары; *кавалерія генерала д'Алонвиля*, въ числѣ около 2-хъ тыс. челов. въ Байдарской долинѣ. Наконецъ,

англійскій корпусъ (двѣ пѣхотныя и одна кавалерійская дивизіи), въ числѣ 8-ми тысячъ, и 20 тыс. Турокъ, подъ начальствомъ Османа-паши, были расположены у сел. Кадикіой, впереди Балаклавы (6).

Для охраненія-же лѣвой французской аттаки, со стороны карантина, была назначена бригада генерала Соль, въ числѣ около 2-хъ тыс. челов. поставленная въ траншеяхъ на Кладбищенской высотѣ (7).

Такимъ образомъ противъ Корабельной стороны штурмовыя колонны и резервы ихъ находились въ числѣ 38,720 штыковъ; а противъ Городской стороны—18,500 штыковъ. Для охраненія-же ихъ съ тыла и фланговъ, было оставлено 62,700 человѣкъ; слѣдовательно у Союзниковъ въ сей день наличное число войскъ вообще простиралось до 120-ти тыс. человѣкъ.

Гарнизонъ Южной стороны въ день штурма былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ:

На береговыхъ батареяхъ: Александровской, № 8 и № 10, подъ начальствомъ генералъ-маіора Пихельштейна, 2 баталіона, въ числѣ 800 человѣкъ (8).

На Городской сторонѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Семякина, 40 баталіоновъ съ 16-ю запряженными орудіями, всего 17,200 челов. а именно: *на 1-мъ отдѣленіи* (на 6-мъ и 5-мъ бастіонахъ съ смежными батареями), подъ начальствомъ генералъ-маіора Хрущева, 12 батал., въ числѣ 5,000 человѣкъ (9); *на 2-мъ отдѣленіи* (4-мъ бастіонѣ и смежныхъ батареяхъ), подъ начальствомъ генералъ-маіора Шульца, 12 баталіоновъ, въ числѣ 6,000 человѣкъ (10); *въ главномъ резервѣ Городской стороны* 5-я пѣхотная дивизія, въ составѣ 16-ти батал. числомъ въ 6,200 челов., введенная въ Севастополь во время шестаго (послѣдняго) бомбардированія, и 16 запряженныхъ орудій (11).

На Корабельной сторонѣ, подъ начальствомъ ге-

нераль-лейтенанта Хрулева, 54 баталіона, три дружины и 28 запряженныхъ орудій, всего 23,300 челов. а именно: *на 3-мъ отдѣленіи* (3-мъ бастіонѣ), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Павлова, 13 батал. и одна дружина, въ числѣ 7,500 челов. ([12]); *на 4-мъ отдѣленіи* (на Малаховомъ курганѣ), подъ начальствомъ генералъ-маіора Буссау, 9 баталіоновъ, въ числѣ 3,560 челов. ([13]), и *въ непосредственномъ резервѣ 4-го отдѣленія*, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лысенко, 8 баталіоновъ и одна дружина, въ числѣ 3,500 челов. ([14]); *на 5-мъ отдѣленіи* (на 2-мъ и 1-мъ бастіонахъ), подъ начальствомъ генералъ-маіора Сабашинскаго, 9¾ баталіоновъ и одна дружина, въ числѣ около 3,800 челов. ([15]); и *въ непосредственномъ резервѣ 5-го отдѣленія* 5¼ баталіон., въ числѣ 1,500 человѣкъ ([16]); *въ главномъ резервѣ Корабельной стороны* 9 баталіоновъ, въ числѣ 3,500 человѣкъ и 28 запряженныхъ орудій ([17]).

Всего-же въ Севастопольскомъ гарнизонѣ было: пѣхоты 96 батал. и 3 дружины, въ числѣ 41,300 человѣкъ, одинъ стрѣлковый баталіонъ, 400 челов.; 2¾ батал. саперъ, до 1,100 челов.; въ прислугѣ артиллеріи 4,000 моряковъ и 2,200 человѣкъ сухопутнаго вѣдомства. А число людей вообще 49,000.

Вечеромъ, наканунѣ штурма, всѣ начальники французскихъ пѣхотныхъ дивизій, а равно начальники артиллеріи и инженеровъ, получили отъ генерала Боске приказъ по войскамъ, который должно было прочесть въ каждомъ баталіонѣ въ 8 часовъ утра, когда войска уже станутъ строиться къ бою. Въ этомъ приказѣ, Боске, напоминая взятіе нашихъ передовыхъ укрѣпленій, 26-го мая (7 іюня), и побѣду на Черной, 4-го (16) августа, и умолчавъ объ

отбитомъ штурмѣ, 6-го (18) іюня, вызывалъ своихъ солдатъ нанести послѣдній. смертельный ударъ Русскимъ, взятіемъ Малахова и Севастополя ([18]).

Съ разсвѣтомъ 27-го августа (8 сентября), какъ и въ прежніе три дня, непріятель открылъ жесточайшую канонаду, направляя преимущественно огонь на Малаховъ курганъ и 2-й бастіонъ. Наши секреты, въ продолженіи ночи, доносили о сборѣ въ непріятельскихъ траншеяхъ значительныхъ силъ и мы готовились къ отраженію штурма: орудія были заряжены картечью, банкеты заняты пѣхотою, резервы поставлены вблизи укрѣпленій. Но прошло нѣсколько часовъ, и непріятель, не производя штурма, продолжалъ истреблять наши войска адскимъ огнемъ, что заставило насъ отвести назадъ резервы, оставя на банкетахъ и при орудіяхъ только необходимое число людей.

Въ 8 часовъ утра, осаждающій бросилъ на 5-й бастіонъ два боченка, заряженныхъ каждый ста килограммами (болѣе пяти пудовъ) пороха, и тогда-же взорваны подъ гласисомъ Малахова кургана три горна, каждый въ 500 килограммъ (тридцать пудовъ). Отъ этого взрыва, въ разстояніи около 10-ти саженъ отъ контръ-эскарпа, образовались воронки, которыя не причинили никакого вреда нашимъ галлереямъ, но камнями и глыбами земли у насъ было перебито нѣсколько человѣкъ, и часть бруствера отъ сотрясенія обвалилась въ ровъ; впрочемъ непріятель, производя эти взрывы, преимущественно имѣлъ цѣлью успокоить солдатъ, между которыми ходили слухи, будтобы на всемъ пространствѣ впереди Малахова, были устроены контръ-мины, на случай штурма ([19]).

Въ 10-мъ часу, непріятель ослабилъ на короткое время огонь своихъ батарей; а, между тѣмъ, его переднія траншеи наполнялись людьми, скрытно пе-

ребѣгавшими изъ заднихъ параллелей, куда стягивались сильныя колонны; тогда-же съ Малахова кургана замѣтили движеніе французской артиллеріи, проѣхавшей полемъ и ставшей за редутомъ Брансіонъ (бывшій Камчатскій люнетъ). Въ 10 часовъ утра, на Малаховомъ курганѣ непріятельскими выстрѣлами взорвано до 50-ти снаряженныхъ гранатъ и сбитъ стоявшій у горжи флагштокъ, на которомъ поднимался синій флагъ, для поданія сигнала резервамъ въ случаѣ непріятельской атаки. Въ этоже самое время, подъ сильнѣйшимъ громомъ батарей, прибылъ въ 6-ую параллель генералъ Боске. Въ 11 часовъ. непріятель усилилъ огонь противъ Малахова кургана, а въ исходѣ 12-го направилъ его на нашу 2-ю линію, для пораженія резервовъ. Тогда-же прибылъ на редутъ Брансіонъ Пелисье, съ генералами Ніелемъ, Тири (Thiry), Мартимпрé, и съ офицерами, туда собранными для разсылки приказаній главнокомандующаго ([20]).

Еще на разсвѣтѣ, наши секреты. уходя съ ночныхъ постовъ, донесли о появленіи въ непріятельскихъ траншеяхъ значительнаго числа войскъ, въ парадной формѣ. Потомъ—замѣчены были передвиженія ихъ въ ближайшіе къ намъ подступы, что̀ заставило насъ соблюдать всѣ обычныя мѣры предосторожности. Но огонь непріятеля былъ такъ смертоносенъ, что мы не могли—ни занять оборонительной линіи достаточными силами, ни держать резервы вблизи укрѣпленій.

Малаховъ курганъ, защитникамъ котораго предстояло принять на себя сильнѣйшій ударъ противника, былъ занятъ четырьмя баталіонами трехъ полковъ 15-й резервной дивизіи: Модлинскаго, Прагскаго и Замостскаго, составленныхъ, большею частью, изъ новобранцевъ, всего въ числѣ 1,400 человѣкъ.

(Изъ четвертаго полка—Люблинскаго, въ однобаталіонномъ составѣ, числомъ въ 500 чел. одна треть находилась постоянно на работѣ въ минахъ, а прочія двѣ трети —на отдыхѣ, въ Корабельной слободкѣ). Кромѣ того, на курганѣ состояло до 500 челов. артиллерійской прислуги, штуцерныхъ и саперъ, да на работахъ до 1,000 челов. Орловскаго князя Варшавскаго полка и 49-й курской дружины. Въ резервѣ, за горжею Корнилова бастіона и на 2-й оборонительной линіи, были расположены остальные три полка 9-й дивизіи: Елецкій, Сѣвскій и Брянскій, всего 6 баталіоновъ, въ числѣ 2,400 человѣкъ. Начальникомъ войскъ на Малаховомъ курганѣ былъ старый опытный воинъ—генералъ-маіоръ Буссау. Какъ въ продолженіи канонады съ разсвѣта до полудня убыло на курганѣ нѣсколько сотъ человѣкъ, то число защитниковъ его вмѣстѣ съ резервомъ не превосходило 4,000 штыковъ.

Около полудня, на Малаховомъ курганѣ, люди обѣдали, укрывшись, по возможности, за траверсами и подъ разбитыми блиндажами, отъ пуль и осколковъ бомбъ, во множествѣ падавшихъ на бастіонъ. На банкетахъ оставалось лишь нѣсколько штуцерныхъ, а при орудіяхъ не было почти никого изъ прислуги. Генералъ Буссау готовился раздавать нижнимъ чинамъ георгіевскіе кресты; а капитанъ-лейтенантъ Карповъ находился въ блиндажѣ съ присланнымъ отъ главнокомандующаго флигель-адъютантомъ Воейковымъ.... И вдругъ раздался крикъ: „Французы!“ ([21]).

Это было начало штурма. Послѣ нѣсколькихъ залповъ, большею частью картечными гранатами—ровно въ полдень—непріятельскія батареи прекратили огонь, и въ тотъ же мигъ вся дивизія Макъ-Магона, въ числѣ около 10-ти тыс. челов. устреми-

лась на штурмъ съ оглушающимъ крикомъ: Vive l'Empereur! (да здравствуетъ Императоръ!) Французы, перебѣжавъ сорокъ шаговъ, отъ своей передней траншеи до контръ-эскарпа Малахова кургана, кинулись, въ видѣ густой цѣпи, на лѣвый фасъ бастіона Корнилова, одновременно съ войсками штурмовавшими 2-й бастіонъ и куртину. Полки 1-й зуавовъ и 7-й линейный, почти безъ выстрѣла, взлѣзли на обвалившійся брустверъ, прежде чѣмъ солдаты Модлинскаго полка успѣли занять банкеты; но едва лишь прошло одно мгновеніе, какъ Модлинцы дружно кинулись на встрѣчу непріятелю. Ожесточенный, отчаянный рукопашный бой завязался внутри бастіона. Наши пѣхотинцы и артиллеристы отбивались отъ Французовъ чѣмъ могли, дрались штыками и прикладами, банниками, метали камни. Самъ Буссау, держа въ одной изъ рукъ маленькую шкатулку съ солдатскими крестами, кидалъ другою въ непріятелей камни, пока пуля, ударивъ ему въ грудь, положила его на мѣстѣ. Тогда-же пали командиръ Модлинскаго полка, полковникъ Аршеневскій и баталіонный командиръ, маіоръ Кованько. Модлинцы, лишенные своихъ начальниковъ, потерявшіе многихъ офицеровъ, подавленные безпрестанно прибывавшими непріятелями, подались назадъ. Французы, занявъ весь валгангъ передъ башнею и влѣво до куртины, водрузили трехъ-цвѣтное знамя. Поручикъ Цуриковъ, съ нѣсколькими солдатами, бросился на знамя, вырвалъ его изъ рукъ знаменщика; но былъ убитъ. Тогда-же капитанъ-лейтенантъ Карповъ, собравъ на-скоро нѣсколько матросовъ изъ артиллерійской прислуги и ратниковъ изъ 49-й курской дружины, покушался отбить бастіонъ; но почти всѣ его люди пали въ неровномъ бою и самъ онъ, раненый, упалъ за-мертво и былъ захваченъ въ плѣнъ ([22]).

Между тѣмъ Французы, по овладѣніи батареей, влѣво (съ нашей стороны) отъ башни, оттѣснили стоявшія тамъ двѣ роты Прагскаго полка и пробрались въ тылъ ретраншамента. Завидя ихъ появленіе за горжею бастіона, командиръ Прагскаго полка, полковникъ Фрейндъ, собравъ нѣсколько своихъ ротъ, атаковалъ непріятеля и выбилъ его съ батареи; но самъ былъ смертельно раненъ. Генералъ Макъ-Магонъ поддержалъ свои передовыя войска 20-мъ и 27-мъ линейными полками, которые ворвались на батарею, оттѣснили Прагскія роты и вмѣстѣ съ полками 1-мъ зуавовъ и 7-мъ линейнымъ, выставили свои знамена на бастіонѣ Корнилова и на сосѣдственныхъ батареяхъ. Остатки Прагскихъ ротъ, отойдя назадъ черезъ одинъ изъ проходовъ ретраншамента, соединились съ остатками Модлинскаго полка; а Французы, преслѣдуя ихъ по пятамъ, открыли по нимъ сильный огонь—частью изъ-за траверсовъ и изъ блиндажей, частью съ бруствера лѣваго фаса. Вслѣдъ за тѣмъ, такъ-же былъ принужденъ отступить и Замостскій полкъ, послѣ чего люди трехъ нашихъ полковъ (*) продолжали обороняться, стрѣляя изъ-за горжи ретраншамента и сражаясь въ рукопашную на послѣдней площадкѣ передъ горжею (**). Въ половнѣ 1-го часа по полудни Французы занимали уже почти весь Малаховъ курганъ. Тѣмъ не менѣе однакоже тѣ изъ нашихъ людей, которые не успѣли отступить къ ретраншаменту, ушли въ блиндажи, завалили входы всѣмъ, что̀ попало подъ руку, и били оттуда въ упоръ непріятелей; въ особенности-же надѣлали хлопотъ Французамъ 30 солдатъ Модлинскаго полка, съ тремя офицерами: поручикомъ Юніемъ,

(*) Модлинскаго, Замостскаго и Прагскаго.

(**) Какъ на этой площадкѣ пало много людей, то солдаты прозвали ее *Чортовою* площадкой.

подпоручиками Данильченкомъ и Богдзевичемъ, и двумя кондукторами морской артиллеріи Дубининымъ и Венецкимъ. Эти безстрашные люди, будучи оставлены для охраненія пороха и снарядовъ въ башнѣ, завалили отверстіе въ нее ведущее — каменную арку — турами и фашинами, и очищая меткими выстрѣлами сквозь ружейныя бойницы площадку за башнею, нанесли Французамъ много вреда ([23]).

По занятіи Корнилова бастіона, 1-й стрѣлковый баталіонъ и 1-й зуавскій полкъ обратились влѣво и ударивъ во флангъ батареи Жерве, оттѣснили къ правой сторонѣ ея егерскій Его Имп. Высочества Михаила Николаевича (Казанскій) полкъ. Командиръ полка, полковникъ Китаевъ былъ раненъ и многіе офицеры перебиты. Тогда штабсъ-капитанъ князь Гинглятъ, собравъ остатки полка, отвелъ ихъ на вторую линію. Между тѣмъ, въ часъ по полудни, подошли на Корабельную направленные туда съ Городской стороны, начальникомъ гарнизона, Костромской и Галицкій полки, которые, расположась за второю линіей, правѣе Малахова кургана, вмѣстѣ съ Казанскимъ полкомъ, остановили непріятеля ([24]).

Одновременно съ атакою на Малаховъ курганъ, Французы штурмовали 2-й бастіонъ и куртину.

Въ этотъ день, начальникомъ 5-го отдѣленія оборонительной линіи былъ капитанъ 1-го ранга Микрюковъ, а начальникомъ войскъ, за болѣзнью генералъ-адъютанта князя Урусова, генералъ-маіоръ Сабашинскій. Стѣнку (куртину) между лѣво-фланговою батареей (Никифорова) Малахова кургана и 2-мъ бастіономъ и самый бастіонъ занимали четыре баталіона Олонецкаго полка, въ числѣ 1,100 челов. подъ командою подполковника Алексѣева. Стѣнку отъ 2-го бастіона до правофланговой (Парижской) батареи 1-го бастіона обороняли три баталіона Бѣлозерскаго

полка, въ числѣ 1.200 челов. подъ начальствомъ полковника Иванова 5-го, а на 1-мъ бастіонѣ и въ траншеѣ до рейда были расположены два баталіона Забалканскаго (Черниговскаго) полка, двѣ роты Алексопольскаго полка, курская дружина № 48-го и двѣ роты 4-го стрѣлк. баталіона, всего до 1,700 челов. подъ начальствомъ полковника Нейдгардта. Непосредственный резервъ 5-го отдѣленія, въ Ушаковой балкѣ и ближайшихъ улицахъ Корабельной слободы, состоялъ изъ полутора баталіона Алексопольскаго полка, двухъ баталіоновъ Полтавскаго и двухъ баталіоновъ Кременчугскаго полка, всего въ числѣ 1,500 человѣкъ ([25]).

Ровно въ полдень дивизія Дюлака, въ составѣ 12-ти баталіоновъ, числомъ до 5,000 человѣкъ, двинулась на штурмъ 2-го бастіона. Впереди шла бригада Сенъ-Поля. И здѣсь, подобно тому, какъ на Малаховомъ курганѣ, наши нижніе чины, истомленные продолжительнымъ ожиданіемъ штурма, сойдя съ банкетовъ и укрывшись по возможности отъ сильной канонады, ѣли кашу; генералъ Сабашинскій, въ это время, говорилъ съ капитаномъ генеральнаго штаба Черняевымъ, присланнымъ на 5-е отдѣленіе генераломъ Хрулевымъ, съ предложеніемъ—смѣнить 4-ою дивизіей 8-ую, чтобы дать послѣдней сколько-нибудь отдыха. „Ни за что не разстанусь съ моею 8-ою дивизіей — отвѣчалъ Сабашинскій—давайте лучше закусимъ“. Но едва лишь онъ успѣлъ вымолвить эти слова, какъ ударили тревогу. Французы, перебѣжавъ шаговъ 30 или 40, перескочили ровъ, почти совершенно засыпанный, мгновенно ворвались въ бастіонъ и опрокинули бѣжавшіе въ разсыпную имъ на встрѣчу Олонецкіе баталіоны. За тѣмъ, увлеченныя успѣхомъ, войска Сенъ-Поля, не занявъ достаточными силами бастіона, устремились вслѣдъ за Олонцами, уходив-

шими въ Ушакову балку, и достигли батареи Геннериха. Въ эту самую минуту завѣдывавшій инженерными работами на 5-мъ отдѣленіи. 3-го сапернаго баталіона капитанъ Лебедевъ, собравъ остатки Олонецкихъ баталіоновъ и нѣсколько саперъ, атаковалъ Французовъ. Маіоръ Ярошевичъ, съ баталіономъ Бѣлозерскаго полка, и самъ генералъ Сабашинскій, взявъ изъ резерва баталіонъ Кременчугскаго полка маіора Вакгаузена, ударили на непріятеля, который, между тѣмъ, успѣвъ заклепать ближайшія орудія, покушался остановить наши войска, но былъ выбитъ изъ бастіона, потерявъ до полутораста человѣкъ убитыми и ранеными и нѣсколько офицеровъ плѣнными: въ числѣ убитыхъ находились полковники Дюпюи и и Жавель и начальникъ штаба 4-й дивизіи, подполковникъ Маньянъ. Съ нашей стороны тяжело ранены: маіоры Ярошевичъ и Вакгаузенъ и капитанъ Лебедевъ ([26]).

Генералъ Сабашинскій тотчасъ занялъ банкеты густою цѣпью, которая открыла огонь по бѣгущимъ Французамъ; тогда-же картечью изъ двухъ полу-пудовыхъ единороговъ, которыхъ непріятель не успѣлъ заклепать, было довершено разстройство бригады Сенъ-Поля; бригада-же Биссона, состоявшая большею частью изъ войскъ еще никогда не бывшихъ въ огнѣ, оставалась въ траншеяхъ ([27]).

Атака на куртину между бастіонами 2-мъ и Корнилова была поведена нѣсколько позже. Здѣсь Французы должны были пройти большее пространство и къ тому-же ихъ движеніе было затруднено тройнымъ рядомъ волчьихъ ямъ. Дивизія де-Ламоттъ-Ружа, въ числѣ болѣе 4,000 челов. кинулась густою толпою на куртину; въ головѣ Французовъ устремились самъ начальникъ дивизіи и бригадные командиры Пикаръ и Бурбаки. Правая часть куртины тогда была заня-

та Муромскимъ полкомъ, въ составѣ двухъ баталіоновъ, числомъ 700 человѣкъ, а лѣвая—двумя баталіонами Олонецкаго полка, въ числѣ 550-ти человѣкъ. Какъ только на Малаховомъ курганѣ поднялась тревога, то на куртинѣ ударили въ барабаны и пѣхота обоихъ полковъ частью заняла банкеты, частью стала позади куртины, въ ротныхъ колоннахъ. Французы были встрѣчены картечью и ружейнымъ огнемъ; но, не смотря на то, ворвались на куртину и опрокинули наши малочисленные баталіоны, въ самомъ началѣ боя потерявшіе своихъ начальниковъ. Командиръ Олонецкаго полка, подполковникъ Алексѣевъ 7-й, былъ окруженъ непріятелями и захваченъ въ плѣнъ; командовавшій Муромскимъ полкомъ, подполковникъ Ничикъ тяжело раненъ; многіе изъ офицеровъ выбыли изъ фронта. Бригада Бурбаки, подъ картечью батареи Геннериха и 4-хъ полевыхъ орудій, прорвалась чрезъ нашу вторую линію, захватила полевыя орудія и достигла Корабельной слободки ([28]).

Но успѣхъ непріятеля былъ непродолжителенъ.

Генералъ Хрулевъ, передъ началомъ штурма, находился на своей квартирѣ, въ одномъ изъ казематовъ Павловской батареи, вмѣстѣ съ генералами Лысенкой и Ренненкампфомъ и съ своими ординарцами. Они готовились обѣдать, какъ вдругъ Хрулевъ, замѣтивъ необыкновенное движеніе войскъ на оборонительной линіи, закричалъ: „штурмъ!“ Всѣ кинулись на коней и поскакали къ главному резерву, стоявшему въ Корабельной. Самъ Хрулевъ, не имѣя возможности, за пы ью и дымомъ, видѣть, что̀ дѣлалось на Малаховомъ курганѣ, и полагая, что тамъ непріятель отбитъ, повелъ Шлиссельбургскій и Ладожскій полки къ слабѣйшему пункту—2-му бастіону, и уже на пути туда, получа извѣстіе, что

Французы ворвались на Малаховъ курганъ, послалъ приказаніе генералу Лысенко, чтобы онъ шелъ съ резервомъ 4-го отдѣленія (9-ю дивизіей) отбивать курганъ. Какъ между тѣмъ штурмъ на 2-й бастіонъ уже былъ отраженъ Сабашинскимъ, то Хрулевъ повернулъ вправо по направленію къ куртинѣ. Но еще до прибытія его со 2-ю бригадою 4-й дивизіи, туда прискакали во весь опоръ изъ-за Аполлоновой балки четыре орудія 5-й легкой батареи 11-й артиллерійской бригады, подъ начальствомъ капитана графа Тишкевича, которые осыпали картечью занятую непріятелемъ батарею Геннерпха, и, вслѣдъ за тѣмъ, по приказанію Хрулева, подполковникъ Маллеръ, съ 3-мъ баталіономъ Шлиссельбургскаго полка, выбилъ Французовъ съ батареи, а маіоры Новацкій и Львовъ, съ двумя баталіонами Сѣвскаго полка, опрокинули непріятеля съ части второй линіи, примыкавшей къ горжѣ Малахова кургана. Такимъ образомъ, очистивъ совершенно вторую линію, Хрулевъ поскакалъ на курганъ. За нимъ въ слѣдъ ускореннымъ шагомъ двинулся Ладожскій полкъ (29).

Французы, покушаясь устроиться между нашею второю линіей и куртиною, были атакованы съ фронта подполковникомъ Маллеромъ съ Шлиссельбургскимъ и маіоромъ Новацкимъ съ Сѣвскимъ полками, а съ фланга, вышедшими изъ Ушаковой балки полками: графа Забалканскаго (Черниговскимъ), полковника Нейдгардта, и Кременчугскимъ, маіора Вакгаузена, и прибывшимъ съ Лабораторной батареи, однимъ Полтавскимъ баталіономъ маіора Грушки. Генералъ Сабашинскій, по отбитіи штурма на 2-й бастіонъ, принявъ начальство надъ этими войсками, опрокинулъ непріятеля, не позволилъ ему удержаться на куртинѣ и заставилъ его скрыться въ ближайшихъ траншеяхъ. Но едва лишь была отраже-

на эта атака, какъ Французы снова пошли на штурмъ 2-го бастіона и куртины. Противъ 2-го бастіона двинулась опять бригада Сенъ-Поля, вмѣстѣ съ бригадою Биссóна и гвардейскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, а противъ куртины -дивизія де-Ламоттъ-Ружа. Французы успѣли взойти на бруствeръ 2-го бастіона и прорваться чрезъ куртину; но, будучи совершенно разстроены огнемъ батарей Парижской *) и Лабораторной **) и встрѣчены пѣхотою генерала Сабашинскаго, понесли огромный уронъ; а канонада съ пароходовъ: *Херсонесъ*,*Владимiръ* и *Одесса*, подъ начальствомъ капитановъ: Руднева, Бутакова и Попандопуло, довершила ихъ пораженіе.

Въ день штурма 27-го августа (8-го сентября), наши пароходы занимали мѣстá у южнаго берега Большой бухты, между Аполлоновою балкою и Павловскою батареей. и когда непріятель открылъ усиленное бомбардированіе. приготовились къ движенію. Тѣ изъ нихъ, которые были назначены защищать наше лѣвое крыло, немедленно пошли полнымъ ходомъ: *Херсонесъ* и *Одесса* къ Голландіи; а *Владимiръ* прямо къ сѣверному краю французской батареи, сооруженной для обстрѣливанія Рейда. Проходя мимо Ушаковой балки, послѣдній пароходъ пустилъ нѣсколько бомбъ по (бывшему) Камчатскому редуту; непріятельская батарея стрѣляла рикошетно по пароходу бомбами; но всѣ онѣ перелетали, не нанося никакого вреда нашимъ морякамъ. За тѣмъ, лишь только открылась Килепъ-балка, *Владимiръ* открылъ съ праваго борта огонь бомба-

*) *Парижская* батарея была построена въ концѣ мая (въ первой половинѣ іюня) и образовала часть 1-го бастіона; она состояла изъ двухъ фасовъ, назначенныхъ—лѣвый для дѣйствія по Килепъ-балочной высотѣ, а правый—для фланкированія слѣва 2-го бастіона.

**) *Лабораторная* батарея построена въ первой (во второй) половинѣ февраля, для фланкированія справа 2-го бастіона.

ми и картечью по бѣгущимъ на штурмъ нашихъ укрѣпленій Французамъ. Непріятельская Киленъ-балочная батарея стала стрѣлять по пароходу; но какъ на ней не ожидали, чтобы онъ такъ смѣло подошелъ къ самому входу въ бухту, то всѣ снаряды перелетали черезъ пароходъ. Пользуясь тѣмъ, капитанъ Бутаковъ успѣлъ стать на такое мѣсто, гдѣ, дѣйствуя по непріятельскимъ войскамъ, онъ былъ прикрытъ отъ выстрѣловъ Киленъ балочной батареи и гдѣ Рейдовая батарея не могла, для дѣйствія по немъ, достаточно понизить свои орудія. Такимъ образомъ *Владиміръ* подвергался только штуцерному огню изъ траншей. Въ продолженіи пальбы, пароходъ сносило къ берегу и корму его, по прекращеніи хода впередъ, заворачивало къ берегу, что̀ заставило его, для поворота всѣмъ бортомъ къ непріятелю, маневрировать, проходя—то подъ сѣвернымъ, то подъ южнымъ берегомъ рейда, чтобы становиться на прежнемъ, выгодномъ для дѣйствія, мѣстѣ. Въ половинѣ 4-го часа, *Владиміръ*, въ продолженіи трехъ-часоваго боя, потерявъ убитыми и ранеными 15 человѣкъ и получивъ 21 пробоину ядрами и 62-хъ-фунтовыми бомбами, остановился у Апполоновой балки, чтобы нѣсколько оправиться, а въ 4 часа прошелъ срединою рейда и, опять ставъ близъ французской батареи, снова стрѣлялъ по непріятельскимъ резервамъ, бѣжавшимъ на штурмъ къ Малахову кургану. Когда-же, въ 9 часовъ вечера, началась въ Корабельной амбаркація войскъ, *Владиміръ* перевезъ на Сѣверную сторону — сперва 1,300, а потомъ, въ 5 часовъ утра, еще 1,190 чел. Во время высадки въ Куриной балкѣ, непріятель сталъ бросать въ пароходъ бомбы съ батареи у рейда; но какъ только корма *Владиміра* освободилась отъ людей, онъ, въ свою очередь, открылъ

огонь по французской батареѣ; а потомъ пошелъ въ Южную бухту и не прежде сталъ на якорь между Сѣверною пристанью и Сухою балкою, какъ удостовѣрясь, что уже больше никого изъ нашихъ не оставалось въ городѣ (30). По словамъ писателя, котораго отнюдь нельзя подозрѣвать въ пристрастіи къ Русскимъ: „Геройское и величественное, хотя и бѣдственное для Французовъ, зрѣлище представлялъ въ особенности столь славный своими прежними подвигами, пароходъ *Владиміръ*, который, подъ начальствомъ Бутакова, подойдя быстро подъ выстрѣлы укрѣпленій Лаваранда (Киленъ-балочныхъ редутовъ), давалъ залпы, то съ одного, то съ другаго борта, повидимому, нисколько не страдая отъ огня нашихъ батарей и внося гибель и смятеніе въ ряды штурмовыхъ колоннъ. Трудно сказать, сколько пало Французовъ у 2-го бастіона. Никогда—говорятъ—не было на такомъ пространствѣ столько убитыхъ и раненыхъ“ (31). Одинъ изъ бригадныхъ командировъ, Сенъ-Поль—былъ убитъ; другой, Биссонъ — тяжело раненъ. Въ 85-мъ линейномъ полку выбыли изъ фронта всѣ штабъ-офицеры и остаткомъ полка командовалъ капитанъ. Бригада Бурбаки, прорвавшаяся чрезъ куртину до ближайшихъ строеній Корабельной, была принуждена столь-же быстро уйти назадъ. Бригада Пикара, потерявъ убитыми и ранеными своего командира и почти всѣхъ штабъ-офицеровъ, такъ-же была отброшена въ траншею (32).

Двукратная неудача нападенія на куртину заставила генерала де-Ламотъ-Ружа послать къ начальнику полевыхъ батарей, стоявшихъ у Ланкастерской батареи, Сути, съ просьбою о поддержаніи штурмующихъ войскъ дѣйствіемъ артиллеріи. Полковникъ Сути сказалъ присланному офицеру, чтобы онъ обратился къ генералу Бёре, который, съ своей

стороны, отозвался на то, что слѣдуетъ испросить разрѣшеніе состоявшаго при главнокомандующемъ, начальника артиллеріи, генерала Тири (Thiry). Когда-же наконецъ начальникъ штаба Мартимпрей доложилъ о томъ самому генералу Пелисье и получено было приказаніе поддержать пѣхоту огнемъ артиллеріи, тогда находившійся въ свитѣ главнокомандующаго, полковникъ Гюгенѐ (Huguenet) вызвался провести батареи по мѣстности ему совершенно извѣстной. Оказалось, что артиллерія могла двигаться по указанному имъ направленію не иначе, какъ колонною въ одно орудіе, и подходя къ нашей куртинѣ, должна была выстроиваться подъ градомъ ружейныхъ пуль и картечи. Всѣ усилія непріятельской артиллеріи выѣхать на позицію были напрасны. Батареѣ Дешана (Deschamps) не удалось сдѣлать ни одного выстрѣла; большая часть прислуги пала; изъ 96-ти строевыхъ лошадей осталось всего-на-все три или четыре. Полковникъ Сути былъ израненъ. Командиръ другой его батареи капитанъ Рапатель былъ пораженъ смертельно, а полковникъ Гюгенѐ убитъ на поваль. Нѣсколько другихъ артиллерійскихъ штабъ-офицеровъ выбыло изъ фронта. Самъ Боскѐ, стоявшій за бруствером передней параллели и распоряжавшійся оттуда съ обычнымъ ему хладнокровіемъ, былъ пораженъ въ бокъ осколкомъ гранаты. Французы были принуждены оставить на мѣстѣ четыре орудія и бросили-бы всѣ остальныя, еслибы не спасло ихъ дѣйствіе осадныхъ батарей противъ куртины ([33]). Эта канонада, вмѣстѣ съ тучею ружейныхъ пулей, летѣвшихъ съ лѣваго фронта Малахова кургана во флангъ и въ тылъ войскамъ оборонявшимъ куртину, нанесла имъ огромныя потери. Командиръ графа Забалканскаго (Черниговскаго) полка, полковникъ Нейдгардтъ былъ тяжело

раненъ; командиръ Кременчугскаго полка Вакгаузенъ—раненъ. Войска наши гибли, почти не имѣя возможности поражать непріятеля, засѣвшего во рву и за наружною крутостью бруствера; въ продолженіи получаса, солдаты обѣихъ сторонъ, раздѣленные одни отъ другихъ только толщею бруствера, перестрѣливались въ упоръ и бились камнями. Наконецъ—генералъ Сабашинскій, видя, что Малаховъ курганъ все еще оставался въ рукахъ непріятеля, уже въ 3-мъ часу, рѣшился оставить занятую Французами часть куртины. Сѣвскій и Шлиссельбургскій полки, отойдя во вторую линію, стали вправо отъ батареи Геннериха; а полки 8-й дивизіи—частью въ траншеѣ правѣе 2-го бастіона, частью въ самомъ бастіонѣ (34).

Вскорѣ за тѣмъ двинулась въ помощь дивизіи Дюлака, въ числѣ 2,500 человѣкъ, слѣдовавшая въ резервѣ бригада Маро́ля. Полки 15-й и 96-й линейные, незадолго предъ тѣмъ прибывшіе въ Крымъ и состоявшіе въ комплектномъ числѣ, кинулись на валы. Ни картечь, ни ружейный огонь въ упоръ, не могли остановить ихъ, и уже трехъ-цвѣтное знамя развѣвалось на 2-мъ бастіонѣ. „Сюда! на валы!“ кричалъ генералъ Сабашинскій. Солдаты его, вскочивъ на брустверъ, встрѣтили Французовъ ударомъ въ штыки; другіе, внутри бастіона, дрались въ рукопашную штыками и прикладами, поражали непріятеля, опрокинутаго въ ровъ, камнями и осколками бомбъ. Этотъ ужасный бой продолжался не долѣе нѣсколькихъ минутъ. Французы не только совершенно очистили бастіонъ, но выскочили изъ рва и бѣжали въ ближайшій изъ своихъ плацдармовъ, провожаемые батальнымъ огнемъ со 2-го бастіона и картечью съ Лабораторной и Парижской батарей. Потери непріятеля были огромны: самъ Мароль былъ

убитъ; множество штабъ и оберъ-офицеровъ выбыло изъ фронта. Ровъ бастіона и все пространство впереди его были наполнены тѣлами Французовъ. Непріятельскія войска, занявшія куртину, такъ-же были поддержаны резервомъ—отборными войсками гвардейскихъ гренадеръ и вольтижеровъ, подъ начальствомъ генераловъ Уриха и Понтевѐ. Но и здѣсь Французы понесли страшную потерю: одинъ изъ отличнѣйшихъ генераловъ ихъ—Понтевѐ былъ смертельно раненъ; генералъ Меллинѐ, полковники Бланшаръ и Монтера̀, нѣсколько штабъ офицеровъ и многіе оберъ-офицеры четырехъ гвардейскихъ полковъ были убиты, либо ранены; а нѣсколько офицеровъ и полтораста нижнихъ чиновъ захвачены въ плѣнъ нашими войсками ([35]).

Въ продолженіи трехъ-часоваго боя, на 2-мъ бастіонѣ и куртинѣ, непріятель ввелъ въ дѣло 41 баталіонъ, всего до 18-ти тыс. штыковъ: а съ нашей стороны участвовало въ бою 21 баталіонъ, числомъ до 7,000 человѣкъ ([36]). И не смотря на такую несоразмѣрность силъ, всѣ штурмы Французовъ были отражены и въ рукахъ ихъ осталась только ближайшая къ Малахову кургану часть куртины.

Густая пыль, гонимая сѣвернымъ вѣтромъ на встрѣчу Союзникамъ, и дымъ отъ артиллерійской и ружейной пальбы не позволяли различать сигналовъ; но какъ только Англичане замѣтили появленіе трехъ-цвѣтнаго знамени на Малаховомъ курганѣ, то генералъ Кодрингтонъ повелъ войска на штурмъ 3-го бастіона. Сообразно отданной диспозиціи, въ головѣ колоннъ разсыпались 200 стрѣлковъ (rifles); за ними слѣдовали саперы и рабочіе, и наконецъ штурмовыя колонны генерала Ширлея и полковника Винд-

гама, въ числѣ около тысячи человѣкъ, въ резервахъ коихъ должны были идти остальныя войска 2-й и легкой дивизій, поддержанныя дивизіями: шотландскою и 3-ею. Вообще-же для штурма 3-го бастіона было назначено—какъ уже сказано—до 11-ти тыс. человѣкъ.

Въ гарнизонѣ 3-го бастіона тогда находился Владимірскій полкъ (2 баталіона, въ числѣ 750 человѣкъ); на смежныхъ съ бастіономъ батареяхъ, - влѣво отъ него, стояли полки: Суздальскій (2 батал. 800 чел.), Якутскій (2 батал. 1,200 чел.) и 47-я дружина Курскаго ополченія, (600 чел.); а вправо отъ 3-го бастіона — 6-й сводный резервный баталіонъ (350 чел.) и Камчатскій полкъ (2 батал. 1,100 чел.). На Пересыпи Охотскій полкъ (2 батал. 1,500 чел.), а въ резервѣ за бастіономъ, во 2-й линіи, Селенгинскій полкъ (2 батал. 1,200 чел.). Всего-же на 3-мъ бастіонѣ и смежныхъ батареяхъ было до 7,500 человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Павлова.

Штурмовыя англійскія колонны, которымъ надлежало перебѣжать пространство трехъ сотъ шаговъ отъ своихъ траншей до контръ-эскарпа 3-го бастіона, понесли большія потери; въ особенности-же пострадала отъ картечнаго и ружейнаго огня колонна генерала Ширлея, направленная на исходящій уголъ бастіона. Полковникъ Унеттъ былъ смертельно раненъ; а Ширлей, изнемогавшій отъ болѣзни, будучи раненъ, передалъ начальство надъ своими войсками полковнику Банбури. Полковникъ Виндгамъ устремилъ свою колонну нѣсколько правѣе исходящаго угла, и пользуясь полуразрушеннымъ состояніемъ бастіона, ворвался въ него. Начальникъ 3-го отдѣленія Перелешинъ 1-й, съ первыми изъ попавшихъ ему подъ руку солдатъ Владимірскаго полка, поку-

шался остановить непріятеля и былъ раненъ пулею, оторвавшею у него два пальца на лѣвой рукѣ, но хотя онъ и весьма ослабѣлъ отъ истеченія крови, однакоже не прежде оставилъ бастіонъ, какъ сдавъ отдѣленіе капитану 1-го ранга Никонову. Владимірцы, атакованные превосходными силами, были оттѣснены за вторую линію, гдѣ сталъ устраивать ихъ командиръ полка, полковникъ Венцель между тѣмъ какъ Англичане не пошли далѣе, а занялись заклепкою орудій и открыли ружейный огонь по отступавшимъ войскамъ. Пользуясь ихъ бездѣйствіемъ, подполковникъ Артемьевъ и капитанъ Коршунъ, съ 1-ою карабинерною ротою Камчатскаго полка, взятою съ батареи Никонова, и прибѣжавшими съ батарей Яновскаго и Будищева частями Суздальскаго и Якутскаго полка; а также полковникъ Венцель, съ остатками своего полка, ударили въ штыки. Исправлявшій должность начальника штаба 3-го отдѣленія, командиръ Селенгинскаго полка Мезенцовъ, отличный офицеръ, прославившійся на Кавказѣ, услышавъ тревогу, такъ-же направилъ къ бастіону свой полкъ и самъ одинъ изъ первыхъ, встрѣтивъ Англичанъ, палъ смертью героя, пораженный двумя пулями. Подполковникъ Артемьевъ былъ раненъ, но остался при войскахъ и участвовалъ въ совершенномъ пораженіи непріятеля. Войска Виндгама, потерявъ одними плѣнными до полутораста человѣкъ, въ числѣ коихъ полковника Гаммонда, получившаго девять ранъ штыками, частью бѣжали въ свои траншеи, частью залегли въ ложбинахъ мѣстности и продолжали стрѣлять по бастіону.

Самъ Виндгамъ, по истребленіи штурмовыхъ англійскихъ колоннъ, отправился, подъ сильнѣйшимъ огнемъ, къ генералу Кодрингтону и просилъ его о немедленномъ поддержаніи отбитыхъ войскъ резер-

вами. „Дѣйствительно-ли вы надѣетесь еще что либо сдѣлать? — спросилъ генералъ. — Въ такомъ случаѣ, возмите резервы.“ — „Господа офицеры, впередъ! Пойдемъ въ порядкѣ, и если только не разстроимся, то бастіонъ нашъ!“ — сказалъ Виндгамъ, указавъ направленіе, по которому должна была слѣдовать колонна.

Но уже было поздно. Генералъ Павловъ успѣлъ поддержать войска, оборонявшія бастіонъ, стоявшими на 2-й линіи двумя баталіонами Селенгинскаго полка. Англичане были отражены ружейнымъ огнемъ и картечью нѣсколькихъ орудій незаклепанныхъ непріятелемъ, изъ коихъ, за недостаткомъ артиллерійской прислуги, которая почти вся была перебита, дѣйствовали Селенгинцы, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Васильева. Только небольшой кучкѣ Англичанъ удалось достигнуть рва бастіона и засѣсть тамъ; но прапорщикъ Дубровинъ, съ охотниками, вызванными изъ Владимірскаго полка, спустился въ ровъ и частью истребилъ, частью забралъ въ плѣнъ всѣхъ скрывавшихся во рву непріятелей.

Одновременно со вторымъ штурмомъ 3-го бастіона, Англичане атаковали смежныя батареи небольшими колоннами и были вездѣ отражены съ урономъ. На батареѣ Яновскаго, влѣво отъ бастіона, ихъ опрокинулъ полковникъ Дараганъ 5-й, съ двумя баталіонами Суздальскаго полка, поддержанный тремя ротами Якутскаго полка, подъ начальствомъ полковника Велька, и частью 47-й курской дружины полковника фонъ-Аммерса. На штурмовыхъ-же батареяхъ, вправо отъ бастіона, Англичане опрокинули Сводный резервный Минско-Волынскій баталіонъ, при чемъ раненъ командиръ его, маіоръ Масловъ; но вслѣдъ за тѣмъ были выбиты за валъ

маіоромъ Торпау, съ шестью ротами Селенгинцевъ, и частью Камчатскаго полка.

Это была послѣдняя попытка Англичанъ овладѣть 3-мъ бастіономъ Въ два часа по полудни, генералъ Павловъ, отбивъ второй штурмъ, приказалъ обратить огонь лѣво-фланговыхъ батарей 3-го отдѣленія на занятый Французами Малаховъ курганъ. Командиръ крайней батареи у Доковаго оврага, лейтенантъ Прокофьевъ направилъ свои орудія на исходящую часть кургана и вмѣстѣ съ пароходами „Бессарабія“ и „Громоносецъ“, подъ начальствомъ Щеголева и Кульчицкаго, стоявшими у Павловскаго мыска, открылъ навѣсный огонь на оконечность кургана. Съ „Бессарабіи“ было брошено туда до 600 бомбъ, а какъ нельзя было видѣть гдѣ ложились снаряды, то отчасти доставалось и своимъ ([37]).

Въ часъ по полудни, когда Англичане въ первый разъ штурмовали 3-й бастіонъ и, казалось, могли утвердиться въ этомъ укрѣпленіи, генералъ Пелисье подалъ условленный сигналъ нѣсколькими ракетами къ нападенію на Городскую сторону; но генералъ де-Саль не могъ различить достовѣрно сигнала, и пока посылалъ освѣдомиться о немъ и получилъ отвѣтъ, уже было два часа по полудни. Между тѣмъ, предполагалось съ самаго утра дѣйствовать съ моря по Городской сторонѣ; но сильный вѣтеръ, угрожавшій обратиться въ бурю, парализировалъ морскія силы Союзниковъ, и только канонирскія лодки, стоявшія въ Стрѣлецкой бухтѣ, открыли огонь по городу и мосту. Имъ отвѣчали береговыя батареи.

Для обороны 4-го и 5-го бастіоновъ съ ближайшими къ нимъ укрѣпленіями, мы имѣли вмѣстѣ съ резервами Городской стороны до 15-ти тысячъ человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейте-

нанта Семякина (*). Для атаки Городской стороны были сдѣланы слѣдующія распоряженія: дивизія Левальяна (13 батал. въ числѣ 4,300 чел.) назначена для атаки 5-го бастіона (bastion Central) и смѣжныхъ съ нимъ укрѣпленій; дивизія d'Отмара (11 батал.—4,000 челов.) должна была слѣдовать за дивизіею Левальяна и пройдя за оборонительную линію, овладѣть съ горжи 4 мъ бастіономъ (bastion du Mât), противъ котораго съ праваго фланка предполагалось направить сардинскую бригаду Чіальдини (5 батал.—1,200 челов.); въ резервѣ находились дивизіи Патè и Буá (26 батал. въ числѣ 9,000 челов.). Всего-же противъ Городской стороны направлено 18,500 человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ генерала де-Саль ([38]).

Ровно въ два часа по полудни, дивизія Левальяна, выйдя изъ своихъ передовыхъ траншей,, устремилась бѣгомъ на штурмъ: бригада Тротю, впереди которой шли стрѣлки и охотники съ лѣстницами, двинулась двумя колоннами на исходящій уголъ 5-го бастіона и на люнетъ Бѣлкина; а бригада Кустона, въ такомъ-же порядкѣ, на люнетъ Шварца, отъ котораго была не далѣе 50-ти шаговъ. Французы бросились на это укрѣпленіе, едва давъ нашимъ войскамъ время сдѣлать нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, ворвались черезъ амбразуры на правый фасъ люнета и оттѣснили занимавшій его Житомірскій баталіонъ (500 челов.) сперва къ лѣвому фасу, а потомъ—въ Городской оврагъ. При этомъ палъ храбрый баталіонный командиръ маіоръ Романовичъ. Но дальнѣйшее наступленіе непріятеля было остановлено картечью и ружейнымъ огнемъ 5-го бастіона, на ко-

(*) Подъ его-же начальствомъ состояли гарнизоны береговыхъ батарей и 6-го бастіона съ смежными батареями, въ числѣ 2,800 человѣкъ.

торомъ штурмъ тогда уже былъ отбитъ; а, между тѣмъ, командиръ Житомірскаго полка, полковникъ Жерве, выйдя изъ Чесменскаго редута съ однимъ изъ своихъ баталіоновъ и присоединивъ къ нему остатки другаго, ударилъ въ штыки и опрокинулъ Французовъ въ ровъ. Когда-же они устроились снова и ворвались вторично въ люнетъ, ихъ встрѣтилъ командиръ Екатеринбургскаго полка, подполковникъ Веревкинъ, пришедшій изъ Городскаго оврага съ двумя своими ротами, и прибылъ въ Чесменскій редутъ самъ генералъ Хрущевъ съ Минскимъ полкомъ. Французы были окончательно выбиты изъ люнета и скрылись въ своихъ траншеяхъ, потерявъ множество людей убитыми и 90 чел. плѣнными; въ числѣ последнихъ находился подполковникъ Ле-Баннёръ.

Отбитію штурма на люнетъ Шварца много содѣйствовалъ картечный огонь нѣсколькихъ орудій люнета Бѣлкина. Самъ Тропю повелъ одну изъ своихъ колоннъ на штурмъ этого укрѣпленія и былъ тяжело раненъ въ ногу. Многіе офицеры его бригады выбыли изъ фронта. Не смотря однакоже на страшный уронъ, Французы прошли глубокою лощиною мимо 5-го бастіона и залегли въ обрывѣ, откуда имъ оставалось до люнета не болѣе 40 шаговъ. Тамъ, еще весною, были заложены, на случай штурма, три камнеметныхъ фугаса съ гальваническимъ приводомъ. Какъ только непріятели столпились на этомъ пунктѣ, то фугасы были взорваны. Когда-же Французы, устрашенные неожиданнымъ взрывомъ и поражаемые картечью съ 5-го бастіона, укрылись во рву люнета, подпоручикъ Банковскій, съ ротою Подольскаго полка, и поручикъ морской артиллеріи Назаровъ, съ шестью матросами, выбили непріятеля изъ рва, захвативъ въ плѣнъ 6 офицеровъ и 78 нижнихъ чиновъ ([30]).

Атака на 5-й бастіонъ была ведена довольно

вяло, потому что Французы опасались контръ-минъ и дойдя до вала исходящаго угла, завязали перестрѣлку. Въ это самое время отъ пальбы загорѣлась туровая одежда внутренней крутости; но сводный баталіонъ Бѣлостокскаго полка и одинъ изъ баталіоновъ Подольскаго полка, подъ начальствомъ полковаго командира, храбраго полковника Аленникова, кинулись въ огонь, сбросили непріятеля съ бруствера и обратили его въ бѣгство. Здѣсь, къ общему сожалѣнію, палъ славною смертью лейтенантъ Банковъ (40).

Французы, отбитые на всѣхъ пунктахъ своей лѣвой атаки, рѣшились возобновить нападеніе на 5-й бастіонъ частью войскъ дивизіи д'Отемара, сперва назначенной для дѣйствія противъ 4-го бастіона. Начальникъ штаба 1-го корпуса, генералъ Риве и начальникъ штаба дивизіи Левальяна, полковникъ Ле-Телье-Валазè, направили изъ ближайшей къ нашимъ укрѣпленіямъ траншеи бригаду генерала Бретона, правѣе колоннъ Левальяна. Но едва лишь эти полки тронулись съ мѣста, какъ, встрѣченные жестокимъ картечнымъ огнемъ, были отброшены въ безпорядкѣ назадъ въ траншею. Здѣсь пали генералы Риве и Бретонъ а генералъ Кустонъ былъ сильно контуженъ (41).

Въ три часа по полудни, генералъ де-Салль, собравъ въ траншеяхъ дивизію Левальяна, которая потеряла вообще выбывшими изъ фронта болѣе 1,600 человѣкъ, устроилъ войска, чтобы возобновить нападеніе на 5-й бастіонъ, и атаковать 4-й бастіонъ, съ содѣйствіемъ дивизіи д'Отемара и резервовъ. Генералъ Пелисье, еще не будучи увѣренъ въ томъ, что занятіе Малахова повлечетъ за собою паденіе Севастополя, приказалъ спросить генерала Симпсона—можетъ-ли онъ немедленно снова штурмовать

3-й бастіонъ, и когда Симпсонъ, по совѣщаніи съ главными начальниками войскъ, отвѣчалъ, что онъ будетъ готовъ къ тому не прежде какъ на слѣдующій день, Пелисье послалъ приказаніе де-Саллю — ограничиться канонадою по русскимъ укрѣпленіямъ ([42]).

Такимъ образомъ непріятель, штурмуя разрушенныя укрѣпленія, обороняемыя недостаточнымъ числомъ войскъ, на пространствѣ отъ 2-го до 5-го бастіона, успѣлъ овладѣть только Малаховымъ курганомъ; на всѣхъ-же прочихъ пунктахъ устояли защитники Севастополя.

Занятіе Малахова кургана обошлось дорого непріятелю.

При отступленіи гарнизона Корнилова бастіона на послѣднюю площадку кургана, прибылъ по распоряженію Хрулева, генералъ Лысенко съ частью находившихся въ резервѣ полковъ 9-й дивизіи: князя Варшавскаго (Орловскаго), Елецкаго и Брянскаго. Спустя нѣсколько минутъ, прискакалъ самъ Хрулевъ и за нимъ прибѣжалъ Ладожскій полкъ. Ставъ въ головѣ этого полка и нѣсколькихъ ротъ 9-й дивизіи, Хрулевъ слезаетъ съ лошади и ведетъ солдатъ въ шести-рядной колоннѣ чрезъ проходъ, оставленный въ горжѣ бастіона. Все пространство, по которому надлежало наступать нашимъ войскамъ, подъ огнемъ густой цѣпи алжирскихъ стрѣлковъ, занимавшихъ траверсы и блиндажи, было завалено трупами. Французы стрѣляютъ почти въ упоръ. Головные ряды колонны Хрулева падаютъ; за ними идущіе подаются впередъ. Уже остается не болѣе тридцати шаговъ до траверса, за которымъ стоятъ Французы; русскій штыкъ уже готовъ рѣшить дѣло; но вдругъ Хрулевъ раненъ пулею, оторвавшею ему палецъ на лѣвой рукѣ; превозмогая боль, мужественный воинъ еще дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ,

и вслѣдъ за тѣмъ, сильно контуженный въ голову, принужденъ остановиться. „Скачите къ генералу Сабашинскому—говоритъ онъ одному изъ своихъ ординарцевъ, штабсъ-капитану Павлову.—Пусть онъ приметъ команду надъ войсками“, и самъ, изнемогая отъ потери силъ, оставляетъ мѣсто кроваваго побоища. Тогда-же былъ раненъ командиръ Ладожскаго полка, полковникъ Галкинъ и перебиты всѣ старшіе офицеры. Войска наши остановились и, подавшись назадъ, частью стали позади горжи, за траверсами, частью укрылись за развалинами строеній, на заднемъ (сѣверномъ) склонѣ кургана. Принявъ надъ ними начальство, генералъ Лысенко повелъ впередъ нѣсколько ротъ своей дивизіи, часть Ладожскаго полка и 48-й курской дружины, но такъ-же былъ отбитъ и смертельно раненъ. Мѣсто его занялъ генералъ Юферовъ. Устроивъ съ трудомъ уже два раза опрокинутыя войска, храбрый Юферовъ повелъ ихъ на штурмъ кургана. Наши солдаты отчаянно ломились въ горжу бастіона, гдѣ завязался жестокій рукопашный бой. Самъ Юферовъ, сражаясь въ головѣ своей колонны, былъ окруженъ Французами и на предложенія сдаться отвѣчая сабельными ударами, палъ геройскою смертью. Почти въ одно время съ нимъ смертельно раненъ одинъ изъ нашихъ отличнѣйшихъ офицеровъ, флигель-адъютантъ Воейковъ. Собравъ нѣсколько охотниковъ, онъ повелъ ихъ на курганъ со стороны батареи Жервè и палъ, пораженный пулею въ грудь на вылетъ. Капитанъ-лейтенантъ Ильинскій, по смерти генерала Юферова, оставшись старшимъ при войскахъ у Малахова кургана, какъ будто заговоренный отъ вражескихъ пуль, разъѣзжалъ на своей казачьей лошадкѣ среди убитыхъ и раненыхъ и покушался атаковать непріятеля со стороны куртины; но всѣ усилія храб-

рыхъ были напрасны. Французы окончательно оттѣснили разстроенные остатки нашихъ войскъ, сильно заняли горжу и стали задѣлывать оставленный въ ней выходъ ([43]).

Таково было положеніе дѣлъ на курганѣ, въ половинѣ 3-го часа по полудни.

Какъ только главнокомандующій получилъ извѣстіе о началѣ штурма, то приказалъ перевести съ Сѣверной стороны, по мосту, въ городъ, полки: Азовскій, Украинскій, Одесскій и резервный Смоленскій, и самъ прибылъ на Николаевскую батарею; вслѣдъ за тѣмъ, узнавъ о занятіи непріятелемъ Малахова кургана и ранѣ Хрулева, Князь Горчаковъ послалъ туда начальника 12-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта Мартинау, съ Азовскимъ и Одесскимъ полками, и поручилъ ему команду надъ всѣми войсками въ Корабельной. Прибывъ къ Малахову кургану, въ то время, когда наши войска уже были вытѣснены оттуда и совершенно разстроены, генералъ Мартинау повелъ на штурмъ Азовцевъ и Одессцевъ. Эти малочисленные, но закаленные въ бояхъ, полки двинулись чрезъ горжу безъ выстрѣла, съ барабаннымъ боемъ. Но на этотъ разъ всѣ усилія храбрыхъ воиновъ остались безуспѣшны. „Казалось — говоритъ французскій историкъ — что они шли только за тѣмъ, чтобы показать, какъ Русскіе жертвуютъ собою до послѣдней минуты и умираютъ.“ Самъ мужественный Мартинау былъ тяжело раненъ штуцерною пулею, раздробившею ему плечо. Удаляясь съ поля битвы, онъ послалъ доложить главнокомандующему, что войска Корабельной остались безъ начальника ([44]).

И дѣйствительно—уже не было у насъ тамъ не

только главнаго начальника, но и полковыхъ и баталіонныхъ командировъ; почти всѣ офицеры выбыли изъ фронта. Нѣсколько разъ не хватало патроновъ и капсулей и приходилось сбирать ихъ отъ убитыхъ и раненыхъ, которыми было устлано все пространство между курганомъ и Корабельною слободкою. И въ такомъ безвыходномъ положеніи, безподобные русскіе солдаты, не обращая вниманія на несмѣтное превосходство непріятеля въ силахъ, не допускали мысли, чтобы курганъ остался въ рукахъ Французовъ. Безпрестанно раздавались крики: „Давайте патроновъ“!—„Ведите насъ“! Инженеръ-полковникъ Геннерихъ, съ двумя ротами 4-го и 6-го саперныхъ баталіоновъ, кинулся въ атаку на горжу; къ этой горсти войскъ примкнули часть 49-й курской дружины, полковника Черемисинова, и команда матросовъ, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Ильинскаго. Въ головѣ саперъ шли офицеры: инженеры: капитанъ Влангали, штабсъ-капитанъ Рербергъ и поручики: Эвертсъ, Бурмейстеръ и Ленчевскій; саперы: поручикъ Софроновъ, подпоручикъ Постельниковъ и прапорщикъ Жуковъ и прикомандированные: Томскаго полка подпоручикъ Насакинъ и Екатеринбургскаго полка подпоручикъ Бениславскій. Небольшая наша колонна, встрѣченная жестокимъ огнемъ съ горжи, была отбита. Вторичная атака саперъ и моряковъ, вмѣстѣ съ двумя пѣхотными ротами, такъ же не имѣла успѣха ([15]). Полковникъ Черемисиновъ былъ смертельно раненъ, Насакинъ убитъ, Постельниковъ тяжело раненъ.

За тѣмъ было еще нѣсколько попытокъ съ нашей стороны отбить курганъ; но что́ могли сдѣлать остатки полковъ совершенно разстроенныхъ, толпившихся въ безпорядкѣ, подъ градомъ пуль съ горжи? Перестрѣлка продолжалась; но нападеніе на

густыя массы Французовъ уже не представляло ни малѣйшей вѣроятности успѣха. Непріятель, поставя на курганѣ нѣсколько небольшихъ мортиръ, поражалъ наши войска́, и безъ того терпѣвшія огромный уронъ отъ перекрестнаго дѣйствія осадныхъ батарей. Въ легкой № 4-го батареѣ 17-й артилл. бригады, стоявшей на 2-й линіи, вправо отъ кургана, пали: командиръ батареи, капитанъ Глазенапъ, всѣ офицеры и большая часть нижнихъ чиновъ; но батарея не прекращала огня ни на минуту. Штуцерныя пули съ высоты Малахова осыпали Корабельную, гдѣ толпились войска́ и жители, а, между тѣмъ, нѣсколько матросскихъ женъ оставались у сѣверной покатости кургана почти до сумерекъ, поднося воду сражающимся и подавая посильную помощь раненымъ ([16]).

Главнокомандующій, находясь на Николаевской батареѣ и получивъ тамъ съ различныхъ сторонъ извѣстія—то объ отраженіи непріятеля отъ 2-го и 3-го бастіоновъ и Городской стороны, то о неудачѣ покушеній выбить Французовъ съ Малахова кургана, послалъ, въ три часа, генералъ-лейтенанта Шепелева, для принятія начальства надъ войсками въ Корабельной, а потомъ поѣхалъ туда самъ, чтобы лично убѣдиться въ положеніи дѣла. Прибывъ, около пяти часовъ, на вторую линію, противъ кургана, онъ оставался болѣе получаса у дома Тулубѣева, подъ страшнымъ огнемъ непріятеля, какъ истый рыцарь, подвергаясь гибели на-равнѣ съ своими солдатами. Тутъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него палъ смертельно раненый штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Мейендорфъ—офицеръ подававшій большія надежды—въ тотъ самый мигъ, когда указывалъ фурштадтскому рядовому, везшему снаряды, направленіе по которому ему слѣдовало ѣхать къ батареѣ. Хладнокровный, среди тысячи смертей,

князь Горчаковъ, видя передъ собою Малаховъ курганъ, сильно занятый французскими войсками, за которыми стояли другія огромныя массы, удостовѣрился, что сомнительное, почти невѣроятное, отбитіе нашими войсками этого укрѣпленія потребовало-бы несмѣтныхъ жертвъ, и еще болѣе утвердился въ намѣреніи, тяжко павшемъ на его сердце—преисполненное любовью къ Россіи—очистить Севастополь. Онъ рѣшился воспользоваться обстоятельствами, облегчавшими это, въ высшей степени, трудное дѣло: отраженіемъ штурма на многихъ пунктахъ, и въ особенности на 3-мъ бастіонѣ, по положенію своему, составлявшемъ какъ-бы ключъ нашего отступленія къ мосту; утомленіемъ непріятеля и колебаніемъ его наступать по минированной — какъ полагалъ онъ — мѣстности. Генералъ - лейтенанту Шепелеву было подтверждено приказаніе - не предпринимать нападенія на занимавшихъ Малаховъ курганъ Французовъ, чтобы не подвергнуть войска напраснымъ потерямъ, а удерживать, во чтобы то ни стало, напоръ непріятеля и не допускать его въ Корабельную слободу, оставаясь до ночи въ разоренныхъ строеніяхъ на сѣверной покатости кургана.

Генералъ Шепелевъ, прибывъ къ мѣсту боя, около четырехъ часовъ по полудни, расположилъ скрытно въ улицахъ Корабельной Азовскій и Одесскій полки, составлявшіе нашъ единственный резервъ на этомъ пунктѣ, отвелъ туда-же остатки 9-й и 15-й дивизій и, по возможности, устроивъ ихъ, озаботился о снабженіи войскъ патронами. Самъ главнокомандующій, подъѣхавъ къ Малахову кургану и остановясь у его подножія, подъ страшнымъ градомъ пуль, долго всматривался въ положеніе войскъ обѣихъ сторонъ. Готовясь уступить непрія-

телю Севастополь, князь Горчаковъ, повидимому, искалъ смерти, но смерть щадила его ([47]).

Уже всѣ наши усилія отбить Малаховъ курганъ оказались безуспѣшны, а въ развалинахъ башни, все еще билась горсть храбрыхъ—30 или 40 солдатъ Модлинскаго полка, подъ начальствомъ трехъ офицеровъ: поручика Юнія и подпоручиковъ Данильченка и Богдзевскаго, и нѣсколько матросовъ съ двумя кондукторами морской артиллеріи: Дубининымъ и Венецкимъ. Поставя въ дверяхъ нѣсколько матросовъ съ длинными абордажными пиками и открывъ стрѣльбу чрезъ бойницы изъ ружей, нашъ небольшой отрядъ былъ почти неприступенъ среди нѣсколькихъ тысячъ Французовъ.

Непріятели кинулись ко входу; но были удержаны пиками матросовъ, а, между тѣмъ, на площадкѣ у башни безпрестанно валились ихъ солдаты, поражаемые пулями невидимыхъ противниковъ. Когда-же Французы стали по нимъ стрѣлять, наши заложили бойницы тюфяками и подушками, оставя лишь небольшія отверстія для своей пальбы, и хотя пули цѣлыми роями влетали черезъ входъ въ башню, однако-же наносили немного вреда ея защитникамъ. Генералъ Макъ-Магонъ приказалъ обложить башню фашинами и турами и поджечь ихъ, чтобы выкурить Русскихъ дымомъ изъ ихъ убѣжища. Но вскорѣ Французы спохватились, что огонь могъ дойти до пороховыхъ погребовъ, и сами потушили сильно горѣвшій фашинникъ; а потомъ, уже въ 6-мъ часу по полудни, поставили мортирку противъ входа въ казематъ и стали бросать туда гранаты. Одна изъ нихъ неразорвалась; другая разбила икону, взорвала нѣсколько мѣшковъ съ патронами и ранила осколками человѣкъ 15. Когда-же, при разрывѣ третьей гранаты, почти всѣ наши люди были убиты, либо

ранены, и всѣ патроны изстрѣляны, защитники башни сдались послѣ пяти-часоваго сопротивленія во сто разъ сильнѣйшему непріятелю ([48]). Кромѣ того, на Малаховомъ курганѣ Французы захватили въ плѣнъ нѣсколько офицеровъ и нижнихъ чиновъ, которые, не успѣвъ отступить и надѣясь на выручку, оборонялись въ блиндажахъ. Въ минахъ было захвачено до 200 человѣкъ саперъ и рабочихъ отъ полковъ Люблинскаго и князя Варшавскаго (Орловскаго). Всего-же на Малаховомъ курганѣ взято въ плѣнъ до 600 человѣкъ, большею частью раненыхъ ([49]). Французы сознаются, что, желая узнать, гдѣ находился главный пороховой погребъ бастіона, они (въ противность обычаямъ, соблюдаемымъ просвѣщенными націями), угрожали разстрѣляніемъ русскому офицеру, не хотѣвшему указать имъ мѣсто этого погреба ([50]).

Около пяти часовъ по полудни, одною изъ гранатъ, брошенною со второй оборонительной линіи, взорвало на куртинѣ между Корниловымъ и 2-мъ бастіонами пороховой погребъ. Отъ этого взрыва понесли значительный уронъ дивизіи Дюлáка и Ла-Мотружа, и въ особенности послѣдняя. Множество офицеровъ и солдатъ взлетѣли на воздухъ. Дивизія Макъ-Магона и резервы ея также сильно потерпѣли, хотя и находились въ разстояніи полуверсты отъ мѣста взрыва. Огромныя балки упали на Малаховъ курганъ. Непріятель, устрашенный неожиданнымъ ударомъ, опасаясь вторичнаго взрыва, отвелъ значительную часть войскъ, собранныхъ на курганѣ, въ траншеи, хотя и ожидалъ съ нашей стороны новой атаки ([51]). Но у насъ противъ Малахова кургана, кромѣ войскъ, совершенно разстроенныхъ боемъ, тогда оставались только два полка (Азовскій и Одесскій), и уже князь Горчаковъ отказался отъ

всякихъ покушеній противъ многочисленнаго непріятеля.

Главнокомандующій, по возвращеніи на Николаевскую батарею, въ 6-мъ часу по полудни, отдалъ приказъ объ отступленіи на Сѣверную сторону.

Союзники, будучи отражены на всѣхъ пунктахъ, кромѣ Малахова кургана, не смѣли и думать, чтобы занятіе этого укрѣпленія имѣло непосредственнымъ послѣдствіемъ оставленіе нами Севастополя. Отбитые отъ 2-го бастіона и большой части куртины, а такъ-же отъ 3-го и отъ 5-го бастіоновъ, они не порывались атаковать 4-й бастіонъ, который считали однимъ изъ самыхъ грозныхъ укрѣпленій нашей оборонительной линіи *), и думали, что въ городѣ были приготовлены къ оборонѣ всѣ домá, минированы всѣ улицы, и что во второй линіи находились сильные форты. Генералъ Пелисье, при всей своей отвагѣ, усомнился въ успѣхѣ и видя, какъ дорого ему стоило овладѣніе однимъ изъ нашихъ бастіоновъ, предполагалъ, утвердясь на Малаховомъ курганѣ, штурмовать постепенно прочія укрѣпленія. Начальники инженеровъ и артиллеріи 2-го корпуса, генералы Фроссаръ и Бёре получили приказаніе — принять мѣры для обороны Малахова кургана и занятой французскими войсками части куртины, на случай ночнаго нападенія Русскихъ, и для штурма на слѣдующій день 2-го бастіона (Petit Redan du Carénage) и смежныхъ укрѣпленій ([52]). Со стороны Англичанъ были сдѣланы распоряженія къ новому штурму на 3-й бастіонъ, а, между тѣмъ, Французы вооружали орудіями Малаховъ курганъ для поддержанія атакъ на прочіе пункты ([53]).

*) На 4-мъ бастіонѣ готовился встрѣтить непріятеля храбрый Шульцъ.

Все это несомнѣнно доказываетъ, что мы, не смотря на потерю Малахова кургана, могли еще отстаивать Севастополь. Но, вслѣдъ за тѣмъ, является вопросъ: выгодно-ли было для насъ продолжать оборону? Еслибы мы рѣшились оставаться въ Севастополѣ, то близость непріятеля къ нашей оборонительной линіи заставила-бы насъ, въ постоянномъ ожиданіи штурма, держать вблизи сильные резервы, что повело-бы къ столь-же огромной, сколько и напрасной тратѣ людей. Я говорю — напрасной, потому что осаждающій могъ засыпать насъ снарядами, подвергаясь относительно ничтожному урону. Въ послѣдніе дни обороны Севастополя мы теряли отъ дѣйствія осадной артиллеріи по 2,500 человѣкъ въ сутки. Стоило непріятелю продолжать бомбардированіе еще дней 15 или 20, (и для этого только подвезти по-болѣе снарядовъ), и мы былибы принуждены, и безъ штурма, очистить Севастополь. По всей вѣроятности, Союзники не понимали нашего положенія, либо увлеклись славолюбивымъ желаніемъ — взять городъ съ боя. Иначе — они не пожертвовали-бы такимъ огромнымъ числомъ людей, имѣя возможность овладѣть Севастополемъ, посредствомъ бомбардированія, съ несравненно-меньшею потерею. Послѣ всего сказаннаго, очевидно, что не потеря Малахова кургана заставила насъ очистить городъ, и что Союзникамъ вовсе не слѣдовало штурмовать его для достиженія предположенной ими цѣли. Продлить защиту Севастополя мы могли не иначе, какъ замедливъ подступы непріятеля, и этого можно было достигнуть — какъ предлагалъ Тотлебенъ — передовыми укрѣпленіями (контръ-апрошами) и контръ-минами; въ особенности-же послѣднее средство оказалось дѣйствительнымъ при оборонѣ 4-го бастіона, приближаясь къ которому, непріятель при-

нужденъ былъ вести осадныя работы медленно, какъ-бы ощупью. Еслибы передъ Малаховымъ курганомъ были своевременно устроены контръ-мины, то быть-можетъ осаждающій не избралъ-бы его главнымъ пунктомъ атаки, либо, въ противномъ случаѣ, еще дороже поплатился-бы за успѣхъ своего предпріятія.

Защитники Севастополя, обрекшіе себя на гибель, во славу нашего Царя и Россіи, изнуренные непомѣрными трудами, но бодрые духомъ, были поражены молвою о предстоящемъ оставленіи Севастополя. Въ особенности-же моряки не могли свыкнуться съ мыслью — уступить непріятелю *свой* городъ. Одинъ изъ севастопольцевъ говоритъ: „въ день штурма 27-го августа, въ половинѣ десятаго часа вечера, увидя огонь въ Библіотекѣ, я вошелъ въ большую залу, гдѣ было темно, и оттуда въ сосѣднюю комнату, откуда брезжалъ свѣтъ. Тамъ нашелъ я штурманскаго штабъ-офицера, смотрѣвшаго съ большимъ вниманіемъ на молодаго офицера, такъ-же изъ штурмановъ, который ковырялъ гвоздемъ въ стѣнныхъ часахъ. „Что́ это вы дѣлаете?“—спросилъ я.—„А вотъ въ нашихъ часахъ кукушка испортилась, такъ поправляемъ.“ — „Какъ вижу, вы намѣрены здѣсь оставаться.“—„А какъ-же-съ?“ — „Да вы развѣ не знаете, что очищаютъ Севастополь, что можетъ-быть уже около трети гарнизона ушло за бухту.“—„Куда ушло?“ – „На Сѣверную“. – „За чѣмъ-же это-съ?“ – „Да Севастополь оставляемъ.“ – „Помилуйте, да развѣ это можно-съ?“ – „Стало быть можно, когда всѣ уходятъ; я тутъ при послѣднихъ войскахъ; вотъ у васъ, при Библіотекѣ, стоитъ Волынскій полкъ; собирайтесь скорѣе, да уходите.“ — „Намъ нельзя уходить, мы никакого распоряженія

не получали; армейскіе могутъ уходить, а у насъ свое, морское начальство; мы отъ него не получали приказанія; да какъ-же это Севастополь оставить? Развѣ это можно? Вѣдь штурмъ вездѣ отбитъ; только на Малаховѣ остались Французы, да и оттуда ихъ завтра прогонятъ; а мы здѣсь на своемъ посту, по случаю телеграфа, такъ куда-же намъ уходить?“ — „Ну и сидите тутъ, пока непріятель заберетъ васъ; вѣдь говорятъ вамъ, что Севастополь очищаютъ.“ — „То есть это значитъ — отдаютъ непріятелю; объ этомъ мы не слыхали. Армейское начальство этого не можетъ разрѣшить, потому что у насъ здѣсь все морское, доки, магазины, и мало-ли еще чего. Мы здѣсь должны помирать, а не уходить; чтó-же объ насъ въ Россіи скажутъ?“ Даже и тогда, когда штурманы получили отъ своего начальства приказаніе уходить, старый подполковникъ, убирая не-хотя свои пожитки, ворчалъ: „Слыханое-ли дѣло? Севастополь оставляютъ; непремѣнно будетъ отмѣна“.

Отступленіе нашихъ войскъ началось въ седьмомъ часу по полудни и длилось всю ночь. Оно было исполнено согласно диспозиціи, составленной однимъ изъ доблестныхъ героевъ севастопольскихъ—начальникомъ штаба гарнизона, княземъ Васильчиковымъ. Огонь съ обѣихъ сторонъ все еще продолжался. Для поддержанія пальбы, имѣвшей цѣлью, по возможности, скрыть наше отступленіе, были оставлены охотники отъ пѣхоты и артиллеріи, а для порчи орудій и станковъ и для взрыва пороховыхъ погребовъ, (по сигналу ракетами, пущенными съ Малаго бульвара), команды моряковъ и саперъ. Для прикрытія-же отступленія войскъ съ оборонительной линіи, были заняты внутреннія баррикады: на Городской сторонѣ — тремя полками, подъ начальствомъ генералъ-маіора Хрущева, именно: Тобольскимъ пол-

комъ—отъ Южной бухты до публичной библіотеки; Волынскимъ—у библіотеки, на горѣ, и Минскимъ - далѣе влѣво, до Артиллерійской бухты; а на Корабельной—Азовскимъ, Одесскимъ и Великаго Князя Михаила Николаевича (Казанскимъ) полками и баталіономъ патронщиковъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шепелева ([55]).

Въ сумерки взвилась ракета, послужившая сигналомъ къ отступленію. Съ Городской стороны войска послѣдовательно стягивались на Николаевскую площадь и переходили черезъ Большую бухту по мосту, а съ Корабельной — частью переправлялись на судахъ, частью, по малому мосту, чрезъ Южную бухту, присоединялись къ стоявшимъ въ городѣ и, вмѣстѣ съ ними, переходили на Сѣверную сторону. Перевозочными средствами распоряжался капитанъ 2-го ранга П. В. Воеводскій, который провелъ большую часть ночи на шлюпкѣ, въ разъѣздахъ между Сѣверною и Южною сторонами, наблюдая, чтобы суда не оставались ни минуты безъ дѣла. Отправленіе нашихъ и непріятельскихъ раненыхъ съ Графской пристани на судахъ производилось подъ личнымъ наблюденіемъ князя Васильчикова, а также и съ Павловскаго мыска, гдѣ въ полуразрушенныхъ строеніяхъ было однако-же оставлено до пятисотъ ампутированныхъ и тяжело раненыхъ съ медикомъ, которому князь Горчаковъ вручилъ письмо къ французскому главнокомандующему, прося его озаботиться о призрѣніи этихъ страдальцевъ. Какъ городъ былъ обреченъ пламени, и даже было поручено офиціально капитану Воробьеву поджечь его на многихъ пунктахъ, то предоставленіе раненыхъ заботливости непріятеля, въ такомъ мѣстѣ, куда не допускали его огонь и взрывы, было не совсѣмъ основательно. Къ счастью, на другой день, когда уже было все объято

пожаромъ, нашлись охотники для перевозки остававшихся раненыхъ на Сѣверную сторону. Но, по свидѣтельству иностранныхъ и нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей, не всѣ эти несчастные могли быть спасены и нѣкоторые изъ нихъ погибли отъ голода, жажды и отъ недостатка ухода (56).

Переправа совершалась при бурномъ сѣверовосточномъ вѣтрѣ. Не смотря на волненіе бухты, мостъ, нагруженный густою массою людей, орудій и повозокъ, хотя по временамъ сильно колыхался и былъ заливаемъ водою, однакоже устоялъ, благодаря усердію моряковъ и саперъ, стоявшихъ у канатовъ и быстро подводившихъ подъ мостъ осмоленныя бочки вездѣ, гдѣ въ томъ встрѣчалась надобность. Иногда переходящимъ казалось, что мостъ разорвался и идетъ ко дну; толпы съ крикомъ бросались назадъ и переправа останавливалась. Легко вообразить, какого труда стоило приставленному къ мосту, начальнику курскаго ополченія, генералъ-маіору Бѣлявцеву, соблюсти сколько-нибудь порядокъ (57).

Часу во второмъ ночи, когда Воеводскій былъ на Графской пристани, его потребовали къ князю Горчакову, который желалъ знать о ходѣ амбаркаціи. Тогда-же главнокомандующій приказалъ перевозить полевую артиллерію. Для этого были высланы двѣ баржи и пароходъ къ Павловской батареѣ; но, когда, по недоразумѣнію, эти орудія были брошены въ бухту, то пароходъ и баржа были обращены для перевозки войскъ (58).

Ночью, когда главныя силы гарнизона и большая часть раненыхъ уже были переправлены на Сѣверную сторону, поданъ былъ второю ракетою, пущенною съ Екатерининской площади, сигналъ, по которому стали отходить къ мосту войска, занимавшія баррикады, и охотники съ оборонительной

линіи, оставляя за собою въ пороховыхъ погребахъ зажженные фитили различной длины, чтобы взрывы послѣдовали разновременно и продолжались какъ можно долѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ городѣ, пожары, вспыхнувшіе еще съ вечера, вскорѣ слились въ огромное пламя, подобно волкану, пылавшее надъ развалинами Севастополя, и, по мѣрѣ отступленія арріергардовъ, взлетали на воздухъ, одинъ послѣ другаго, 35 пороховыхъ погребовъ (59).

Непріятели, замѣтивъ отступленіе нашихъ войскъ, стали дѣйствовать навѣсно по большому мосту; бомбы рвались надъ уходившими людьми и обозами, но не причиняли имъ большаго вреда. Преслѣдовать-же наши войска Пелисье не рѣшился, по причинѣ пожаровъ и взрывовъ въ городѣ (60), и къ тому-же успѣхъ, одержанный Союзниками стоилъ имъ дорого; надлежало устроить полки, понесшіе наибольшую потерю, снабдить ихъ патронами и принять мѣры для призрѣнія раненыхъ (61).

28-го августа (9-го сентября), на разсвѣтѣ лейтенантъ Афанасьевъ развелъ малый мостъ на Южной бухтѣ; тогда-же (въ половинѣ 4-го часа утра), главнокомандующій, остававшійся, всю ночь въ городѣ, отправился, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба генераломъ Коцебу, на катерѣ, на Павловскій мысъ, посѣтилъ палаты, гдѣ лежали ампутированные, и переправился на Сѣверную сторону (62). Въ половинѣ 8-го часа утра, перешли на Сѣверную сторону всѣ войска, кромѣ арріергардовъ, которые начали отступать уже около 8-ми часовъ; Тобольскій полкъ, подъ начальствомъ полковника А. А. Зеленаго, перешелъ послѣднимъ. Генералъ Сакенъ тогда стоялъ пѣшій въ 50-ти шагахъ отъ Графской пристани, правѣе ея, близъ берега Южной бухты, пока капитанъ Воеводскій съ послѣднимъ транспортомъ раненыхъ отча-

лилъ отъ берега; когда-же князь Васильчиковъ доложилъ о томъ графу Сакену, тогда Сакенъ, сѣвъ на лошадь, приказалъ полковнику Зеленому отвести назадъ цѣпь и, вмѣстѣ съ своимъ штабомъ, въ сопровожденіи князя Васильчикова и генерала Хрущева, послѣдовалъ за полковникомъ Зеленымъ, который шелъ въ хвостѣ своей цѣпи. Генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ, стоявшій всю ночь на мосту, увидя генерала Хрущева, сказалъ: „Вы заключаете шествіе; вы точка. Я развожу мостъ" ([63]). Въ то-же время, переправились съ Корабельной на Сѣверную сторону генералъ-лейтенантъ Шепелевъ и вице-адмиралъ Панфиловъ, вмѣстѣ съ отплывшими отъ берега послѣдними частями войскъ ([64]).

Южная половина моста на рейдѣ была разведена по частямъ, а сѣверная подтянута поворотомъ на канатѣ къ сѣверному берегу.

Кромѣ пароходовъ, исключительно назначенныхъ для переправы войскъ, были спущены на воду всевозможныя гребныя суда, отъ военныхъ баркасовъ до вольныхъ яликовъ. Къ каждому изъ нихъ бѣжалъ народъ съ громкими воплями; по берегу, вездѣ, гдѣ было свободно отъ войскъ, толпились обыватели, остававшіеся до-нельзя въ родномъ городѣ, женщины и дѣти ([65]).

Въ ночи одновременно съ переправою войскъ, по приказанію главнокомандующаго, были затоплены на рейдѣ остатки славнаго Черноморскаго флота: 6 кораблей, одинъ фрегатъ, одинъ корветъ и 5 бриговъ ([66]). Послѣднимъ затонулъ фрегатъ *Кулевча*. Корабль *Ягудіилъ*, затопленный у Павловскаго мыска и по мелководію не совсѣмъ погрузившійся, былъ сожженъ. Пароходы были отведены къ сѣверному берегу, кромѣ парохода *Корниловъ*, сожженнаго въ докѣ на стапелѣ ([67]).

28-го августа (9 сентября), утромъ, были произведены командами охотниковъ взрывы пороховыхъ погребовъ на береговыхъ батареяхъ №№ 7, 8 и 10. Послѣ полудня взлетѣла на воздухъ Александровская батарея. За тѣмъ охотники, на гребныхъ судахъ, переѣхали на Сѣверную сторону (68), и тогда, среди пламени и въ густыхъ облакахъ дыма, объявшихъ Севастополь, можно было изрѣдка видѣть только немногихъ нашихъ солдатъ и жителей, не успѣвшихъ переправиться, либо непріятельскихъ мародеровъ, грабившихъ имущество, брошенное въ городѣ, и погибавшихъ при взрывахъ. Пожаръ продолжался цѣлыхъ двое сутокъ и, въ продолженіи всего этого времени, Союзники, изъ опасенія новыхъ взрывовъ, не входили въ городъ, довольствуясь водруженіемъ своихъ знаменъ на укрѣпленіяхъ ими не взятыхъ.

29-го августа (10-го сентября), была взорвана Павловская батарея. Это укрѣпленіе, въ случаѣ занятія и вооруженія его непріятелемъ, могло причинить большой вредъ нашимъ батареямъ расположеннымъ на Сѣверной сторонѣ. Капитанъ-лейтенантъ Дм. Вас. Ильинскій заявилъ о томъ рано утромъ генералу Тотлебену, вызываясь взорвать батарею, и получивъ разрѣшеніе исполнить это предпріятіе, взялъ на пароходѣ *Владиміръ* баркасъ съ гребцами и отправился на Павловскій мысокъ. Тамъ въ лазаретѣ на батареѣ находилось восемь раненыхъ, которыхъ Ильинскій приказалъ перенести на баркасъ, послѣ чего, устроивъ приводъ къ пороховому погребу и поджегши его, переплылъ обратно на Сѣверную сторону. Вслѣдъ затѣмъ, Павловское укрѣпленіе взлетѣло на воздухъ (69).

Наконецъ, 30-го августа (11 сентября), погасли развалины Севастополя, и непріятель, занявъ городъ, усилилъ канонаду по стоявшимъ у сѣвернаго берега

Большой бухты нашимъ пароходамъ. Главнокомандующій приказалъ затопить ихъ, снявъ съ нихъ орудія и порохъ. 31-го августа (12 сентября), въ 3-мъ часу по полуночи, по выгрузкѣ съ пароходовъ части орудій, снарядовъ и прочаго казеннаго имущества и по свозѣ на берегъ командъ, всѣ эти суда (10 пароходовъ и одинъ транспортъ) были зажжены и затоплены ([70]). Такова была послѣдняя жертва Черноморскаго флота, несравненно менѣе чувствительная, нежели потеря моряковъ, составлявшихъ гордость Россіи.

Комендантомъ Севастополя былъ назначенъ (въ послѣдствіи пріобрѣвшій столь печальную извѣстность) французскій генералъ Базенъ; а комендантами Корабельной полковникъ Виндгамъ и одинъ изъ французскихъ штабъ-офицеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ составленъ, изъ французскихъ и англійскихъ войскъ, гарнизонъ города и Корабельной; но какъ уже не существовали — ни городъ — ни Корабельная, то коменданты съ гарнизонами возвратились въ бараки и палатки Союзнаго лагеря, а развалины Севастополя обратились въ пустыню.

Напротивъ того, Сѣверная сторона кипѣла жизнью. Весь берегъ былъ покрытъ войсками и густыми массами народа. Пѣхота, моряки, артиллеристы, перейдя въ болѣе безопасное мѣсто, на первый разъ расположились какъ успѣли и тотчасъ заварили щи и кашу, либо тюрю (толченые сухари, размоченные въ водѣ и приправленные солью); другіе чинили одежду и обувь, мылись, либо спали сномъ непробуднымъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ подъ грозою увѣчья и смерти. Затѣмъ, войска, разбросанныя по Сѣверной въ величайшемъ безпорядкѣ, стали собираться, устроиваться; а къ вечеру 28-го августа (9-го сентября) потянулись на указан-

ныя имъ мѣста. Какъ въ этотъ день, такъ и въ слѣдующіе, непріятель стрѣлялъ по рейду и по Сѣверной; но пальба эта, въ сравненіи съ прежнею, казалась ничтожною (71).

Въ день штурма 27-го августа (8-го сентября), *наши войска* понесли слѣдующій уронъ:

	Генераловъ.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижнихъ чиновъ.
Убитыми (72) . . .	2	5	65	2,900
Ранеными (73). . .	4	28	230	6,500
Контуженными . .	1	10	43	1,250
Безъ вѣсти пропавшими	—	3	34	1,838
Итого . .	7	46	372	12,488

Вообще-же у насъ выбыло изъ строя—12,913 человѣкъ (74).

Французы въ сей день потеряли:

	Генераловъ.	Шт.-Оф.	Об.-оф.	Нижнихъ чиновъ.
Убитыми (75) . . .	5	24	116	1,489
Ранеными (76). . .	4	20	224	4,259
Безъ вѣсти пропавшими	—	2	18	1.400
Итого . .	9	46	358	7,148

Вообще-же у нихъ выбыло изъ строя, 7,561 человѣкъ.

Уронъ Англичанъ простирался:

	Генераловъ.	Штабъ- и оберъ-офиц.	Нижнихъ чиновъ.
Убитыми (77)	—	29	356
Ранеными (78)	3	124	1,752
Безъ вѣсти пропавшими	—	1	175

Всего-же у нихъ выбыло изъ строя—2,440 человѣкъ.

Сардинцы потеряли (въ траншеяхъ противъ 4-го бастіона), убитыми и ранеными 40 человѣкъ, въ числѣ коихъ 5 офицеровъ.

Слѣдовательно потери Союзниковъ на штурмѣ вообще простирались, по оффиціальнымъ донесеніямъ генераловъ Пелисье и Симпсона, до 10,040 человѣкъ, т. е. были почти тремя тысячами человѣкъ менѣе нашихъ. Въ дѣйствительности-же уронъ ихъ былъ гораздо болѣе ([79]).

При занятіи Севастополя Союзными войсками было найдено: орудій мѣдныхъ 128 (въ томъ числѣ турецкихъ 10); чугунныхъ 3,711 (въ числѣ тѣхъ и другихъ было болѣе 1,000 подбитыхъ); ядеръ 407,314; пустотѣлыхъ снарядовъ 101,755; картечей 24,080; патроновъ, частью испорченныхъ, 630,000; пороху 262,482 килогр. (около 16,000 пудовъ), и проч. ([80]).

Въ продолженіи 11-ти-мѣсячной осады, съ 27-го сентября (9-го октября) 1854 года по 27-е августа (8-го сентября), 1855 года, Французы потеряли вообще выбывшими изъ фронта, не считая умершихъ отъ болѣзней, до 46,000 челов. ([81]). Англичане, во время осады, потеряли одними убитыми около 5,000 человѣкъ ([82]), слѣдоват. вообще не менѣе 25,000. Уронъ Турокъ и Сардинцевъ въ точности неизвѣстенъ.

Съ нашей стороны, въ продолженіи осады, выбыло изъ фронта, въ самомъ Севастополѣ, около 102 тысячъ, и въ сраженіяхъ при Алмѣ, Балаклавѣ, Инкерманѣ, Евпаторіи и Черной, до 26 тысячъ человѣкъ, всего-же около 128 тыс. челов., не считая 8,455, умершихъ отъ болѣзней, Но какъ выздоровѣвшихъ вообще было 53,262 челов., то дѣйстви-

тельный безвозвратный уронъ нашихъ войскъ простирался до 83—85 тыс. человѣкъ ([83]).

Въ продолженіи осады, французская артиллерія выпустила слѣдующее число снарядовъ: ядеръ 510,000; бомбъ, гранатъ, боевыхъ ракетъ, и проч. 594,000, всего-же 1.104,000 выстрѣловъ, на кои вообще издержано пороху болѣе 3-хъ милл. килогр. (около 183,000 пудовъ); Англичане выпустили 252,000 артиллерійскихъ снарядовъ, издержавъ болѣе 40,000 пудовъ пороху. Кромѣ того, Французы израсходовали болѣе 25-ти милл. патроновъ ([84]). Вообще-же Союзники издержали 271,650 пудовъ пороху, именно: Французы 195,350 и Англичане—76,300 пуд. ([85]).

Съ нашей стороны, за все время осады, доставлено на всѣ батареи оборонительной линіи: 817,634 ядра, 584,000 разрывныхъ снарядовъ и 105,330 картечей, вообще-же 1.506,964 снаряда; а выпущено: съ сухопутныхъ батарей Южной стороны 962,000, а съ береговыхъ батарей—65,000, всего-же 1.027,000 снарядовъ, изъ коихъ разрывныхъ около 500,000. Оставлено, при отступленіи, на Южной сторонѣ, до 480,000. Патроновъ израсходовано 16½ милліоновъ. Пороху ко дню высадки Союзниковъ имѣлось 65,000 пуд. Въ продолженіи осады подвезено 160,000 пудовъ. Изъ этихъ 225,000 пудовъ:

Израсходовано артиллеріею	150,000
„ пѣхотою	10,000
Оставлено по отступленіи на Южной сторонѣ до	40,000
(изъ коихъ взорвано около 24,000).	
Оставалось на Сѣверной сторонѣ .	25,000 ([86]).

Продолжительной оборонѣ Севастополя болѣе всего способствовали *превосходный духъ нашихъ*

войскъ и искусство нашихъ инженеровъ, создавшихъ въ короткое время сильныя преграды. Но, кромѣ этихъ главныхъ причинъ, содѣйствовали успѣху обороны слѣдующія обстоятельства:

Нерѣшительность дѣйствій непріятеля. Союзники упустили нѣсколько случаевъ овладѣть Севастополемъ, именно: 1) послѣ сраженія на Алмѣ, когда они должны были штурмовать слабое Сѣверное укрѣпленіе; 2) по переходѣ на Южную сторону, когда городъ былъ почти совершенно открытъ и занятъ малыми силами; 3) послѣ перваго бомбардированія, когда артиллерія ихъ разгромила 3-й бастіонъ, и 4) послѣ втораго бомбардированія, когда они, находясь въ разстояніи не болѣе 35-ти саженъ отъ 4-го бастіона, совершенно ослабили его оборону. Утвердительно можно сказать, что, еслибы Французы, вмѣсто того, чтобы предпринять новую атаку—на Малаховъ курганъ, усилили атаку на 4-й бастіонъ, то овладѣли-бы Севастополемъ скорѣе и достигли-бы важнѣйшихъ результатовъ, не допустивъ гарнизонъ переправиться на Сѣверную сторону.

Севастополь не былъ обложенъ осаждающимъ и до конца осады сохранялъ сообщенія съ арміею и Имперіею, что̀ подавало намъ возможность усиливать гарнизонъ свѣжими войсками и снабжать его жизненными и боевыми припасами Впрочемъ, Союзники, владѣя моремъ и имѣя значительный флотъ, находились, въ отношеніи сообщеній, въ лучшихъ обстоятельствахъ, нежели русская армія, коей подвозы чрезвычайно затруднялись дурнымъ качествомъ дорогъ.

Севастополь обладалъ значительными средствами Черноморскаго флота, который доставилъ оборонѣ громадную артиллерію, превосходныхъ офицеровъ и отличныхъ артиллеристовъ. Дальнозоркость моря-

ковъ, привыкшихъ различать предметы на большихъ разстояніяхъ, приносила намъ пользу во многихъ отношеніяхъ.

Оставленіе Севастополя, послѣ отчаяннаго боя, въ которомъ выбыла изъ фронта почти треть сражавшихся съ нашей стороны войскъ, въ виду сильной непріятельской арміи, и отступленіе въ порядкѣ за огромную преграду, образуемую рейдомъ, хотя и были облегчены бездѣйствіемъ противника, однакоже дѣлаютъ величайшую честь—и русскимъ войскамъ, и начальникамъ ихъ.

Заслуги, ими оказанныя, нашли высшую награду въ сердечной признательности великодушнаго Монарха, выраженной въ слѣдующемъ Высочайшемъ Приказѣ Россійскимъ арміямъ:

„Долговременная, едвали не безпримѣрная въ военныхъ лѣтописяхъ, оборона Севастополя обратила на себя вниманіе не только Россіи, но и всей Европы. Она съ самаго почти начала поставила его защитниковъ на ряду съ героями, наиболѣе прославившими наше Отечество. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ гарнизонъ Севастопольскій оспаривалъ у сильныхъ непріятелей каждый шагъ родной, окружавшей городъ, земли, и каждое изъ дѣйствій его было ознаменовано подвигами блистательнѣйшей храбрости. Четыре-кратно возобновляемое жестокое бомбардированіе, коего огонь былъ справедливо именуемъ адскимъ, колебало стѣны нашихъ твердынь, но не могло потрясти и умалить постояннаго усердія защитниковъ ихъ. Съ неодолимымъ мужествомъ, съ самоотверженіемъ, достойнымъ воиновъ-христіанъ, они поражали враговъ или гибли, не помышляя о сдачѣ. Но есть невозможное и для героевъ. 27-го сего мѣсяца, послѣ отбитія шести отчаянныхъ при-

ступовъ, непріятель успѣлъ овладѣть важнымъ Корниловскимъ бастіономъ, и главнокомандующій Крымскою арміею, щадя драгоцѣнную своихъ сподвижниковъ кровь, которая въ семъ положеніи была-бы уже безъ пользы проливаема, рѣшился перейти на Сѣверную сторону города, оставивъ осаждающему непріятелю однѣ окровавленныя развалины.

„Скорбя душою о потерѣ столь многихъ доблестныхъ воиновъ, принесшихъ жизнь свою въ жертву Отечеству, и съ благоговѣніемъ покоряясь судьбамъ Всевышняго, Коему не угодно было увѣнчать ихъ подвиги полнымъ успѣхомъ, Я признаю Святою для Себя обязанностью изъявить и въ семъ случаѣ, отъ имени Моего и всей Россіи, живѣйшую признательность храброму гарнизону Севастопольскому, за неутомимые труды его, за кровь, пролитую имъ въ сей почти цѣлый годъ продолжавшейся защитѣ сооруженныхъ имъ-же въ немногіе дни укрѣпленій. Нынѣ, войдя снова въ ряды армій, сіи испытанные герои, служа предметомъ общаго уваженія своихъ товарищей, явятъ, безъ сомнѣнія, новые примѣры тѣхъ-же воинскихъ доблестей. Вмѣстѣ съ ними и подобно имъ, всѣ наши войска, съ тою-же безпредѣльною вѣрою въ Провидѣніе, съ тою-же пламенною любовью ко Мнѣ и родному нашему краю, вездѣ и всегда будутъ твердо встрѣчать враговъ, посягающихъ на Святыни наши, на честь и цѣлость Отечества, а имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу, и имена защитниковъ его пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ русскихъ, совокупно съ именами героевъ, прославившихся на поляхъ Полтавскихъ и Бородинскихъ.

„Александръ“.

С.-Петербургъ.
30-го августа 1855 года.

Нѣсколько дней спустя, Государь Императоръ писалъ князю Горчакову:

.....„Приказъ Мой арміямъ Моимъ, отъ *30-го августа* покажетъ вамъ, что Я умѣю цѣнить непоколебимую твердость и самоотверженіе, съ которыми славныя войска наши, въ продолженіи *болѣе 11-ти мѣсяцевъ*, отстаивали грудью своею едва возведенныя ими самими укрѣпленія Севастополя. Повторите имъ еще разъ Мое душевное спасибо и скажите имъ, что, если обстоятельства позволятъ, Я самъ надѣюсь, въ весьма непродолжительномъ времени, лично объявить имъ Мою искреннюю благодарность.

„Намѣреніе Мое есть отправиться изъ Москвы *8-го сентября вечеромъ* въ Николаевъ, дабы видѣться тамъ съ Лидерсомъ, осмотрѣть произведенныя тамъ работы, для обороны сего важнаго пункта, и если можно, то отправиться оттуда къ вамъ въ Крымъ.

„Изъ прилагаемой при семъ Моей записки, вы увидите, какъ Я смотрю на теперешнее положеніе вещей, и какія мѣры Я полагаю необходимымъ принять для будущаго устройства нашей арміи.

„По всему этому Мнѣ-бы весьма желательно съ вами переговорить лично и условиться что̀ намъ дѣлать.

„И такъ если къ тому времени, т. е. недѣли черезъ три, Союзники не предпримутъ ничего важнаго и не будетъ предвидѣться опасности Перекопу, то Я надѣюсь видѣться съ вами въ Симферополѣ, или другомъ какомъ-нибудь пунктѣ.

„Держаться вамъ долго на сѣверной сторонѣ Севастополя не вижу никакой нужды; надобно помышлять теперь о сохраненіи остальной части Крыма и не жертвовать имъ безъ самой крайней необходи-

мости, чего, признаюсь, при теперешнихъ обстоятельствахъ, какъ-бы они ни были трудны, Я предвидѣть не могу. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего мнѣнія, но предоставляю вамъ совершенно дѣйствовать по вашему усмотрѣнію.

„Отвѣтъ вашъ пришлите съ флигель-адъютантомъ Волковымъ, въ Николаевъ, какъ можно скорѣе.

„Я весьма доволенъ, что вы вновь предупредили мысль Мою о высылкѣ въ Николаевъ геройскихъ остатковъ нашихъ Черноморскихъ моряковъ....

„Прикажите генералъ-маіору Тотлебену, если состояніе здоровья его позволяетъ, отправиться немедленно въ Николаевъ, дабы на мѣстѣ осмотрѣть возведенныя укрѣпленія и усилить ихъ, если признаетъ то нужнымъ.

„Генералъ-маіору князю Васильчикову прикажите также явиться ко Мнѣ туда-же.

„И такъ, надѣюсь, до скораго свиданія! Не унывайте, а вспомните 1812-й годъ и уповайте на Бога. Севастополь не Москва, а Крымъ не Россія. Два года послѣ пожара Московскаго побѣдоносныя войска наши были въ Парижѣ. Мы тѣ-же Русскіе и съ нами Богъ!“

Въ запискѣ Государя было сказано:

„На случай Моего пріѣзда въ Крымъ, Я строжайшимъ образомъ запрещаю дѣлать какія-либо приготовленія для смотровъ войскъ. Они и безъ того много перетерпѣли, и по тому не хочу, чтобы пріѣздъ Мой былъ имъ въ тягость.

„По очищеніи Южной стороны Севастополя, Крымская армія освободилась отъ труднѣйшей ея обязанности—обороны Севастополя.

„Теперь дѣло должно идти: 1) объ охраненіи остальной части Крыма; 2) объ укомплектованіи

Крымской арміи, и 3) объ усиленіи войскъ ген.-ад. Лидерса.

„*По 1-му пункту:*

„Удерживать долго Сѣверную сторону Севастополя нѣтъ никакой цѣли, ибо *флотъ Черноморскій по нуждѣ нами самими уничтоженъ.*

„Не полагаю, чтобы Союзники рѣшились атаковать насъ на Инкерманскихъ высотахъ, либо на Мекензіевой горѣ, и вообще на лѣвомъ флангѣ занимаемыхъ нами высотъ. Скорѣе можно думать, что непріятель сдѣлаетъ диверсію въ нашъ тылъ, высадивъ сильный десантъ въ устьѣ Качи, либо у Евпаторіи, или около Перекопа. По этому, имѣя самостоятельный отрядъ у Перекопа, казалось-бы выгоднымъ выбрать центральный пунктъ около Симферополя, съ авангардомъ къ сторонѣ Бакчисарая и большой дороги на Алушту. На сей позиціи, Крымская армія, числомъ, по меньшей мѣрѣ 100 тысячъ чел. подъ ружьемъ, всегда будетъ въ состояніи угрожать правому флангу корпуса, высадившагося на одномъ изъ трехъ помянутыхъ пунктовъ. Нельзя полагать, чтобы Союзники могли высадить разомъ болѣе 40 т. чел. слѣдовательно числительный перевѣсъ всегда будетъ на нашей сторонѣ, и маневрируя искусно, можно надѣяться, что всякая попытка десантнаго корпуса на нашъ тылъ кончится въ нашу пользу.

„*По 2-му пункту:*

„*Въ Крымской арміи* находятся теперь, не считая Перекопскаго отряда:

„*2-й пѣхотный корпусъ:* 4-я, 5-я и 6-я пѣхотныя дивизіи.

3-й пѣхотный корпусъ: 7-я, 8-я, 9-я пѣхотныя и 7-я резервная дивизія.

4-й пѣхотный корпусъ: 10-я, 11-я и 12-я пѣхотныя дивизіи.

5-го пѣхотнаго корпуса: 14-я пѣхотная и 15-я резервныя дивизіи.

6-го пѣхотнаго корпуса: 2-я бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи, 16-я и 17-я пѣхотныя дивизіи.

1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса: резервная уланская дивизія.

2-й резервный кавалерійскій корпусъ: 1-я и 2-я драгунскія дивизіи.

Сводная резервная кавалерійская бригада.

Три линейн. Черноморск. баталіона.

Одинъ Гарнизонный баталіонъ.

Балаклавскій Греческій баталіонъ.

Пять Черноморскихъ казачьихъ баталіоновъ.

Четырнадцать Донскихъ казачьихъ полковъ.

Два Уральскихъ казачьихъ полка.

Семнадцать дружинъ Курскаго ополченія.

„Для приведенія Крымской арміи въ 4-хъ-баталіонный составъ, предполагалось достаточнымъ (по соображенію. посланному къ князю Горчакову, въ первыхъ числахъ августа) употребить всего *69 дружинъ ополченія.* Въ послѣдствіи, потери, понесенныя Крымскою арміею, были столь значительны, что предполагавшееся *укомплектованіе дружинами оказалось недостаточнымъ.* Между тѣмъ Государь, въ письмахъ къ князю Горчакову, неоднократно настаивалъ, чтобы *кадры расформированныхъ баталіоновъ были высланы изъ Крыма,* для укомплектованія ихъ готовыми рекрутами, внѣ раіона военныхъ дѣйствій.

„Въ замѣнъ послѣдней мѣры, нынѣ казалось-бы удобнымъ назначить для дѣйствій въ Крыму два корпуса, именно 2-й пѣхотный и 3-й или 4-й пѣхотный, *укомплектовавъ ихъ до полнаго 4-хъ-баталіоннаго состава изъ остатковъ прочихъ дивизій* (кромѣ

7-й резервной дивизіи 3-хъ-баталіоннаго состава). Затѣмъ кадры сихъ дивизій вывести изъ Крыма во внутрь Россіи, гдѣ расположить ихъ на удобныхъ квартирахъ, для укомплектованія въ 4-хъ-баталіонный-же составъ...

„Если, по теперешнему слабому составу войскъ, князь Горчаковъ найдетъ невозможнымъ 2-й и 3-й или 4-й корпусы привести *въ 4-хъ-баталіонный составъ*, то можно на-время довольствоваться приведеніемъ полковъ *въ 3-хъ-баталіонный составъ*, съ добавленіемъ четвертыхъ баталіоновъ дружинами ополченія. Кадры четвертыхъ баталіоновъ сихъ корпусовъ, въ такомъ случаѣ, необходимо выслать нынѣ-же изъ Крыма, для доформированія ихъ при резервахъ.

„Если-же предлагаемая Мною мѣра признается имъ удобоисполнимою, то Я полагалъ-бы придать къ каждому полку *по 4 дружины ополченія* и раздѣлить каждый полкъ на два, такъ, чтобы въ каждомъ находилось *по два баталіона* и *по двѣ дружины*, называя ихъ бригадами, а полки—1-мъ и 2-мъ того-же наименованія.

„Въ такомъ случаѣ придется удвоить число полковыхъ командировъ, или назначить старшихъ полковниковъ вмѣстѣ и бригадными командирами въ тѣхъ бригадахъ, гдѣ будетъ недоставать генераловъ. Съ удвоеніемъ числа бригадъ, придется назначить вновь 7 дивизіонныхъ начальниковъ.

„Артиллерію-же оставить по числу настоящихъ дивизій, т. е. 7 бригадъ, приведя каждую въ 5 батарей 8-ми-орудійнаго состава и имѣя въ каждой 2 батарейныхъ и 3 легкихъ батареи.

„Изъ кавалеріи казалось-бы достаточнымъ оставить одинъ драгунскій корпусъ съ его артиллеріею и тѣми казачьими полками и батареями, которыя

теперь въ Крыму находится. Всю-же остальную кавалерію отдать въ распоряженіе генералъ-адъютанта Лидерса, тѣмъ болѣе, что самъ князь Горчаковъ писалъ, что зимою не будетъ никакой возможности продовольствовать его многочисленную кавалерію въ Крыму.

„Отрядъ генералъ-лейтенанта Врангеля оставить въ теперешнемъ его составѣ, или усилить его по усмотрѣнію князя Горчакова.

По 3-му пункту:

„Изъ всего южнаго прибрежья. занимаемаго войсками Южной арміи, по Моему мнѣнію, Николаевъ можетъ преимущественно привлечь Союзниковъ, которые, сдѣлавъ высадку. могли-бы уничтожить всѣ заведенія Черноморскаго флота и нанести тѣмъ *окончательный ударъ могуществу нашему на Черномъ морѣ.*

„По этому на сохраненіе Николаева должно быть обращено все наше вниманіе...

...„Хотя общее число войскъ Южной арміи довольно значительно и съ приходомъ ополченія еще болѣе увеличится, однако-же они разбросаны на огромномъ пространствѣ. и по тому необходимо усилить Южную армію всѣмъ Гренадерскимъ корпусомъ, замѣнивъ его въ Перекопѣ 7-ою резервною дивизіею, съ присоединеніемъ къ ней Черноморскихъ казачьихъ пѣшихъ баталіоновъ, что составитъ въ Перекопскомъ отрядѣ 21 баталіонъ.

„Подробности обороны Николаева должны быть предоставлены испытанной опытности генералъ-адъютанта Лидерса... Къ войскамъ его можно-бы присоединить 14-ю или 15-ю резервную дивизію, укомплектовавъ одну изъ нихъ теперь-же готовыми рекрутами 5-й Запасной дивизіи“ ([87]).

ГЛАВА XXXVI.

Продовольствованіе войскъ въ Крыму: Госпитали.

(съ марта по августъ включительно 1855 года).

Еще до назначенія князя Горчакова главнокомандующимъ войсками въ Крыму, именно 30-го января 1855 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, коимъ возложено было на генералъ-адъютанта Анненкова главное завѣдываніе продовольствіемъ и снабженіе провіантомъ и предметами коммисаріатской и артиллерійской частей Крымской и Южной армій, а также распоряженіе средствами всѣхъ губерній, состоявшихъ на военномъ положеніи. Но вслѣдъ за тѣмъ князь Горчаковъ сообщилъ военному министру, что назначеніе особаго лица для снабженія арміи запасами стѣсняло дѣйствія главнокомандующаго, который, соображаясь съ ходомъ военныхъ событій, одинъ лишь можетъ, по соглашенію съ военнымъ министромъ, опредѣлять мѣста магазиновъ и количество заготовляемыхъ въ нихъ запасовъ, а также мѣста военно-временныхъ госпиталей и этаповъ, направленіе военныхъ дорогъ, пункты и соразмѣрность госпитальныхъ и артиллерійскихъ складовъ. „Способы доставленія предметовъ къ этимъ пунктамъ—

писалъ онъ—должны зависѣть отъ распоряженія военнаго министра, такъ какъ самые источники, изъ коихъ эти предметы будутъ доставляться, состоятъ въ его вѣденіи, а способы подвоза этихъ запасовъ изъ складочныхъ пунктовъ къ арміи — отъ главнокомандующаго."

Вслѣдствіе замѣчаній князя Горчакова, сообщенныхъ военному министру, для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору, генералъ-адъютантъ Анненковъ былъ назначенъ, по прежнему, ново-россійскимъ и бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ, а потомъ—государственнымъ контролёромъ. Но, между тѣмъ, какъ происходила переписка по этому предмету, генералъ Анненковъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) назначилъ по раскладкѣ, на счетъ смѣтныхъ суммъ интендантства, провіантъ и фуражъ отъ губерній: курской, воронежской, харьковской и екатеринославской, всего: муки 28,538 четв., сухарей 228,538 четв., крупъ 36,186 четв., овса и ячменя 211,304 четв. (²); 2) распорядился заготовленіемъ, чрезъ состоявшихъ при немъ чиновниковъ, 9,227-ми воловъ, для порціоннаго довольствія крымскихъ войскъ; 3) заготовилъ, посредствомъ помѣщиковъ, 3,686,923 пуда сѣна въ херсонской губерніи и въ Бессарабіи; 4) сформировалъ въ курской и воронежской губерніяхъ двѣ конныя полубригады подвижнаго магазина, для перевозки провіанта и фуража по этимъ губерніямъ.

Раскладка провіанта, по распоряженію генерала Анненкова, принесла войскамъ пользу и, будучи сдѣлана въ отдаленныхъ губерніяхъ, не возвысила цѣнъ на театрѣ войны. Вообще хлѣбъ на мѣстѣ долженъ былъ обойтиться: четверть муки—2 рубля; крупъ—3 рубля; зерноваго фуража—1 р. 50 коп. Перевозка каждой четверти: до губернскихъ складочныхъ пунк-

товъ — по 90 коп. отъ нихъ до Геническа — по 3 рубля, а далѣе до Симферополя — по 2 р. 50 коп. На мѣшки, балаганы и проч. полагалось на каждую четверть по 1 рублю; слѣдовательно перевозка каждой четверти запасовъ въ Симферополь обошлась въ 7 рублей 40 коп., а вмѣстѣ съ стоимостью припасовъ каждая четверть должна была обойтись: муки—9 р. 40 коп., крупъ—10 р. 40 коп., а зерноваго фуража — 8 р. 90 коп. Большую часть этихъ припасовъ предполагалось доставить не позже 1-го (13) іюля.

Заготовленные, по распоряженію генерала Анненкова, 9.227 воловъ начали прибывать въ Симферополь въ іюнѣ. Пудъ мяса обходился по 2 р. $24^1/_2$ коп. за пудъ, слѣдовательно это заготовленіе было выгоднѣе, нежели прежняя поставка воловъ подрядчиками, по контракту, заключенному полковникомъ Вуншемъ, при чемъ пудъ мяса обходился по 2 руб. 79 коп. (3).

Напротивъ того, заготовленіе сѣна въ херсонской губерніи и Бессарабіи не принесло ожидаемой пользы, потому что оно было собрано въ незначительномъ количествѣ, на обширномъ пространствѣ, большею частью въ такихъ мѣстахъ, гдѣ въ теченіи всей войны не было войскъ.

Формированіе генераломъ Анненковымъ, въ курской и воронежской губерніяхъ, на счетъ смѣтныхъ суммъ, двухъ конныхъ подвижныхъ магазиновъ, для перевозки припасовъ исключительно по губерніи, оказалось невыгодно. Подвижные магазины необходимы только тамъ, гдѣ нельзя получить достаточно обывательскихъ подводъ, именно: въ странахъ мало населенныхъ, вблизи театра военныхъ дѣйствій, гдѣ, по случаю сосредоточенія войскъ, является потребность въ подводахъ, превышающее средства края.

Вдали-же отъ театра войны, перевозка припасовъ можетъ быть исполнена, безъ отягощенія, обывателями, за умѣренную плату, между тѣмъ какъ содержаніе на счетъ смѣтныхъ суммъ интендантства двухъ подвижныхъ магазиновъ, безъ особенной пользы для арміи, стоило-бы гораздо дороже (до 400 тыс. рубл. въ годъ). Какъ весною 1855 года, по распоряженію князя Горчакова, уже формировались подвижные магазины, назначенные исключительно для перевозокъ вблизи театра войны, то генералу Анненкову было предписано остановить начатое имъ формированіе подвижныхъ магазиновъ (4).

Выше уже сказано (въ главѣ 26-й), что, съ принятіемъ начальства надъ войсками въ Крыму княземъ Горчаковымъ, въ мартѣ 1855 года, на полуостровѣ вообще было на лицо и ожидалось:

Муки и сухарей около	643,000 четв.
Крупъ	117,600 „

Этого провіанта, по числу людей тогда состоявшихъ на продовольствіи въ Крыму (170,000 чел.), было достаточно до іюня 1856 года. Но значительную часть ожидаемыхъ запасовъ надлежало подвозить издалека, что̀ представляло важныя затрудненія, по крайнему истощенію перевозочныхъ средствъ на Крымскомъ полуостровѣ (5). Къ тому-же въ 1855 году было сосредоточено въ Крыму до 300 тысячъ человѣкъ и до 100 тыс. лошадей, что̀ потребовало заготовленія запасовъ и формированія перевозочныхъ средствъ гораздо въ большемъ количествѣ (6).

Какъ провіантъ въ мукѣ сохраняется гораздо удобнѣе, нежели сухари, то, безъ всякаго сомнѣнія, для войскъ былобы лучше получать муку и приготовлять самимъ изъ нея хлѣбъ; но это оказывалось

невозможно: во первыхъ, по тому, что войска, находясь постоянно въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля, либо на работахъ, не имѣли времени сами печь хлѣбъ; отдѣленіе-же отъ каждой части хлѣбопековъ весьма ослабило-бы наличное число людей въ строю, и во вторыхъ, по неимѣнію дровъ въ степной части Крыма. Все это заставило отпускать войскамъ значительную часть провіанта въ сухаряхъ, которые иногда доставлялись за нѣсколько сотъ верстъ и весьма часто хранились подъ открытымъ небомъ, осенью и зимою, во время проливныхъ дождей и мятелей. Въ такихъ обстоятельствахъ, иногда случалось войскамъ получать заплесневѣлые, гнилые, сухари; но продовольствованіе войскъ, по свидѣтельству многихъ лицъ, участвовавшихъ въ крымской кампаніи, вообще было весьма удовлетворительно (7).

Кромѣ провіанта, въ показанномъ количествѣ, и годовой пропорціи соли для арміи, простиравшейся до 160,000 пудовъ, и водки 624,000 ведеръ, войскамъ производилась, въ продолженіи трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, дача уксусу (180,000 ведеръ) и перцу (1875 пудовъ).

Для продовольствованія круглый годъ около 70,000 строевыхъ и 30,000 подъемныхъ лошадей требовалось 1.400,000 четвертей овса, 11,520,000 пудовъ сѣна и около 2.000,000 соломы (4).

Для доставки къ войскамъ этихъ припасовъ, полагая, что провіантъ и зерновой фуражъ будутъ привозиться изъ мѣстъ лежащихъ на разстояніи 500 верстъ отъ театра военныхъ дѣйствій, а сѣно за 80 верстъ, по разсчету, сдѣланному генералъ-интендантомъ, требовалось имѣть въ постоянномъ движеніи, въ теченіи 8-ми мѣсяцевъ, когда подвозы возможны въ Крыму, не менѣе 108-ми тысячъ подводъ. Какъ въ подвижномъ магазинѣ было только 7 тысячъ подводъ, ко-

торыхъ едва доставало для подвоза припасовъ изъ Симферополя въ Севастополь, то все остальное количество должны были доставить обыватели. Въ особенности-же потерпѣла таврическая губернія, жители которой перевозили не только провіантъ и зерновой фуражъ изъ болѣе отдаленныхъ губерній, но сѣно и дрова, доставка коихъ оттуда была невозможна. Перевозка одного топлива, въ количествѣ 128-ми тысячъ саженъ, требовала 24 тысячъ подводъ, въ продолженіи 8-ми мѣсяцевъ ([8]).

Продовольственную часть въ Крыму болѣе всего затрудняли: уменьшеніе на полуостровѣ рогатаго скота и дороговизна сѣна. Съ начала войны до марта 1855 года, отъ закупки войсками воловъ на порціи, число рогатаго скота уменьшилось втрое; дальнѣйшее-же его уменьшеніе не только затруднило-бы мясное довольствіе войскъ; но лишило-бы армію последнихъ перевозочныхъ средствъ. Не менѣе была тягостна дороговизна сѣна, котораго на полуостровѣ, въ мартѣ 1855 года, можно было купить не болѣе 2,300,000 пудовъ, чтó составляло двухъ-мѣсячную съ небольшимъ пропорцію для арміи; а, между тѣмъ, до появленія травы оставалось еще полтора, а до сѣнокоса—два съ половиною мѣсяца. Войска добывали сѣно, какъ и зерновой фуражъ, по утвержденнымъ, весьма высокимъ, цѣнамъ, которыя доходили для войскъ расположенныхъ въ Севастополѣ до 1 р. 60 коп., а для находившихся въ окрестностяхъ Севастополя—до 1 р. 30 к. за пудъ сѣна. Какъ ни огромны были эти цѣны, начальники частей войскъ иногда отказывались принять на собственное попеченіе закупку сѣна, и это было весьма естественно, потому что офицеры главной квартиры платили въ Бакчисараѣ по полтора и по два рубля за пудъ бурьяну, изъ котораго половина была не удобо-

съѣдома для лошадей; въ Симферополѣ пудъ сѣна иногда продавался также по два рубля.

Какъ дороговизна сѣна преимущественно происходила отъ недостатка перевозочныхъ средствъ, то предписано было полкамъ завести особыя повозки, на счетъ казны, и впрягать въ нихъ порціонныхъ воловъ; на этихъ повозкахъ доставлялось сѣно, а волы на пути кормились травою. За тѣмъ, цѣны, утвержденныя на фуражъ для войскъ, были понижены и назначены двоякія: частямъ имѣющимъ повозки—меньшія, а прочимъ—нѣсколько большія. Это распоряженіе доставило экономіи, въ теченіи 1855 года, до 7-ми милліоновъ рублей.

Чтобы увеличить на полуостровѣ сѣнные запасы, главнокомандующій поручилъ генералъ-адъютанту Анненкову, по возможности, усилить сѣнокошеніе въ сѣверныхъ уѣздахъ таврической губерніи. Для содѣйствія тому, были приглашены владѣльцы и общества государственныхъ крестьянъ и колонистовъ, наряжены косцы изъ мѣстныхъ жителей, вызваны работники изъ другихъ губерній, съ назначеніемъ, какъ тѣмъ, такъ и другимъ, безобидной платы, слѣдствіемъ чего былъ наемъ до 3-хъ тысячъ косцовъ въ полтавской губерніи, и сдѣлано распоряженіе о перевозкѣ въ Перекопъ изъ Бендеръ хранившихся тамъ 12-ти тысячъ косъ, для безденежной раздачи ихъ работникамъ.

По примѣрному соображенію, отъ усиленнаго сѣнокошенія въ таврической губерніи ожидалось получить для войскъ сѣна до 11-ти милл. пудовъ, т. е. почти то количество, которое требовалось для арміи на цѣлый годъ.

Не трудно было однако-же предвидѣть, что этотъ разсчетъ окажется преувеличеннымъ. Какъ обыкновенно бываетъ, возникла весьма сложная и продол-

жительная переписка, о томъ, сколько именно и въ какихъ мѣстахъ таврической губерніи владѣльцы земель могли накосить сѣна для арміи, и, наконецъ, интендантство получило о томъ свѣдѣнія отъ гражданскаго вѣдомства уже въ концѣ сентября, когда прошло время сѣнокоса и, со дня на день, надобно было ожидать, что дороги сдѣлаются неудобными для подвозовъ. По этимъ первоначальнымъ свѣдѣніямъ, вмѣсто ожидаемыхъ 11-ти милліоновъ пудовъ сѣна, имѣлось въ виду только съ небольшимъ 2 милліона. Но даже изъ этого количества значительная часть не могла служить въ пользу войскамъ собраннымъ около Севастополя, именно: 100 тыс. пудовъ ялтинскаго сѣна находилось на южномъ берегу и не могло быть оттуда доставлено; 440 тыс. пудовъ, въ днѣпровскомъ и мелитопольскомъ уѣздахъ, было въ разстояніи отъ Севастополя далѣе 250-ти верстъ, 210 тыс. пудовъ бердянскаго уѣзда—въ 400 верстахъ, а 850 тыс. пудовъ феодосійскаго уѣзда—далѣе 200 верстъ. Такимъ образомъ для арміи, сосредоточенной въ окрестностяхъ Севастополя, оставалось въ виду не болѣе 500 тыс. пудовъ.

Въ дѣйствительности-же оказалось всего накошеннаго сѣна только около милліона пудовъ; изъ этого количества до 600,000 пудовъ сѣна, заготовленнаго въ отдаленныхъ пунктахъ, были сданы прямо въ войска, расположенныя въ сѣверныхъ уѣздахъ таврической губерніи, и только 156,000 пудовъ поступили своевременно въ магазины для войскъ собранныхъ у Севастополя и Симферополя *).

Таковы были результаты распоряженія, долженствовавшаго снабдить сѣномъ армію на цѣлый годъ (⁰).

*) Пудъ этого сѣна, вмѣстѣ съ издержками на перевозку къ войскамъ, обошелся въ сложности по 76 копѣекъ.

Надлежало пріискать къ тому другія средства. А, между тѣмъ, главнокомандующій, получивъ свѣдѣніе, что промышленники на Крымскомъ полуостровѣ скупали сѣно, чтобы потомъ продавать его съ барышомъ, и что мѣстные владѣльцы совершенно отказывались отъ продажи войскамъ сѣна, разсчитывая на возвышеніе цѣны его въ послѣдствіи, предписалъ таврическому губернатору, графу Николаю Владимировичу Адлербергу, чтобы строжайше было запрещено промышленникамъ закупать сѣно для перепродажи, и чтобы владѣльцы на полуостровѣ не отказывали войскамъ въ продажѣ сѣна, съ тѣмъ, что если у нихъ окажется лишнее сѣно, сверхъ необходимаго для ихъ хозяйственной потребности, то съ ними будетъ поступлено по всей строгости военныхъ законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано установить постоянную цѣну на сѣно: въ симферопольскомъ уѣздѣ по 35-ти, а въ прочихъ уѣздахъ полуострова — по 25-ти коп. серебр. за пудъ безъ доставки (10). Впрочемъ это распоряженіе оказалось недѣйствительно до такой степени, что въ симферопольскомъ уѣздѣ помѣщики продавали сѣно, на мѣстѣ, гораздо дороже, а въ январѣ и февралѣ 1856 года, цѣна его дошла до рубля и болѣе за пудъ (11).

Изъ соображенія всѣхъ этихъ обстоятельствъ, оказывалось, что недостатокъ фуража не только угрожалъ уничтоженіемъ кавалеріи, но даже могъ совершенно отнять возможность подвозить къ войскамъ жизненные припасы, что̀ заставило-бы насъ очистить Крымъ безъ сопротивленія непріятелю. Основываясь на томъ, генералъ-интендантъ Затлеръ подалъ главнокомандующему, въ различное время, три записки объ уменьшеніи числа лошадей на полуостровѣ. Князь Горчаковъ, убѣдясь въ необходимо-

сти предложенной мѣры, приказалъ вывести часть обозныхъ лошадей въ херсонскую губернію.

По мнѣнію генералъ-интенданта, надлежало также, не слишкомъ полагаясь на сѣнокошеніе въ помѣщичьихъ и государственныхъ имѣніяхъ, (успѣхъ котораго оказывался сомнителенъ), заготовить, на всякій случай, особый запасъ сѣна, пока дороги были еще сухи. Главнокомандующій разрѣшилъ заготовить коммисіонерскимъ способомъ до 300 тысячъ пудовъ сѣна въ Севастополѣ, Дуванкіой и Бахчисараѣ, по 65 коп. за пудъ. Но какъ потомъ было запрещено коммисіонерамъ дѣлать закупки въ раіонѣ расположенія 3-го пѣхотнаго корпуса, то утвержденная на эту закупку цѣна была возвышена до 73-хъ коп. за пудъ. При заготовленіи этого сѣна, имѣлось въ виду беречь его на непредвидимые случаи, а продовольствовать лошадей попеченіемъ самихъ войскъ, что̀ и продолжалось безъ особенныхъ затрудненій до августа 1855 года; но въ это время, когда травы уже начали засыхать, всѣ войска, расположенныя въ окрестностяхъ Севастополя, отказались отъ продовольствованія своихъ лошадей по утвержденнымъ цѣнамъ и забота о добываніи сѣна пала на интендантство*). Главнокомандующій приказалъ заготовить еще до 700 тысячъ пудовъ, назначивъ цѣну по 78 коп. за пудъ, съ тѣмъ, чтобы обывательскимъ подводамъ, на которыхъ будетъ перевозиться это сѣно, отпускалось, на счетъ заготовленной суммы, по 20-ти фунтовъ на лошадь, или вола, кромѣ платы за перевозку. Войскамъ, въ тоже время, были утверждены цѣны: расположеннымъ

*) Отряды евпаторійскій, ѳеодосійскій и геническій не отказались отъ фуражнаго довольствія по утвержденнымъ цѣнамъ, но добываніе сѣна впослѣдствіи оказалось весьма затруднительно для евпаторійскаго отряда.

около Бахчисарая—по 95 коп., а на сѣверной сторонѣ Севастополя—по 1 рублю за пудъ.

Вообще-же коммисіонерскимъ способомъ было заготовлено въ 1855 году 965 тысячъ пудовъ сѣна, по 73 и 78 коп. за пудъ, что, въ сравненіи съ цѣнами утвержденными войскамъ, принесло казнѣ сбереженія около 200 тысячъ рублей. Большая часть этого сѣна была доставлена въ глубокую осень, когда войска, не смотря на высокія цѣны для нихъ утвержденныя главнокомандующимъ, отказывались продовольствовать своихъ лошадей ([11]).

Касательно продовольствія войскъ мясными порціями, въ мартѣ 1855 года имѣлось въ виду, доставкою по подрядамъ, а равно пожертвованныхъ екатеринославскою губерніей и заготовленныхъ по распоряженію генералъ-адъютанта Анненкова, всего 17 тысячъ воловъ, коихъ, по числу войскъ въ Крыму, доставало до 15 іюня; для послѣдующаго-же довольствія по 1-е декабря 1855 года, необходимо было пріобрѣсти около 15-ти тысячъ воловъ. Для этой поставки назначены были, 15-го и 20-го мая, въ таврической, екатеринославской и харьковской казенныхъ палатахъ, публичные торги, но желающихъ на оные не явилось. Затѣмъ пріобрѣтеніе воловъ для мясныхъ порцій, по предложенію генералъ-интенданта, было предоставлено попеченію самихъ войскъ, но съ тѣмъ, чтобы, для сохраненія въ Крыму перевозочныхъ средствъ, порціонный скотъ былъ покупаемъ внѣ полуострова. Какъ пригонъ скота изъ отдаленныхъ мѣстъ, по совершенному истощенію запасовъ сѣна въ Крыму, былъ очень затруднителенъ, то солдатская мясная порція отчасти замѣнялась саломъ, съ добавкою крупъ, соли, перцу и луку. Покупка

мясныхъ порцій была оставлена по прежнему на попеченіи войскъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было предписано, на случай недостатка въ мясѣ, пріобрѣтать покупкою сало и другіе припасы, а такъ-же капусту, если не свѣжую, за невозможностью получить ее въ достаточномъ количествѣ на полуостровѣ, то сухую, выписывая ее заблаговременно изъ заводовъ внутри Имперіи ([12]).

Большая часть провіанта, тогда имѣвшагося въ виду для арміи, была собрана въ губерніяхъ екатеринославской, харьковской, курской и воронежской, и отправлялась въ Крымъ, начиная съ апрѣля, въ продолженіи всего лѣта, сперва до Геническа, Ярошика и Керчи, на обывательскихъ подводахъ тѣхъже губерній, по распоряженію генералъ-адъютанта Анненкова, а потомъ, генерала Затлера, въ магазины, учрежденные между Симферополемъ и Перекопомъ *), частью-же въ Симферополь на подводахъ государственныхъ крестьянъ таврической губерніи, за установленную главнокомандующимъ поверстную плату. Изъ главнаго-же симферопольскаго магазина провіантъ доставлялся, на повозкахъ подвижнаго магазина, въ Севастополь, на Инкерманскую позицію и Мекензіевы высоты, въ Бахчисарай, Карасубазаръ, и проч., откуда снабжались войска, расположенныя между Севастополемъ и Симферополемъ, а также (изъ Карасубазара) войска ѳеодосійскаго отряда. Магазины на комуникаціонной линіи (въ Трехъ-Абламѣ и Ишуни) служили для снабженія хлѣбомъ проходящихъ войскъ и для евпаторійскаго отряда; а ре-

---

*) По дорогѣ изъ Симферополя въ Перекопъ были устроены магазины въ Трехъ-Абламѣ и Ишуни, а по Чонгарской дорогѣ — въ Бакшаѣ.

зервный Бакшайскій магазинъ былъ устроенъ на случай, еслибъ непріятель, выйдя въ большихъ силахъ изъ Евпаторіи, занялъ наше сообщеніе съ Перекопомъ ([13]).

Вторженіе непріятеля въ Азовское море имѣло послѣдствіемъ потерю нѣкоторыхъ изъ нашихъ провіантскихъ складовъ, которыхъ мы не имѣли возможности вывезти изъ приморскихъ городовъ: Таганрога, Керчи, Геническа, и проч. ([14]).

Утвердительно можно сказать, что никогда никакая армія не находилась въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, на счетъ спабженія жизненными припасами. Въ августѣ 1855 года, болѣе двухъ-сотъ тысячъ человѣкъ русскихъ войскъ было собрано на большомъ пространствѣ, отдаленномъ отъ прочихъ областей Имперіи обширною степью, чрезъ которую проходили только двѣ дороги: по узкому Перекопскому перешейку и по Чонгарской косѣ, да и тѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, были почти непроходимы. На этихъ сообщеніяхъ нельзя было пріобрѣсти не только какіе-либо припасы, но и воду, даже для незначительныхъ частей арміи, либо подвижнаго магазина; такъ напримѣръ на ночлегахъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ не доставало воды для одной воловой полубригады. Точно также въ степяхъ таврической и во всей херсонской губерніи нельзя было найти дровъ для варенія пищи и разведенія бивачныхъ огней, потому что мѣстные жители, за недостаткомъ лѣса, приготовляютъ кизякъ, да и того у нихъ уже не было.

Весьма естественно, что трудность подвозовъ имѣла послѣдствіемъ такое необыкновенное возвышеніе цѣнъ на всѣ вообще припасы, какое случалось только въ городахъ тѣсно обложенныхъ непріятельскими войсками. Въ Симферополѣ, когда

четверть овса продавалась отъ 14 до 16 рублей, извощики иногда кормили лошадей хлѣбомъ; въ селеніи Дуванкіой пудъ бурьяну продавался по рублю и дороже; трехъ-полѣнная сажень дровъ въ Симферополѣ стоила до 100 рублей. Сообразно тому платили за яйцо по 10 копѣекъ, за лимонъ полтора рубля, за порцію кушанья въ трактирахъ отъ 50 до 75 коп. и т. п. ([15]). Покупка необходимѣйшихъ припасовъ затруднялась недостаткомъ въ Крыму мелкихъ денегъ, не только въ серебряной монетѣ, но и въ рублевыхъ и трехъ-рублевыхъ ассигнаціяхъ. Легче было добывать полуимперіалы. За размѣнъ 25-ти-рублевой ассигнаціи случалось платить до 2 р. 50 коп., т. е. 10% ([16]).

Принимая въ соображеніе дороговизну всѣхъ жизненныхъ припасовъ въ Крыму, нельзя удивляться, что смѣта суммы для продовольствованія Южной арміи и войскъ въ Крыму дѣйствовавшихъ на 1855-й годъ, отправленная княземъ Горчаковымъ къ военному министру, простиралась до 62,631,776 рублей 55 коп. ([17]).

До прибытія въ Крымъ князя Горчакова, было открыто всего десять госпиталей, въ которыхъ находилось до 15,000 кроватей—число далеко несоотвѣтствовавшее потребности войскъ. Въ началѣ февраля 1855 года, больныхъ и раненыхъ въ Крыму уже было до 25,000. Въ мартѣ, по доставленіи нѣкотораго числа госпитальныхъ вещей, имѣлось ихъ въ крымскихъ госпиталяхъ на 16,780 человѣкъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, число больныхъ и раненыхъ, въ это время, простиралось болѣе 33,000. Надлежало увеличить число врачей, а такъ-же добыть въ огромномъ количествѣ госпитальныя вещи и перевязоч-

ные матеріалы. Князь Горчаковъ, по представленію состоявшаго прежде начальникомъ штаба при князѣ Меншиковѣ, генерала Семякина, распорядился о высылкѣ изъ полтавской, харьковской, курской и воронежской губерній по одному врачу отъ каждаго уѣзда, а также госпитальной прислуги сколько возможно. Тогда-же были переведены изъ Южной арміи въ Крымъ нѣсколько подвижныхъ и временныхъ госпиталей. Чтобы получить понятіе о средствахъ, которыя требовались для арміи, достаточно знать, что въ апрѣлѣ 1855 года князь Горчаковъ отнесся къ военному министру, съ требованіемъ: милліона аршинъ бинтовъ разнаго сорта, 100,000 аршинъ компреснаго холста, 1,000 пудовъ корпіи, 1,000 пудовъ ветоши, и проч. и что, вслѣдъ за тѣмъ, генералъ-штабъ-докторъ крымскихъ войскъ вошелъ съ представленіемъ къ главнокомандующему, о заготовленіи новаго запаса перевязочныхъ вещей, въ количествѣ: двухъ милліоновъ бинтовъ, 2,000 пудовъ корпіи, 2,000 пудовъ ветоши, и проч. Значительная часть этихъ припасовъ была доставлена въ армію, что дало возможность князю Горчакову увеличить число госпиталей до 25-ти, слишкомъ на 30,000 человѣкъ ([18]). Но какъ число больныхъ и раненыхъ возрастало быстро, то слѣдовало принять мѣры къ вывозу ихъ въ госпитали, учрежденные въ ближайшихъ къ театру войны губерніяхъ. Какъ въ продолженіи года, съ 1-го ноября 1854 года по 1-е ноября 1855 года, перевезено 112,670 больныхъ и раненыхъ, изъ Севастополя въ Симферополь, и въ теченіи восьми мѣсяцевъ 87,683 изъ Симферополя въ госпитали за нѣсколько сотъ верстъ устроенные, то потребовалось для первыхъ 37,500, а для послѣднихъ болѣе 29-ти тысячъ подводъ, при чемъ значительную пользу принесли подвижные магазины,

которые, при обратномъ слѣдованіи изъ Севастополя, порожнякомъ, перевезли значительное число больныхъ и раненыхъ. Кромѣ того, перевозка больныхъ производилась на подводахъ нѣмецкихъ колонистовъ, которые доставили въ Павлоградскій госпиталь 900 человѣкъ и взяли на собственное попеченіе 2,600 больныхъ и раненыхъ; съ тою-же цѣлью, при князѣ Горчаковѣ, учрежденъ постоянный транспортъ, изъ вольнонаемныхъ троечныхъ подводъ. Но какъ всѣ эти средства не могли обезпечить перевозку больныхъ на будущее время, то князь Горчаковъ приказалъ заключить контракты съ подрядчиками, которые обязались-бы доставить сначала 600, а потомъ еще 800 парокопныхъ фуръ, покрытыхъ деревянною плетенкою, просторныхъ и удобныхъ для помѣщенія въ каждой четырехъ больныхъ. На эту поставку неоказалось желающихъ, и по тому генеральъ-интендантъ заключилъ контрактъ на доставленіе 1,400 одноконныхъ подводъ, которыя, къ сожалѣнію, несоотвѣтствовали своему назначенію. Покрытыя старыми рогожами, онѣ не защищали ни отъ дождя, ни отъ солнца, и были такъ тѣсны, что въ нихъ съ трудомъ помѣщались двое легко-раненыхъ, либо одинъ ампутированный. Лошади и упряжь были крайне плохи; на каждыя пять фуръ приходилось по одному погонщику, и по тому онѣ, двигаясь безъ присмотра, часто опрокидывались ([19]).

Распоряженія по части перевозки больныхъ были возложены на дежурнаго генерала Ушакова и на директора госпиталей Южной арміи, генералъ-маіора Остроградскаго. Но хотя перевозка производилась почти непрерывно весною и лѣтомъ 1855 года, однако-же она была, въ теченіи всей войны, въ самомъ жалкомъ видѣ. Причиною тому было совершенное опустошеніе края, гдѣ трудно было добывать кормъ

для скота и даже воду, и гдѣ не встрѣчалось никакихъ средствъ для облегченія участи перевозимыхъ страдальцевъ.

Весьма большимъ препятствіемъ, затруднявшимъ исполненіе многихъ благодѣтельныхъ мѣръ по медицинской части, было сложное, преисполненное формализмомъ, управленіе. При князѣ Меншиковѣ безпорядокъ медицинской части происходилъ преимущественно отъ недостатка единства въ ея администраціи; а при его преемникѣ единство установилось, но, за то, возникла безконечная переписка, которая затрудняла и замедляла всѣ мѣры, принимаемыя главнокомандующимъ и исполнителями его распоряженій. Составлены были особыя инструкціи для медиковъ и для руководства конторамъ госпиталей и начальникамъ транспортовъ. Опредѣлено было количество продовольственныхъ припасовъ для больныхъ ([19]) и приказано имѣть строгое наблюденіе, чтобы пища ихъ приготовлялась хорошаго качества; положено число подводъ, необходимое для перевозки, какъ тяжело, такъ и легко-раненыхъ и больныхъ. Но всѣ эти правила, весьма основательныя, умалчивали о средствахъ для ихъ исполненія и не могли быть исполняемы въ опустошенной странѣ.

Кромѣ пособія въ натурѣ, оказываемаго раненымъ и изувѣченнымъ, имъ выдавались денежныя пособія, въ размѣрѣ для нижнихъ чиновъ отъ одного до 150 рублей; послѣднюю сумму получали потерявшіе два члена. Сначала деньги вручались непосредственно раненымъ и, къ сожалѣнію, издерживались, большею частью, не въ пользу, и даже во вредъ имъ. Тяжело раненые и больные теряли пожалованныя имъ суммы, не рѣдко переходившія въ руки госпитальной прислуги и фельдшеровъ; тѣ-же изъ больныхъ, которые, обладая полнымъ созна-

ніемъ, успѣвали сохранить свои деньги. тратили ихъ на покупку припасовъ, нисколько не соотвѣтствовавшихъ состоянію ихъ здоровья, что служило къ поощренію контрабандной торговли въ госпиталяхъ. Въ послѣдствіи, сами раненые. хотя нѣкоторые и не охотно, соглашались отдавать деньги на сохраненіе сестрамъ милосердія, у которыхъ собрались довольно значительныя суммы. (Въ маѣ и іюнѣ 1855 года, въ госпиталяхъ Корабельной находилось на храненіи до 60 тысячъ рублей). Въ морскомъ-же вѣдомствѣ, гдѣ Великій Князь Константинъ Николаевичъ поручилъ раздачу наградъ нижнимъ чинамъ камеръ-юнкеру Мансурову, она производилась другимъ образомъ: каждый изъ раненыхъ, раздѣленныхъ по степенямъ, получалъ свидѣтельство на денежное пособіе, которое выдавалось по его излѣченіи, либо при увольненіи отъ службы.

Профессоръ Гюббенетъ, находившійся почти во все время осады въ Севастополѣ, начерталъ вѣрную картину положенія нашихъ и плѣнныхъ раненыхъ, собранныхъ на тѣсномъ пространствѣ, гдѣ всѣ усилія медиковъ не могли оказать пособія страждущимъ. „Когда я вступилъ на перевязочный пунктъ — говоритъ онъ — какое зрѣлище мнѣ представилось! Вся зала биткомъ была набита ранеными, ожидавшими операцій. Тѣ, для которыхъ нашлось еще мѣсто, лежали на кроватяхъ, остальные — на полу, длинными, ужасными, рядами. Въ одномъ изъ угловъ были плѣнные французы-зуавы или линейные солдаты; они группировались полулежа, полусидя, прислонившись къ стѣнѣ. Даже небольшая часть залы, отведенная для помѣщенія медиковъ, быстро наполнялась изувѣченными; на кроватяхъ, которыя не заняты были серьезно заболѣвшими врачами, тихо стонали тяжело-раненые.

„Съ трепетнымъ чувствомъ печали и глубочайшаго уваженія, проникъ я въ это скопище страдальцевъ. И когда смотрѣлъ на блѣдныхъ, опаленныхъ порохомъ нашихъ храбрецовъ, съ разбитыми и окровавленными членами, но съ выраженіемъ спокойствія, покорности, даже нѣкотораго довольства на лицѣ, я невольно подумалъ: „съ такою арміей можно завоевать міръ!" Легко себѣ представить, но нельзя описать ощущеній, съ которыми смотришъ на то, какъ оторванная съ сапогомъ нога лежитъ возлѣ раненаго, а онъ преспокойно вынимаетъ изъ-за голенища кисетъ и трубочку, или проситъ служителя вынести ногу, но возвратить сапогъ! Одного изъ подобныхъ храбрецовъ я хорошо замѣтилъ. Онъ терпѣливо лежалъ на постели и, повидимому, съ особеннымъ удовольствіемъ попыхивалъ табачнымъ дымомъ. Это свѣтлое настроеніе духа и совершенный комфортъ были уже слишкомъ поразительны среди общихъ страданій, такъ что я невольно вообразилъ, будто этотъ человѣкъ попалъ сюда ошибкой. „Что съ тобою?"—обратился я къ нему. „Да небольшая бѣда! помогайте прежде другимъ, кому хуже". Я приподнялъ шинель—и содрогнулся: мякоть всего праваго бедра вырвана огромнымъ кускомъ до самой кости, и этотъ человѣкъ спокойно, съ полнымъ удовольствіемъ, покуриваетъ себѣ трубочку! Но онъ не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ явленіемъ; потомъ я еще видѣлъ много подобныхъ храбрецовъ. Вообще, если думаютъ, что, при такомъ огромномъ количествѣ тяжело-раненыхъ, человѣческія страданія и весь ихъ ужасъ должны выражаться страшными стонами, жалобами, криками, то это грубая ошибка. Большею частью несчастные страдальцы лежатъ спокойно, съ полнымъ самообладаніемъ, и только время отъ времени острая боль

вызываетъ у того, или другаго, тяжелый вздохъ, слабый крикъ, или тихій, мѣрно-повторяющійся стонъ. Кому, для возбужденія религіознаго чувства, необходимо громкое церковное пѣніе, музыка или торжественныя церемоніи, тотъ долженъ-бы поспѣшить сюда: онъ почувствовалъ-бы, какъ всякій тихій вздохъ проникаетъ въ тончайшіе нервы нашего сердца; онъ узналъ-бы, что есть звуки страданія и музыка стоновъ, которые, даже безъ льстивой плавности и сладкой мелодіи, могутъ взволновать внутреннее чувство до глубочайшихъ его изгибовъ и тайнымъ трепетомъ проникнуть въ душу" ([20]).

Въ маѣ 1855 года непріятель придвинулъ батареи на близкое разстояніе къ Корабельной сторонѣ, гдѣ перевязочный пунктъ съ госпиталемъ подверглись сильному огню; почти всѣ окна были выбиты, крыши разрушены и стѣны повреждены бомбами; аптека, пекарня, кухня, нѣкоторыя деревянныя строенія были совершенно разбиты. Бомбы попадáли въ госпитальныя палаты, били раненыхъ и прислугу; въ числѣ убитыхъ былъ одинъ изъ иностранныхъ врачей. Раненые лежали, дрожа отъ холода и сквознаго вѣтра, и даже въ залѣ перевязочнаго пункта нельзя было дѣлать операцій, подъ градомъ камней и щебня, которые, влетая въ окна, мѣшали занятіямъ. Послѣ трехъ-дневнаго обстрѣливанія госпиталя убито было въ немъ 13 раненыхъ. Надлежало очистить Александровскія казармы и перевести до 2,500 больныхъ, тамъ находившихся, на Сѣверную сторону, откуда извѣщали, что нельзя было найти помѣщеніе болѣе нежели на 500 человѣкъ. Но, не смотря на то, перевезено было на пароходахъ, подъ непріятельскими выстрѣлами, до 1,500 больныхъ. Остальные-же, и въ томъ числѣ всѣ оперированные, отправлены въ очищенные на-скоро морскіе мага-

зины на Павловскомъ мыску. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, много помогли перемѣщенію больныхъ сестры милосердія. Перевязочный пунктъ былъ такъ-же перенесенъ на Павловскій мысокъ и оставался тамъ до самаго того времени, когда былъ очищенъ Севастополь. Раненыхъ ежедневно отправляли оттуда на Сѣверную сторону, оставляя только оперированныхъ и со сложными переломами, и потому врачи, не заваленные работою, могли удобно наблюдать за перевязками. Въ сахарѣ, чаѣ, винѣ и водкѣ не было недостатка.

На Городской сторонѣ, домъ дворянскаго собранія и Николаевская батарея, гдѣ помѣщалось большое число трудно-раненыхъ, оставались невредимы; но съ наступленіемъ, въ концѣ апрѣля, теплой погоды, рѣшено было отправить оперированныхъ на Сѣверную сторону и помѣстить ихъ тамъ въ палаткахъ, гдѣ, за недостаткомъ кроватей, больные лежали на землѣ, на тюфякахъ набитыхъ сѣномъ. Вскорѣ за тѣмъ пошли дожди, вода залила палатки и больные очутились въ лужахъ. Впрочемъ очищеніе города отъ трудно-раненыхъ было необходимо: послѣ ночнаго дѣла 10-го (22-го) мая, у насъ оказалось болѣе полуторы тысячи раненыхъ, изъ коихъ почти тремъ стамъ пришлось дѣлать операціи ([21]).

Весною 1855 года появилась холера, которая, до того времени, свирѣпствуя осенью и зимою въ лагеряхъ Союзниковъ, поражала у насъ лишь весьма немногихъ. На строгое соблюденіе гигіеническихъ мѣръ, какъ напримѣръ на воздержаніе отъ купанья въ холодной водѣ, нельзя было надѣяться, и потому оставалось требовать, чтобы нижніе чины, при первыхъ признакахъ холеры, тотчасъ просили о врачебномъ пособіи; съ этою цѣлью, всѣ военные

начальники, отъ полковника до ефрейтора, должны были ежедневно опрашивать своихъ солдатъ о состояніи ихъ здоровья. Такая предосторожность оказалась весьма дѣйствительнымъ средствомъ противъ развитія холеры, которою заболѣвало только отъ 6-ти до 10-ти человѣкъ въ день во всемъ гарнизонѣ, между тѣмъ какъ больныхъ тифомъ было гораздо болѣе, и только одинъ изъ врачей, докторъ Бѣлявскій сдѣлался жертвою эпидеміи. Нѣкоторые полагали, будтобы пороховой дымъ и движеніе воздуха отъ пальбы изъ большихъ орудій способствовали ослабленію холеры. Заболѣвшіе помѣщались въ Инженерномъ домѣ, прежде служившемъ для Городской стороны перевязочнымъ пунктомъ. Раненыхъ-же держали въ городѣ только самое короткое время и перевозили на Сѣверную сторону послѣ первой перевязки въ тотъ-же день, а послѣ операціи на 3-й или на 4-й день ([22])

Съ Корабельной стороны такъ-же перевозили ампутированныхъ на Сѣверную сторону, чтó въ особенности было необходимо, когда число раненыхъ увеличилось послѣ жаркаго дѣла 26-го мая (7 іюня). Въ это время пріемная зала была наполнена до того, что раненые лежали не только сплошь одинъ подлѣ другаго, но даже отчасти одинъ на другомъ. Эта зала, въ родѣ большаго амбара, была освѣщена сальными свѣчами, недававшими необходимаго свѣта. Тысяча голосовъ, многіе изъ самыхъ темныхъ угловъ залы, взывали не о помощи, которую подать было невозможно, а о глоткѣ воды; но не легко было удовлетворить и такую смиренную просьбу. Не было средства подойти къ зовущему иначе, какъ наступивъ прежде на нѣсколькихъ страдальцевъ. Въ такихъ обстоятельствахъ очистили на-скоро еще одинъ изъ магазиновъ возлѣ Павловской батареи. Но какъ,

между тѣмъ, раненые прибывали по прежнему, то ихъ стали помѣщать на полу между кроватями, на которыхъ лежали раньше оперированные, и все-таки на набережной тѣсно лежали раненые, которыхъ было болѣе 4-хъ тысячъ, и въ томъ числѣ 300 плѣнныхъ Французовъ. Госпитальная прислуга, состоявшая изъ арестантовъ морскаго вѣдомства, дѣйствовала весьма усердно, пока выбилась совершенно изъ силъ; князь Васильчиковъ устранилъ это затрудненіе прикомандированіемъ къ перевязочному пункту до полутораста строевыхъ солдатъ. Изъ числа раненыхъ лежавшихъ на набережной, около тысячи было перевезено въ ночи на Сѣверную сторону. Плѣнные-же Французы оставались безъ пособія до слѣдующаго дня; но могло-ли быть иначе, когда мы не успѣвали помогать нашимъ собственнымъ раненымъ? Когда-же наконецъ, приступили къ перевязкѣ и ампутированію плѣнныхъ, непріятель выдвинулъ впередъ батареи и громилъ магазины, гдѣ въ то время производились операціи, поражая своихъ братьевъ и медиковъ, подававшихъ имъ помощь ([23]).

Какъ, между тѣмъ, и на Городской сторонѣ, перевязочные пункты стали подвергаться пораженію отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, то Пироговъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Севастополя, предложилъ перенести ихъ на Сѣверную сторону. Графъ Остенъ-Сакенъ и князь Васильчиковъ одобряли это намѣреніе; а Нахимовъ полагалъ, что перевозка раненыхъ черезъ бухту при свѣжемъ вѣтрѣ была невозможна, но потомъ согласился на предложенную мѣру и проектъ о томъ былъ представленъ на усмотрѣніе князя Горчакова.—1-го (13-го) іюня, оба перевязочные пункта были закрыты и, вмѣсто ихъ, учрежденъ главный перевязочный пунктъ въ Михайловской батареѣ, а

временной госпиталь Корабельной переведенъ за Сѣверное укрѣпленіе и помѣщенъ въ палаткахъ. Раненыхъ, доставляемыхъ на Корабельную и Городскую стороны, приказано перевозить ежедневно, въ нѣсколькихъ транспортахъ, на Сѣверную сторону; изъ нихъ, подлежащихъ операціи — въ Михайловское укрѣпленіе; если-же потребуются немедленныя операціи, то производить ихъ въ Павловской и Николаевской батареяхъ, гдѣ, съ этою цѣлью, были учреждены два второстепенныхъ перевязочныхъ пункта (24).

На Михайловской батареѣ было приготовлено мѣсто на 60 кроватей, что не могло удовлетворить потребности; въ послѣдствіи, отведено нѣсколько казематовъ и приготовлено до 100 кроватей, а также, при содѣйствіи князя Васильчикова, разбиты палатки вблизи батареи; но все-таки не было мѣста даже для 200 раненыхъ (25).

Перемѣщеніе перевязочныхъ пунктовъ на Сѣверную сторону возбудило общее неудовольствіе, потому что второстепенный пунктъ на Николаевской батареѣ оказался недостаточнымъ, а вновь устроенное помѣщеніе на Сѣверной сторонѣ было неудобно. Главный перевязочный пунктъ былъ переведенъ, 12 (24) іюня, опять на Южную сторону, въ Николаевскую батарею, гдѣ приготовили кровати для 600 раненыхъ; домъ благороднаго собранія также назначался для пріема больныхъ, а Екатерининскій дворецъ, гдѣ прежде помѣщались раненые офицеры — для безнадежныхъ раненыхъ, лежавшихъ въ домахъ Гущина и Орловскаго, которые были еще болѣе подвержены непріятельскимъ выстрѣламъ. Еще за нѣсколько дней до того, городъ почти совершенно опустѣлъ. Жители, вытѣсненные угрожавшею имъ опасностью, изъ своихъ домовъ, основали другой

городъ между Сѣвернымъ укрѣпленіемъ и Инкерманскими высотами. Новыя жилища ихъ состояли изъ землянокъ, палатокъ и досчатыхъ балагановъ; въ нихъ также были устроены трактиры и лавки, и вообще это поселеніе, по числу жителей и по величинѣ своей, превосходило многіе уѣздные города. Князь Васильчиковъ съ своимъ штабомъ и всѣ канцеляріи, размѣщенныя въ разныхъ домахъ, переѣхали въ Николаевскую батарею, куда перенесли и раненаго Тотлебена. Генералъ Хрулевъ съ своимъ штабомъ перебрался изъ Корабельной въ Павловскую батарею. Только Нахимовъ остался въ городѣ на прежней своей квартирѣ и занималъ ее до самой смерти. Николаевская батарея представляла какъ-бы особый городъ. Начальникъ гарнизона графъ Остенъ-Сакенъ жилъ въ верхнемъ этажѣ на лѣвой оконечности батареи: тамъ-же помѣстился и первой комендантъ, генералъ-лейтенантъ Кизмеръ. Правѣе ихъ находились: штабъ 4-го пѣхотнаго корпуса; раненый Тотлебенъ; инженерные офицеры, канцеляріи и князь Васильчиковъ, а еще далѣе къ сѣверу—госпитали и квартиры медиковъ и сестеръ милосердія. Въ нижнемъ этажѣ были помѣщены: гаубтвахта, вольная городская аптека, квартиры нѣсколькихъ генераловъ и врачей, лазаретъ для легко-раненыхъ, ежедневно отправляемыхъ на Сѣверную сторону, перевязочный пунктъ съ нѣсколькими казематами для медиковъ и штабъ морскаго управленія; а въ подвальномъ этажѣ, находившемся только на правой половинѣ батареи: нѣсколько мастерскихъ, городскіе купцы съ ихъ магазинами и ресторація. Наконецъ, всѣ три этажа на правой оконечности батареи были заняты пороховыми погребами. Открытый коридоръ, сзади втораго этажа, служилъ помѣщеніемъ для солдатъ главнаго резерва, которые ночью тамъ лежали густыми ря-

дами, либо располагались подъ открытымъ небомъ за батареею ([26]).

Чтобы доставить лучшее помѣщеніе тяжело-раненымъ офицерамъ, князь Васильчиковъ приказалъ устроить на батареѣ № 4, въ бывшей квартирѣ князя Горчакова, лазаретъ на 30 кроватей. Остальные-же офицеры, съ легкими ранами, были отправляемы въ военно-сухопутный госпиталь. Положеніе раненыхъ нижнихъ чиновъ, лежавшихъ густыми рядами на нарахъ и даже на полу между нарами, въ этомъ госпиталѣ, было самое бѣдственное. Офицеры, тамъ находившіеся, не пользовались ни удобнымъ помѣщеніемъ, ни лучшимъ уходомъ, будучи размѣщены въ низкихъ комнатахъ такъ тѣсно, что почти не оставалось промежутковъ между ними. Больные съ обыкновенными ранами лежали возлѣ піемическихъ и гангренозныхъ и подвергались заразѣ. Временной-же госпиталь, въ палаткахъ за Сѣвернымъ укрѣпленіемъ, хотя и пользовался лучшими условіями, но не имѣлъ офицерскаго отдѣленія ([27]).

Въ іюлѣ 1855 года, изнуреніе защитниковъ Севастополя достигло крайней степени. Непріятельскіе большіе снаряды, и даже штуцерные пули, достигали до самаго рейда, и во всемъ городѣ не было безопаснаго мѣста. Весьма замѣчательно, что, при огромномъ количествѣ бросаемыхъ непріятелемъ ядеръ и бомбъ, уронъ нашъ тогда былъ довольно умѣренъ; штуцерныя пули наносили также относительно незначительный вредъ. (Утверждаютъ будто-бы изъ 10,000 выпущенныхъ пуль достигала цѣли только одна. „Не всякая пуля попадаетъ въ лобъ“ — говорилъ Нахимовъ). Но, при всемъ томъ, гарнизонъ Севастополя ежедневно терпѣлъ чувствительныя потери. Войска наши съ нетерпѣніемъ желали открытой встрѣчи съ непріятелемъ, и это было главною

причиною, побудившею князя Горчакова дать сраженіе на Черной, послѣ котораго положеніе наше сдѣлалось еще хуже. Начиная съ 5-го (17) августа непріятель возобновилъ бомбардированіе; огонь осаждающаго, по близости его батарей, производилъ страшное опустошеніе въ рядахъ гарнизона, терявшаго ежедневно круглымъ числомъ до тысячи человѣкъ. Бомбы сыпались на Николаевскую батарею, попадали въ квартиры графа Сакена и князя Васильчикова и перебили въ окнахъ главнаго перевязочнаго пункта всѣ стекла; но какъ екатерининскій дворецъ подвергался еще большему пораженію отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, то всѣхъ находившихся тамъ, смертельно раненыхъ, перевели въ послѣдніе дни осады, подъ своды Николаевской батареи ([28]). Одна изъ сестеръ милосердія, госпожа Пожидаева, принявъ на себя уходъ за этими страдальцами, исполняла свои обязанности съ величайшимъ самоотверженіемъ; другая, госпожа Мещерская, участвовала въ самыхъ трудныхъ операціяхъ и поддерживала бодрость не только больныхъ, но и медиковъ ([29]).

Съ 24-го августа (съ 5 сентября) началось бомбардированіе Севастополя, превосходившее всѣ прежнія, по количеству брошенныхъ снарядовъ и по близости батарей, громившихъ городъ. Въ продолженіи трехъ сутокъ, предшествовавшихъ послѣднему штурму, мы теряли ежедневно по 2,500 человѣкъ ([30]). Очевидно, что, при огромномъ числѣ раненыхъ, не было возможности ни подавать имъ безотлагательно помощь на перевязочныхъ пунктахъ, ни отправлять ихъ своевременно на Сѣверную сторону. Непріятельскія бомбы наносили страшный вредъ судамъ стоявшимъ на рейдѣ. 26-го августа (7 сентября), въ 11 часовъ вечера, послѣдовалъ на Графской пристани взрывъ болѣе ста пудовъ пороха. Сотрясеніе Нико-

лаевской казармы было такъ ужасно, что всѣ находившіеся въ ней люди упали, всѣ свѣчи потухли и почти всѣ досчатыя стѣны, оконныя рамы и двери были разрушены. На слѣдующій день, когда, послѣ упорнаго боя, удалось Французамъ водрузить на Малаховомъ курганѣ трехъ-цвѣтное знамя, на Корабельной сторонѣ накопилось до 6,000 раненыхъ. На главномъ перевязочномъ пунктѣ Сѣверной стороны въ короткое время ихъ собралось болѣе 2,000. Операціи продолжались безпрерывно и мужественно переносились ранеными, которые полагали, что намъ удалось отразить непріятеля на Малаховомъ курганѣ, подобно тому какъ мы отбили его на 2-мъ, 3-мъ и 5-мъ бастіонахъ ([31]). Но въ семь часовъ вечера графъ Сакенъ прислалъ приказаніе прекратить операціи; а, между тѣмъ, отправляли раненыхъ на Сѣверную сторону. На разсвѣтѣ охотники стали поджигать городъ, и безъ того уже горѣвшій отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и вскорѣ Севастополь представилъ какъ-бы море пламени, изъ котораго по временамъ раздавались сильные взрывы. Такъ взлетѣли Александровская и Павловская батареи; подъ Николаевскою-же батареею каморы не были заряжены, благодаря осторожности князя Горчакова, который не хотѣлъ подвергать опасности перевязочнаго пункта и госпиталя тамъ находившихся.

ГЛАВА XXXVII.

Дѣйствія на Крымскомъ полуостровѣ послѣ занятія непріятелемъ Севастополя.

(Отъ конца августа (начала сентября) 1855 до начала (половины) марта 1856 года).

Занятіе Союзниками Севастополя возбудило общій восторгъ во Франціи. Наполеонъ III произвелъ генерала Пелисье въ маршалы Франціи; французская армія, дѣйствовавшая въ Крыму, была осыпана наградами; подобно тому, какъ было послѣ сраженія на Алмѣ, въ Парижѣ ходили преувеличенные слухи о послѣдствіяхъ штурма 27-го августа (8-го сентября): увѣряли, будтобы нашъ главнокомандующій велъ переговоры съ генераломъ Пелисье объ очищеніи Крыма, о сдачѣ на капитуляцію русской арміи, и т. п. Напротивъ того, въ Англіи, гдѣ вскорѣ узнали о неудачномъ покушеніи англійскихъ войскъ овладѣть 3-мъ бастіономъ, возникло общее неудовольствіе на генерала Симпсона, заставившее его оставить начальство надъ войсками (1).

Съ нашей стороны, занятіе Союзниками Севастополя не измѣнило рѣшимости продолжать неравную борьбу, стремясь къ достойной Россійскаго Мо-

нарха и Россіи цѣли—отстоять честь оружія и неприкосновенность границъ, какъ отстаивали мы ихъ въ Отечественную войну 1812 года. Въ приказѣ князя Горчакова по Южной и Крымской арміямъ было сказано:

„Храбрые товарищи! Грустно и тяжело оставить врагамъ нашимъ Севастополь; но вспомните, какую жертву мы принесли на алтарь Отечества въ 1812 году. Москва стоитъ Севастополя! Мы ее оставили послѣ безсмертной битвы подъ Бородинымъ. Тристасорока-девяти-дневная оборона Севастополя превосходитъ Бородино.

„Но не Москва, а груда каменьевъ и пепла досталась непріятелю въ роковой 1812-й годъ. Такъ точно и не Севастополь оставили мы нашимъ врагамъ, а однѣ пылающія развалины города, собственною нашею рукою зажженнаго, удержавъ за нами честь обороны, которую дѣти и внучата наши съ гордостью передадутъ отдаленному потомству.

„Севастополь приковывалъ насъ къ своимъ стѣнамъ. Съ паденіемъ его пріобрѣтаемъ подвижность и начинается новая война — война полевая, свойственная духу русскаго солдата. Покажемъ Государю, покажемъ Россіи, что духъ этотъ все тотъ-же, коимъ отличались предшественники наши въ незабвенную Отечественную войну. Гдѣ-бы непріятель ни показался, мы встрѣтимъ его грудью и будемъ отстаивать родную землю, какъ мы защищали ее въ 1812 году...“ (²).

По отступленіи на Сѣверную сторону, русская армія была расположена слѣдующимъ образомъ: *правое крыло, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Остенъ-Сакена*, частью на сѣверной сторонѣ рейда (кромѣ моряковъ, распредѣленныхъ по береговымъ батареямъ, 10-я и 12-я пѣхотныя дивизіи,

съ 8-ю батарейными и 8-ю легкими орудіями), частью на Инкерманскихъ высотахъ (11-я и 15-я резервная пѣхотныя дивизіи, 4-й стрѣлковый баталіонъ, 8 батарейныхъ и 16 легкихъ орудій), и для наблюденія морскаго берега отъ Константиновскаго форта до мыса Лукулла, три сотни донскихъ казаковъ и два эскадрона гусарскаго Его Императорскаго Высочества Николая Максимиліановича (Кіевскаго) полка, подъ начальствомъ командира донскаго казачьяго № 57 полка, подполковника Таццна. *Центръ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди*, частью въ *промежуточномъ лагерѣ*, между Инкерманскою и Мекензіевою позиціями (4-я и 5-я пѣхотныя дивизіи, 2-й стрѣлковый баталіонъ, 8 батарейныхъ и 16 легкихъ орудій), частью на Мекензіевой горѣ (16-я и 17-я пѣхотныя дивизіи, 6-й стрѣлковый баталіонъ, 2 эскадрона Кіевскихъ гусаръ, 16 батар. и 24 легк. орудій, три сотни казаковъ); кромѣ того, 4 эскадрона Кіевскихъ гусаръ на р. Бельбекѣ, у сел. Зеленкіой. *Лѣвое крыло и общій резервъ, подъ начальствомъ генерала отъ артиллеріи Сухозанета:* на позиціи въ ущельѣ Юкара-Каралесъ: 7 баталіоновъ 6-й пѣхотной дивизіи, греческій легіонъ Императора Николая I, рота 3-го стрѣлковаго баталіона, 8 батарейныхъ и 8 легкихъ орудій и 4 сотни донскаго казачьяго № 22-го полка, полковника Валуева; на позиціи при сел. Ташъ-Басты: Симбирскій егерскій полкъ, рота 3-го стрѣлковаго баталіона, 8 легкихъ орудій и двѣ сотни донскихъ казаковъ, 22-го Валуева полка. На р. Бельбекѣ, при сел. Зеленкіой: 7-я, 8-я и 9-я пѣхотныя дивизіи (штабъ 3-го пѣхотнаго корпуса въ сел. Орта-Каралесъ); 14-я пѣхотная дивизія и три полка 7-й резервной дивизіи, 40 батар. и 22 легк. орудій; три полка 2-й драгунской дивизіи; 8 конно-батарейныхъ и 16 конно-лег-

кихъ орудій; 3 сотни донскаго казачьяго № 61-го, полковника Жирова, полка. Въ сел. Ени-Сала и у Мангупа донской казачій № 56-го полковника Золотарева полкъ; на р. Бельбекѣ, у сел. Біюкъ-Сюйрепъ, 2 баталіона 6-й пѣхотной дивизіи и двѣ роты 3-го стрѣлковаго баталіона; на р. Качѣ: 1-я бригада 1-й драгунской дивизіи, 8 конно-батарейныхъ и 16 конно-легкихъ орудій. Для охраненія-же нашего расположенія съ лѣваго фланга, въ случаѣ движенія непріятеля на Буюкъ-Эзенбашикъ, въ сел. Шурѣ поставленъ Витебскій егерскій полкъ, съ двумя легкими и двумя горными орудіями. Отъ этого отряда выставленъ сильный постъ къ сел. Біа-Сала и казачья застава въ сел. Улу-Сала (3).

Русская армія, собранная у Севастополя, вмѣстѣ съ выздоровѣвшими изъ госпиталей, дружинами ополченія, стрѣлковыми и саперными баталіонами, состояла въ числѣ 115 тыс. человѣкъ; вообще-же въ Крыму у насъ тогда было до 150 тыс. человѣкъ (4).

Войска наши, находившіяся въ окрестностяхъ Севастополя, вообще были расположены по линіи, идущей вдоль сѣвернаго берега Большой бухты, и далѣе чрезъ Инкерманскія и Мекензіевы высоты и чрезъ хребетъ Хамли къ истокамъ р. Бельбека, до сел. Таври. Союзная-же армія простиралась отъ Байдарской долины, къ сел. Чоргуну, и далѣе по р. Черной и по южному берегу Большой бухты. Число Союзныхъ войскъ у Севастополя, по несогласнымъ между собою показаніямъ иностранныхъ писателей, не можетъ быть опредѣлено въ точности; но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ нихъ состояло болѣе 150 тыс. человѣкъ одной пѣхоты (5).

По занятіи Союзниками Севастополя, наступило затишье, до 7-го (19-го) сентября, въ продолженіи коего непріятель бросалъ ежедневно по нѣскольку

ракетъ въ Сѣверное укрѣпленіе и на Михайловскую батарею; съ нашихъ-же батарей огня вовсе не производилось; а со времени оставленія Севастополя, было обращено исключительно вниманіе на усиленіе батарей, возведенныхъ на Сѣверной сторонѣ, для обстрѣливанія рейда, севастопольскихъ развалинъ и доступовъ съ моря (6).

Союзники, владѣя моремъ и располагая значительнымъ флотомъ, могли удобно направлять свои войска на различные пункты Крымскаго полуострова; по наступленію ихъ въ большихъ силахъ внутрь страны препятствовалъ недостатокъ въ обозахъ, которые тогда только-что изготовлялись для французской арміи въ Константинополѣ, а для англійской—въ Синопѣ, да и тѣ были въ недостаточномъ количествѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ, Союзники должны были ограничиться диверсіями, кои не могли имѣть рѣшительныхъ послѣдствій, но отвлекали отъ главнаго пункта дѣйствій часть нашихъ войскъ. Надлежало обезпечить отъ непріятеля Николаевъ, гдѣ находились наши морскія учрежденія и запасы, а съ другой стороны—преградить Союзникамъ доступы чрезъ Геническъ и Чонгарскій мостъ. Сообразно тому, Южная армія генерала Лидерса, расположенная между Одессою и Николаевымъ, была усилена частью войскъ стоявшихъ въ Крыму, и движеніе двухъ гренадерскихъ дивизій, направленныхъ къ Севастополю, было на время пріостановлено. Вообще-же наши войска на югѣ были раздѣлены слѣдующимъ образомъ: 1) армія Лидерса; 2) гренадерскій корпусъ генералъ-лейтенанта Плаутина, у Перекопа; 3) наблюдательный корпусъ, генерала отъ кавалеріи Шабельскаго, между Евпаторіею и Симферополемъ; 4) Главныя силы, подъ начальствомъ князя Горчакова, въ окрестностяхъ Севастополя; 5) наблю-

дательный Керченскій отрядъ, генералъ-лейтенанта К. К. Врангеля и Геническій отрядъ, генералъ-маіора Вагнера, въ восточной части Крымскаго полуострова.

Выше уже сказано, что Союзники, по занятіи Севастополя, за неимѣніемъ средствъ для подвозовъ сухимъ путемъ, были принуждены оставаться на мѣстѣ, ограничиваясь диверсіями. Желая побудить князя Горчакова къ отступленію изъ занятыхъ имъ выгодныхъ позицій, Пелисье нѣсколько разъ покушался обойти нашу армію съ лѣваго фланга. Съ этою цѣлью, 30-го августа (11-го сентября), генералъ Моррисъ, съ тремя полками африканскихъ конныхъ егерей и съ сардинскою кавалеріей, направился изъ Байдарской долины, чрезъ Уркусту, къ сел. Шулю, и обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами съ нашими передовыми войсками, отошелъ къ Уркустѣ; въ тотъ-же день, генералъ д'Отмаръ, съ своею дивизіей и 1-мъ полкомъ африканскихъ конныхъ егерей, перешелъ съ рѣки Черной въ Байдарскую долину; а 3-го (15-го) сентября двинулся къ сел. Айтодоръ, но ограничился демонстраціями. Тогда-же генералъ Эспинасъ, съ бывшею дивизіей Фошё, спустился съ Ѳедюхиныхъ высотъ въ долину Черной, а дивизія Орель-де-Паладина перешла съ высотъ, лежащихъ къ югу отъ Инкермана, на Ѳедюхины горы. Сосредоточеніе значительныхъ силъ французской арміи противъ нашего лѣваго крыла заставило князя Горчакова выдвинуть 8-го (20-го) авангардъ ([7]), подъ начальствомъ генералъ-маіора Миттона, къ Енн-Сала. Но непріятель и здѣсь ограничился демонстраціями и разработкою горныхъ путей, а, между тѣмъ, усиливалъ свои укрѣпленныя линіи и вооружалъ ихъ орудіями, найденными имъ въ Севастополѣ ([8]).

Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи—оттѣснить наше лѣвое крыло, Пелиссье предпринялъ обойти русскую армію съ праваго фланга. 6-го (18) сентября, были посажены на суда, близъ Севастополя, три кавалерійскіе полка съ конною батареею, подъ начальствомъ генерала д'Алонвиля (9), а два дня спустя эти войска высадились въ Евпаторіи, гдѣ тогда находились три турко-египетскія дивизіи, въ числѣ 15-ти тыс. челов. съ 30-ю орудіями, подъ начальствомъ мушира Ахмедъ-паши.

Послѣ нѣсколькихъ стычекъ между передовыми войсками обѣихъ сторонъ, генералъ д'Алонвиль, принявшій начальство надъ всѣми войсками собранными въ Евпаторіи, предпринялъ наступленіе противъ нашей кавалеріи, 17-го (29) сентября. Въ это время, отъ корпуса генерала Шабельскаго, расположеннаго между Симферополемъ и Евпаторіей, были выдвинуты для наблюденія за непріятелемъ, два отряда: начальникъ рез. уланск. дивизіи, генералъ-лейтенантъ Корфъ (Ѳед. Христоф.), съ уланскимъ Великой Княгини Екатерины Михайловны (Елисаветградскимъ) полкомъ, конно-легкою № 19 батареей и шестью сотнями казаковъ, стоялъ у Тилъ-Мамая, въ шести верстахъ отъ Евпаторіи; а генералъ-маіоръ Терпелевскій, съ уланскимъ эрцъ-герцога Леопольда (Украинскимъ) полкомъ и четырьмя сотнями казачьяго Уральскаго № 2 полка—у сел. Тегеша, въ 15-ти верстахъ къ сѣверу отъ Евпаторіи. Въ случаѣ напора превосходныхъ непріятельскихъ силъ, наши отряды должны были, согласно полученнымъ ими приказаніямъ, отступить—первый на Бозоглу, а второй на Карагуртъ.

Движеніе войскъ д'Алонвиля было произведено тремя колоннами: *правая*, изъ 6-ти турецко-египетскихъ баталіоновъ, нѣсколькихъ эскадроновъ иррегулярной кавалеріи и одной батареи, подъ началь-

ствомъ Ахмеда-Мескли-паши, двинулась, въ три часа утра, къ Саки; *средняя*, подъ непосредственнымъ начальствомъ д'Алонвиля, изъ трехъ полковъ французской кавалеріи съ конною батареею, 6-ти египетскихъ баталіоновъ и двухъ сотъ баши-бузуковъ, направилась къ сел. Чотай, въ 24-хъ верстахъ къ сѣверу отъ Евпаторіи, гдѣ должна была соединиться съ *лѣвою* колонною мушира Ахмеда-паши, состоявшею изъ турецкихъ войскъ: 12-ти баталіоновъ и трехъ кавалерійскихъ полковъ съ двумя батареями. Число всѣхъ этихъ войскъ простиралось до 12-ти тыс. челов. пѣхоты, 4 тыс. регулярной и 1,000 человѣкъ иррегулярной кавалеріи съ 30-ю орудіями.

Фланговыя колонны Союзнаго войска встрѣтились только съ небольшими казачьими партіями, которыя отступили на сел. Саки и по дорогѣ ведущей къ Перекопу. Отрядъ Терпелевскаго, принявъ на себя свои передовые посты, отошелъ, какъ было указано ему, на Бозоглу. Между тѣмъ, д'Алонвиль, заставя авангардъ Корфа отступить къ Орта-Мамай, совершенно потерялъ его изъ вида и двинулся къ Чотай, гдѣ далъ своимъ войскамъ отдыхъ, въ ожиданіи присоединенія лѣвой колонны мушира, а по прибытіи Турокъ, въ 11 часовъ утра, обратился вправо, чтобы атаковать открытую его разъѣздами нашу кавалерію. Генералъ Корфъ, считая на сей день дѣло конченымъ, расположилъ свой отрядъ за оврагомъ между селеніями Кенегезъ и Кангилъ, и какъ уланы были на конѣ уже нѣсколько часовъ, то приказалъ размундштучить и кормить лошадей; артиллеристы, снявъ съ передковъ орудія, выставили ихъ на позицію; казачьи разъѣзды были высланы на перекопскую дорогу. Генералъ д'Алонвиль воспользовался нашею оплошностью: построивъ фран-

цузскую кавалерію въ три линіи, по одному полку въ каждой, онъ устремился крупною рысью къ высотамъ сел. Кенегезъ, гдѣ стояла на позиціи наша батарея; полковникъ Валсинъ-Эстергази, съ 4-мъ гусарскимъ полкомъ, кинулся частью на орудія, частью на биваки уланъ, а оба драгунскіе полка, принявъ влѣво, угрожали отрѣзать отступленіе нашему отряду. Уланы, застигнутые совершенно врасплохъ, бросились къ своимъ лошадямъ; прислуга батареи растерялась; одинъ изъ взводовъ успѣлъ взять орудія на передки и ускакалъ съ позиціи; прочія-же шесть орудій, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, были захвачены гусарами Эстергази. Кавалерія Корфа покушалась устроиться, но была опрокинута и ушла съ поля боя въ величайшемъ безпорядкѣ, по направленію къ Карагурту; по вскорѣ наши уланы, оправившись, нѣсколько разъ ходили въ атаку и уступили непріятелю лишь будучи атакованы тремя французскими полками. Генералъ д'Алонвиль, не ожидавшій такого успѣха одержаннаго имъ только благодаря неосторожности начальника нашего отряда, отвелъ вечеромъ свои войска обратно къ Евпаторіи (10).

Въ этомъ несчастномъ дѣлѣ, мы потеряли убитыми, ранеными и плѣнными до 220-ти человѣкъ. Со стороны Французовъ убито 14 и ранено 27 челов. (11). Князь Горчаковъ, донося о томъ Государю Императору, писалъ: „я высылаю Корфа изъ арміи, *за оплошность противъ непріятеля*, и прошу Ваше Императорское Величество о назначеніи на его мѣсто князя Радзивила, съ производствомъ его въ генералъ-лейтенанты, такъ какъ бригадные командиры старше его. Онъ служитъ отлично и при томъ здоровъ, свѣжъ и смѣтливъ“...

Въ послѣдствіи д'Алонвиль предпринималъ нѣсколько разъ демонстраціи отъ Евпаторіи на сооб-

щенія нашей арміи. но не доходилъ далѣе Контоугана, Карагурта и Джамина, оставаясь въ разстояніи отъ 10-ти до 20-ти верстъ отъ дороги, ведущей изъ Симферополя въ Перекопъ ([13]). Тѣмъ не менѣе однакоже князь Горчаковъ счелъ нужнымъ, для прикрытія Симферополя и для поддержанія Евпаторійскаго отряда, состоявшаго лишь изъ одной кавалеріи, перевести съ р. Алмы на рѣчку Чокракъ, къ селенію Такылъ, 4-ю и 5-ю пѣхотныя дивизіи, со 2-мъ стрѣлковымъ баталіономъ и съ артиллеріей. Когда-же, въ началѣ (въ половинѣ) октября, было получено отъ генерала Шабельскаго извѣстіе о прибытіи въ Евпаторію французской пѣхотной и англійской кавалерійской дивизій, главнокомандующій приказалъ перевести къ Бахчисараю 9-ю, 10-ю и 14-ю пѣхотныя дивизіи съ ихъ артиллеріей и 4-мъ саперным баталіонамъ. подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Семякина; а на мѣсто этихъ войскъ передвинуть къ сел. Зеленкіой на р. Бельбекѣ 12-ю пѣхотную дивизію, присоединивъ ее къ 7-й. Тогда-же генералъ-адъютанту Плаутину предписано перейти съ гренадерами, (кромѣ Сарабулакскаго отряда), отъ Мурзабека къ сел. Орта-Аблашъ ([14]).

Какъ демонстраціи д'Алонвиля, со стороны Евпаторіи, не достигли цѣли, предположенной генераломъ Пелисье—выманить нашу армію изъ позицій у Севастополя, то Союзники предприняли произвести нападеніе на какой-либо важный для насъ пунктъ Черноморскаго прибрежья, чтобы отвлечь туда часть нашихъ силъ и ослабивъ князя Горчакова, обойти его съ лѣваго фланга, изъ Байдарской долины. Важнѣйшіе изъ нашихъ приморскихъ пунктовъ были: Одесса, Перекопъ и Николаевъ. Союзники могли овладѣть Одессою посредствомъ бомбардированія, либо высадки; но бомбардированіе повредило-бы ме-

нѣе русскимъ, нежели иностраннымъ негоціантамъ, а для успѣшной высадки требовалось большое число войскъ, что̀ ослабило-бы Союзную армію подъ Севастополемъ. — Занятіе Перекопа отрѣзывало главнѣйшее изъ сообщеній русской арміи; но мелководіе моря въ сосѣдствѣ этого пункта не дозволяло большимъ судамъ приблизиться къ берегу и содѣйствовать высадкѣ войскъ, и къ тому-же Союзники знали, что тамъ ихъ встрѣтятъ довольно значительныя силы. Что же касается до Николаева, то, для овладѣнія этимъ пунктомъ, пріобрѣвшимъ особенную важность со времени паденія Севастополя, требовался сильный корпусъ, котораго Союзники не могли послать туда, не ослабивъ своей главной арміи. Но какъ самое угроженіе Николаеву, по мнѣнію Союзныхъ главнокомандующихъ, могло побудить князя Горчакова къ оставленію Крыма, либо, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію нашей арміи значительнымъ отрядомъ, то рѣшено было сдѣлать демонстрацію движенія къ Николаеву. Для этого надлежало сперва овладѣть крѣпостцою Кинбурномъ, лежащею на узкой косѣ, у входа въ Днѣпровскій лиманъ, гдѣ находится наиболѣе глубокій фарватеръ. Во всякомъ случаѣ, занятіе Кинбурна заграждало нашимъ судамъ выходъ изъ Николаева въ Черное море. На основаніи этихъ соображеній, предпринята была экспедиція въ Днѣпровскій лиманъ. 25-го сентября (7 октября), вышелъ изъ гаваней Балаклавы и Камыша флотъ, въ числѣ 90 вымпеловъ[15], (40-а французскихъ и 50-ти англійскихъ): въ числѣ первыхъ, подъ грозными названіями: *Devastation*, *Lave* и *Tonnante*, находились три пловучія батареи, изобрѣтенныя самимъ Наполеономъ III, которымъ надлежало выдержать здѣсь первое испытаніе. Это были плоскодонныя суда, вооруженныя каждое двадцатью-двумя 30-ти-

фунтовыми орудіями и одѣтыя толстою желѣзною бронею. Для высадокъ-же были посажены на флотъ сухопутные отряды: англійскій, подъ начальствомъ генерала Спенсера, въ числѣ 5,500 человѣкъ съ ракетною батареей, и французскій—генерала Базена, около 4-хъ тысячъ человѣкъ съ одною полевою батареею ([16]).

Съ нашей стороны, оборона всего прибрежья отъ Одессы до Перекопа была возложена на Южную армію, подъ начальствомъ генерала Лидерса. Эта армія состояла изъ весьма слабой бригады 15-й дивизіи, столь же слабой 14-й резервной дивизіи, 5-хъ и 6-хъ баталіоновъ 10-й и 11-й резервныхъ дивизій и 7-хъ и 8-хъ баталіоновъ 9-й и 15-й запасныхъ дивизій, всего-же изъ 44 баталіоновъ, въ числѣ до 30 тыс. человѣкъ. Кромѣ того, по Высочайшему повелѣнію, поступили въ полки 15-й и 11-й резервной дивизій 20 дружинъ московскаго и смоленскаго ополченія, въ числѣ 20 тыс. человѣкъ, составившія 3-й и 4-ые баталіоны полковъ. Въ случаѣ надобности, генералу Лидерсу было предоставлено присоединить къ своей арміи одну изъ гренадерскихъ дивизій, расположенную между Николаевымъ и Перекопомъ. Кавалерія Южной арміи состояла: изъ 3-й легкой кавалерійской дивизіи, генералъ-лейтенанта Гротенгельма, стоявшей у Одессы, одной изъ дивизій кирасирскаго корпуса генерала отъ кавалеріи Гельфрейха, находившейся близъ Очакова, и 4-хъ полковъ малороссійскихъ казаковъ—между Николаевымъ и Перекопомъ. Остальные матросы флотскихъ экипажей, прежде находившихся въ Севастополѣ, были переведены въ Николаевъ.

Вообще-же въ распоряженіи генерала Лидерса состояло до 50—60 тыс. челов. пѣхоты и до 10 тыс. челов. кавалеріи. Войска запасныхъ дивизій запи-

мали: Одессу, Очаковъ, Николаевъ, Херсонъ и Кинбурнъ; большая-же часть прочей пѣхоты была расположена между Очаковымъ и Николаевымъ.

Днѣпровско-Бугскій лиманъ, образующійся при устьяхъ Днѣпра и Буга, имѣетъ наибольшую ширину въ восточной части своей—около 20-ти верстъ, а наименьшую—между Кинбурномъ и Очаковымъ—около 5-ти верстъ. Главный фарватеръ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ лимана, удаленъ отъ Очаковскаго берега версты на три и отстоитъ отъ оконечности кинбурнской косы всего на 350 сажень, а отъ крѣпости—почти двѣ версты. Укрѣпленія, построенныя близъ Очакова, не могли обстрѣливать фарватера; тѣ-же, которыя находились на кинбурнской косѣ, были весьма слабы.

26-го сентября (8 октября), по полудни, Союзный флотъ появился въ виду Одессы, гдѣ жители ожидали со страхомъ вторичнаго бомбардированія; но непріятели вовсе не имѣли въ виду дѣйствовать на этомъ пунктѣ, а хотѣли только собрать флотъ въ сосѣдствѣ Кинбурна. Ненастная и бурная погода задержала ихъ у Одессы шесть дней, и только лишь 2-го (14) октября, Союзный флотъ отплылъ къ востоку и къ вечеру сталъ на якорѣ близъ Кинбурна.

Въ тоже время, у входа въ лиманъ, занимали Очаковъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Кнорринга, слѣдующія войска: запасная бригада 12-й пѣхотной дивизіи—8 баталіоновъ; Ольвіопольскій и Вознесенскій уланскіе полки — 16 эскадроновъ; Дунайскаго казачьяго № 2 полка одна сотня; 4-й артиллер. бригады батарейная № 1 батарея, 16-й артиллерійской дивизіи 2-й резервн. бригады легкая № 6 батарея и конно-легкая № 7 батарея. Кромѣ того, въ войскахъ отряда Кнорринга находилась запасная бригада 11-й пѣхотной дивизіи, въ составѣ

8-ми баталіоновъ, съ легкою батареей, расположенная верстахъ въ 30-ти отъ Очакова, у сел. Янчокрака. Ему-же былъ подчиненъ гарнизонъ крѣпости Кинбурна, въ составѣ 5-го резервнаго баталіона и одной роты 6-го резервнаго баталіона Украинскаго егерскаго полка и двухъ ротъ 6-го резервнаго баталіона Одесскаго егерскаго полка, всего въ числѣ 37 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1,427 нижнихъ чиновъ, подъ начальствомъ стараго кавалериста, генералъ-маіора Кохановича. Крѣпостною артиллеріей командовалъ подполковникъ Полисановъ; инженерною командою—инженеръ-штабсъ-капитанъ Седергольмъ, самый ревностный и способный изъ помощниковъ коменданта. Гарнизонъ Кинбурнской крѣпости состоялъ изъ необученныхъ и—сколько можно судить по частнымъ письмамъ генерала Кохановича—неимѣвшихъ ни малѣйшаго понятія о военной дисциплинѣ новобранцевъ.

По значительному разстоянію Кинбурна отъ оконечности косы, были построены, уже во время войны, впереди крѣпостцы, одна за другою, двѣ батареи, каждая на девять орудій, соединенныя между собою траншеею, гдѣ помѣщалась рота, составлявшая прикрытіе батарей. Передняя батарея была блиндирована. Самая-же крѣпость, турецкой постройки, имѣла видъ четыреугольника, стороны коего имѣли длины отъ 80-ти до 120-ти саж. Фронты, обращенные къ морю и лиману, были снабжены оборонительными казематами со сводами, толщиною въ три фута, съ земляною насыпкою въ одинъ футъ. Вооруженіе состояло изъ 70-ти орудій, именно: 55-ти пушекъ 24-фунт. 18-фунт. и 12-фунт., 5-ти единороговъ 1-пуд. и 1/2 пуд. и 10-ти мортиръ 5-ти и 2-хъ-пудовыхъ.

3-го (15) октября, въ два часа по полудни, непріятель, успѣвшій еще въ ночи высадить часть

войскъ и укрѣпиться на косѣ, ввелъ въ лиманъ нѣсколько канонерскихъ лодокъ и открылъ огонь по крѣпости. Наша артиллерія отвѣчала ему весьма частою пальбою, но какъ русскія орудія были меньше калибромъ непріятельскихъ, то и не могли нанести Союзнымъ судамъ значительнаго вреда. Одновременно съ открытіемъ огня крѣпостной артиллеріи, приказано было зажечь ближайшія строенія. Уронъ гарнизона въ этотъ день состоялъ въ 3-хъ убитыхъ и 24-хъ раненыхъ. Весь слѣдующій день, порывы бурнаго вѣтра и зыбь не дозволяли непріятелю дѣйствовать по крѣпости, и въ теченіи цѣлыхъ сутокъ Кинбурнъ и береговыя батареи обмѣнялись съ канонерскими лодками лишь нѣсколькими выстрѣлами. Пользуясь затишьемъ, штабсъ-капитанъ Седергольмъ прикрылъ пороховые погреба чугунными колесами отъ старыхъ лафетовъ, что оказалось весьма дѣйствительнымъ средствомъ отъ удара бомбъ. Вечеромъ, генералъ-адъютантъ Кноррингъ, находившійся тогда въ Очаковѣ, выслалъ оттуда, для разузнанія о положеніи Кинбурна послѣ бомбардированія, катеръ съ 10-ю матросами 4-го ластоваго экипажа, подъ начальствомъ подпоручика Семенова. Капитанъ-лейтенантъ Стеценковъ, по порученію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, также отправился въ эту опасную экспедицію. Въ 9 часовъ вечера, катеръ отвалилъ отъ берега и въ половинѣ 11-го прибылъ въ Кинбурнъ. Капитанъ Стеценковъ, передавъ генералъ-маіору Кохановичу записку генерала Кнорринга и получивъ отвѣтъ, въ полночь отплылъ къ Очакову; на обратномъ пути нашъ катеръ наткнулся на нѣсколько непріятельскихъ лодокъ и едва не былъ захваченъ однимъ изъ пароходовъ; но успѣлъ миновать его и благополучно возвратился въ Очаковъ. Капитанъ-

лейтенантъ Стеценковъ, въ награду за этотъ подвигъ, былъ назначенъ адъютантомъ къ Его Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу и получилъ орденъ Св. Георгія 4-й степ. ([17]).

5-го (17) октября, въ девять часовъ утра, три французскія пловучія батареи и нѣсколько канонерскихъ лодокъ подошли съ южной стороны къ Кинбурну, на разстояніе около версты, и открыли огонь по крѣпости, а Союзные корабли и фрегаты расположились съ югозапада и стали обстрѣливать какъ самую крѣпость, такъ и батареи на косѣ. Въ исходѣ 11-го обѣ эти батареи были принуждены замолчать и въ крѣпости загорѣлись артиллерійскія казармы. Тушить пожаръ подъ градомъ снарядовъ было невозможно, и потому огонь быстро охватилъ и прочія строенія. Въ первомъ часу по полудни, непріятель, пользуясь ослабленіемъ крѣпостной артиллеріи, ввелъ въ лиманъ 9 паровыхъ фрегатовъ (три французскихъ и шесть англійскихъ), которые, пройдя въ значительномъ разстояніи отъ Очакова мимо Кинбурна, расположились къ сѣверовостоку отъ крѣпости, а линейные корабли открыли огонь вдоль косы. Такимъ образомъ нашъ гарнизонъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и обстрѣливаемъ изъ нѣсколькихъ сотъ орудій, большею частью огромныхъ калибровъ. Послѣ пяти-часоваго бомбардированія, когда многія изъ нашихъ орудій были подбиты и огонь изъ крѣпости почти совершенно прекратился, непріятель выслалъ двѣ шлюпки, подъ бѣлымъ флагомъ, съ предложеніемъ сдачи. Генералъ-маіоръ Кохановичъ, считая положеніе крѣпости безвыходнымъ, принялъ условія, предложенныя Союзниками, и, несмотря на энергическій протестъ штабсъ-капитана Седергольма, сдался со всѣми чинами гарнизона военно-плѣннымъ([18]).

По случаю сдачи Кинбурна, князь Горчаковъ пи-

салъ Государю Императору: „Крѣпости, сколь онѣ не плохи, должно удерживать до крайности. Это можетъ имѣть неожиданные важные результаты, коими невыгодно заранѣе жертвовать изъ опасенія ихъ потери. Доказательствомъ тому служитъ Арабатъ. Этотъ ничтожный фортъ не можетъ держаться и двухъ часовъ противъ горсти непріятелей; но мы его не оставили, и этимъ, вѣроятно, удержали Чонгарскій мостъ. Я и теперь приказалъ безъ крайности его не оставлять“ (19).

Какъ съ паденіемъ Кинбурна и съ прорывомъ непріятельскаго флота въ Лиманъ, Николаевское укрѣпленіе впереди Очакова *) не имѣло никакого значенія, то немедленно былъ посланъ въ Николаевъ курьеръ съ просьбою о дозволеніи очистить и взорвать это укрѣпленіе. Отвѣтъ, съ разрѣшеніемъ, былъ полученъ 6 (18) октября, въ три часа утра. Какъ до разсвѣта нельзя было вывезти всего казеннаго имущества, то положено снять съ укрѣпленія людей съ орудійною принадлежностью, а все прочее истребить. Въ 6 часовъ уже все было приготовлено для взрыва, орудія заклепаны, между станинами лафетовъ подвѣшены бомбы, по всему укрѣпленію разсыпанъ порохъ и въ обоихъ пороховыхъ погребахъ вставлены палительныя свѣчи въ боченки съ порохомъ. Два унтеръ-офицера, которымъ было поручено зажечь эти свѣчи, имѣли время уйти на значительное разстояніе. Дѣйствіе взрыва оказалось не

*) Николаевское укрѣпленіе, на низменномъ мысу, въ полуверстѣ отъ Очакова, находилось въ разстояніи около трехъ верстъ отъ фарватера, и по тому не доставляло ему никакой обороны. Впереди входа въ лиманъ, на Очаковскихъ высотахъ, были возведены во время войны двѣ батареи: одна на 7 24-хъ-фунтовыхъ пушекъ, а другая—на 3 единорога; а противъ острова Березани устроено укрѣпленіе на 10 полевыхъ орудій, и, кромѣ того, для защиты доступовъ къ Херсону, сооружено на рукавахъ нижняго Днѣпра нѣсколько батарей.

такъ сильно, какъ ожидали; впрочемъ орудія и снаряды, оставшіеся въ цѣлости, въ послѣдствіи были доставлены въ Николаевъ.

По занятіи Кинбурна, Союзники нѣсколько разъ высылали въ Бугскій лиманъ канонерскія лодки, которыя доходили до Воложской косы, но были удерживаемы огнемъ нашихъ полевыхъ батарей и возвращались въ устье лимана, а въ половинѣ (въ концѣ) октября, непріятель, укрѣпивъ Кинбурнъ, отплылъ оттуда въ Камышъ и Балаклаву. Генералъ Базенъ, съ 95-мъ линейнымъ полкомъ, и небольшой англійскій отрядъ были оставлены въ Кинбурнѣ, гдѣ такъ-же находилась, въ продолженіи всей осени и зимы, эскадра, въ составѣ трехъ французскихъ пловучихъ батарей и нѣсколькихъ англійскихъ легкихъ судовъ ([20]).

Такимъ образомъ экспедиція, предпринятая Союзниками къ Николаеву, имѣла единственнымъ послѣдствіемъ занятіе Кинбурна, слабо укрѣпленнаго пункта у входа въ лиманъ. Отплытіе оттуда десантнаго отряда дозволило намъ расположить войска Очаковскаго отряда на тѣсныхъ квартирахъ, 20-го октября (1-го ноября); вмѣстѣ съ тѣмъ, работы по укрѣпленіямъ Николаева продолжались дѣятельно. Еще 13-го (25-го) сентября, изволилъ прибыть туда Государь Императоръ, въ сопровожденіи Августѣйшихъ братьевъ Своихъ и Герцога Георгія Мекленбургъ-Стрелицкаго. Присутствіе обожаемаго Монарха удвоило усердіе всѣхъ и каждаго. По Высочайшему повелѣнію, былъ вызванъ туда изъ Крыма Свиты Его Имп. Велич. генералъ-маіоръ Тотлебенъ. Составленный имъ проектъ обороны Николаева удостоился Высочайшаго утвержденія. Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ были назначены завѣдывать — первый инженерною, а

второй—артиллерійскою частью, по приведенію Николаева въ оборонительное положеніе, а генералъ Тотлебенъ получилъ званіе помощника Его Высочества Николая Николаевича.

12-го (24-го) октября, Государь Императоръ удостоилъ князя Горчакова сообщеніемъ ему свѣдѣній о расположеніи войскъ генерала Лидерса и ополченій генерала Задонскаго у Николаева и Херсона. Такимъ образомъ, обезпечивъ отъ покушеній непріятеля эти важные пункты, Государь, послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Николаевѣ, пожелалъ видѣть Свою Крымскую армію: „Другой цѣли Я не имѣю—писалъ Государь Императоръ князю Горчакову — какъ лично поблагодарить васъ самихъ и славныя войска ваши за геройскую оборону Севастополя. Я полагаю остаться у васъ три дня, дабы успѣть объѣхать, на занимаемыхъ ими позиціяхъ, по крайней мѣрѣ, большую часть вашихъ войскъ....

„Прошу васъ хранить пріѣздъ Мой покуда въ тайнѣ и *строжайше запрещаю всякое приготовленіе смотровъ войскъ*, которыя желаю видѣть на бивакахъ, или на квартирахъ, въ томъ видѣ какъ они есть“ ([21]).

Государь Императоръ, въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича и Герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, выѣхавъ изъ Николаева, 26-го октября (7-го ноября), прибылъ въ тотъ-же день вечеромъ въ Перекопъ, на слѣдующій день въ Симферополь, а 28-го октября (9 ноября) въ главную квартиру арміи, тогда находившуюся въ Бахчисараѣ. Въ продолженіи четырехъ дней, Государь осматривалъ войска, расположенныя на позиціяхъ въ окрестностяхъ Севастополя, и укрѣпленія, сооружаемыя, на Сѣверной сторонѣ. Вездѣ Его при-

сутствіе, Его милостивый привѣтъ — поселяли восторгъ неописанный и были величайшею наградою для Его воиновъ, отъ главнокомандующаго до рядоваго. Чтобы дать хотя слабое понятіе о высокомъ значеніи этого событія, ограничусь описаніемъ, со словъ очевидца, пребыванія Государя въ лагерѣ 11-й пѣхотной дивизіи.

29-го октября (10-го ноября), Государь Императоръ, выѣхавъ утромъ изъ Бахчисарая, осмотрѣлъ укрѣпленія и войска на Сѣверной сторонѣ и отправился на Инкерманскія высоты, гдѣ стояла большая часть 11-й дивизіи генерала Павлова: то были полки, носившіе названія далекихъ, мало извѣстныхъ мѣстностей Россіи, но стяжавшіе при оборонѣ Севастополя достойно заслуженную славу,

От финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля,
До стѣнъ недвижнаго Китая.... *).

Государь подъѣхалъ къ войскамъ и, встрѣченный ихъ радостными восклицаніями, быстро пронесся по рядамъ ихъ. За тѣмъ, остановясь передъ срединою фронта. Онъ махнулъ рукою. Все замолкло....

„Благодарю, ребята, за службу! — воскликнулъ царственный вождь.— Благодарю, именемъ покойнаго Государя, именемъ отца моего и вашего — благодарю васъ...“

Какъ ни жадно ловили русскіе воины слова Царя своего, ни что не могло умѣрить восторгъ ихъ, и громогласное *ура* долго раздавалось въ отвѣтъ Монарху.

„Я счастливъ—продолжалъ Государь—что имѣю возможность лично благодарить васъ за вашу геройскую службу; давно это было моимъ желаніемъ“.

*) Пушкинъ. *Клеветникамъ Россіи.*

И снова раздалось громкое *ура*, произносимое нашими воинами, какъ отзывъ любящихъ сердецъ Царю-Отцу Русскихъ и какъ угроза врагамъ его.

За тѣмъ, Государь Императоръ, сойдя съ лошади, въ сопровожденіи Великихъ Князей, герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, главнокомандующаго и свиты, пошелъ по полкамъ. Подойдя къ Камчатскому полку и видя въ строю только одинъ баталіонъ, Государь спросилъ о причинѣ. Командующій доложилъ, что другой баталіонъ на аванпостахъ. „Одинъ баталіонъ Камчатцевъ стоитъ четырехъ“, сказалъ Государь, возвыся голосъ. У георгіевскихъ кавалеровъ Онъ распрашивалъ—въ какихъ дѣлахъ они получили крестъ; у раненыхъ—когда и гдѣ были ранены и каково ихъ здоровье. Замѣтивъ подъ знаменемъ двухъ унтеръ-офицеровъ, старика и юношу, похожихъ другъ на друга, богатырей ростомъ, съ крестами Военнаго ордена, вооруженныхъ французскими саблями, вмѣсто тесаковъ, и съ пистолетами за поясомъ, Его Величество спросилъ о причинѣ такого вооруженія. Командующій полкомъ доложилъ Государю, что они были добровольно пришедшіе на службу, новгородскіе военные поселяне, отецъ съ сыномъ — Михайловы, и что за отличное мужество были произведены графомъ Остенъ-Сакеномъ въ унтеръ-офицеры и по приговору товарищей получили знаки отличія Военнаго ордена. „Намъ пожалованы сабли княземъ Васильчиковымъ за нашу храбрость, Ваше Императорское Величество“—сказалъ младшій Михайловъ. „Спасибо вамъ, ребята, за хорошій примѣръ—изволилъ сказать Государь.—Спасибо вамъ; не забуду васъ. Приходите ко мнѣ въ Петербургъ“.

Послѣ церемоніальнаго марша, Государь Императоръ вызвалъ всѣхъ офицеровъ на середину дивизіи и изъявилъ имъ Свою признательность, въ са-

мыхъ милостивыхъ выраженіяхъ. сказавъ, между прочимъ, имъ: „Благодарю васъ за то, что вы всегда впереди“.—„Благодарю тебя за третій бастіонъ; ты славно отдѣлалъ Англичанъ“—сказалъ Государь, подавъ руку генералу Павлову. Окруженный офицерами, толпившимися, чтобы не проронить ни одного Царскаго слова, Государь уже приказалъ подать себѣ лошадь, когда главнокомандующій, отъ имени офицеровъ 11-й дивизіи, сталъ просить Его Величество осчастливить ихъ принятіемъ приготовленнаго завтрака. Государь изъявилъ Свое согласіе.

Еще наканунѣ, на всякій случай, было устроено помѣщеніе для пріема Высокихъ посѣтителей. Единственный на всей Инкерманской позиціи домикъ — лѣснаго сторожа—преобразился въ роскошный павильонъ и рядомъ съ нимъ былъ поставленъ сплетенный на-скоро изъ дубовыхъ вѣтвей, большой балаганъ для Царской свиты. Живые цвѣты, для убранства комнатъ домика, были привезены съ Сѣверной стороны, изъ сада, принадлежавшаго командиру надъ портомъ. Къ разсвѣту все было готово и всѣ находились въ томительной неизвѣстности—осчастливитъ-ли Государь принятіемъ хлѣба-соли 11-ю дивизію.

У крыльца домика, въ ожиданіи пріѣзда Государя Императора, стояли часовые—георгіевскіе кавалеры. Поговоривъ съ ними, Государь остался весьма доволенъ, какъ молодецкимъ видомъ, такъ и отвѣтами ихъ, и приказалъ перевести ихъ въ гвардію. За тѣмъ, войдя въ домикъ, Его Величество изволилъ остаться около получаса въ средѣ офицеровъ 11-й дивизіи, которой составъ измѣнился нѣсколько разъ въ продолженіи славной защиты Севастополя, пребывая неизмѣннымъ въ военной доблести и преданности Царю и Отечеству (22).

31-го октября (12-го ноября), Государь Императоръ изволилъ отбыть. чрезъ Симферополь, въ сопровожденіи Великаго Князя Михаила Николаевича. По отъѣздѣ Государя, вскорѣ послѣдовали Высочайшій приказъ, о пожалованіи защитникамъ Севастополя, въ память ихъ подвиговъ, серебряной медали на Георгіевской лентѣ, и слѣдующій Высочайшій рескриптъ князю Горчакову:

„Князь Михаилъ Дмитріевичъ! Во время пребыванія Моего въ Крымской арміи, Я съ особеннымъ удовольствіемъ нашелъ, что люди въ полкахъ сохранили бодрый, довольный видъ, не взирая на неимовѣрные труды, перенесенные ими при оборонѣ Севастополя, и что въ войскахъ нисколько не измѣнился тотъ во всѣхъ частяхъ порядокъ, на которомъ основывается благоустройство арміи. Такое отличное состояніе ввѣренныхъ вамъ войскъ свидѣтельствуетъ о неусыпной заботливости и трудахъ, которыми единственно вы могли до того достигнуть, и это въ то время. когда и мысли и дѣятельность ваши устремлены были на противоборство врагамъ, сильнымъ, храбрымъ и не щадившимъ никакихъ жертвъ.

„По естественному положенію защищаемой части Севастополя, уступая шагъ за шагомъ непріятелю, вы, по благоразумнымъ видамъ опытнаго полководца, оставили ему лишь развалины, заплаченныя дорогою цѣною пролитой крови, и выведя войска путемъ доселѣ небывалымъ, вы вновь готовы встрѣтить врага съ тѣмъ мужествомъ. съ которымъ всегда водили въ бой полки ваши.

„Отдавая вамъ полную справедливость за заслуги ваши, Мнѣ пріятно повторить здѣсь Мою искреннюю признательность, которую выражалъ уже вамъ лич-

но. Прошу васъ, князь, вѣрить въ неизмѣнное Мос къ вамъ благоволеніе.

„Васъ искренно любящій

Александръ“.

По занятіи непріятелемъ Севастополя, дѣйствія въ Крыму не имѣли никакихъ важныхъ послѣдствій.

Выше уже сказано, что Пелисье собралъ значительныя силы въ Байдарской долинѣ противъ лѣваго крыла нашей главной арміи. Генералъ Симпсонъ, съ своей стороны, перевелъ черезъ р. Черную, сардинскія войска и шотландскую дивизію Кемпбеля, которыя, 30-го сентября (12-го октября), расположились близъ сел. Упу, одновременно съ расположеніемъ Французовъ на верхнемъ Бельбекѣ, у Фоцъ-Сала и Тавры.

Для противодѣйствія непріятелю, авангардъ, стоявшій у Ашага-Керменчукъ, былъ усиленъ 10-ю пѣхотною дивизіею и порученъ генералу отъ артиллеріи Сухозанету 2-му, а 1-я бригада 2-й драгунской дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Монтрезора, прежде стоявшая между Симферополемъ и Бахчисараемъ, переведена въ Улу-Салу, откуда должна была направиться на Стилію къ Таврѣ, въ правый флангъ непріятеля, между тѣмъ какъ генералъ Ушаковъ, съ правымъ крыломъ 3-го пѣхотнаго корпуса, былъ направленъ въ обходъ лѣваго фланга Французовъ. Генералъ Пелисье, полагая выгоднымъ принять бой на пересѣченной мѣстности между Бельбекомъ и Черною, приказалъ своимъ войскамъ отступить. Но русскія войска, занявъ, 1-го (13-го) октября, правую сторону Бельбека и выдвинувъ авангардъ къ Ени-Сала, остановились. За тѣмъ наступило совершенное бездѣйствіе, прерванное лишь прибытіемъ въ армію Государя Императора, кото-

рое всполошило непріятеля, принявшаго частные сборы нашихъ войскъ за начало общаго наступленія.

3-го (15-го) ноября, въ $3^1/_2$ часа по полудни, взлетѣлъ на воздухъ значительный пороховой складъ французской арміи, близъ верховья Лабораторной балки, гдѣ было собрано 30 тыс. килограммъ (2 тыс. пудовъ) пороха, 6000 патроновъ, 300 снаряженныхъ бомбъ и проч. Отъ этого взрыва загорѣлись ближайшіе англійскіе магазины и также взорваны тамъ снаряженныя бомбы. Французы потеряли убитыми 35 и ранеными 129 человѣкъ, въ числѣ коихъ 10 офицеровъ и нѣсколько медиковъ; уронъ Англичанъ простирался убитыми до 20-ти и ранеными до 116 человѣкъ.

Въ ночи съ 19-го на 20-е ноября (съ 1-го на 2-е декабря) постигло Французовъ новое бѣдствіе— буря, напомнившая ту, которая въ предшествовавшемъ году совершенно разстроила Союзную армію. Рѣка Черная, быстро выступивъ изъ береговъ, наводнила лагерь и снесла палатки дивизіи Шасселу-Лоба́, расположенной между Трактирнымъ мостомъ и Балаклавою; войска, лишенныя крова, были переведены въ Камышъ.

Въ ночи на 24-е ноября (на 6-е декабря), высланъ былъ съ Сѣверной стороны, на рекогносцировку, въ Южную бухту, лейтенантъ Долговъ, съ 4-мя небольшими судами (одною шлюпкою и тремя катерами), изъ которыхъ на каждомъ находилось по 2 офицера и по 20 нижнихъ чиновъ. Оставя катеры на линіи отъ Павловской батареи до Графской пристани, лейтенантъ Долговъ съ прапорщикомъ Осколковымъ, квартирмейстеромъ Степановымъ и кондукторомъ Михайловымъ, отправились далѣе на шлюпкѣ и вышли на берегъ у крана, чтобы пробраться бе-

регомъ въ доки; но замѣтивъ расположенный у костра непріятельскій пикетъ, возвратились къ шлюпкѣ и покушались незамѣтно пристать сперва къ срединѣ моста, устроеннаго чрезъ Южную бухту, а потомъ къ Новому адмиралтейству, гдѣ и высадились у Мортонова эллинга. Тамъ они наткнулись на часоваго, и хотя онъ былъ заколотъ Степановымъ, однако-же у непріятеля поднялась общая тревога, что̀ заставило Долгова отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ на сухомъ пути и ограничиться плаваніемъ по рейду до 4-хъ часовъ утра. Замѣчено много огней въ бывшихъ казармахъ 44-го флотскаго экипажа и Старомъ адмиралтействѣ, что̀ указывало на присутствіе тамъ большаго числа людей. По берегу были видны землянки, вѣроятно, устроенныя для помѣщенія передовыхъ постовъ. По окликамъ часовыхъ, можно было заключить, что берега̀ Южной бухты заняты Англичанами.

Два дня спустя, 25-го ноября (7-го декабря), вечеромъ, начальникъ отряда нашего лѣваго крыла, полковникъ Оклобжіо, произвелъ рекогносцировку отъ дер. Ени-Сала, чрезъ перевалъ, въ Байдарскую долину, съ цѣлью встревожить непріятеля и разузнать число и расположеніе его войскъ. Отрядъ нашъ, въ составѣ 10-ти ротъ Смоленскаго резервнаго, одной роты Кременчугскаго егерскаго, двухъ эскадроновъ гусарскаго Его Имп. Высочества, Николая Максимиліановича (Кіевскаго) и 4-хъ сотень донскаго № 56, подполковника Золотарева, полковъ, двинулся впередъ черезъ перевалъ, по весьма трудной и перерѣзанной канавами и устроенными непріятелемъ завалами дорогѣ; проливной дождь, окончательно испортившій доступы въ горы, чрезвычайно замедлялъ наступленіе русскихъ войскъ. 26-го (8-го), на разсвѣтѣ, лѣвая колонна, подъ начальствомъ маіора

Бирюковича, выбила Французовъ изъ сел. Бага, опрокинула ихъ на ближайшую высоту, гдѣ стояли въ ложементахъ три баталіона, и, за тѣмъ, вмѣстѣ съ правою колонною маіора Даниленка, направилась на Уркусту; но прибытіе на мѣсто сильныхъ непріятельскихъ резервовъ заставило полковника Оклобжіо отвести ввѣренный ему отрядъ къ сел. Маркуръ. Въ этомъ дѣлѣ непріятель потерялъ одними плѣнными 18 человѣкъ; съ нашей стороны: убито 52, ранено 60 и безъ вѣсти пропало 26 человѣкъ ([23]).

Остальное время до заключенія перемирія прошло въ затишьѣ, изрѣдка прерываемомъ стычками на аванпостахъ. Въ самомъ Севастополѣ дѣйствія ограничивались рѣдкими пушечными и навѣсными выстрѣлами. По обѣ стороны рейда возводились и вооружались новыя батареи. Въ продолженіи двухъ недѣль, съ 23-го января по 7-е февраля 1856 года, Союзники разрушали взрывами главныя сооруженія севастопольскаго порта: сперва были взорваны Николаевскій и Александровскій форты, потомъ доки и часть водопровода ([24]).

Часть французской арміи, именно: вся гвардія, по одному полку пѣхотныхъ дивизій Макъ-Магона, Каму, Фоше и д'Отмара, были возвращены во Францію, а полкъ африканскихъ егерей — въ Алжирію; но, въ замѣнъ ихъ, отправились въ Крымъ 28 баталіоновъ ([25]) и укомплектованы прежніе. Войска находившіяся въ окрестностяхъ Севастополя, терпѣли невыразимыя бѣдствія (des calamités inénarrables). Опытъ предъидущей зимы не послужилъ въ пользу Французамъ. По прежнему они укрывались въ небольшихъ палаткахъ, введенныхъ маршаломъ Бюжо въ Алжиріи (tente-abri), либо въ ямахъ, подъ палатками, не защищавшими ихъ ни отъ стужи, достигавшей 20-ти градусовъ, ни отъ сырости; тамъ же,

гдѣ были устроены бараки. множество людей толпилось на небольшомъ пространствѣ; о чистотѣ нисколько не заботились, кромѣ 81-го линейнаго полка, въ лагерѣ котораго бараки и палатки были разставлены просторно, образуя улицы, усаженныя деревьями ([26]). Напротивъ того, англійская армія провела эту зиму въ прочныхъ баракахъ съ печами и полами, которые сохранялись въ совершенной чистотѣ; солдаты мыли свое бѣлье и мѣняли его два раза въ недѣлю, чего у Французовъ не было и въ поминѣ ([27]). Такое же различіе существовало въ устройствѣ госпиталей Союзныхъ армій. Только лишь осенью, по занятіи Севастополя, Французы приступили къ учрежденію полковыхъ лазаретовъ; въ каждомъ изъ полковъ было построено по два барака, но многіе изъ нихъ, съ большими незаконопаченными щелями, не смотря на устроенныя въ этихъ помѣщеніяхъ печи, не доставляли въ суровую зиму защиты отъ стужи солдатамъ. Безпорядокъ по интендантской части простирался до невѣроятной степени: войска и госпитали терпѣли нужду въ необходимѣйшихъ средствахъ, между тѣмъ, какъ въ послѣдствіи, уже по окончаніи войны, въ Константинополѣ, и даже въ Камышѣ, оказались огромные склады свѣжихъ припасовъ и медикаментовъ, о которыхъ никто не имѣлъ ни малѣйшаго свѣдѣнія ([28]). Не то было въ англійской арміи: кромѣ полковыхъ лазаретовъ, состоявшихъ въ отличномъ порядкѣ, были превосходные госпитали, подъ наблюденіемъ столь же ученаго, сколько и дѣятельнаго медика Джона Галя. Госпитальная прислуга, руководимая знаменитою миссъ Найтингель (Nightingale) и состоявшими въ ея вѣдѣніи сестрами милосердія, исполняла съ чрезвычайнымъ усердіемъ свои обязанности ([29]).

Санитарное положеніе французской арміи, нѣ-

сколько улучшившееся по занятіи Севастополя, сдѣлалось ужаснымъ въ декабрѣ 1855 года. Въ продолженіи слѣдующаго мѣсяца, изъ наличнаго числа людей, 145,512-ти человѣкъ, поступило въ госпитали 13.418; умерло 1,763; отправлено больныхъ въ Константинополь 6,258; а въ февралѣ 1856 года, при наличномъ числѣ людей, 132,793-хъ, поступило въ госпитали, по самому умѣренному показанію, около 14,000 (30), въ числѣ которыхъ 3,400 тифозныхъ; умерло отъ тифа 1,453; отправлено въ Константинополь 9,180, изъ коихъ умерло на пути болѣе тысячи человѣкъ. Число больныхъ Французовъ въ Константинополѣ простиралось свыше 20-ти тысячъ, изъ коихъ, въ продолженіи одного мѣсяца, умерло 2,527, отправлено въ Галлиполи и Ногару 650, въ Марсель и Тулонъ—6,000. Экипажи кораблей, на которыхъ перевозились тифозные, и состоявшая при нихъ госпитальная прислуга, гибли на-равнѣ съ ними; умерло отъ тифа 42 медика. Развитію тифа много способствовало предубѣжденіе, будтобы эта болѣзнь не имѣла заразительнаго свойства, слѣдствіемъ чего было распространеніе ея въ полковыхъ лагеряхъ. Какъ только узналъ о томъ маршалъ Пелисье, то были приняты мѣры для предупрежденія заразы, но уже было поздно. Въ продолженіи марта заболѣло тифомъ 3,457 человѣкъ, изъ коихъ умерло въ Крыму 1,830 и отправлено въ Константинополь 1,140. Правда — число вообще поступившихъ въ госпитали не превышало 11,925 человѣкъ; но, за то, и наличное число людей уменьшилось до 120-ти тысячъ; въ этомъ мѣсяцѣ всего умерло 2,840 и отправлено въ Константинополь 7,280 человѣкъ (31). Санитарное состояніе англійской арміи было несравненно лучше: въ мартѣ 1856 года, при наличномъ числѣ около 70-ти тысячъ человѣкъ, находилось въ госпиталяхъ

4,267 и смертность была весьма незначительна. Въ первые шесть мѣсяцевъ войны, англійская армія потеряла умершими отъ болѣзней болѣе половины наличнаго числа людей, что̀ превосходило относительную смертность во время чумы 1665 года въ Лондонѣ; въ послѣдніе-же шесть мѣсяцевъ войны, англійскія войска въ Крыму теряли отъ болѣзней не болѣе 6-ти человѣкъ на 1,000 наличнаго числа людей, слѣдовательно—смертность уменьшилась во сто разъ ([32]).

По случаю тяжкой болѣзни князя Паскевича, Государь Императоръ, назначивъ князя Горчакова главнокомандующимъ Западною арміею, удостоилъ его слѣдующимъ отзывомъ:

...„Вамъ должно уже быть извѣстно опасное положеніе здоровья, въ которомъ находится почтенный нашъ Князь Варшавскій, и мы должны ежеминутно готовиться къ мысли его лишиться. Замѣщеніе его слишкомъ важно, и въ политическомъ, и въ военномъ отношеніи, и Меня крайне затрудняетъ.

„Послѣ долгаго размышленія, рѣшаюсь обратиться къ вамъ, Любезный Князь, *съ просьбою принять на себя эту новую обузу*. Зная вашъ истинно рыцарскій характеръ, Я увѣренъ, что вы Мнѣ въ этомъ неоткажете и не сомнѣваюсь, что и на семъ новомъ мѣстѣ найду въ васъ, какъ и прежде, тогоже усерднаго и добросовѣстнаго помощника, котораго Незабвенный Родитель Мой, нашъ общій Благодѣтель умѣлъ цѣнить, отъ всего сердца любилъ и душевно уважалъ. Чувства эти доставшіяся по наслѣдству, для Меня святы и вамъ извѣстны“... ([35]).

Главнокомандующимъ Южною арміей и войсками въ Крыму былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Лидерсъ, а командующимъ Южною арміей и морскою

частью въ Николаевѣ — генералъ отъ артиллеріи Сухозанетъ 2-й (34). 1-го (13-го) января 1856 года, князь Горчаковъ, сдавъ начальство надъ арміею генералу Лидерсу, уѣхалъ въ Петербургъ. Провидѣніе, не давъ на долю князя Михаила Дмитріевича славы знаменитаго полководца, даровало ему не менѣе завидную славу — подобно Барклаю де-Толли, отстаивать, въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, шагъ за шагомъ, Россію.

Оставляя армію, князь Горчаковъ писалъ Государю Императору:

„Отъѣзжая изъ Крыма, я передаю генералу Лидерсу армію, закаленную въ бояхъ, съ полнымъ упованіемъ, что и въ будущемъ она оправдаетъ ожиданія Вашего Императорскаго Величества и тѣ милости, коихъ Вы изволили ее удостоить“... (35).

Въ концѣ 1855 года, въ составѣ и расположеніи Крымской арміи, послѣдовали многія измѣненія, именно: 4-я, 5-я и 6-я пѣхотныя дивизіи, 2-й саперный и 2-й стрѣлковый баталіоны, 14-я, 16-я и 17-я пѣхотныя дивизіи, 6-й стрѣлковый баталіонъ и 15-я резервная дивизія переформированы въ кадровый составъ, а остальные люди ихъ переданы на пополненіе прочихъ войскъ Крымской арміи, послѣ чего кадры отправлены во внутреннія области Имперіи, а оставшіяся въ Крыму войска расположены слѣдующимъ образомъ: *на сѣверной сторонѣ* Севастополя — 1-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи; *на Инкерманской позиціи* — 2-я бригада той-же дивизіи; *на промежуточной позиціи, между Инкерманомъ и Мекензи*, греческіе волонтеры легіона Императора Николая I-го; *на Мекензіевыхъ высотахъ* — 11-я пѣхотная дивизія и Алексопольскій егерскій полкъ

(8-й дивизіи); въ авангардѣ—Смоленскій резервный пѣхотный полкъ; *у Юкары-Каралезъ, Орта-Каралезъ и въ Ташъ-Басты*—три полка 8-й пѣхотной дивизіи; *въ Біюкъ Сюйренъ*—3-й стрѣлковый баталіонъ и стрѣлковая дружина Калужскаго ополченія. *Въ резервѣ, на среднемъ Бельбекѣ и Качѣ* стояли: 7-я и 10-я пѣхотныя дивизіи, 4-й стрѣлковый баталіонъ, гусарскій Его Императ. Высочества Князя Николая Максимиліановича (Кіевскій) полкъ и нѣсколько казачьихъ сотень.

15-я же пѣхотная дивизія, предоставленная въ распоряженіе генерала Лидерса, переведена изъ Перекопа въ Одессу, а въ окрестностяхъ Очакова оставлена 1-я бригада 4-й легкой кавалерійской дивизіи (Вознесенскій и Ольвіопольскій уланскіе полки). Въ видахъ сохраненія фуража къ веснѣ, приказано оставить на позиціяхъ только 14 полевыхъ батарей, а 16 батарей расположить на тѣсныхъ квартирахъ по рѣкѣ Салгиру, отъ сел. Маму-Султана до устья р. Біюкъ-Карасу; для усиленія-же позиціи на высотахъ Мекензи, находились тамъ 63 крѣпостныя орудія. При войскахъ оставлены только 11 казачьихъ сотень, а 16 сотень расположены по берегу Сиваша, между устьями Салгира и Булганака.

Съ Высочайшаго разрѣшенія, двѣ гренадерскія дивизіи расположены въ Крыму. Одинъ полкъ 2-й гренадерской дивизіи оставленъ въ Сарыбулатѣ, къ сѣверу отъ Сиваша, а прочія три переведены къ Алминской почтовой станціи. 3-я гренадерская дивизія расположена въ селеніяхъ, нѣсколько сѣвернѣе Симферополя. Артиллерія обѣихъ гренадерскихъ дивизій и резервная уланская дивизія, состоявшая въ евпаторійскомъ отрядѣ, также для сбереженія фуража въ Крыму, отведены за Сивашъ, въ мелитопольскій уѣздъ; 1-я бригада 2-й драгунской дивизіи,

съ 22-ю и 25-ю конно-легкими батареями, съ тою-же цѣлью, отправлена за Перекопъ. Такимъ образомъ въ евпаторійскомъ отрядѣ и въ восточной части Крыма остались: 12-я пѣхотная дивизія и три полка 1-ой драгунской дивизіи, 1-я бригада 6-й легкой кавалерійской, Финляндскій драгунскій полкъ и нѣсколько казачьихъ сотенъ ([36]).

Непосредственно по оставленіи Севастополя, по распоряженію князя Горчакова, кромѣ укрѣпленія Сѣверной стороны, было приступлено къ инженернымъ работамъ, имѣвшимъ цѣлью оборону важнѣйшихъ пунктовъ Крымскаго полуострова, обезпеченіе сообщеній арміи со внутренними областями Имперіи и устройство помѣщеній для войскъ и госпиталей.

Въ Перекопѣ сооруженъ укрѣпленный лагерь, состоявшій изъ 25-ти полевыхъ укрѣпленій, отъ Чернаго моря до Сиваша. Эти работы произведены гренадерами, подъ присмотромъ инженеръ-поручика Роше́ и подъ наблюденіемъ начальника штаба гренадерскаго корпуса, генералъ-маіора Фелькнера. Къ устройству-же укрѣпленій Геническа и Чонгарскаго моста — приступлено немедленно по занятіи непріятелемъ Керчи и вступленіи Союзной эскадры въ Азовское море. У Геническа, вдоль морскаго берега, вырыта траншея, длиною до двухъ верстъ, съ батареями на 4 крѣпостныхъ и 8 батарейныхъ орудій. Входъ въ Сивашъ прегражденъ затопленнымъ плоскодоннымъ судномъ, а поперегъ Геническаго пролива забито 69 свай въ три линіи. Чонгарскій мостъ былъ прикрытъ укрѣпленіями съ обѣихъ сторонъ. Работы производились солдатами Геническаго отряда, подъ надзоромъ инженеръ-штабсъ-капитана Шлейфера. Кромѣ того, для обезпеченія сообщенія, удаленнаго отъ обоихъ морей, Чернаго и Азовскаго, и по тому менѣе подверженнаго непріятельскому на-

паденію, былъ укрѣпленъ центральный пунктъ на Сивашѣ, близъ Петровской мызы. Работы производились подъ присмотромъ инженеръ-штабсъ-капитана Фролова; хозяйственная-же часть ихъ была поручена главнокомандующимъ отставному генералъ-маіору С. И. Мальцову (37).

Положеніе нашихъ войскъ по очищеніи Севастополя сдѣлалось болѣе сноснымъ, и, не смотря на неудобства зимней стоянки, болѣзненность и смертность въ регулярныхъ войскахъ была довольна умѣренна. Несравненно болѣе пострадали дружины ополченія: въ началѣ марта 1856 гооа, т. е. чрезъ четыре и пять мѣсяцевъ по прибытіи въ Крымъ курскаго, орловскаго, калужскаго и тульскаго ополченій, въ 45-ти дружинахъ, изъ 40,730 строевыхъ нижнихъ чиновъ оставалось на лицо всего 21,347; остальные-же поступили въ госпитали, будучи одержимы поносомъ, лихорадкою и тифозною горячкою, которыя они принесли съ собою изъ внутреннихъ губерній, гдѣ въ концѣ 1855 года свирѣпствовали повальныя болѣзни. Да и на театрѣ войны ополченцы заболѣвали чаще, нежели солдаты регулярныхъ войскъ. Причинами тому были: вліяніе климата на менѣе привычныхъ къ нему людей; плохая одежда и обувь, а также неопрятность, при недостаткѣ въ дружинахъ опытныхъ офицеровъ; неимѣніе хорошихъ хлѣбопековъ и кашеваровъ и—болѣе всего—непривычка къ боевой жизни (38).

Еще въ октябрѣ 1855 г. князь Горчаковъ, убѣдившись, что непріятель находится не въ состояніи предпринять какія-либо рѣшительныя дѣйствія до весны, сдѣлалъ распоряженія на счетъ предстоявшей зимовки войскъ. Только лишь весьма незначительная часть арміи могла быть расположена въ селеніяхъ, на тѣсныхъ квартирахъ; прочія-же войска должны

были построить для себя, на занятыхъ ими позиціяхъ, землянки; а на покупку нужнаго къ тому лѣса, были отпущены деньги изъ экстраординарной суммы. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣтилось затрудненіе въ пріобрѣтеніи строительнаго матеріала, отпускался лѣсъ, купленный интендантствомъ на топливо для приготовленія сухарей; а въ степныхъ мѣстахъ подвозили доски для бараковъ и антрацитъ для варенія пищи на подводахъ подвижнаго магазина. Землянки въ Крыму состояли изъ выкопанныхъ въ землѣ ямъ, оплетенныхъ хворостомъ, съ крышами тоже изъ хвороста, прикрытаго толстымъ слоемъ земли. Въ нихъ не было—ни дверей, ни половъ, ни печей; для входа въ землянку служило небольшое отверстіе, а вмѣсто окна—другое, еще меньше. Солдаты лежали на сѣнѣ, когда могли достать его, да и въ такомъ случаѣ оно рѣдко перемѣнялось. Вообще наши землянки, построенныя уже въ глубокую осень и согрѣваемыя не огнемъ, а собственною теплотою густо скученныхъ въ нихъ людей, были сыры и душны, что̀ оказывало весьма вредное вліяніе на здоровье нижнихъ чиновъ. Въ землянкахъ дивизіонныхъ, бригадныхъ и полковыхъ командировъ были устроены двери, окна и полы, но не у всякаго изъ нихъ была печь ([39]).

Весьма замѣчательно, что годовое отношеніе числа больныхъ одинаковыми болѣзнями къ числу больныхъ вообще было почти одинаково во французской арміи съ нашею. Съ 1-го ноября 1854 по 1-е ноября 1855 года, изъ 183,331 больныхъ русской арміи было:

одержимыхъ горячками и лихорадками	101,520
„ холерою „	19,107

Во французской-же арміи, съ апрѣля 1855 года до очищенія Крыма, изъ 217,303-хъ больныхъ было:

одержимыхъ лихорадками и тифомъ 130,678
„ холерою „ 11,382 (40).

Вообще-же въ санитарномъ отношеніи Союзныя арміи находились въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, нежели русская. Войска ихъ прибывали въ Крымъ моремъ, не изнуряясь долгими передвиженіями въ суровое время года, между тѣмъ, какъ нѣкоторыя изъ нашихъ войскъ дѣлали переходы въ 1,000 верстъ, въ самую дурную погоду. Союзники отправляли своихъ больныхъ на корабляхъ, на которыхъ они, совершая съ удобствомъ перевозъ въ Константинополь, получали хорошее продовольствіе и пользовались медицинскою помощью. Напротивъ того, мы были принуждены отправлять больныхъ за нѣсколько сотъ верстъ, по дурнымъ дорогамъ, на обывательскихъ подводахъ, въ дождливую пору, либо въ сильную стужу. Наши больные и раненые весьма часто оставались на пути въ изношенной до-нельзя солдатской одеждѣ, томимые голодомъ и жаждою (при скудости хорошей воды). Правда — по утвержденному княземъ Горчаковымъ положенію, назначено было отпускать на каждаго изъ нихъ по два фунта хлѣба, по 1 фунту говядины, по 1/2 фунта крупъ и по 7-ми золотниковъ соли, и кромѣ того полагалось давать по утрамъ сбитень съ инбиремъ и медомъ, а вмѣсто квасу, воду съ небольшимъ количествомъ уксуса (11). Такое продовольствіе было весьма достаточно, но, къ сожалѣнію, больные не всегда имъ пользовались, частью по винѣ офицеровъ и чиновниковъ, сопровождавшихъ транспорты, частью-же по мѣстнымъ обстоятельствамъ, затруднявшимъ правильное снабженіе. Нерѣдко случалось, что больные терпѣли недостатокъ не только въ горячей пищѣ, но даже въ хлѣбѣ. Въ одномъ изъ транс-

портовъ, прибывшихъ въ Херсонъ, супъ раздавался только на первой станціи отъ Севастополя, а въ остальные 15 дней больнымъ отпускалось по 10-ти коп. на человѣка, на что можно было купить только три фунта чернаго хлѣба. Въ другомъ транспортѣ. прибывшемъ, весною 1855 года, въ Перекопъ, вмѣсто положенной порціи сбитня, отпускалось по $4^1/_2$ крышки водки (!), а пища готовилась такая, что больные отъ нея отказывались и покупали на свой счетъ булки; тѣ-же, у которыхъ не было денегъ, питались одними сухарями. Въ ноябрѣ 1855 года, больные одного изъ транспортовъ, проходившихъ чрезъ Екатеринославъ, объявили при опросѣ, что они въ послѣдніе два дня не получали хлѣба, и что, на всемъ пути отъ Симферополя, мясо имъ отпускалось въ уменьшенномъ количествѣ ([42]). Въ столь-же прискорбномъ состояніи находились транспорты съ больными и ранеными и въ отношеніи врачебной помощи. Не было ни медикаментовъ, ни перевязочныхъ средствъ, въ достаточномъ количествѣ; медиковъ при транспортахъ состояло по одному на нѣсколько сотъ человѣкъ, а госпитальной прислуги почти вовсе не было; случалось даже, что при значительномъ числѣ больныхъ не имѣлось ни чиновниковъ, ни врачей ([43]).

Въ Симферополѣ, гдѣ, при всѣхъ усиліяхъ мѣстнаго начальства, было не болѣе 8,000 мѣстъ для больныхъ и раненыхъ, постоянно скоплялось въ госпиталяхъ отъ 10-ти до 11-ти тысячъ человѣкъ, что происходило не столько отъ увеличенія болѣзненности въ войскахъ, сколько отъ уничтоженія, зимою 1855—1856 годовъ, полковыхъ и нѣкоторыхъ временныхъ лазаретовъ, такъ что, за исключеніемъ двухъ небольшихъ госпиталей, въ Карасубазарѣ и Ѳеодосіи, больные отвсюду были направляемы въ Симфе-

рополь, гдѣ постоянно до 3,000 больныхъ помѣщались въ палаткахъ. А какъ, между тѣмъ, съ самаго наступленія глубокой осени, прибывало ежедневно туда около 600 человѣкъ, то въ продолженіи одного мѣсяца число больныхъ, поступившихъ въ Симферопольскіе госпитали, увеличилось на 18,000, изъ коихъ отправлено обратно въ полки выздоровѣвшихъ 8,000, и перевезено въ другіе города до 7,000, не смотря на то, что движеніе транспортовъ по дурнымъ дорогамъ было весьма затруднительно и вредно для больныхъ, страдавшихъ отъ ненастья и холода. Эти важныя неудобства увеличились тѣмъ, что Перекопъ, до того времени служившій транзитнымъ пунктомъ для людей отправляемыхъ изъ Симферополя, вдругъ переполнился больными отъ внезапно возникшихъ повальныхъ болѣзней въ гренадерскомъ корпусѣ. 6-го (18-го) ноября, въ перекопскихъ госпиталяхъ, вмѣсто нормальной цифры 2,000, находилось до 5,000 больныхъ, изъ коихъ большая часть была помѣщена въ 7-ми верстахъ отъ города, на фермѣ г. Фейна, въ овчарняхъ, обширныхъ и хорошо устроенныхъ, но безъ печей, гдѣ больные лежали, большею частью, на соломѣ разосланной на землѣ, въ солдатской одеждѣ, въ четыре ряда, одинъ возлѣ другаго. Врачей имѣлось по одному на 300 человѣкъ, не смотря на то, что въ госпиталяхъ свирѣпствовали поносъ и тифъ, главною причиною коихъ была солено-сернистая вода, въ глубокихъ колодцахъ, на всемъ пространствѣ раіона, занимаемаго гренадерскимъ корпусомъ. Для отправки больныхъ въ Екатеринославъ и Херсонъ, въ Перекопѣ не было почти никакихъ средствъ, да и вообще перевозка ихъ на значительное разстояніе была сопряжена съ важными неудобствами; кромѣ того, что состояніе многихъ больныхъ ухудшалось при передвиженіи ихъ на плохихъ по-

возкахъ, по дурнымъ дорогамъ, самое транспортированіе людей, одержимыхъ заразительными болѣзнями, вело къ распространенію эпидемій по всему пути ихъ слѣдованія между жителями. Къ тому-же войска лишались многихъ людей, которые, оставаясь вблизи арміи, могли-бы вскорѣ оправиться и поступить въ ряды своихъ товарищей. И такъ—съ одной стороны, трудно-больные не могли выдержать продолжительной перевозки, а съ другой, подававшіе надежду на скорое выздоровленіе отправлялись въ дальніе города только по тому, что для нихъ не было мѣста въ Крымскихъ госпиталяхъ, и выздоравливая на пути, не имѣли надобности въ продолжительномъ леченіи, либо подвергались болѣе опаснымъ болѣзнямъ отъ переносимыхъ ими неудобствъ и лишеній. Единственное средство избѣжать этихъ затрудненій заключалось въ томъ, чтобы имѣть достаточное помѣщеніе для больныхъ и раненыхъ на театрѣ войны, либо вблизи его, и еслибы мы озаботились заблаговременно постройкою хорошихъ бараковъ на тѣхъ пунктахъ, гдѣ можно было имѣть въ изобиліи строительные матеріалы, то съ одной стороны сберeглибы значительныя суммы, безплодно истраченныя на перевозку больныхъ, а съ другой—что еще несравненно важнѣе—сохранили-бы тысячи страдальцевъ, погибшихъ при транспортировкѣ, отъ стужи, голода и недостатка въ надлежащемъ присмотрѣ ([44]).

Одинъ изъ свидѣтелей тѣхъ ужасовъ, которые представляла госпитальная часть нашей арміи въ Восточную войну, говоритъ: „Не внѣшній врагъ насъ побѣдилъ, а внутренній—наши безпорядки, неурядица и отчасти равнодушіе общества къ общему дѣлу“ ([45]). Въ настоящее время мы имѣемъ полное право надѣяться, что состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы обще-

ство попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ приметъ мѣры для предупрежденія подобныхъ бѣдствій, и что Россія, пользуясь средствами заблаговременно приготовленными во дни мира, явится, въ случаѣ войны, во всеоружіи у изголовья страждущихъ сыновъ своихъ.

Остается изложить окончательныя дѣйствія въ восточной части Крымскаго полуострова.

Въ половинѣ сентября, резервные баталіоны, тамъ состоявшіе, были смѣнены тамбовскимъ ополченіемъ: 10 дружинъ поступили въ таганрогскій, а 7—въ ростовскій отрядъ. Когда-же въ началѣ (въ половинѣ) октября получено было въ нашей главной квартирѣ свѣдѣніе о прибытіи въ Керчь свѣжихъ непріятельскихъ войскъ, князь Горчаковъ приказалъ послать на усиленіе керченскаго отряда 2-ю бригаду 7-й резервной пѣхотной дивизіи, съ одною батареею, и двѣ дружины калужскаго ополченія. Геническій отрядъ, генералъ-маіора Вагнера былъ тогда-же усиленъ тремя дружинами тульскаго ополченія. Генералъ-лейтенантъ баронъ Врангель, по прежнему, стоялъ съ наблюдательнымъ отрядомъ у Аргина, прикрывая Өеодосію и Арабатъ. Здѣсь военныя дѣйствія ограничивались стычками между непріятельскою конницею и казаками ([46]).

12-го (24-го) сентября, 15 паровыхъ канонирскихъ лодокъ, подъ начальствомъ капитановъ французскаго флота Буе (Bouët) и англійскаго—Роберта Галля, съ десантомъ изъ 600 человѣкъ французской пѣхоты, и англійскій пароходъ *Сулина*, съ 300 шотландцевъ, отправились изъ Керчи на Таманскій полуостровъ, заняли Тамань и Фанагорію, разорили тамошнія учрежденія и запаслись находившимся

тамъ лѣсомъ, черезъ нѣсколько дней возвратились въ Керчь.

Въ октябрѣ, Союзники занимались опустошеніемъ Азовскаго прибрежья. Маріуполь былъ бомбардированъ Англичанами, но не потерпѣлъ никакого вреда, и потомъ пощаженъ непріятелемъ, благодаря агенту австрійскаго консульства, который, на требованіе Англичанъ выдать имъ для истребленія казенный провіантъ, находящійся въ городѣ, отвѣчалъ что всѣ тамошніе хлѣбные запасы были запроданы иностраннымъ негоціантамъ. Въ тотъ-же день, 23-го октября (4-го ноября), другая непріятельская флотилія, въ числѣ 12-ти пароходовъ, появилась подъ Ейскомъ, а 28-го (9-го ноября) истребила хуторъ Водяной и зажгла богатую слободу Глафировку, при оборонѣ которой палъ командующій донскимъ № 59-го полкомъ, войсковой старшина Шуруповъ. Кромѣ того, непріятель нанесъ бомбардированіемъ значительный вредъ Ейску и нѣсколько разъ подходилъ къ Геническу ([47]).

ГЛАВА XXXVIII.

Дѣйствія въ Балтійскомъ морѣ.—Бомбардированіе Свеаборга.—Дѣйствія въ Восточномъ Океанѣ.

Великобританское правительство, недовольное результатомъ экспедиціи 1854 года въ Балтійскомъ морѣ, снарядило въ 1855 году флотъ, въ числѣ 62-хъ вымпеловъ, съ 1.640 орудіями, подъ начальствомъ контръ-адмирала Дундаса *), съ тою цѣлью, чтобы подвергнувъ строгой блокадѣ наши балтійскіе порты, дѣйствовать, по возможности, противъ укрѣпленныхъ городовъ и морскихъ силъ. Въ такомъ-же смыслѣ была дана инструкція и французскому контръ-адмиралу Пено́, который, съ эскадрою изъ трехъ кораблей и двухъ меньшихъ судовъ, получилъ предписаніе присоединиться къ флоту Дундаса ([1]). Сборнымъ пунктомъ Союзнаго флота былъ назначенъ Киль, куда Англичане пришли въ половинѣ (въ концѣ) апрѣля, а Французы—1-го (13-го) мая. Между тѣмъ, еще 4-го (16-го апрѣля, три англійскіе винтовые фрегата появились передъ Балтійскимъ Портомъ, гдѣ ограничились объявленіемъ блокады и

*) Ричардъ Дундасъ, котораго не должно смѣшивать съ Джемсомъ Дундасомъ, командовавшимъ въ 1854 году, англійскимъ флотомъ въ Черномъ морѣ.

требованіемъ, чтобы купеческія суда вышли изъ порта не позже семи-дневнаго срока. Другія суда крейсировали въ виду Либавы и Ревеля.

Въ половинѣ (въ концѣ) мая, главныя силы Союзнаго флота стали въ виду Кронштадта, надѣясь выманить въ море стоявшій тамъ русскій флотъ; но съ нашей стороны, и на сей разъ, какъ въ предъидущемъ году, было рѣшено—выжидать непріятеля подъ защитою Кронштадтскихъ укрѣпленій.

Вскорѣ за появленіемъ Союзниковъ у Кронштадта, произошло дѣло, само по себѣ весьма незначительное, но возбудившее обширную дипломатическую переписку. 24-го мая (5-го іюня), въ полдень, англійскій фрегатъ *Козакъ*, прибывъ на Гангеудскій рейдъ, сталъ на якорь внѣ выстрѣла и выслалъ къ берегу лодку съ небольшою командою, подъ предлогомъ высадки пятерыхъ Финляндцевъ, захваченныхъ Англичанами. Спустивъ на землю плѣнныхъ, начальникъ команды долженъ былъ немедленно удалиться; но, вмѣсто того, онъ пошелъ къ усмотрѣнному имъ селенію, очевидно имѣя въ виду обозрѣть мѣстность и войти въ сношенія съ жителями; а, для безопасности отъ нападенія, велѣлъ одному изъ матросовъ нести передъ нимъ переговорный флагъ, не смотря на то, что съ нашей стороны не только не было изъявлено согласіе на принятіе парламентера, но даже о томъ не было и рѣчи. Пользуясь оплошностью англійскаго офицера, охранявшій прибрежье, гренадерскаго Е. В. Короля Прусскаго (Перновскаго) полка прапорщикъ Сверчковъ отрѣзалъ непріятелю путь отступленія и окружилъ его. Изъ числа Англичанъ было убито 5 матросовъ; захвачены въ плѣнъ: лейтенантъ Дженестъ, докторъ, гардемаринъ и 8 матросовъ. Англійская лодка, съ находившимся на ней орудіемъ, была затоплена (2).

Очевидно, что въ неудачѣ Англичанъ былъ виноватъ командиръ фрегата, капитанъ Феншовъ, отправившій команду на берегъ, не снесясь съ начальникомъ ближайшихъ русскихъ войскъ и не удостовѣрясь—будетъ-ли она принята подъ парламентернымъ флагомъ. Но Феншовъ и самъ адмиралъ Дундасъ выказали дѣло при Гангеудѣ нарушеніемъ принятаго всѣми просвѣщенными націями народнаго права, и по достиженіи вѣсти о томъ въ Англіи, нападеніе на высадившуюся команду получило прозвище „*убійства въ Гангѣ*". По поводу столь превратнаго истолкованія фактовъ, военный министръ, князь Долгоруковъ, въ письмѣ къ адмиралу Дундасу, изложивъ истинное значеніе дѣла, сообщилъ, что наше правительство разрѣшило принимать отъ англо-французскаго флота въ Балтійскомъ морѣ парламентеровъ только въ трехъ мѣстахъ, именно: въ Кронштадтѣ, Свеаборгѣ и Ревелѣ; но въ послѣдствіи, во вниманіе къ замѣчанію Дундаса, что „такое ограниченіе сообщеній подъ переговорнымъ флагомъ можетъ усилить бѣдствія войны", разрѣшено было назначить для обоюднаго сношенія еще четыре мѣста: Либаву, Виндаву, Вазу и Торнео (³).

Въ продолженіи стоянки англо-французскаго флота противъ Кронштадта, Союзники, изъ предпринятыхъ ими обозрѣній, убѣдились, что мы значительно усилили кронштадтскія укрѣпленія, построили въ значительномъ числѣ канонерскія лодки и устроили подводныя мины. Нѣкоторыя изъ непріятельскихъ судовъ, производившихъ обозрѣнія и промѣры, наткнувшись на эти мины, получили поврежденія, которыя заставили непріятеля отказаться отъ дальнѣйшихъ покушеній (⁴). Въ послѣдствіи Союзные моряки нѣсколько освоились съ подводными минами, хотя и не всегда безнаказанно приближались къ

нимъ: 12-го (24-го) іюня, одна изъ нихъ взорвалась близъ корабля, на которомъ тогда находились два англійскихъ адмирала и сильно обожгла одного изъ нихъ, контръ-адмирала Сеймура (5). „Мы стоимъ—писалъ французскій адмиралъ Пено — противъ непріятеля дѣятельнаго, умѣющаго усиливать свои средства и наносить намъ вредъ. Вы, вѣрно, не оставите безъ вниманія, что паровыя канонерки, столь быстро построенныя Русскими, и которыхъ число вскорѣ можетъ еще болѣе увеличиться, совершенно измѣнили наше положеніе въ отношеніи къ противнику. Мы теперь должны не только думать о нападеніи, но и заботиться о собственной защитѣ, потому что у Русскихъ больше канонерскихъ лодокъ, нежели у Англичанъ“ (6).

Все это заставило Союзныхъ адмираловъ ограничиться экспедиціями легкихъ судовъ въ различныя мѣста финскаго прибрежья, для возбужденія тревоги и для разоренія казенныхъ построекъ и укрѣпленій. Въ особенности-же отличался дѣятельностью по этой части командиръ англійскаго фрегата *Arrogant*, капитанъ Эльвертонъ. 23-го іюня (5-го іюля), появился онъ съ тремя судами передъ Свартгольмомъ — фортомъ, защищающимъ входъ въ Ловизскую гавань, незадолго предъ тѣмъ нами упраздненнымъ. Шесть вооруженныхъ шлюпокъ, спущенныхъ Англичанами, направились частью къ Свартгольму, гдѣ высадившіеся люди взорвали укрѣпленіе, частью-же къ Ловизѣ, и въ слѣдующую ночь этотъ открытый, беззащитный городъ сдѣлался добычею повсемѣстнаго пожара. Здѣсь до двухъ тысячъ мирныхъ жителей остались безъ пристанища на развалинахъ домовъ своихъ (7). 1-го (13-го) іюля, эскадра Эльвертона подошла къ Транзунду, близъ Выборга. Канонерская лодка съ семью вооруженными баркасами приблизилась къ

острову Равенсари; тамъ штуцерные отъ 3-го учебнаго карабинернаго полка встрѣтили непріятеля мѣткимъ огнемъ; тогда-же открыта по немъ пальба съ парохода *Тосна* и канонерскихъ лодокъ, стоявшихъ поперегъ пролива. Самъ Эльвертонъ, находившійся на канонерской лодкѣ, уже былъ въ виду Выборга, когда удачнымъ выстрѣломъ съ нашей канонерской лодки № 8-го былъ пробитъ большой баркасъ, а внезапно открытый огонь съ замаскированной батареи довершилъ разстройство непріятеля и заставилъ его удалиться ([8]).

8-го (20-го іюля, Эльвертонъ появился у Фридрихсгама, а на слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, суда его, выстроившись въ линію, открыли канонаду по нашимъ береговымъ батареямъ, но будучи встрѣчены сильнымъ артиллерійскимъ и штуцернымъ огнемъ войскъ, подъ начальствомъ подполковника Таваетштерна, были принуждены отступить ([9]).

Союзники, находясь въ ожиданіи прибытія изъ Франціи пловучихъ батарей, возлагали на нихъ большія надежды, но отчаявались въ возможности успѣха дѣйствій противъ Кронштадта. Въ такомъ положеніи дѣлъ, желая ознаменовать какимъ-либо подвигомъ предстоявшее прибытіе въ Парижъ Королевы Викторіи, Союзные адмиралы рѣшились предпринять бомбардированіе Гельсингфорса и Свеаборга, которое, на основаніи сдѣланнаго предварительно обозрѣнія, повидимому, не представляло особенныхъ затрудненій. Передъ Кронштадтомъ была оставлена одна изъ дивизій англійскаго флота, подъ начальствомъ контръ-адмирала Бейнеса, прочія-же всѣ Союзныя суда отплыли, въ концѣ іюня (въ первой половинѣ іюля), къ Наргену, гдѣ расположились въ ожиданіи высланныхъ для содѣйствія имъ изъ Франціи пловучихъ батарей.

Въ то время, главнымъ начальникомъ войскъ въ Свеаборгѣ былъ финляндскій генералъ-губернаторъ и командующій сухопутными и морскими силами въ Финляндіи, генералъ-адъютантъ Бергъ. Вступивъ на военное поприще въ Отечественную войну 1812 года, генералъ Бергъ съ честью участвовалъ: въ войнахъ 1813 и 1814 годовъ противъ Французовъ; въ экспедиціяхъ 1823 и 1824 годовъ противъ Хивинцевъ и Киргизовъ; въ войнѣ 1828 и 1829 годовъ, въ званіи генералъ-квартирмейстера, противъ Турокъ; въ войнѣ 1831 года противъ польскихъ мятежниковъ; въ походѣ 1849 года въ Венгрію и въ оборонѣ Эстляндіи 1854 года. Получившій классическое образованіе и обладавшій практикою, пріобрѣтенною въ теченіи долговременной службы, генералъ Бергъ былъ преимущественно воинъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, соединялъ въ себѣ способности искуснаго дипломата и опытнаго администратора (10).

25-го іюля (6 го августа), Союзный флотъ, снявшись съ рейда у Наргена, отправился къ Свеаборгу, а на слѣдующій день собрался въ разстояніи отъ 3-хъ до 4-хъ верстъ отъ внѣшней линіи нашихъ укрѣпленій, въ числѣ 75-ти вымпеловъ (11), и занялъ позицію въ 4-хъ тысячахъ шагахъ отъ форта Густаверть, правымъ флангомъ противъ батарей Бакъ-Гольма, а лѣвымъ противъ островка Вестеръ-Сварта, оставя, по соглашенію между адмиралами, мѣсто въ центрѣ у острова Эстергалль для французскихъ бомбардъ. Въ ночи съ 27-го на 28-е іюля (съ 8-го на 9-е августа), контръ-адмиралъ Пено приступилъ къ сооруженію, на скалистомъ островкѣ Абрамсъ-гольмѣ, изъ земляныхъ мѣшковъ, батареи. 28 іюля (9 августа), въ 8-мъ часу утра, непріятель открылъ огонь по Свеаборгу: бомбарды канонерскія лодки и пловучія батареи дѣйствовали въ центрѣ

противъ батарей крѣпости и корабля *Iезекіиль*; корабли *Гастингсъ*, *Корнвалисъ* и фрегатъ *Амфіонъ*— на правомъ крылѣ, противъ батарей на островѣ Сандгамѣ, а капитанъ Эльвертонъ, съ фрегатомъ *Аррогантъ* и пароходами *Козакъ* и *Круйзеръ*, на лѣвомъ крылѣ, противъ острова Друмсъ-Э. Прочія-же большія суда: корабли, фрегаты и пароходы, по значительности представляемой ими цѣли, стояли далеко позади и не дѣйствовали противъ крѣпости, избѣгая поврежденій, а канонерскія лодки, бомбарды и пловучія батареи старались безпрестанно перемѣнять мѣста́ своей стоянки ([12]). Въ продолженіи канонады, Англичане высылали нѣсколько разъ, для занятія острова Друмсъ-Э, гребныя суда съ дессантомъ, которыя, будучи встрѣчаемы мѣткимъ ружейнымъ огнемъ изъ-за ложементовъ, устроенныхъ на берегу, возвращались назадъ. Въ 10 часовъ утра, какъ только вспыхнулъ первый пожаръ, на островѣ Лилла-Остеръ-Свартѣ, непріятель сосредоточилъ выстрѣлы на крѣпость, и, въ послѣдствіи, когда загоралось гдѣ-либо зданіе, тотчасъ усиливалъ огонь по этому направленію. Не смотря однакоже на множество брошенныхъ атакующимъ бомбъ огромнаго калибра, наши пороховые погреба выдержали бомбардированіе, и только четыре небольшихъ склада чиненыхъ бомбъ, находившіеся въ старинныхъ шведскихъ постройкахъ, взлетѣли на воздухъ, около полудня, при чемъ весь нашъ уронъ состоялъ въ одномъ убитомъ и трехъ раненыхъ нижнихъ чинахъ. Непріятель столь-же сильно громилъ корабль *Россія*, стоявшій между фортомъ Густавъ-Свертомъ и островомъ Скансландомъ, въ узкомъ фарватерѣ, единственномъ пути, чрезъ который большіе корабли могли проникнуть на Свеаборгскій рейдъ. Этотъ корабль могъ дѣйствовать въ бою только частью сво-

ихъ орудій; а самъ, находясь на продолженіи выстрѣловъ, направляемыхъ съ нѣсколькихъ сторонъ на укрѣпленія и на Скавсландъ, получилъ много пробоинъ; нѣсколько бомбъ разорвались внутри корабля и одна изъ нихъ проникла почти до крюйтъ-камеры, при чемъ спасеніемъ отъ взрыва корабль былъ обязанъ распорядительности своего командира, капитана 1-го ранга Полонскаго и присутствію духа корпуса морской артиллеріи подпоручика Попова, который кинулся въ трюмъ и погасилъ пожаръ тотчасъ послѣ разрыва бомбы ([13]).

Между тѣмъ, Французы, успѣвъ вооружить построенную ими на островѣ Абрамсъ-гольмѣ батарею шестью мортирами, 27-ми-центиметроваго калибра ([10]) открыли съ ней огонь по крѣпости, 28-го іюля (9 августа), съ наступленіемъ ночи. На слѣдующій день, въ 10-мъ часу утра, загорѣлась въ Густавъ-Свертѣ крыша на капонирѣ, гдѣ хранились бомбы и заряды, но пожаръ былъ потушенъ охотниками изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, при чемъ первый вскочившій на крышу капонира былъ фейерверкеръ артиллерійскаго гарнизона Михеевъ ([14]).

Въ продолженіи ночи съ 29-го на 30-е іюля (съ 10-го на 11-е августа), непріятель пускалъ въ крѣпость боевыя (конгревовы) ракеты, но безъ большаго успѣха; гораздо чувствительнѣйшій вредъ наносила намъ французская мортирная батарея, которая обратила въ пепелъ морской арсеналъ и многія другія зданія ([15]).

30-го іюля (11-го августа), въ 4 часа утра, контръ-адмиралъ Дундасъ прислалъ къ контръ-адмиралу Пено офицера, съ предложеніемъ прекратить бомбардированіе, находя, что цѣль экспедиціи была достигнута; французскій адмиралъ, раздѣляя это мнѣніе, подалъ сигналъ — прекратить пальбу ([16]). Дѣй-

ствительно—все то, что подвергалось уничтоженію. было уничтожено, многія строенія сожжены; укрѣпленія-же Свеаборга не были—и не могли быть—разрушены бомбардированіемъ съ большихъ дистанцій. Если и оставалась возможность еще нанести Русскимъ какой-либо вредъ, то это потребовало-бы огромныя и несоразмѣрныя съ цѣлью средства. Но. кромѣ того, была еще и другая причина прекращенія дѣйствій противъ нашей крѣпости, именно — большая часть непріятельскихъ мортиръ и бомбардъ отъ собственной пальбы пришла въ совершенную негодность. Какъ матеріальная часть экспедиціи была приготовлена въ Англіи на-скоро, то и неудивительно, что одна изъ мортиръ выдержала всего 95 выстрѣловъ; другая—114; третья—148 и четвертая—213. Какъ, при бомбардированіи на весьма дальнее разстояніе, пришлось давать орудіямъ большіе углы возвышенія и стрѣлять сильными зарядами, то значительная отдача мортиръ нанесла вредъ судамъ, на которыхъ онѣ находились. Все это заставило Союзныхъ адмираловъ, послѣ 45-ти-часоваго бомбардированія, прекратить дѣйствія противъ Свеаборга, ограничиваясь, въ продолженіи дня 30-го іюля (11-го августа), канонадою судовъ капитана Эльвертона по острову Друмсъ—Э, гдѣ былъ поврежденъ телеграфъ и произошли пожары. Въ слѣдующую ночь, непріятель бросалъ ракеты на острова Кунгсгольменъ и Скансландъ, не причинивъ ими ни малѣйшаго вреда. Затѣмъ, поднявъ свои гребныя суда и срывъ мортирную батарею на Абрамс-гольмѣ, Союзники, 1-го (13) августа, отплыли обратно къ Наргену ([17]).

Въ продолженіи бомбардированія, изъ войскъ крѣпостнаго гарнизона, убито: нижнихъ чиновъ 44; ранены: на островѣ Сандгамѣ командиръ шкуны *Вихрь*, капитанъ-лейтенантъ Есауловъ 2-й и адъютантъ

штаба 3-й бригады 3-й флотской дивизіи, лейтенантъ Шипуновъ; нижнихъ чиновъ 110. На кораблѣ *Россія*, убито: нижнихъ чиновъ 11; ранены: корпуса морской артиллеріи прапорщикъ Свенторжецкій; нижнихъ чиновъ 88; на кораблѣ *Іезекіиль*, раненъ одинъ матросъ. Вообще-же убито 55 и ранено 200 человѣкъ ([18]).

Уронъ англійскаго флота, на основаніи официальныхъ свѣдѣній, не превосходилъ 33-хъ человѣкъ, изъ коихъ нѣсколько поражены разрывами собственныхъ ракетъ. Со стороны-же Французовъ, не было въ людяхъ никакой потери ([19]).

Первоначальныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Союзниковъ подъ Свеаборгомъ, достигшія Парижа и Лондона, гласили кратко: „Свеаборгъ уже не существуетъ“. Какъ о настоящемъ значеніи этой крѣпости имѣли въ Западной Европѣ совершенно превратное понятіе, то полагали, что англо-французскому флоту удалось стереть съ лица земли большой торговый городъ съ его гаванями, постройками и укрѣпленіями. Вслѣдъ за тѣмъ разнеслась молва, будтобы „въ Свеаборгѣ все разрушено кромѣ укрѣпленій“, и хотя эти слухи были скромнѣе прежнихъ, однакоже общественное мнѣніе удовлетворилось результатомъ экспедиціи. Но когда свѣдущіе люди объяснили, что въ Свеаборгѣ всего важнѣе были укрѣпленія, тогда оказалось, что успѣхъ Союзниковъ вовсе не соотвѣтствовалъ ни ожиданіямъ, возбужденнымъ огромными приготовленіями морскихъ державъ, ни издержкамъ, которыхъ стоило ихъ предпріятіе. Полагали, по наиболѣе увеличенному разсчету, что въ Свеаборгѣ сожжено строеній и припасовъ на сумму около 37-ми милліоновъ франковъ (до 10-ти милл. рублей). Для достиженія этой цѣли, Союзники выпустили болѣе 20-ти тысячъ различныхъ снарядовъ большаго калибра, на которые пошло чугуна около 60,000 пу-

довъ; пороха издержано до 12,000 пудовъ, а вмѣстѣ съ доставкою и порчею орудій и судовъ издержки простирались до 5-ти милл. франковъ (1½ милл. рубл.). Но должно замѣтить, что бомбардированіе Свеаборга было единственнымъ результатомъ вооруженія и 4-хъ-мѣсячнаго содержанія въ Балтійскомъ морѣ флота, стоившихъ одной Англіи, по исчисленію газеты *Times*, не менѣе 250-ти милл. франковъ (до 75-ти милл. рублей) ([20]).

Государь Императоръ, получивъ донесеніе генералъ-адъютанта Берга, о безуспѣшномъ покушеніи сильнаго англо-французскаго флота на Свеаборгъ, соизволилъ пожаловать генерала Берга кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго съ мечами ([21]).

По возвращеніи Союзнаго флота къ Наргену, контръ-адмиралы Дундасъ и Пено́, считая кампанію оконченною, довольствовались высылкою легкихъ судовъ къ различнымъ пунктамъ Финскаго и Ботническаго заливовъ; эти экспедиціи не имѣли — да и не могли имѣть — никакихъ результатовъ, кромѣ разоренія приморскихъ построекъ и случайнаго истребленія мирныхъ жителей; съ войсками-же нашими у Союзниковъ не произошло ни одной замѣчательной встрѣчи. Въ началѣ (въ половинѣ) августа, были отправлены въ Англію и Францію всѣ пришедшія въ негодность бомбарды; за тѣмъ, постепенно уходили прочія суда, такъ что въ началѣ ноября оставалась у Наргена лишь небольшая эскадра, да и та, при наступленіи первыхъ морозовъ, отплыла къ Келю ([22]).

Адмиралъ Непиръ, подвергшійся столь строгому осужденію за малый успѣхъ экспедиціи въ Балтику 1854 года, напечаталъ въ англійскихъ газетахъ письмо, въ которомъ изложилъ свое мнѣніе о бомбардированіи Свеаборга. Адмиралъ полагалъ, что съ тѣми

средствами, которыми располагало англійское адмиралтейство, надлежало увеличить число канонерских лодокъ и бомбардъ, (которыхъ у Дундаса было 43), по крайней мѣрѣ, до ста, что дало-бы возможность бомбардировать Свеаборгъ по-смѣнно, въ нѣсколько очередей, пока въ крѣпости не осталось-бы камня на камнѣ, и пока не открылся-бы путь кораблямъ къ Гельсингфорсу ([23]).

Союзники, и въ этомъ году, предприняли дѣйствовать въ Восточномъ Океанѣ.

Послѣ неудачнаго покушенія ихъ эскадры, въ 1854 году, на Петропавловскій портъ, англійскія, большею частью парусныя, суда, въ ней состоявшія, поступили подъ команду контръ-адмирала Брюса; къ нимъ присоединились нѣсколько французскихъ кораблей, контръ-адмирала Фурпипона. Союзники рѣшились повторить раннею весною нападеніе на Петропавловскъ, и съ этою цѣлью два англійскихъ парохода, 2-го (14-го) апрѣля, уже находились вблизи нашего порта. Англичане, полагая, что льды, заграждавшіе выходъ оттуда не позволятъ русскимъ судамъ оставить гавань прежде половины (конца) апрѣля, считали напраснымъ сторожить ихъ прежде этого времени. Пользуясь тѣмъ, наша эскадра, состоявшая изъ военныхъ судовъ: *Аврора*, *Двина*, *Оливуца* и транспортовъ: *Байкалъ* и *Иртышъ*, не будучи достаточно сильна для борьбы съ непріятелемъ, предупредила его покушеніе, пропилившись черезъ ледъ и отплывъ изъ Петропавловска, 5-го (17-го) апрѣля. Русскіе моряки, подъ начальствомъ контръ-адмирала Завойки, уходя въ море, забрали съ собою войска, въ числѣ 800 человѣкъ, съ орудіями и воен-

ными припасами, и всѣхъ чиновниковъ гражданскаго управленія.

Англичане, чрезъ нѣсколько дней, прибывъ къ Петропавловску, были крайне удивлены исчезновеніемъ нашей эскадры, которая, между тѣмъ, достигла устья рѣки Амура и стала подъ защитою сооруженныхъ тамъ береговыхъ батарей (24).

ГЛАВА XXXIX.

Дѣйствія въ Азіатской Турціи до совершеннаго обложенія Карса.

(Отъ мая по 1-е (13-е) августа 1855 г.).

Въ концѣ 1854 года, былъ назначенъ намѣстникомъ кавказскимъ и главнокомандующимъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ генералъ отъ инфантеріи Николай Николаевичъ Муравьевъ 1-й. Его ожидали съ нетерпѣніемъ на Кавказѣ.

Начавъ свое боевое поприще съ отличіемъ въ войнахъ 1812—1814 годовъ, онъ былъ посланъ, съ небольшимъ отрядомъ, въ 1819-мъ году, въ Хиву, чтобы войти въ сношенія съ ханомъ, и въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ собралъ весьма отчетливыя свѣдѣнія объ этой странѣ. Въ закавказскомъ походѣ 1829 года, онъ получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени и золотую шпагу съ бриліантами, снискавъ вполнѣ заслуженную славу отличнаго генерала; а въ 1831 году, командуя отрядомъ отборныхъ войскъ, участвовалъ въ штурмѣ Варшавы. Въ 1833 году, Муравьеву, въ чинѣ генералъ-маіора, дано было важное порученіе—съ дессантнымъ отрядомъ остановить Ибрагима-пашу, тогда угрожавшаго столицѣ Султана;

а впослѣдствіи, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, Николай Николаевичъ командовалъ 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. Затѣмъ, проведя нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ, онъ снова поступилъ на службу въ 1848 году и командовалъ гренадерскимъ корпусомъ. При назначеніи его намѣстникомъ кавказскимъ, ему уже было 62 года; но онъ былъ вполнѣ бодръ и замѣчательно энергиченъ.

Генералъ Муравьевъ, получивъ отличное—въ то время выходившее изъ ряда—образованіе, старался въ продолженіи всей своей жизни, пріобрѣтать новыя познанія. О свѣдѣніяхъ, касающихся до службы генеральнаго штаба—нечего и говорить: это было его спеціальностью. Онъ зналъ многіе языки и могъ объясняться почти на каждомъ изъ нихъ, какъ-бы на родномъ своемъ, съ чистымъ выговоромъ и оборотомъ рѣчи туземца, владѣя совершенно языками: польскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ; для татарскаго, еще въ полковничьемъ чинѣ, написалъ грамматику, весьма пригодную для нашихъ офицеровъ; а еврейскому—учился въ позднѣйшее время. Любилъ музыку, игралъ на многихъ инструментахъ и, бывши полковымъ командиромъ, иногда бралъ изъ рукъ музыкантовъ волторну, фаготъ, либо флейту, и игралъ съ хоромъ; садился и за фортепіано. Занимался рисованіемъ, и карикатуры, имъ набросанныя, были очень удачны. Къ сожалѣнію, при отличныхъ способностяхъ и при душевной добротѣ, онъ, будучи, тяжелаго, неуживчиваго характера, много терялъ въ сношеніяхъ—и съ равными, и съ подчиненными. Его самолюбіе не имѣло предѣла; его подозрительная недовѣрчивость оскорбляла самыхъ преданныхъ ему людей; а педантизмъ—доходилъ до крайности. Стараясь утвердить всѣхъ во мнѣніи, что не было части, которая не была-бы ему знакома—что не было знанія,

которое моглобъ быть ему чуждо, онъ подавлялъ всякую самостоятельность въ своихъ подчиненныхъ. Это было тѣмъ болѣе замѣтно, что характеръ его предшественника, князя Бебутова отличался совершенно противоположными чертами: на сколько Бебутовъ былъ привѣтливъ, ласковъ и сообщителенъ, на столько Муравьевъ былъ суровъ и замкнутъ въ самомъ себѣ; на сколько первый обладалъ даромъ привлекать къ себѣ своихъ подчиненныхъ, на столько другой чуждался ихъ; одинъ умѣлъ одушевлять своихъ солдатъ немногими простыми задушевными словами; другой старался на нихъ дѣйствовать краснорѣчивыми приказами (1).

Положеніе дѣлъ на Кавказѣ при назначеніи генерала Муравьева главнокомандующимъ было весьма затруднительно. Правда — побѣды, одержанныя въ походахъ 1853 и 1854 годовъ, превосходными кавказскими войсками, обезпечили на-время страну отъ новаго вторженія Турокъ; зимою 1854—1855 г. глубокіе снѣга, покрывшіе Аджарскій хребетъ, не только прекратили дѣйствія значительными силами, но прервали возможность набѣговъ, и только лишь въ Мингреліи и Гуріи, гдѣ климатъ несравненно умѣреннѣе и гдѣ почти во-все не бываетъ снѣга, случались на передовыхъ постахъ стычки, въ коихъ съ нашей стороны наиболѣе участвовали туземныя милиціи. Состояніе войскъ, собранныхъ въ Закавказьѣ, было весьма благопріятно для новаго главнокомандующаго, имѣвшаго возможность сосредоточить корпусъ, сильнѣйшій нежели тѣ, которые побѣждали Турокъ въ оба предшествовавшіе похода; большая часть ввѣренныхъ ему войскъ уже успѣла свыкнуться и съ климатомъ театра дѣйствій, и съ образомъ дѣйствій противника; къ тому-же, благодаря сношеніямъ съ воинственными Курдами, открытымъ еще при князѣ

Бебутовѣ, мы не только не опасались народной войны, но могли надѣяться на содѣйствіе значительной части народонаселенія Турціи.

Но, между тѣмъ, Турки усиленно готовились къ новому походу и, будучи возбуждаемы къ дѣятельности своими европейскими союзниками, собирали войска въ Эрзерумѣ, укрѣпляли, съ помощью иностранныхъ инженеровъ Карсъ и снабжали эту крѣпость продовольствіемъ, артиллеріею, порохомъ и снарядами. Съ другой стороны, Шамиль, повинуясь собственному фанатизму и внушеніямъ нашихъ непріятелей, угрожалъ вторженіемъ Закавказью, и даже возвращеніе къ нему его сына, бывшаго аманатомъ и получившаго воспитаніе въ Петербургѣ (²), не заставило его отказаться отъ враждебныхъ Россіи замысловъ, не смотря на то, что юный Шамиль постоянно хранилъ въ душѣ чувства преданности и благодарности къ Россійскому Монарху. Такимъ образомъ, въ это время, болѣе нежели когда-либо, надлежало принять мѣры для противодѣйствія горскимъ полчищамъ; а, вмѣстѣ съ тѣмъ, для имѣвшихся въ виду наступательныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи, было необходимо усилить войска, стоявшія на турецкой границѣ.

Новый главнокомандующій весьма основательно рѣшилъ эту трудную задачу. По прибытіи на Кавказскую линію, онъ оставался тамъ болѣе мѣсяца, вникая въ положеніе дѣлъ и знакомясь ближе съ своими будущими сподвижниками. Генералъ-маіоръ П. Н. Броневскій, человѣкъ знающій край и весьма честныхъ правилъ, вызванный главнокомандующимъ въ Ставрополь, сопровождалъ его, при поѣздкѣ на Владикавказъ до Грозной, и въ послѣдствіи былъ назначенъ правителемъ походной канцеляріи дѣйствующаго корпуса. Вообще генералъ Муравьевъ

отличался способностью — довольно рѣдкою въ высоко-поставленныхъ людяхъ — избирать достойныхъ сподвижниковъ; но — къ сожалѣнію — ознаменовалъ первый шагъ на новомъ поприщѣ своей дѣятельности поступкомъ, въ которомъ пришлось ему не разъ упрекать себя. Издавна бывши въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ княземъ Воронцовымъ, онъ изъявилъ свое неудовольствіе на прежнюю администрацію края въ письмѣ къ А. П. Ермолову, копіи котораго сдѣлались гласны на Кавказѣ и дошли до Петербурга. Въ этомъ письмѣ, быть-можетъ безъ намѣренія, была нарушена добрая слава Кавказскаго войска, что́ вызвало довольно рѣзкій отвѣтъ — письмо подполковника князя Святополка-Мирскаго къ П. Е. Коцебу.

Изъ числа войскъ, расположенныхъ на линіи, генералъ Муравьевъ счелъ нужнымъ отправить за Кавказъ 8 баталіоновъ резервной Кавказской дивизіи съ двумя пѣшими батареями и 3 донскихъ казачьихъ полка съ одною донскою казачьей батареею. Кромѣ того, изъ полковъ, расположенныхъ на Кавказской Линіи, были высланы люди для усиленія частей войскъ, отправленныхъ въ предъидущемъ году въ Закавказье. Вся Кавказская Линія состояла подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Козловскаго: *на правомъ флангѣ*, находилось 12 баталіоновъ, подъ командою генералъ-маіора Евдокимова; *въ центрѣ*, гдѣ командовалъ генералъ-маіоръ Грамотинъ — 5 баталіоновъ; *въ Владикавказскомъ округѣ* находился генералъ-маіоръ баронъ Вревскій съ 11-ю баталіонами; *на лѣвомъ флангѣ* стояли 13 баталіоновъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона (Александра Евстаф.) Врангеля. У Ставрополя, въ видѣ резерва, оставались 3 баталіона. Всего-же въ распоряженіи генерала Козловскаго было 44 баталіона, Кавалерія на Линіи состояла изъ 19-ти линейныхъ казачьихъ полковъ, пѣ-

КАРТА
ДЛЯ ОБЪЯСНЕНІЯ ДѢЙСТВІЙ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ ВОСТОЧНУЮ ВОЙНУ
1853–1856 годовъ

скольких резервных полков и сотень линейнаго-же войска, сформированных в 1854-м году, 10 ти донских казачьих полков и 4-х сотень дунайских казаков. На Лезгинской-же линии находились 11 баталіонов, которые, занимая большое пространство от крѣп. Нухи до рѣки Арагвы, были раздѣлены на два отряда: один, под начальством генерал-маіора князя Меликова, стоял в крѣп. Закаталах, а другой, под начальством генерал-маіора Ольшевскаго—у сел. Кварели. В резервѣ этих отрядов, у сел. Карагач, стояли три донских казачьих полка с донскою батареей и одним дивизіоном Нижегородских драгун, под начальством полковника Тихоцкаго. Кромѣ того, у Тифлиса был поставлен отряд из 6-ти баталіонов резервной дивизіи Кавказскаго корпуса с двумя батареями и одним донским казачьим полком, под начальством генерал-маіора Базина; остальные-же два баталіона этой дивизіи были направлены в Боржомское ущеліе ([3]).

Театр военных дѣйствій на нашей Азіятской границѣ с Турціей отдѣлен от Гуріи высокими Аджарскими горами, и по тому главныя силы дѣйствующаго корпуса, с наступленіем весны собиравшіяся у Александрополя, могли имѣть сообщеніе с Гурійским отрядом лишь кружным путем, чрез Ахалцых, Боржомское ущелье, Сурам и Кутаис; кратчайшій-же путь, чрез Аббас-Туман, Зикарское ущелье и сел. Багдат, был непроходим. Черноморье-же, а так-же Черноморское казачье войско и войска, занимавшія прежде береговую линію, по упраздненіи укрѣпленій, были поручены Наказному атаману Донскаго войска, генерал-адъютанту Хомутову.

Состояніе наших войск в Гуріи было бѣд-

ственно. Послѣ Чолокскаго дѣла, Гурійскій отрядъ, расположенный въ самыхъ нездоровыхъ мѣстахъ Гуріи, Имеретіи и Мингреліи, потерялъ такое множество людей отъ повальныхъ болѣзней, что наличное число войскъ уменьшилось почти на половину противъ прежняго. Главнокомандующій, узнавъ о столь печальномъ положеніи отряда, принялъ весьма неблагосклонно командующаго имъ генералъ-маіора князя Багратіона-Мухранскаго и поручилъ генералъ-лейтенанту Бриммеру изслѣдовать дѣло. Оказалось, что князь Багратіонъ, принявъ начальство надъ отрядомъ, находившимся въ почти отчаянномъ состояніи, перемѣстилъ войска въ болѣе здоровыя мѣста, улучшилъ продовольствіе и сдѣлалъ все, что было возможно (4).

Самъ-же генералъ Муравьевъ отправился въ Тифлисъ и наканунѣ прибытія туда, 28-го февраля (12-го марта), находясь на Пассанаурскомъ посту, получилъ извѣстіе о кончинѣ Императора Николая Павловича. Извѣстіе сіе, а равно и Высочайшій приказъ войскамъ нынѣ благополучно царствующаго Государя, данный 19-го февраля (3-го марта), были обнародованы, 2-го (14-го марта), въ присутствіи намѣстника, въ Тифлисѣ, на Александровской площади, послѣ чего отслужена соборнѣ экзархомъ Грузіи Исидоромъ панихида о упокоеніи души въ Бозѣ почившаго Монарха и послѣдовало торжественное принесеніе присяги на вѣрноподданство Его Императорскому Величеству Государю Императору, а въ заключеніе совершено молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ (5).

Наступила весна, но еще нельзя было открыть дѣйствія противъ непріятеля, потому что горы, отдѣлявшія отъ него наши войска, были завалены глубокимъ снѣгомъ. Главнокомандующій, пользуясь сво-

бодным временем, отправился, во второй половинѣ апрѣля, въ Гурію, и найдя тамошній отрядъ въ хорошемъ состояніи, донесъ Государю. что князя Багратіона-Мухранскаго считаетъ однимъ изъ надежнѣйшихъ своихъ сотрудниковъ (6).

Въ маѣ, войска, назначенныя въ дѣйствующій корпусъ, собрались къ указаннымъ для сосредоточенія ихъ пунктамъ. *Главныя силы*, при которыхъ находился самъ генералъ Муравьевъ, расположились у Александрополя и состояли подъ командою начальника артиллеріи Кавказскаго корпуса, генералъ-лейтенанта Бриммера, а командовавшему до того времени дѣйствующимъ корпусомъ, генералъ-лейтенанту князю Бебутову было ввѣрено, на время отсутствія главнокомандующаго, управленіе всею кавказскою линіей и Закавказскимъ краемъ, какъ по военной, такъ и по гражданской части, на особыхъ правахъ, утвержденныхъ Государемъ. *Отрядъ праваго крыла*, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ковалевскаго, занималъ крѣпости Ахалцыхъ и Ахалкалаки. *Отрядъ лѣваго крыла*, подъ начальствомъ генералъ-маіора Суслова, зимовалъ въ Эриванской губерніи, у подошвы Арарата.

Главныя силы дѣйствующаго корпуса тогда находились въ составѣ 21½ баталіона, 28-ми эскадроновъ, 49-ти конныхъ сотенъ и 10-ти батарей, всего-же въ числѣ 24,500 человѣкъ съ 76-ю орудіями (7).

Отрядъ генерала Ковалевскаго состоялъ изъ 12-ти баталіоновъ и одной дружины, 15-ти сотенъ казаковъ и конной милиціи, и двухъ батарей, въ числѣ около 10,200 челов. съ 16-ю орудіями (8), и, кромѣ того, для содержанія гарнизоновъ въ Ахалцыхѣ и Ахалкалаки, былъ назначенъ одинъ Грузинскій линейный баталіонъ, а для разъѣздовъ по границѣ собраны двѣ сотни Ахалцыхской конной милиціи.

Отрядъ Суслова состоялъ изъ 4-хъ баталіоновъ и 16-ти сотенъ казаковъ и милиціи съ одною батареей, въ числѣ до 5-ти тысячъ челов. при 8-ми орудіяхъ (9). Всего-же на пространствѣ отъ Ахалцыха до Эривани находилось около 40 тысячъ челов. при ста орудіяхъ.

Самъ главнокомандующій, отправясь изъ Тифлиса къ дѣйствующему корпусу, 10-го (22-го) мая, осмотрѣлъ на пути Нижегородскій драгунскій полкъ и, 13-го (25-го), въѣхалъ въ Александрополь, встрѣчаемый туземными ополченіями и густыми толпами жителей. Въ числѣ дружинъ, сопровождавшихъ новаго вождя, отличались живописнымъ костюмомъ недавно лишь покорившіеся русскому правительству Курды, въ шалевыхъ чалмахъ и красныхъ кафтанахъ, богато-вышитыхъ шелкомъ и золотомъ, съ длинными камышевыми пиками, на которыхъ развѣвались связки черныхъ перьевъ. По достиженіи городской черты, гдѣ стояло мѣстное армянское духовенство съ образами и хоругвями, главнокомандующій вышелъ изъ дорожнаго экипажа, приложился къ иконѣ и выслушалъ рѣчь, произнесенную однимъ изъ духовныхъ лицъ. Дальнѣйшее шествіе предводителя русскихъ силъ было торжественно: громкія восклицанія жителей, звуки туземной музыки (зурны) и ружейные выстрѣлы, раздававшіеся изъ народной толпы, сливались съ колокольнымъ звономъ городскихъ церквей и съ пушечною пальбою изъ крѣпости... (10).

17-го (29-го) мая, генералъ Муравьевъ отдалъ нѣсколько приказовъ по Отдѣльному Кавказскому корпусу. Въ первомъ изъ нихъ, главнокомандующій обращался вообще къ войскамъ, напоминая имъ собственные ихъ подвиги и доблести Котляревскаго и изъявляя свое уваженіе князю Бебутову; во второмъ,

по случаю порученія князю Бебутову начальства надъ войсками на Кавказѣ, не входящими въ составъ Дѣйствующаго корпуса, командованіе симъ послѣднимъ поручено генералъ-лейтенанту Бриммеру ([11]), и въ третьемъ, исчислены части, управленіе коими было возложено на князя Бебутова – „по довѣрію къ его опытности, знанію края и испытанной распорядительности"—именно: 1) штабъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса; 2) всѣ войска за Кавказомъ, кромѣ Дѣйствующаго корпуса; 3) Гурійскій отрядъ; 4) войска на Кавказской линіи и въ При-Каспійскомъ краѣ, и 5) всѣ военныя управленія и учрежденія, въ раіонахъ этихъ войскъ существующія. Кромѣ того, состоявшія въ вѣдѣніи генерала Хомутова, въ отношеніи военномъ, Черноморское казачье войско и Черноморская береговая линія, поручены князю Бебутову, по внутреннему ихъ управленію и хозяйственной части ([12]).

21-го мая (2-го іюня), главнокомандующій дѣлалъ смотръ всѣмъ войскамъ, собраннымъ къ тому времени въ Александрополь, въ составѣ: 21½ баталіоновъ, трехъ драгунскихъ и трехъ казачьихъ полковъ, двухъ сотенъ мѣстной и двухъ Карапапахской милиціи, 72-хъ орудій и осаднаго парка. Какъ тогда въ каждомъ баталіонѣ было на лицо отъ 750-ти до 800 штыковъ, то генералъ Муравьевъ счелъ полезнымъ составить во всѣхъ полкахъ изъ трехъ гренадерскихъ ротъ пятые баталіоны, такъ что на смотру было 26½ баталіоновъ, изъ числа коихъ въ каждомъ полку былъ одинъ четырехъ-ротный и четыре трехъ-ротные ([13]). Это правило соблюдалось и въ другихъ полкахъ, въ послѣдствіи присоединившихся къ Александропольскому отряду.

Кавказская пѣхота, кромѣ стрѣлковаго баталіона, была вооружена старыми кремневыми ружьями; 18-я

дивизія имѣла ударныя ружья. Артиллерія, ремонтируемая черноморскими лошадьми, отличалась движимостью по самымъ плохимъ дорогамъ, и даже безъ дорогъ; матеріальная-же часть кавказскихъ батарей находилась въ плохомъ состояніи: орудія въ нихъ были старой конструкціи, и при томъ тогда обыкновенно отправляли на Кавказъ орудія уже бывшія на службѣ и потомъ исправленныя. Регулярная кавалерія (драгуны) была превосходна во всѣхъ отношеніяхъ, а изъ иррегулярной кавалеріи Линейные казаки и Кабардинская сотня могли быть поставлены образцемъ, по боевой опытности, расторопности людей и выносливости лошадей ([14]).

Въ числѣ разноплеменныхъ мѣстныхъ милицій, прибывшихъ въ Александрополь въ концѣ мая (въ началѣ іюня), замѣчательны: Охотники полковника Лорисъ-Меликова и Курды. Первые, въ составѣ трехъ сотень, представляли сборище людей всякаго состоянія: Армянъ, какъ нашихъ, такъ и турецкихъ подданныхъ, жителей нашихъ мусульманскихъ провинцій, Карапапаховъ, турецкихъ Грековъ, бѣглыхъ отъ насъ и изъ Турціи, и даже лицъ духовнаго званія. Они отличались знаніемъ мѣстности, отвагою и ловкостью. Трудно было сохранить между ними порядокъ, по безпрестанному измѣненію состава всадниковъ, то являвшихся на службу, то произвольно уходившихъ. Неугомонныя ссоры между этими безпокойными людьми нерѣдко оканчивались убійствами. Тѣмъ не менѣе однакоже дружина Лорисъ-Меликова оказывала большія услуги, доставляя отрядамъ лазутчиковъ и проводниковъ; не было курьеровъ, болѣе надежныхъ для пересылки важныхъ бумагъ въ отдаленныя мѣста. Изъ Курдовъ, мусульманъ, добровольно поступившихъ въ русскую службу, было сформировано два полка: 1-й, изъ жителей нашей эри-

ванской губерніи, находился въ Эриванскомъ отрядѣ, а 2-й, въ которомъ одна сотня состояла изъ Іезидовъ (чертопоклонниковъ) и было много Курдовъ, перешедшихъ къ намъ изъ турецкихъ владѣній—въ Александропольскомъ отрядѣ. Эти всадники не приносили большей пользы, но могли служить для поддержанія сношеній съ ихъ соотечественниками, ненавидѣвшими Турокъ и готовыми возстать противъ Порты.

Осадный паркъ, (оставленный, при выступленіи Дѣйствующаго корпуса за границу, въ Александрополѣ), состоялъ изъ слѣдующихъ орудій: четырехъ 24-хъ-фунт. пушекъ; двухъ 18-ти-фунт. пушекъ; двухъ пудовыхъ и четырехъ полу-пудовыхъ единороговъ, четырехъ двухъ-пудовыхъ мортиръ и восьми Кегорновыхъ мортирокъ ([15]).

Снабженіе Дѣйствующаго корпуса продовольствіемъ, въ продолженіи всего похода, производилось слѣдующимъ образомъ: хлѣбъ въ зернѣ доставлялся въ Александрополь изъ Зардоба, частью-же изъ Эривани и Борчалинскаго участка, по распоряженію интендантства; перемолка производилась въ окрестностяхъ Александрополя, на мельницахъ, которыя, по контракту, были обязаны перемалывать въ сутки по 300 четв. пшеницы, но, за мелководіемъ, не могли это исполнять; а перепеченье въ хлѣбъ и сухари дѣлалось войсками, оставленными въ городѣ, въ составѣ 9-ти ротъ; кромѣ того, въ Делижанскомъ ущельѣ и въ Караклисѣ, гдѣ дрова были въ изобиліи, приготовлялись сухари изъ той части хлѣба, которая подвозилась въ мукѣ. Въ послѣдствіи служили важнымъ пособіемъ средства театра военныхъ дѣйствій, и въ особенности захваченные нашими войсками огромные запасы турецкой арміи. Подножнымъ кормомъ можно было снабжать

лошадей и скотъ не прежде конца мая (начала іюня) (16).

Перевозочныя средства Дѣйствующаго корпуса. Для артиллеріи: летучій паркъ, изъ 110-ти зарядныхъ ящиковъ и два подвижныхъ парка, по 40 зарядныхъ ящиковъ; къ послѣднимъ двумъ придавалось по 40 паро-конныхъ повозокъ, нанятыхъ у Молаканъ, и по 40 аробъ, для возки патронныхъ ящиковъ, капсюлей, коломази и проч. такъ, что при корпусѣ въ паркѣ былъ комплектъ зарядовъ на 80 орудій и слишкомъ полкомплекта патроновъ на всю пѣхоту и кавалерію. Для возки жизненныхъ запасовъ, было назначено 3,000 воловыхъ аробъ и 1,000 вьючныхъ лошадей, на коихъ вообще можно было поднять 36-ти-дневный провіантъ на все наличное число людей въ корпусѣ. Но какъ надлежало отдѣлить часть аробъ для облегченія перевозокъ въ Александропольскій магазинъ, то подвижной магазинъ состоялъ изъ 1,600 подводъ съ 20-ти-дневнымъ запасомъ сухарей, крупъ, спирту, соли и ячменя, кромѣ 10-ти-дневнаго запаса при войскахъ. При корпусѣ были госпитали: одинъ подвижной на ста арбахъ и два кадренныхъ; медиковъ было достаточно и въ числѣ ихъ—нѣсколько отличныхъ хирурговъ (17).

22-го мая (3-го іюня), Дѣйствующій корпусъ, прощаясь съ своимъ бывшимъ начальникомъ, давалъ ему обѣдъ, на которомъ присутствовалъ главнокомандующій, а хозяиномъ былъ генералъ Бриммеръ. Ни время, ни средства небольшаго города, не дозволили участвовать въ этомъ военномъ праздникѣ всѣмъ желавшимъ изъявить уваженіе и признательность генералу Бебутову, и по тому пришлось ограничиться штабомъ, генералами, штабъ-офицерами и геор-

гіевскими кавалерами. Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, отъѣзжая въ Тифлисъ, сходилъ съ боеваго поприща со славою побѣдителя подъ Кадыкларомъ и Кюрюкъ-Дара, глубоко чтимаго своими сослуживцами и подчиненными ([18]).

Въ то время, когда генералъ Муравьевъ готовился вторгнуться въ предѣлы Азіятской Турціи, непріятельская армія еще не успѣла оправиться отъ пораженія ею понесеннаго въ 1854 году. Послѣ сраженія при Кюрюкъ-Дара, Зарифъ-паша успѣлъ собрать въ Карсѣ не болѣе 18-ти тыс. человѣкъ. Анатолійская армія была вполнѣ разстроена и терпѣла нужду во всемъ. Войска питались со дня на день, грабя окрестныя селенія. Солдаты не получали жалованья уже болѣе двухъ лѣтъ; одежда и обувь большей части ихъ пришли въ жалкое состояніе. Побѣги были обычнымъ дѣломъ; случалось также, что войска бунтовались безнаказанно ([19]). Полковникъ Вилліамсъ, присланный съ нѣсколькими англійскими офицерами въ Карсъ, въ качествѣ коммисара отъ великобританскаго правительства, нашелъ, что, вмѣсто 33-хъ тыс. человѣкъ, числившихся на провіантѣ въ турецкой арміи, было на лицо, вмѣстѣ съ больными и нестроевыми, только 14,600 человѣкъ. Принявъ на себя непринадлежавшую ему власть распорядителя дѣйствіями турецкой арміи, Вилліамсъ стѣснилъ власть ея главнокомандующаго и долженъ былъ участвовать въ его отвѣтственности. Но, вмѣсто того, онъ, слагая ее совершенно съ себя, жаловался министру иностранныхъ дѣлъ, графу Кларендону, не только на турецкихъ генераловъ, но и на англійскаго посланника въ Константинополѣ, лорда Редклифа, который, по словамъ Вилліамса, не под-

держивалъ его представленій о доставкѣ всего необходимаго для арміи. Чтобы придать болѣе вѣса англійскому агенту, его, по настоянію Редклифа, вскорѣ произвели въ генералъ-маіоры и дали ему въ войскахъ Султана соотвѣтственный чинъ ферика и званіе Вилліамсъ-паши. По его-же неудовольствію на принявшаго въ концѣ 1854 года начальство надъ Анатолійскою арміей, Шукри-пашу, на мѣсто этого турецкаго генерала былъ назначенъ муширъ Васифъ-Мешедъ-паша, человѣкъ съ независимымъ состояніемъ и благонамѣренный, но старый, слабо-характерный и мало-свѣдущій въ военномъ дѣлѣ. Генералъ Вилліамсъ и находившіеся при немъ англійскіе офицеры были очень довольны новымъ главнокомандующимъ, при которомъ могли распоряжаться по собственному усмотрѣнію. Начиная съ марта мѣсяца 1855 года, самъ Вилліамсъ, съ адъютантомъ своимъ капитаномъ Тиселемъ, занимался укрѣпленіемъ Эрзерума, гдѣ работы по инженерной части были проектированы и начались еще въ предшествовавшемъ году подъ руководствомъ италіянскаго полковника Каландрелли, участвовавшаго въ оборонѣ Рима въ 1848 году. Самъ Вилліамсъ и Тисдель съ ранняго утра до ночи находились на высотахъ, гдѣ сооружались укрѣпленія для защиты Эрзерума, возбуждая усердіе Турокъ личнымъ участіемъ въ работахъ. Вилліамсъ успѣлъ даже привлечь туда множество рабочихъ изъ христіанъ, увѣривъ ихъ, что впредь турецкія власти будутъ смотрѣть на нихъ, какъ на полноправныхъ гражданъ. Въ продолженіи зимы и въ началѣ весны, по требованію Вилліамса, были присланы къ нему англійскіе офицеры: инженеръ-полковникъ Лекъ, артиллеріи маіоръ Ольфертъ и стрѣлковый капитанъ Томпсонъ. Изъ числа ихъ Лекъ и Томпсонъ были отправлены въ Карсъ,

гдѣ первый, продолжалъ инженерныя работы, начатыя Тиделемъ, а маіоръ Ольфертъ былъ посланъ въ Баязетъ. Кромѣ того укрѣплялись позиціи на пути, ведущемъ отъ Баязета къ Эрзеруму: у сел. Керпи-Кёвъ, у Гассанъ-Калы и на перевалѣ у Деве-Бойну, въ 10-ти верстахъ отъ Эрзерума: послѣдняя дѣйствительно имѣла важное значеніе для обороны Эрзерума; что-же касается до прочихъ, то малая польза ихъ оказалась изъ того, что Турки въ послѣдствіи оставляли ихъ почти безъ боя ([20]).

Городъ Карсъ лежитъ на возвышеніи праваго берега Карсъ-чая; на западной сторонѣ Карса находится цитадель, а къ востоку отъ города, въ низинѣ, предмѣстье Байрамъ-паша; къ югу—другое предмѣстье Орта-Капи; къ западу, по лѣвую сторону Карсъ-чая, насупротивъ города и предмѣстья Орта-Капи—третье предмѣстье Тамиръ-паша. Къ югу отъ Карса, по правую сторону рѣки, простирается обширная равнина съ незначительными холмами; къ востоку высится крутая гора Кара-дагъ, а къ западу, по лѣвую сторону Карсъ-чая, многія высоты, изъ коихъ наибольшія находятся въ разстояніи около трехъ верстъ къ юго-западу отъ города.

Въ маѣ 1855 года, укрѣпленія Карса состояли, кромѣ цитадели и каменной стѣны отдѣлявшей городъ отъ предмѣстій, изъ окоповъ нижняго лагеря, батарей на Карадагскихъ высотахъ и отдѣльныхъ батарей на высотахъ лежащихъ вдоль лѣваго берега Карсъ-чая. Укрѣпленія нижняго лагеря образовали двойную ограду: внутренняя прикрывала южную часть предмѣстья Орта-Капи, а внѣшняя, изъ отдѣльныхъ батарей, связанныхъ междую собою непрерывнымъ валомъ, простиралась на пять верстъ,

отъ Колтукъ-табіа, у подошвы Карадага, до Текъ-табіи, у праваго обрывистаго берега Карсъ-чая; главными укрѣпленіями здѣсь были: Гафизъ-паша-табіа и Канлы-табіа, расположенныя на высотахъ, командующихъ позади лежащею мѣстностью. На Карадагѣ были сооружены: Зіаретъ-(Карадагъ) табіа, обстрѣливавшая доступы къ нижнему лагерю по александропольской дорогѣ, и обширное укрѣпленіе Арабъ-табіа, у самаго обрыва на правомъ берегу Карсъ-чая. На лѣвой сторонѣ Карсъ-чая, важнѣйшимъ пунктомъ былъ Вели-паша-табіа (въ послѣдствіи—фортъ-Лекъ), на высотѣ, командовавшей, какъ всею мѣстностью лѣваго берега рѣки, такъ цитаделью и Карадагомъ. Весьма важна была также Чимъ-табіа (Вассифъ-паша-табіа), защищавшая доступы къ предмѣстью Тамиръ-паша и могшая обстрѣливать внутренность нижняго лагеря. Кромѣ того, правѣе форта Лекъ, были устроены четыре батареи, связанныя между собою брустверомъ: крайняя, у самаго обрыва Карсъ-чая, Тиздель-табіа; Томпсонъ-табіа; Зорабъ-табіа и Чорчиль-табіа. Турки называли всю линію этихъ батарей—Инглизъ-табіа (англійскія батареи). Всѣ укрѣпленія Карса были хорошо устроены, въ отношеніи выбора мѣстности, но внѣшняя линія нижняго лагеря, по числу войскъ гарнизона, была слишкомъ обширна. Для сообщенія между войсками, расположенными по обѣ стороны Карсъ-чая, кромѣ двухъ постоянныхъ каменныхъ мостовъ, находившихся въ городѣ, были наведены два понтонныхъ моста, между Чимъ-табіа и Текъ-табіа; въ послѣдствіи-же, уже во время блокады, для сообщенія между Арабъ-табіа и англійскими батареями, былъ сооруженъ каменный мостъ съ деревянною настилкою. Не смотря на довольно

значительную ширину рѣки (болѣе 7-ми саж.), вся работа этого моста была окончена въ три дня ([21]).

Что касается до стратегической важности Карса, то эта крѣпость дѣйствительно можетъ имѣть значеніе, при наступательныхъ дѣйствіяхъ Турокъ въ наши предѣлы, какъ складочный пунктъ запасовъ для снабженія арміи; въ оборонительномъ-же отношеніи, она можетъ на время доставить убѣжище разбитой или отступающей арміи, но не прикрываетъ ни Эрзерума, ни Анатоліи, потому что движеніе вовнутрь этой страны всегда возможно, или мимо Карса, отдѣливъ для наблюденія за сею крѣпостью часть силъ, или по другимъ путямъ: отъ Ардагана на Ольту, либо отъ Баязета, сперва по долинѣ верхняго Ефрата, а потомъ долиною Аракса.

Передъ открытіемъ кампаніи, въ маѣ 1855 года, турецкія войска въ Анатоліи были расположены слѣдующимъ образомъ: 20 тыс. челов. въ Карсѣ; до 6-ти тыс. челов. въ долинѣ верхняго Ефрата, у Сурбъ-Оганеса; около 1,500 челов. въ Эрзерумѣ; небольшіе отряды въ Ардаганѣ, Ольтѣ и Кагизманѣ; отдѣльный Батумскій корпусъ, силою въ 15 тысячъ челов. былъ разбросанъ по берегу Чернаго моря, до Сухума. Пѣхота Анатолійской арміи состояла изъ полковъ арабистанскихъ и анатолійскихъ и изъ редифа. Арабистанцы справедливо считались лучшимъ войскомъ, а редифъ (резервъ), сформированный изъ отпускныхъ солдатъ, былъ наименѣе устроенною частью арміи. Кромѣ того, въ составѣ Анатолійской арміи были три стрѣлковыхъ баталіона, (изъ коихъ одинъ гвардейскій), вооруженные штуцерами. Регулярная кавалерія, на тощихъ лошадяхъ, вооруженная плохими карабинами и бракованными саблями, была еще хуже баши-бузуковъ. Артиллерія составляла лучшую часть арміи ([22]).

Что касается до начальниковъ турецкаго войска, то въ числѣ ихъ были лучшими: командиръ арабистанской дивизіи Керимъ-паша, *старый Турокъ* — какъ онъ называлъ самъ себя — безъ всякаго образованія, но испытанный въ бояхъ и любимый своими подчиненными, называвшими его *Баба-Керимъ* (дѣдушка — Керимъ). Гуссейнъ-паша, родомъ изъ черкесскаго племени Убыховъ, былъ замѣчателенъ отвагою и любознательностью. Гешимъ-Оглу, бывшій житель Борчалинской дистанціи, бѣжавшій къ Туркамъ, весьма опасный для нашихъ пограничныхъ областей своими набѣгами, хищничествомъ и знаніемъ мѣстности.

Очевидно, что Турки не могли и помышлять о вторженіи въ наши предѣлы. Анатолійская армія была назначена только для обороны Карса и границы до Баязета, т. е. для прикрытія путей ведущихъ къ Эрзеруму. Въ такихъ обстоятельствахъ, надлежало принять мѣры къ снабженію продовольствіемъ Карса. Не трудно было пріобрѣсть необходимое количество хлѣба въ плодородной Анатоліи, и главная забота состояла въ доставкѣ его. Генералъ Вилліамсъ, видя нерадивость и корыстолюбіе турецкихъ властей, домогался, чтобы ему было присвоено званіе главнаго интенданта Анатолійской арміи, и хотя не успѣлъ въ томъ, однако-же достигъ своей цѣли чрезъ Васифъ-пашу, который разрѣшилъ ему надзоръ въ Эрзерумѣ за покупкою и отправленіемъ провіанта въ Карсъ. Пользуясь тѣмъ, Вилліамсъ, съ обычною ему дѣятельностью, приступилъ къ найму у жителей окрестной страны вьючнаго скота и, кромѣ того, подрядилъ въ персидскихъ пограничнымъ областяхъ чарводаровъ, занимавшихся перевозкою товаровъ изъ Тавриса въ Трапезунтъ, и обратно. Въ концѣ мая, уже былъ доставленъ 4-хъ-

мѣсячный провіантъ для войскъ тогда находившихся въ Карсѣ; но какъ, между тѣмъ, гарнизонъ усилился прибывшими подкрѣпленіями, то собранные запасы оказались недостаточными; тѣ-же, которые были свезены въ магазины за Саганлугомъ, въ мѣстечкѣ Енги-кёвъ и окрестныхъ селеніяхъ, оставались тамъ всю зиму и не могли уже быть перевезены въ Карсъ ([23]).

Въ половинѣ (въ концѣ) мая, когда уже нельзя было скрывать нашихъ приготовленій къ переходу за границу, Вассифъ-паша, въ отсутствіи Вилліамса, тогда бывшаго въ Эрзерумѣ, собралъ въ Карсѣ военный совѣтъ, на которомъ изложилъ: во 1-хъ, что армія, занимая Карсъ, не защищаетъ ни проходовъ чрезъ Саганлугъ, ни Эрзерума; во 2-хъ, что турецкая армія недостаточно сильна для обороны обширныхъ карсскихъ укрѣпленій, и въ 3-хъ, что, въ случаѣ осады Карса, трудно подать помощь тамошнему гарнизону. На основаніи этихъ соображеній, было рѣшено: не удерживая Карса, очистить его и занять проходы чрезъ Саганлугскія горы. Вилліамсъ, между тѣмъ, узнавъ о предстоящемъ наступленіи русскаго корпуса, выѣхалъ изъ Эрзерума въ Карсъ и на пути туда получилъ письмо Васифа, съ предложеніемъ оставить Карсъ и ограничиться обороною путей къ Эрзеруму, но по прибытіи въ Карсъ, 27 мая (8-го іюня), убѣдилъ турецкаго главнокомандующаго отказаться отъ его намѣренія и оборонять Карсъ во чтобы то ни стало ([24]).

Главными предметами первоначальныхъ дѣйствій русской арміи могли быть Эрзерумъ и Карсъ. При движеніи къ Эрзеруму можно было миновать Карсъ, двинувшись отъ Ахалкалаки, на крѣпостцу Ардаганъ

и Ольту, либо отъ Баязета, на Топрахъ-Кале и Кернпкёвъ. Но дѣйствія по обоимъ этимъ направленіямъ, весьма окольнымъ и пересѣченнымъ высокими горами, могли быть предприняты только второстепенными отрядами. Главныя-же наши силы должны были направиться прямо къ Карсу, противъ собраннаго тамъ значительнаго турецкаго корпуса. Легко было предвидѣть, что Турки, послѣ понесенныхъ ими въ 1853 и 1854 годахъ пораженій, не отважатся выдти въ поле; съ другой стороны нельзя было двигаться далѣе, не оставя подъ Карсомъ, для наблюденія за гарнизономъ этой крѣпости, по крайней мѣрѣ, половины Дѣйствующаго корпуса, что лишило-бы его возможности предпринять вторженіе вглубь страны. И по тому надлежало, прежде всего, взять Карсъ, чтобы уничтожить большую часть Анатолійской арміи. Но за тѣмъ предстоялъ вопросъ: какъ овладѣть Карсомъ? Открытою-ли силою, или правильною осадою? Первый способъ, при штурмѣ крѣпости, занятой гарнизономъ, почти равносильнымъ съ нашимъ дѣйствующимъ корпусомъ, былъ сопряженъ съ опасностью понести неудачу въ самомъ началѣ кампаніи; а для правильной осады мы не имѣли достаточныхъ средствъ, да если-бы они и были, то нельзя было предпринять осаду, имѣя противъ себя непріятеля, угрожавшаго съ нѣсколькихъ сторонъ: извѣстно было, что въ Эрзерумѣ собирались войска, шедшія изъ Діарбекира и Моссуля, и что близъ Баязета стоялъ Вели-паша, усилившій свой отрядъ туземными ополченіями до 12-ти тысячъ человѣкъ; ходили слухи, что Англичане готовились сдѣлать высадку въ Персидскомъ заливѣ, и проч. Оставалось овладѣть Карсомъ посредствомъ блокады. Но по обширности внѣшнихъ укрѣпленій Карса, пришлось-бы растянуть циркумъвалаціонную линію на протяженіи около 50 верстъ,

и по тому, чтобы не раздроблять силъ, надлежало, расположась на одномъ изъ главныхъ сообщеній крѣпости, наблюдать и пресѣчь прочія сильными отрядами.

На основаніи этихъ соображеній, генералъ Муравьевъ предполагалъ:

Во 1-хъ, ставъ на главномъ сообщеніи Карса съ Эрзерумомъ, окружить крѣпость посредствомъ движенія сильныхъ конныхъ отрядовъ съ артиллеріею.

Во 2-хъ, занять крѣпость Ардаганъ и городъ Кагызманъ. Черезъ Ардаганъ проходитъ сообщеніе Карса съ Батумомъ и съ Аджаріею — притономъ воинственныхъ племенъ, усиливавшихъ карскій гарнизонъ; а Кагызманъ—цвѣтущій городокъ на берегу Аракса, заключающій въ себѣ до 800 домовъ, изобилуетъ жизненными запасами и, будучи въ нашихъ рукахъ, могъ оградить насъ отъ нападеній Курдовъ. Къ тому-же въ Кагызманѣ соединяются трудные горные пути, ведущіе въ долину восточнаго Ефрата и вверхъ по Араксу къ сел. Керпи-кёвъ, лежащему на дорогѣ къ Эрзеруму.

Въ 3-хъ, лишить непріятеля продовольственныхъ запасовъ, собранныхъ на пути къ Эрзеруму, въ Енгикёвъ и другихъ селеніяхъ.

Въ 4-хъ, неожиданнымъ и быстрымъ движеніемъ части Дѣйствующаго корпуса, вмѣстѣ съ Баязидскимъ (Эриванскимъ) отрядомъ, напасть на Велипашу ([25]).

Готовясь къ выступленію за границу, генералъ Муравьевъ предписалъ генералъ-лейтенанту Ковалевскому, съ большею частью войскъ Ахалцыхскаго отряда, собранною у Карзаха, двинуться на Ардаганъ для присоединенія къ главнымъ силамъ Дѣйствующаго корпуса; а генералъ-маіору Суслову, съ войсками бывшаго Эриванскаго отряда—наступать

по долинѣ верхняго Ефрата. Главныя-же силы оставались у Александрополя только до появленія подножнаго корма. Движеніе ихъ оттуда было совершено двумя колоннами, изъ коихъ авангардная, выступившая 24-го мая (5 іюня), подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Нирода, состояла изъ гренадерской (*) и сводной драгунской бригадъ, 6-ти сотень Сборнаго линейн. казачьяго № 2 полка и 2-хъ сотень Карапапахской милиціи, съ тремя пѣшими и двумя конными батареями ([26]). Войска эти, перейдя черезъ Арпачай, нѣсколько ниже Александропольской крѣпости, частью въ бродъ, частью по мосту на козлахъ, двинулись на Тихнисъ къ Пирвали, имѣя при себѣ лишь строевой обозъ. Подножнаго корма было еще такъ мало, что для кавалерійскихъ и артиллерійскихъ лошадей надлежало доставить сѣно изъ Александрополя.

Въ слѣдъ за авангардомъ, 26-го мая (7 іюня), выступила главная колонна, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта, князя Гагарина, въ составѣ трехъ полковъ 18-й пѣхотной дивизіи, одной роты Кавказскаго сапернаго баталіона (**), Нижегородскаго драгунскаго полка, 6-ти сотень Сборнаго линейн. казачьяго № 1 полка и 5-ти сотень Донскаго казачьяго № 4 полка, съ тремя съ половиною пѣшими и одною конною батареями ([27]). За колонною главныхъ силъ слѣдовали: летучіе парки № 19 и № 21, подвижной госпиталь и подвижной магазинъ, съ 20-ти-дневнымъ запасомъ сухарей, крупъ и ячменя для всего отряда, сорока бочками спирта и 1,000 пудовъ соли. Войска

(*) Двѣ роты женатыхъ солдатъ гренадерской бригады оставлены въ Александрополѣ.

(**) Три роты Тульскаго пѣхотнаго полка и три роты саперъ оставлены въ Александрополѣ. Эти войска, вмѣстѣ съ двумя ротами гренадерской бригады, были назначены для инженерныхъ работъ и перепеченія муки въ сухари.

этой колонны, перейдя через Арпачай, ниже Александропольской крѣпости, двинулись на Мулла-Мусса къ сел. Карахану,

На слѣдующій день, 27-го мая (8 іюня), генералъ-лейтенантъ Ковалевскій выступилъ изъ Карзаха, съ двумя пѣхотными полками, 5-ю сотнями Донскихъ казачьихъ № 2 и № 21 полковъ, при 12-ти орудіяхъ, къ Ардагану ([28]). Конно-мусульманскому № 3 полку, шедшему въ Ахалкалаки, приказано идти форсированнымъ маршемъ на присоединеніе къ отряду. Провіанта при отрядѣ имѣлось на семь дней. Генералъ Ковалевскій въ три перехода достигъ сел. Ольчекъ и узнавъ тамъ, что Ардаганцы не хотѣли защищать своего города, двинулся туда, 30-го мая (11-го іюня), съ половиною своего отряда, оставя другую при вагенбургѣ въ Ольчекѣ; на маршѣ его встрѣтили городскіе старшины съ изъявленіемъ покорности. По занятіи Ардагана оказалось, что всѣ орудія и запасы были оттуда вывезены Турками. Ковалевскій, приказавъ подорвать тамошнія укрѣпленія, возвратился въ Ольчекъ.

Генералъ Муравьевъ, еще до полученія свѣдѣній о занятіи Ардагана, выслалъ, 30-го мая (11 іюня), для открытія сообщеній съ Ковалевскимъ, генералъ-маіора Бакланова, съ летучимъ отрядомъ, въ составѣ двухъ дивизіоновъ Нижегородскихъ драгунъ, Сборнаго линейнаго № 1-го полка и 4-хъ орудій Донской № 7 батареи. Въ тотъ-же день, былъ выдвинутъ къ Займу, для прикрытія каменнаго моста на Карсъчаѣ и сообщенія съ Баклановымъ и Ковалевскимъ, отрядъ, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ Тульскаго полка, 4-хъ сотень Сборнаго линейн. № 2-го полка и 4-хъ орудій батарейной № 2 батареи 13-й артиллерійской бригады, подъ начальствомъ генералъ-маіора Фетисова ([29]).

3-го (15-го) іюня, въ окрестностяхъ Агджы-кала и Займа, собрались главныя силы Дѣйствующаго корпуса, въ числѣ до 21,200 челов. пѣхоты, 3,000 регулярной и 3,000 иррегулярной кавалеріи, съ 88-ю орудіями. Между тѣмъ, еще на-канунѣ, была произведена рекогносцировка къ Карсу полковникомъ Камковымъ съ четырьмя сотнями линейнаго № 2-го полка; а 4-го (16-го) іюня, самъ главнокомандующій предпринялъ усиленную рекогносцировку, съ 16-ю баталіонами, двумя драгунскими и Сборнымъ линейнымъ № 2-го полками, и съ частью артиллеріи. Главная колонна, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Гагарина, двинулась по направленію къ высотѣ Карадагу. Пѣхота остановилась въ разстояніи четырехъ верстъ отъ горной подошвы, а кавалерія подалась нѣсколько впередъ. Со стороны Турокъ также были высланы два полка баши-бузуковъ, которые завязали перестрѣлку съ нашими милиціонерами. Генералъ Муравьевъ приказалъ Камкову атаковать ихъ. Линейные казаки, поддержанные 4-мя эскадронами драгунъ Вел. Кн. Николая Николаевича (Тверскаго) полка, съ 4-мя конными орудіями и съ конно-ракетною командою гвардіи поручика Усова, кинулись въ атаку, что́ заставило баши-бузуковъ и выѣхавшихъ имъ въ помощь уланъ быстро отступать къ укрѣпленіямъ. Кавказская, Кубанская и Горская сотни, смѣшавшись съ Турками, уходившими въ разсыпную, рубили ихъ и не прежде прекратили преслѣдованіе, какъ попавъ подъ выстрѣлы Карадагскихъ батарей. Съ нашей стороны въ этомъ дѣлѣ убито 4 и ранено 14 человѣкъ; непріятель потерялъ болѣе 50-ти челов. убитыми и плѣнными ([30]).

Одновременно съ этою рекогносцировкою, другая колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Броневскаго, была направлена влѣво къ высотамъ Ма-

лыя-Ягны, откуда генералъ-маіоръ Ходзько произвелъ глазомѣрную съемку Карса и укрѣпленнаго лагеря ([31]).

Генералъ Вилліамсъ, принявъ нашу рекогносцировку за покушеніе штурмовать Карсъ, донесъ о дѣлѣ 4-го (16) іюня, какъ объ отбитомъ штурмѣ ([32]).

На слѣдующій день, генералъ-лейтенантъ Ковалевскій, съ однимъ баталіономъ Виленскихъ егерей, пятью сотнями Донскаго № 2-го полка и двумя батарейными орудіями 18-й бригады, отправился въ Ахалкалаки, съ порученіемъ охранять границу и ввести новое мѣстное управленіе въ отхваченныхъ нашими войсками турецкихъ санджакахъ (округахъ). Въ распоряженіи Ковалевскаго были оставлены 6 баталіоновъ съ 12-ю орудіями. Въ тотъ-же день, 5-го (17) іюня, отправлены въ Александрополь, за провіантомъ арбяный и черводарскій транспорты, подъ прикрытіемъ 2-го и 3-го баталіоновъ Виленскаго полка, съ 4-мя орудіями легкой № 8-го батареи 18-й артилл. бригады, которые должны были смѣнить 1-й баталіонъ Тульскаго полка и 4 легкія орудія, оставленныя въ Александрополѣ; кромѣ того, въ прикрытіе транспортовъ былъ назначенъ Конно-Мусульманскій № 2 полкъ.

Генералъ Муравьевъ, присоединивъ къ главнымъ силамъ большую часть Ахалцыхскаго отряда, предпринялъ фланговое движеніе, для угроженія сообщеніямъ карсскаго гарнизона съ Эрзерумомъ, отъ Агджа-Кала къ сел. Махараджихъ. Съ этою цѣлью, войска выступили изъ лагеря, 6-го (18) іюня, въ пять часовъ утра, нѣсколькими параллельными колоннами. Правая, ближайшая къ Карсу, (наблюдательный отрядъ), подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Нирода, состояла изъ Новороссійскаго и Нижегородскаго драгунскихъ полковъ, съ Донскими казачьими

№ 6 и № 7 батареями, и имѣла въ прикрытіи справа: двѣ сотни охотниковъ Лорисъ-Меликова, сотню Карапапахской и двѣ сотни Горской милиціи. Лѣвѣе наблюдательнаго отряда шли прочія войска, въ двухъ колоннахъ, изъ коихъ въ одной—боевыя линіи, а въ другой—резервъ; впереди первой, ближайшей къ непріятелю, двигался авангардъ, изъ пяти сотень Донскаго № 4 полка съ линейною казачьею № 13 батареей и одною ракетною командою, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бакланова, а въ аріергардѣ этой колонны—пѣхота, прежде стоявшая въ авангардѣ у Займа, подъ начальствомъ генералъ-маіора Васмунда, которая, по достиженіи равнины, должна была усилиться полками: Тверскимъ драгунскимъ и Сборнымъ линейнымъ № 2, съ ракетною командою. Полковые обозы двигались гораздо лѣвѣе войскъ, по колесной дорогѣ, на Визинъ-кёвъ, а въ прикрытіе имъ назначены: одна рота саперъ, баталіонъ Рязанскаго полка и двѣ сотни сборнаго линейнаго № 1 полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шоперта. Наконецъ, всѣ вольно - наемные транспорты и оба подвижные артиллерійскіе парки шли окольною дорогою, въ три перехода, на Кюрюкъ-Дара, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ Виленскаго егерскаго полка и трехъ сотень Конно-Мусульманскаго № 2 полка, начальство надъ коими было поручено генералъ-маіору Фрейтагъ-фонъ-Лерингофу (33).

Къ вечеру 6-го (18-го) іюня, войска и полковые обозы собрались въ лагерѣ у Махараджиха, въ полупереходѣ отъ Карса, а 8-го (20-го) пришла тудаже колонна Фрейтагъ-фонъ-Лерингофа и прибылъ вновь сформированный Куртинскій № 2 полкъ. Въ продолженіи всего времени нашего флангового марша, Турки оставались спокойно въ своемъ укрѣпленномъ

лагерѣ, и уже тогда, когда нашъ корпусъ расположился на позиціи, выслали за рѣку на Чахмахскія высоты большую часть кавалеріи (34).

Проливные дожди, начавшіеся вскорѣ по прибытіи русскихъ войскъ къ Махараджиху, продолжались цѣлую недѣлю. Весь лагерь обратился въ болото, а рѣка Карсъ-чай, отъ таянія снѣговъ на Саганлугѣ, выступила изъ береговъ и затопила равнину. Дальнѣйшее движеніе главныхъ силъ на сообщенія непріятеля было весьма затруднительно; но поиски легкихъ отрядовъ по эрзерумской дорогѣ производились ежедневно. 8-го (20-го) іюня, полковникъ Камковъ, съ казаками Сборнаго линейнаго № 2 полка, подъ самыми стѣнами крѣпости, захватилъ и доставилъ въ нашъ лагерь часть непріятельскаго каравана, прибывшаго по эриванской дорогѣ. Добыча состояла въ 168-ми мѣшкахъ сарачинскаго пшена, 8-ми верблюдахъ и 180-ти штукахъ вьючнаго скота. Въ тотъ-же день, главнокомандующій, получивъ свѣдѣніе, что Турки собрали большіе запасы провіанта, для отправленія ихъ въ Карсъ, въ селеніяхъ Беглы-Ахметѣ и Чаплахлы, на эрзерумской дорогѣ, выслалъ туда генералъ-маіора Бакланова, съ двумя дивизіонами Нижегородскихъ драгунъ, четырьмя сотнями Линейныхъ и одною сотнею Донскихъ казаковъ, двумя сотнями горской милиціи и 40 охотниками, при 4-хъ донскихъ орудіяхъ и ракетной командѣ. На слѣдующій день, 9-го (21) іюня, для поддержанія Бакланова, былъ выдвинутъ въ селеніе Ардостъ отрядъ, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ гренадерской бригады, съ 4-мя орудіями 1-й легкой батареи, подъ начальствомъ полковника князя Тарханова-Моуравова, и тогда-же получено донесеніе отъ Бакланова о захватѣ имъ въ селеніяхъ Беглы-Ахметѣ и Чаплахлы до тысячи четвертей ячменя и полутораста пудовъ

сухарей, изъ коихъ часть была роздана войскамъ отряда, другая нагружена на армянскія арбы для доставленія въ лагерь, остальные же всѣ запасы сожжены. 10-го (22) іюня, отрядъ генерала Бакланова возвратился въ Махараджихъ (35).

Въ продолженіи экспедиціи Бакланова, были захвачены горскими сотнями двѣ почты, шедшія въ Карсъ съ корреспонденціею изъ Константинополя и Трапезунта. Генералъ Муравьевъ приказалъ переслать въ Карсъ всѣ частныя письма, адресованныя на имя Вилліамса и состоявшихъ при немъ офицеровъ, а равно вещи имъ посланныя отъ родныхъ и знакомыхъ, и цѣлую кипу газетъ. Англичане были весьма признательны генералу Муравьеву, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣдились въ утратѣ прямаго сообщенія съ Эрзерумомъ, что̀ заставило ихъ отправлять корреспонденцію изъ Карса по окольному пути на Ольти, да и тотъ вскорѣ былъ прерванъ нашими войсками.

13-го (25-го) іюня, погода прояснилась. Генералъ Муравьевъ, пользуясь тѣмъ, выслалъ, въ слѣдующую ночь, на поискъ къ сел. Энги-кёвъ, отставнаго полковника князя Андронникова, съ Конно-Мусульманскимъ № 1-го полкомъ и Кабардинскими сотнями. Самъ-же главнокомандующій, для ближайшаго угроженія непріятельскимъ сообщеніямъ, перевелъ, 16-го (28-го) іюня, войска дѣйствующаго корпуса отъ Махараджиха къ сел. Каны-кёвъ, (въ 12-ти верстахъ къ югу отъ Карса). Хотя этотъ переходъ былъ не болѣе 6-ти верстъ, однако-же представилъ чрезвычайныя затрудненія; войска, встрѣчая на каждомъ шагу разлившіеся ручьи, находились на маршѣ цѣлые 10 часовъ (36). Еще во время пребыванія у Махараджиха, генералъ Муравьевъ получилъ отъ военнаго министра письмо, коимъ онъ извѣщалъ о желаніи Государя, — „чтобы наступательныя дѣйствія

были направлены къ скорѣйшему достиженію рѣшительныхъ успѣховъ, необходимость коихъ съ каждымъ днемъ увеличивается при настоящемъ оборотѣ дѣлъ въ Крыму" ([37]). Но генералъ Муравьевъ, по обзорѣ Карскихъ укрѣпленій, 14-го (26-го) іюня, утвердился въ своемъ убѣжденіи объ опасности неотлагательнаго штурма.

Почти одновременно съ переходомъ главныхъ силъ корпуса черезъ границу открылись дѣйствія Эриванскаго отряда.

Въ продолженіи зимы 1854—1855 годовъ, этотъ отрядъ, поступившій подъ начальство генералъ-маіора Суслова, былъ расположенъ на квартирахъ въ эриванской губерніи и, оставаясь въ прежнемъ составѣ, по распоряженію генерала Муравьева, былъ укомплектованъ старослужащими людьми, высланными изъ полковыхъ штабовъ, до числа въ 4-хъ-ротныхъ баталіонахъ 1,000, а въ трехъ-ротныхъ—750-ти штыковъ ([38]). Кромѣ того, къ 1-му (13-му) іюня, ожидалась, нанятая милиція, именно: двѣ сотни бекской дружины, пять сотенъ конно-мусульманскаго № 4 полка и пять сотенъ Курдовъ, набранныхъ въ нашихъ и турецкихъ владѣніяхъ ([39]).

Со стороны Турокъ, бывшій Ванскій корпусъ, въ половинѣ (въ концѣ) мая, находился въ составѣ 7-ми баталіоновъ, двухъ полковъ регулярной кавалеріи, по 600 коней въ каждомъ, при 22-хъ орудіяхъ, и нѣсколькихъ сотъ баши-бузуковъ, всего-же въ числѣ до 7,000 человѣкъ. Послѣ понесеннаго въ 1854 году пораженія, непріятель, не отваживаясь выжидать насъ въ полѣ, устроилъ укрѣпленный лагерь у монастыря Сурбъ-Оганесъ ([40]).

Къ 15-му (27-му) мая, прибыли къ Эриванскому отряду транспорты для возки подвижныхъ провіантскаго магазина, артиллерійскаго парка и госпиталя,

въ числѣ 170-ти ароб̀ъ и 810-ти черводарскихъ лошадей. и почти всѣ ожидаемыя подкрѣпленія. Генералъ Сусловъ просилъ о разрѣшеніи перейти черезъ Агри-дагъ въ предѣлы Турціи, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, на южныхъ склонахъ горъ, уже можно было найти подножный кормъ. 24-го мая (5-го іюня) пришло изъ главной квартиры корпуса просимое разрѣшеніе — перейти въ Турцію и стать на дорогѣ къ Сурбъ-Оганесъ, но запрещено искать встрѣчи съ непріятелемъ безъ особаго на то предписанія; а къ 31-му мая (12-му іюня) пѣхота, артиллорія и транспорты отряда были собраны къ деревнѣ Чурухчи, для движенія по кратчайшей дорогѣ къ Сурбъ-Огенасу, на Каравапъ-сарай, и тогда-же вся кавалерія перешла за Агри-дагъ. На другой день, 1-го (13-го) іюня, послѣдовала за нею пѣхота съ артиллеріей; а 3-го (15-го) весь отрядъ расположился у Дутага, въ 35-ти верстахъ отъ турецкаго лагеря. Между тѣмъ главнокомандующій, еще не получивъ отъ Суслова донесеніе о переходѣ его черезъ границу и имѣя въ виду согласить его наступленіе съ дѣйствіями главныхъ силъ, приказалъ, чтобы Эриванскій отрядъ двинулся къ Абасъ-гёлю и ни въ какомъ случаѣ не переходилъ хребта. Когда-же въ главной квартирѣ корпуса было получено свѣдѣніе о переходѣ Эриванскаго отряда въ Турцію, то главнокомандующій разрѣшилъ ему тамъ остаться ([11]). Послѣдующія событія вполнѣ оправдали распоряженія генерала Муравьева. Конечно — еслибы генералъ Сусловъ, находясь въ разстояніи болѣе ста верстъ отъ главной квартиры, рѣшился принять на свою отвѣтственность нападеніе на Вели-пашу и разбилъ его, то переходъ его за границу имѣлъ-бы рѣшительныя послѣдствія; но, вмѣсто того, онъ, расположась въ значительномъ разстояніи отъ непріятеля,

наблюдалъ за нимъ такъ плохо, что допустилъ его уйти незамѣтно изъ укрѣпленнаго лагеря. По всей вѣроятности, еслибы Сусловъ не переходилъ черезъ горы, то Вели-паша остался-бы долѣе въ своемъ лагерѣ, что́ подало-бы нашимъ войскамъ возможность атаковать его съ двухъ сторонъ и совершенно уничтожить Ванскій отрядъ. Но несвоевременное наступленіе Суслова, за которымъ послѣдовало бездѣйствіе его, продолжавшееся цѣлую недѣлю, остерегло Турокъ. 11-го (23-го) іюня, Вели-паша отступилъ по эрзерумской дорогѣ, оставя, для прикрытія своего движенія, двѣ сотни регулярной кавалеріи и двѣ сотни баши-бузуковъ, подъ начальствомъ Балюль-паши. Генералъ Сусловъ, получивъ о томъ свѣдѣніе уже на другой день, выступилъ, 13-го (25-го), со всею кавалеріей отряда, за которою слѣдовали на-легкѣ два баталіона Ширванскаго полка съ двумя орудіями къ Сурбъ-Оганесу, гдѣ засталъ (неизвѣстно за чѣмъ остававшагося тамъ такъ долго) Балюль-пашу. Полковникъ Хрещатицкій, высланный впередъ съ полусотнею казаковъ, сотнею бековъ и Куртинскимъ полкомъ, атаковалъ непріятеля, опрокинулъ его и гналъ на разстояніи болѣе 20-ти верстъ. Со стороны Турокъ убито до 70-ти человѣкъ и захвачены въ плѣнъ: самъ Балюль-паша, начальникъ регулярныхъ сотенъ Гассанъ-ага и 19 нижнихъ чиновъ; а съ нашей стороны убитъ урядникъ Донскаго № 23-го полка Переходновъ и ранены 4 милиціонера. Переходновъ, атлетъ сложеніемъ, любитель боевыхъ подвиговъ, преслѣдовалъ Турокъ, скача впереди казаковъ и убивая по одиночкѣ бѣгущихъ пока, наконецъ, оставшись одинъ въ толпѣ непріятелей, былъ застрѣленъ въ упоръ однимъ изъ Курдовъ ([42]).

Для охраненія сообщеній Эриванскаго отряда, былъ оставленъ въ Сурбъ-Оганесъ маіоръ Кореиц-

кій, съ 5-мъ баталіономъ Мингрельскаго полка, двумя орудіями и сотнею Армянъ Конно-Мусульманскаго № 4-го полка; ему-же была подчинена казачья сотня, отряженная въ Баязетъ. Самъ-же Сусловъ двинулся къ Топрахъ-кале и вступилъ туда 20-го іюня (2-го іюля), забравъ по пути огромные турецкіе запасы и отправя ихъ въ Сурбъ-Оганесъ. Между тѣмъ Вели-паша, по прибытіи въ Керпи-кёвъ, сталъ окапываться тамъ, выславъ на ольтинскую дорогу два баталіона, подъ начальствомъ Захари-бея, который рѣшась достигнуть Карса, направился туда окольнымъ путемъ, на Пенякъ и Папаскеръ, къ Чакмакскимъ высотамъ, и присоединился къ карскому гарнизону ([43]).

Генералъ Муравьевъ, имѣя въ виду отвлечь часть непріятельскихъ силъ изъ Крыма, предполагалъ идти къ Эрзеруму, но, какъ, при этомъ движеніи, должно было раздѣлить войска Дѣйствующаго корпуса на два отряда, оставя одинъ изъ нихъ подъ Карсомъ, то главнокомандующій счелъ нужнымъ присоединить къ главнымъ силамъ часть войскъ оставленныхъ въ Закавказьѣ. Съ этою цѣлью, онъ потребовалъ изъ отряда генералъ-маіора Чаплица, стоявшаго близъ Елисаветполя, два баталіона Мингрельскаго полка, съ 4-мя орудіями, и отъ резерва, собраннаго у Тифлиса, пятые баталіоны Грузинскаго гренадерскаго и Лейбъ-карабинернаго полковъ, съ 4-мя легкими орудіями, и Донской казачій № 35 полкъ. Изъ этихъ войскъ, карабинерному баталіону предписано идти въ Ахалкалаки, а прочимъ—въ Александрополь, куда также долженъ былъ прибыть и первый баталіонъ Виленскаго полка, по смѣнѣ его карабинерами. Тогда-же предписано генералъ-лейтенанту Ковалевскому сдать команду въ Ахалцыхѣ генералъ-маіору Базину и пріѣхать въ лагерь подъ Карсомъ ([11]).

Въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій, главнокомандующій предпринялъ экспедицію за Саганлугъ, для истребленія турецкихъ запасовъ. Подъ Карсомъ былъ оставленъ наблюдательный отрядъ, подъ начальствомъ князя Гагарина, въ составѣ: 14-ти баталіоновъ, одной саперной роты, одной стрѣлковой роты, 10-ти эскадроновъ и 7-ми сотень, всего же до 11,000 чел. съ 36-ю орудіями (45); а для перехода черезъ Саганлугъ назначенъ отрядъ, подъ начальствомъ Бриммера, въ составѣ 15-ти баталіоновъ, 18-ти эскадроновъ и 28-ми сотень, всего-же около 12,500 чел. съ 40 орудіями и 16-ю ракетными станками (46). При этомъ отрядѣ находился самъ главнокомандующій. Чтобы облегчить движеніе войскъ, взяты были только патронные ящики, лазаретныя фуры и артельныя повозки; провіантъ и ячмень на семь дней были подняты на черводарскихъ лошадяхъ. Отрядъ, выступивъ изъ лагеря при Каны-кёвъ, 17 (29-го) іюня, пришелъ, на слѣдующій день, къ подошвѣ Саганлуга и расположился за селеніемъ Чаплахлы. Въ ночи, генералъ Баклановъ былъ посланъ съ легкимъ отрядомъ, въ составѣ 3-хъ баталіоновъ, 4-хъ эскадроновъ и 6-ти сотень, съ казачьей батареею и ракетною командою, къ селенію Бардусу, гдѣ, по свидѣтельству лазутчиковъ, были собраны большіе непріятельскіе запасы. Баклановъ, перейдя черезъ хребетъ на разсвѣтѣ 19-го іюня (1-го іюля), нашелъ неоконченное и брошенное Турками укрѣпленіе, оставилъ тамъ два баталіона, драгунъ и артиллерію, подъ начальствомъ полковника князя Дондукова-Корсакова, а самъ съ Донскимъ полкомъ, ротою стрѣлковъ и карабинернымъ баталіономъ, спустился по весьма крутому склону къ Бардусу, гдѣ захвачено до 3-хъ тысячъ четвертей разнаго хлѣба, 200 вьюковъ съ артиллерійскими снарядами, а такъ-

же экипажи и пожитки генералъ-интендапта турецкой арміи. Въ тотъ-же день, Баклановъ настигъ въ 12-ти верстахъ отъ Бардуса большой транспортъ съ провіантомъ и затопивъ въ рѣчкѣ запасы, доставилъ арбы и воловъ въ Бардусъ. Между тѣмъ, главныя силы отряда перешли гребень Саганлуга и расположились у Хана, не доходя Бардуса. Высланные впередъ охотники полковника Лорисъ-Меликова открыли значительные запасы въ сел. Енги-кёвѣ, и потому, 20-го іюня (2-го іюля), былъ выдвинутъ туда генералъ Бриммеръ, съ двумя баталіонами, наканунѣ занявшими турецкое укрѣпленіе, тремя стрѣлковыми ротами и полками Новороссійскимъ драгунскимъ, 1-мъ мусульманскимъ и Куртинскимъ, при 13-й Линейной казачьей батареѣ. Генералъ Бриммеръ, пройдя чрезъ Енги-кёвъ и Карауртанъ къ Зевину, захватилъ въ первыхъ двухъ селеніяхъ огромное количество запасовъ, которыхъ часть была роздана войскамъ, другая отправлена въ лагерь подъ Карсомъ на арбахъ и вьюкахъ, а все остальное сожжено и затоплено. Всего-же увезено и уничтожено, по меньшей мѣрѣ, 30 тыс. четвертей. Такимъ образомъ достигнувъ предположенной цѣли, главнокомандующій, 22 іюня (4-го іюля), стянулъ войска къ турецкому укрѣпленію и два дня спустя отвелъ ихъ обратно къ сел. Каны-кёвъ ([17]). Для наблюденія за дорогами ведущими черезъ Саганлугъ, былъ оставленъ на вершинѣ его, подъ начальствомъ князя Дондукова, летучій отрядъ, въ составѣ двухъ эскадроновъ Нижегородскихъ драгунъ, двухъ сотенъ линейныхъ казаковъ, двухъ сотенъ горской милиціи, сотни Курдовъ Іезидовъ, 50-ти охотниковъ и ракетной команды. Для прикрытія-же этого войска съ тыла, расположенъ у сел. Тикме, на Карсъ-чаѣ, подъ начальствомъ Бакланова, другой отрядъ, изъ 4-хъ эскадроновъ

Нижегородскихъ драгунъ, сотни Сборнаго Линейнаго полка и Донской № 7 батареи. Отряду генерала Суслова было предписано возвратиться въ Сурбъ-Оганесъ, въ слѣдствіе чего онъ расположился близъ этого пункта, у сел. Миранка (48).

Во все продолженіе экспедиціи за Саганлугъ, цѣлую недѣлю, Турки стояли спокойно въ своихъ укрѣпленіяхъ и не тревожили князя Гагарина, имѣя возможность атаковать его двойными силами. Старый, но бодрый духомъ, Керимъ-паша предлагалъ въ совѣтѣ карсскихъ начальниковъ воспользоваться отсутствіемъ отряда, высланнаго къ Саганлугу и напасть на войска, остававшіяся подъ крѣпостью; но Вилліамсъ постоянно отвергалъ всякое наступленіе, будучи убѣжденъ въ неспособности Турокъ къ такимъ дѣйствіямъ.

Одновременно съ саганлугскою экспедиціей, полковникъ князь Вахтангъ Орбеліани разбилъ непріятельскій отрядъ, вышедшій изъ Карса по направленію къ Ахалкалаки. Полковникъ князь Дондуковъ, оставленный на Саганлугѣ, у Ханы, съ отрядомъ, въ числѣ 850-ти челов. открывъ, 24-го іюня (6-го іюля), баши-бузукскую партію, человѣкъ въ 200, пробиравшуюся чрезъ Бардусское ущелье на Енгикёвъ, отрядилъ туда часть милиціи, которая разсѣяла баши-бузуковъ; вслѣдъ за тѣмъ, князь Дондуковъ, узнавъ отъ лазутчиковъ о намѣреніи Велипаши—послать отъ Керпи-кёвъ противъ него сильный отрядъ, снялся съ своей позиціи у Ханы, въ ночи съ 25-го на 26-е (на 8-е іюля), и сдѣлалъ переходъ болѣе 40 верстъ, безъ дорогъ, лѣсными балками, въ окрестности мѣст. Менджигерта, разглашая, будтобы за нимъ идутъ главныя силы. За тѣмъ, простоявъ на мѣстѣ весь день и приказавъ пробить на имѣвшихся при драгунскомъ дивизіонѣ барабанахъ вечернюю

зорю и зажечь большіе костры, онъ перешелъ въ ночи къ уроч. Милледюзе. Тамъ узналъ онъ о движеніи черезъ Зевинъ и расположеніи на ночлегъ между этимъ селеніемъ и Хана турецкой партіи, посланной для развѣданія о нашемъ летучемъ отрядѣ. Какъ очевидно было, что эта партія не осмѣлилась-бы двинуться такъ далеко впередъ, если-бы за нею не слѣдовалъ сильнѣйшій турецкій отрядъ, то князь Дондуковъ, ожидая быть атакованнымъ, рѣшился предупредить нападеніе, перешелъ высоты, отдѣлявшія его отъ мѣста ночлега Турокъ, и на разсвѣтѣ атаковалъ ихъ совершенно врасплохъ. Непріятели, въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ, частью были истреблены, частью разсѣялись, оставя на мѣстѣ до сорока тѣлъ. Самъ начальникъ ихъ Черкесъ-бекъ ускакалъ въ сопровожденіи только нѣсколькихъ всадниковъ. Захвачено 34 плѣнныхъ, множество лошадей, оружія, и проч. Съ нашей стороны убитъ офицеръ горской сотни и ранено 7 милиціонеровъ ([49]).

Въ ночи съ 25-го на 26-е іюня (съ 7-го на 8-е іюля) изъ конно-мусульманскаго № 2-го полка, стоявшаго въ сел. Огузлы, для охраненія сообщенія Дѣйствующаго корпуса съ Александрополемъ, бѣжалъ въ Карсъ помощникъ полковаго командира, полковника Едигарова, подполковникъ Омеръ-бекъ, уведя съ собою обманомъ до 30-ти человѣкъ, кои однакоже всѣ, за исключеніемъ четырехъ, на другой день, возвратились въ нашъ лагерь. Появленіе этого бѣглеца въ Карсѣ до того обрадовало Турокъ, что муширъ тотчасъ произвелъ его въ бригадные генералы, что̀ доставило ему званіе паши, а для отличія его отъ турецкаго генералиссимуса назвали его Московъ-Омеръ-пашею ([50]).

Главнокомандующій, предполагая распространить

кругъ дѣйствій своихъ по лѣвую сторону Карсъ-чая, перевелъ 27-го іюня (9-го іюля), черезъ рѣку, близъ сел. Тикме, отрядъ Бакланова и усилилъ его Тульскимъ егерскимъ полкомъ съ 4-мя батарейными орудіями. На слѣдующій день, полковникъ генер. штаба Рудановскій произвелъ рекогносцировку турецкихъ укрѣпленій по лѣвую сторону рѣки, подъ прикрытіемъ 4-хъ эскадроновъ Нижегородскихъ драгунъ, 4-хъ сотень линейнаго № 1-го и 4-хъ сотенъ конно-мусульманскаго № 1-го полковъ, съ 4-мя конными орудіями. Отрядъ нашъ, миновавъ Шорахскія высоты и двинувшись по направленію къ Чакмаху, настигъ колесный транспортъ, возвращавшійся въ крѣпость съ накошенною травою, подъ прикрытіемъ баши-бузуковъ, которые, какъ только завидѣли нашу кавалерію, разсѣялись, бросивъ весь транспортъ изъ 30-ти арбъ, и вмѣстѣ съ нимъ 45 воловъ и 4 лошади, при чемъ также были нами захвачены 27 баши-бузуковъ и погонщиковъ. Въ продолженіи двухъ часовъ, которые требовались для обзора и съемки окрестной мѣстности, вышелъ изъ-за окоповъ сильный турецкій отрядъ; но непріятель не отважился отойти далѣе картечнаго выстрѣла отъ своихъ батарей, и только лишь баши-бузуки завели перестрѣлку съ казаками ([51]).

Генералъ Муравьевъ, постепенно стѣсняя кругъ дѣйствій карсскаго гарнизона, перевелъ, 30-го іюня (12-го іюля), свой корпусъ на лѣвую сторону Карсъ-чая, къ селенію Тикме, въ 10-ти верстахъ отъ Карса, и присоединилъ къ себѣ отрядъ Бакланова; а на прежней позиціи, у Каны-кёвъ, оставилъ Ряжскій пѣхотный полкъ, съ легкою № 7-го батареей 18-й артиллерійской бригады и сотнею казаковъ, подъ начальствомъ полковника Ганецкаго. Этотъ наблюдательный отрядъ былъ назначенъ для прикрытія

горной дороги, по которой двигались къ Дѣйствующему корпусу транспорты изъ Александрополя.

Расположеніе главныхъ силъ у Тикме представляло многія выгоды. Рѣка протекала близъ самаго лагеря; подножный кормъ еще не былъ вытравленъ; жители позади-лежащей страны, совершенно отрѣзанные отъ Карса, подчинились русскому владычеству и доставляли въ нашъ лагерь съѣстные припасы, за которые имъ платили звонкою монетою; наконецъ—почти всѣ пути изъ Карса въ Эрзерумъ были отрѣзаны.

30-го іюня (12-го іюля), въ тотъ самый день, когда корпусъ перешелъ на новую позицію, была произведена рекогносцировка непріятельскаго расположенія со стороны Шорахскихъ высотъ генералъ-маіоромъ Ходзько, подъ прикрытіемъ Тверскаго драгунскаго полка, двухъ сотенъ Сборнаго линейнаго № 2 полка и сотни охотниковъ Лорисъ-Меликова, съ четырьмя конными орудіями. На слѣдующій день, самъ главнокомандующій, съ большою частью корпуса, произвелъ усиленную рекогносцировку въ томъ-же направленіи. Эти обозрѣнія удостовѣрили насъ въ томъ, что позиція непріятельская была весьма сильна, и что Турки дѣятельно сооружали новыя укрѣпленія. И дѣйствительно—еще въ то время, когда нашъ корпусъ былъ расположенъ у Махараджиха, генералъ Вилліамсъ озаботился усилить крѣпость съ западной стороны, по его мнѣнію, наиболѣе подверженной нападенію ([52]).

Для стѣсненія блокады Карса, тамъ, гдѣ сообщенія крѣпости еще оставались свободны, генералъ Муравьевъ считалъ наиболѣе полезнымъ дѣйствовать легкими отрядами. Цѣль перваго поиска позади Карса заключалась въ томъ, чтобы, обогнувъ крѣпость, дойти, ниже ея, до лѣваго берега рѣки, при

чемъ особенно требовалась быстрота дѣйствій, и потому отрядъ былъ составленъ изъ кавалеріи съ небольшимъ числомъ орудій. (12 эскадроновъ и 11½ сотень, съ 8-ю конными орудіями и ракетною командою). Начальство надъ этими войсками, въ числѣ 2,600 всадниковъ, было поручено генералу Бакланову (53). Выступивъ изъ лагеря при Тикмѣ, 3-го (15-го) іюля, Баклановъ обошелъ Карсъ, неожиданно появился къ сѣверу отъ крѣпости, разсѣялъ тамъ непріятельскихъ фуражировъ и, пройдя въ этотъ день около 50-ти верстъ, расположился на ночлегъ на ардаганской дорогѣ, у сел. Джелауса. Разъѣзды его достигали Омерага, не встрѣтивъ никого, кромѣ разбойничьихъ шаекъ: такимъ образомъ распространивъ страхъ въ тылу непріятеля, Баклановъ возвратился въ лагерь при Тикме (54). Другой летучій отрядъ, въ числѣ тысячи всадниковъ, съ 4-мя ракетными станками, подъ начальствомъ полковника барона Унгернштернберга, по распоряженію главнокомандующаго, былъ высланъ изъ Ахалкалаки (55) на перерѣзъ путей ведущихъ изъ Батума и Эрзерума въ Карсъ. 7-го (19-го) іюля, былъ отряженъ командиръ Сборнаго линейн. № 2-го полка, полковникъ Камковъ, съ пятью сотнями, въ числѣ до 500 всадниковъ, и 4-мя ракетными станками, по направленію отъ селенія Тикме къ Ардагану. Пройдя чрезъ сел. Сапамъ-Оглы въ гельскій санджакъ, отрядъ Камкова возвратился въ лагерь. Вслѣдъ за тѣмъ, 10-го (22-го) іюля, былъ высланъ на ольтинскую дорогу командиръ драгунскаго Великаго Князя Николая Николаевича (Тверскаго) полка генералъ-маіоръ Куколевскій, съ Тверскими драгунами, Сборнымъ линейнымъ полкомъ № 1-го и Донскою батареей № 7-го. Отрядъ болѣе значительный, подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Нирода, былъ назначенъ для овладѣнія хлѣб-

нымъ транспортомъ изъ 400 вьюковъ, который, на основаніи полученнаго отъ Бардусскаго имама извѣстія, долженъ былъ пробраться изъ Ольты, кружною дорогою на Дадашинъ, мимо озера Ангеръ-гель, въ Карсъ. Отрядъ нашъ, обогнувъ Карсъ, вошелъ въ связь съ другимъ отрядомъ, въ составѣ нѣсколькихъ сотень конно-мусульманскаго № 2 полка, подъ начальствомъ полковника Едигарова, направленнымъ по правую сторону Карсъ-чая, отъ сел. Огузлы, мимо Карадага, къ Меликъ-кёвъ, но не открылъ непріятельскаго транспорта, вѣроятно по тому, что погонщики, собранные для перевозки провіанта, узнавъ о появленіи русскихъ войскъ, разсѣялись въ разныя стороны (56).

Отрядъ полковника Лорисъ-Меликова, въ составѣ двухъ эскадроновъ Нижегородскаго драгунскаго полка и пяти сотень казаковъ и милиціи, съ двумя ракетными станками, высланный изъ лагеря къ Кагызману, занялъ безъ сопротивленія сей городъ, 10-го (22) іюля, что́ дало намъ возможность, оставя прежнее управленіе въ санджакахъ кагызманскомъ и гечеванскомъ, (какъ и прежде было сдѣлано въ другихъ санджакахъ), пользоваться ихъ обильными средствами (57). Находившемуся при отрядѣ Лорисъ-Меликова, полковнику князю Дондукову-Корсакову было поручено пробраться изъ Кагызмана, черезъ Агридагъ, въ долину верхняго Ефрата, къ Эриванскому отряду, передать изустно генералу Суслову виды главнокомандующаго и возвратиться на Гечеванъ, стараясь изслѣдовать пути черезъ горный хребетъ, для чего были приданы ему офицеръ генеральнаго штаба и нѣсколько топографовъ. Полковникъ князь Дондуковъ, выступивъ, 12-го (24-го) іюля, съ конвоемъ изъ 40 донцовъ и нѣсколькихъ отборныхъ Курдовъ, перешелъ по весьма трудной, усѣянной

камнями, тропинкѣ, черезъ Агри-дагъ, помирилъ сражавшихся между собою туземцевъ и, пройдя въ этотъ день около 80-ти верстъ, пришелъ поздно вечеромъ къ отряду Суслова, расположенному у сел. Миранка, гдѣ исполнивъ данное ему порученіе, возвратился черезъ Топрахъ-кале и Гечеванъ въ лагерь при Тикме, 14-го (26) іюля ([58]).

16-го (28) іюля, присоединились къ Дѣйствующему корпусу три баталіона: одинъ Виленскаго и два Мингрельскаго полка, со взводомъ легкой № 8-го батареи 18-й артиллерійской бригады, а такъ-же остальныя сотни 35-го донскаго полка и грузинская дворянская дружина, въ составѣ двухъ сотень, подъ начальствомъ отставнаго гвардіи полковника князя Ивана Орбельяни ([59]).

Между тѣмъ Вели-паша укрѣплялся на позиціи у сел. Керпи-кёвъ, гдѣ присоединились къ его отряду войска, прибывшія изъ Эрзерума, и ополченія, собранныя въ окрестныхъ санджакахъ. Хотя его силы не превышали 12,000 чел. однакоже оказывали нравственное вліяніе на туземцевъ и мѣшали намъ довершить устройство покорныхъ нашему правительству мѣстныхъ управленій на пространствѣ по сю сторону Саганлуга. Генералъ Муравьевъ, желая уничтожить отрядъ Вели-паши, либо, по крайней мѣрѣ, оттѣснить его къ Эрзеруму, рѣшился снова перейти съ частью корпуса черезъ Саганлугъ и атаковать Турокъ, направя противъ нихъ съ другой стороны генерала Суслова съ Эриванскимъ отрядомъ ([60]).

Войска дѣйствующаго корпуса были раздѣлены на двѣ части, изъ коихъ одна назначалась въ экспедицію, а другая—для наблюденія осажденной крѣпости. Начальство надъ первою, при которой находился самъ главнокомандующій, было ввѣрено генералъ-лейтенанту Ковалевскому, а наблюдательный

отрядъ порученъ генералъ-лейтенанту Бриммеру. Въ инструкціи, ему данной главнокомандующимъ, было, между прочимъ, сказано: „не домогаться покоренія Карса до моего возвращенія, но воспользоваться вѣрнымъ случаемъ, который бы могъ къ тому представиться“.

Отрядъ Ковалевскаго состоялъ изъ слѣдующихъ войскъ:

Пѣхота.

Кавказск. гренад. бригады.	Гренадерскаго Вел. Князя Константина Николаевича (Грузинск.) полка.	2 бат.
	Лейбъ-карабинернаго (Эриванск.) Его Величества полка	2 „
13-й пѣх. дивизіи,	Виленскаго егерск. полка.	3 „
18-й пѣх. дивизіи	Бѣлевскаго егерск. полка.	2 „
	Тульскій егерскій полкъ.	5 „
21-й пѣх. дивизіи,	Мингрельскаго егерскаго полка	2 „
	Кавказскаго саперн. батал. двѣ роты.	1/2 „
	Кавказскаго стрѣлковаго батал. двѣ роты . . .	1/2 „

Всего 17 баталіоновъ.

Кавалерія.

Новороссійскаго драгунск. полка. . .	4 эскадрона.
Нижегородскаго драгунск. полка. . .	8 „
Донскаго казачьяго № 4 полка . . .	5 сотень.
Сборный линейн. казач. № 2 полкъ .	6 „
Дворянской грузинской дружины . .	2 сотни.
Конно-мусульманскій № 1 полкъ . .	5 сотень.
Куртинскаго полка № 2	2 сотни.
Охотниковъ Лорисъ-Меликова . . .	1 1/2 „

Всего 12 эскадр. и 21 1/2 сотня.

Артиллерія.

Кавказск. грен. бригады.	Батарейная № 1 батарея	8	орудій.
	Легкая № 1 батарея . .	8	„
13-й артилл. бриг.	Батарейная № 2 батарея.	8	„
18-й артилл. бриг.	Легкая № 6 батарея . .	8	„
	Донская каз. № 7 батарея	8	„
	Линейная каз. № 13 батар.	8	„
	Конно-ракетная команда	8	станк.

Всего 48 орудій и 8 станковъ.

Вообще-же, кромѣ артиллерійской прислуги, до 12,000 человѣкъ.

Составъ отряда Бриммера.

Пѣхота.

Кавказск. гренад. бригады.	Гренадерскаго Вел. Князя Константина Николаевича (Грузинск.) полка	$2^1/_2$	батал.
	Лейбъ-карабинернаго (Эриванск.) Его Величества полка	3	„
18-й пѣхот. дивизіи.	Рязанскій пѣхотный полкъ . .	5	„
	Ряжскій пѣхотный полкъ . . .	5	„
	Бѣлевскаго егерскаго полка . .	3	„
	Кавказскаго саперн. баталіона.	$^1/_2$	„
	Кавказскаго стрѣлк. баталіона.	$^1/_2$	„

Всего $19^1/_2$ баталіоновъ.

Кавалерія.

Тверской драгунскій полкъ	10	эскадр.
Новороссійскаго драг. полка	6	„
Донской казачій № 35 полкъ	6	сотень.
Сборн. линейн. казачій № 1 полкъ . .	6	„
Охотниковъ Лорисъ-Меликова.	$^1/_2$	„

Горской милиціи		2	сотни.
Карапапахской милиціи		1	„

Всего 16 эскадр. и 15½ сотень.

Артиллерія.

Кавказск. гренад. бригады, батарейная № 2 батарея		8	оруд.
18-й артилл. бригады.	Батарейная № 4 батарея	8	„
	Легкая № 7 батарея	8	„
	Легкая № 8 батарея	8	„.
	Донская казач. № 6 батарея	8	„
	Конно-ракетная команда	8	станк.

Всего 40 орудій и 8 станковъ.

Вообще-же, не считая артиллерійской прислуги, до 14,000 человѣкъ ([61]).

Генералъ Муравьевъ, предполагая атаковать внезапно Вели-пашу, чтобы не дать ему возможности уклониться отъ боя и отступить къ Эрзеруму, составилъ сильный авангардъ, изъ всей кавалеріи отряда Ковалевскаго, кромѣ оставленныхъ при главной колоннѣ, для форпостной службы, восьми конныхъ сотень ([62]). Этотъ авангардъ, въ числѣ 2,500 всадниковъ, съ 8-ю донскими орудіями и конно-ракетною командою, подъ начальствомъ полковника князя Дондукова-Корсакова, собрался, 18-го (30) іюля, на-канунѣ выступленія прочихъ войскъ отряда, на правомъ берегу Карсъ-чая, въ разстояніи перехода отъ Тикме по направленію къ Эрзеруму. Съ разсвѣтомъ 19-го (31-го) іюля, войска Дондукова, и за ними главныя силы Ковалевскаго, двинулись по эрзрумской дорогѣ, и въ тоже время Бриммеръ, съ своимъ отрядомъ, перейдя на правую сторону Карсъ-чая, спустился внизъ по рѣкѣ и расположилъ свой

лагерь въ четырехъ верстахъ отъ Карса, у развалинъ селенія Комацура.

Войскамъ Ковалевскаго были приданы подвижные парки 19-й и 21-й дивизій, подвижной госпиталь и подвижной магазинъ съ 10-ти-дневнымъ провіантомъ, кромѣ 11-ти-дневнаго, въ полковыхъ обозахъ и на людяхъ; а какъ, для сбереженія хлѣбныхъ запасовъ, назначено было замѣнять полфунта сухарей такимъже количествомъ мяса, независимо отъ положенной людямъ мясной порціи, то провіанта было достаточно на 28 дней. Замѣтимъ, что хотя чрезъ то улучшалась пища нашихъ солдатъ, однакоже они предпочитали обычную полную дачу хлѣба, либо сухарей, даже дурнаго качества ([63]).

Командовавшему авангардомъ, полковнику князю Дондукову было дано приказаніе: двигаться со всевозможною быстротою и пройдя сел. Зевинъ, повернуть вправо по горной дорогѣ, которая вела въ обходъ непріятельской позиціи на большую эрзерумскую дорогу, недоходя Гассанъ-кала. Генералъ-маіоръ Сусловъ получилъ предписаніе: двинувшись чрезъ Топрахъ-кале, остановиться въ виду непріятеля и занимать его съ фронта ([64]).

Полковникъ князь Дондуковъ, исполняя данное ему порученіе, шелъ форсированнымъ маршемъ и прибывъ, 21-го іюля (2 августа), утромъ, къ сел. Азапъ, вошелъ въ связь съ эриванскимъ отрядомъ, который тогда находился на другой сторонѣ рѣки Аракса, съ фронта противъ Вели-паши, стоявшаго съ 12,000 человѣкъ при 32-хъ орудіяхъ на позиціи у Кёрпи-кёвъ. Отрядъ Суслова, за исключеніемъ войскъ, оставленныхъ имъ въ долинѣ верхняго Ефрата, для занятія покоренной страны, состоялъ изъ слѣдующихъ войскъ:

Пѣхота.

21-й пѣхотн. дивизіи.	Ширванскаго пѣхотнаго полка .	2	батал.
	Мингрельскаго егерскаго полка .	1	„

Кавалерія.

Донскаго казачьяго № 23 полка	4	сотни.
Эриванской бекской дружины . .	2	„
Конно-мусульманскій № 4 полкъ	4	„
Куртинскій № 1 полкъ	5	„

Артиллерія.

21 артилл. бригады, легкой № 7 батареи 6 оруд.

Всего-же въ отрядѣ: 3 баталіона и 15 сотень, въ числѣ до 3,500 человѣкъ при 6-ти орудіяхъ.

Позиція Вели-паши у Керпи-кёвъ находилась на лѣвой (сѣверной) сторонѣ рѣки Гассанъ-кала, въ 12-ти верстахъ отъ мѣстечка и крѣпости Гассанъ-кала. Отрядъ Суслова могъ обойти ее съ праваго фланга, переправясь черезъ рѣку Араксъ, въ которую Гассанъ-кала впадаетъ подъ прямымъ угломъ выше Керпи-кёвъ, и двинувшись по широкой долинѣ въ тылъ непріятеля; рѣка Гассанъ-кала вездѣ проходима въ бродъ. Другой-же нашъ отрядъ—князя Дондукова-Корсакова—находился на лѣвой сторонѣ Аракса и могъ обойти непріятельскую позицію, свернувъ съ эрзерумской дороги, не доходя 12 верстъ до Керпи-кёвъ, вправо чрезъ горы, на селеніе Дали-Чермукъ: таково было предположеніе князя Дондукова. Но генералъ Сусловъ, сообщивъ ему свое мнѣніе о трудности движенія по горной дорогѣ въ обходъ лѣваго фланга Турокъ, предложилъ обойти ихъ справа войсками обоихъ отрядовъ, по дорогѣ удобной для дѣйствія кавалеріи, и князь Дондуковъ

счелъ себя обязаннымъ двинуться по указанію старшаго въ чинѣ, начальника отряда. При этомъ, отряду князя Дондукова надлежало переправиться черезъ Араксъ два раза: сперва на правую сторону рѣки, для соединенія съ Эриванскимъ отрядомъ, а потомъ— на лѣвую, для обхода непріятельской позиціи. Генералъ Сусловъ перевелъ свою пѣхоту и артиллерію чрезъ мостъ на лѣвый берегъ Аракса и, построивъ ихъ съ фронта противъ турецкаго лагеря, открылъ по немъ огонь изъ нѣсколькихъ орудій; а князь Дондуковъ, перейдя съ кавалеріей и конными орудіями вбродъ черезъ Араксъ, выше моста, расположился противъ праваго фланга Турокъ, фронтомъ къ рѣкѣ Гассанъ-кала, и такъ-же завязалъ канонаду съ непріятелемъ. Слѣдствіемъ сложнаго маневра, совершеннаго нашими отрядами, было то, что, пока начальники ихъ сговаривались между собою—обходить-ли или нѣтъ непріятеля, Вели-паша, со всѣми своими войсками и обозами, въ ночи снялся съ позиціи и отступилъ по эрзерумской дорогѣ, за хребетъ Деве-Бойну, не будучи преслѣдованъ и не понеся никакого урона. Причиною тому было отчасти крайнее утомленіе кавалеріи князя Дондукова-Карсакова, сдѣлавшей въ продолженіи двухъ знойныхъ дней болѣе 120-ти верстъ; но ничто не мѣшало свѣжей кавалеріи Эриванскаго отряда преслѣдовать по пятамъ непріятеля и нанести ему большой вредъ, тѣмъ болѣе, что отступленіе Вели-паши было произведено въ величайшемъ безпорядкѣ. Дороги были загромождены обозами и толпами солдатъ и баши-бузуковъ, женщинъ и дѣтей окрестныхъ селеній. Курды угоняли скотъ, грабили жителей и жгли покинутыя деревни. Еслибы войска Суслова атаковали позицію при Деве-Бойну, то непріятель, по всей

18*

вѣроятности, обратился бы въ бѣгство, и мы, безъ сопротивленія овладѣли-бы Эрзерумомъ ([65]).

Съ разсвѣтомъ 22-го іюля (3-го августа), кавалерія князя Дондукова-Корсакова двинулась въ Гассанъ-кала. При занятіи этого мѣстечка, было захвачено нѣсколько тысячъ четвертей пшеницы и ячменя и до ста штукъ рогатаго скота, а также большое количество снарядовъ, и проч. Самъ генералъ Муравьевъ прибылъ съ первымъ эшелономъ Ковалевскаго, 23-го іюля (4-го августа), къ сел. Керпи-кёвъ, куда, на слѣдующій день, стянулись и прочія войска отряда. Во время двухъ-дневнаго отдыха, даннаго войскамъ въ Керпи-кёвѣ, укрѣпленія тамошняго турецкаго лагеря были срыты; на эту работу назначалось до 200 человѣкъ изъ жителей Гассанъ-калы. По извѣстіямъ, полученнымъ чрезъ лазутчиковъ изъ Эрзерума, тамъ господствовали страхъ и смятеніе; Турки укрѣпляли на-скоро городъ и Вели-паша изъявлялъ намѣреніе оборонять его, въ случаѣ, если онъ будетъ вытѣсненъ изъ позиціи при Деве-Бойну, отстоящей около десяти верстъ отъ Эрзерума. По всей вѣроятности, наши войска могли-бы овладѣть этимъ важнымъ пунктомъ; но занятіе его принесло-бы пользу въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ только тогда, когда мы оставили-бы тамъ довольно сильный гарнизонъ, а это было невозможно безъ ослабленія наблюдательнаго корпуса подъ Карсомъ. Временное-же занятіе Эрзерума нашими войсками было-бы для нихъ невыгодно и очищеніе его могло-бы поколебать довѣріе христіанскаго населенія окрестной страны къ силѣ нашего оружія и возвысило-бы духъ непріятеля. Какъ Вели-паша, судя по прежней осторожности его дѣйствій, уклонился-бы отъ боя, то дальнѣйшее преслѣдованіе его было безполезно. Все это объясняетъ, почему

генералъ Муравьевъ, не успѣвъ истребить турецкій корпусъ, рѣшился возвратиться подъ Карсъ. Отрядамъ Суслова и князя Дондукова было приказано возвратиться къ сел. Керпи-кёвъ 24-го іюля (5-го августа). Запасы муки и ячменя, найденные въ окрестныхъ селеніяхъ, были въ изобиліи розданы войскамъ (66).

25-го іюля (6-го августа), началось обратное движеніе нашихъ войскъ. Отрядъ Суслова выступилъ отъ Керпи-кёва, перешелъ черезъ Драмъ-Дагъ, 29-го (10-го августа), и расположился въ алашкертскомъ санджакѣ. Отрядъ Ковалевскаго такъ-же двигался по прежнему пути, по эшелонно, присоединился къ вагенбургу, остававшемуся на Саганлугѣ, и, послѣ днёвки 27-го іюля (8-го августа), выступилъ къ Карсу, куда прибылъ 30-го (11 августа) (67).

На маршѣ получено было свѣдѣніе о дѣйствіяхъ наблюдательнаго корпуса подъ Карсомъ. Въ продолженіи 12-ти дневнаго похода за Саганлугъ, было сдѣлано нѣсколько удачныхъ поисковъ генераломъ Баклановымъ, въ окрестностяхъ Карса, и генераломъ Базинымъ, смѣнившимъ Ковалевскаго въ Ахалцыхѣ, чрезъ Ардаганъ къ Карсу. Авангардъ его, подъ начальствомъ барона Унгерштернберга, по занятіи Ардагана, двинулся на сел. Омерага и вошелъ въ связь съ войсками наблюдательнаго корпуса генерала Бриммера (68).

26-го іюля, (7-го) августа, самъ Бриммеръ, предпринявъ фуражировку между селеніемъ Комацуромъ и турецкимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, принялъ начальство надъ прикрытіемъ фуражировъ, состоявшимъ изъ 8-ми баталіоновъ, 12-ти эскадроновъ и казачьей сотни, при 22-хъ орудіяхъ. Миновавъ сел. Нижній Караджуранъ, войска построились въ боевой порядокъ, а фуражиры, за лѣвымъ флангомъ прикрытія,

стали косить траву. Генералъ Бриммеръ, подойдя съ батареями саженъ на 400 къ Канлы-табіа, приказалъ открыть огонь, на который Турки отвѣчали съ своихъ ближайшихъ укрѣпленій, и какъ ихъ орудія были большихъ калибровъ и, между тѣмъ, наши войска́ подошли къ нимъ близко́, то, для избѣжанія напрасной потери, Бриммеръ приказалъ прекратить фуражировку и отвелъ назадъ прикрывавшія фуражировъ пѣхоту и кавалерію. Все дѣло продолжалось не болѣе 20-ти минутъ и, не смотря на множество брошенныхъ непріятелемъ снарядовъ, мы потеряли вообще убитыми и ранеными только 38 человѣкъ, изъ коихъ 6 офицеровъ; но, къ сожалѣнію, въ числѣ ихъ были смертельно ранены командиръ Тверскаго драгунскаго полка, генералъ-маіоръ Куколевскій, и командиръ легкой № 7 батареи 18-й артиллерійской бригады, подполковникъ Тальгренъ. Одновременно съ канонадою, гремѣвшею подъ Карсомъ, Баклановъ подошелъ къ высотѣ Кара-дагу, и, пользуясь тѣмъ, что все вниманіе Турокъ было обращено къ южной сторонѣ крѣпости, выслалъ впередъ горскую сотню, которая захватила почти у самаго гласиса 80 штукъ скота и угнала ихъ въ нашъ лагерь. Непріятели были такъ озадачены молодецкимъ налетомъ горцевъ, что открыли по нимъ огонь уже тогда, когда они находились въ разстояніи дальняго пушечнаго выстрѣла ([69]).

Не смотря на дѣятельность нашихъ летучихъ отрядовъ, гарнизонъ Карса находилъ возможность сообщенія съ окрестною страною. По возвращеніи изъ экспедиціи противъ Вели-паши, генералъ-Муравьевъ предпринялъ совершенно обложить осажденную крѣпость, чему тогда вполнѣ благопріятствовали обстоятельства: занятіе Ардагана и Кагызмана русскими войсками; истребленіе запасовъ, заготов-

ленныхъ для карсскаго гарнизона въ окрестной странѣ; отступленіе Вели-паши съ войсками вспомогательнаго отряда къ Эрзеруму, и наконецъ — сосредоточеніе войскъ подъ Карсомъ и прибытіе къ нимъ всѣхъ ожидаемыхъ подкрѣпленій.

1-го (13-го) августа, соединились отряды Ковалевскаго и Бриммера у разореннаго селенія Чифтликая: первый спустился по лѣвому берегу Карсъ-чая, а второй поднялся по правому берегу этой рѣки. На этой, весьма выгодной для лагеря мѣстности, по обѣ стороны Карсъ-чая, оставался корпусъ до сдачи Карса. Расположивъ здѣсь главныя силы, нашъ главнокомандующій приступилъ къ совершенному обложенію Карса ([70]).

ГЛАВА XL.

Совершенное обложеніе и штурмъ Карса.

(Съ начала (съ половины) августа по 17-е (29-е) сентября).

Въ то время, когда нашъ главнокомандующій приступилъ къ полному обложенію Карса, эта крѣпость находилась въ слѣдующемъ состояніи.

Въ продолженіи лѣта, уже во время блокады Карса, Вилліамсъ, опасаясь, чтобы русскія войска не заняли Шорахскихъ высотъ господствующихъ надъ всѣми укрѣпленіями лѣвой стороны Карсъ-чая, построилъ на нихъ два редута: Тахмасъ-Табіа и Тепе-табіа, вооруженные артиллеріей и соединенные между собою ретраншаментомъ, для ружейной обороны; такой-же ретраншаментъ былъ устроенъ влѣво отъ Тахмасъ-табіа по склону горы; а вправо отъ Тепе-табіа, до такъ-называемой баши-бузукской горы, тянулись окопы, вооруженные артиллеріей, получившіе у Англичанъ названіе „Рeпиcонскихъ линій". Далѣе къ сѣверу находилась весьма крутая гора Ширшане, (баши-бузукская), на сѣверо-восточномъ склонѣ коей была построена батарея Тетекъ-табія, для обороны Чахмакскаго оврага. Въ такомъ видѣ распространенныя укрѣпленія Карса имѣли по внѣшней линіи

кругомъ крѣпости протяженіе въ 17 верстъ, и хотя, по обширности своей, несоотвѣтствовали силѣ гарнизона, однакоже, будучи весьма хорошо устроены и доставляя одни другимъ взаимную оборону, могли быть упорно защищаемы Турками, вообще болѣе способными къ крѣпостной, нежели къ полевой войнѣ (1).

Въ продолженіи іюня и іюля, когда крѣпость еще имѣла сообщеніе съ окрестною страною, гарнизонъ нѣсколько усилился. Число регулярныхъ войскъ простиралось до 20-ти тыс. человѣкъ, а баши-бузуковъ — до 6-ти тысячъ; кромѣ того могли принять участіе въ оборонѣ города нѣсколько тысячъ вооруженныхъ жителей. Для насъ было весьма важно знать, какое количество запасовъ было собрано въ Карсѣ; но это оказалось весьма затруднительнымъ, потому что сами начальники гарнизона не имѣли о томъ точныхъ свѣдѣній. Изъ показаній лазутчиковъ, мы однакоже могли заключить, что истребленіе турецкихъ запасовъ за Саганлугомъ и постепенное стѣсненіе сообщеній Карса съ Эрзерумомъ возбудили опасенія генерала Вилліамса на счетъ снабженія продовольствіемъ войскъ. Еще въ началѣ іюня были открыты имъ подлоги и злоупотребленія, вслѣдствіе коихъ наличное количество запасовъ въ Карсѣ оказалось гораздо менѣе, нежели показывалось въ отчетахъ, и, по тогдашней численности гарнизона, могло стать только до конца августа. Вилліамсъ призналъ необходимымъ, съ самаго прибытія русскихъ войскъ къ Карсу, уменьшить дачу провіанта на цѣлую треть, именно, вмѣсто обычнаго пайка турецкихъ солдатъ — 300 драхмъ (съ небольшимъ 2 фунта) пшеничнаго хлѣба и 27 драхмъ (18 золотниковъ) риса, выдавать хлѣба только 200 драхмъ (около 1½ фунта). Суточная порція мяса на одного солдата, состоявшая изъ 80-ти драхмъ (55 золотниковъ), сперва была уменьшена, а потомъ,

въ замѣнъ ея, выдавались деньги, что было весьма невыгодно для войскъ при возраставшихъ ежедневно цѣнахъ на всѣ съѣстные продукты: такъ наприм. око (три фунта) хлѣба продавалось: 6-го (18) іюля— по 2 куруша (10 коп.); 7-го (19) — по 12-ти коп., 8-го (20)—по 17-ти, а 10-го (22)—по 30-ти копѣекъ. Еще затруднительнѣе было фуражное довольствіе. Приказаніе скосить ячмень и траву на пушечный выстрѣлъ отъ нижняго лагеря не могло быть исполнено въ виду нашихъ партій; тѣ-же запасы ячменя и сѣна, которые были заготовлены въ городѣ, оказались недостаточны, и особенно тогда, когда стали перемалывать ячмень и мѣшать ячную муку съ пшеничною для солдатскихъ пайковъ. Затѣмъ вскорѣ перестали отпускать фуражъ не только въ полки баши-бузуковъ, но и регулярной кавалеріи, отъ чего ихъ лошади пришли въ крайнее изнуреніе. Когда-же онѣ оказывались вовсе негодны, разрѣшено было ихъ продавать на рынкѣ, а кавалерія обратилась въ плохую пѣхоту, получивъ, вмѣсто пикъ, ружья безъ штыковъ.

Уменьшеніе дачи провіанта войскамъ, ослабляя физическія силы солдатъ, оказывало вліяніе и на духъ гарнизона, который, потерявъ довѣріе къ благопріятному исходу своихъ трудовъ и лишеній, надѣялся исключительно на помощь извнѣ: безпрестанно ходили слухи объ ожидаемыхъ подкрѣпленіяхъ, то изъ Эрзерума, то изъ Батума и Трапезунта. Лазы, вступившіе торжественно, съ пѣснями, въ городъ, вскорѣ предались унынію и объявили, что они пришли въ Карсъ, чтобы сражаться, а не умирать съ голода. Затѣмъ, кинувшись толпою къ Шораху, разграбили это селеніе и были усмирены единственно благодаря энергіи Вилліамса и состоявшихъ при немъ англійскихъ офицеровъ. Даже въ регулярныхъ войскахъ

начались побѣги: пока городъ еще не состоялъ въ полной блокадѣ, солдаты уходили въ свои селенія, другіе-же являлись въ нашъ лагерь ([2]).

При тѣсной блокадѣ Карса, начавшейся съ 1-го (13-го) августа, главныя силы генерала Муравьева были расположены, какъ уже сказано, у развалинъ сел. Чифтликая, по обѣ стороны Карсъ-чая. На лѣвой сторонѣ, (въ нижнемъ лагерѣ), находились, примыкая правымъ флангомъ къ рѣкѣ, а лѣвымъ къ сел. Тамры, построенныя въ нѣсколько линій войска генерала Ковалевскаго, въ составѣ 16-ти баталіоновъ, двухъ ротъ саперъ, двухъ ротъ стрѣлковаго баталіона, одной казачьей сотни и 4-хъ батарей ([3]). На правой-же сторонѣ рѣки (въ верхнемъ лагерѣ), стали, опираясь лѣвымъ флангомъ къ скалистому берегу, такъ-же въ нѣсколько линій, войска генерала Бриммера, въ составѣ 18-ти баталіоновъ, двухъ ротъ саперъ, двухъ ротъ стрѣлковаго баталіона, 4-хъ эскадроновъ драгунъ, одной сотни казаковъ и 7-ми сотень милиціи съ 4-мя батареями ([4]). Штабъ Дѣйствующаго корпуса оставался при генералѣ Бриммерѣ, и по тому онъ завѣдывалъ распоряженіями по хозяйственной части обоихъ отрядовъ. Вагенбургъ былъ расположенъ верстахъ въ четырехъ за правымъ флангомъ лагеря, у сел. Каны-кевъ, подъ прикрытіемъ одного баталіона съ нѣсколькими орудіями; а впереди, верстахъ въ двухъ отъ праваго фланга лагеря, сталъ графъ Ниродъ, съ полками Новороссійскимъ драгунскимъ и Линейнымъ казачьимъ № 2-го, и съ Линейною казачьей батареею № 13-го. Далѣе по Александропольской дорогѣ, у сел. Хадживали, былъ расположенъ полковникъ Едигаровъ со 2-мъ конно-мусульманскимъ полкомъ, а къ сѣверу отъ Карса, у сел. Меликъ-кевъ — генералъ-маіоръ Баклановъ, съ полками Тверскимъ драгунскимъ и Линей-

нымъ № 1-го, Донскою казачьей батареею № 6-го и конно-ракетною командою. Полковникъ Унгернштернбергъ, съ восемью сотнями донскихъ казаковъ и милиціи и 4-мя ракетными станками, стоялъ у озера Айгеръ-гель; а для поддержанія его — генералъ-маіоръ Базинъ, съ Бѣлокстокскимъ пѣхотнымъ полкомъ, 4-мя пѣшими орудіями, Карталинскою пѣшею дружиною, двумя сотнями донскихъ казаковъ и одною сотнею Осетинской конной милиціи — у сел. Омеръ-ага. Съ западной стороны Карса, у селенія Хопанлы, стоялъ полковникъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, съ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, семью сотнями казаковъ и милиціи, донскою батареей № 7-го и конно-ракетною командою. Особый отрядъ, въ составѣ трехъ сотень 1-го конно-мусульманскаго полка, расположенный у подошвы Саганлуга, наблюдалъ въ нашемъ тылу за дорогами ведущими отъ Эрзерума.

Всѣ эти отряды, занимавшіе кругомъ Карса протяженіе около 50-ти верстъ, связывались между собою разъѣздами, и вскорѣ сообщеніе обложенной крѣпости съ окрестною страною было почти совершенно прервано. Только лишь одиночные люди иногда успѣвали прокрадываться на сѣверо-западную сторону Карса, гдѣ способствовала тому гористая мѣстность, либо по восточную сторону крѣпости, пользуясь промежуткомъ на безводной равнинѣ между отрядами Бакланова и графа Нирода, гдѣ не было возможности поставить достаточно-сильный наблюдательный отрядъ (5).

Почти ежедневно наши войска имѣли стычки съ непріятельскими партіями, выходившими изъ Карса на фуражировку, либо для прикрытія скота, пасшагося подъ крѣпостью.

Главнокомандующій, предпринявъ побудить карскій гарнизонъ къ сдачѣ тѣсною блокадою, озабо-

тился о средствахъ необходимыхъ для снабженія жизненными запасами собственныхъ войскъ. на случай продолжительной стоянки подъ Карсомъ. Всего затруднительнѣе было заготовленіе въ достаточномъ количествѣ фуража для нашей многочисленной кавалеріи, необходимой для занятія обширной блокадной линіи. Въ продолженіи лѣта, для добыванія травы производились фуражировки, а для составленія запасовъ на будущее время—цѣлыя части войскъ были отряжаемы на покосы въ окрестностяхъ селенія Ахъ-Кома и озера Айгеръ-геля, а такъ же обширныя заготовленія сѣна производились войсками, расположенными въ Духоборіи, и подрядчиками, бравшими на себя доставку сѣна подъ Карсъ. Войска наши были обезпечены этими запасами фуража не только до конца блокады, но и по сдачѣ Карса. Хлѣбные-же запасы взимались съ жителей покоренныхъ нами санджаковъ, въ размѣрѣ опредѣленномъ—такъ называемою—*бахрою* при прежнемъ правительствѣ, т. е. въ количествѣ десятой части всего урожая. Изъ этой хлѣбной подати, ячмень доставлялся войскамъ, а пшеница свозилась въ пограничные магазины, что значительно понизило подрядныя цѣны на заготовленія, производимыя по распоряженію интендантства. Кромѣ ячменя, поступавшаго въ видѣ подати, и сѣна добываемаго фуражировками, пріобрѣтался фуражъ у жителей, по вольной цѣнѣ. Сухари изготовлялись въ Александрополѣ и были доставляемы подъ Карсъ транспортами, въ размѣрѣ 10-ти-дневнаго довольствія. Для снабженія войскъ дровами служили окрестныя селенія, покинутыя жителями, частью-же дрова привозились изъ лѣсовъ Саганлуга. Такимъ образомъ, во все время блокады, наши войска ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Для доставленія имъ возможности покупать свѣжую провизію и другія мѣстныя

произведенія, въ главномъ лагерѣ былъ устроенъ базаръ для торговцевъ, пріѣзжавшихъ изъ Александрополя, и для туземцевъ, привозившихъ дрова, хлѣбъ, сѣно, и проч. Для поддержанія здоровья людей, по берегу Карсъ-чая были устроены русскія бани, сперва въ палаткахъ, а потомъ въ землянкахъ. Вообще санитарное состояніе нашихъ войскъ было весьма удовлетворительно до августа, когда число больныхъ нѣсколько увеличилось отъ значительной разницы въ температурѣ дня и ночи. Въ началѣ-же сентября появилась холера (6).

Со времени тѣснаго обложенія Карса, всѣ попытки непріятельскихъ фуражировъ были неудачны. Кавалерія, находившаяся въ Карсѣ, не принося никакой пользы, увеличивала число состоявшихъ на продовольствіи людей, и по тому Турки рѣшились выслать ее изъ крѣпости по частямъ скрытно, чтобы доставить ей возможность незамѣтно пробраться мимо нашихъ наблюдательныхъ отрядовъ. Первое покушеніе непріятеля удалось вполнѣ. Конная партія, въ числѣ до 300 человѣкъ, конвоировавшая нѣсколькихъ чиновниковъ, въ ночи съ 13-го на 14-е (съ 25 на 26) августа, прошла, не встрѣтясь съ нашими войсками, изъ Карса къ Ольтѣ. Этотъ случай и болѣе подробное ознакомленіе съ окрестностями обложенной крѣпости заставили насъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ расположеніи блокадныхъ отрядовъ. Кавалерія князя Дондукова была переведена отъ Хопаплы къ Бозгалы, селенію верстахъ въ 7-ми отъ Чифтликая и всего въ 4-хъ верстахъ отъ передовыхъ турецкихъ укрѣпленій. Отрядъ Унгернштернберга былъ переведенъ отъ озера Айгеръ-гель къ сел. Чамуру, между Бозгалы и Меликъ-кевъ, и подчиненъ генералъ-маіору Бакланову (7).

Эти распоряженія много способствовали стѣсне-

нію блокады Карса. Между тѣмъ Турки, поощренные удачнымъ уходомъ кавалеріи въ ночь на 14-е (на 26) августа, рѣшились повторить это предпріятіе въ большемъ размѣрѣ. Нѣсколько дней носились слухи въ нашемъ лагерѣ о предстоявшемъ выступленіи Турокъ со стороны Чахмаха, что̀ заставило князя Дондукова и барона Унгернштернберга усилить заставы и резервы, и условиться въ сигналахъ на случай ночной тревоги.—22-го августа (3 сентября), князь Дондуковъ узналъ отъ лазутчиковъ, что генералъ Вилліамсъ приказалъ всей кавалеріи быть готовою къ выступленію въ ночи по ольтинской дорогѣ. Для пресѣченія непріятелю этого пути, была поставлена поперегъ его довольно густая цѣпь изъ 8-ми сотень кавалеріи, высланныхъ изъ отрядовъ Унгернштернберга и князя Дондукова (8). Въ засадѣ, по обѣ стороны сел. Джавры, находились: 4-й и 5-й эскадроны Нижегородскаго драгунскаго полка, полсотни милиціи и конно-ракетная команда, подъ начальствомъ подполковника Кишинскаго, и сотня Донскаго № 21-го полка, подъ начальствомъ подполковника Лошакова. Прочія войска обоихъ отрядовъ и весь отрядъ Бакланова готовились поддержать атаку.

Въ тотъ-же день, передъ вечеромъ, приказано было въ Карсѣ назначить отъ каждаго изъ четырехъ полковъ регулярной кавалеріи Арабистанскаго корпуса до 300 человѣкъ, что̀ составило вообще около тысячи всадниковъ; къ нимъ присоединили 400 артиллерійскихъ лошадей съ 200-ми рядовыхъ и нѣсколько сотъ баши-бузуковъ. Съ наступленіемъ ночи, генералъ Вилліамсъ и Керимъ-паша проводили отрядъ за Чахмахскія высоты, отдавъ войскамъ приказаніе—идти со всевозможнымъ соблюденіемъ тишины и порядка.

Ночь была очень темна. Въ 10 часовъ, цѣпь отъ Конно-мусульманскаго № 3-го полка услышала шумъ движущихся войскъ, по дорогѣ отъ Чахмаха къ Джаврамъ. На окликъ нашей цѣпи отвѣта не было. Тогда подполковникъ Лошаковъ, не имѣя возможности распознать—какія это были войска, приказалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ вверхъ и, благодаря отблеску ихъ, увидѣвъ вблизи себя Турокъ, тотчасъ ударилъ на нихъ съ своими Донцами. Эта атака пришлась въ тылъ трехъ переднихъ непріятельскихъ полковъ; артиллеристы съ заводными лошадьми, испуганные внезапнымъ нападеніемъ, большею частью, повернули назадъ въ Карсъ, а полкъ, шедшій въ хвостѣ турецкой колонны, кинулся вправо. Какъ только раздались въ цѣпи выстрѣлы, подполковникъ Кишинскій съ Нижегородскими драгунами ударилъ въ тылъ переднимъ полкамъ; вслѣдъ за тѣмъ, бросился въ помощь Лошакову Унгерштернбергъ съ Донцами; а, нѣсколько спустя, также принялъ участіе въ общей свалкѣ, прибывшій изъ Бозгалы князь Дондуковъ-Корсаковъ, съ 3-мъ эскадрономъ, одною сотнею казаковъ и 4-мя ракетными станками. Между тѣмъ взошла луна, и, при свѣтѣ ея, преслѣдованіе непріятеля могло быть произведено въ большемъ порядкѣ. Часть турецкой кавалеріи кинулась къ Самовату, другая спѣшилась и засѣла въ ущеліи близъ сел. Чифтликая, но вскорѣ была выбита оттуда ракетами и обратилась въ бѣгство по различнымъ направленіямъ; тѣ-же всадники, которые оставались въ сомкнутой массѣ, двинулись по дорогѣ къ селенію Сорхупли. Непріятель, уходившій въ разсыпную, былъ преслѣдуемъ казаками и милиціей, а за главною массою направились драгуны съ ракетною командою. Турки, спѣшившись, собрались въ двѣ большія толпы и открыли бѣглый огонь по драгунамъ, но были сбиты

и отступили въ безпорядкѣ къ сел. Сорхунли, гдѣ, засѣвъ въ домахъ, встрѣтили драгунъ сильною пальбою. Полковникъ князь Дондуковъ, оставя 4-й эскадронъ преслѣдовать бѣгущихъ, оцѣпилъ селеніе и съ разсвѣтомъ заставилъ Турокъ сдаться.

Между тѣмъ, еще около полуночи, полковникъ Шульцъ, находившійся съ отрядомъ у селенія Ахъкома, услыша выстрѣлы со стороны Самоваты, выслалъ въ ту сторону сотню конно-мусульманскаго № 1-го полка, которая встрѣтила отдѣлившійся, въ самомъ началѣ дѣла, Арабистанскій полкъ и, неожиданно ударивъ на него, разсѣяла по ущелью, гдѣ уходившіе Турки были перехватаны по одиночкѣ. Около двухъ часовъ по полуночи, полковникъ Шульцъ, узнавъ о появленіи Турокъ со стороны сел. Чигригана, отправился на перерѣзъ пути ихъ слѣдованія, съ одною сотнею конно-мусульманскаго № 3-го полка. Когда-же Турки, при встрѣчѣ съ нимъ, засѣли за каменьями, онъ послалъ за бывшею на сѣнокосѣ 4-ою карабинерною ротою Бѣлевскаго полка, а кавалеріи приказалъ занять дорогу въ тылу непріятеля. Стрѣлки Бѣлевской роты выбили Турокъ, которые, вскочивъ на лошадей, бросились бѣжать, но будучи остановлены нашими всадниками, снова спѣшились и окруживъ себя лошадьми, открыли пальбу; вслѣдъ за тѣмъ прибѣжали Бѣлевцы, и тогда непріятель, уже потерявъ 25 человѣкъ убитыми и не видя возможности къ дальнѣйшему сопротивленію, положилъ оружіе (9).

Войска наши преслѣдовали непріятеля до самаго перевала въ гельскій санджакъ и 23-го августа (4-го сентября) возвратились въ свои лагери.

Въ этомъ дѣлѣ, по самымъ умѣреннымъ показаніямъ, убито 125 Турокъ; въ плѣнъ взято: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 19, сувари и топчи

(нижнихъ чиновъ регулярной кавалеріи и артиллеріи) 200. Въ числѣ плѣнныхъ штабъ-офицеровъ находился одинъ, служившій поручикомъ въ гвардейскомъ кавалерійскомъ полку Авни-бея, состоявшемъ въ 1833-мъ году при дессантномъ отрядѣ генерала Муравьева. Отбито три штандарта регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ. Захвачено 800 лошадей и вьючныхъ лошаковъ, множество оружія и аммуниціи. Съ нашей стороны: убито нижнихъ чиновъ и милиціонеровъ 3, ранены 3 офицера и 10 нижнихъ чиновъ и милиціонеровъ, контужено нижнихъ чиновъ 3, всего-же уронъ нашъ—19 человѣкъ ([10]).

Послѣдствіемъ этого ночнаго побоища было почти совершенное уничтоженіе кавалеріи непріятеля, который, съ той поры, лишился возможности производить фуражировки. Не смотря на постоянное уменьшеніе дачи солдатскаго провіанта, которая наконецъ ограничивалась тремя четвертями фунта хлѣба и горстью риса, запасы въ крѣпости быстро истощались. Чтобы продлить сопротивленіе гарнизона, Вилліамсъ сталъ высылать изъ города жителей; но всѣ такіе выходцы, и даже женщины и дѣти, по приказанію генерала Муравьева, были обращаемы назадъ. Нѣкоторые изъ жителей вздумали-было являться на наши аванъ-посты, объявляя себя перебѣжчиками; но и эта уловка не удалась: главнокомандующій приказалъ принимать изъ числа ихъ только тѣхъ, которые приходили съ оружіемъ; всѣ-же прочіе были отсылаемы обратно въ Карсъ.

Со времени расположенія нашего Дѣйствующаго корпуса на Карсъ-чаѣ и тѣсной блокады Карса, Турки были принуждены отказаться отъ прямаго сообщенія съ Эрзерумомъ чрезъ Саганлугскій хребетъ, но все еще имѣли надежду получать жизненные запасы по окольной дорогѣ на Ольту. Впрочемъ и на

этомъ пути стоялъ отрядъ Базина, у сел. Омеръ-аги. Не смотря однако-же на то, непріятель собралъ значительные запасы провіанта въ Ольтѣ и Пенякѣ и выслалъ туда-же изъ Эрзерума сильный отрядъ съ артиллеріею, подъ прикрытіемъ котораго обозы съ провіантомъ должны были, перейдя черезъ хребетъ Каплы-тепе, выдти на ардаганскую дорогу и прорваться чрезъ наши посты въ Карсъ.

Какъ только получено было въ нашемъ лагерѣ отъ лазутчиковъ свѣдѣніе о появленіи въ Пенякѣ турецкихъ войскъ, то главнокомандующій выслалъ отрядъ, подъ начальствомъ генерала Ковалевскаго, къ сел. Башъ-кевъ, гдѣ производилось сѣнокошеніе особымъ отрядомъ полковника Серебрякова. Вмѣстѣ съ тѣмъ были сдѣланы измѣненія въ составѣ блокадныхъ отрядовъ, заключавшіяся въ томъ, что часть войскъ, стоявшихъ по правую сторону Карсъ-чая, была переведена на лѣвую сторону этой рѣки. Войска генерала Ковалевскаго, выступивъ изъ лагеря при Чифтликаѣ, безъ ранцевъ и палатокъ, въ ночи съ 28-го на 29-е августа (съ 9-го на 10-е сентября), прошли въ сутки 50 верстъ и соединившись съ отрядомъ Серебрякова, у Агджи-кала, близъ Башъ-кевъ, находились въ слѣдующемъ составѣ:

Пѣхота.

3-й баталіонъ Лейбъ-карабин. полка	1	батал.
Виленскаго егерскаго полка	3	„
2-й батал. Тульскаго егерск. полка	1	„
4-й батал. Мингрельскаго егерск. полка	1	„
Кавказскаго стрѣлковаго баталіона	½	„
Кавказскаго сапернаго баталіона	½	„
Итого	7	баталіоновъ.

Кавалерія.

Нижегородскаго драгунскаго полка . .	6	эскадр.
Тверскаго драгунскаго полка	1	„
Новороссійскаго драгунск. полка . . .	1	„
Сборнаго лин. казачьяго № 1 полка .	3	сотни.
Сборнаго лин. казачьяго № 2 полка .	2	„
Конно-мусульманскаго № 1 полка . . .	3	„
Охотниковъ Лорисъ-Меликова	2	„

Итого 8 эскадрон. и 10 сотенъ.

Артиллерія.

18-й артил. бриг.	Легкая № 7 батарея	8	орудій.
	Легкая № 8 батарея	8	„
Донская конно-казачья № 7 батарея .		4	„
Конно-ракетная команда.		8	станк.

Итого 20 орудій и 8 станковъ.

Изъ распросовъ о путяхъ, ведущихъ отъ Агджы-Калы въ Пенякъ, оказалось, что всѣ они проходили чрезъ горы и были весьма трудны, и что лучшій изъ нихъ, единственный, по которому было возможно провезти артиллерію, велъ чрезъ селенія Арсинекъ и Косуръ, къ Пеняку, на протяженіи около 70-ти верстъ. Какъ успѣхъ предпріятія зависѣлъ преимущественно отъ нечаянности нападенія, то генералъ Ковалевскій рѣшился на форсированный переходъ въ однѣ сутки къ Пеняку. Пѣхота его выступила отъ Агджы-Калы, 30-го августа (11-го сентября), въ три часа утра; а кавалерія, подъ начальствомъ князя Дондукова, часомъ позже. Доведя пѣхоту до Варданыкскаго подъема, Ковалевскій остановилъ ее, пропустилъ кавалерію и отправился съ нею впередъ самъ, а прочимъ войскамъ приказалъ слѣдовать за собою, для облегченія марша, въ двухъ эшелонахъ,

подъ командою маіора Кобіева и полковника Шликевича. Войска двинулись на-легкѣ, оставя всѣ свои тяжести въ сѣнокосномъ лагерѣ и взявъ съ собою только 4-хъ-дневную дачу хлѣба. Во второмъ часу по полудни, кавалерія взошла на высокую гору, съ которой можно было видѣть въ зрительную трубку бѣлѣвшіяся у Пеняка палатки турецкаго лагеря и убѣдиться въ трудности доступа къ нему, по крутому поросшему лѣсомъ спуску. Генералъ Ковалевскій тутъ сдѣлалъ небольшой привалъ, выслалъ казаковъ за селеніе Арсинекъ, для прерванія сообщеній между жителями и непріятельскими войсками, и послалъ приказаніе Кобіеву—ускорить движеніе втораго эшелона, а самъ, оставя артиллерію, съ прикрытіемъ одного дивизіона Нижегородскаго полка и двухъ конно-мусульманскихъ сотень, подъ начальствомъ полковника Долотина, быстро двинулся съ прочею кавалеріею по крутому ущелью. Безпрестанно встрѣчавшіеся на маршѣ усѣянные камнями подъемы и спуски чрезвычайно затрудняли движеніе, но, не смотря на то, наша кавалерія, въ 3-мъ часу по полудни, миновала Арсинекъ, а въ 5 часовъ пришла въ Косуръ. Шедшіе въ авангардѣ охотники Лорисъ-Меликова, встрѣтивъ нѣсколько баши-бузуковъ, обмѣнялись съ ними пистолетными выстрѣлами: такимъ образомъ наше движеніе было открыто, а до непріятеля, стоявшаго за селеніемъ Пенякомъ, оставалось еще около десяти верстъ.

По прибытіи въ Косуръ, Ковалевскій послалъ приказаніе Долотину присоединиться къ нему; тогда-же были высланы впередъ 4 сотни Линейныхъ казаковъ, ракетная команда и сотня охотниковъ, подъ начальствомъ старшины Демидовскаго. Для указанія-же дорогъ и направленія дѣйствій, съ этимъ отрядомъ былъ посланъ генеральнаго штаба капитанъ

Романовскій, которому главнокомандующій поручилъ составленіе первоначальнаго предположенія для высылки отряда къ Пеняку. Сперва имѣлось въ виду направить туда легкую кавалерію, но потомъ, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій о большомъ сборѣ Турокъ у Пеняка, это предположеніе было измѣнено и послана была колонна Ковалевскаго въ указанномъ составѣ. Высланному впередъ изъ Косура отряду было приказано, въ случаѣ отступленія Турокъ, преслѣдовать ихъ неотступно, если-же они останутся въ занятомъ ими расположеніи, то завязать дѣло и стараться задержать непріятеля до прибытія остальной кавалеріи, которую генералъ Ковалевскій поспѣшилъ стянуть къ Косуру и, не выжидая Долотина, двинулся съ двумя дивизіонами драгунъ и съ остальными казаками въ слѣдъ за высланнымъ отрядомъ.

Турецкій лагерь былъ расположенъ въ разстояніи около полуторы версты отъ селенія, у конца ущелія, чрезъ которое проходила единственно возможная для движенія войскъ дорога отъ Косура къ Пеняку. Далѣе—ущелье, почти въ перпендикулярномъ направленіи, пересѣкалось долиною, версты въ двѣ шириною, по которой шла дорога вправо къ сел. Панжрутъ, лежащему верстахъ въ 18-ти отъ Пеняка, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, такъ-же собирались въ значительныхъ силахъ Турки. За этою долиною возвышались горы, черезъ которыя, для отступленія турецкихъ войскъ на Ольту и Эрзерумъ, пролегали только двѣ дороги. Турецкій отрядъ, расположенный у Пеняка, состоялъ (какъ оказалось въ послѣдствіи), изъ 1,500 человѣкъ регулярной кавалеріи, тысячи баши-бузуковъ и нѣсколькихъ сотъ пѣшихъ кавалеристовъ (вѣроятно ушедшихъ изъ Карса), съ 4-мя горными орудіями. Начальникъ от-

ряда Али-паша расположилъ свои главныя силы, два полка регулярной кавалеріи съ 4-мя орудіями, по сю сторону рѣчки, въ разстояніи около версты отъ выхода дороги изъ ущелія, и занялъ спѣшенными всадниками горныя вершины, которыми оканчивалось ущелье, а всѣхъ баши-бузуковъ выслалъ впередъ, на встрѣчу казакамъ, полагая, что огонь стрѣлковъ съ горъ и большая маса баши-бузуковъ поставятъ нашъ отрядъ въ крайне затруднительное положеніе и подготовятъ ударъ его главныхъ силъ. Такой разсчетъ могъ-бы оправдаться при менѣе высокомъ качествѣ нашихъ войскъ и при меньшей распорядительности ихъ начальниковъ. Дѣйствительно было не легко возстановить порядокъ въ колоннѣ, растянувшейся по десяти-верстному ущелію; но войска́ наши состояли изъ закаленныхъ въ бояхъ линейныхъ казаковъ, а начальники ихъ своими распоряженіями доказали, что умѣютъ цѣнить время и дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ въ рѣшительныя минуты.

Давно уже тяготясь мало дѣятельною ролью, которою ограничивались ихъ дѣйствія при обложеніи Карса, Линейцы, въ виду предстоявшей встрѣчи съ непріятелемъ, понеслись въ скачь, (какъ они обыкли выѣзжать по тревогѣ). вдоль ущелія отдѣляющаго Косуръ отъ Пеняка. Такая скачка, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, послѣ пройденныхъ въ тотъ день шестидесяти, весьма естественно повела къ тому, что высланныя сотни растянулись чрезвычайно и что головная часть ихъ появилась у Пеняка въ весьма небольшомъ числѣ. Это было въ 6 часовъ по полудни. Но, не смотря на свою малочисленность и на огонь стрѣлковъ, разсыпанныхъ по ближайшимъ высотамъ, передовая сотня, князя Туманова, бросилась въ шашки на встрѣтившихъ ее не доходя

Пеняка баши-бузуковъ и на плечахъ ихъ ворвалась въ селеніе. За тѣмъ, когда на маршъ-маршѣ была вызвана капитаномъ Романовскимъ ракетная команда, начальникъ ея сотникъ Вакульскій, не смотря на утомленіе своихъ людей, открылъ дѣйствіе съ такимъ успѣхомъ, что вся масса баши-бузуковъ подалась назадъ, а турецкіе стрѣлки, занимавшіе высоту, поспѣшно удалились на верхніе уступы, откуда огонь ихъ былъ для насъ совершенно безвреденъ. Такимъ образомъ селеніе Пенякъ, прикрывавшее выходъ изъ ущелья, было въ нашихъ рукахъ. Капитанъ Романовскій тотчасъ послалъ о томъ донесеніе генералу Ковалевскому, а Демидовскій озаботился приведеніемъ въ порядокъ постепенно прибывавшихъ казаковъ и построеніемъ сотень для атаки. Атаковать непріятеля непосредственно послѣ занятія селенія былобы несогласно съ полученнымъ приказаніемъ, на основаніи котораго надлежало выждать прибытіе генерала Ковалевскаго. Но обстоятельства побудили насъ ускорить атаку. Стѣсненная и неудобная для расположенія войскъ мѣстность позади селенія заставила вывести нѣсколько впередъ строившіяся сотни; къ тому-же истощался запасъ боевыхъ ракетъ, а, между тѣмъ, Али-паша, не смотря на потерю селенія, готовился къ атакѣ. Отозвавъ башибузуковъ на линію построенной имъ къ атакѣ регулярной кавалеріи, онъ открылъ огонь изъ орудій. Оставаться нашимъ сотнямъ, уже готовымъ къ бою, подъ выстрѣлами непріятельской батареи, при истощившемся запасѣ ракетъ, былобы неосновательно, и по тому наши казаки двинулись въ атаку. Молодецкій видъ линейцевъ, стройными лавами ударившихъ на Турокъ, поразилъ ужасомъ непріятеля и заставилъ его замедлить атаку. Въ тоже время, у выхода изъ ущелья появилась еще одна сотня ли-

нейцевъ, высланная впередъ генераломъ Ковалевскимъ, за которою шелъ онъ самъ на рысяхъ съ драгунами. Завидя подкрѣпленіе, войсковой старшина Демидовскій направилъ есаула Сердюкова съ одною сотнею для удара въ правый флангъ Турокъ, а остальныя сотни, подъ начальствомъ войсковаго старшины Тришатнаго—понеслись прямо съ фронта. Турки, не выждавъ удара, обратились въ бѣгство, сперва право-фланговый, а потомъ и лѣво-фланговый полкъ; примѣру ихъ послѣдовали и всѣ прочія непріятельскія войска́. Есаулъ Сердюковъ взялъ съ боя одно орудіе, остальныя-же ушли вмѣстѣ съ ихъ прикрытіемъ. Али-паша покушался остановить бѣжавшія войска́, и если не былъ убитъ окружавшими его казаками, то спасся, вѣроятно, только благодаря капитану Романовскому, который, усмотрѣвъ раненаго, но все еще продолжавшаго сопротивляться, пашу, успѣлъ остановить казаковъ. Али-паша былъ захваченъ въ плѣнъ. Главная масса Турокъ бѣжала по ольтинской дорогѣ, а другая къ селенію Котыкъ. Капитанъ Романовскій, собравъ по возможности казаковъ, изъ которыхъ одни были увлечены въ разныя стороны преслѣдованіемъ бѣжавшихъ Турокъ, а другіе кинулись въ ихъ лагерь, направилъ казачьи сотни по ольтинской дорогѣ. Линейцы гнали непріятеля на протяженіи 15-ти верстъ, и только наступившая темнота и совершенное утомленіе лошадей заставили ихъ прекратить преслѣдованіе, въ продолженіи коего взяты ими еще два орудія, четвертое-же захвачено на дорогѣ въ сел. Котыкъ, куда самъ Ковалевскій послалъ часть своей колонны. Уронъ непріятеля простирался одними убитыми до 300 человѣкъ. Въ плѣнъ взяты, кромѣ начальника отряда Али-паши, одинъ офицеръ и 45 нижнихъ

чиновъ. Съ нашей стороны убитыхъ не было; ранены 2 казака и 6 милиціонеровъ.

Такимъ образомъ участь боя была рѣшена пятью казачьими сотнями. Появленіе драгунъ, грозы Турокъ, послужило только къ устрашенію непріятеля. Полковникъ Долотинъ, съ своими орудіями, прибылъ въ Пенякъ уже ночью, пройдя въ восемь часовъ 40 верстъ, по такой дорогѣ, которая считалась совершенно неудобною для движенія артиллеріи; эшелонъ маіора Кобіева пришелъ на слѣдующее утро; а эшелонъ полковника Шликевича, достигнувъ спуска къ сел. Арсиneку, получилъ приказаніе остановиться. Въ тотъ-же день, 31-го августа (12-го сентября), Ковалевскій, съ большою частью кавалеріи, отправился въ Панжрутъ, откуда продолжалъ движеніе подъ Карсъ, приказавъ пѣхотѣ идти туда-же обратно на Башъ-кевъ ([11]).

Донесеніе о побѣдѣ при Пенякѣ было получено въ нашемъ лагерѣ 31-го-же августа (12 го сентября), вечеромъ, уже послѣ зари. Главнокомандующій, обрадованный этимъ извѣстіемъ, вышелъ изъ своей палатки, поздравляя всѣхъ встрѣтившихся ему офицеровъ и солдатъ съ одержанною побѣдою, и приказалъ полковнику де-Сажè пустить какъ можно болѣе ракетъ, а полковой музыкѣ играть во всѣхъ концахъ лагеря. На другой день былъ посланъ въ крѣпость парламентеръ, который узналъ отъ одного изъ непріятельскихъ офицеровъ, что Турки, удивленные нашимъ фейерверкомъ и музыкою, игравшею въ такую позднюю пору, приняли наше торжество за празднованіе дня имянинъ Государя Императора *).

*) Одинъ изъ участниковъ осады Карса пишетъ, будтобы на вопросъ нашего парламентера: „что думали въ крѣпости о ракетахъ, музыкѣ и крикахъ ура?"—турецкій офицеръ отвѣчалъ: „мы думали, что вамъ дали новаго сардара" (главнокомандующаго).

4-го (16-го) сентября, въ сумерки, генералъ Ковалевскій подъѣхалъ къ палаткѣ главнокомандующаго и представилъ ему Али-пашу, которому, по приказанію генерала Муравьева, тогда-же была возвращена сабля. Али-паша, стройный, большаго роста, лѣтъ 60-ти, состоялъ въ чинѣ, равняющемся генералъ-лейтенанту. Онъ былъ весьма уважаемъ въ народѣ и войскѣ за его храбрость и продолжительную отличную службу. Будучи представленъ нашему главнокомандующему, онъ, въ порывѣ хвастливости, обычной Туркамъ, сказалъ: „Сардарь! Взятіе меня въ плѣнъ стóитъ взятія Карса“ ([12]).

Утромъ 5-го (17-го) сентября, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ за дарованную побѣду, и при возгласѣ: „Тебѣ Бога хвалимъ“ раздалась пальба изъ 4-хъ отбитыхъ при Пенякѣ орудій. За тѣмъ, у походной церкви, окруженной войсками, генералъ Муравьевъ раздавалъ въ каждую часть ихъ маленькія иконы Ростовскихъ чудотворцевъ, присланныя изъ Ростова тамошнимъ купцомъ Рахмановымъ; первыя двѣ были вручены вызваннымъ изъ строя Ярославцамъ, лично знавшимъ благочестиваго жертвователя извѣстнаго многими добрыми дѣлами ([13]).

При возвращеніи отряда Ковалевскаго, въ рядахъ его войскъ появилась холера, отъ которой умерли нѣсколько драгунъ и казаковъ.

Нѣсколько дней спустя, 7-го (19-го) сентября, обнаружились признаки эпидеміи и въ лагерѣ. Немедленно были приняты самыя дѣятельныя гигіеническія мѣры: приказано носить набрюшники; вмѣсто трехъ чарокъ вина, положенныхъ на каждаго изъ нижнихъ чиновъ въ недѣлю, стали отпускать по пяти; запрещено ловить рыбу и купаться, а маркитантамъ—продавать рыбу и фрукты; ученія были

прекращены и, вмѣсто ихъ, введены различныя гимнастическія упражненія. Эти распоряженія оказали благопріятное вліяніе на здоровье людей; хотя холера продолжалась до начала ноября, однако-же число заболѣвшихъ ею не превосходило 1,070 человѣкъ, изъ коихъ умерло всего 380. Несравненно губительнѣе она была въ Карсѣ, гдѣ появилась эпидемія такъ-же въ началѣ (въ половинѣ) сентября (14).

Между тѣмъ въ нашихъ лагеряхъ ходили слухи о высадкѣ Турокъ у Батума и другихъ пунктовъ, и о движеніи значительныхъ силъ на выручку Карса. Хотя эти слухи не подтвердились достовѣрными свѣдѣніями, однако-же наши войска оставались въ постоянномъ ожиданіи непріятеля, котораго появленіе могло повести къ снятію осады, слѣдовательно къ уничтоженію трехъ-мѣсячныхъ усилій Дѣйствующаго корпуса. Возможность прибытія турецкаго вспомогательнаго войска озабочивала каждаго и тѣмъ болѣе нашего главнокомандующаго, который, откладывая штурмъ до осени, по соображеніямъ, изложеннымъ имъ въ письмѣ къ военному министру, отъ 6-го іюня, поступилъ несогласно съ общимъ желаніемъ войска—штурмовать Карсъ немедленно по прибытіи къ нему Дѣйствующаго корпуса. Въ этой-то озабоченности и должно признать главную причину, побудившую генерала Муравьева рѣшиться на штурмъ въ сентябрѣ, тѣмъ болѣе, что мы не могли навѣрно знать, сколько именно жизненныхъ запасовъ оставалось въ Карсѣ.

Главнокомандующій, желая имѣть сколько-нибудь опредѣлительныя свѣдѣнія—по какое время Анатолійская армія могла держаться въ Карсѣ, поручилъ подполковнику Кауфману 2-му сдѣлать приблизительное исчисленіе запасовъ, которые оставались въ

обложенной крѣпости. Основаніями для такого разсчета послужили: показанія жителей о количествѣ и величинѣ вьючныхъ транспортовъ съ хлѣбомъ, приходившихъ въ Карсъ зимою и весною; показанія жителей и лазутчиковъ о количествѣ хлѣба, хранившагося въ карсскихъ магазинахъ и мечетяхъ, и довольно вѣрныя свѣдѣнія о количествѣ зерна еже суточно перемалываемаго на тамошнихъ мельницахъ. Подполковникъ Кауфманъ такъ-же принялъ въ соображеніе убыль гарнизона и всѣ случайности, которыя, на основаніи опыта, могли служить въ выгоду, либо невыгоду гарнизона. Исчисленіе остающихся запасовъ показало три эпохи, въ которыя продовольствіе въ Карсѣ, по всей вѣроятности, должно было совершенно истощиться, именно: 25-е сентября (7-е октября), 13-е (25-е) октября и 10-е (22-е) ноября. Вѣрнѣйшаго, болѣе точнаго разсчета нельзя было вывести, тѣмъ паче, что сами турецкіе начальники не имѣли по этому предмету никакихъ опредѣлительныхъ свѣдѣній ([15]).

Опасенія на счетъ непріятельской высадки не были напрасны. Дѣйствительно — въ это время, Союзники, послѣ долгихъ колебаній, наконецъ рѣшились приступить къ освобожденію Карса. Еще въ іюнѣ, Омеръ-паша, наскучивъ своимъ бездѣйствіемъ и тою жалкою ролью, которая была предоставлена турецкой арміи въ Крыму, возбудилъ вопросъ о высадкѣ 25-ти тысячъ Турокъ на берега Мингреліи и движеніи ихъ на Кутаисъ, и далѣе къ Тифлису, что́, по его мнѣнію, послужило бы къ ослабленію блокаднаго корпуса, заставя Муравьева отдѣлить часть войскъ для защиты Закавказья и обезпеченія сообщеній съ Россіею. На военномъ совѣтѣ, собранномъ по этому поводу генераломъ Пелисьѐ, планъ Омеръ-паши не былъ одобренъ. Самъ

Пелисье не придавалъ большаго значенія Карсу и заботился несравненно болѣе о покореніи Севастополя, нежели о защитѣ Малой Азіи. Не успѣвъ склонить Союзниковъ къ согласію на свое предложеніе, Омеръ отправился въ Константинополь, гдѣ надѣялся найти болѣе дѣйствительную поддержку, но и тамъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны англійскаго правительства, которое, основываясь преимущественно на донесеніяхъ Вилліамса, прежде настаивало на поддержаніи турецкой арміи высылкою къ ней подкрѣпленій прямо чрезъ Трапезунтъ и Эрзерумъ. Сообразно тому, Омеръ-паша, сдѣлавъ распоряженія къ амбаркаціи войскъ, назначенныхъ въ составъ дессантнаго корпуса, въ Евпаторіи, Варнѣ и Константинополѣ, прибылъ въ началѣ (въ половинѣ) сентября въ Малую Азію, посѣтилъ Трапезунтъ, Батумъ, Поти, Редутъ-Кале и Сухумъ-Кале, осмотрѣлъ расположенныя въ этихъ пунктахъ войска и сдѣлалъ распоряженія по продовольственной и перевозочной частямъ, на случай движенія вспомогательнаго корпуса изъ Батума къ Карсу; тогда-же приступлено къ разработкѣ дороги на Кулу, чрезъ Аджарію. Изъ Батума онъ извѣстилъ Вилліамса, что чрезъ 20 дней надѣется придти въ помощь карскому гарнизону. Письмо Омера, полученное Вилліамсомъ 11-го (23-го) сентября, почти одновременно съ извѣстіемъ о занятіи Союзниками Севастополя, возбудило общій восторгъ въ Карсѣ ([16]). Раздались салютаціонные выстрѣлы съ цитадели; но эта пальба вскорѣ была прервана и замѣнилась боевыми выстрѣлами съ Карадага, вызванными смѣлымъ поискомъ Бакланова. Замѣтивъ, что Турки нѣсколько дней сряду высылали своихъ лошадей съ фуражирами на пастбище къ востоку отъ крѣпости, Баклановъ устроилъ засаду и отхватилъ часть непрія-

тельской партіи; здѣсь было изрублено до 30 Турокъ и взято въ плѣнъ 12. Въ этомъ дѣлѣ весь уронъ нашъ состоялъ въ одномъ раненомъ юнкерѣ горской милиціи, молодомъ князѣ Казбекѣ, подъ которымъ была убита лошадь; самъ онъ, получивъ двѣ раны пикою въ бокъ и одну саблею въ голову, подвергался явной гибели, но спасенъ извѣстнымъ своею храбростью Имеретинцемъ Гватуа́, который, будучи друженъ съ Казбекомъ, бросился ему въ помощь, изрубилъ трехъ Турокъ и привезъ раненаго на своей лошади ([17]).

Извѣстіе о паденіи Севастополя было получено въ русскомъ лагерѣ 12-го (24-го) сентября. Лазутчики наши сообщили также свѣдѣніе о выступленіи Омера-паши съ войскомъ изъ Батума по аджарской дорогѣ. И дѣйствительно — Омеръ двинулся-было на выручку Карса, но сдѣлавъ два перехода, по горнымъ дорогамъ, до сел. Кулы, обратился назадъ къ Батуму.

Генералъ Муравьевъ, зная, что Омеръ-паша успѣлъ собрать отъ 35-ти до 40-а тысячъ довольно хорошаго войска и имѣлъ намѣреніе двинуться одновременно отъ Батума къ Ахалцыху и отъ Эрзерума къ Карсу, полагалъ, что наступленіе непріятеля въ такихъ значительныхъ силахъ могло побудить насъ къ ослабленію, либо даже къ снятію блокады Карса, и что, въ такомъ случаѣ, остались-бы напрасными всѣ наши прежніе труды и жертвы. Единственнымъ средствомъ предупредить столь невыгодный исходъ дѣла былъ штурмъ Карса. Уничтоживъ армію, обложенную въ крѣпости, не трудно было справиться со вспомогательнымъ корпусомъ. По видимому всѣ обстоятельства ручались въ успѣхѣ этого предпріятія: изнуреніе карскаго гарнизона и превосходное состояніе нашего Дѣйствующаго корпуса; общее же-

ланіе всѣхъ и каждаго довершить труды цѣлой кампаніи рѣшительнымъ ударомъ и блистательно отмстить за паденіе Севастополя; постоянныя удачи при каждой встрѣчѣ съ непріятелемъ.

Рѣшась на штурмъ, главнокомандующій собралъ 15-го (27-го) сентября военный совѣтъ и предложилъ на его обсужденіе вопросъ о предстоявшихъ дѣйствіяхъ. Въ совѣтѣ участвовали: генералъ-лейтенанты: Бриммеръ, Ковалевскій и князь Гагаринъ; генералъ-маіоры: Майдель и Броневскій и полковникъ Кауфманъ 1-й. Генералъ Муравьевъ открылъ совѣщаніе объявленіемъ, что Омеръ-паша съ 30-ю тыс. человѣкъ высадился въ Батумѣ и идетъ на освобожденіе Карса. По мнѣнію главнокомандующаго — „слѣдовало овладѣть крѣпостью и потомъ идти на встрѣчу пашѣ; овладѣть-же немедленно Карсомъ можно было не иначе какъ штурмомъ.“ Затѣмъ, когда генералъ Муравьевъ обратился къ генералу Бриммеру, желая знать его мнѣніе, Бриммеръ сказалъ: „сколько мнѣ кажется, если Омеръ-паша дѣйствительно высадился въ Батумѣ, то онъ не можетъ вскорѣ придти къ Карсу, по плохимъ дорогамъ“.... Главнокомандующій прервалъ его, сказавъ: „паша можетъ здѣсь быть черезъ недѣлю.“— „Въ такомъ случаѣ — отвѣчалъ Бриммеръ — вашему высокопр-ву лучше извѣстно положеніе Карса, и можемъ-ли мы ожидать сдачи крѣпости до прибытія Омера-паши.“—„Въ этомъ я не увѣренъ—отвѣчалъ генералъ Муравьевъ—и полагаю, что необходимо или побить пашу, или взять Карсъ до его прихода.... Такъ вы согласны на штурмъ?“—„Согласенъ“ — сказалъ Бриммеръ. Прочіе члены военнаго совѣта изъявили такое-же мнѣніе. Замѣтимъ однакоже, что неучаствовавшій въ совѣтѣ, генералъ Баклановъ, извѣстный своею рѣшимостью и смѣлостью,

ПЛАНЪ
КРѢПОСТИ КАРСА СЪ ОКРЕСТНОСТЯМИ

МАСШТАБЪ
въ Англійскомъ дюймѣ 500 саж.

просилъ доложить отъ его имени главнокомандующему, что возведенныя Турками въ послѣднее время укрѣпленія весьма сильны и что нѣкоторыя изъ нихъ не означены на имѣвшихся у насъ планахъ.

Впрочемъ—на совѣтѣ не было сдѣлано никакихъ возраженій противъ штурма. Не то было когда генералъ Муравьевъ сталъ читать составленную имъ диспозицію къ штурму. Предполагалось направить главную атаку на Шорахскія и Чахмахскія высоты, на томъ основаніи, что занятіе высотъ, командовавшихъ цитаделью, городомъ и нижнимъ лагеремъ, должно было рѣшить обладаніе Карсомъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, для второстепенной атаки—противъ нижняго лагеря назначены были довольно значительныя силы, что̀ ослабляло атаку на главномъ пунктѣ. Таково было мнѣніе всѣхъ членовъ военнаго совѣта. Генералъ Бропевскій горячо обстаивалъ его, и хотя главнокомандующій на сей разъ не согласился съ нимъ, однакоже, вскорѣ за тѣмъ, измѣнилъ прежнюю диспозицію и нѣсколько усилилъ войска, назначенныя для главной атаки ([18]).

Шорахскія высоты, на которыхъ была расположена передовая линія турецкихъ укрѣпленій, простираются на $2^1/_2$ версты; ихъ гребень находится въ разстояніи отъ Карса версты на три. Онѣ отдѣляются отъ Чахмахскихъ высотъ ложбиною, которая спускается къ югу до лѣваго берега Карсъ-чая, а къ сѣверу оканчивается оврагомъ, на днѣ коего лежитъ сел. Чахмахъ. На сѣверномъ концѣ Шорахскихъ высотъ находится весьма скалистая и почти неприступная гора Ширшане, прозванная нами *башибузукскою горою*, сѣверо-восточная покатость которой, для обстрѣливанія Чахмахскаго оврага, была

занята небольшою батареей. Влѣво-же (къ югу) отъ горы Ширшане. Шорахскій хребетъ, на протяженіи полуторы версты, былъ укрѣпленъ слѣдующимъ образомъ: *на правомъ флангѣ*, въ видѣ вогнутой дуги, тянулись окопы, подъ названіемъ *Ренисонскихъ линій*; *въ центрѣ* находился редутъ *Юксекъ-табіа* съ двумя выдвинутыми впередъ батареями: *Гюрджи-табіа* и *Кая-табіа* или *Арымъ-ай*; *на лѣвомъ-же флангѣ*, полковникъ Лекъ отодвинулъ оборонительную линію саженъ на 200 отъ гребня высотъ, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы не имѣть вблизи передъ укрѣпленіями мертваго пространства, образуемаго крутою покатостью горъ, и доставить этой части линіи фланговую оборону съ южнаго фаса редута Юксекъ-табіа. Укрѣпленія лѣваго фланга состояли изъ редута *Тахмасъ-табіа*, по сторонамъ котораго тянулись окопы: вправо на сто шаговъ и влѣво, по покатости къ берегу Карсъ-чая, до батареи *Гуссейнъ-табіа* — на 400 шаговъ. Вообще-же Шорахскія укрѣпленія хотя, по недостатку времени, не превосходили своими размѣрами полевыхъ укрѣпленій, однакоже вмѣстѣ съ Чахмахскими линіями доставляли возможность упорной обороны, тѣмъ болѣе, что всѣ доступы къ нимъ были затруднены крутыми подъемами съ ложементами для стрѣлковъ ([19]).

Что касается до вооруженія артиллеріей и занятія войсками турецкихъ укрѣпленій, то главнымъ источникомъ свѣдѣній объ этихъ предметахъ служатъ показанія Венгерца Кмети (Измаила-паши), которому была ввѣрена оборона Шорахскихъ высотъ. По его свидѣтельству, редутъ Тахмасъ-табіа, съ примыкавшимъ къ нему ретраншаментомъ, былъ вооруженъ двумя крѣпостными и девятью полевыми орудіями и въ немъ находилось три арабистанскихъ

баталіона, (въ числѣ коихъ одинъ стрѣлковый за лѣвымъ длиннымъ крыломъ). Въ редутѣ Юксекъ-табіа съ обѣими передовыми батареями стояло три крѣпостныхъ и семь полевыхъ орудій и три арабистанскихъ баталіона. Гвардейскій стрѣлковый баталіонъ съ двумя эскадронами спѣшенной кавалеріи и двумя полевыми орудіями занималъ Рениcонскія линіи Общій резервъ войскъ, оборонявшихъ Шорахскія высоты. въ составѣ двухъ арабистанскихъ баталіоновъ, съ пятью полевыми запряженными орудіями, былъ расположенъ позади Тахмасъ-Табіа. Всего-же для обороны этихъ высотъ было назначено 9 баталіоновъ лучшихъ турецкихъ войскъ, въ числѣ 3,900 челов. съ 28-ю орудіями ([20]).

Для обороны „англійскихъ“ линій было расположено собственно въ линіяхъ: два анатолійскихъ баталіона, 250 Лазовъ и 10 орудій (3 крѣпостныхъ и 7 полевыхъ), а въ сомкнутомъ укрѣпленіи Вели-паша-табіа: одинъ анатолійскій баталіонъ, 150 спѣшенныхъ кавалеристовъ и 8 орудій (4 крѣпостныхъ и 4 полевыхъ). Въ Чимъ-табіа: одинъ анатолійскій баталіонъ, 150 спѣшенныхъ кавалеристовъ, 80 Лазовъ и 6 орудій (4 крѣпостныхъ и 2 полевыхъ). Кромѣ того, одно орудіе стояло на отдѣльной скалѣ Лазъ-тепе, у самаго берега Карсъ-чая, для дѣйствія картечью противъ нашихъ охотниковъ (Лорисъ-Меликова), безпрестанно тревожившихъ гарнизонъ Карса. Всего-же на Чахмахскихъ высотахъ находилось: 4 баталіона, 330 Лазовъ и 300 человѣкъ спѣшенной кавалеріи съ ружьями, всего въ числѣ 2,560 человѣкъ съ 25-ю орудіями ([21]).

Вообще-же на лѣвой сторонѣ Карсъ-чая, было, ежели можно вѣрить показанію Кмети:

Пѣхоты	5,020	человѣкъ.
Кавалеріи	500	„
Артиллеріи при 53-хъ орудіяхъ	939	„
Итого . . .	6,459	человѣкъ.

Остальныя войска были размѣщены по укрѣпленіямъ нижняго лагеря и Карадага; наконецъ—общій резервъ стоялъ на правой сторонѣ Карсъ-чая, у внутренней ограды нижняго лагеря, гдѣ такъ-же находились муширъ Вассифъ-паша и Вилліамсъ (22).

Расположеніе турецкихъ укрѣпленій было нами предварительно изслѣдовано и даже вычерчено, съ возможною точностью, на планѣ окрестностей Карса. Число орудій и войскъ въ укрѣпленіяхъ намъ было извѣстно по распросамъ перебѣжчиковъ, которые показывали, что на Шорахскихъ высотахъ находилось отъ 5-ти до 6-ти тысячъ человѣкъ арабистанскаго войска. Но, къ сожалѣнію, свѣдѣнія, послужившія къ составленію подробнаго плана, были основаны на рекогносцировкахъ произведенныхъ въ іюнѣ и іюлѣ. Мы не знали, что Тахмасъ-табіа и Юксекъ-табіа въ послѣдніе дни передъ штурмомъ были значительно усилены и обращены въ сомкнутыя укрѣпленія. Нельзя было намъ такъ-же вполнѣ ознакомиться съ мѣстными затрудненіями и съ устроенными въ послѣднее время непріятелемъ ложементами, которые при штурмѣ оказались важными преградами.

Главную атаку предполагалось повести съ западной стороны, на Шорахскія и Чахмахскія высоты, которыя въ кампанію 1828 года были заняты нашими войсками безъ сопротивленія, а въ 1855 составляли сильнѣйшій пунктъ Карса и оборонялись лучшими изъ турецкихъ войскъ. Но, за то, овладѣніе этими высотами, господствующими надъ городомъ

и нижнимъ лагеремъ, должно было оказать рѣшительное вліяніе на успѣхъ дѣйствій.

На основаніи диспозиціи для штурма, войска наши были раздѣлены на нѣсколько колоннъ.

Въ составѣ *лѣвой* или *первой* колонны, генералъ-лейтенанта Ковалевскаго, находились: Виленскаго егерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Шликевича, 3 баталіона, Бѣлевскаго егерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Неѣлова, 3 баталіона; Кавказской гренад. артилл. бригады батарейная № 2-го батарея, штабсъ-капитана Красовскаго — 8 орудій; кавалерія, подъ начальствомъ полковника князя Дондукова-Корсакова: Нижегородскій драгунскій полкъ — 8 эскадроновъ; Линейный казачій № 2-го полкъ — 5 сотень; донская казачья № 7-го батарея — 8 орудій и ракетная команда — 8 станковъ; всего-же въ колоннѣ: 2,850 чел. пѣхоты и 1,400 кавалеріи, съ 16-ю орудіями и 8-ю ракетными станками. Сборный пунктъ первой колонны былъ назначенъ лѣвѣе и нѣсколько впереди *Обсерваціонной горы*, откуда войскамъ надлежало двинуться противъ праваго крыла непріятельской позиціи (Ренисонскихъ линій), выждавъ наступленіе колонны Майделя.

Въ составѣ *промежуточной* колонны, генералъ-лейтенанта князя Гагарина, находились: Ряжскаго пѣхотнаго полка одинъ баталіонъ; Тульскаго егерскаго полка 3 баталіона; рота сапернаго и рота стрѣлковаго баталіона; 18-й артилл. бригады батарейной № 4-го батареи 4 орудія. Всего-же въ *промежуточной* колоннѣ 2,200 человѣкъ пѣхоты. Сборный пунктъ для нея былъ назначенъ впереди сел. Шорахъ, правѣе Обсерваціонной горы, откуда войска должны были направиться въ промежутокъ между Яриманъ и Тахмасъ-табіями, въ связи съ прочими колоннами.

Въ составѣ *второй* или *правой* колонны, гене-

ралъ-маіора Майделя, находились: Лейбъ-карабинернаго Его Величества полка *) 3 баталіона, подъ начальствомъ полковника Моллера; Грузинскаго гренадерскаго полка 3 баталіона, подъ начальствомъ полковника Тарханъ-Моуравова 2-го, Мингрельскаго егерскаго полка 2 баталіона, подъ начальствомъ полковника Серебрякова, Ряжскаго пѣхотнаго полка 2 баталіона, подъ начальствомъ полковника Ганецкаго; три роты Кавказскаго сапернаго баталіона, подъ начальствомъ капитана Бектабекова, и двѣ роты Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, подъ начальствомъ полковника Лузанова; Кавказской гренад. артиллерійской бригады: батарейная № 1 батарея, подполковника Брискорна, и легкая № 1 батарея, полковника де-Саже; дивизіонъ, сформированный изъ горныхъ орудій отбитыхъ при Пенякѣ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Бропевскаго; Сборный полкъ легкой кавалеріи—5 сотенъ. Всего-же въ правой колоннѣ: пѣхоты до 6,000 и кавалеріи 400 челов. съ 20-ю орудіями. Сборный пунктъ этой колонны былъ назначенъ у подошвы *горы Столъ*, откуда войска должны были начать атаку въ 4 часа утра, выдвинувъ къ *горѣ Муха* батареи, подъ прикрытіемъ одного баталіона, для предварительнаго дѣйствія артиллеріи по внутренности укрѣпленій.

Вообще-же для главной атаки было назначено до 11-ти тысячъ человѣкъ пѣхоты и до 1,800 кавалеріи съ 40 орудіями и 8-ю ракетными станками.

Общій резервъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Бриммера: Лейбъ-карабинернаго Его Величества полка одинъ баталіонъ; Грузинскаго гренадерска-

*) Въ 1855 году, Эриванскій карабинерный Наслѣдника Цесаревича полкъ наименованъ Лейбъ-карабинернымъ Эриванскимъ Его Величества.

го полка 2 баталіона; Рязанскаго пѣхотнаго полка 3 баталіона; Ряжскаго пѣхотнаго полка 2 баталіона; Бѣлевскаго егерскаго полка 2 баталіона, рота Кавказскаго стрѣлковаго баталіона; 18-ой артиллерійск. бригады. легкія №№ 6 и 7 батареи и дивизіонъ легкой № 8 батареи; 2 осадныхъ орудія; Донскаго казачьяго № 4 полка 4 сотни и грузинской дворянской дружины одна сотня. Всего-же въ общемъ резервѣ до 5,000 челов. пѣхоты и до 500 конницы, съ 22-мя орудіями. Сборный пунктъ общаго резерва у развалинъ сел. *Кюмбетъ*, откуда къ началу штурма должно было его придвинуть къ подошвѣ горы Муха.

Для содѣйствія атакѣ Шорахскихъ высотъ положено было атаковать англійскія линіи на Чахмахскихъ высотахъ, а для отвлеченія вниманія непріятеля — произвести демонстрацію противъ нижняго лагеря.

Для атаки Чахмахскихъ высотъ назначены были: отрядъ генералъ-маіора Базина, получившій приказаніе еще наканунѣ штурма прибыть къ сел. Меликъ-кевъ, и отрядъ генералъ-маіора Бакланова, подъ общимъ начальствомъ Базина, въ слѣдующемъ составѣ: Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка 2 баталіона; Грузинскаго гренадерскаго полка резервный баталіонъ; полусотня Горійской пѣшей дружины; Тверской драгунскій полкъ—10 эскадроновъ; Сборнаго Кавказскаго линейнаго казачьяго № 1 полка и Донскаго казачьяго № 35 полка по пяти сотенъ; горской конной милиціи 2 сотни; 13-ой артиллерійской бригады дивизіонъ легкой № 2 батареи; Кавказской гренадерской артиллерійской бригады дивизіонъ резервной батареи; Донская конная № 6 батарея и ракетная команда. Всего-же въ колоннѣ Базина до 2,100 челов. пѣхоты и 2,300 челов. кавалеріи съ 16-ю орудіями и 8-ю ракетными станками.

Сборное мѣсто колонны — у подошвы *Чахмахскихъ горъ.*

Для демонстраціи противъ нижняго лагеря, назначена колонна генералъ-маіора графа Нирода, въ слѣдующемъ составѣ: Тульскаго егерскаго полка 2 баталіона, подъ начальствомъ полковника Булгакова 2-го; Рязанскаго пѣхотнаго полка одинъ баталіонъ; Новороссійскаго драгунскаго полка 8 эскадроновъ; милиція полковника Лорисъ-Меликова - 8 сотенъ; 13-й артилл. бригады батарейная № 2 батарея подполковника Ольшевскаго; 18-ой артилл. бригады дивизіонъ батарейной № 4 батареи; линейной казачьей № 13 батареи три взвода. Всего-же въ колоннѣ графа Нирода до 1,500 челов. пѣхоты и 1,800 кавалеріи съ 18-ю орудіями (23).

15-го (27-го) сентября, въ тотъ самый день, когда было рѣшено штурмовать Карсъ, разослана ввечеру диспозиція начальникамъ штурмовыхъ колоннъ, съ приказаніемъ не передавать ее въ подвѣдомственныя имъ части войскъ, чтобы не огласить преждевременно вѣсть о предстоявшемъ штурмѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, приказано перевести исподоволь изъ одного лагеря въ другой нѣкоторые баталіоны, сообразно ихъ распредѣленію по штурмовымъ колоннамъ. Войска, находившіяся на сѣнокосѣ, и всѣ отдѣльныя команды были собраны въ лагерь. Милиція Лорисъ-Меликова, которая могла-бы подать вѣсть въ Карсъ о предстоящемъ штурмѣ, была переведена къ селенію Магараджихъ. Для охраненія главнаго лагеря и вагенбурга, расположеннаго у Каны-кевъ, оставленъ одинъ баталіонъ Рязанскаго полка съ дивизіономъ легкой № 6-го батареи 18-ой артилл. бригады, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шонерта; а для наблюденія эрзерумской дороги высланъ къ сел. Котаплы

полковникъ Едигаровъ со 2-мъ конно-мусульманскимъ полкомъ ([24]).

16-го (28-го) сентября, наканунѣ штурма, начальники колоннъ, созванные къ главнокомандующему, получили окончательныя приказанія, для передачи ихъ начальникамъ частей войскъ. Солдаты должны были выспаться днемъ и находиться въ готовности къ движенію въ слѣдующую ночь. Людямъ приказано быть одѣтыми въ шинеляхъ, безъ ранцевъ, и имѣть на себѣ сухарей на двое сутокъ.

Ночь была холодная, лунная. Войска выступили изъ лагерей на сборные пункты, частью въ 10, частью въ $10^1/_2$ часовъ вечера. Первая колонна генерала Ковалевскаго и за нею въ слѣдъ промежуточная колонна князя Гагарина направились къ сел. Татлиджа, гдѣ присоединилась къ пѣхотѣ кавалерія князя Дондукова-Корсакова. Послѣ двухъ-часоваго отдыха, генералъ Ковалевскій, вызвавъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ Виленскаго полка, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Господа! главнокомандующій сдѣлалъ намъ большую честь, назначивъ Виленскій полкъ въ первую линію. Надѣюсь, что вы оправдаете это довѣріе. Мы пойдемъ въ атаку ротными колоннами. Какимъ-бы огнемъ насъ не встрѣтили, не отвѣчать на огонь, а прибавлять шагу и штыками выбить непріятеля изъ укрѣпленій. Ранеными не заниматься; задніе подберутъ. Назначить по 12-ти охотниковъ отъ каждой роты. Идя впереди своихъ ротъ, они будутъ служить примѣромъ для прочихъ. Господа! я надѣюсь на васъ; передайте мои слова вашимъ людямъ“.

Стали въ ружье. Ротные командиры передали слова генерала нижнимъ чинамъ и вызвали охотниковъ; вышло въ передъ болѣе половины людей; назначены самые надежные ([25]). За тѣмъ войска про-

должали движеніе на сборный пунктъ и прибывъ туда въ половинѣ 4-го часа утра, построились въ боевой порядокъ: первая линія, полковника Шликевича, состояла изъ 1-го и 2-го баталіоновъ Виленскаго полка, въ ротныхъ колоннахъ; въ интервалѣ между ними находилась батарейная батарея Красовскаго; а позади расположился въ колоннѣ къ атакѣ 3-й Виленскій баталіонъ, который долженъ былъ стать въ промежуткѣ между головными баталіонами, когда они пойдутъ въ атаку, оставя артиллерію на позиціи. Во второй линіи, полковника Нефлова, стали два баталіона Бѣлевскаго полка, въ колоннахъ къ атакѣ (5-й баталіонъ Бѣлевскаго полка долженъ былъ прикрывать батарею). Въ резервѣ оставалась кавалерія князя Дондукова. Передняя линія находилась въ разстояніи дальняго пушечнаго выстрѣла отъ непріятельскихъ батарей.

Непріятели вовсе не ожидали штурма, и даже, замѣтивъ наканунѣ движеніе въ нашемъ лагерѣ, думали, что мы, узнавъ о наступленіи Омера-паши, готовимся къ снятію блокады. Только одинъ Кметп изъявлялъ противное мнѣніе, полагая, что мы не уйдемъ, не испытавъ счастія на приступѣ.

Заря уже начала заниматься и генералъ Ковалевскій выжидалъ только, сообразно диспозиціи, наступленіе колонны Майделя, когда нечаянный выстрѣлъ одного изъ Виленскихъ солдатъ встревожилъ непріятеля. Генералъ Вилліамсъ немедленно отправился въ Лелекъ-табію и оставался тамъ вмѣстѣ съ Вассифъ-пашею; полковникъ Лекъ поѣхалъ изъ нижняго лагеря сперва въ Чимъ-табію, а потомъ въ Вели-паша-табію; капитанъ Томпсонъ—на Карадагъ, а секретарь Вилліамса Чорчиль—въ Сувари-табію, Раздался вдали звукъ сигнальнаго рожка; вслѣдъ за тѣмъ на высотѣ Ренисонскихъ линій вспыхнулъ ого-

пёкъ, загремѣлъ гулъ выстрѣла изъ крѣпостнаго орудія и за нимъ нѣсколько другихъ; гранаты, летя въ различныхъ направленіяхъ, то лопались въ нашихъ рядахъ, то рикошетировали за наступавшими войсками. Наши орудія также открыли огонь; барабанщики ударили бой въ атаку. Взойдя на небольшой холмъ, наша артиллерія остановилась и прекратила огонь; съ непріятельскихъ укрѣпленій засвистали штуцерныя пули. Ковалевскій и Шликевичъ, со своими штабами, ѣхали впереди; за ними ускореннымъ шагомъ, двигались ротныя колонны, въ головѣ которыхъ шли офицеры. Уже наши войска стали взбираться на гору; безъ выстрѣла, съ оглушительнымъ крикомъ „ура“, кинулись Виленцы бѣгомъ, надѣясь сойтись съ непріятелемъ и рѣшить дѣло штыками. Но скалистая, усѣянная крупными каменьями, крутость горы оказалась длиннѣе, чѣмъ мы ожидали. Пробѣжавъ по подъему ея, на сколько достало силъ, солдаты пошли шагомъ, едва переводя духъ отъ усталости. Сквозь дымъ, покрывшій всю окрестность, едва можно было различить массу бруствера, увѣнчаннаго огненнымъ гребнемъ ружейныхъ выстрѣловъ, сквозь который мѣстами прорывалось пламя пальбы изъ орудій. Войска наши попали подъ перекрестный огонь картечи и ружейныхъ пуль; какъ градъ, сыпались онѣ въ наступающія колонны; вторая наша линія смѣшалась съ первою, и обѣ линіи остановились въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ непріятельскихъ укрѣпленій. Ковалевскій и Шликевичъ, подъ которыми были убиты лошади, бросились впередъ съ шашками на-голо. Немногіе остававшіеся въ строю офицеры и нѣсколько солдатъ устремились за ними. Охотники, уцѣлѣвшіе отъ картечи и ружейнаго огня, вскочили на брустверъ и пали подъ ударами Турокъ. Самъ Ковалевскій, смертельно ра-

ненный, былъ вынесенъ съ трудомъ съ мѣста побоища; Шликевичъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ штабъ-офицеровъ Кавказскаго корпуса, убитъ на валу укрѣпленія. Въ довершеніе бѣдствія, наша вторая линія открыла пальбу сзади первой, которой люди, попавъ между двухъ огней, бросились на-земь, залегли за каменьями, за грудами труповъ своихъ товарищей, за убитыми лошадьми, и открыли частый огонь; но вскорѣ убѣдясь, что имъ не откуда было ожидать помощи, стали спускаться назадъ по скату горы, устилая его своими тѣлами. Все дѣло Виленцевъ продолжалось не долѣе получаса; но въ немъ погибла большая часть полка, и когда остальные люди въ послѣдствіи собрались въ лагерѣ князя Дондукова-Корсакова, ихъ разсчитали въ одинъ баталіонъ ([26]).

Колонна князя Гагарина, подойдя къ сел. Шораху, построилась къ бою: впереди охотники всѣхъ четырехъ баталіоновъ, въ числѣ ста человѣкъ, составили цѣпь; за ними, въ первой линіи, сталъ 2-й баталіонъ Ряжскаго полка, въ ротныхъ колоннахъ, а въ интервалѣ между ними расположились 4 батарейныя орудія; вторая линія состояла изъ двухъ баталіоновъ Тульскаго полка, въ колоннахъ къ атакѣ, а въ резервѣ оставленъ 4-й баталіонъ Тульскихъ егерей съ одною ротою стрѣлковаго баталіона и одною ротою саперъ.

Войскà князя Гагарина, которыя, на основаніи диспозиціи, должны были атаковать непріятеля въ промежуткѣ между его редутами, нѣсколько позже лѣвой колонны Ковалевскаго, построились въ боевой порядокъ около $3^1/_2$ часовъ утра. Какъ только раздались первые выстрѣлы съ турецкихъ батарей, охотники кинулись впередъ; но князь Гагаринъ остановилъ ихъ и повелъ въ атаку боевыя линіи,

оставя орудія подъ прикрытіемъ резерва. Пока наши войска двигались по равнинѣ, уронъ ихъ былъ незначителенъ; но какъ только они стали взбираться на высоту, гдѣ подъемъ постепенно становился круче и каменистѣе, и гдѣ непріятель заранѣе означилъ дистанціи пирамидами изъ камней, огонь турецкихъ штуцерныхъ и прочей пѣхоты сдѣлался болѣе убійственъ. Не смотря однако-же на то, охотники, подъ командою подпоручиковъ Яцына 1-го и Симонова, бросились, по указанію генеральнаго штаба штабсъ-капитана Кузьминскаго, на люнетъ Ярымъ-Ай; за ними устремился 2-й баталіонъ Ряжскаго полка; подойдя къ укрѣпленію шаговъ на пятьдесятъ, охотники и Ряжцы кинулись впередъ бѣгомъ, съ крикомъ „ура", обогнули съ фланговъ люнетъ, откуда гарнизонъ бѣжалъ въ редутъ Юксекъ, и овладѣвъ люнетомъ, взяли два орудія. Увлеченные успѣхомъ, отважные Ряжцы атаковали также и Юксекъ-табію, но были отбиты. Самъ князь Гагаринъ повелъ свою вторую линію влѣво, чтобы избѣжать смертоноснаго огня съ фронта; но въ тоже самое время былъ тяжело раненъ двумя пулями. Оставшійся старшій по немъ, маіоръ Михайловъ 8-й и другой баталіонный командиръ Тульскаго полка маіоръ Афремовъ были ранены; изъ шести ротныхъ командировъ, три убиты и три ранены. Среди треска пальбы, въ густомъ дыму, Тульцы, лишившись начальниковъ и передавая другъ другу команду князя Гагарина—принять влѣво, присоединились къ отступавшимъ Бѣлевцамъ, колонны Ковалевскаго, и отошли назадъ вмѣстѣ съ ними. Такимъ образомъ засѣвшіе въ Ярымъ-табіи Ряжцы держались тамъ одни еще четверть часа, но потерявъ много людей отъ огня изъ редута Юксекъ-табіи, принуждены были очистить взятое ими укрѣпленіе, оставя тамъ оба отбитыя у непріятеля ору-

дія и нѣсколько раненыхъ. въ числѣ коихъ былъ и подпоручикъ Яцынъ; этотъ храбрый офицеръ, ограбленный до-нага Турками, не миновалъ-бы общей всѣмъ плѣннымъ гибели. еслибы не былъ спасенъ капитаномъ Тиселемъ *). Остальные люди Ряжскаго баталіона продолжали держаться во рву люнета, пока капитанъ Тиседель. выйдя изъ редута Юксекъ-табіа, взялъ обратно потерянныя орудія. Только тогда Ряжцы были принуждены отступить и отошли не къ резерву князя Гагарина, стоявшему у селенія Шораха, а къ своимъ баталіонамъ второй колонны Майделя, съ которыми вмѣстѣ продолжали сражаться. Въ числѣ убитыхъ былъ баталіонный командиръ полковникъ Брещинскій. Самъ князь Гагаринъ, съ разбитымъ плечемъ и простреленною шеею, весь облитый кровью, шелъ, едва держась на ногахъ, и будучи встрѣченъ однимъ изъ адъютантовъ главнокомандующаго, на вопросъ его о ранѣ, указавъ на грудь, сказалъ: „здѣсь она; скажите Николаю Николаевичу, что я старался исполнить всё, что мнѣ было поручено, но—вотъ видите—болѣе уже ничего не могу“ (27).

Вторая (правая) колонна, генерала Майделя, выступила изъ лагеря при Чифтликаѣ, въ 10½ часовъ вечера, по направленію къ горѣ Столъ, и сдѣлавъ привалъ, построилась, около 3-хъ часовъ утра въ боевой порядокъ. Въ первой линіи стали: на правомъ крылѣ, подъ начальствомъ полковника Моллера, 1-й и 2-й баталіоны Лейбъ-Карабинернаго Его Величества полка, въ ротныхъ колоннахъ, въ двѣ линіи, въ шахматномъ порядкѣ; на лѣвомъ крылѣ, подъ начальствомъ полковника Серебрякова, 3-й и 4-й Мингрельскіе баталіоны, въ такомъ-же порядкѣ;

*) По возвращеніи изъ плѣна подпоручикъ Яцынъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степ.

а въ центрѣ, между правымъ и лѣвымъ крыломъ — 4 горныхъ орудія. Во второй линіи, подъ начальствомъ полковника князя Тарханъ-Моуравова 2-го, находились 4-й баталіонъ Лейбъ-Карабинернаго и три баталіона Грузинскаго гренадерскаго полковъ, въ колоннахъ къ атакѣ. Резервъ, подъ начальствомъ полковника Ганецкаго, состоялъ изъ двухъ баталіоновъ Рижскаго полка, батарейной № 1 батареи, подполковника Брискорна, и двухъ саперныхъ ротъ. (Двѣ стрѣлковыя и одна саперная роты находились за первою линіей). За резервомъ сталъ Сборный кавалерійскій полкъ войсковаго старшины Добрынина. Около 4-хъ часовъ, прибылъ отъ главнокомандующаго къ войскамъ Майделя полковникъ Кауфманъ 1-й. По его указанію, стоявшая за второю линіей 1-я легкая батарея, полковника де-Саже, съ прикрытіемъ изъ одной саперной и двухъ стрѣлковыхъ ротъ, быстро выдвинулась вправо, на высоту близъ горы Муха, а наша первая линія незамѣтно подошла къ непріятелю на разстояніе четырехъ сотъ саженъ. Это было въ $^3/_4$ пятаго часа, и тогда-же раздался первый выстрѣлъ съ редута Тахмасъ-табіа, на который отвѣчали наши батареи: сперва 1-я легкая, а потомъ и 1-я батарейная, пристроившаяся къ лѣвому флангу 1-й легкой. Турецкая пѣхота, по тревогѣ, спѣшила на валы и въ ложементы, и чрезъ нѣсколько минутъ редутъ Тахмасъ-табіа и прилежащіе къ нему окопы увѣнчались огненною линіей выстрѣловъ, столь частыхъ, что они сливались въ непрерывной гулъ, прерываемый только громомъ крѣпостныхъ орудій. Генералъ Майдель, подведя свою первую линію на ружейный выстрѣлъ, приказалъ ударить бой въ атаку и двинулъ войска́ бѣглымъ шагомъ: полковникъ Серебряковъ, съ однимъ изъ баталіоновъ Мингрельскаго полка, направился въ про-

межутокъ между редутами Юксекъ-табіа и Тахмасъ-табіа; маіоръ Баумъ, съ другимъ Мингрельскимъ баталіономъ, нѣсколько правѣе Тахмасъ-табіи; полковникъ Моллеръ, съ 1-мъ и 2-мъ баталіонами Эриванцевъ—еще правѣе, на ретраншаментъ, а 4-й баталіонъ, подъ начальствомъ маіора Визирова, изъ 2-й линіи двинулся поспѣшно въ обходъ, по дорогѣ близъ Карсъ-чая. Вмѣстѣ съ тѣмъ, горный дивизіонъ Броневскаго вынесся впередъ и снявшись со вьюковъ, осыпалъ непріятеля картечью. Ротныя колонны первой линіи, не смотря на усталость людей, подъ градомъ пуль, съ грознымъ крикомъ „ура", пошли на штурмъ, выбили Турокъ изъ ложементовъ, вскочили на валъ длиннаго ретраншамента и захватили стоявшія за нимъ орудія: изъ числа ихъ два были взяты полковникомъ Моллеромъ съ Эриванцами, а другія два—маіоромъ Баумомъ съ Мингрельцами. Не столь удачна была атака Серебрякова на редутъ Тахмасъ-табію и на ретраншементъ вправо (къ сѣверу) отъ редута, коего профиль въ послѣднее время былъ возвышенъ со стороны горжи наравнѣ съ фасами укрѣпленія. Генералъ Майдель лично повелъ Грузинскихъ гренадеръ на батарею Ярыманъ-Ай; а генеральнаго штаба капитану Романовскому поручилъ двинуть кавалерію и остальную пѣхоту для преслѣдованія отступавшихъ съ южнаго ретраншамента Турокъ и противъ другихъ войскъ, собиравшихся позади укрѣпленій. Ближайшія непріятельскія толпы были опрокинуты штыками; наши гренадеры овладѣли переднимъ лагеремъ и перекололи большую часть остававшихся въ немъ Турокъ; а конная дворянская дружина капитана князя Миціанова, сотня Сборнаго линейнаго № 1 полка, подъ начальствомъ есаула Огіевскаго, и Донцы № 4-го полка войсковаго старшины Добрынина про-

неслись въ карьеръ въ интервалъ между укрѣпленіями правѣе перваго лагеря, порубили Турокъ, строившихся позади палатокъ, отбили знамя *) и ворвались во второй лагерь.

Между тѣмъ генералъ Майдель атаковалъ батареи вправо (къ сѣверу) отъ редута Тахмасъ-табіи. Командиръ 7-й фузелерной роты Грузинскаго гренадерскаго полка, поручикъ Пилларъ-фонъ-Пильхау 2-й, уже раненый, кинулся на батарею, устроенную возлѣ Тахмасъ-табіи, и, переколовъ прислугу, захватилъ 4 орудія, изъ которыхъ два были увезены съ батареи, а прочія два сброшены въ ровъ **). За тѣмъ, генералъ Майдель направилъ карабинеръ на редутъ Тахмасъ-табію, Мингрельцевъ на Юксекъ-табію, а, для связи между обѣими атаками, послалъ въ промежуткѣ ихъ особую команду, подъ начальствомъ подпоручика Богдановскаго, который, будучи раненъ, оставался въ строю, пока получилъ вторую тяжелую рану и упалъ за-мертво. Войска наши, поражаемыя ружейнымъ огнемъ съ Тахмасъ-табіи, и картечью какъ съ этого редута, такъ и съ укрѣпленій Юксекъ-табіи и Гуссейнъ-табіи, терпѣли страшный уронъ; а, между тѣмъ, Кмети, отразивъ нападеніе Ковалевскаго и князя Гагарина, устремился, съ 4-мя ротами гвардейскихъ стрѣлковъ, съ Рениксонскихъ линій на лѣвое крыло Шорахскихъ высотъ; съ другой стороны подходили туда-же подкрѣпленія изъ нижняго лагеря. Самъ Майдель былъ раненъ пулею въ руку; но остался въ пылу боя при своихъ войскахъ. Тогда-же были тяжело ранены: командиръ 1-го баталіона Лейбъ-карабинернаго полка маіоръ

---

*) Это знамя взято 5-ою сотнею Донскаго № 4-го полка, подъ начальствомъ есаула Катасанова.

**) За этотъ подвигъ, поручикъ Пилларъ-ф.-Пильхау былъ удостоенъ орденомъ Св. Георгія 4-й степ.

Врангель, принявшій отъ него команду маіоръ Рогожинъ, командиръ 2-го баталіона Лейбъ-карабинеръ подполковникъ Врангель; командиръ 4-го баталіона Мингрельскаго полка маіоръ Баумъ и командиръ 4-го баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка маіоръ Пирадовъ; убитъ командиръ 2-го баталіона того-же полка маіоръ Вальховскій; многіе изъ ротныхъ командировъ были убиты или ранены.

Одновременно съ началомъ атаки генерала Майделя, въ $4^3/_4$ часа утра, полковникъ Серебряковъ, съ однимъ изъ баталіоновъ Мингрельскаго полка, направился въ промежутокъ между Тахмасъ-табіа и Юксекъ-табіа; здѣсь подъемъ былъ такъ крутъ, что чрезъ каждые десять шаговъ должно было давать людямъ отдыхъ въ нѣсколько секундъ. Еще было темно, когда Мингрельцы, осыпаемые пулями, закричали „ура" и стали стрѣлять; но Серебряковъ прекратилъ пальбу и повелъ своихъ людей далѣе; когда-же подъ нимъ убили лошадь, онъ пошелъ пѣшкомъ впереди баталіона; между тѣмъ разсвѣло на столько, что онъ могъ ясно различить передъ собою, саженяхъ въ 80-ти, оба непріятельскія укрѣпленія, а, оглянувшись назадъ, увидѣлъ лишь головную часть своей колонны; прочіе-же люди примкнули къ Эриванцамъ и вмѣстѣ съ ними штурмовали ретраншаментъ южнѣе Тахмасъ-табіи. Полковникъ Серебряковъ, оставшись съ горстью войскъ въ промежуткѣ между редутами, атаковалъ тотъ изъ нихъ, который казался ему слабѣе — Юксекъ-табію. Мингрельцы спустились въ ровъ и взлѣзли на валъ; Турки кинулись бѣжать изъ редута; но въ это самое время Серебряковъ, стоявшій у рва, получилъ двѣ тяжелыя раны и былъ унесенъ съ мѣста побоища; остальные его солдаты, послѣ упорнаго рукопашнаго боя, были принуждены отступить.

По отъѣздѣ генерала Майделя, капитанъ Романовскій далъ знать о ранѣ Серебрякова полковнику Москалеву, предложивъ ему принять начальство надъ колонною. Вскорѣ за тѣмъ пріѣхалъ отъ главнокомандующаго, для принятія общей команды надъ войсками, генералъ Броневскій, который, тогда-же будучи раненъ, передалъ начальство старшему въ чинѣ изъ всѣхъ штабъ-офицеровъ находившихся при войскахъ полковнику Гапецкому. Когда-же Гапецкій былъ также раненъ, Москалевъ снова принялъ начальство и вскорѣ былъ убитъ. Полковникъ князь Тарханъ-Моуравовъ, схвативъ знамя 2-го баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка, кинулся съ гренадерами къ редуту Тахмасъ-табіа; нѣсколько человѣкъ вскочили въ редутъ и пали въ неровной борьбѣ; но знамя, котораго древко было изломано, вынесено изъ толпы сражавшихся. Прибытіе резервовъ дало намъ возможность удержаться на занятой нами части непріятельскихъ укрѣпленій: на лѣвомъ флангѣ, шагахъ въ 50-ти отъ ретраншамента, собралась колонна изъ нѣсколькихъ полковъ, разстроенныхъ боемъ; правѣе, лѣвымъ флангомъ къ ретраншаменту и фронтомъ къ Тахмасъ-табіи, была расположена 1-я батарейная батарея подполковника Брискорна. Далѣе вправо—другая колонна, у палатокъ турецкаго лагеря, была обращена фронтомъ частью къ Тахмасъ-табіи, частью къ сторонѣ Вели-паша-табіи; еще правѣе, 1-я легкая батарея, полковника де-Сажé, стрѣляла ядрами и гранатами по укрѣпленіямъ Сувари и Чимъ-табіи. На канонаду нашей артиллеріи, Турки отвѣчали изъ Тахмасъ-табіи картечью, изъ Вели-паша-табіи—27-ми-фунтовыми ядрами, а изъ Чимъ-табіи—картечными гранатами; батарея Сувари дѣйствовала навѣсными выстрѣлами по нашимъ батареямъ, но не могла причинить имъ

такого вреда, какой понесли онѣ отъ канонады прочихъ укрѣпленій и ружейнаго огня изъ Тахмасъ-табіи. Въ 1-й батарейной батареѣ былъ убитъ штабсъ-капитанъ Дударовъ и смертельно раненъ прапорщикъ Мензенкампфъ; въ 1-й легкой тяжело ранены подпоручики Гасфортъ и князь Гагаринъ. Множество людей и лошадей выбыло изъ фронта. 1-я легкая батарея потеряла 43 убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ и 58 лошадей ([28]).

Прибывшія на мѣсто боя три роты саперъ, подъ командою капитана князя Бектабекова, и двѣ стрѣлковыя роты, подъ командою полковника Лузанова, присоединились къ пѣхотѣ, штурмовавшей редуты, а Ряжскіе баталіоны были оставлены при батареяхъ. Атака противъ внутреннихъ (обращенныхъ къ Карсу) фасовъ Тахмасъ-табіи, возобновилась съ новою силою и столь-же безуспѣшно, какъ и прежде. Штабсъ-капитанъ Менделѣевъ, схвативъ знамя 1-го баталіона Эриванскаго полка, бросился на редутъ и былъ раненъ. Кавказскаго sапернаго баталіона штабсъ-капитанъ Кокоревъ повелъ на штурмъ свою 3-ю роту и былъ убитъ; такую-же участь имѣлъ и командиръ Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, полковникъ Лузановъ. Главною причиною неудачи нашихъ атакъ было то, что горжи редутовъ состояли изъ стѣнокъ, почти отвѣсныхъ, а у насъ не было лѣстницъ.

Между тѣмъ Турки стали стягивать къ лѣвому крылу Шорахскихъ высотъ войска съ другихъ пунктовъ, что̀ заставило насъ выдвинуть оба Ряжскіе баталіоны впередъ, для прикрытія штурмующихъ съ тыла ([29]). Подкрѣпленія непріятельскія состояли изъ двухъ баталіоновъ, высланныхъ генераломъ Вилліамсомъ изъ нижняго лагеря, и одного Анатолійскаго баталіона, прибывшаго изъ форта Вели-паша.

Войсками въ Тахмасъ-табіи, съ самаго начала штурма, командовалъ Керимъ-паша, подъ которымъ убиты двѣ лошади и самъ онъ былъ раненъ.

Главнокомандующій, по первому извѣстію о неудачѣ нашихъ атакъ, выслалъ впередъ изъ общаго резерва, стоявшаго правымъ флангомъ у моста при сел. Кичикъ-кёвъ, два баталіона Бѣлевскаго полка, приведенные генеральнаго штаба штабсъ-капитаномъ Уфпярскимъ, и два баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка. Первые изъ нихъ подверглись огню орудія и штуцерныхъ, занимавшихъ скалу у самаго берега рѣки, и по тому маіору Герсеванову, съ гренадерами, было приказано сперва овладѣть этою скалою, а потомъ уже направиться въ обходъ по правую сторону горы Муха. Но прежде еще, нежели Герсевановъ приступилъ къ атакѣ скалы, стоявшее тамъ орудіе было сбито выстрѣлами 1-й легкой батареи и турецкіе стрѣлки скрылись, что дозволило гренадерамъ идти прямо на подкрѣпленіе войскъ штурмовавшихъ редуты. Возобновленіе атаки на редуты резервами было поручено главнокомандующимъ состоявшему при немъ генералъ-маіору Броневскому, которому приказано также принять начальство надъ всѣми войсками, сражавшимися на Шорахскихъ высотахъ. Ободренные имъ Бѣлевцы смѣло пошли въ огонь; но будучи отбиты, примкнули слѣва къ разстроенной нашей пѣхотѣ, залегли во рву ретраншамента и завязали безполезную перестрѣлку. Вслѣдъ за тѣмъ Броневскій, едва успѣвъ достигнуть занятаго нами ретраншамента, былъ тяжело раненъ въ плечо штуцерною пулею. Полковникъ Ганецкій 2-й, оставшись старшимъ при сражавшихся войскахъ, выдвинулъ впередъ 1-й баталіонъ Грузинскихъ гренадеръ и 5-й баталіонъ своего (Ряжскаго) полка, бросился впередъ со знаме-

немъ въ рукахъ и повелъ оба баталіона на штурмъ Тахмасъ-табіи, а 3-й баталіонъ Грузинскихъ гренадеръ и часть бывшихъ прежде на позиціи войскъ направилъ на Юксекъ-табію. Эти баталіоны добѣжали до самаго рва редутовъ; нѣсколько человѣкъ вскочили на валъ; но убійственный перекрестный огонь заставилъ насъ отступить. Здѣсь былъ убитъ, впереди своего баталіона, у входа въ редутъ Тахмасъ-табію съ тыла, противъ траверса, маіоръ Герсевановъ. Принявшій команду надъ Грузинскими гренадерами, маіоръ князь Трубецкой, вскорѣ былъ раненъ; но остался при войскахъ до конца боя. (Въ послѣдствіи, по засвидѣтельствованію всѣхъ офицеровъ Грузинскаго гренадерскаго полка, онъ получилъ орденъ Св. Георгія 4-й степени). Тогда-же пали, впереди своихъ ротъ, Кавказскаго сапернаго баталіона, братья Аксеновы, и тяжело раненъ того-же баталіона поручикъ Купферъ; а подпоручикъ 3-й гренадерской роты Черкасовскій, не смотря на полученную имъ рану, снова занялъ оставленную нашими войсками батарею и повернувъ противъ непріятеля захваченное тамъ орудіе, успѣлъ сдѣлать выстрѣлъ ([30]).

Генералъ Муравьевъ, желая воспользоваться ослабленіемъ непріятеля на правомъ его крылѣ (въ Ренисcонскихъ линіяхъ), откуда часть войскъ была переведена влѣво, приказалъ князю Дондукову, принявшему начальство надъ успѣвшими нѣсколько оправиться остатками колонны Ковалевскаго, возобновить атаку, которая, даже въ случаѣ неудачи, могла послужить къ отвлеченію части непріятельскихъ силъ. Съ этою цѣлью, батарейная № 2 батарея была выдвинута на прежнюю свою позицію и открыла огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, а пѣхоту повелъ впередъ уже раненый, генеральнаго штаба

полковникъ Рудановскій; но едва лишь она успѣла сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ турки осыпали ее гранатами и заставили отойти за Обсерваціонную гору, гдѣ отступившія войска оставались въ бездѣйствіи до самаго конца дѣла (31).

Не смотря на значительный уронъ, понесенный нашими войсками, генералъ Муравьевъ все еще не рѣшался прекратить штурмъ на Шорахскія высоты и отступить, подвергая опасности отрядъ генерала Базина, дѣйствовавшій съ успѣхомъ противъ Чахмахскихъ укрѣпленій. Эти укрѣпленія, извѣстныя подъ именемъ *английскихъ линій*, состояли изъ ретраншамента съ тремя редантами, противъ горжей коихъ были поставлены небольшіе траверсы; со внѣшней-же стороны доступъ къ редантамъ былъ прегражденъ волчьими ямами. Правый редантъ, примыкавшій къ обрыву противъ Арабъ-табіи, назывался Тиседель-табіа, средній—Томпсонъ-табіа, а лѣвый—Зорабъ-табіа; далѣе—тянулись до самаго обрыва невысокіе окопы съ редутомъ Вели-паша-табіа; а позади линій находилось укрѣпленіе Вилліамсъ-паша-табіа, прикрывавшее турецкій лагерь.

Отрядъ генерала Базина получилъ приказаніе—штурмовать Чахмахскія высоты въ то время, когда вниманіе непріятеля уже будетъ отвлечено атаками на прочихъ пунктахъ. Чтобы повести нападеніе совершенно неожиданно, колеса лафетовъ въ его артиллеріи были обвязаны соломою, а пѣхота, при движеніи къ сборному пункту, держала ружья отъ дождя, чтобы лунный свѣтъ не отражался на штыкахъ и стволахъ. Колонну велъ самъ Баклановъ, которому была хорошо извѣстна эта мѣстность. Пѣхотѣ запрещено стрѣлять, и по тому, при выступленіи изъ лагеря, сняты съ ударныхъ ружей капсюли, а у кремневыхъ надѣты чехлы на огнива. Какъ

только, около 5-ти часовъ утра, раздались первые выстрѣлы съ Шорахскихъ укрѣпленій, генералъ Базинъ перевелъ свой отрядъ черезъ рѣчку Чахмахъ и двинулся по горному подъему къ непріятельской позиціи, а подойдя къ ней на разстояніе дальняго пушечнаго выстрѣла, построилъ войска въ боевой порядокъ: въ первой линіи—3-й и 4-й баталіоны Бѣлостокскаго полка, въ ротныхъ колоннахъ, подъ начальствомъ полковника Шостака; впереди ихъ — охотники изъ всѣхъ баталіоновъ; во второй линіи — резервный Грузинскій гренадерскій баталіонъ, въ колоннѣ къ атакѣ, съ 8-ю пѣшими орудіями; а за лѣвымъ флангомъ пѣхоты, подъ прикрытіемъ горнаго ската, стала кавалерія съ конными орудіями и ракетными станками. Генералъ Баклановъ, въ продолженіи своихъ поисковъ, изучившій мѣстность почти до самой непріятельской позиціи, подошелъ самъ съ сотнею Донцовъ и подвелъ пѣхоту незамѣтно къ турецкимъ укрѣпленіямъ, на разстояніе картечнаго выстрѣла. Завидя наши войска, непріятель открылъ огонь, въ отвѣтъ на который пѣхота Базина, съ крикомъ „ура", безъ выстрѣла, кинулась впередъ. Охотники, подъ командою адъютанта главнокомандующаго, капитана Ермолова, ворвались въ ближайшее укрѣпленіе *), которое тогда-же самъ Базинъ обошелъ со стороны кручи, и захватили 4 орудія. По взятіи перваго редапта, генералъ Базинъ, занявъ его своими орудіями и обстрѣлявъ картечью другой редантъ (Томпсонъ-табію), повелъ на него атаку; пѣхота полковника Шостака ударила въ штыки на толпившихся въ укрѣпленіи Турокъ, овладѣла редантомъ и захватила тамъ четыре орудія и знамя. За тѣмъ—былъ обращенъ огонь нашей пѣшей батареи

*) Въ награду этого подвига, капитанъ Ермоловъ получилъ орденъ Св. Георгія 4-й степ.

противъ третьяго редапта (Зорабъ-табіи), одновременно съ дѣйствіемъ конной батареи № 6-го, подполковника Двухженаго. По занятіи нашими войсками этого укрѣпленія, Турки бѣжали частью въ редутъ Вилліамсъ-паша-табію, частью въ городъ, спускаясь къ рѣкѣ по скалистому обрыву. Генералъ Базинъ, въ ожиданіи послѣдствій наступленія нашихъ прочихъ колоннъ, занялъ взятые реданты спѣшенными донскими казаками № 35 полка, войсковаго старшины Кузнецова, и направилъ огонь пѣшей батареи, подъ начальствомъ командира 13-й артилл. бригады полковн. Тигерстета, на Вели-паша-табію, что́, съ своей стороны, сдѣлалъ и Баклановъ, обративъ противъ турецкаго шанца дѣйствіе конной батареи. На этой позиціи оставались наши войска́ болѣе двухъ часовъ подъ выстрѣлами Вели-паша-табіи и батарей съ Карадага, и какъ Турки, оставляя взятые нами реданты, унесли принадлежности своихъ крѣпостныхъ орудій, то мы не могли изъ нихъ дѣйствовать и отвѣчали непріятелю только лишь огнемъ легкой артиллеріи ([82]).

Генералъ Муравьевъ, получивъ свѣдѣніе объ успѣхахъ Базина, рѣшился поддержать атаку на Тахмасъ-табію, надѣясь овладѣть этимъ редутомъ и войти въ связь съ войсками, занявшими англійскія линіи. Съ этою цѣлью, по совѣщаніи съ генераломъ Бриммеромъ, главнокомандующій приказалъ выдвинуть къ Шорахскимъ высотамъ изъ общаго резерва одинъ баталіонъ, поддержавъ его 4-мъ баталіономъ Тульскаго полка, съ 4-мя батарейными орудіями 18-й артиллер. бригады, изъ резерва колонны князя Гагарина, стоявшаго у сел. Шорахъ, гдѣ, кромѣ того, оставались одна саперная и одна стрѣлковая рота. Для поддержанія ихъ, назначены изъ первой (лѣвой) колонны пять сотень Сборнаго линейнаго казачьяго

№ 2-го полка, а въ подкрѣпленіе общему резерву — изъ колонны графа Нирода, выслапъ одинъ баталіонъ съ 4-мя батарейными орудіями; для укомплектованія-же весьма пострадавшихъ гренадерскихъ батарей, приказано выслать людей и лошадей изъ артиллерійскаго парка (33).

Въ исходѣ 8-го часа, генералъ Бриммеръ, исполняя приказаніе главнокомандующаго — „послать еще одинъ баталіонъ на гору“, извѣстилъ о томъ начальника штаба, генерала Невѣровскаго, вмѣстѣ съ своимъ собственнымъ распоряженіемъ: „послать съ баталіономъ надежнаго штабъ-офицера“. Казакъ, постоянно состоявшій при Бриммерѣ, весьма расторопный, передалъ однако-же его приказаніе не точно, сказавъ начальнику штаба: „генералъ приказалъ послать въ гору еще одинъ баталіонъ и дежурнаго штабъ-офицера“. Такимъ образомъ былъ назначенъ для новой атаки Шорахскихъ высотъ 1-й баталіонъ Рязанскаго полка съ маіоромъ фонъ-деръ-Бригеномъ, подъ начальствомъ подполковника М. П. Кауфмана 2-го.

Въ половинѣ 9-го, баталіонъ, построенный въ полувзводную колонну изъ средины, двинулся вдоль лѣваго берега рѣки Карсъ-чая и, отойдя съ четверть версты отъ моста, перешелъ черезъ оврагъ и сталъ подыматься по косогору, правѣе отдѣльной скалы (Лазъ-тепе), гдѣ находилась подбитая турецкая пушка, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ штуцерныхъ, которые тотчасъ открыли огонь по нашей колоннѣ. Какъ Рязанцы при входѣ на гору нѣсколько растянулись, то Кауфманъ остановилъ головную часть, собралъ остальныхъ людей и построилъ ихъ въ колонну къ атакѣ. Появленіе стройнаго баталіона на правомъ флангѣ войскъ нашей 2-й колонны, обращенныхъ не смотря на усилія оставшагося стар-

шимъ, полковника Ганецкаго, въ безпорядочную толпу, было своевременно. Русская пѣхота стояла подъ непріятельскою картечью, не подаваясь, ни впередъ, ни назадъ, но мы удерживались на занятой нами позиціи благодаря огню нашихъ батарей. Таково было положеніе дѣла, когда Кауфманъ, подъѣхавъ къ толпѣ, вызвалъ, съ согласія Ганецкаго, охотниковъ идти впередъ вмѣстѣ съ Рязанцами. Мгновенно вышли до 120-ти человѣкъ, въ числѣ коихъ 5 офицеровъ. Раздѣливъ эту сборную команду на двѣ части и прикрывъ ими фланги Рязанскаго баталіона, Кауфманъ повелъ его на штурмъ Тахмасъ-табіи, но, при этомъ движеніи, подвергся сильному перекрестному огню двухъ небольшихъ редутовъ, сооруженныхъ изъ камня внутри укрѣпленнаго лагеря. Рязанцы, вмѣстѣ съ охотниками, обратились вправо противъ этихъ редутовъ и овладѣли сперва однимъ, а потомъ и другимъ, переколовъ до полутораста Турокъ. Но тамъ войска наши попали подъ сильную канонаду Тахмасъ и Вели-паша-табіи. Въ это время, по отправленіи раненыхъ къ сел. Шораху, въ отрядѣ Кауфмана оставалось только 500 человѣкъ Рязанскаго баталіона и до ста охотниковъ прочихъ полковъ. Не смотря однакоже на то, неустрашимый Кауфманъ снова рѣшился штурмовать Тахмасъ-табію, а находившемуся при отрядѣ гвардіи ротмистру Башмакову поручилъ встрѣтить шедшій отъ сел. Шораха 4-й Тульскій баталіонъ и направить его съ другой стороны на турецкій редутъ. Но едва лишь Башмаковъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Корсаковымъ и коллежскимъ ассесоромъ Папаригопуло, успѣлъ, подъ турецкими пулями, проѣхать на шорахскую дорогу, какъ непріятель совершенно отрѣзалъ Рязанцевъ отъ прочихъ войскъ. Подполковнику Кауфману оставалось на выборъ: пробиваться назадъ

къ войскамъ 2-й колонны, или идти впередъ и проложить себѣ путь на соединеніе съ Базинымъ, объ успѣшной атакѣ коего имѣлъ свѣдѣніе еще при выступленіи своемъ изъ резерва. Слыша пальбу на сѣверѣ Карса въ отрядѣ Базина, Кауфманъ рѣшился идти ему на встрѣчу. Окруживъ свою небольшую колонну цѣпью стрѣлковъ, онъ повелъ ее со внутренней стороны ретраншамента, еще разъ покушался овладѣть Тахмасъ-табіей и не успѣвъ въ томъ, отвелъ поражаемыхъ съ нѣсколькихъ сторонъ и разстроенныхъ боемъ своихъ людей въ лощину, гдѣ, снова устроивъ ихъ, хотѣлъ опять атаковать турецкій редутъ, но, убѣдясь въ огромномъ превосходствѣ непріятельскихъ силъ, двинулся далѣе и послалъ находившагося при немъ, уже раненаго урядника Орѣхова, съ извѣстіемъ о положеніи своего баталіона, къ генералу Бакланову ([34]).

Между тѣмъ, около половины 10-го часа утра, генералъ Базинъ получилъ отъ высланныхъ Баклановымъ разъѣздовъ извѣстіе о неудачѣ первой (лѣвой) и промежуточной колоннъ. Это извѣстіе, вмѣстѣ съ большою потерею артиллеріи въ людяхъ и лошадяхъ, заставило Базина начать отступленіе. Изъ десяти захваченныхъ у непріятеля орудій, онъ могъ увезти на казачьихъ лошадяхъ только три, четвертое-же было сброшено съ кручи къ рѣкѣ, а прочія заклепаны. За тѣмъ выведя свою артиллерію изъ укрѣпленій, Базинъ поставилъ ее за рвами, а пѣхотою занялъ Тиздель-табію и Томпсонъ-табію и ровъ ретраншамента, соединявшаго эти укрѣпленія. Артиллерія-же, въ которой оставалось подъ нѣкоторыми орудіями только по двѣ лошади и подъ ящиками — по одной, была расположена внѣ турецкихъ выстрѣловъ.

Въ 10 часовъ, Базинъ, получивъ достовѣрное свѣ-

дѣніе о безуспѣшномъ нападеніи 2-й (правой) колонны на Шорахскія высоты, приказалъ пѣхотѣ отступать. Непріятель, усилясь подкрѣпленіями прибывшими съ правой стороны Карсъ-чая, тотчасъ занялъ оставленныя нами „англійскія" линіи и сталъ сильно напирать на отходившую назадъ съ пальбою нашу пѣхоту; но, въ это самое время, генералъ Баклановъ направилъ стоявшій за лѣвымъ флангомъ ея, Сборный линейный № 1-го полкъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта подполковника князя Витгенштейна, во флангъ наступавшихъ Турокъ, которые, не выдержавъ удара, обратились въ бѣгство, съ потерею многихъ всадниковъ изрубленныхъ на мѣстѣ. Непріятель покушался вторично выдти изъ своихъ линій, но былъ удержанъ удачнымъ дѣйствіемъ Донской № 6-го батареи и высланной Базиномъ ракетной команды гвардіи поручика Усова. Отойдя версты двѣ съ пѣхотою и получивъ, между тѣмъ, отъ Бакланова, свѣдѣніе объ опасномъ положеніи Рязанскаго баталіона, генералъ Базинъ остановилъ свои войска и выслалъ Бакланова въ помощь Кауфману. Трофеи отряда Базина, кромѣ трехъ увезенныхъ имъ орудій, состояли въ двухъ знаменахъ и 11-ти значкахъ. Уронъ отряда убитыми простирался до 92-хъ человѣкъ, въ числѣ коихъ былъ одинъ оберъ-офицеръ; ранено и контужено 354 челов., изъ коихъ 15 штабъ и оберъ-офицеровъ; безъ вѣсти пропало 26 нижнихъ чиновъ. Вообще-же выбыло изъ фронта 472 человѣка ([35]).

Въ продолженіи времени этихъ дѣйствій, Рязанцы, громимые съ нѣсколькихъ сторонъ изъ непріятельскихъ укрѣпленій и окруженные Турками, показали себя достойными славы своихъ однополчанъ, которые нѣкогда, подъ начальствомъ неустрашимаго Скобелева, пробивались, въ бою подъ Реймсомъ,

сквозь густыя массы французскихъ войскъ. Подобно тому и здѣсь Рязанцы пролагали себѣ путь штыками, унося своихъ раненыхъ. Получивъ на Шорахскихъ высотахъ свѣдѣніе о взятіи Базиномъ „англійскихъ“ линій, подполковникъ Кауфманъ, подъ градомъ ружейныхъ пуль и картечи, шелъ на проломъ къ редуту Зорабъ-табіи, надѣясь найти тамъ своихъ, но, вмѣсто того, подойдя къ укрѣпленію, былъ встрѣченъ оттуда выстрѣлами. Поражаемый тогда-же изъ редута Вели-паша-табіи и изъ батареи Тетекъ-табіи, Рязанскій батальонъ терпѣлъ уронъ на каждомъ шагу. Чтобы скрыть, по возможности, людей отъ непріятельской канонады, подполковникъ Кауфманъ спустился съ баталіономъ въ крутой оврагъ и занялъ края его стрѣлками. Непріятель бросилъ въ оврагъ нѣсколько гранатъ, но не успѣлъ нанести ими вреда Рязанцамъ, которые оставались въ такомъ положеніи около получаса; когда-же раздались выстрѣлы влѣво отъ оврага, тогда Кауфманъ, справедливо полагая, что ему подана помощь, двинулся по оврагу къ сел. Чахмаху и пройдя влѣво отъ него въ сел. Татлиджу, направился къ лагерю у Чифтликая и прибылъ туда въ 7 часовъ вечера. Уронъ Рязанскаго баталіона вообще состоялъ: убитыми изъ 67-ми нижнихъ чиновъ; ранеными изъ 2-хъ офицеровъ и 72-хъ нижнихъ чиновъ; кромѣ того, изъ числа охотниковъ разныхъ полковъ, состоявшихъ при баталіонѣ, убиты одинъ офицеръ и до 70-ти нижнихъ чиновъ; ранены 32 нижн. чина: всегоже изъ 750-ти человѣкъ выбыло: 3 офицера и 240 нижн. чиновъ—слѣдовательно менѣе трети наличнаго числа людей. Принимая во вниманіе обстоятельства, въ которыя былъ поставленъ баталіонъ, нельзя не признать причинами такого умѣреннаго урона личныя качества самаго Кауфмана:

его присутствіе духа, быстроту соображеній, находчивость и соблюденіе порядка въ своей части ([36]).

Въ продолженіи времени дѣйствій на лѣвой сторонѣ Карсъ-чая, батареи, находившіяся въ колоннѣ графа Нирода, выдвинулись впередъ и, для развлеченія вниманія непріятеля, стрѣляли по нижнему лагерю; съ такою-же цѣлью высланныя изъ резервной колонны къ мосту при селеніи Кичикъ-кевъ, два осадныя орудія неумолкаемо дѣйствовали какъ по нижнему лагерю, такъ по городу и цитадели; а милиція, въ составѣ восьми сотень, подъ начальствомъ полковника Лорисъ-Меликова, нѣсколько разъ подскакивала къ подошвѣ Карадага, и даже успѣла отбить нѣсколько палатокъ стоявшихъ внѣ вала ([37]). Впрочемъ эти демонстраціи не вполнѣ достигли своей цѣли и не помѣшали Туркамъ послать нѣсколько баталіоновъ изъ нижняго лагеря на Чахмахскія высоты.

Послѣдняя попытка противъ Шорахскихъ укрѣпленій была сдѣлана 4-мъ Тульскимъ баталіономъ, который вмѣстѣ съ четырьмя орудіями капитана князя Крапоткина, 18-й артилл. бригады, былъ высланъ изъ резерва на Шорахскія высоты, еще въ началѣ боя, по требованію капит. Башмакова. Но какъ, при нѣсколькихъ возобновлявшихся атакахъ, части нашихъ войскъ тогда смѣшались между собою, то капитанъ Романовскій не ввелъ Тульцевъ на позицію, а оставилъ ихъ до времени передъ ретраншаментомъ, въ лощинѣ, гдѣ прежде стояли Ряжскіе баталіоны. Когда-же Кауфманъ съ Рязанцами пошелъ на штурмъ, то, для содѣйствія ему, былъ выдвинутъ и Тульскій баталіонъ. Хотя это покушеніе было такъ-же неудачно, какъ и прежнія, однакоже наступленіе Тульцевъ отвлекло часть непріятельскихъ силъ и способствовало Кауфману исполнить его смѣлое движе-

ніе. Высланныя-же съ Тульцами 4 орудія, въ виду сильнаго огня, которому подвергался подъемъ на Шорахскія высоты, были оставлены въ ближайшей лощинѣ, гдѣ они были скрыты отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Въ послѣдствіи-же, около 10-ти часовъ утра, два изъ этихъ орудій были поставлены капитаномъ Романовскимъ на высотѣ лѣвѣе подъема, для дѣйствія по укрѣпленію Юксекъ-табіа, которое, поражая картечью во флангъ занятую нами на Шорахѣ позицію, наносило намъ сильный вредъ ([38]).

Въ 11-мъ часу утра, положеніе дѣла уже не представляло надежды къ успѣшному возобновленію штурма. Въ общемъ резервѣ оставалось пять баталіоновъ, кромѣ того, въ отрядѣ графа Нирода три баталіона и прикрывавшій лагерь одинъ баталіонъ: слѣдовательно всего на все девять свѣжихъ баталіоновъ, большею частью трехъ-ротныхъ, въ числѣ не болѣе 5,000 человѣкъ. Изъ прочей пѣхоты, лишь три баталіона Базина, отступившіе къ Меликъ-кевъ, сохранили порядокъ и устройство; прочіе-же всѣ, потерявшіе почти всѣхъ своихъ начальниковъ и ослабленные урономъ въ людяхъ и уходомъ за ранеными, были совершенно разстроены. Въ такихъ обстоятельствахъ, главнокомандующій, по совѣщаніи съ генераломъ Бриммеромъ, приказалъ ему, взявъ изъ общаго резерва 3-й баталіонъ Лейбъ-Эриванскаго и 2-й баталіонъ Рязанскаго полковъ, итти къ Шорахскимъ высотамъ, и по прибытіи туда, обсудить на мѣстѣ: оставалась-ли еще возможность овладѣть редутомъ Тахмасъ-табіею, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ, онъ долженъ былъ, обстрѣлявъ редутъ, возобновить на него нападеніе своими двумя баталіонами; а во второмъ — ограничиться прикрытіемъ отступленія разстроенной пѣхоты ([39]).

Генералъ Бриммеръ, оставя свою пѣхоту внѣ

выстрѣловъ, выѣхалъ впередъ и удостовѣрясь лично, что дальнѣйшія усилія овладѣть непріятельскою позиціею не подавали ни малѣйшей надежды успѣха, рѣшился вывести войска́ изъ дѣла. Прежде всего, онъ приказалъ капитану Романовскому выслать находившихся при колоннѣ казаковъ для уборки раненыхъ и поручилъ полковнику князю (Іосифу Давидовичу) Тарханъ-Моуравову отправить назадъ захваченныя у непріятеля два орудія. Тогда-же генералъ Бриммеръ, донося о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ главнокомандующему, просилъ его о высылкѣ еще нѣсколькихъ казачьихъ сотень для содѣйствія уборкѣ раненыхъ. За тѣмъ генералъ Бриммеръ, изъ прибывшихъ съ нимъ войскъ, поставилъ Лейбъ-Эриванскій баталіонъ маіора Кобіева на высотѣ Лазъ-тепе, растянувъ его по всему гребню, а Рязанскій баталіонъ—на другомъ возвышеніи, лѣвѣе и нѣсколько позади карабинеръ; батареи-же гренадерской артилл. бригады были отведены назадъ, оставя два орудія при Рязанскомъ баталіонѣ. За тѣмъ, по прибытіи высланныхъ главнокомандующимъ казаковъ, по сигналу, данному рожкомъ, отступили люди, занимавшіе часть рва и вала непріятельскихъ окоповъ; Турки кинулись было за ними въ слѣдъ, но были остановлены огнемъ двухъ батарейныхъ орудій, остававшихся на высотѣ, подъ прикрытіемъ сперва Рязанцевъ, а потомъ Лейбъ-Эриванскихъ карабинеръ. При отступленіи, было брошено одно изъ взятыхъ нами непріятельскихъ орудій. Сперва спустились съ высотъ войска́ нашей второй колонны, потомъ—баталіоны, приведенные генераломъ Бриммеромъ, а вслѣдъ за ними отведены назадъ казачьи сотни капитаномъ Романовскимъ, которому было поручено общее распоряженіе уборкою раненыхъ. Войска наши

въ стройномъ порядкѣ возвратились въ лагерь, около 4-хъ часовъ по полудни ([40]).

Въ тотъ-же день, блокада Карса, измѣненная на время штурма, была возобновлена въ прежнемъ порядкѣ.

По офиціальнымъ донесеніямъ генерала Муравьева, отправленнымъ вскорѣ послѣ штурма въ военное министерство, уронъ нашъ показанъ:

	Генерала.	Штабъ- и об.-офицер.	Нижнихъ чиновъ.
Убитыми	—	74 *)	2,278.
Ранеными.	4 **)	126	4,784.
Контужеными	—	48	
Безъ вѣсти проп. . .	—	—	164.
Итого . . .	4	248	7,226.

За исключеніемъ-же легко-раненыхъ и контуженыхъ, чрезъ нѣсколько дней возвратившихся въ ряды корпуса, мы потеряли вообще до 6,500 человѣкъ.

Уронъ непріятеля, постоянно сражавшагося подъ защитою укрѣпленій, не превышалъ 1,400 человѣкъ. Изъ числа захваченныхъ нами 23-хъ турецкихъ орудій, вывезено 4; знаменъ и значковъ отбито 14 ([41]).

„Побѣдителя не судятъ!“—сказала Великая Екатерина. За то, побѣжденнаго всегда осуждаетъ общественное мнѣніе: тѣ самые, которые прежде упрекали генерала Муравьева за *бездѣйствіе подъ Карсомъ*, не находили довольно словъ для порицанія его за *опрометчивый штурмъ*, стоившій такъ дорого и не достигшій цѣли.

*) Убиты: полковники: командиръ Виленскаго полка Шликевичъ, Рязскаго полка Брещинскій, командиръ Кавказскаго стрѣлковаго баталіона Лузановъ и командиръ кавказской грен. арт. бригады Москалевъ; подполковники: Виленскаго полка Одинцовъ, Бѣлевскаго—Жехарндзевъ; маіоры: Эриванскаго полка: Гересвановъ, Вальховскій и Теръ-Гукасовъ, Виленскаго—де Жервè, Бѣлевскаго—Скородумовъ.

**) Изъ числа ихъ генералъ-лейтенантъ Ковалевскій умеръ 21-го сентября.

Дѣйствительно—легко можно было усомниться въ своевременности этого штурма. Ежели поводомъ къ тому было наступленіе Омера-паши, то почему-же нашъ главнокомандующій, не смотря на то и не зная еще объ отбытіи Омера въ Мингрелію, рѣшился продолжать блокаду Карса, съ корпусомъ, ослабленнымъ 7-ю тысячами человѣкъ? Конечно — такая рѣшимость, послѣ отбитаго штурма, заслуживаетъ безусловное одобреніе, но еще лучше былобы, еслибы генералъ Муравьевъ не обращалъ слишкомъ много вниманія на движенія Омера-паши, (котораго могъ отразить частью своихъ силъ), и не предпринялъ штурма.

Выборъ пункта главной атаки — на Тахмасъ-табію, куда была направлена большая часть войскъ и гдѣ находился самъ главнокомандующій, былъ неудаченъ. Безъ всякаго сомнѣнія, намъ было неизвѣстно, что непріятель обратилъ это укрѣпленіе въ весьма сильный редутъ; но, кажется, былобы выгоднѣе сосредоточить по возможности войска на одномъ изъ фланговъ и поддерживать штурмовыя колонны сильными резервами, атакуя Ренисонскія линіи, либо лѣвый (южный) ретраншаментъ и направясь на встрѣчу колоннѣ Базина.

Во всякомъ случаѣ трудно судить о большемъ или меньшемъ достоинствѣ распоряженій для какогобы то ни было штурма. Успѣхъ такого предпріятія зависитъ отъ многихъ случайностей, которыхъ ни предвидѣть, ни отклонить—нѣтъ никакой возможности: еслибы, въ самомъ началѣ боя, мы не потеряли почти всѣхъ начальниковъ частей и множество офицеровъ, то, не смотря на отчаянное сопротивленіе защитниковъ Карса, онъ, вѣроятно, палъ-бы подъ штыками русскаго воинства.

ГЛАВА XLI.

Дѣйствія Турокъ для освобожденія Карса.

Съ самой весны 1855 года, командовавшій турецкими войсками въ Крыму, Омеръ-паша домогался, чтобы его отправили съ десантомъ на восточный берегъ Чернаго моря, откуда онъ предполагалъ двинуться чрезъ Мингрелію къ Тифлису, для отвлеченія генерала Муравьева отъ Карса. Англійское правительство не одобряло такой отдаленной диверсіи, и по тому Омеръ, отказавшись на время отъ задуманнаго имъ плана дѣйствій, отправился въ Константинополь, гдѣ было рѣшено: составить корпусъ, назначенный для выручки Карса, изъ части турецкой арміи въ Крыму, изъ войскъ Батумскаго корпуса и нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, собранныхъ въ Болгаріи. За тѣмъ, сдѣлавъ распоряженія къ посаженію на суда войскъ дессантнаго корпуса, Омеръ-паша отплылъ 23-го августа (4-го сентября) въ Батумъ, гдѣ въ то время находились 12 тыс. человѣкъ турецкаго войска, которые, вмѣстѣ съ 15-ю тысячами, высланными на судахъ изъ Болгаріи, 4-мя тысячами кавалеріи изъ Константинополя и 10-ю тысячами изъ Балаклавы, были назначены въ составъ экспедиціоннаго корпуса: такимъ образомъ число

войскъ, ввѣренныхъ Омеру-пашѣ, простиралось до 40 тысячъ человѣкъ. Но перевозка дессанта на берега Анатоліи, по недостатку транспортныхъ судовъ, была весьма медленна, и постепенное отправленіе туда войскъ продолжалось до октября (¹).

Оставалось рѣшить—что́ было выгоднѣе: направить-ли вспомогательный корпусъ прямо на выручку Карса, или произвести вторженіе въ Грузію и угрожать Тифлису? Движеніе прямо къ осажденной крѣпости вело кратчайшимъ путемъ къ предположенной цѣли; но, судя по прежнимъ дѣйствіямъ Анатолійской арміи, не обѣщало успѣха и могло имѣть послѣдствіемъ такую-же неудачу, какую понесли Турки въ сраженіяхъ при Башъ-Кадыкларѣ и Курюкъ-Дара. Вторженіе чрезъ Мингрелію въ Грузію было не столь опасно; но, за то, и успѣхи, одержанные на этомъ театрѣ войны не могли отвлечь генерала Муравьева отъ осады Карса. Аджаро-Мосхійскій хребетъ совершенно отрѣзываетъ Ріонскій край отъ прочихъ областей Закавказья: подобно тому, какъ военно-грузинская дорога служитъ единственнымъ сообщеніемъ Тифлиса съ Россіею, такъ и военно-имеретинская дорога, чрезъ Сурамскій перевалъ, составляетъ единственоое удобное сообщеніе Кутаиса съ Грузіей (²). При движеніи чрезъ Анатолію, Омеръ могъ не только разсчитывать на дружное содѣйствіе мѣстныхъ властей и туземныхъ жителей, въ отношеніи снабженія продовольствіемъ и перевозочными средствами, но и усилиться мѣстными ополченіями Лазистана и Аджаріи; напротивъ того, при вторженіи въ Мингрелію, надлежало ожидать на каждомъ шагу сопротивленія христіанъ—жителей этого края. Но, повидимому, Союзники не имѣли точныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Закавказьѣ, и по тому питали несбыточныя надежды. „Le czar doit être re-

foulé au delà du Terck et du Kouban, c'est irrévocablement arrêté dans les conseils des puissances alliées",— (Царь долженъ быть отброшенъ за Терекъ и Кубань; такъ неотмѣнно опредѣлено въ совѣтѣ Союзныхъ державъ), писалъ Фергатъ-паша (прусскій выходецъ Штейнъ).

Дороги отъ Трапезунта и Батума въ Карсъ, хотя и представляютъ затрудненія для движенія войскъ, однако-же до октября проходимы; тѣ-же, которыя ведутъ отъ Редутъ-Кале въ Кутаисъ и Тифлисъ, въ сухое лѣтнее время совершенно удобны; но часто случается, что отъ проливныхъ дождей вода быстро возвышается во всѣхъ притокахъ Ріона и Куры, и тогда переправы дѣлаются невозможны въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Осенью-же, съ наступленіемъ въ тамошнемъ краю ненастнаго времени года, которое продолжается въ бассейнѣ Ріона почти безпрерывно съ половины ноября до наступленія весны, независимо отъ поднятія водъ въ рѣчкахъ, вся мѣстность обращается въ болото, и всякая возможность движенія обозовъ прекращается. Къ тому-же во всемъ бассейнѣ Ріона, и преимущественно въ ближайшей къ морю его части, по причинѣ болотъ и сильнаго зноя, лѣтомъ господствуютъ повальныя лихорадки и горячки ([3]).

Соображая всѣ эти обстоятельства, можно придти къ выводу, что рѣшительный полководецъ, на мѣстѣ Омера-паши, предпочелъ-бы направиться на Эрзерумъ, въ особенности когда приходилось ему начать походъ осенью и уже немного времени оставалось для наступательныхъ дѣйствій. Повидимому, Омеръ сознавалъ, что ему слѣдовало идти кратчайшимъ путемъ на выручку Карса, и по тому, направясь отъ Батума по ардаганской дорогѣ дошелъ до Кулы; но вдругъ, неизвѣстно почему, измѣнилъ свое намѣре-

ніе, возвратился въ Батумъ и сталъ собирать войска въ Сухумъ-кале.

Начиная почти отъ Сухумской бухты до Аджарскаго хребта, горы, удаляясь отъ моря, образуютъ равнину, длиною въ полтораста, а шириною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе ста верстъ, орошаемую рѣками: Кодоромъ, Ингуромъ, Хопи и Ріономъ, впадающими въ море, и притоками ихъ: Цивою, Техуромъ, Цхенисъ-Цхале и проч. Эта равнина отличается необыкновенно сильною растительностью и плодородіемъ. Климатъ морскаго прибрежья извѣстенъ злокачественными лихорадками. Начиная съ сѣверной стороны, на этомъ пространствѣ, лежатъ: Абхазія, Самурзахань, Мингрелія (по лѣвую сторону Ингура), Имеретія и Гурія.

Разстояніе Сухумъ-кале отъ Кутаиса (200 верстъ) почти вдвое болѣе разстоянія Редутъ-кале отъ Кутаиса (108 верстъ); на первомъ изъ этихъ путей встрѣчаются переправы черезъ двѣ значительныя рѣки: Кодоръ и Ингуръ и черезъ многіе притоки Ріона, и по тому вѣроятно, что Омеръ-паша, при выборѣ Сухума основнымъ пунктомъ дѣйствій, руководился не военными, а политическими соображеніями. Еще до прибытія Омера, состоявшій въ русскомъ подданствѣ, владѣтель Абхазіи, генералъ-адъютантъ Михаилъ Шервашидзе измѣнилъ своему долгу и передался на сторону враговъ Россіи; разсчитывая на его помощь и на содѣйствіе горскихъ племенъ, сосѣдственныхъ съ Абхазіею, а такъ-же, быть-можетъ, надѣясь открыть сообщеніе съ Шамилемъ, Омеръ-паша сосредоточилъ главную часть своихъ войскъ въ Сухумъ-кале, гдѣ суда могли стоять совершенно безопасно въ превосходной гавани (1).

21-го сентября (3-го октября), прибывшій въ Сухумъ на англійскомъ пароходѣ *Циклопъ*, Омеръ-

паша, былъ встрѣченъ салютами съ турецкихъ кораблей, стоявшихъ въ гавани, и съ береговой батареи. У пристани стоялъ владѣтель Абхазіи Шервашидзе, въ простой черкесской одеждѣ, сѣраго сукна. Омеръ пожалъ ему руку и, сказавъ по русски: „здравствуй, Михаилъ!“ сѣлъ на коня и поѣхалъ къ войскамъ, которыя, въ ожиданіи своего главнокомандующаго, были выстроены въ линію. Сопровождаемый блистательнымъ штабомъ, турецкій военачальникъ объѣхалъ полки, при звукахъ военной музыки и громкихъ восклицаніяхъ войска.

Желая пріобрѣсть преданность туземцевъ, Омеръ-паша приказалъ допускать къ себѣ всѣхъ, имѣвшихъ въ томъ надобность, и платить за все получаемое войсками наличною монетою. Съ абхазскимъ-же владѣтелемъ онъ обошелся довольно холодно, и хотя призналъ князя Михаила торжественно въ званіи правителя Абхазіи, однако-же приказалъ написать къ служившимъ въ нашей арміи, князьямъ Димитрію и Григорію Шервашидзе, что, если они покинули родину по неудовольствіямъ на абхазскаго владѣтеля, въ слѣдствіе его притязаній на ихъ наслѣдственныя имѣнія, то, въ настоящее время, могутъ возвратиться и получить все имъ принадлежащее“. Но всѣ усилія побудить къ измѣнѣ обоихъ князей были напрасны. Мехмедъ-Аминя Омеръ-паша назначилъ правителемъ всѣхъ черкесскихъ племенъ отъ владѣній Шамиля до земель Шапсуговъ и Натухайцевъ, а самого Шамиля возвелъ въ чинъ турецкаго мушира, что́, впрочемъ, нисколько не польстило самолюбію горскаго предводителя.

Въ то время, когда Омеръ-паша готовился внести оружіе въ Закавказье, Гурійскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Ивана Константиновича Багратіона-Мухранскаго, находился въ

составѣ $17^3/_4$ баталіоновъ, 11-ти сотенъ и $3^1/_2$ батарей, въ числѣ (не считая военно-рабочихъ ротъ), отъ 8-ми до 9-ти тыс. чел. пѣхоты и 1,000 челов. кавалеріи, съ 28-ю орудіями (5). Туземныхъ войскъ считалось 82 сотни; но въ нихъ состояло не болѣе 5-ти тысячъ человѣкъ (6).

Войска Гурійскаго отряда были размѣщены слѣдующимъ образомъ: $4^3/_4$ баталіона—въ Гуріи, у Акеты; 2 баталіона оставлены для охраненія складовъ въ Гуріи, Мингреліи и Имеретіи; главныя-же силы, 11 баталіоновъ, назначены для охраненія Мингреліи, гдѣ преимущественно должно было ожидать непріятельской высадки. Непріятель могъ вторгнуться въ Мингрелію: 1) изъ Редутъ-кале, по обѣимъ берегамъ Хопи; 2) изъ Анакліи, и 3) со стороны Самурзахани, къ рѣкѣ Ингуру. Сообразно тому, войска въ Мингреліи были расположены: 1) противъ Редутъ-кале, въ Хоргинскихъ дефиле, $2^1/_4$ баталіона; 2) противъ Анакліи, на лѣвомъ берегу Ингура, ниже устья Джумы, $1^1/_4$ баталіонъ, и 3) противъ Самурзахани, по лѣвому берегу Ингура, между устьемъ рѣчки Джумы и Рухскою позиціей, $7^1/_2$ баталіоновъ. Такое раздѣленіе войскъ не дозволяло намъ оказать сильное противодѣйствіе непріятелю; но еще хуже былобы, еслибы онъ куда-либо вторгнулся безъ сопротивленія, что́ уронило-бы насъ въ глазахъ туземцевъ и могло-бы побудить ихъ къ отложенію отъ Россіи.

Въ первыхъ числахъ (въ половинѣ) октября, войска Омера-паши двинулись въ нѣсколькихъ эшелонахъ изъ Сухумъ-кале къ предѣламъ Самурзахани. Тогда-же депутація почетныхъ жителей этой области явилась въ Зугдиди къ князю Мухранскому, изъявляя готовность свою вооружиться противъ Турокъ. Для содѣйствія партизанскимъ дѣйствіямъ за

Ингуромъ, были туда посланы двѣ сотни конной милиціи; но преданность Россіи туземцевъ оказалась весьма шаткою. Князь Михаилъ Шервашидзе, чтобы склонить Самурзаханцевъ на сторону Турокъ, не устыдился обратить намъ во вредъ благодѣянія, которыми осыпало его наше правительство, толкуя, что „если онъ, которому такъ хорошо было у Русскихъ, перешелъ къ Туркамъ, то это должно убѣдить каждаго, что дѣло Русскихъ окончательно проиграно". Такая логика была вполнѣ достаточна для убѣжденія полудикаго племени, исключительно занимавшагося конокрадствомъ: первымъ передался на сторону Турокъ начальникъ самурзаханской милиціи, генералъ-маіоръ русской службы Кацо-Моргани, человѣкъ весьма вліятельный въ Абхазіи и между горцами; примѣру его послѣдовали почти всѣ его подчиненные (7).

Къ 20-му числу октября (къ 1-му ноября), главныя силы Омера-паши, въ числѣ около 20-ти тысячъ человѣкъ регулярнаго войска, съ 37-ю орудіями, и нѣсколькихъ тысячъ милиціи, уже стянулись на правомъ берегу Ингура; по лѣвую-же сторону этой рѣки были расположены войска князя Мухранскаго въ слѣдующемъ составѣ:

Пѣхота.

Литовскаго егерскаго полка	4	батал.
Куринскаго „ „	2	„
Грузинскій линейный баталіонъ № 1	1	„
Черноморскій „ „ № 11	1	„
Черноморскаго линейн. батал. № 16-го одна рота	$^{1}/_{4}$	„
3-го резервнаго саперн. батал. двѣ роты	$^{1}/_{2}$	„

Итого $8^{3}/_{4}$ баталіоновъ, въ числѣ до 5,000 челов.

Артиллерія.

Легкой № 1 бвтареи . . . . 4 орудія.
Горной № 1 батареи . . . . 4 „
Горныхъ Сухумъ-калескаго гарнизона . 4 „

Итого 12 орудій.

Кавалерія.

Донской № 11-го полкъ . . . . 6 сотенъ.
Донскаго № 2-го полка . . . . 3 „
Линейныхъ казаковъ . . . . 2 „

Итого 11 сотенъ, въ числѣ 700 человѣкъ.

Милиція.

Имеретинскихъ конныхъ дружинъ . . . 4
Мингрельскихъ „ „ . . . 4
Нѣсколько пѣшихъ Мингрельскихъ сотенъ.

Итого милиціи до 3,500 человѣкъ.

Всего-же въ отрядѣ князя Мухранскаго 9200 человѣкъ съ 12-ю орудіями.

Для охраненія этого отряда со стороны Редутъ-кале, были расположены въ Хоргинскомъ дефиле, подъ начальствомъ командира Черноморскаго линейнаго № 14 баталіона, подполковника Бибикова, слѣдующія войска:

Брестскаго пѣхотн. полка 4-й баталіонъ . 1 батал.
Черноморскаго линейн. № 10-го баталіона
двѣ роты . . . . 1/2 „
Черноморскаго линейн. № 14-го баталіона
три роты . . . . 3/4 „

Итого 2 1/4 баталіона, въ числѣ около 1,200 человѣкъ съ 2-мя горными орудіями.

Кромѣ того 2 сотни пѣшей мингрельской милиціи и пѣшая милиція изъ жителей сосѣднихъ селеній.

Для связи этого отряда съ войсками, стоявшими на Ингурѣ, стояли у сел. Хеты три роты Черноморскаго линейнаго № 16-го баталіона, подъ начальствомъ подполковника Клостермана.

Для обороны Гуріи былъ расположенъ близъ Озургетъ, на Аскетскихъ высотахъ, отрядъ генералъ-маіора Бруннера, въ слѣдующемъ составѣ:

Брестскаго пѣхотнаго полка . . .	3	баталіона.
Черноморскіе линейные №№ 9 и 12 баталіоны	2	„
Легкихъ орудій	4	„
Горныхъ „	2	„

Всего же до 2,500 челов. съ 6-ю орудіями.

Кромѣ того, Рачинская дружина и Гурійское ополченіе.

Для обороны устья Ріона, были расположены на правомъ берегу Азовскіе казаки съ тремя сотнями мингрельской милиціи, а на лѣвомъ—три стрѣлковыя имеретинскія сотни; эти посты усилены штуцерными Черноморскихъ баталіоновъ №№ 10-го и 12-го, и, кромѣ того, устроены завалы и береговыя батареи, вооруженныя 8-ю батарейными орудіями.

Слѣдовательно для обороны Мингреліи и Гуріи, подъ начальствомъ князя Мухранскаго, всего состояло:

Пѣхоты около	9,000	челов.
Казаковъ „	700	„
Милиціи конной и пѣшей	9,000	„

Вообще-же около 19-ти тыс. человѣкъ съ 28-ю орудіями.

Съ наступленіемъ глубокой осени, когда Лезгинскія горы покрылись снѣгами и уже нельзя было ожидать вторженія горцевъ въ Кахетію, либо въ Тушино-Псавскій округъ, князь Бебутовъ направилъ съ Лезгинской линіи въ Кутаисъ 5-й баталіонъ Кубинскаго егерскаго полка съ двумя горными орудіями; а изъ Тифлиса также въ Кутаисъ 4-й и 5-й баталіоны Тенгинскаго пѣхотнаго полка. Но эти подкрѣпленія могли прибыть туда не прежде какъ между 10-мъ и 12-мъ (22-мъ и 24-мъ) числами ноября (8).

Изъ войскъ князя Мухранскаго, собранныхъ на Ингурѣ, были отряжены, для обороны дороги ведущей изъ Анакліи, вверхъ по лѣвому берегу рѣки: двѣ роты Литовскаго егерскаго полка, двѣ роты 3-го саперпаго баталіона и одна рота Черноморскаго линейн. № 16-го баталіона, всего $1^1/_4$ баталіонъ, подъ начальствомъ подполковника Клостермана; этотъ отрядъ былъ расположенъ у переправы черезъ р. Джуму. Для обороны-же линіи по Ингуру, отъ устья Джумы до Рухской позиціи, на протяженіи 26-ти верстъ, стояли остальные $7^1/_2$ баталіоновъ, а выше Рухской позиціи—мингрельская милиція. Рѣка Ингуръ мелководна, и по тому вездѣ проходима въ бродъ, хотя, по своей быстротѣ, и не безопасна для пѣхоты. Лѣсистые берега Ингура способствовали непріятелю появиться скрытно на любомъ пунктѣ, что̀ заставило раздѣлить наши войска на нѣсколько отрядовъ; на случай-же отступленія, имъ было приказано отойти, по заранѣе осмотрѣннымъ и исправленнымъ дорогамъ, и сосредоточиться у селенія Цаиши (9).

Турецкія войска, подойдя 20-го октября (1-го ноября) къ Ингуру, покушались обойти нашу Рухскую позицію справа, двинувшись вверхъ по правому берегу рѣки, и 23-го (4-го ноября) стали-было

переправляться противъ сел. Лія, но были отражены выстрѣлами мингрельской милиціи, а, между тѣмъ, англійскіе офицеры, состоявшіе при Омерѣ-пашѣ, производили рекогносцировки нашихъ позицій на Ингурѣ.

Войска наши тогда занимали слѣдующее расположеніе: $2^1/_2$ баталіона съ 4-мя горными орудіями, три донскія сотни и двѣ конныя дружины, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Григорія Дадіана, *на Рухской позиціи*; одинъ баталіонъ съ конною дружиною, подъ начальствомъ маіора князя Константина Дадіана — *у Кахатской переправы*, въ 9-ти верстахъ ниже Рухской позиціи; одинъ баталіонъ съ 2-мя легкими орудіями, подъ начальствомъ подполковника Званбая, и двѣ роты съ 2-мя батарейными орудіями, подъ начальствомъ полковника Іосселіани, у Санарманіо, или такъ называемыхъ *норманскихъ переправъ;* двѣ роты съ двумя батарейными орудіями и двѣ сотни линейныхъ казаковъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины князя Эристова—у *Кокскихъ переправъ; въ резервѣ послѣднихъ трехъ отрядовъ*, оборонявшихъ теченіе нижняго Ингура, находились 2 баталіона съ двумя батарейными орудіями и 4 конныя имеретинскія дружины, подъ начальствомъ полковника князя Дмитрія Шервашидзе ([10]).

25-го октября (6 ноября), около полудня, Омеръ-паша открылъ канонаду противъ нашихъ войскъ стоявшихъ у Рухи; самъ князь Мухранскій поспѣшилъ къ этому пункту. Канонада съ обѣихъ сторонъ, постепенно усилившаяся, продолжалась болѣе двухъ часовъ, послѣ чего непріятель покушался перейти вбродъ черезъ рѣку, но встрѣченный выстрѣлами нашей цѣпи, обратился назадъ. Къ вечеру, обоюдная пальба совершенно прекратилась. Но, между тѣмъ, на переправѣ у сел. Коки, гдѣ у острова рѣка раз-

дѣляется на два рукава, Турки, пользуясь лѣсистою мѣстностью, успѣли скрытно собрать значительныя силы. Послѣ продолжительной засухи, всѣ лѣсныя тропинки были удобны для движенія войскъ, что послужило въ выгоду непріятеля. Для удержанія Турокъ, Черноморскій линейный № 11-го баталіонъ съ двумя легкими орудіями, стоявшій вблизи селенія Коки, былъ поддержанъ двумя ротами Грузинскаго линейнаго № 1-го баталіона, прибывшаго форсированнымъ маршемъ съ рѣки Цивы. Полковникъ Дмитрій Шервашидзе, прискакавъ тудаже съ двумя конными имеретинскими дружинами, разсыпалъ ихъ въ пѣшемъ строю по берегу рѣки и такъ-же открылъ огонь. Пока непріятель оставался въ лѣсу, мы не могли нанести ему большаго вреда. Ободренные слабостью нашей пальбы, Турки рѣшились перейти черезъ рѣку вбродъ прямо противъ нашей батареи. Густыя толпы ихъ, съ громкими восклицаніями, вошли въ воду, при чемъ люди держались другъ друга, чтобы устоять противъ быстроты теченія. Въ эту рѣшительную минуту, наши легкія орудія, подъ начальствомъ поручика Симонова, осыпали непріятеля картечью; дѣйствіе артиллеріи было поддержано огнемъ штуцерныхъ и спѣшенныхъ имеретинскихъ дружинъ, предводимыхъ доблестнымъ 85-ти-лѣтнимъ начальникомъ ихъ, подполковникомъ княземъ Церетели. Много непріятелей было побито, либо унесено волнами быстрой рѣки; остальные ушли на правый берегъ. Но и намъ этотъ успѣхъ стоилъ дорого; мы также потеряли много людей, и въ особенности изъ артиллерійской прислуги. Въ числѣ убитыхъ былъ храбрый Абхазецъ, подполковникъ Званбай, весьма образованный офицеръ, оставившій слѣдъ въ литературѣ Закавказья рядомъ весьма интересныхъ статей въ „Географическомъ Сборникѣ“ и газетѣ „Кав-

казъ“ ([11]). Прибывшій съ двумя ротами Грузинскаго линейнаго № 1-го баталіона, полковникъ Іоселіани принялъ здѣсь общее начальство.

Вслѣдъ за тѣмъ, непріятель покушался переправиться саженяхъ въ четырехъ стахъ выше, но, будучи встрѣченъ густою цѣпью стрѣлковъ и спѣшенной милиціи, отступилъ съ большою потерею. Потомъ, отыскавъ, верстахъ въ двухъ выше нашей батареи, въ лѣсу, весьма удобную переправу, Турки наконецъ перешли черезъ рѣку въ значительныхъ силахъ и направились въ обходъ нашей позиціи. Полковникъ Іоселіани былъ убитъ; принявшій команду надъ 11-мъ Черноморскимъ линейнымъ баталіономъ штабсъ-капитанъ Кобелевъ смертельно раненъ; начальство надъ баталіономъ послѣ него принялъ артиллеріи поручикъ Рубцовъ; а команда войсками на нижнемъ Ингурѣ была поручена княземъ Дмитріемъ Шервашидзе Куринскаго полка маіору Ивину.

Между тѣмъ, у Кокской переправы, стоявшія тамъ двѣ роты Литовскихъ егерей, съ тремя сотнями линейныхъ казаковъ и двумя батарейными орудіями, будучи атакованы, въ половинѣ 3-го часа по полудни, отразили непріятеля; но, вслѣдъ за тѣмъ, Турки въ значительныхъ силахъ перешли черезъ рѣку, полторы версты выше, и обойдя нашу позицію справа, заставили войсковаго старшину князя Эристова отступить за ближайшій притокъ Ингура. Другія непріятельскія войска переправились ниже острова Коки и обошли нашъ малочисленный отрядъ съ лѣваго фланга. Линейные казаки, построясь въ небольшое каре, останавливали нѣсколько разъ бросавшуюся на нихъ турецкую конницу; имъ содѣйствовало отличное дѣйствіе артиллеріи, подъ начальствомъ поручика Кашаева. Какъ наступленіе непріятеля съ этой стороны угрожало отрѣзаніемъ прочимъ

войскамъ, то князь Дмитрій Шервашидзе двинулъ въ помощь князю Эристову остававшіеся въ резервѣ два Куринскіе баталіона, съ двумя батарейными и двумя горными орудіями, и самъ съ двумя конными имеретинскими дружинами атаковалъ непріятеля. Храбрые Куринцы остановили Турокъ, но, между тѣмъ, Омеръ-паша, усиливъ войска противъ Норманскихъ переправъ, обошелъ расположенный тамъ отрядъ съ праваго фланга. При этомъ маіоръ Ивинъ былъ тяжело раненъ; артиллеріи поручикъ Рубцовъ убитъ; общее начальство послѣ Ивина принялъ Грузинскаго линейнаго № 1-го баталіона капитанъ Панфиловъ. Въ это самое время пришло отъ князя Димитрія Шервашидзе приказаніе отступать.

Войска наши, сражавшіяся уже болѣе шести часовъ и обойденныя съ обоихъ фланговъ, въ сумерки стали медленно отходить назадъ; въ артиллеріи почти всѣ лошади были перебиты, и по тому люди тащили на себѣ орудія, прикрываемыя цѣпью, которая по временамъ раздавалась, чтобы открыть просторъ картечи. Непріятель, кидавшійся въ штыки на артиллерію, былъ отбитъ два раза; но движеніе орудій на лямкахъ не могло далѣе продолжаться и мы были принуждены бросить три орудія. Самъ князь Мухранскій прибылъ къ отряду и поддержавъ его частью 11-го Черноморскаго баталіона и линейныхъ казаковъ, оттѣснилъ Турокъ къ берегу Ингура; но, между тѣмъ, наступила ночь и наши войска, прекративъ бой, отошли за рѣчку Циву. Отступленіе въ безлунную ночь было совершено въ наилучшемъ порядкѣ и не только всѣ больные, но и всѣ госпитальныя вещи были вывезены изъ Зугдиди (12). На слѣдующее утро, войска князя Мухранскаго собрались у Хеты, кромѣ Рухской колонны, въ составѣ $2^1/_2$ баталіоновъ съ 4-мя горными орудіями, которая от-

ступила, по верхней мингрельской дорогѣ, къ Чакванджи ([13]).

Въ сраженіи при Ингурѣ мы потеряли:

Убитыми:	2 штаб.-офиц. *)	5 обер.-оф.	и 140	ниж. чин.
Ранеными:	2 „ **)	6 „	237	„
Безъ вѣсти пропавшими			42	„

Всего-же 15 штабъ и оберъ-офицеровъ и 419 нижнихъ чиновъ, кромѣ милиціонеровъ, которыхъ уронъ нигдѣ не показанъ.

Со стороны Турокъ по свидѣтельству Рюстова, уронъ вообще не превосходилъ 310-ти человѣкъ; но въ дѣйствительности былъ гораздо болѣе ([14]).

Войска наши оставались на Хетской позиціи три дня, съ 26-го по 28-е октября (съ 7-го по 9-е ноября). Князь Мухранскій предполагалъ занимать эту позицію, въ ожиданіи прибытія резервовъ, и возжечь въ тылу Омера-паши народную войну. Жители Мингреліи, которыхъ милиціи были расположены у Чакванджи, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Григорія Дадіана, и на Аббасъ-Туманской дорогѣ, подъ начальствомъ маіора князя Константина Дадіана, были поддержаны регулярными войсками и, занимая горную страну, могли удобно преградить туда входъ Туркамъ. Но, послѣ сраженія на Ингурѣ, вся мингрельская милиція разбѣжалась.

Въ это время правительница Мингреліи, Екатерина Александровна Дадіанъ находилась съ своимъ семействомъ въ Горди, лѣтней резиденціи мингрельскихъ владѣтелей, на рѣкѣ Цхенисъ-Цхале. Гостившая тамъ жена князя Мухранскаго, получивъ въ ночи 28-го октября (9-го ноября) отъ своего мужа письмо, съ извѣстіемъ о побѣгѣ Мингрельцевъ,

*) Полковникъ Іосселіани и подполковникъ Звапбай.

**) Маіоръ Ивинъ и войсковой старшина Назаренко.

передала отъ него княгинѣ Дадіанъ, чтобы она переѣхала въ Имеретію. Но братъ покойнаго владѣтеля Константинъ и многіе изъ почетныхъ князей и дворянъ Мингреліи уговорили княгиню остаться въ ихъ странѣ, удалясь въ горную область Лечгумъ, при чемъ утвердили присягою обѣщаніе жертвовать жизнью для огражденія безопасности ея и малолѣтняго владѣтеля Мингреліи Едва лишь она успѣла выѣхать изъ Горди, какъ получила отъ Омера-паши письмо, въ которомъ онъ, изъявляя намѣреніе Союзниковъ — возстановить независимость Мингреліи — приглашалъ правительницу возвратиться въ Зугдиди. Озабоченная вопросомъ: отвѣчать-ли на это посланіе, или оставить его безъ отвѣта, Екатерина Александровна отправила подлинное письмо Омера-паши въ Тифлисъ къ князю Бебутову, а копію съ письма—въ Кутаисъ къ полковнику Ник. Петр. Колюбакину, прося у перваго наставленія, а у втораго—совѣта. Два дня спустя, она получила отъ Колюбакина отвѣтъ съ проектомъ слѣдующаго отзыва къ Омеру-пашѣ *):

„Ваше Превосходительство!

„Вѣжливость обязываетъ меня отвѣчать на письмо, которое вы нашли нужнымъ написать ко мнѣ.

Я буду на столько кротка и точна въ своихъ выраженіяхъ, на сколько того требуютъ обстоятельства.

„Вы прибыли, генералъ, въ Мингрелію, чтобы сдѣлать ее независимою отъ Россіи, и это-то именно и противно, и моимъ желаніямъ, и тому, что нахожу полезнымъ для моей страны.

„Къ тому-же Мингрелія не можетъ существовать безъ покровительства по причинамъ, которыя было-

*) Проектъ письма былъ составленъ на французскомъ языкѣ.

бы слишкомъ долго здѣсь перечислять, и которыя, конечно, не ускользнули отъ вашего сознанія, а по тому я былабы должна принять покровительство одной изъ трехъ Союзныхъ державъ. Скажу вамъ—почему ни одного изъ этихъ покровительствъ я не желаю.

„Турція не можетъ помышлять о покровительствѣ другихъ, допуская сама надъ собою покровительство и, должно сознаться, незавидное.

„Странно былобы отдать себя подъ покровительство французскаго правительства, правительства случайнаго (d'un gouvernement de circonstance), которое не сегодня, такъ завтра, престанетъ существовать.

„Вы сами, генералъ, не посовѣтуете мнѣ поступить подъ покровительство Англіи, потому что вы хорошо знаете, что всѣ народы, которые находились подъ ея опекою: Индійцы, Китайцы, Іонійцы—сдѣлались рабами, либо тупыми и несчастными.

„Наконецъ, я не скажу вамъ, чтобы желала коллективнаго покровительства трехъ державъ, чтобы не дать вамъ повода смѣяться надъ собою".

Какъ ни было остроумно это письмо, княгиня не рѣшилась его послать, чтобы не вызвать мщеніе непріятеля, занимавшаго ея страну, и предпочла молчаніе отвѣту. Нѣсколько дней спустя, она переѣхала въ селеніе Мури, въ 45-ти верстахъ отъ Горди, у самаго входа въ ущеліе, чрезъ которое рѣка Цхенисъ-Цхале выходитъ изъ Сванетіи ([15]).

Не успѣвъ возбудить въ Мингреліи народную войну, князь Мухранскій отказался отъ обороны этой страны. Между тѣмъ, Омеръ-паша, занявъ главный пунктъ Мингреліи—Зугдиди, сталъ устроивать тамъ укрѣпленный лагерь и склады запасовъ, и тогда-же

непріятель началъ разработывать дороги отъ Редутъ-кале по обоимъ берегамъ Хопи ([16]).

Князь Мухранскій, не ожидая вскорѣ получить подкрѣпленіе, рѣшился отступить. Въ ночи съ 28-го на 29-е октября (на 10-е ноября), отряды Хетскій и Хоргинскій, снявшись съ своихъ позицій, отошли къ селенію Хопи и соединились между Хопскимъ монастыремъ и Наджихевскимъ постомъ. При отступленіи изъ Хеты, находившіеся тамъ магазины были истреблены. За тѣмъ, совершенно очистивъ Мингрелію, князь Мухранскій расположилъ войска, въ началѣ (въ половинѣ) ноября, на лѣвомъ берегу рѣчки Цхенисъ-Цхале, у Маранской станціи, имѣя въ виду притянуть къ себѣ изъ Гуріи отрядъ генералъ-маіора Бруннера и вступить въ рѣшительный бой съ непріятелемъ ([17]).

Главныя силы Омера-паши не прежде 28 октября (9-го ноября) собрались въ Зугдиди. Не смотря на желаніе Омера-паши — привлечь на свою сторону народонаселеніе страны ласковымъ обращеніемъ съ туземцами, Турки немедленно стали грабить ихъ имущество и отнимать у родителей дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ; въ особенности-же разбойничали двѣсти конныхъ Абхазцевъ, приставшихъ къ турецкой арміи. Чтобы возстановить сколько-нибудь порядокъ, Омеръ-паша, наказавъ наиболѣе виновныхъ палками, распустилъ всю эту команду.

Довольно трудно объяснить, по чему турецкій военачальникъ, начавъ походъ въ позднюю пору года, терялъ напрасно время послѣ выиграннаго имъ сраженія на Ингурѣ. По занятіи Зугдиди, онъ выслалъ оттуда впередъ, не прежде 1-го (13) ноября, Искендеръ-пашу съ авангардомъ въ составѣ шести баталіоновъ и 600 всадниковъ, съ двумя легкими и нѣсколькими горными орудіями, а самъ, съ главны-

ми силами, лишь 3-го (15-го), перешелъ къ Цанпи, а, потомъ, двинувшись чрезъ Хопи и Холони, прибылъ, 6-го (18-го), на рѣчку Циву; тогда-же авангардъ его былъ выдвинутъ на рѣчку Техуръ, къ селенію Сенаки. За тѣмъ, имѣя въ виду замѣнить свой длинный и неудобный путь дѣйствій, отъ Сухума, другимъ кратчайшимъ—отъ Редутъ-Кале, Омеръ направилъ туда подвозы къ нему шедшіе моремъ и занялся устройствомъ магазиновъ въ Редутъ-Кале и исправленіемъ дорогъ, ведущихъ отъ сего пункта къ Цивѣ, что̀ потребовало около двухъ недѣль. По присоединеніи къ главнымъ силамъ войскъ высадившихся въ Редутъ-Кале, силы турецкой арміи возрасли до 40 тыс. человѣкъ; кромѣ того, на рѣкѣ Чолокѣ стоялъ Батумскій корпусъ Мустафы-паши, въ числѣ около 20 тыс. (по другимъ свѣдѣніямъ—10 тыс.) человѣкъ. Если даже допустить, что силы непріятеля были преувеличены, то все таки не подвержено сомнѣнію, что Омеръ-паша располагалъ, по крайней мѣрѣ, тройнымъ числомъ войскъ въ сравненіи съ отрядами князя Мухранскаго и Бруннера.

Но, къ счастью нашему, онъ не воспользовался выгодами своего положенія; а, между тѣмъ, пошли проливные дожди; поля и дороги обратились въ болота и топи; рѣки и ручьи выступили изъ своихъ береговъ; мосты, построенные Турками на Техурѣ и Цивѣ были сорваны ([18]).

Такимъ образомъ дальнѣйшее вторженіе Омера-паши въ Закавказье сдѣлалось затруднительно. Князь Мухранскій, въ ожиданіи прибытія отряда изъ Гуріи и войскъ высланныхъ ему въ помощь княземъ Бебутовымъ, долженъ былъ оставаться спокойно въ своемъ расположеніи. Но, вмѣсто того, онъ, считая невозможнымъ оборонять одновременно переправы на Цхени-Цхале, у Маранской станціи, и на Ріонѣ

при устьяхъ Цхени-Цхале, приказалъ предать пламени устроенные на этихъ пунктахъ мосты, а также, *въ случаѣ появленія непріятеля,* сжечь временной госпиталь и магазины въ Усть-Цхени-Цхале. Эти приказанія, по неумѣстному усердію (?) приставленныхъ къ этимъ учрежденіямъ лицъ, были исполнены преждевременно, въ ночи съ 7-го (19-го) и по полудни 8-го (20-го) ноября, тогда, когда со стороны непріятеля еще не было большой опасности. Истреблена такъ-же огнемъ вся Ріонская флотилія, которую, какъ говорили тогда, по мелководію Ріона, нельзя было ввести выше въ рѣку; сожжены всѣ казенныя строенія, уничтожены запасы инженернаго вѣдомства, и проч. Сожженіе жизненныхъ запасовъ имѣло весьма вредныя послѣдствія, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ военномъ отношеніи. Для снабженія провіантомъ Гурійскаго отряда, пришлось покупать муку на тифлисскомъ рынкѣ по 13 р. 75 коп. за четверть; доставка ея къ войскамъ обошлась почти въ такую-же цѣну. и вскорѣ, когда прекратилась всякая возможность перевозки, подрядчики не брались доставлять провіантъ ни за какія деньги, что́ заставило князя Мухранскаго отвести назадъ часть Гурійскаго отряда и, отнявъ у него возможность дѣйствовать наступательно, способствовало Омеру-пашѣ перезимовать въ Мингреліи ([19]).

8-го-же (20-го) ноября, отрядъ генералъ-маіора Бруннера, получивъ наканунѣ въ Чехотаурѣ приказаніе—присоединиться къ главнымъ силамъ, успѣлъ перейти черезъ мостъ на Ріонѣ, предъ самымъ его разрушеніемъ, и расположился на лѣвой сторонѣ Цхени-Цхале, у селенія Кулаши. Въ тотъ-же день прибыли изъ Грузіи три баталіона (2 Тенгинскаго и одинъ Кубанскаго полка), съ двумя горными орудіями, подъ командою полковника Опочинина; два дня спустя,

пришли такъ-же изъ Грузіи два баталіона, а потомъ еще два: такимъ образомъ силы Гурійскаго отряда возрасли до 22-хъ баталіоновъ.

Оборонительная линія по Цхени-Цхале, отъ выхода рѣки изъ горныхъ ущелій до впаденія въ Ріонъ, простирается почти на тридцать верстъ. Верхняя часть теченія рѣки у сел. Хони не представляетъ большихъ затрудненій для переправы; но непріятель, избравъ это направленіе, долженъ былъ совершить фланговое движеніе влѣво почти въ виду нашихъ войскъ и, въ случаѣ неудачи, могъ быть отрѣзанъ отъ Мингреліи и отброшенъ въ горы. Несравненно удобнѣе для переправы была средняя часть теченія рѣки, у сел. Ганири, гдѣ рѣка такъ-же мелководна, какъ и въ верховьѣ и оба берега покрыты густымъ кустарникомъ, чтó способствовало скрытному сосредоточенію войскъ; къ тому-же, непріятель, прорвавъ нашу линію въ центрѣ, могъ достигнуть самыхъ рѣшительныхъ результатовъ. Что-же касается нижней части теченія рѣки, то берегá ея обрывисты, а грунтъ рѣки постепенно обращается изъ твердохрящеватаго въ илистый, весьма затрудняющій переправу. Какъ для непріятеля всего выгоднѣе было переправиться въ средней части рѣки, то 10 баталіоновъ Гурійскаго корпуса находились у Ганири, а прочія войска—частью у Хони, частью у Кулашъ: Впереди пѣхоты была расположена милиція, за которою, въ нѣсколькихъ отрядахъ, стояла кавалерія ([20]).

Въ такомъ положеніи князь Мухранскій выжидалъ наступленія непріятеля; а, между тѣмъ, небольшіе отряды нашей кавалеріи переходили на правый берегъ рѣки и вступали въ бой съ разъѣздами турецкаго авангарда, состоявшаго подъ начальствомъ Фергада-паши (венгерца Штейна) ([21]).

Самъ-же Омеръ-паша съ главными силами своей арміи оставался на рѣчкѣ Цивѣ до 20-го ноября (2-го декабря). Въ этотъ день онъ выступилъ во время сильной бури, продолжавшейся до самаго вечера, и дойдя до рѣчки Техура, расположилъ на берегу лагерь, а главную квартиру перенесъ въ мѣстечко Сенаки, одну изъ лѣтнихъ резиденцій Мингрельской правительницы. На слѣдующее утро, непріятель приступилъ къ переправѣ черезъ Техуръ. На мѣстѣ снесеннаго водою моста, были устроены кладки для перехода пѣхоты; а нѣсколько ниже сооруженъ на двухъ понтонахъ паромъ, для переправы артиллеріи черезъ рѣку, разлившуюся тамъ на 25 саженъ. Солдаты, по колѣно въ грязи, подходили къ шаткимъ кладкамъ и перебирались по одиночкѣ на лѣвый берегъ; а, между тѣмъ, стали осторожно спускать орудія на паромъ. Переправа производилась весьма медленно, пока нѣсколько ниже былъ открытъ бродъ, по которому потянулись длинною вереницею: пѣхота (по поясъ въ водѣ), конница и артиллерія, и въ полдень вся армія двинулась далѣе, а на слѣдующій день, 22 ноября (4 декабря), продолжая походъ по-колѣно въ грязи и переправляясь съ трудомъ черезъ глубокія рѣчки и потоки, достигла селенія Абаши, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рѣки Цхени-Цхале.

Такимъ образомъ главныя силы обѣихъ сторонъ уже стояли въ виду однѣ другихъ и должно было ожидать рѣшительной между ними встрѣчи, могшей имѣть весьма важныя послѣдствія. Нѣкоторые изъ нашихъ начальниковъ войскъ, принимая во вниманіе огромное превосходство непріятеля въ силахъ, предлагали отказаться отъ обороны рѣки Цхени-Цхале и отступить за Кутаисъ; но подобныя, слишкомъ осторожныя, дѣйствія повели-бы къ потерѣ остальныхъ нашихъ жизненныхъ запасовъ, собранныхъ въ

Кутаисѣ, гдѣ въ то время находилось до двухъ тысячъ больныхъ и раненыхъ, которыхъ мы былибы принуждены поручить великодушной заботливости варваровъ—Турокъ.

Вечеромъ 22-го ноября (4 декабря), Омеръ-паша объѣхалъ свои войска, въ безпорядкѣ толпившіяся у селенія Абаши, обѣщая имъ на слѣдующій день рѣшительный бой и побѣду; а въ ночи опять пошелъ ливень, и вся мѣстность, на которой былъ расположенъ турецкій лагерь, обратилась въ болото. 23-го ноября (5 декабря), англійскіе офицеры, состоявшіе при главной квартирѣ Омера, сдѣлали нѣсколько рекогносцировокъ къ берегамъ Цхени-Цхале; оказалось, что рѣка разлилась болѣе двухъ сотъ шаговъ въ ширину и что переправа была почти невозможна. Продовольствованіе лошадей, и даже людей, по бездорожью, становилось весьма трудно; къ тому-же армія Омера-паши нуждалась въ обуви, на снабженіе которою войскъ турецкая администрація никогда не обращала должнаго вниманія. Въ такомъ положеніи, подъ проливнымъ дождемъ, провели Турки еще двое сутокъ. Безпрестанныя рекогносцировки и военные совѣты слѣдовали одни за другими, не приводя ни къ какому результату, а 25-го ноября (7 декабря) пріѣхалъ къ Омеру-пашѣ комендантъ Редутъ-кале съ извѣстіемъ о паденіи Карса.

Турецкій главнокомандующій, не находя уже повода ни продолжать наступленіе, ни оставаться на мѣстѣ, рѣшился отступить. Не взирая на всѣ невзгоды, понесенныя его войсками, распоряженія къ отступленію возбудили общій ропотъ. Въ тотъже день, 25-го ноября (7 декабря), Омеръ-паша отправилъ назадъ понтоны со всею артиллеріей, кромѣ горной, и самъ поѣхалъ на Цхву, приказавъ войскамъ выступить туда-же ([22]).

Хотя въ это время дождь прекратился, однакоже вода въ Цхени-Цхалѣ стояла такъ высоко, что сообщеніе между берегами рѣки было совершенно прервано. Въ селеніи Ганири нашелся только одинъ смѣльчакъ, вызвавшійся переплыть черезъ рѣку, для развѣданія—что дѣлалось у Турокъ; но и онъ заплатилъ за отвагу жизнью. Нѣсколько Мингрельцевъ были счастливѣе; вечеромъ 25-го ноября (7 декабря), они, переплывъ съ праваго берега на лѣвый, извѣстили князя Мухранскаго объ отступленіи Омера-паши. Къ слѣдующему утру вода стала сбывать и наши войска начали переправляться почти вплавь: князь Григорій Дадіанъ, съ двумя сотнями мингрельской милиціи, постоянно остававшимися при нашемъ отрядѣ, чрезъ верховье рѣки направился въ горы; князь Дмитрій Шервашидзе, съ линейными казаками и конвойною дружиною, переправясь у Ганири, двинулся къ Абаши; а штабсъ-ротмистръ князь Микеладзе, съ стрѣлковыми и имеретинскими сотнями—отъ Маранской станціи, по большой дорогѣ, къ Онтопо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, жители окрестной страны стали вооружаться противъ отступающихъ Турокъ. Княгиня Дадіанъ писала князю Мухранскому, прося его выслать къ ней всѣхъ Мингрельцевъ, находившихся въ нашемъ отрядѣ, но князь Мухранскій отвѣчалъ, что „мингрельская милиція самовольно разошлась и что при русскомъ отрядѣ есть только партія мингрельскихъ волонтеровъ, подъ начальствомъ князя Григорія.“ ([23]).

Не смотря на малочисленность партій, высланныхъ для преслѣдованія непріятеля, Турки, не осмѣливаясь дать имъ отпоръ, отступали днемъ и ночью. Вьючныя и артиллерійскія лошади падали отъ изнуренія; люди, уходя босикомъ по глубокой грязи, тащили на себѣ тяжести. Къ счастью Омеръ-паши,

сперва половодье, а потомъ недостатокъ въ продовольствіи и перевозочныхъ средствахъ, не дозволили намъ преслѣдовать непріятеля достаточными силами, и только лишь 29-го ноября (11 декабря) князь Мухранскій успѣлъ переправить черезъ Цхени-Цхале, на черводарскихъ лошадяхъ, сводную команду изъ всѣхъ штуцерныхъ отряда и присоединилъ къ ней пять сотень Донскаго № 11-го полка и всю конную имеретинскую милицію, а самъ тогда-же отправился въ Николакеви.

По отступленіи турецкой арміи за Циву, казаки наши, на разсвѣтѣ 2-го (14) декабря, напали на часть непріятельскаго арріергарда, остававшуюся на лѣвомъ берегу этой рѣчки, а штуцерные заняли поросшую лѣсомъ высоту подлѣ большой дороги, по которой отступали Турки, и тѣмъ заставили ихъ свернуть съ дороги и двигаться далѣе по болотистому лѣсу. Къ вечеру того-же дня, вся турецкая армія расположилась на высотахъ, между селеніями Холони и Хопи. Между тѣмъ наступавшій на нашемъ правомъ флангѣ, генералъ-маіоръ князь Григорій Дадіанъ, узнавъ, что въ Зугдиди былъ лишь незначительный отрядъ турецкой пѣхоты, предпринялъ сдѣлать набѣгъ на это мѣстечко съ партіей Мингрельцевъ, въ числѣ 260-ти человѣкъ, и съ этою цѣлью, 2-го (14) декабря, сдѣлавъ усиленный переходъ въ 75 верстъ, расположился къ утру на рѣкѣ Джумѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Зугдидъ, а въ $5^1/_2$ часовъ, подойдя съ величайшею тишиною къ мѣстечку, атаковалъ непріятеля внезапно съ четырехъ сторонъ. Турки, застигнутые на улицахъ, были изрублены, либо взяты въ плѣнъ; прочіе-же, укрываясь въ домахъ, стрѣляли оттуда и оборонялись весьма упорно. Послѣ $3^1/_2$ часовъ боя, все мѣстечко, кромѣ одного дома, занятаго цѣлою ротою, было очищено отъ не-

пріятеля. Давъ людямъ полчаса отдыха, князь Дадіанъ отвелъ свой отрядъ въ горы и расположилъ его въ 4-хъ верстахъ отъ Зугдиди. Въ этомъ дѣлѣ, непріятель потерялъ одними убитыми до 150-ти человѣкъ; въ плѣнъ взято 35, въ числѣ коихъ 3 офицера; захвачено много оружія, лошадей и прочей добычи. Уронъ съ нашей стороны состоялъ въ 3-хъ убитыхъ, 26-ти раненыхъ и 36-ти контуженыхъ ([24]). Такой смѣлый набѣгъ окончательно заставилъ Омера-пашу отказаться отъ занятія Мингреліи и отступать къ Редутъ-кале. Хотя до этого пункта оставалось турецкой арміи пройти не болѣе 35-ти верстъ, однакоже, при потерѣ всѣхъ перевозочныхъ средствъ, передвиженіе тяжестей представляло неимовѣрныя затрудненія. Турецкія войска были раздѣлены на нѣсколько эшелоновъ по всему протяженію дороги до Редутъ-кале; ежедневно люди двухъ сосѣднихъ эшелоновъ выходили одни другимъ на-встрѣчу и съ ранняго утра до ночи перетаскивали на себѣ орудія и прочія тяжести. Дорога обезпечивалась отъ нападенія съ фланговъ непроходимыми болотами, но, за то, по своей топкости, была весьма неудобна. Провіантъ изъ Редутъ-кале сперва поднимался по рѣчкѣ Хопи, на каюкахъ (мелкихъ судахъ), до Хоргинской церкви; далѣе-же до лагерей люди переносили его на плечахъ. Фуражировки затруднялись безпрестанными набѣгами нашей кавалеріи, которая, владѣя окрестною страною, имѣла возможность содержать въ хорошемъ состояніи лошадей и тревожить непріятеля, изнуреннаго голодомъ и усталостью. Жители края, возбужденные воззваніями генерала Муравьева и князя Бебутова, принимали участіе въ дѣйствіяхъ противъ отступавшаго непріятеля ([25]). Омеръ-паша, раздраженный ихъ возстаніемъ, приказалъ раз-

стрѣлять нѣсколько Мингрельцевъ, уличенныхъ въ убійствѣ Турокъ.

6-го (18) декабря, князь Мухранскій, съ сводною командою штуцерныхъ и кавалеріей полковника князя Димитрія Шервашидзе, занялъ высоты къ сѣверу отъ большой дороги, между Холони и Хопи, чтобы стѣснить пространство, на которомъ непріятель производилъ фуражировки. Между тѣмъ Турки, подъ прикрытіемъ арріергарда изъ 6-ти баталіоновъ, стоявшаго у Холони, (гдѣ непріятель соорудилъ полевыя укрѣпленія), продолжали стягиваться къ Редутъ-кале. Въ Зугдиди, такъ-же подъ защитою укрѣпленій, находились остатки отряда, разбитаго 3-го (15) декабря княземъ Григоріемъ Дадіаномъ ([26]).

Въ продолженіи экспедиціи Омера-паши, Мустафа-паша Батумскій ограничивался высылкою партій въ Гурію, гдѣ, по выступленіи отряда генералъ-маіора Бруннера, оставалась только туземная милиція. Нѣсколько разъ Турки переходили нашу границу; но постоянно были встрѣчаемы и опрокидываемы съ урономъ. Когда-же сталъ отступать Омеръ-паша, князь Мухранскій послалъ, для занятія позиціи у Акетъ, 9-й и 12-й Черноморскіе линейные баталіоны. Этотъ слабый отрядъ былъ усиленъ нѣсколькими дружинами Гурійской милиціи, состоявшей тогда подъ общимъ начальствомъ маіора Мачаваріани. Занятіе Акетской позиціи, успокоивъ туземцевъ, встревоженныхъ выводомъ изъ ихъ края нашихъ войскъ, дало намъ возможность воспользоваться запасами провіанта (до 500 четв. сухарей), которые генералъ Бруннеръ, при выступленіи изъ Акетъ, оставилъ на попеченіе Озургетскаго предводителя дворянства, князя Эристова. Нѣсколько дней спустя, Турки окончательно отступили къ Батуму ([27]).

Послѣ набѣга на Зугдиди, князь Григорій Да-

діанъ съ мингрельскою милиціей присоединился, 7-го (19-го) декабря, къ легкому отряду князя Мухранскаго, стоявшему на высотахъ близъ р. Хопи, противъ авангарда турецкой арміи. Нѣсколько дней спустя, Турки покушались оттѣснить наши передовые посты; но встрѣченные Рачинскою конною дружиною, были остановлены подоспѣвшею къ ней въ помощь, Кутаисскою дружиною маіора князя Симона Цулукидзе. Въ тотъ-же день, 11-го (23-го) декабря, около полудня, 6 турецкихъ баталіоновъ съ 4-мя горными единорогами двинулись противъ праваго фланга нашей позиціи, а высланные отъ нихъ стрѣлки зажгли крайнія сакли селенія Хорги. Чтобы задержать непріятеля, князь Григорій Дадіанъ выслалъ противъ него линейныхъ казаковъ и имеретинскую милицію, подъ начальствомъ князя Дмитрія Шервашидзе, и тогда-же сводная штуцерная команда заняла ближайшія къ Хорги высоты. Передовыя наши дружины, подъ командою маіора князя Цулукидзе, опрокинули Турокъ и нанеся имъ значительный уронъ, заставили непріятеля отойти въ его передовой лагерь ([28]).

Наступленіе стужи, прекратившее дѣйствія непріятеля, и совершенное истощеніе запасовъ въ окрестной странѣ, не дозволявшей Туркамъ продовольствоваться фуражировками, дали возможность князю Мухранскому расположить передовыя войска на зимнихъ квартирахъ. Имеретинскія конныя дворянскія дружины были распущены по домамъ; сводно-штуцерная команда расположена въ мѣстечкѣ Сенаки; Черноморскій № 16-го баталіонъ—въ Бандза; двѣ сотни линейныхъ казаковъ—въ Онтопо; донской № 11-го полкъ отправленъ въ сел. Анарію. Для содержанія-же непріятеля въ безпрестанной тревогѣ, собиралась мингрельская милиція, подъ начальствомъ

генералъ-маіора князя Григорія Дадіана, которому были подчинены и прочія войска, остававшіяся въ предѣлахъ Мингреліи. Но это не помѣшало Туркамъ не только оставаться на позиціи впереди Редутъ-кале, у Холони, но снова занять Зугдиди „отоманскими гверильясами", подъ начальствомъ Искендеръ-паши, польскаго ренегата, графа Ильинскаго, и выдвинуть къ Наджихеви 6 баталіоновъ. Впрочемъ—хотя малочисленность нашего авангарда и невозможность поддержать его бо́льшими силами, за недостаткомъ продовольствія, и способствовали Омеру-пашѣ зимовать въ Мингреліи, однако-же онъ не достигъ своей главной цѣли—отвлечь нашъ дѣйствующій корпусъ отъ Карса ([29]).

Не болѣе успѣха имѣла такъ-же и другая турецкая диверсія со стороны Эрзерума. Непріятель предполагалъ высадить сильный отрядъ въ Трапезундѣ и направить его черезъ Эрзерумъ къ Карсу. Но въ дѣйствительности Селимъ-паша *) высадился всего съ 1,200 человѣкъ, въ началѣ (въ половинѣ) октября. Какъ только Вели-паша, находившійся со ввѣренными ему войсками въ Эрзерумѣ, получилъ извѣстіе о скоромъ прибытіи Селимъ-паши, то немедленно рѣшился идти къ Керпи-кевъ. 10-го (22) октября, онъ выступилъ съ 10-ю тысячами человѣкъ при 30-ти орудіяхъ ([30]) изъ позиціи у Деве-Бойну къ сел. Куруджухъ, простоялъ тамъ до 14-го (26-го) и потомъ перешелъ къ Гассанъ-Кала (въ 45-ти верстахъ отъ Эрзерума), но тамъ остановился, не смотря на представленія состоявшаго при немъ англійскаго агента, маіора Стюарта. Между тѣмъ ходили слухи, что Селимъ предполагалъ идти безостановочно на

*) Этого Селима не должно смѣшивать съ другимъ, который прежде командовалъ Баязетскимъ корпусомъ.

выручку Карса, и что въ Эрзерумѣ съ этою цѣлью было приготовлено до 4-хъ тысячъ вьюковъ съ провіантомъ для гарнизона. Генералъ-маіоръ Сусловъ, получивъ, между тѣмъ, отъ генерала Муравьева предписаніе двинуться къ сел. Керпи-кевъ, сдѣлалъ немедленно приготовленія къ выступленію ввѣреннаго ему отряда въ долину Аракса. Но какъ дорога, по которой мы прежде переходили черезъ Драмъ-дагъ, была очень трудна, то Сусловъ рѣшился свернуть съ торговой эрзерумской дороги, въ 6-ти верстахъ отъ селенія Зейдкана, и двинуться вправо, предварительно исправя новую дорогу, по долинѣ рѣчки Чатъ. Съ этою цѣлью, 12-го (24-го) октября, былъ высланъ въ горы 2-й баталіонъ Ширванскаго полка, съ шанцовымъ инструментомъ, для разработки дороги; а 14-го (26-го) выступили за нимъ въ слѣдъ остальныя войска́ отряда, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ съ шестью орудіями и 11-ти конныхъ сотень. Артиллерійскій паркъ, подвижной госпиталь и всѣ излишнія тяжести были оставлены близъ сел. Чилканы, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ съ двумя орудіями и 4-хъ конныхъ сотень. 17-го (29-го), отрядъ, по переходѣ черезъ Драмъ-дагъ, прибылъ къ ущелью Кара-Дербенту (между селеніемъ Эшакъ-Эллась и урочищемъ Дали-баба); стоявшій на высотахъ ущелія турецкій отрядъ, въ числѣ до тысячи человѣкъ регулярной кавалеріи и баши-бузуковъ, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, отступилъ къ селенію Юзъ-Веранъ. На слѣдующій день, генералъ Сусловъ двинулся въ слѣдъ за непріятелемъ и поручилъ полковнику Лихутину, съ двумя баталіонами при двухъ орудіяхъ и пятью сотнями казаковъ, произвести рекогносцировку къ сторонѣ Керпи-кёвъ. Непріятельская кавалерія, встрѣченная этимъ отрядомъ, 19-го (31-го) октября, была опрокинута и преслѣдо-

ѣана до Аракса. Бѣгство баши-бузуковъ, распространившихъ преувеличенные слухи о силѣ нашего отряда, заставили Вели-пашу, на основаніи приказанія полученнаго имъ отъ Селима-паши, отступить, 20-го октября (1-го ноября), на позицію у Деве-Бойну. Передовые отряды баши-бузуковъ оставались въ Керпи-кёвъ и въ селеніяхъ между Керпи-кёвъ и Гассанъ-Кала. Отрядъ Суслова, простоявъ почти двѣ недѣли на рѣчкѣ Чичикракѣ, близъ селенія Амракамъ, перешелъ, 2-го (14-го) ноября, къ Дели-баба, гдѣ находились большіе запасы ячменя и сѣна, и оставался тамъ до полученія извѣстій о сдачѣ Карса, а потомъ войска наши выступили, 22-го ноября (4-го декабря), на Кара-Дербентъ и Эшакъ-Элласъ, и 23 (5-го декабря) перешли черезъ хребетъ Драмъ-дагъ, по новой дорогѣ, ущельемъ рѣчки Чата. Дорога была занесена глубокимъ снѣгомъ, который во многихъ мѣстахъ расчищали лопатами, потомъ—шла кавалерія и вьючныя лошади, а за ними, по утоптанному снѣгу, пѣхота съ артиллеріей и обозами. Далѣе, въ алашкертскомъ санджакѣ, пришлось двигаться по глубокой грязи. 2-го (14-го) декабря, когда отрядъ достигъ селенія Мысунъ, у подошвы Агри-дага, этотъ горный хребетъ уже былъ заваленъ глубокимъ снѣгомъ. Войска переходили его эшелонами, въ продолженіи четырехъ дней, въ сильные морозы, при бурномъ вѣтрѣ и вьюгѣ; густой снѣгъ заносилъ дорогу, сбивалъ съ пути и заставлялъ идти какъ-бы ощупью. Но, не смотря на всѣ эти невзгоды, больныхъ было мало и нашъ отрядъ, 7-го (19) декабря, прибылъ благополучно въ сурмалинскій уѣздъ. При этомъ, болѣе нежели когда-либо, обнаружилось различіе между регулярными войсками и ополченіями. Въ концѣ похода, мѣстная милиція исчезла почти до послѣдняго человѣка ([31]).

ГЛАВА XLII.

Продолженіе блокады и сдача Карса.

Послѣ неудавшагося штурма 17-го (29) сентября, многіе въ нашемъ лагерѣ считали кампанію оконченною. Мысль о зимовкѣ подъ Карсомъ никому не приходила въ голову и почти всѣ ожидали приказанія снять осаду и выступить къ Александрополю. Не смотря на отличный духъ войскъ, готовыхъ снова штурмовать крѣпость, начальники ихъ были крайне озабочены разстройствомъ частей своихъ. Суровость наступавшей глубокой осени, недостатокъ фуража и значительная убыль въ войскахъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, по мнѣнію многихъ, требовали снятія осады. Но нашъ главнокомандующій остался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи и вышелъ побѣдителемъ изъ трудной борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ.

Защитники Карса ласкали себя надеждою освобожденія отъ блокады: такъ думали и Турки, и распоряжавшіе оборопою крѣпости англійскіе офицеры, которые, наблюдая въ зрительныя трубы нашъ лагерь и видя отсылку большихъ транспортовъ съ ранеными по дорогѣ въ Александрополь, считали это движеніе началомъ отступленія русскихъ войскъ.

Только лишь опытный Кмети не раздѣлялъ общихъ надеждъ и настаивалъ, чтобы начальники карскаго гарнизона, пользуясь успѣхомъ, атаковали, на слѣдующій-же день, отрядъ Базина, стоявшій, отдѣльно отъ прочихъ нашихъ войскъ, у селенія Айнали, близъ Меликъ-кевъ. Дѣйствительно Турки могли тогда выдти изъ Карса, въ числѣ до 18-ти тыс. человѣкъ, изъ коихъ значительная часть не была въ дѣлѣ; но какъ вообще турецкія войска болѣе способны къ оборонѣ укрѣпленій, нежели къ дѣйствіямъ въ полѣ, то едвали предложенное нападеніе могло быть предпринято съ вѣроятностью успѣха (¹).

Не долго оставались наши войска въ неизвѣстности на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ семь часовъ вечера, главнокомандующій, призвавъ полковника Лорисъ-Меликова, спросилъ у него: „есть-ли возможность имѣть топливо и фуражъ на два мѣсяца," и получилъ утвердительный отвѣтъ, съ подробнымъ объясненіемъ, изъ какихъ селеній можно было добыть дрова, гдѣ можно было достать въ большомъ количествѣ саманъ, и проч. Во время доклада полковника Лориса прибылъ къ главнокомандующему генералъ Бриммеръ. „Въ которомъ часу завтра Ваше Высопр-во прикажете выступать войскамъ?" — спросилъ онъ въ такомъ тонѣ, какъ будтобы послѣ отбитаго штурма не могло быть и рѣчи о продолженіи осады. Но главнокомандующій, нисколько не смутясь такимъ жесткимъ вопросомъ старшаго изъ своихъ сподвижниковъ, отвѣчалъ хладнокровно: „прикажите, Эдуардъ Владиміровичъ, усилить всѣ посты блокирующіе крѣпость;" когда-же Бриммеръ спросилъ: „да кто-же будетъ кормить насъ?" генералъ Муравьевъ указалъ на Лорисъ-Меликова. И такъ первое приказаніе главнокомандующаго послѣ отбитаго штурма было: „усилить блокаду Карса." Къ сѣверу отъ главнаго

лагеря, верстахъ въ шести, у селенія Бозгалы, оставался отрядъ князя Дондукова-Корсакова; далѣе стояли небольшіе отряды маіора Лошакова и подполковника Белюстина, сохранявшіе связь отряда князя Дондукова съ кавалеріей генералъ-маіора Бакланова, расположенною у селенія Меликъ-кёвъ. На южной сторонѣ Карса, у селенія Капы-кёвъ, стоялъ отрядъ графа Нирода, прикрывая вагенбургъ и выдвинувъ казачьи сотни къ селенію Азатъ-кёвъ. Къ сторонѣ Эрзерума, у селенія Котанлы, верстахъ въ 16-ти отъ главнаго лагеря, полковникъ Исрафилъ-бекъ-Единаровъ со 2-мъ полкомъ татарской милиціи, а по ардаганской дорогѣ, на случай наступленія Омера-паши, у селенія Омераги, верстахъ въ тридцати отъ Карса—генералъ Базинъ, съ тремя баталіонами, восемью орудіями и нѣсколькими донскими сотнями. Наконецъ — въ долинѣ Аракса, для дѣйствія во флангъ Вели-пашѣ, находился отрядъ генералъ-маіора Суслова (²).

Генералъ Муравьевъ, желая замѣнить потери, понесенныя на штурмѣ дѣйствующимъ корпусомъ, предписалъ князю Бебутову—„если, по случаю выпавшаго въ Кавказскихъ горахъ снѣга, войска, находившіяся на Лезгинской линіи и около Тифлиса, были уже свободны, то, за отдѣленіемъ изъ нихъ того числа, которое найдется нужнымъ направить къ сторонѣ Имеретіи, прочія прислать въ Александрополь.“ Убылые начальники войскъ были замѣщены новыми: начальникомъ 13-й пѣхотной дивизіи, вмѣсто генералъ-лейтенанта Ковалевскаго, назначенъ генералъ-маіоръ Вас. Егор. Будбергъ; начальникомъ 18-й дивизіи, вмѣсто князя Гагарина — генералъ-маіоръ Трегубовъ; правителемъ военно-походной канцеляріи главнокомандующаго, вмѣсто генералъ-маіора Броневскаго—полковникъ Конст. Петр. Кауфманъ; а на

мѣсто командира Виленскаго полка Шликевича, вызванъ изъ Эриванскаго отряда полковникъ Алтуховъ. Тогда-же приняты мѣры къ замѣщенію баталіонныхъ и ротныхъ командировъ штабъ и оберъ офицерами, высланными изъ Тифлиса и штабъ-квартиръ Кавказскаго корпуса.

Большія затрудненія встрѣтились такъ-же отъ значительнаго числа раненыхъ послѣ штурма. Отправленіе въ Александрополь перваго транспорта ихъ послѣдовало 21-го и 22-го сентября (3 и 4 октября), когда еще не было устроено порядочныхъ этаповъ и пришлось довольствоваться для ночлеговъ большими палатками, разбитыми по пути въ двухъ мѣстахъ. Погода была холодная и почти во все время движенія транспорта моросилъ дождь. Недоставало дровъ для варенія пищи и для обогрѣванія людей. Перевозка въ арбахъ, па волахъ, была весьма медленна. Но, благодаря распорядительности гвардіи ротмистра Башмакова, изъ восьмисотъ раненыхъ, отправленныхъ въ первомъ транспортѣ, умерло лишь нѣсколько человѣкъ. За этимъ транспортомъ послѣдовало нѣсколько другихъ, и въ полевыхъ госпиталяхъ стало просторнѣе. Но призрѣніе раненыхъ, требуя много людей, ослабляло наличныя силы корпуса. Необходимо было, по недостатку госпитальной прислуги, посылать при транспортахъ съ ранеными строевыхъ чиновъ. Носилки, на-скоро изготовленныя для переноски офицеровъ, были весьма тяжелы и потребовали для доставленія каждаго изъ нихъ въ Александрополь, на 70-ти-верстномъ разстояніи, двѣ смѣны, по восьми человѣкъ. Люди, посылаемые съ ранеными, не всегда своевременно были возвращаемы въ лагерь дѣйствующаго корпуса. Все это ослабляло наличную силу войскъ до такой степени, что въ первые дни послѣ штурма у насъ оставалось въ строю

пѣхоты не болѣе 11-ти тысячъ человѣкъ. Для скорѣйшей высылки изъ госпиталей выздоравливающихъ нижнихъ чиновъ и отправляемыхъ съ ранеными командъ, были командированы въ Александрополь дѣятельные штабъ-офицеры; постепенно стали прибывать въ лагерь получившіе облегченіе раненые. Оставалось ожидать подкрѣпленій изъ Грузіи ([3]).

По мѣрѣ того, какъ усиливался нашъ дѣйствующій корпусъ, слабѣлъ гарнизонъ Карса отъ голода и холеры, которая въ осажденной крѣпости была губительнѣе нежели въ нашемъ лагерѣ. Положеніе гарнизона сдѣлалось особенно тягостно съ октября. Люди терпѣли также отъ стужи и усталости. Мясной пищи солдаты во-все не получали; бульонъ изъ конины раздавался только больнымъ въ госпиталяхъ и еще въ небольшомъ количествѣ людямъ, которымъ приходилось стоять на часахъ ночью. Солдаты вырывали изъ земли коренья, и даже лошадиные трупы, и употребляли ихъ въ пищу ([4]). Въ первые три дня послѣ штурма не было ни одного перебѣжчика изъ Карса; но потомъ они стали появляться снова, большею частью по одиночкѣ, и только лишь Лазы выходили изъ города цѣлыми партіями и покушались пробиваться сквозь наши посты. Въ концѣ сентября (въ началѣ октября) привели съ аванпостовъ къ генералу Муравьеву выѣхавшаго изъ крѣпости армянскаго архіерея. Главнокомандующій надѣялся получить отъ него вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Карсѣ, но когда онъ сталъ увѣрять, будтобы Турки нисколько не терпѣли нужды въ жизненныхъ запасахъ, и что имъ въ Карсѣ хорошо, генералъ Муравьевъ приказалъ отправить его обратно въ Карсъ, что̀ весьма огорчило бѣднаго архіерея. Потомъ выѣхалъ изъ Карса повѣренный персидскаго консула въ Эрзерумѣ, который, въ числѣ своей свиты,

вывезъ изъ города (какъ говорили—за деньги) нѣсколько Турокъ, но эта уловка не удалась: Турки были возвращены въ Карсъ, а персидскій повѣренный отправленъ въ Тифлисъ (5).

Нѣсколько дней спустя послѣ штурма, было приступлено въ нашемъ лагерѣ къ постройкѣ землянокъ, въ замѣнъ палатокъ, въ которыхъ становилось холодно. Въ продолженіи октября, появились во многихъ частяхъ войскъ казармы съ дверьми, окнами, печьми и нарами; въ особенности отличались хорошею отдѣлкою казармы сапернаго баталіона. Офицерскіе домики были съ полами и съ стеклянными окнами. Для этихъ построекъ лѣсъ добывался частью изъ селеній, оставленныхъ жителями, частью-же отъ туземцевъ, обложенныхъ лѣсною повинностью; кромѣ того, они-же доставляли лѣсъ съ высотъ Саганлуга, по опредѣленной цѣнѣ съ бревна. На постройку землянокъ такъ-же служили матеріалами дернъ и нетесаный камень. Сперва устроили казармы, а потомъ были помѣщены въ просторныхъ и теплыхъ конюшняхъ почти всѣ кавалерійскія и артиллерійскія лошади. По берегу Карсъ-чая построили бани и лавочки, занятыя торговцами и промышленниками изъ Александрополя. Русскій лагерь обратился въ городъ съ тридцатью тысячами жителей разнаго званія; среди лагерныхъ построекъ возвышался бѣлый церковный наметъ. И все это устроилось въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, почти безъ всякихъ издержекъ. Тогда-же появилось, въ семи верстахъ отъ новаго города, у Бозгалы, гдѣ стоялъ отрядъ князя Дондукова, другое поселеніе, а въ лагерѣ Бакланова, у сел. Меликъ-кёвъ—третье. Въ домахъ сел. Каны-кёвъ были устроены госпитали, а на александропольской дорогѣ, при разоренныхъ селеніяхъ Визинъ-кевъ и Хаджи-вали, учреждены поч-

ты, а также этапы для проходящихъ командъ и собраны запасы дровъ, кизяку и саману (соломенной сѣчки).

Въ началѣ (въ половинѣ) октября, были отпущены на родину горскія сотни. Генералъ Муравьевъ, желая извлечь пользу изъ ихъ появленія въ сосѣдствѣ театра дѣйствій Омера-паши, направилъ ихъ не по прямой дорогѣ на Александрополь, а чрезъ Омераги, Ардаганъ и Ахалцыхъ, и далѣе чрезъ Боржомское ущелье и Сурамъ къ Гори. Чтобы заохотить горцевъ къ возвращенію въ слѣдующемъ году, приказано было угощать ихъ въ Ахалцыхѣ и Гори. Вслѣдъ за тѣмъ были отпущены: грузинская дворянская дружина, осетинская конная сотня и Курды. Конно-мусульманскіе полки такъ-же просились домой, но были удержаны, по тому что, по отбытіи ихъ, пришлось-бы однимъ казакамъ содержать разъѣзды и аванпосты. Съ наступленіемъ стужи много разошлось всадниковъ изъ команды Лорисъ-Меликова; карапапахская милиція держалась въ слабомъ составѣ, армянскія-же конныя сотни оставались до конца похода ([6]).

Въ продолженіи октября почти ежедневно происходили стычки на аванпостахъ нашихъ Конно-мусульманъ съ непріятельскими фуражирами. Гораздо чувствительнѣе для карскаго гарнизона были ночныя тревоги, весьма утомлявшія изнуренныхъ голодомъ Турокъ. Въ такихъ предпріятіяхъ преимущественно принималъ участіе одинъ изъ охотниковъ Лорисъ-Меликова, Армянинъ, юнкеръ милиціи Даніилъ Арютиновъ, извѣстный въ отрядѣ подъ названіемъ Данилки. Этотъ столь-же ловкій, сколько и отважный азіятъ отправлялся въ ночныя поѣздки, въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ, и бралъ съ собою три или четыре боевыя ракеты. Подъѣхавъ,

какъ можно тише, въ ночной темнотѣ, къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Данилка пускалъ черезъ валъ ракеты и быстро уходилъ въ сторону; а между тѣмъ въ крѣпости раздавались пушечные выстрѣлы и, по призыву трубъ и барабановъ, спѣшили войска на сборные пункты. Подобныя тревоги не давали покоя голодному гарнизону и крѣпко надоѣдали Туркамъ (7).

Мало по малу слѣды разстройства послѣ штурма въ нашихъ войскахъ исчезли; холера постепенно ослабѣвала, такъ что въ половинѣ октября число заболѣвавшихъ въ сутки не превосходило 10-ти, слѣдовательно было гораздо менѣе, нежели въ началѣ эпидеміи, когда число ихъ доходило до 60-ти. По вечерамъ лагерь снова оглашался голосами пѣсенниковъ; солдаты устроивали театральныя представленія подъ открытымъ небомъ; появились также ловкіе плясуны и акробаты, возбуждавшіе шумное веселіе своихъ товарищей. Не смотря на пристрастіе главнокомандующаго къ формальности, офицерамъ разрѣшено было одѣваться во всякую одежду—лишь-бы грѣла. Самъ Муравьевъ ходилъ въ папахѣ и толстомъ драповомъ сюртукѣ, прозванномъ „избою“; офицеры были—кто въ папахѣ, кто въ фуражкѣ, кто въ солдатской шинели, кто въ сюртукѣ безъ эполетъ, либо въ тулупѣ, но всегда при шашкахъ, а дежурный—въ шарфѣ. Вечеромъ, по ракетѣ и пушечному выстрѣлу, всѣ начальники частей собирались на площадку, у домика главнокомандующаго; въ лагерѣ играла музыка. На площадкѣ въ присутствіи генерала Муравьева, распрашивали перебѣжчиковъ, узнавали новости о положеніи дѣлъ въ Карсѣ; здѣсь-же изустно отдавались приказанія, тѣмъ сокращалась оффиціальная переписка (8).

Въ первой (во второй) половинѣ октября, при-

были въ Александрополь вытребованныя главнокомандующимъ послѣ штурма войска, именно: три сильныхъ баталіона резервной дивизіи, двѣ женатыхъ роты гренадерской бригады и двѣ роты резервнаго сапернаго баталіона. Кромѣ того присоединился къ своему полку находившійся въ Александрополѣ 4-й Виленскій баталіонъ.

Значительное усиленіе Дѣйствующаго корпуса свѣжими войсками и выздоровѣвшими изъ госпиталей, а равно столь-же изобильное, сколько и правильное снабженіе войскъ жизненными запасами разсѣяли общее сомнѣніе въ возможности зимовки подъ Карсомъ. Въ русскомъ лагерѣ стали держать заклады о срокѣ сдачи крѣпости. Князь Дондуковъ ожидалъ ее къ 25-му октября; другіе надѣялись покончить дѣло 1-го ноября; а полковникъ К. П. Кауфманъ, еще задолго до того, увѣрялъ, что сдача послѣдуетъ не ранѣе половины ноября. Генералъ Муравьевъ не рѣдко вызывалъ на споръ о времени паденія Карса князя Дондукова съ Кауфманомъ и, по различію ихъ мнѣній, прозвалъ перваго *le médecin tant mieux*, а втораго—*le médecin tant pis* (⁹).

Между тѣмъ главнокомандующій, узнавъ изъ перехваченнаго письма маіора Стюарта, находившагося въ Эрзерумѣ, къ генералу Вилліамсу, о предстоявшемъ наступленіи съ позиціи при Деве-Бойну Эрзерумскаго корпуса, приказалъ войскамъ быть готовыми къ движенію и послалъ генералу Суслову предписаніе идти впередъ, для отвлеченія Вели-паши отъ Карса. Вслѣдъ за тѣмъ, 18-го (30-го) октября, наши главныя силы были раздѣлены на двѣ части, изъ коихъ одна, подъ начальствомъ генерала Бриммера, назначалась для встрѣчи Турокъ, въ случаѣ движенія ихъ отъ Эрзерума на выручку Карса, а другая, подъ начальствомъ генерала Бакланова, должна была продолжать бло-

каду. 18-го (30-го) октября, Бриммеръ сдѣлалъ смотръ войскамъ своего отряда, одѣтымъ по-зимнему въ полушубкахъ ([10]).

Не смотря на неудачу дѣйствій князя Мухранскаго противъ Омера-паши и на занятіе Турками Мингреліи, главнокомандующій, разгадавъ цѣль непріятеля—отвлечь насъ отъ Карса, непоколебимо продолжалъ блокаду осажденной крѣпости. Генералъ Муравьевъ не признавалъ возможности движенія Омера къ Тифлису, по дурнымъ дорогамъ, въ глубокую осень, безъ перевозочныхъ средствъ, среди враждебнаго населенія страны. Получивъ, 1-го (13-го) ноября, извѣстіе о потерѣ сраженія на Ингурѣ, Муравьевъ, въ тотъ-же день, писалъ военному министру, князю Долгорукову, о намѣреніи своемъ оставаться подъ Карсомъ, и тогда-же сдѣлалъ распоряженія объ усиленіи князя Мухранскаго подкрѣпленіями—частью съ Лезгинской линіи, частью изъ Ахалцыха. Такимъ образомъ Гурійскій отрядъ долженъ былъ состоять изъ $24^3/_4$ баталіоновъ съ 30-ю орудіями, 11-ти казачьихъ сотень и нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ милиціи, всего-же отъ 25-ти до 28-ми тысячъ человѣкъ. Съ такимъ числомъ войскъ не трудно было преградить Туркамъ путь въ Имеретію.

Со стороны-же Эрзерума войска́, облагавшія Карсъ, были совершенно обезпечены съ 5-го (17-го) ноября, когда Саганлугъ былъ заваленъ снѣгомъ и пути черезъ хребетъ сдѣлались недоступны.

Положеніе карсскаго гарнизона день ото дня дѣлалось невыносимѣе. Главнокомандующій, имѣя въ виду постоянно содержать въ тревогѣ изнуренныхъ голодомъ Турокъ, замѣнилъ ракеты дѣйствіемъ артиллеріи. Въ ночи съ 8-го на 9-е (съ 20-го на 21-е) ноября, командиръ донской № 13-го батареи, подполковникъ Есаковъ, подъѣхавъ съ 4-мя орудія-

ми къ Канлы-табія, пустилъ шесть ядеръ въ непріятельскій лагерь. Турки по тревогѣ кинулись на валъ, но уже наши орудія были внѣ выстрѣловъ укрѣпленія.

Генералъ Вилліамсъ, видя бѣдственное положеніе защитниковъ Карса, рѣшился выдти въ поле и пробиться чрезъ блокадную линію. Съ этою цѣлью, было поручено маіору Тиседелю, совмѣстно съ генеломъ Кмети, избрать удобнѣйшее къ тому направленіе. Предполагалось идти на Чахмахъ, по дорогѣ за фортомъ Вели-паша-табія, и, прорвавшись чрезъ наши посты, двинуться чрезъ Пенякъ къ Ольтѣ. Это намѣреніе оставалось въ тайнѣ для всѣхъ, кромѣ мушира, Кмети и англійскихъ офицеровъ. Войскамъ были розданы котомки съ трехъ-дневнымъ запасомъ сухарей и велѣно быть въ полной готовности къ выступленію, подъ предлогомъ встрѣчи съ корпусами Селима и Омера-паши, которые будтобы шли отъ Эрзерума и Батума на выручку Карса. Но вслѣдъ за тѣмъ были получены положительныя свѣдѣнія, что Селимъ рѣшительно отказался идти къ Карсу, что Омеръ-паша, отойдя на небольшое разстояніе отъ Сухума, оставался въ бездѣйствіи, и что вообще карсскій гарнизонъ не могъ надѣяться ни на кого, кромѣ своихъ собственныхъ силъ ([11]).

Эти извѣстія побудили мушира собрать военный совѣтъ, на который были созваны: генералъ Вилліамсъ, адъютантъ его маіоръ Тиседель, полковникъ Лекъ, всѣ паши и полковые командиры. Вилліамсъ открылъ совѣщаніе подробнымъ объясненіемъ положенія дѣлъ въ Карсѣ. По словамъ его — хотя отъ холеры погибло до тысячи человѣкъ, однакоже голодъ былъ еще губительнѣе: почти всѣ больные, поступавшіе въ госпитали, были изнурены до крайности; нѣкоторые изъ нихъ возстановляли силы свои,

питаясь тамъ супомъ съ кониною; но смертность постепенно увеличивалась и въ послѣдніе дни осады умирало до ста человѣкъ. Обычная дача провіанта была уменьшена почти въ четверо (вмѣсто 300 драхмъ хлѣба давали всего по 86-ти драхмъ). Солдаты и жители изрыли въ городѣ землю, добывая корни для пищи. Всѣ члены совѣта соглашались въ томъ, что, по слабости людей, невозможно было предпринять движеніе къ Ольтѣ, не подвергнувъ войско явной гибели. Оставалось—сдаться. Турецкіе начальники съ сокрушеніемъ должны были высказать, что картина страданій гарнизона и жителей города, начертанная Вилліамсомъ, не была преувеличена и что надлежало безотлагательно открыть переговоры съ начальникомъ русскихъ войскъ.

12-го (24-го) ноября, въ два часа по полудни, прискакалъ казакъ съ передовой цѣпи, съ извѣстіемъ, что изъ Карса выѣхало къ намъ пять человѣкъ подъ бѣлымъ флагомъ. Немедленно послали офицера ихъ встрѣтить и проводить въ нашъ лагерь, не завязывая имъ глазъ. Когда дѣло шло о размѣнѣ плѣнныхъ, пріѣзжалъ адъютантъ Керимъ-паши съ однимъ всадникомъ. Въ настоящемъ-же случаѣ, число свиты парламентера и красный мундиръ его, выказывавшій въ немъ одного изъ англійскихъ офицеровъ, подавали поводъ полагать, что онъ былъ присланъ по какому-либо важнѣйшему дѣлу. Оказалось дѣйствительно, что къ намъ въ лагерь прибылъ адъютантъ генерала Вилліамса, маіоръ Тисдель, съ письмомъ къ главнокомандующему, въ которомъ Вилліамсъ просилъ назначить ему время для свиданія. Генералъ Муравьевъ, принявъ парламентера, отпустилъ его съ словеснымъ отвѣтомъ: „главнокомандующій проситъ генерала Вилліамса пріѣхать завтра въ 12 часовъ“ (12).

Утромъ 13-го (25-го) ноября, генералъ Муравьевъ долго занимался съ полковниками Кауфманомъ и княземъ Дондуковымъ, на которыхъ возложилъ онъ веденіе переговоровъ о сдачѣ Карса, въ случаѣ ежели генералъ Вилліамсъ изъявитъ на то готовность. Въ 11 часовъ, капитанъ гвардейской артиллеріи Корсаковъ, съ конвоемъ изъ 10-ти линейныхъ казаковъ—георгіевскихъ кавалеровъ и 4-хъ драгунъ, подъ командою подполковника Мансурадзева, былъ высланъ на встрѣчу Вилліамсу и проводилъ его въ приготовленную для него комнату въ домикѣ полковника Кауфмана, откуда онъ пошелъ къ главнокомандующему и былъ тотчасъ имъ принятъ; при генералѣ Муравьевѣ въ его землянкѣ тогда находились полковникъ Кауфманъ и князь Дондуковъ. Генералъ Вилліамсъ былъ довольно высокаго роста, благородной наружности; на видъ ему было около 50-ти лѣтъ. „Я человѣкъ прямой, искренній — сказалъ онъ.—Лгать не умѣю, не буду хвалиться изобиліемъ нашего продовольствія и не стану скрывать отъ васъ бѣдственное положеніе, въ которомъ находится гарнизонъ Карса. Какъ честный человѣкъ, я исполнилъ свою обязанность до послѣдней возможности; но теперь уже у меня къ тому недостаетъ способовъ. Войско изнурено до крайности; мы теряемъ отъ голода до полутораста человѣкъ въ сутки; точно такъ-же гибнутъ и городскіе жители. Помощи намъ ожидать не откуда; хлѣба у насъ осталось только на три дня. Движимый человѣколюбіемъ, я прибылъ къ вамъ, съ согласія нашего главнокомандующаго Вассифа-паши, предложить вамъ сдачу Карса, предоставляя условія на ваше великодушіе!“

Генералъ Муравьевъ отвѣчалъ Вилліамсу, что какъ онъ предложилъ свиданіе, то имъ-же должны быть выражены условія сдачи крѣпости.

Генералъ Вилліамсъ, въ отвѣтъ на слова нашего главнокомандующаго, просилъ его уважить слѣдующія три условія.

Во 1-хъ, чтобы военно-плѣнными были признаны только дѣйствующія части регулярныхъ войскъ, а полки, сформированные изъ отпускныхъ (редифы), а равно ополченія (лазы и баши-бузуки) и нестроевые чины были отпущены.

Генералъ Муравьевъ, принявъ во вниманіе, что мы не могли обременять себя огромнымъ количествомъ плѣнныхъ, въ числѣ коихъ было множество больныхъ и изнуренныхъ людей, которые внесли-бы эпидемію въ нашъ лагерь, согласился на предложеніе англійскаго генерала.

Во 2-хъ, Вилліамсъ просилъ отпустить нѣсколько Венгерцевъ и другихъ иностранцевъ, служившихъ въ рядахъ карсскаго гарнизона, и въ 3-хъ, чтобы всѣмъ офицерамъ было оставлено оружіе.

Главнокомандующій, изъявивъ свое согласіе и на эти условія, предложилъ Вилліамсу вступить въ переговоры, по всѣмъ подробностямъ, относящимся къ сдачѣ Карса, съ уполномоченными на то полковниками Кауфманомъ и княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ ([13]).

Предварительныя статьи договора о сдачѣ Карса, заключенныя сими лицами, и, по мѣрѣ ихъ составленія, утвержденныя главнокомандующимъ, заключали въ себѣ слѣдующія условія:

Ст. 1-я. Крѣпость сдается съ полнымъ своимъ вооруженіемъ.

Ст. 2-я. Гарнизонъ, сдавшись военно-плѣннымъ, съ главнокондующимъ и прочими начальниками турецкой арміи, выйдетъ изъ крѣпости съ военными почестями и, сложивъ оружіе и знамена, на услов-

ленномъ мѣстѣ, отправится по назначенію, указанному главнокомандующимъ русскихъ войскъ. Во уваженіе мужественной защиты гарнизона, офицеры сохраняютъ при себѣ шпаги.

Ст. 3-я. Частное имущество остается неприкосновеннымъ.

Ст. 4-я. Милиція (Редифы, Баши-бузуки, Лазы), по предварительномъ опредѣленіи ея числа, получитъ разрѣшеніе возвратиться въ свои дома.

Ст. 5-я. Тѣмъ-же правомъ воспользуются нестроевые чины арміи (писаря, переводчики, служители при больныхъ), по предварительномъ опредѣленіи числа ихъ.

Ст. 6-я. Генералу Вилліамсу предоставляется право представить на утвержденіе генерала Муравьева списокъ лицъ, которымъ будетъ разрѣшено возвратиться въ свои дома *).

Ст. 7-я. Всѣ поименованные въ статьяхъ 4-й, 5-й и 6-й обязуются честнымъ словомъ не носить оружія противъ Его Величества Императора Всероссійскаго во все продолженіе настоящей войны.

Ст. 8-я. Жители Карса предаютъ себя великодушію русскаго правительства, которое приметъ ихъ подъ свое покровительство.

Ст. 9-я. Памятники и городскія зданія, принадлежащія правительству, будутъ сохранены въ цѣлости.

Ст. 10-я. Подробности сдачи города будутъ опредѣлены, не позже какъ на завтрашній день, особою конвенціею ([14]).

*) Такихъ лицъ (Венгерцевъ, Поляковъ и проч.) оказалось 10. Бывшіе въ числѣ ихъ, Измаилъ-паша (Кмети) и Фазли-паша (Кольманъ), ушли скрытно изъ Карса, 13-го (25-го) ноября, вечеромъ, вѣроятно, не довѣряя обѣщанію нашего главнокомандующаго, либо не желая связать себя обѣщаніемъ—не служить противъ Россіи въ теченіе настоящей войны.

Въ продолженіи переписки на-чисто предварительныхъ условій, предложено было генералу Вилліамсу прогуляться въ нашемъ лагерѣ. Онъ посѣтилъ отлично устроенныя казармы сапернаго баталіона и нѣсколько офицерскихъ домиковъ, видѣлъ всѣ наши приготовленія на случай зимней стоянки и убѣдился въ твердомъ намѣреніи генерала Муравьева оставаться на мѣстѣ до покоренія Карса. Встрѣчая на каждомъ шагу здоровыхъ, бодрыхъ, веселыхъ солдатъ, въ теплой одеждѣ и исправной обуви, онъ долженъ былъ сознать невозможность прорваться на свободу съ изнуренными войсками Анатолійской арміи. Въ тотъ-же день вечеромъ, когда онъ подписалъ предварительныя условія, отъ него потребовали утвержденія ихъ турецкимъ главнокомандующимъ. Генералъ Вилліамсъ, давъ слово доставить на слѣдующій-же день письменное полномочье Вассифа-паши, отправился въ Карсъ.

На слѣдующій день, 14-го (26-го) утромъ, главнокоманддующій послалъ опять адъютанта своего Корсакова съ конвоемъ для встрѣчи Вилліамса; но, вмѣсто его выѣхалъ изъ Карса маіоръ Тиседель, который, извѣстивъ, что Вилліамсъ не будетъ, объяснилъ причину тому генералу Муравьеву. По словамъ Тиседеля, Турки до того времени льстили себя надеждою прибытія къ нимъ въ помощь Омера или Селима-паши и не знали о совершенномъ истощеніи хлѣбныхъ запасовъ въ крѣпости. Когда-же Вилліамсъ, по возвращеніи изъ русскаго лагеря, объявилъ о необходимости сдаться, войска и жители стали волноваться и роптать. Офицеры были согласны на сдачу, но не могли успокоить своихъ солдатъ. При отъѣздѣ Тиседеля изъ города, до трехъ сотъ женщинъ съ дѣтьми окружили домъ англійскаго генерала, требуя хлѣба и не слушая ни угрозъ,

ни увѣщаній. Чтобы отдѣлаться отъ нихъ, Вилліамсъ приказалъ высыпать на улицу небольшой запасъ пшеницы, хранившійся у него въ домѣ, и самъ остался въ городѣ, считая неблагоразумнымъ уѣхать въ такое смутное время; но маіоръ Тиздель, отъ его имени, далъ слово, что онъ завтра пріѣдетъ въ нашъ лагерь со всѣми англійскими офицерами. Главнокомандующій изъявилъ желаніе, чтобы вмѣстѣ съ ними прибылъ извѣстный ему начальникъ штаба Анатолійской арміи, Керимъ-паша ([15]).

Исполнивъ данное ему порученіе, маіоръ Тиздель спѣшилъ возвратиться въ Карсъ; ему напомнили о присылкѣ полномочья отъ муширa. Вечеромъ Тиздель, опять пріѣхавъ въ нашъ лагерь, доставилъ требуемое полномочье слѣдующаго содержанія:

„Высокостепенный, высокосановный, проницательный и благороднѣйшій генералъ Муравьевъ.

„Находящійся здѣсь сановникъ высокой англійской державы, превосходительный ферикъ Вилліамсъ-паша уполномоченъ и назначенъ съ нашей стороны вести переговоры на счетъ оставленія Карса. Во извѣщеніе о томъ Вашего Высокопревосходительства писано о семъ мое письмо.

„15-го Реббн-Эль-Аввель 1272 г. (14-го ноября 1855 г.)".

15-го (27-го) ноября, утромъ, капитанъ Корсаковъ, съ конвоемъ изъ линейныхъ казаковъ и драгунъ, встрѣтилъ генерала Вилліамса сопровождаемаго довольно большою свитою: при немъ были англійскіе офицеры: Лекъ, Тиздель, Томпсонъ, докторъ Сандвитъ, секретарь Чорчиль и турецкіе начальники: Ахметъ-паша, Гафизъ-паша и Кадыръ-бей. Керима-паши не было, какъ отозвался Вилліамсъ, по тому,

что сочли необходимымъ оставить его въ крѣпости для содержанія въ порядкѣ войскъ ([16]).

Весь поѣздъ, прибывшій изъ Карса, остановился у домика полковника Кауфмана, куда вошли паши и англійскіе офицеры, кромѣ Вилліамса, приглашеннаго къ главнокомандующему. Тамъ Вилліамсъ, не возобновляя переговоровъ объ условіяхъ сдачи, просилъ только, чтобы лазамъ и баши-бузукамъ было оставлено оружіе, составлявшее ихъ собственность и принадлежащее къ ихъ народной одеждѣ, но генералъ Муравьевъ на это не согласился. За тѣмъ Вилліамсъ представилъ, что, при сдачѣ оружія цѣлымъ корпусомъ, построеннымъ въ боевомъ порядкѣ, могли послѣдовать безпорядки, и по тому просилъ, чтобы статья о выходѣ гарнизона съ военными почестями была оставлена въ условіяхъ сдачи, но чтобы солдаты сложили свое оружіе въ укрѣпленіяхъ и вышли въ поле безоружными. Главнокомандующій одобрилъ это распоряженіе.

Пока переписывались бумаги о сдачѣ Карса, Англичане и паши остались обѣдать у генерала Муравьева. За тѣмъ составленный на основаніи предварительныхъ статей актъ былъ подписанъ генераломъ Вилліамсомъ и полковникомъ Кауфманомъ, послѣ чего англійскіе офицеры и паши отправились въ Карсъ, чтобы приготовиться къ сдачѣ, условленной на слѣдующее утро.

Съ нашей стороны такъ-же были сдѣланы распоряженія относительно: устройства надзора за плѣнными и продовольствія ихъ; облегченія по возможности положенія жителей Карса; назначенія въ городъ русскаго начальства, и проч. Назначены войска для занятія крѣпости и званіе карскаго коменданта временно возложено на полковника де-Саже. Приведеніе въ извѣстность и принятіе артиллеріи, ору-

жія и казеннаго имущества поручено подполковнику Брискорпу. Устраивались помѣщенія въ нашихъ землянкахъ для Англичанъ и турецкихъ начальниковъ; отдавались приказанія о пропускѣ и конвоированіи редифа и ополченій за Саганлугъ. Главнокомандующій приказалъ приготовить завтра къ 10-ти часамъ утра обѣдъ на всѣ военно-плѣнныя войска, возложивъ угощеніе Турокъ на полковника князя I. Д. Тарханова 2-го. Приказано также, чтобы, немедленно послѣ сдачи, были направлены въ городъ повозки съ хлѣбомъ и скотъ. Между тѣмъ, соблюдались всѣ необходимыя мѣры предосторожности: войска оставались въ постоянной готовности къ движенію налегкѣ и имѣли при себѣ въ мѣшкахъ 4-хъ-дневный запасъ сухарей; артиллеріи приказано, на случай тревоги, имѣть по одному ящику на каждое орудіе.

Вечеромъ полковникъ Лорисъ-Меликовъ, назначенный начальникомъ карской области, читалъ главнокомандующему составленный, по его приказанію, проектъ управленія этою областью; а въ ночи съ 15-го на 16-е (съ 27-го на 28-е), были пропущены, согласно 6-й статьѣ договора о сдачѣ Карса, иностранные выходцы, по списку, составленному генераломъ Вилліамсомъ. Всѣ они были переданы князю Дондукову, который, угостивъ ихъ въ своемъ лагерѣ при Бозгалѣ, отправилъ съ конвоемъ до сел. Чаплахлы, откуда они были препровождены, подъ прикрытіемъ конвоя изъ охотниковъ Лорисъ-Меликова, за Саганлугъ, въ сел. Бардусъ ([17]).

16-го (28-го) ноября, въ день, назначенный для сдачи Карса, погода была пасмурна; порою накрапывалъ мелкій дождь. Въ половинѣ 10-го часа утра, войска наши построились на равнинѣ по лѣвую сторону Карсъ-чая. Въ центрѣ, примкнувъ правый

флангъ къ рѣкѣ, расположилась пѣхота въ баталіонныхъ колоннахъ; впереди интерваловъ ихъ стали батареи съ заряженными орудіями. На лѣвомъ крылѣ, по скату Бозгалинской высоты, былъ расположенъ отрядъ князя Дондукова-Корсакова; а на правомъ, по другую сторону Карсъ-чая, Новороссійскіе драгуны съ конными батареями. Вообще-же наша боевая линія образовала дугу, огибавшую съ фланговъ мѣсто назначенное для Анатолійской арміи. Солдаты наши были въ полушубкахъ и амуниціи; офицеры—въ сюртукахъ. Миновало 10 часовъ, а на равнинѣ близъ селенія Гюмбета еще не показывались Турки. Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, генералъ-маіоръ Ходзько усмотрѣлъ въ телескопъ турецкія войска, частью переходившія черезъ мостъ у селенія Кичикъ-кёвъ, частью спускавшіяся съ Шорахскихъ высотъ. Въ началѣ втораго часа по полудни, прибылъ въ нашъ лагерь генералъ Вилліамсъ и всѣ англійскіе офицеры, на желаніе коихъ—не присутствовать при сдачѣ войскъ, нашъ главнокомандующій изъявилъ согласіе. Вмѣстѣ съ ними пріѣхалъ муширъ Вассифъ-паша, человѣкъ лѣтъ за шестьдесятъ, еще довольно бодрый, небольшаго роста, въ простомъ казакинѣ и красной фескѣ. Его и Вилліамса пригласили въ кабинетъ генерала Муравьева, который ласково привѣтствовалъ мушира и говорилъ съ нимъ по турецки. Въ два часа по полудни, почти одновременно съ пріѣздомъ въ нашъ лагерь генерала Вилліамса и Вассифа-паши, доложено было нашему главнокомандующему, что Анатолійская армія выстроилась на указанномъ ей мѣстѣ. Генералъ Муравьевъ, взявъ подъ руку Вассифа, спустился со всею своею свитою пѣшкомъ съ горы къ мосту; перейдя его, всѣ сѣли на коней. Главнокомандующій, объѣхавъ по фронту нашихъ полковъ, приблизился къ турецкимъ

войскамъ. Впереди ихъ стояла небольшая кучка всадниковъ и въ числѣ ихъ, на красивомъ жеребцѣ, Керимъ-паша, старикъ воинственной наружности, смуглый лицемъ, съ сѣдою бородою, въ простой одеждѣ. Подъѣхавъ къ нашему главнокомандующему, онъ не сказалъ ни слова. Генералъ Муравьевъ пожалъ ему руку и напомнилъ о старомъ знакомствѣ ихъ въ 1833-мъ году, когда начальствуя въ Царьградѣ десантнымъ русскимъ отрядомъ, Муравьевъ такъ-же имѣлъ въ своемъ распоряженіи кавалерійскій полкъ султанской гвардіи, гдѣ Керимъ тогда служилъ подполковникомъ. На вопросъ главнокомандующаго: „гдѣ-же ключи города?“ Керимъ-паша отвѣчалъ: „ихъ нѣтъ“. Вообще сдача Карса была сдѣлана съ отсутствіемъ всякой формальности и только лишь знамена были переданы торжественно нашимъ войскамъ. Изъ турецкихъ рядовъ вышли одновременно, какъ-бы по сигналу, 12 рослыхъ офицеровъ, каждый изъ коихъ несъ знамя шелковой ткани, испещренное надписями изъ Корана. Пока они сходились къ мѣсту, гдѣ находились главные начальники, вызваны были изъ ближайшаго (Тульскаго) полка 24 унтеръ-офицера и одна карабинерная рота, съ музыкою, для принятія знаменъ. Уважая мужество непріятеля, генералъ Муравьевъ не хотѣлъ, чтобы кричали „ура“, но оно раздалось внезапно въ рядахъ русскаго войска. Прочее-же все происходило съ азіятскою простотою и небрежностью. Отдѣливъ регулярныя войска отъ редифа и ополченій, турецкіе начальники, на требованіе съ нашей стороны списковъ и вѣдомостей, отвѣчали: „За чѣмъ вамъ они? Войско, оружіе, запасы и городъ съ обывателями: все ваше. Берите и сами считайте“.

Уже день склонялся къ вечеру, когда мимо нашего главнокомандующаго потянулся редифъ по на-

правленію къ Саганлугу. Это были люди, большею частью рослые, по тощіе и весьма изнуренные, въ оборванной обгорѣлой одеждѣ и почти безъ обуви, изнемогавшіе подъ бременемъ котомокъ, котелковъ и всякаго тряпья, не по силамъ ихъ. Сперва они шли въ порядкѣ, имѣя въ головѣ баталіонныхъ начальниковъ своихъ верхомъ, но потомъ растянулись и продолжали движеніе нестройными толпами.

Офицеры не только сохранили шпаги, какъ условлено было въ актѣ о сдачѣ Карса, но получили разрѣшеніе оставить при себѣ и пистолеты. Турки проходили весьма близко отъ главнокомандующаго, и по тому сопровождавшія его лица напоминали ему объ опасности, которой онъ подвергался. Но генералъ Муравьевъ не обращалъ на то вниманія и, въѣхавъ въ толпу непріятельскихъ солдатъ, говорилъ съ ними по-турецки. Какъ при этихъ войскахъ оказалось мало знаменъ, то главнокомандующій поручилъ полковнику Лорисъ-Меликову осмотрѣть вьюки и имущество редифа, что̀ и было исполнено на первомъ ночлегѣ, верстахъ въ десяти отъ нашего главнаго лагеря. Нашлось 16 знаменъ и значковъ, частью повязанныхъ на поясахъ, частью спрятанныхъ за пазуху. До Саганлуга конвоировалъ Турокъ баталіонъ Лейбъ-карабинернаго полка барона Врангеля. На этомъ маршѣ умерло отъ изнуренія до 500 человѣкъ редифовъ, а до Эрзерума дошла только треть ихъ; прочіе-же всѣ погибли, либо разбрелись по ауламъ ([18]).

Генералъ Муравьевъ, не дождавшись, пока пройдетъ редифъ, медленно тянувшійся нескончаемою вереницею, подъѣхалъ со свитою къ городской депутаціи, которая поднесла ему *лавашъ* (прѣсную лепешку) съ солью. Главнокомандующій успокоилъ гражданъ обѣщаніемъ, что ихъ имущества останут-

ся неприкосновенны. За тѣмъ Муравьевъ, вмѣстѣ съ Вассифомъ-пашею, въѣхалъ въ линію турецкихъ баталіоновъ и говорилъ съ нѣкоторыми изъ ихъ начальниковъ, послѣ чего пригласилъ плѣнныхъ къ приготовленному для нихъ обѣду, состоявшему изъ щей съ говядиною и каши, наваренныхъ въ огромномъ количествѣ, въ котлахъ, на берегу Карсъ-чая. Сначала Турки колебались идти туда, не зная, что ихъ ожидало такое угощеніе; но когда муширъ и другіе турецкіе начальники громогласно повторили приглашеніе, войска гурьбою хлынули къ котламъ. На этомъ гомерическомъ обѣдѣ было болѣе 8-ми тысячъ человѣкъ. Многіе изъ нихъ, насытившись вдоволь, не могли подняться и слѣдовать за своими товарищами; были и такіе, которые, поѣвъ не въ мѣру, умерли на мѣстѣ ([19]).

Пока обѣдали плѣнные, подъ жерлами орудій, на всякій случай заряженныхъ картечью, главнокомандующій приказалъ графу Нироду, съ Новороссійскими драгунами и съ линейною казачьею батареею Есакова, спуститься на равнину, гдѣ прежде стояла турецкая армія, и произвелъ смотръ этимъ войскамъ, въ виду Турокъ. Между тѣмъ, для занятія Карса, былъ посланъ полковникъ де-Саже, съ шестью баталіонами ([20]), ротою саперъ, полусотнею Донскаго № 4-го полка и легкою № 1-го батареей Кавказской гренадерской артилл. бригады, а капитану Корсакову поручено отвести въ Карсъ русскій флагъ и водрузить его въ цитадели.

Въ сумерки главнокомандующій, посадивъ въ свою коляску мушира, отправился въ лагерь. На обѣдъ, начавшійся уже при свѣчахъ, были приглашены всѣ англійскіе офицеры и главные изъ турецкихъ начальниковъ. Между тѣмъ плѣнные, съ большимъ лишь трудомъ поднятые послѣ сытнаго угощенія,

были направлены на ночлегъ въ селеніе Азатъ-кёвъ; ихъ медленное и шумное движеніе продолжалось всю ночь и, не смотря на строгость конвойныхъ, шедшихъ по обѣ стороны густою цѣпью, многіе изъ Турокъ остались въ нашемъ лагерѣ и уже на другой день были отправлены въ слѣдъ за своими товарищами.

Вечеромъ 16-го (28-го) числа былъ отданъ по войскамъ Дѣйствующаго корпуса слѣдующій приказъ:

„Поздравляю васъ, сотрудники мои. Какъ намѣстникъ царскій, благодарю васъ. Кровью вашею и трудами повержены къ стопамъ Государя Императора твердыни Малой Азіи. Русскій флагъ развѣвается на стѣнахъ Карса; въ немъ является торжество креста Спасителя. Исчезла, какъ прахъ, тридцатитысячная анатолійская армія. Въ плѣну главнокомандующій ея, со всѣми пашами, офицерами и англійскимъ генераломъ, управлявшимъ обороною, со своимъ штабомъ. Тысячи плѣнныхъ Турокъ отправляются на родину нашу свидѣтельствовать о подвигахъ вашихъ. Не сочтены еще пріобрѣтенные нами большіе запасы оружія и казеннаго имущества, оставшіеся въ Карсѣ, но кромѣ отбитыхъ вами въ теченіи кампаніи орудій и знаменъ, еще 130 пушекъ обогатятъ арсеналы наши. Множество знаменъ украсятъ святые соборы Россіи, на память постоянныхъ доблестей вашихъ. Вторично поздравляю васъ, отъ большаго до меньшаго, сотрудники мои. Вторично благодарю васъ и отъ себя лично, почтенные сослуживцы. Вамъ обязанъ я счастіемъ обрадовать сердце Царя. Вы въ нынѣшнемъ году довершили совершенное вами въ теченіи прошедшихъ двухъ лѣтъ. И такъ, возблагодарите вмѣстѣ со мною Гос-

пода силъ, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ своихъ даровавшаго намъ нынѣ торжество въ самомъ испытаніи, чрезъ которое еще въ недавнемъ времени прошли мы.

„Вѣра въ святое Провидѣніе Божіе соблюдаетъ у васъ духъ воиновъ и удвоиваетъ бодрыя силы ваши. Съ надеждою на покровительство Всевышняго приступимъ къ новымъ трудамъ“.

Тогда-же отдано приказаніе именовать лагерь при Чифтликаѣ *станомъ Владикарсъ.*

На слѣдующій день, 17-го (29-го) ноября, рано утромъ, былъ поднятъ надъ цитаделью русскій флагъ, грянулъ салютный выстрѣлъ изъ ближайшаго турецкаго орудія и раздалась пальба со всѣхъ укрѣпленій Карса и въ нашемъ лагерѣ.

Уже въ ночи отправился въ Петербургъ вѣстникомъ о сдачѣ Карса адъютантъ главнокомандующаго А. Корсаковъ, съ письмомъ къ Государю Императору, слѣдующаго содержанія:

„Ваше Императорское Величество!

„Божіею милостью и благословеніемъ Вашимъ, совершилось наше дѣло. Карсъ у ногъ Вашего Величества.

„Сегодня сдался военно-плѣннымъ изнуренный голодомъ и нуждами гарнизонъ сей твердыни Малой Азіи. Въ плѣну у насъ самъ главнокомандующій исчезнувшей тридцати-тысячной Анатолійской арміи, муширъ Вассифъ-паша; кромѣ его восемь пашей, много штабъ и оберъ-офицеровъ и, вмѣстѣ съ ними англійскій генералъ Вилліамсъ со всѣмъ его штабомъ. Взято 130 пушекъ и все оружіе.

„Имѣю счастіе повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества двѣнадцать турецкихъ

полковыхъ знаменъ, крѣпостной флагъ Карса и ключи цитадели.

„Вашего Императорскаго Величества
„вѣрноподданный
„Николай Муравьевъ.

«16-го ноября 1855 года.
«Лагерь при селеніи Чифтликаѣ, на рѣкѣ Карсъ-чай».

При выступленіи Турокъ изъ Карса, оставалось болѣе 1,800 непріятельскихъ раненыхъ и больныхъ въ 14-ти госпиталяхъ, устроенныхъ въ мечетяхъ, казармахъ и частныхъ домахъ. При нихъ состояло болѣе 80-ти медиковъ и аптекарей. Бѣлья и медикаментовъ было вдоволь, но прислуги—мало; больные терпѣли совершенный недостатокъ въ хлѣбѣ и мясѣ и многіе изъ нихъ умирали отъ голода. Въ числѣ страдальцевъ, лежавшихъ въ Карсѣ, находился Ряжскаго пѣхотнаго полка поручикъ Яцынъ, тяжело раненый на штурмѣ 17-го (29-го) сентября; вмѣстѣ съ нимъ были 19 плѣнныхъ нижнихъ чиновъ, подававшіе надежду на выздоровленіе.

Отправленіе въ Александрополь плѣнныхъ Турокъ, въ числѣ до 8-ми тысячъ, весьма озабочивало нашего главнокомандующаго. Ихъ раздѣлили на пять партій и высылали одну послѣ другой черезъ двое сутокъ, такимъ образомъ, что первая выступила 18-го (30-го), а послѣдняя—26 го ноября (8-го декабря). Въ ожиданіи-же отправленія, они толпились у сел. Азатъ-кёвъ, верстахъ въ восьми отъ нашего главнаго лагеря, на берегу рѣчки, подъ стражею нашей пѣхоты. Въ числѣ ихъ было много больныхъ, умирающихъ отъ изнуренія, и хотя для снабженія ихъ продовольствіемъ употреблялись всевозможныя средства, однако-же мы не могли дать имъ ничего, кромѣ сухарей и мяса; а этого было недо-

статочно для возстановленія ихъ силъ. Въ довершеніе ихъ бѣдствій, выпалъ глубокій снѣгъ и по ночамъ были морозы; дровъ едва доставало для варенія ихъ скудной пищи, а полуразрушенное селеніе, около котораго они стояли, не могло доставить имъ необходимаго топлива. Легко вообразить бѣдствія этихъ несчастныхъ плохо одѣтыхъ и обутыхъ людей, особенно послѣдней ихъ партіи, остававшейся у Азатъ-кёва болѣе недѣли. По достиженіи Александрополя, до 1,200 человѣкъ было размѣщено въ тамошнихъ госпиталяхъ, а прочіе высланы въ Тифлисъ, гдѣ для нихъ отвели часть карантинныхъ строеній. Далѣе-же въ Россію, ихъ отправляли партіями, снабдивъ полушубками и сапогами и обезпечивъ ихъ путевое довольствіе. Паши на первое время оставались въ Владикарсѣ, гдѣ размѣстили ихъ въ домикахъ старшихъ начальниковъ; Керимъ-паша гостилъ у главнокомандующаго. Въ послѣдствіи-же ихъ отправили въ Тифлисъ; Вассифъ съ нѣсколькими пашами выѣхалъ изъ Владикарса 20-го ноября (2-го декабря), а Керимъ съ прочими—23-го (14-го). По прибытіи пашей въ Тифлисъ, вскорѣ получено было изъ Петербурга назначеніе мѣстопребыванія ихъ въ разныхъ городахъ Россіи. Керима отвезли въ Москву, гдѣ онъ былъ привѣтливо принятъ *); а заболѣвшій Вассифъ получилъ дозволеніе остаться въ Тифлисѣ. Англичане, въ сопровожденіи гвардіи ротмистра Башмакова, отправились, 18-го (30-го) ноября, изъ Владикарса въ Тифлисъ и оставались тамъ, пока было назначено мѣстопребываніе ихъ въ Россіи. Изъ нихъ, Лека и Томпсона отправили въ Пензу, а Вилліамсъ съ Тиселемъ

*) Въ Москвѣ Керимъ-паша представлялся начальству въ пожалованной ему, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, лентѣ Св. Станислава.

и Чорчилемъ, для коихъ была назначена Рязань, по болѣзни перваго, выѣхали изъ Тифлиса гораздо позже, а, по заключеніи мира, Вилліамсъ былъ милостиво принятъ Государемъ въ Петербургѣ и отправился чрезъ Парижъ въ свое отечество.

19-го ноября (1-го декабря), генералъ Муравьевъ поѣхалъ въ Карсъ, гдѣ, посѣтивъ госпитали, нашелъ ихъ въ ужасномъ положеніи. Больные въ нѣкоторыхъ изъ госпитальныхъ помѣщеній оставались безъ всякаго призора, безъ прислуги, безъ пищи, и даже безъ воды; не кому было убирать трупы и по тому они лежали вмѣстѣ съ живыми, заражая палаты смраднымъ удушливымъ воздухомъ. Какъ городская дума, на которую возложено было пріисканіе средствъ для содержанія госпиталей, не исполнила этого требованія, то генералъ Муравьевъ приказалъ заключить въ одномъ изъ госпитальныхъ отдѣленій старшину думы, до представленія суммы, необходимой для продовольствія больныхъ, и чрезъ нѣсколько часовъ требуемыя деньги были собраны. Изъ числа врачей приказано было оставить для леченія больныхъ Турокъ 24 человѣка, коимъ назначено жалованье; прочіе-же всѣ высланы въ Эрзерумъ.

Въ тотъ-же день, въ замѣну блокадныхъ отрядовъ, были поставлены казачьи заставы и пикеты кругомъ города, для задержанія скрывавшихся въ немъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ регулярнаго войска и редифа ([21]).

Съ покореніемъ Карса исчезла Анатолійская армія, число которой, въ началѣ похода, простиралось до 30-ти тысячъ человѣкъ. Изъ нихъ, въ теченіе лѣта, взято въ плѣнъ и перебѣжало къ намъ до 2,000; до 3,000 успѣли пробраться въ Эрзерумъ;

8,500 погибло на штурмѣ и отъ голода, холода, холеры и другихъ болѣзней; около 2,000 осталось въ карскихъ госпиталяхъ; 6,500 человѣкъ редифа и ополченія отпущено домой и до 8,000 сдались военно-плѣнными. Въ числѣ послѣднихъ были 12 пашей и 665 штабъ—и оберъ-офицеровъ. Знаменъ и значковъ, въ продолженіи похода и при сдачѣ Карса, взято около 60-ти. Мѣдныхъ орудій, въ числѣ коихъ было много большихъ калибровъ—136; ружей—18,000 и, кромѣ того, 1,000 отличныхъ штуцеровъ и нѣсколько тысячъ штукъ различнаго кавалерійскаго оружія. Въ Карсѣ найдено: зарядныхъ и патронныхъ ящиковъ 1,225; ящиковъ съ боевыми снарядами—1,956; боевыхъ зарядовъ въ боченкахъ — 250; бомбъ и гранатъ — 830; готовыхъ снарядовъ до 1,000 и 6 милліоновъ ружейныхъ патроновъ. Пороха найдено до 20,000 пудовъ (22).

Занятіе карскаго пашалыка было весьма важно по плодородію его почвы и по изобилію въ сѣнокосныхъ лугахъ и въ лѣсѣ. Въ военномъ отношеніи, покореніе Карса, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ Анатолійской арміи, открывало русскому оружію путь къ Эрзеруму—столицѣ обширнаго управленія въ Малой Азіи, откуда можно было предпринять походъ прямо къ Царьграду. Въ политическомъ-же отношеніи, занявъ карскій пашалыкъ, мы преграждали путь англійской торговлѣ съ Персіею, чрезъ Трапезунтъ и Эрзерумъ.

По сдачѣ Карса, главнокомандующій оставался въ лагерѣ около двухъ недѣль, распоряжаясь отправленіемъ плѣнныхъ, вступленіемъ на зимнія квартиры войскъ, учрежденіемъ управленія въ покоренной странѣ и вывозомъ изъ Карса артиллеріи, ору-

жія и прочаго казеннаго имущества, что было весьма трудно по недостатку въ перевозочныхъ средствахъ и по плохому состоянію дорогъ. Въ Карсѣ была оставлена 2-я бригада 18-й пѣхотной дивизіи, съ двумя батареями и нѣсколькими казачьими сотнями, подъ начальствомъ генералъ-маіора Фетисова; для занятія Ардагана назначены три донскихъ сотни № 21 полка съ ракетною командою, подъ начальствомъ есаула Кульгачева. Прочія же всѣ войска были высланы на зимнія квартиры: прежде всѣхъ выступили полки 13-й пѣхотной дивизіи въ Ахалцыхъ, гдѣ они, вмѣстѣ съ нѣсколькими резервными баталіонами, составили довольно сильный отрядъ, на случай наступленія Омера-паши. Полки гренадерской бригады возвратились на свои штабъ-квартиры, въ окрестности Тифлиса, куда такъ-же направлено было нѣсколько баталіоновъ резервной дивизіи. Сосредоточеніе войскъ у Тифлиса имѣло цѣлью—предпринять походъ въ Мингрелію. для изгнанія оттуда Омера-паши, еслибы удалось намъ перевезти изъ Тифлиса черезъ Имеретинскія горы провіантъ, въ замѣну того, который былъ истребленъ княземъ Мухранскимъ. Состоявшіе въ Дѣйствующемъ корпусѣ два баталіона Мингрельскаго полка возвратились въ свою штабъ-квартиру, Карабахъ. Войска-же, не входившія въ составъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, расположились въ пограничныхъ селеніяхъ на Арпачаѣ; изъ числа ихъ: Рязанскій полкъ у Ахалкалаки, а Ряжскій у Александрополя; драгунская бригада—въ Караклисѣ и Делижанѣ. Нижегородскій драгунскій полкъ—въ Елисаветполѣ. Артиллерія—при своихъ частяхъ; казаки—по границѣ. Конно-мусульманскіе и куртинскіе полки были распущены.

Начальникомъ карсскаго пашалыка, получившаго названіе карсской области, былъ назначенъ полков-

никъ Лорисъ-Меликовъ ([23]). Одинъ изъ иностранныхъ историковъ, говоря о важности этого завоеванія, замѣчаетъ, что оно было обширнѣе всего Виртембергскаго королевства и, по крайней мѣрѣ, въ 15 разъ болѣе пространства, тогда занятаго войсками четырехъ Союзныхъ державъ въ окрестностяхъ Севастополя и Кинбурна ([24]).

Распоряженія полковника Лорисъ-Меликова въ покоренной нашими войсками карсской области увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ. Жители оставались спокойными и вносили обычную подать (бахру); откупныя статьи, существовавшія при турецкомъ управленіи, были приведены въ извѣстность и стали давать доходъ; важнѣйшею изъ нихъ была соль, добываемая въ копяхъ, на берегахъ Аракса, близъ города Кагызмана.

Въ Карсѣ, многія изъ мечетей, во время блокады, были обращены въ магазины и цейхгаузы, что подавало поводъ старымъ фанатикамъ считать ихъ оскверненными; въ послѣдствіи-же, когда Карсъ былъ взятъ русскими войсками, распространилась молва, будтобы въ городѣ, занятомъ невѣрными, не можетъ быть отправляемо мусульманское богослуженіе. Муллы не совершали обычныхъ молитвъ въ мечетяхъ, жители окрестныхъ селеній перестали подвозить хлѣбъ и Карсу снова угрожалъ голодъ. Полковникъ Лорисъ принялъ рѣшительную мѣру: созвавъ утромъ весь меджлисъ (городской совѣтъ) въ главную мечеть, онъ сказалъ членамъ совѣта: „Вскорѣ будетъ 12 часовъ; это—время вашей молитвы. Если сегодня муллы не будутъ служить въ мечетяхъ, то завтра весь меджлисъ будетъ повѣшенъ — вотъ здѣсь!“ — прибавилъ онъ, указавъ на лампы, спускавшіяся на цѣпяхъ съ потолка мечети. Эта внушительная рѣчь заставила муэзиновъ въ полдень призвать право-

вѣрныхъ къ молитвѣ. Слухъ пронесся, что оскверненіе снято, и вскорѣ за тѣмъ появились въ городѣ туземцы, съ хлѣбомъ, мясомъ, сѣномъ и другими продуктами. Порядокъ и изобиліе водворились въ Карсѣ ([25]). Во всей области, зимою, господствовало спокойствіе, нарушенное только однажды набѣгомъ въ гельскій санджакъ Арслана-паши съ партіей въ 400 человѣкъ. Есаулъ Кульгачевъ, узнавъ о появленіи этой партіи, выступилъ изъ Ардагана, 20-го декабря (1 января 1856 г.), съ тремя сотнями донскаго № 21-го полка и четырьмя ракетными станками, и прибывъ въ сел. Туркашенъ, получилъ тамъ свѣдѣніе, что большая часть непріятельской партіи находится въ селеніи Сейнотъ (Сигнотъ) — около 50-ти верстъ отъ Ардагана, а прочія въ селеніяхъ— верстъ 5 правѣе отъ главной части. Предположивъ охватить непріятеля съ двухъ сторонъ, Кульгачевъ съ двумя сотнями двинулся на Сейнотъ, а сотника Короткова съ третьею сотнею послалъ вправо на сел. Хорованкъ. Одновременный ударъ казаковъ обратилъ непріятеля въ бѣгство. Кульгачевъ преслѣдовалъ Турокъ 15 верстъ, до границъ пенякскаго округа, при чемъ непріятель потерялъ убитыми 60 человѣкъ; взято казаками въ плѣнъ 10 человѣкъ раненыхъ, отбито 30 лошадей и много оружія. Съ нашей стороны ранено 4 казака, изъ коихъ одинъ умеръ ([26]).

Въ наставленіи, данномъ полковнику Лорисъ-Меликову, для управленія ввѣренною ему областью, главнокомандующій предписалъ, чтобы судъ и расправа были оставлены прежнія; а исполнительная власть и полиція поступили въ вѣдѣніе русскаго управленія; расходы на содержаніе чиновниковъ этого управленія должна была доставить страна: для этого туземцы вносили въ казну, подобно тому, какъ и прежде, десятую часть доходовъ, которая не только

была достаточна на содержаніе русскаго управленія, на заведеніе почтъ *), исправленіе дорогъ, и проч. но при сдачѣ области оказался за всѣми расходами остатокъ въ 32 тысячи рублей. Полковникъ Лорисъ-Меликовъ, донося о томъ генералу Муравьеву, испрашивалъ разрѣшеніе раздать эти деньги чиновникамъ управленія ввѣренной ему области. Главнокомандующій, находя справедливымъ представленіе Лорисъ-Меликова, предписалъ, чтобы половина суммы была раздана служившимъ по управленію областью, а прочія деньги поступили на сооруженіе строившейся въ Пятигорскѣ церкви. Жители были такъ довольны русскимъ управленіемъ, что, по возвращеніи области Туркамъ, провожали нашихъ чиновниковъ, гласно изъявляя имъ благодарность; султанъ, узнавъ о томъ, пожаловалъ Лорисъ-Меликову орденъ Меджидіе 2 степ. ([27]).

Генералъ Муравьевъ, выѣхавъ 30-го ноября (12 декабря) изъ Владикарса, прибылъ въ тотъ-же день въ Александрополь, гдѣ оставался нѣсколько дней, для осмотра крѣпости и госпиталей и для распоряженій по части продовольствія, на случай новаго похода. За тѣмъ, продолжая свой путь, главнокомандующій прибылъ, 7-го (19) декабря, въ Тифлисъ, гдѣ, нѣсколько дней спустя, удостоился получить, слѣдующій Высочайшій рескриптъ.

„С. Петербургъ. 4 декабря 1855 года.

„Извѣстіе о сдачѣ Карса, любезный Николай Николаевичъ, обрадовало Меня, до нельзя. Сердце

---

*) Почтовыя станціи были снабжены тройками лихихъ лошадей; на дорогахъ поставлены верстовые столбы. Генералъ Муравьевъ, шутя, говаривалъ, что первымъ шагомъ для обрусенія страны должно быть введеніе на почтовыхъ дорогахъ форменныхъ столбовъ и самоваровъ.

Мое преисполнено благодарности Благословившему столь блистательнымъ успѣхомъ распорядительность вашу и стойкость храбрыхъ нашихъ Кавказскихъ войскъ.

„Благодаря васъ отъ души за достохвальныя заслуги ваши, поздравляю васъ Кавалеромъ Св. Георгія 2-й степени, на что вы пріобрѣли неотъемлемое право. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручаю вамъ передать Мое искреннее спасибо всѣмъ ввѣреннымъ вамъ войскамъ, участвовавшимъ въ блокадѣ Карса. Я ими горжусь, какъ всегда гордился нашими Кавказскими молодцами.

„Надѣюсь на милость Божію, что паденіе сей гордыни Малой Азіи будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, и увѣренъ, что вы не упустите воспользоваться симъ моральнымъ результатомъ, дабы поправить дѣла наши въ Мингреліи и на прочихъ пунктахъ ввѣреннаго вамъ края, угрожаемыхъ непріятелемъ.

„Да подкрѣпитъ васъ Богъ!

„Александръ."

Наступленіе зимы и трудность подвозовъ провіанта вслѣдъ за войсками не дозволили генералу Муравьеву немедленно открыть наступательныя дѣйствія противъ Омера-паши. Тѣмъ не менѣе однакожe турецкій военачальникъ, постоянно тревожимый мингрельскими ополченіями, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Григорія Дадіана, былъ принужденъ стянуть всѣ свои войска, въ ночи съ 27-го на 28-е января (съ 8-го на 9-е февраля) 1856 года, на узкую полосу между болотами и моремъ, отъ Анакліи до р. Набада; тамъ оставался онъ до отплытія къ Трапезунту, въ концѣ февраля (въ началѣ марта) ([28]).

Незадолго предъ тѣмъ, нашъ Гурійской отрядъ поступилъ подъ начальство генералъ-маіора Брунера.

Къ началу весны 1856 года, дѣйствующія войска, назначенныя для обороны Западной и Южной границъ Имперіи, были расположены слѣдующимъ образомъ:

Западная и Средняя арміи, подъ общимъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Горчакова 1-го.

Гвардія и гренадерскій корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Ридигера.

Гвардейскій пѣхотный корпусъ, въ составѣ 39-ти баталіоновъ ([29]), въ царствѣ польскомъ, сѣверо-западныхъ и ревельской губерніяхъ.

Гвардейскій резервный кавалерійскій корпусъ, въ составѣ 74-хъ эскадроновъ ([30]), въ сѣверо-западныхъ и рижской губерніяхъ.

Гвардейская пѣшая и конная артиллерія, въ составѣ 17-ти батарей ([31]), въ сѣверо-западныхъ и ост-зейскихъ губерніяхъ.

Войска въ Финляндіи расположенныя, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Берга: 1-я гренадерская дивизія, 12 баталіоновъ; 22-я пѣхотная дивизія, 22 баталіона; три казачьихъ полка; 5 батарей ([32]).

Балтійскій корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Италійскаго графа Суворова Рымникскаго: 2-я пѣхотная, 2-я резервная пѣхотная и 1-я легкая кавалерійская дивизіи, всего 24 баталіона, 32 эскадрона, 4 казачьихъ полка, 10 батарей ([33]).

1-я и 3-я пѣхотныя дивизіи, съ артиллеріей 2-ой и 3-ей артилл. бригадъ, всего 32 баталіона и 10 батарей, въ Царствѣ Польскомъ ([34]).

Средняя армія, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Панютина: 2-й пѣхотный корпусъ и 2-я легкая кавалерійская дивизія, всего 50 баталіоновъ, 32 эскадрона, 17 батарей, въ царствѣ польскомъ и подольской губерніи (35). При Западной и Средней арміяхъ вообще 12 казачьихъ полковъ.

Войска въ Крыму расположенныя, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лидерса: 3-й и 4-й пѣхотные корпусы; 2-я гренадерская и 7-я резервная пѣхотныя дивизіи; 6-я легкая кавалерійская дивизія и три полка 1-ой драгунской дивизіи, всего: 125 баталіоновъ, 62 эскадрона, 14 казачьихъ полковъ и 39 батарей (36).

Подъ его-же начальствомъ, *Южная армія* генерала отъ артиллеріи Сухозанета 2-го: 3-я гренадерская, 14-я, 15-я, 16 я и 17-я пѣхотныя дивизіи; 11-я, 14-я и 15-я резервныя пѣхотныя дивизіи; 5-й, и 6-й стрѣлковые баталіоны и 5-й саперный баталіонъ; 3-я, 4-я и 5-я легкія кавалерійскія дивизіи и три полка 2-ой драгунской дивизіи, всего 131 баталіонъ, 158 эскадроновъ, 6 казачьихъ полковъ и 37 батарей (37).

Отдѣльный Кавказскій корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Муравьева 1-го: кавказская гренадерская бригада; 13-я, 18-я, 19-я, 20-я и 21-я пѣхотныя дивизіи; кавказскій стрѣлковый, кавказскій и 3 й резервный саперные баталіоны; три драгунскихъ полка: всего 103 баталіона, 30 эскадроновъ и 45 казачьихъ полковъ (38). Кромѣ того, 18 грузинскихъ линейныхъ баталіоновъ, 13 кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ, 16 черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ. Артиллерія въ составѣ 37-ми батарей.

Черноморское казачье войско, подъ начальствомъ

генералъ-маіора Филипсона: 9 баталіоновъ и 12 конныхъ полковъ.

Кавказское линейное казачье войско, подъ начальствомъ генералъ маіора Рудзевича; 19 полковъ.

Вообще-же на Западной и Южной границахъ находилось, не считая Черноморскаго и Кавказскаго линейнаго войскъ, всего: 585 баталіоновъ, въ числѣ 500 тыс. человѣкъ пѣхоты; 388 эскадроновъ, въ числѣ 60 тыс. человѣкъ кавалеріи, и 84 казачьихъ полка, въ числѣ до 40 тысячъ человѣкъ, всего-же кромѣ артиллеріи, болѣе 600 тыс. человѣкъ. За ними стояли многочисленные резервы и ополченія.

Къ 1-му января 1856 года, состояло по спискамъ дѣйствующихъ войскъ: 824 генерала, 26,614 офицеровъ и 1.170,184 нижнихъ чиновъ.

Изъ списочнаго числа нижнихъ чиновъ было раненыхъ и больныхъ 135,575 и въ командировкахъ 60,053 (въ томъ числѣ при ополченіи 17,861).

А на лицо состояло:

784 генерала, 20,000 офицеровъ и 974,556 нижнихъ чиновъ.

Резервныхъ и запасныхъ войскъ состояло:

113 генераловъ, 7,763 офицера, 572.158 нижнихъ чиновъ.

Ополченія сформировано было: 236 дружинъ, Стрѣлковый полкъ Императорской фамиліи и 9 поселенныхъ финскихъ баталіоновъ, всего же до 240 тысячъ человѣкъ.

Казаковъ, при гвардейскихъ корпусахъ, въ Финляндіи, при Балтійскомъ корпусѣ, при Западной, Средней, Южной и Крымской арміяхъ, для охраненія береговъ Азовскаго моря и при Отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ:

16 генераловъ, 2,380 офицеровъ и 118,359 нижнихъ чиновъ.

Слѣдовательно—къ веснѣ 1856 года, мы могли встрѣтить непріятеля на всякомъ изъ пунктовъ нашихъ границъ значительными силами; но были готовы заключить миръ, чтобы прервать военныя дѣйствія, не обѣщавшія намъ никакихъ выгодъ, и приступить къ тѣмъ важнымъ реформамъ, кои были исполнены въ благополучное царствованіе Государя Императора Александра II.

ГЛАВА XLIII.

Вѣнскія совѣщанія и Парижскій трактатъ.

Изложивъ ходъ военныхъ дѣйствій до прервавшей ихъ зимы 1855—1856 годовъ, обращаюсь къ очерку переговоровъ положившихъ конецъ войнѣ.

Императоръ Николай I-й, желая испытать послѣднее средство къ прекращенію бѣдствій войны, поручилъ князю А. М. Горчакову, съ содѣйствіемъ г. Титова, открыть предварительные переговоры въ Вѣнѣ, на основаніи четырехъ условій, требуемыхъ Союзными державами. Съ своей стороны, Россійскій Монархъ настаивалъ на томъ, *чтобы не было предложено ничего несовмѣстнаго съ честью и правами Россіи.* Представители Франціи и Англіи признали справедливость этого требованія, объявивъ, что ихъ дворы не помышляли о предложеніяхъ оскорбительныхъ для Россіи, а Императоръ Францъ-Іосифъ обязался въ томъ-же честнымъ словомъ.

На счетъ 1-го пункта—*Отмѣны русскаго покровительства надъ Дунайскими княжествами,* наши дипломаты получили приказаніе объявить, что ни въ какомъ изъ нашихъ прежнихъ трактатовъ съ Портою не упоминалось о такомъ покровительствѣ, и по тому достаточно было постановить, чтобы насто-

ящее положеніе Дунайскихъ княжествъ было гарантировано вообще всѣми договаривающимися державами.

2-й пунктъ—*свободное плаваніе по Дунаю*—долженствовалъ быть рѣшенъ сообразно съ потребностями торговли.

Наиболѣе затрудненія представлялъ 3-й пунктъ—*ограниченіе нашего владычества на Черномъ морѣ*. Князю Горчакову было предоставлено объявить, что, на основаніи прежнихъ трактатовъ, Черное море никогда не было закрыто для торговыхъ судовъ; чтоже касается до иностранныхъ военныхъ судовъ, то закрытіе проливовъ было издревле установлено правиломъ Порты, которая, владѣя ихъ обоими берегами, имѣла право открывать и закрывать проходъ чрезъ оба пролива. При закрытіи ихъ, Черное море естественно оставалось доступно только военнымъ кораблямъ Россіи и Порты. Но, чтобы успокоить опасенія Европы, Россія изъявляла согласіе на открытіе Чернаго моря военнымъ флотамъ всѣхъ державъ, съ тѣмъ, чтобы и наши военные суда пользовались обоюдно правомъ, свободно проходить чрезъ проливы.

На счетъ 4-го пункта—*льготъ предоставленныхъ Христіанамъ*, Государь поручилъ нашимъ уполномоченнымъ настаивать на совершенномъ равенствѣ правъ всѣхъ Христіанъ, безъ различія ихъ вѣроисповѣданій, и на обезпеченіе дарованныхъ имъ льготъ и преимуществъ надежными ручательствами.

Принятіе Россійскимъ Императоромъ 4-хъ основныхъ пунктовъ не удержало Австрію отъ заключенія, 2-го декабря н. ст. 1854 года, съ Франціею и Англіею, союзнаго трактата, ясно обнаружившаго враждебныя намѣренія вѣнскаго двора противъ Россіи. Императоръ Николай, не отказываясь отъ веде-

нія переговоровъ, не надѣялся однакоже на успѣшныя ихъ послѣдствія. Узнавъ о заключеніи помянутаго трактата, Онъ писалъ князю Михаилу Дмитріевичу Горчакову: „Наше положеніе тяжело. Я давно его предвижу, измѣряю, не обманываю себя ложными надеждами и стараюсь себѣ представить картину будущности въ настоящемъ видѣ; но отнюдь не отчаяваюсь, ибо надежда Моя на Бога, на Его правосудіе и на правоту нашего дѣла. Духъ нашего русскаго народа, льщу себя надеждою, тоже знаю, глубоко цѣню и уважаю. Знаю, что когда настанетъ минута воззвать Мнѣ къ Россіи, она станетъ та-же какъ была въ 1812 году; но Мнѣ надо дорожить этимъ и не истощать силъ нашихъ до поры до времени. Тѣмъ общій порывъ на спасеніе Отечества будетъ сильнѣе. Быть можетъ — скоро наступитъ время къ воззванію. Донынѣ мы могли еще не приступать къ сей послѣдней мѣрѣ. Нужно будетъ— исполнимъ и Я спокоенъ....“ (1). Нѣсколько дней спустя, Государь писалъ: „Занимаюсь приготовленіями къ образованію Государственнаго Подвижнаго ополченія, по двѣ дружины на каждый полкъ арміи. Прибѣгну къ сему, когда рѣшится, что̀ будетъ изъ переговоровъ въ Вѣнѣ; вѣроятно—ничего хорошаго; тогда и къ дѣлу...“ (2).

Но въ то время, когда великодушный Монархъ, изъявляя наклонность къ миру, готовился, ставъ въ челѣ Своего народа, дать отпоръ неумѣреннымъ требованіямъ враговъ Россіи, неисповѣдимый Промыслъ положилъ предѣлъ Его жизни.

Ударъ, поразившій Россію, раздался во всей Европѣ. Самъ Императоръ Францъ-Іосифъ посѣтилъ князя Горчакова и выразилъ ему въ задушевныхъ выраженіяхъ глубокую скорбь, которую чувствовалъ онъ, потерявъ *испытаннаго друга въ такое время*,

когда надѣялся доказать ему на дѣлѣ свою признательность и возобновить искренно прежнія сношенія ([3]).

Чрезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ циркулярѣ ко всѣмъ представителямъ Россійскаго Монарха при иностранныхъ дворахъ, было объявлено, что Государь, оставаясь вѣренъ политическимъ основаніямъ, принятымъ Его Августѣйшимъ Родителемъ, имѣетъ цѣлью: возстановить миръ; упрочить свободу Богослуженія и пользованіе льготами христіанскаго народонаселенія на Востокѣ; обезпечить права Дунайскихъ Княжествъ общимъ ручательствомъ всѣхъ державъ; установить свободное плаваніе по Дунаю на пользу торговли всѣхъ націй; положить конецъ соперничеству державъ на Востокѣ; наконецъ—условиться съ ними на счетъ признаннаго съ ихъ стороны закрытія Дарданеллъ и Босфора и замѣнить его новыми обоюдно почетными условіями ([4]).

Совѣщанія въ Вѣнѣ открылись 3-го (15) марта 1855 года. Пруссія не была приглашена къ принятію участія въ переговорахъ, не смотря на то, что Король Прусскій, по требованію Австріи, поддержанному Германскимъ Союзомъ, изъявилъ готовность поставить на военное положеніе свои крѣпости ([5]).

Представителями державъ на вѣнскихъ конференціяхъ (совѣщаніяхъ) были: со стороны Россіи князь А. М. Горчаковъ и г. Титовъ; со стороны Франціи—баронъ де-Буркеней и въ послѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ Друэнъ-де-Люи; со стороны Австріи—графъ Буль-Шауэнштейнъ и баронъ Прокешъ-Остенъ; со стороны Англіи—лордъ Джонъ

Россель и графъ Вестморлендъ; со стороны Турціи—Аарифъ-эфенди и въ послѣдствіи Али-паша.

Первыя совѣщанія уполномоченныхъ пяти державъ привели къ соглашенію по 1-му и 2-му пунктамъ, относившимся къ интересамъ Германскаго Союза, и по тому надлежало ожидать, что Австрія не станетъ поддерживать прочихъ требованій Западныхъ державъ, не имѣвшихъ собственно для нея никакой важности. Но, при обсужденіи ихъ, оказалось, что австрійскіе уполномоченные, отказавшись отъ самостоятельности мнѣній, настойчиво поддерживали требованія Западныхъ державъ. Уполномоченные Россіи, видя пристрастіе вѣнскихъ дипломатовъ, рѣшились, въ крайнемъ случаѣ, обратиться къ личному участію Императора Франца-Іосифа, который желалъ мира и всячески уклонялся отъ принятія участія въ войнѣ, весьма невыгодной при тогдашнемъ разстройствѣ австрійскихъ финансовъ. Напротивъ того, Наполеонъ III, надѣясь быть рѣшителемъ судебъ Европы и составляя гигантскіе планы, надѣялся осуществить ихъ не иначе, какъ продолжая войну. Съ этою цѣлью, онъ гласно изъявилъ намѣреніе отправиться въ Крымъ, чтобы принять начальство надъ Союзною арміей подъ Севастополемъ. На пути туда, онъ предполагалъ видѣться съ Императоромъ Францомъ-Іосифомъ и условиться съ нимъ на счетъ движенія другой французской арміи, чрезъ Ломбардію и Галицію, въ Царство Польское.

Таковы были виды главнаго дѣятеля европейской коалиціи, когда уполномоченные пяти державъ приступили, 14-го (26-го) марта, къ обсужденію третьяго пункта. Еслибы Союзники желали только ввести Турокъ въ общую семью европейскихъ народовъ, то рѣшеніе такого вопроса не представило бы особенныхъ затрудненій; но какъ главною цѣлью на-

нихъ непріятелей было ослабленіе Россіи, и непомѣрныя ихъ требованія могли имѣть послѣдствіемъ отложеніе отъ нихъ Австріи, то они предложили нашимъ уполномоченнымъ *пересмотръ конвенціи 1-го (13) іюля 1841 года, въ такомъ смыслѣ, чтобы обезпечить существованіе Оттоманской Порты совершеннымъ участіемъ ея въ системѣ равновѣсія Европы и условиться на счетъ справедливаго ограниченія военныхъ флотовъ въ Черномъ морѣ*.

Князь Горчаковъ отвѣчалъ, что онъ готовъ участвовать въ совѣщаніяхъ о средствахъ, которыя будутъ предложены уполномоченными, но не считаетъ удобнымъ предложить ихъ самъ, предоставляя ихъ указаніе державамъ, пожелавшимъ пересмотръ конвенціи 1841 года, и будучи готовъ къ соглашенію по сему предмету, лишь бы не было предложено ничего могущаго нарушить права верховной власти Россійскаго Императора въ собственныхъ владѣніяхъ (6).

Уполномоченные Союзныхъ державъ, въ слѣдующемъ совѣщаніи, предъявили проектъ изложенія 3-го пункта въ слѣдующемъ видѣ:

1. Общее ручательство всѣхъ державъ въ независимости и цѣлости Оттоманской Имперіи.

2. Въ случаѣ несогласія между Портою и какою-либо изъ договаривающихся державъ, послѣдняя обязана дать возможность прочимъ къ предупрежденію войны мирными средствами.

3. Ограниченіе военныхъ силъ Россіи и Турціи въ Черномъ морѣ, каждой четырьмя кораблями и четырьмя фрегатами и соразмѣрнымъ числомъ легкихъ судовъ.

4. Закрытіе проливовъ Босфора и Дарданеллъ.

5. Право прочихъ державъ вводить въ Черное

море, съ разрѣшенія Султана, военныя суда, въ половинномъ числѣ морскихъ силъ содержимыхъ каждою изъ прибрежныхъ державъ.

6. Запрещеніе всѣмъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ, кромѣ легкихъ судовъ принадлежащихъ посольствамъ, становиться на якорь въ Золотомъ Рогѣ *), и вообще, въ мирное время, число иностранныхъ линейныхъ кораблей у Константинополя, на пути отъ Дарданеллъ въ Черное море и обратно, не должно превосходить четырехъ.

7. Право Султану, въ случаѣ надобности, открыть проливы всѣмъ силамъ своихъ Союзниковъ.

8. Разрѣшеніе всѣмъ договаривающимся державамъ имѣть консульства во всѣхъ портахъ Чернаго моря (7).

Изъ этихъ условій первыя два были непосредственно приняты нашими уполномоченными, но съ оговоркою, что *ручательство въ цѣлости владѣній Турціи не обязываетъ Россію къ употребленію вооруженныхъ силъ.* Мы обязывались не нарушать независимости и цѣлости владѣній Порты, но не могли принять на себя обязанность охранять Аденъ, Тунисъ либо Египетъ.

Что-же касается до условій, имѣвшихъ цѣлью ограниченіе нашихъ силъ въ Черномъ морѣ, князь Горчаковъ рѣшительно отвергъ ихъ, напомнивъ обѣщанія, данныя уполномоченными Союзныхъ державъ, признавшими, что *лучшими условіями будутъ тѣ, которыя согласятъ достоинство Россіи съ безопасностью Европы.*

Тогда-же князь Горчаковъ предъявилъ съ своей стороны проектъ (contre-projet), на основаніи откры-

*) *Золотой Рогъ*—заливъ Босфора между частями Константинополя: Стамбуломъ и Галатою.

тія проливовъ и свободнаго плаванія въ Черномъ морѣ. Онъ доказывалъ убѣдительными доводами, что „причиною слабости морскихъ силъ Порты не были—ни заключенные съ нами трактаты, ни превосходство нашего флота. Эта слабость была послѣдствіемъ событій независимыхъ отъ Россіи: возрожденія Греціи, сраженія при Наваринѣ, потери Алжиріи и попытокъ къ самостоятельности паши египетскаго и беевъ тунисскаго и триполискаго, которыя лишили Порту значительной части ея морскихъ силъ.

„На сторонѣ Порты были и существуютъ донынѣ значительныя выгоды: топографическая конфигурація Босфора, способствующая неодолимой защитѣ; обладаніе укрѣпленными гаванями: Варною, Сизополемъ, Бургасомъ, Трапезунтомъ, и проч. и возможность быстраго сосредоточенія силъ. Напротивъ того, Россія, находясь въ необходимости содержать флоты на четырехъ отдѣльныхъ моряхъ, разобщенныхъ огромными пространствами, не можетъ чрезмѣрно увеличить свои морскія силы на Черномъ морѣ. Опасенія внушенныя Портѣ, на счетъ нашихъ морскихъ учрежденій, не основательны. Наши эскадры никогда не могли высадить болѣе 20-ти тыс. человѣкъ въ продолженіи трехъ недѣль, что́, нисколько не угрожая Турціи, могло послужить ей въ пользу. Въ 1833 году, нашъ флотъ успѣлъ высадить въ Босфорѣ только около 12-ти тыс. человѣкъ, которые, безъ сомнѣнія, были важны какъ вспомогательный корпусъ, но не могли быть страшны для Турціи. Эскадры Англіи и Франціи не менѣе нашихъ могутъ быть опасны Оттоманской Портѣ. Быстрота телеграфическихъ сообщеній дастъ средство судамъ, стоящимъ въ Мальтѣ и Тулонѣ, прибыть своевременно на защиту Константинополя, угрожае-

маго русскимъ флотомъ высланнымъ изъ Севастополя. А кто можетъ ручаться, что они когда-либо не появятся въ виду Сераля съ враждебною цѣлью? И по тому нашъ флотъ необходимъ для противодѣйствія подобнымъ покушеніямъ.

„Господство Россіи на Черномъ морѣ прекратится вмѣстѣ со вступленіемъ Турціи въ семью европейскихъ державъ. Закрытіе проливовъ для военныхъ флотовъ не было послѣдствіемъ сношеній Россіи съ Портою; оно установлено издревле правомъ Оттоманской Порты; но Султанъ можетъ открыть проливы для военныхъ кораблей всѣхъ державъ, съ тѣмъ, чтобы выходъ изъ Чернаго моря былъ такъ-же для всѣхъ свободенъ“ ([8]).

Представители Союзныхъ державъ отказались совѣщаться на основаніи проекта, предъявленнаго княземъ Горчаковымъ; но князь Горчаковъ и г. Титовъ склонили дипломатовъ къ возобновленію совѣщаній конференціи, предложивъ: „во 1-хъ, чтобы правило закрытія проливовъ Босфора и Дарданеллъ въ мирное время, утвержденное древнимъ закономъ Блистательной Порты и трактатомъ 1-го (13-го) іюля 1841 года, оставалось ненарушимо; во 2-хъ, чтобы Султанъ сохранилъ право, въ видѣ исключительной мѣры, открыть Дарданеллы и Босфоръ для иностранныхъ флотовъ, которые Блистательная Порта сочтетъ нужнымъ призвать для охраненія своей безопасности“ ([9]).

Этотъ проектъ, сообразный съ видами Австріи, отвергавшей открытіе проливовъ, разстроилъ намѣреніе представителей Франціи—прекратить вѣнскія конференціи и заставилъ графа Буля объявить, что, не смотря на недостаточность предложенныхъ нами мѣръ, онѣ допускали соглашеніе. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ-де-Люи и ан-

глійскій уполномоченный лордъ Джонъ Россель, по совѣщаніи съ графомъ Булемъ, признали, что, для избѣжанія затрудненій, представляемыхъ третьимъ пунктомъ, надлежало, какъ было предложено однимъ изъ уполномоченныхъ Франціи, предоставить опредѣленіе морскихъ силъ въ Черномъ морѣ прямому соглашенію прибрежныхъ державъ Россіи и Турціи ([10]). Оба дипломата, возвращаясь къ своимъ дворамъ, обѣщались поддерживать графа Буля; но какъ въ Парижѣ и Лондонѣ не хотѣли мира, то предложенныя условія подверглись общему порицанію. Лордъ Дж. Россель былъ встрѣченъ весьма неблагосклонно въ Англіи, а Друэнъ-де-Люи навлекъ на себя неудовольствіе Наполеона III и получилъ увольненіе отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ. На его мѣсто былъ назначенъ графъ Валевскій.

Очевидное желаніе Западныхъ державъ продолжать войну оказало благопріятное для насъ вліяніе на Императора Франца-Іосифа и на общественное мнѣніе въ Австріи. Но недоброжелательство къ Россіи графа Буля уничтожило надежду на успѣхъ мирныхъ переговоровъ.

Въ послѣднемъ (14-мъ) вѣнскомъ совѣщаніи, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ предложилъ изложить третій пунктъ слѣдующимъ образомъ: „Россія и Порта сообща предъявятъ конференціи вѣдомость морскимъ силамъ, которыя каждая изъ сихъ державъ будетъ содержать на водахъ Чернаго моря, въ равномъ количествѣ, *не превосходящемъ нынѣшній составъ русскихъ судовъ въ этомъ морѣ* ([11]). Баронъ Буркеней, котораго мнѣніе по сему предмету желали знать наши уполномоченные, заявилъ, что постоянный отказъ ихъ ограничить морскія силы оказалъ вліяніе на инструкціи ему данныя, и что французское правительство не считаетъ согласнымъ

съ ними проекта, предложеннаго графомъ Булемъ. Князь Горчаковъ, въ отвѣтъ на это заявленіе, замѣтилъ, что оно положило конецъ *de facto* совѣщаніямъ, и что продолжать ихъ значило-бы—вести преніе о проектѣ, который Австрія находитъ удовлетворительнымъ, а Союзныя державы—недостаточнымъ. „Впрочемъ—продолжалъ онъ—я изложу мое личное мнѣніе во уваженіе къ уполномоченнымъ, принявшимъ на себя трудъ составленія помянутаго проекта.... Не отвергая прямаго соглашенія уполномоченныхъ Россіи и Порты, на счетъ ограниченія ихъ морскихъ силъ, полагаю, что опредѣленіе количества ихъ должно зависѣть исключительно отъ сихъ державъ, и что правá каждой изъ нихъ были-бы нарушены, еслибы другія державы подчинили ихъ своей волѣ по этому предмету....." ([12]).

Таково было наше послѣднее слово на вѣнскихъ конференціяхъ. Не смотря на неудачу ихъ, нельзя отрицать, что онѣ высказали явно Европѣ, и особенно Германіи, готовность Россіи къ миру и стремленіе Западныхъ державъ къ продолженію войны. Король Прусскій гласно отдавалъ справедливость умѣренности нашихъ уполномоченныхъ, и даже Императоръ Францъ-Іосифъ, пригласивъ князя Горчакова къ себѣ на аудіенцію, изъявилъ ему свою признательность и обѣщалъ соблюдать, чтобы Союзники не имѣли доступа къ нашимъ границамъ со стороны Дунайскихъ Княжествъ, занятыхъ австрійскими войсками. Вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ старался извинить въ глазахъ князя Горчакова поступокъ графа Буля, предложившаго, безъ вѣдома нашего министра, на послѣднемъ совѣщаніи, ограничить опредѣленнымъ числомъ судовъ наши морскія силы, и объявилъ, что ни въ какомъ случаѣ не поставитъ обязательнымъ для насъ такое условіе. Но, не смотря на убѣжденія

князя Горчакова въ необходимости возобновить между Россіею и Австріею дружескія отношенія, упроченныя полувѣковымъ опытомъ, Императоръ Францъ-Іосифъ, остерегаясь нарушить трактатъ 2-го декабря 1851 года, не принялъ на себя формальнаго обязательства обезпечить наши границы со стороны Княжествъ и не согласился вести отдѣльные переговоры съ Россіею. Тѣмъ не менѣе однакоже ближайшимъ послѣдствіемъ вѣнскихъ конференцій было распущеніе, согласно проекту генерала Гесса, резервовъ 3-ей и 4-й австрійскихъ армій, стоявшихъ въ Галиціи, Буковинѣ и Трансильваніи ([13]). Этого требовали собственныя пользы Австріи, которой финансы, не смотря на крайнее напряженіе всѣхъ ресурсовъ, представляли дефицитъ въ 100 милліоновъ гульденовъ. Но Наполеонъ, не вникая въ положеніе союзной ему державы, былъ раздраженъ разоруженіемъ (хотя и частнымъ) австрійской арміи, тѣмъ болѣе, что оно было рѣшено непосредственно послѣ пораженія Союзниковъ на штурмѣ Севастополя 6-го (18) іюня.

Умѣренныя дѣйствія вѣнскаго двора были поддержаны Германскимъ Союзомъ, который изъявилъ австрійскому правительству свою признательность за его усилія къ возстановленію мира и положилъ ограничиться содержаніемъ контингентовъ Союза на военномъ положеніи, не принимая на себя никакихъ новыхъ обязательствъ ([14]). Князь Горчаковъ, утвержденный въ качествѣ чрезвычайнаго посла и уполномоченнаго министра при вѣнскомъ дворѣ, получилъ отъ Императора Франца-Іосифа обѣщаніе, что *третій пунктъ ручательствъ будетъ обсуждаться снова, не обращая вниманія на прежнія пренія* (que le troisième point des garanties restait un terrain vierge, et que de droit le passé n'y avait laissé aucune trace). Къ сожалѣнію, графъ Буль успѣлъ поколебать благо-

пріятное расположеніе къ Россіи австрійскаго правительства и упрочить его сношенія съ Западными державами, которыя, пользуясь тѣмъ, хотя и признали силу обстоятельствъ, не дозволявшихъ Австріи вести съ нами войну, однакоже потребовали: во 1-хъ, чтобы она не принимала явно въ военномъ отношеніи мѣръ, могущихъ разсѣять наши опасенія, и во 2-хъ, чтобы она не усиливала насъ въ политическомъ отношеніи уклоненіемъ отъ принятыхъ ею на себя обязательствъ.

Паденіе Севастополя, хотя и дорого стоившее Союзникамъ, удовлетворило Наполеона III, для котораго вопросъ: быть или не быть заключался въ успѣхѣ крымской экспедиціи, и побудило его къ большей сговорчивости; съ другой стороны, общественное мнѣніе во Франціи, довольствуясь этимъ успѣхомъ, не желало продолженія войны. Въ Англіи, напротивъ того, господствовало совершенно иное настроеніе. Гордые британцы должны были сознаться, что, во все продолженіе гигантской борьбы въ Крыму, они играли второстепенную роль, и что всѣ ихъ дѣйствія ограничивались опустошеніемъ приморскихъ пунктовъ. Желая возвысить славу своего оружія новою экспедиціей въ Балтикѣ, гдѣ надѣялись имѣть превосходство надъ своими союзниками Французами, Англичане готовились къ настойчивому возобновленію военныхъ дѣйствій въ 1856-мъ году. Между тѣмъ, французское правительство не столько заботилось объ усиленіи своихъ войскъ въ Крыму, гдѣ дальнѣйшіе успѣхи не обѣщали Союзникамъ никакихъ положительныхъ выгодъ, сколько о развитіи враждебной намъ коалиціи. Въ Испаніи маршалъ О-Доннель, раздѣляя тогдашнее ослѣпленіе Европы въ непреодолимомъ могуществѣ Наполеона III, согласился дать въ его распоряженіе вспомогательный

корпусъ, *если внутреннее состоянiе страны то дозволитъ*. Напротивъ того, происки французскихъ агентовъ въ Копенгагенѣ не имѣли успѣха. Наполеонъ, раздраженный твердостью Данiи, предложилъ Пруссiи Голштинiю; но берлинскiй дворъ отклонилъ эту сдѣлку и далъ знать о своемъ отказѣ Королю Датскому. Сношенiя между Западными державами и Швецiей начались еще въ 1854 году, когда, при отплытiи англо-французской эскадры изъ Балтiйскаго моря, предложено было стокгольмскому двору занять Аландскiе острова; но Король Оскаръ не изъявилъ согласiя на это предпрiятiе, зная, что Шведы не могли-бы тамъ удержаться зимою. Въ послѣдствiи, стокгольмскiй дворъ, увлеченный общественнымъ мнѣнiемъ въ Швецiи, питавшимъ надежды на возвращенiе Финляндiи, далъ знать Наполеону III, въ глубочайшей тайнѣ, о готовности своей присоединиться къ коалицiи противъ Россiи, съ условiями: ручательства Западныхъ державъ въ цѣлости его владѣнiй; поддержанiя его армiи Союзными войсками, въ числѣ 100,000 человѣкъ, къ которымъ онъ обязывался присоединить 60,000 Шведовъ и Норвежцевъ, и выдачи ему субсидiй. Это предложенiе повело къ поѣздкѣ генерала Канробера въ Стокгольмъ, въ ноябрѣ 1855 года, и къ заключенiю оборонительнаго союза между Западными державами и Швецiею ([15]).

Между тѣмъ виды нашихъ непрiятелей на счетъ предстоявшей кампанiи были несогласны между собою: Англичане хотѣли ограничиться блокадою въ Черномъ морѣ и морскими экспедицiями въ Балтикѣ, что́, при превосходствѣ ихъ морскихъ силъ, дало-бы имъ несомнѣнный перевѣсъ надъ всѣми ихъ союзниками. Чтоже касается до вторженiя внутрь нашей страны съ юга, то Наполеонъ III неохотно

рѣшался предпринять его и изъявилъ согласіе на континентальную кампанію не иначе, какъ съ условіемъ возстановленія Польши, которое, по его мнѣнію, вознаградило-бы пожертвованія Франціи. Но лондонскій кабинетъ рѣшительно отказался поддерживать предпріятіе, напоминавшее войну 1812 года и бѣдствія понесенныя войсками Наполеона I при нашествіи на Россію.

Различіе видовъ, руководившихъ Союзныя державы, повело къ охлажденію ихъ сердечнаго согласія (entente cordiale). Императоръ Французовъ сталъ высказывать наклонность къ миру. Пользуясь тѣмъ, наше правительство открыло прямыя сношенія съ Франціей, чрезъ саксонскаго посланника въ Парижѣ, барона Зеебаха, который велъ переговоры съ французскимъ министромъ графомъ Валевскимъ, подъ руководствомъ самаго Наполеона III, и въ Вѣнѣ между княземъ А. М. Горчаковымъ и графомъ Морни. Какъ Валевскій, такъ и графъ Морни, оба домогались нашего согласія ограничить опредѣленнымъ числомъ судовъ морскія силы Россіи и Турціи на Черномъ морѣ, либо признать его нейтральнымъ, сохранивъ право имѣть военный флотъ въ Азовскомъ морѣ. Графъ Морни старался убѣдить насъ, что въ этихъ условіяхъ не было ничего оскорбительнаго; что *подобныя условія вообще продолжаются не долѣе, какъ обстоятельства подавшія къ нимъ поводъ*, и что *часто тѣ, которые домогались ограниченія силъ, сами требовали отмѣны этого условія.*

Вѣнскій дворъ, стараясь возстановить разрушенную имъ многолѣтнюю связь съ Россіею, и, хотя опасаясь Франціи, однакоже не желая принять участіе въ войнѣ, также старался открыть сношенія съ Наполеономъ III на счетъ общаго мира. Съ этою цѣлью, въ октябрѣ 1855 года, были отправлены въ Парижъ

графъ Коллоредо и баронъ Прокешъ-Остэнъ. Туда-же прибылъ изъ Вѣны французскій посланникъ при тамошнемъ дворѣ, баронъ Буркеней. Но. между тѣмъ, не смотря на соблюденіе глубочайшей тайны при веденіи нами переговоровъ прямо съ Франціей, графъ Буль узналъ о томъ и возбудилъ недовѣрчивость Франца-Іосифа противъ Россіи. Вѣнскій дворъ, сдѣлавъ рѣшительный шагъ къ исполненію условій декабрьскаго трактата, потребовалъ отъ насъ безусловнаго принятія четырехъ пунктовъ ([16]), что̀ дало Наполеону III возможность усилить настойчивость требованій, сообразно видамъ Англіи.

Съ этою цѣлью, Императоръ Французовъ предложилъ великобританскому правительству изложить требованія Союзниковъ на основаніи четырехъ пунктовъ, условленныхъ между Франціею, Англіею и Австріею. Лондонскій дворъ, изъявивъ согласіе составить проектъ предварительныхъ статей мирнаго трактата, препроводилъ ихъ въ Парижъ и Вѣну 6-го декабря н. ст. 1855 года.

Этотъ проектъ, одобренный парижскимъ и вѣнскимъ дворами, заключалъ въ себѣ слѣдующія статьи:

Дунайскія Княжества.

„Совершенная отмѣна русскаго покровительства.

„Россія не будетъ пользоваться никакимъ особеннымъ или исключительнымъ правомъ вмѣшательства во внутреннія дѣла̀ Княжествъ.

„Княжества сохранятъ свои преимущества и льготы, подъ верховною властью Порты, и Султанъ, съ согласія договаривающихся державъ, утвердитъ въ Княжествахъ устройство, сообразно съ нуждами и желаніями народа.

„Въ Княжествахъ, съ согласія Порты, будетъ

введена постоянная оборонительная система, соотвѣтствующая ихъ географическому положенію; принятіе ими чрезвычайныхъ мѣръ для обороны не должно встрѣчать никакого препятствія.

„Россія, въ замѣнъ крѣпостей и земель, занятыхъ Союзными войсками, соглашается на проведеніе новой границы въ Бессарабіи. Эта граница, въ видахъ общихъ интересовъ, начинаясь отъ окрестностей Хотина, пройдетъ вдоль горной цѣпи, по юго-восточному направленію, до озера Салзыка. Пограничная черта будетъ опредѣлена окончательно мирнымъ трактатомъ и уступленное пространство будетъ присоединено къ Княжествамъ подъ верховною властью Порты.

2. *Дунай.*

„Свобода судоходства по Дунаю и Дунайскимъ гирламъ будетъ существенно обезпечена европейскими коммисіями, составленными изъ равнаго числа представителей отъ всѣхъ договаривающихся державъ; частные-же интересы прибрежныхъ владѣній будутъ приняты во вниманіе на основаніи правилъ, опредѣленныхъ Актомъ вѣнскаго конгреса, по предмету рѣчнаго судоходства.

„Каждая изъ договаривающихся державъ будетъ имѣть право содержать по одному или по два легкихъ морскихъ судна у дунайскихъ устьевъ, чтобы охранять свободу судоходства по Дунаю.

3. *Черное море.*

„Черное море будетъ объявлено нейтральнымъ.

„Открытый въ него входъ для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ воспрещается военнымъ судамъ.

„По сему на берегахъ Чернаго моря не будутъ ни заведены, ни оставлены никакіе военно-морскіе арсеналы.

„Покровительство торговыхъ интересовъ всѣхъ народовъ будетъ обезпечено въ портахъ Чернаго моря учрежденіями, сообразными съ международнымъ правомъ и установившимися обычаями.

„Обѣ прибрежныя державы условятся между собою, на счетъ числа и силы легкихъ судовъ, которыя онѣ будутъ содержать въ Черномъ морѣ. Конвенція между ними, по сему предмету, по предварительномъ принятіи ея договаривающимися державами, приложится къ общему трактату и будетъ имѣть такую-же силу, какъ еслибъ составляла его часть. Она не можетъ быть ни уничтожена, ни измѣнена безъ согласія договаривающихся державъ.

„Закрытіе проливовъ допуститъ исключеніе, помянутое въ предъидущемъ пунктѣ.

4. *Христіане подданные Порты.*

„Права и льготы христіанъ подданныхъ Порты будутъ обезпечены безъ нарушенія независимости и достоинства турецкаго правительства.

„Россія, по заключеніи мира, будетъ приглашена къ участію въ распоряженіяхъ, принятыхъ Австріею, Франціею, Великобританіею и Портою, для облегченія религіозныхъ и политическихъ правъ Христіанъ подданныхъ Султана.

5 *Особенныя условія.*

„Воюющія державы предоставляютъ себѣ право предъявить на общую пользу Европы особенныя условія сверхъ четырехъ прежнихъ“ *).

*) 5-й пунктъ мирныхъ условій предложенъ Австріею по требованію Союзныхъ державъ.

Германскія второстепенныя державы желали мира и не были враждебны Россіи, но могли быть вовлечены силою въ общую борьбу, а Пруссія не имѣла средствъ удержать ихъ своимъ примѣромъ и по тому изъявила желаніе, чтобы мы приняли предложенія Австріи. Таковы были обстоятельства, побудившія наше правительство открыть переговоры на основаніи предложенныхъ статей и принять ихъ за предварительныя условія мира. Въ извѣщеніи о томъ было объявлено, что единственное различіе между требованіями Австріи и нашими предложеніями заключается въ предполагаемомъ разграниченіи, и что слѣдственно уже (de facto) послѣдовало обоюдное соглашеніе, на основаніи чего и желаній изъявленныхъ всею Европою, имѣя противъ себя коалицію, постоянно стремящуюся еще болѣе усилиться, и принявъ въ соображеніе пожертвованія, которыхъ потребовало-бы отъ Россіи продолженіе войны, Императорское правительство не сочло приличнымъ замедлять побочными преніями (des discussions accessoires) дѣло мира, котораго успѣхъ составляетъ предметъ его задушевныхъ желаній, и по тому согласилось принять предложенія Австріи за основаніе предварительныхъ пунктовъ мирнаго трактата. Въ заключеніе сказано: „Россія своимъ энергическимъ сопротивленіемъ ужасной коалиціи показала, какія жертвы она готова принесть въ защиту своей чести и своего достоинства; настоящимъ-же актомъ умѣренности Императорское правительство дастъ новый доводъ желанія своего положить предѣлъ кровопролитію, прекративъ прискорбную для человѣчества и цивилизаціи борьбу и возстановивъ миръ на пользу Россіи и Европы. Россія вправѣ надѣяться, что общественное мнѣніе всѣхъ просвѣщенныхъ странъ отдастъ ей должную справедливость“ ([17]).

20-го января (1-го февраля), былъ подписанъ въ Вѣнѣ, представителями Австріи, Франціи, Великобританіи, Россіи и Турціи, протоколъ о принятіи пяти пунктовъ, предложенныхъ Союзными державами, за предварительныя условія мира, и созваніи въ Парижѣ уполномоченныхъ, для заключенія перемирія и мирнаго трактата, черезъ три недѣли, или ранѣе, ежели окажется возможно ([18]).

Парижскій конгресъ открылся 13-го (25-го) февраля 1856 года, подъ предсѣдательствомъ графа Валевскаго, одного изъ уполномоченныхъ Франціи; другимъ былъ французскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ, баронъ Буркеней; представителями Англіи были министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Кларендонъ и англійскій посолъ при тюильрійскомъ дворѣ лордъ Коулей; представителями Австріи—министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Буль-Шауэнштейнъ и австрійскій посланникъ въ Парижѣ баронъ Гюбнеръ; представителями Россіи—генералъ-адъютантъ графъ Орловъ и русскій посланникъ при германскомъ сеймѣ баронъ Бруновъ; представителями Сардиніи — министръ-президентъ графъ Кавуръ и сардинскій посланникъ въ Парижѣ маркизъ де-Вилламарина; представителями Оттоманской Порты — великій визирь Али-паша и турецкій посолъ въ Парижѣ Мегеметъ-Джемиль-бей. Съ самаго начала совѣщаній, графъ Орловъ и графъ Буль предложили пригласить Пруссію къ участію въ переговорахъ, но графъ Кларендонъ изъявилъ мнѣніе, что Пруссія должна была участвовать въ нихъ не прежде, какъ по опредѣленіи главныхъ условій трактата, а графъ Валевскій полагалъ, что уполномоченные рѣшатъ въ послѣдствіи, когда именно должно отнестись съ этимъ приглашеніемъ къ Пруссіи ([19]). По соглашеніи на то уполномоченныхъ прочихъ Союзныхъ державъ, пред-

ставители Пруссіи приняли участіе въ совѣщаніяхъ съ 6-го (18 го) марта ([20]).

Въ началѣ совѣщаній было заключено перемиріе по 31-е марта н. ст. ([21]).

Условія Союзниковъ, принятыя за предварительныя статьи мирнаго трактата, обсуждались на совѣщаніяхъ конгресса не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были предложены, и по тому, для ясности изложенія ихъ результатовъ, необходимо прослѣдить преніія особо по каждому вопросу.

I. Отмѣна русскаго покровительства христіанамъ православнаго вѣроисповѣданія, подданнымъ Турціи.

Весьма замѣчательно, что хотя ни въ одномъ изъ прежнихъ трактатовъ не упоминалось о покровительствѣ Россіи надъ какою-либо частью подданныхъ Султана, однако-же уполномоченные Западныхъ державъ домогались отмѣны этого покровительства; представитель Турціи Али-паша увѣрялъ, что слово *покровительство* было употреблено въ органическомъ статутѣ Дунайскихъ княжествъ; а графъ Буль поставилъ на видъ, что покровительство Россіи существовало на дѣлѣ, подъ именемъ *гарантіи* исключительно предоставленной русскому правительству ([22]). Нельзя отрицать справедливость послѣдняго мнѣнія, но причину тому должно искать не въ трактатахъ между Россіею и Портою, а въ существѣ дѣла. „Есть фактъ—писалъ графъ Нессельродъ къ барону Бруннову—котораго не устранятъ никакія предосторожности, никакія недовѣрія дипломатіи. Этотъ фактъ— сочувствіе и общность интересовъ, связующихъ наше пятидесяти-милліонное православное населеніе съ двѣнадцатью и болѣе милліонами, составляющими большинство подданныхъ Султана (въ Европейской

Турціи). Досаденъ-ли этотъ фактъ или нѣтъ тѣмъ, которые тревожатся нашимъ вліяніемъ — онъ существуетъ, и отъ насъ, вѣроятно, не потребуютъ, чтобы мы отказались отъ этого вліянія для вящшаго успокоенія преувеличенныхъ опасеній. Впрочемъ, еслибы даже мы и согласились на подобное требованіе, то на дѣлѣ исполненіе его оказалось-бы не въ нашей власти..." ([23]). Союзныя державы изъ зависти и недовѣрія къ Россіи, потребовали на парижскихъ конференціяхъ отмѣну нашей гарантіи и ввели Турцію въ великую семью европейскихъ державъ, принявъ всѣхъ христіанъ подданныхъ Порты подъ общее покровительство Европы и полагаясь на обнародованный незадолго предъ тѣмъ гатти-шерифъ Порты, коимъ уравнивались права христіанъ съ правами мусульманъ, что, въ глазахъ близорукихъ дипломатовъ Европы, совершенно обезпечивало будущность христіанскаго населенія и полагало конецъ внутреннимъ волненіямъ въ Турціи. Послѣдующія событія на островѣ Кандіи и въ сѣверозападныхъ турецкихъ областяхъ убѣдили Европу, какъ призрачны всѣ постановленія Порты въ пользу христіанъ, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы со стороны Султана они были даруемы съ искреннимъ желаніемъ ихъ исполненія. Причиною тому самое ученіе Корана—краеугольнаго камня религіи и законодательства мусульманъ. Коранъ ставитъ въ религіозную обязанность воевать противъ *невѣрныхъ*, съ которыми согласіе и миръ противорѣчатъ основному закону Ислама, допускающему только, въ видѣ исключенія, перемиріе съ христіанами. Ежели Турки не ведутъ постоянно войны противъ христіанъ, то единственная причина такого отступленія отъ догмата вѣры — безсиліе, въ которое они приведены успѣхами русскаго оружія. Правда—Коранъ предпи-

сываетъ великодушіе и терпимость въ отношеніи къ невѣрнымъ; но мусульмане понимаютъ эти добродѣтели по своему, какъ могутъ понимать ихъ невѣжественные, грубые люди, и къ тому-же великодушіе не есть еще признаніе равноправія; а терпимость Турокъ весьма ограничена. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно привести слѣдующій мусульманскій законъ: „если кто отступитъ отъ Ислама, то должно сперва стараться утвердить его въ истинахъ сего ученія, заключивъ въ тюрьму на трое сутокъ, и если онъ не обратится къ Исламу — убить его. Если кто-либо убьетъ отступника отъ Ислама, не объяснивъ ему предварительно ученія Исламизма, то это весьма предосудительно, но не даетъ права преслѣдовать убійцу“.

По всей вѣроятности, европейскіе дипломаты, принявъ на себя опеку Турціи, не предвидѣли, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, они принимаютъ отвѣтственность за всѣ преступленія, которыя будутъ совершены по волѣ и противъ воли Султана. Тѣмъ не менѣе однако-же „признаніе Порты державою участвующею въ выгодахъ общаго права и союза державъ европейскихъ“, возбудило въ совѣщаніяхъ Парижскаго Конгреса продолжительныя пренія, вслѣдствіе коихъ постановлено, что „договаривающіяся державы признаютъ высокую важность сообщенія Султана о дарованномъ имъ фирманѣ, разумѣя при томъ, что оно, ни въ какомъ случаѣ, не дастъ симъ державамъ права вмѣшиваться, совокупно или отдѣльно, въ отношенія Султана къ его подданнымъ и во внутреннее управленіе его Имперіи“ ([24]).

II. Устройство вассальныхъ областей Порты.

На Парижскомъ Конгрессѣ графъ Валевскій повторилъ предложеніе, сдѣланное барономъ Буркенеемъ

на вѣнскихъ конференціяхъ, относительно соединенія подъ однимъ управленіемъ обоихъ Дунайскихъ Княжествъ. Графъ Орловъ и лордъ Кларендонъ поддерживали это мнѣніе, какъ согласное съ желаніями и пользами туземцевъ; напротивъ того, Али-паша, поставя на видъ, что отдѣльное управленіе сихъ областей, существовавшее съ давнихъ временъ, было естественнымъ слѣдствіемъ различія ихъ нравовъ и обычаевъ, утверждалъ, что соединеніе Княжествъ и въ настоящее время вовсе не было согласно съ общественнымъ мнѣніемъ ихъ народонаселенія. Уполномоченные державъ, не принимая на себя рѣшеніе этого вопроса, постановили, чтобы помянутыя Княжества пользовались, подъ верховною властью Порты и при ручательствѣ договаривающихся державъ, всѣми нынѣшними преимуществами и льготами. Ни которой изъ державъ не было предоставлено ни исключительнаго покровительства надъ Княжествами, ни права вмѣшиваться во внутреннія дѣла ихъ. Въ Княжествахъ положено имѣть національныя войска для охраненія внутренней и внѣшней ихъ безопасности. — Княжество Сербское, оставаясь, какъ и прежде, подъ верховною властью Порты, должно было сохранить самоуправленіе и полную свободу вѣроисповѣданія, законодательства, торговли и судоходства. Турецкое правительство, по прежнему, имѣло право содержать гарнизоны въ городахъ Сербіи. — По случаю преній, возникшихъ на счетъ вассальныхъ владѣній Порты, графъ Буль предложилъ, чтобы наши уполномоченные дали объясненія на счетъ отношеній Россіи къ Черногоріи. Графъ Орловъ и баронъ Брунновъ отвѣчали, что о Черногоріи не было упомянуто ни на вѣнскихъ конференціяхъ, ни въ документахъ предшествовавшихъ конгрессу; но что, не смотря на то, они могутъ объ-

явить, что наше правительство не имѣетъ никакихъ сношеній съ Черногорцами, кромѣ тѣхъ, кои происходятъ отъ сочувствія ихъ Русскимъ и благорасположенія къ нимъ Россіи. Такое объявленіе было признано вполнѣ удовлетворительнымъ ([25]).

III. Свободное плаваніе по Дунаю.

На предложенное въ предварительныхъ условіяхъ, содержаніе при устьяхъ Дуная каждою изъ договаривающихся державъ по два легкихъ морскихъ судна, графъ Орловъ замѣтилъ, что присутствіе военныхъ судовъ подъ флагами державъ, не-прибрежныхъ Черному морю, нарушитъ основаніе нейтрализаціи сего моря. Графъ Валевскій отвѣчалъ, что исключеніе, допущенное договаривающимися сторонами, не можетъ считаться нарушеніемъ основанія. По мнѣнію графа Буля, суда не-прибрежныхъ державъ, содержимыя въ устьяхъ Дуная, могутъ свободно плавать по Черному морю, не смотря на его нейтрализацію; но баронъ Брунновъ напомнилъ, что плаваніе этихъ судовъ ограничивается назначенною для нихъ цѣлью. Постановлено, чтобы правила, опредѣленныя актомъ Вѣнскаго Конгресса для судоходства по рѣкамъ, были вполнѣ примѣнены къ Дунаю и его устьямъ, и чтобы судоходство по Дунаю не подлежало никакимъ пошлинамъ, кромѣ тѣхъ, кои будутъ установлены для покрытія расходовъ на работы по очисткѣ дунайскихъ гирлъ; опредѣленіе этихъ работъ и необходимыхъ для исполненія ихъ суммъ предоставлено коммисіи, составленной изъ депутатовъ всѣхъ договаривающихся державъ. Другая-же коммисія, постоянная, долженствовала состоять изъ членовъ со стороны прибрежныхъ государствъ: Австріи, Турціи, Баваріи и Виртемберга и комми-

саровъ при-дунайскихъ княжествъ: Молдавіи, Валахіи и Сербіи. Этой коммисіи было предоставлено: 1) составить правила для рѣчнаго судоходства и рѣчной полиціи; 2) исполнить по всему теченію Дуная нужныя работы и наблюдать за содержаніемъ въ исправномъ для судоходства состояніи дунайскихъ гирлъ и частей моря къ нимъ прилежащихъ ([20]).

Уполномоченные Союзныхъ державъ считали необходимымъ *для вящшаго обезпеченія свободы судоходства по Дунаю* проведеніе новой пограничной черты въ Бессарабіи. Въ предварительныхъ условіяхъ предполагалось провести эту черту изъ окрестностей Хотина, по горному хребту на юго востокъ, до озера Салзыкъ. На парижскомъ-же конгресѣ, баронъ Бруновъ предъявилъ мемуаръ, въ которомъ доказывалъ, что какъ Союзныя державы, при опредѣленіи новой границы, имѣли въ виду только обезпечить свободу судоходства по Дунаю, то, для достиженія такой цѣли, достаточно провести новую границу отъ Вадули-Исаки на Прутѣ, вдоль Траянова вала, къ сѣверу отъ озера Ялпуха, при чемъ Россія уступитъ острова въ устьяхъ Дуная и сроетъ крѣпости Измаилъ и Килію. Уполномоченные Союзныхъ державъ отвѣчали, что предполагаемое разграниченіе было такъ несогласно съ основаніями переговоровъ, принятыми въ Петербургѣ и утвержденными въ Вѣнѣ и Парижѣ, что оно не могло быть предметомъ совѣщаній. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ преній, рѣшено, чтобы новая граница, начинаясь отъ берега Чернаго моря, въ разстояніи на одинъ километръ (около версты) къ востоку отъ соленаго озера Бурнаса, примкнула перпендикулярно къ акерманской дорогѣ, и слѣдовала вдоль ея до Траянова вала, а потомъ прошла южнѣе Бѣлграда, и вверхъ по рѣкѣ Ялпуху до высоты Сарацика и до Ката-

мори на Прутѣ. Пространство земли, уступленное Россіей, присоединено къ Молдавіи ([27]).

IV. Нейтрализація Чернаго моря.

Эта статья предварительныхъ условій, бывшая камнемъ преткновенія на вѣнскихъ конференціяхъ, подала поводъ къ жаркимъ преніямъ и на Парижскомъ Конгрессѣ. Подъ словомъ *нейтрализація* представители Франціи и Англіи на вѣнскихъ конференціяхъ разумѣли совершенное исключеніе военныхъ судовъ; графъ Буль, съ своей стороны, одобривъ это мнѣніе, полагалъ, что нельзя было надѣяться получить согласіе русскаго правительства на такую мѣру, и по тому о совершенномъ исключеніи военныхъ силъ на водахъ Чернаго моря не было и въ поминѣ. Мы уже видѣли, что самое ограниченіе ихъ было отвергнуто на вѣнскихъ конференціяхъ княземъ Горчаковымъ. Подобное условіе, нарушавшее право верховной власти—распоряжаться по собственному усмотрѣнію въ своихъ владѣніяхъ, было признано даже въ Англіи оскорбительнымъ для Россіи и вреднымъ для Европы. По мнѣнію Кобдена: „кто требуетъ отъ Русскихъ разоруженія портовъ и обязательства не строить военныхъ судовъ на Черномъ морѣ, уступку земли по Дунаю и другія подобныя тому условія, тотъ—если онъ заслуживаетъ названіе государственнаго человѣка—долженъ быть убѣжденъ, что ему придется впредь вести трехъ-лѣтнюю войну“. Гладстонъ порицалъ недальновидность тѣхъ, которые хотѣли предписать Россіи унизительныя условія. Не должно—писалъ онъ—вызывать мщеніе сильной державы. Когда старый Понтій Гереннія совѣтовалъ своему сыну, окружившему римскую армію въ Кавдинскихъ ущеліяхъ,

отпустить либо истребить ихъ, тогда младшій Понтій, избравъ средину между этими способами дѣйствій, отпустилъ Римлянъ, заставя ихъ пройти подъ игомъ: такимъ образомъ раздраживъ непріятелей, онъ не ослабилъ ихъ могущества и въ послѣдствіи раскаялся въ томъ, что не послѣдовалъ мудрому совѣту отца своего. Серъ Джемсъ Грегамъ, членъ министерства Абердина, одинъ изъ предложившихъ ограниченіе русскихъ военныхъ силъ на Черномъ морѣ, въ послѣдствіи увѣрялъ, что ни Франція, ни Австрія не считали за *ultimatum* такое требованіе, и что сама Англія не поставила-бы поводомъ къ возобновленію войны одинъ или два русскихъ корабля сверхъ положенныхъ по трактату. Поборники-же мира, Кобденъ и другіе, считали требованіе Союзниковъ безразсуднымъ. „Неужели вы думаете — говорилъ Кобденъ, что Россія, принявъ на себя такое обязательство, будетъ держать вѣчно свое обѣщаніе?“

Само собою разумѣется, что паденіе главнаго пункта нашихъ морскихъ учрежденій—Севастополя и уничтоженіе Черноморскаго флота облегчили переговоры по предмету нашего разоруженія въ Черномъ морѣ. Терять намъ было нечего и дѣло шло только о томъ—будемъ-ли мы вновь сооружать крѣпости и строить корабли? Отказываясь отъ несомнѣннаго права, мы предоставили времени отмѣну этого условія.

По обсужденіи нейтрализаціи Чернаго моря, предложены были графомъ Валевскимъ и приняты представителями всѣхъ державъ слѣдующія условія: во 1-хъ, чтобы Черное море было открыто для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ; но чтобы входъ въ оное былъ формально и навсегда воспрещенъ военнымъ судамъ, какъ прибрежныхъ, такъ и всѣхъ

прочихъ державъ, съ тѣми только исключеніями, которыя будутъ постановлены въ настоящемъ договорѣ, и во 2-хъ, какъ, по объявленіи Чернаго моря нейтральнымъ, содержаніе или учрежденіе на берегахъ онаго морскихъ арсеналовъ не имѣетъ цѣли, то россійское и турецкое правительства обязуются не заводить и не оставлять на сихъ берегахъ никакого военно-морскаго арсенала.

Графъ Кларендонъ поставилъ на видъ, что Россія имѣетъ въ Николаевѣ большой судостроительный арсеналъ, котораго сохраненіе противорѣчило-бы основаніямъ нейтрализаціи Чернаго моря. Какъ этотъ арсеналъ находится не на самомъ берегу моря, то представитель Англіи, устраняя вопросъ о разрушеніи тамошней верфи, ограничился замѣчаніемъ, что еслибы Николаевъ остался по прежнему главнымъ пунктомъ морскихъ сооруженій, то общественное мнѣніе приписывало-бы русскому правительству намѣренія несогласныя съ условіями настоящаго договора.

Графъ Орловъ отвѣчалъ, что „его Августѣйшій Монархъ, принявъ прямодушно мирныя предложенія, твердо рѣшился исполнить въ точности всѣ сопряженныя съ ними обязательства; но, какъ Николаевъ лежитъ вдали отъ морскаго берега, то чувство собственнаго достоинства не дозволитъ Россіи распространить внутрь Имперіи условіе относящееся исключительно къ прибрежью. Къ тому-же, охраненіе и надзоръ береговъ требуютъ, какъ уже признано, содержанія въ Черномъ морѣ нѣкотораго числа легкихъ судовъ, и еслибы мы отказались отъ сохраненія Николаевской верфи, то былибы принуждены завести подобныя-же постройки на какомъ-либо другомъ пунктѣ нашихъ южныхъ владѣній. Для соглашенія-же принятыхъ на себя обязательствъ съ

потребностями морской службы, Государь Императоръ намѣренъ сдѣлать распоряженіе, чтобы въ Николаевѣ строились только военныя суда, упоминаемыя въ условіяхъ настоящаго договора".

Уполномоченный Великобританіи и, за нимъ, всѣ прочіе признали это объясненіе удовлетворительнымъ.

На вопросъ графа Кларендона графу Орлову, согласенъ-ли онъ внести въ протоколъ свое объявленіе, нашъ уполномоченный отвѣчалъ утвердительно, присовокупивъ, что Государь Императоръ, въ доказательство искренности своихъ видовъ, поручилъ ему просить о свободномъ пропускѣ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы двухъ единственныхъ линейныхъ кораблей, находящихся въ Николаевѣ, которые, по заключеніи мира, должны отплыть въ Балтійское море ([28]).

На слѣдующемъ совѣщаніи графъ Кларендонъ обратился къ графу Орлову съ вопросомъ: относится-ли сдѣланное имъ объявленіе такъ-же къ Херсону и Азовскому морю? Представитель Россіи отвѣчалъ, что Азовское море, точно такъ-же какъ и Николаевъ, не входитъ въ условія принятыя нашимъ правительствомъ, и что линейные корабли не могутъ плавать въ этомъ морѣ; что, впрочемъ, Россія, исполняя въ точности принятыя ею на себя обязательства, не будетъ строить ни на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, ни на притокахъ ихъ, никакихъ военныхъ судовъ, кромѣ тѣхъ, которыя допущены условіями настоящаго договора ([29]).

На одномъ изъ предшествовавшихъ совѣщаній, графъ Валевскій напомнилъ, что Россія возвела на восточномъ берегу Чернаго моря нѣсколько фортовъ, изъ коихъ нѣкоторые были нами взорваны, и что слѣдовало-бы условиться по этому предмету. Графъ Кларендонъ, основываясь на нейтрализаціи Чернаго

моря. старался доказать, что не слѣдовало возстановлять эти форты. Представители Россіи. не соглашаясь на то, поставили на видъ различіе. существующее по ихъ мнѣнію между фортами и морскими арсеналами. За тѣмъ, дальнѣйшее обсужденіе этого предмета было оставлено ([30]).

Трактатъ о заключеніи мира между Россіею и Портою съ ея союзниками было подписанъ 18-го (30-го) марта 1856 года, въ годовщину сдачи Парижа, сообразно съ желаніемъ Наполеона III, искавшаго, по возможности, всякихъ случаевъ заглушить воспоминанія невзгодъ своей династіи свѣжими успѣхами. Въ тотъ-же день продолжено перемиріе и подписаны конвенціи: 1) касательно проливовъ Дарданеллъ и Босфора; 2) о русскихъ и турецкихъ военныхъ судахъ въ Черномъ морѣ; 3) объ Аландскихъ островахъ.

Такъ окончилась наиболѣе стоившая въ новѣйшее время людьми и средствами Восточная война. Она изгладила слѣды Священнаго союза, возвысила вліяніе Франціи на дѣла Европы и ввела Турцію въ ареопагъ державъ европейскихъ. Но едва прошло нѣсколько лѣтъ, какъ исчезли всѣ послѣдствія войны. Согласіе трехъ сѣверо-восточныхъ Имперій оказалось необходимымъ для сохраненія общаго мира; Франція дорого поплатилась за эфемерные успѣхи своего властителя; а Турція, всемѣрно уклонявшаяся отъ вліянія Россіи, попала подъ опеку нѣсколькихъ державъ, которая едвали можетъ спасти ее отъ разрушенія—неизбѣжнаго слѣдствія внутреннихъ неустройствъ и безпорядковъ. Восточный вопросъ—вопросъ времени: его развязку можно отсрочить, но отстранить ее—никто не въ силахъ.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXIII.

(1) Письмо князя Горчакова военному министру, отъ 26 іюня 1855 года.

(2) Письмо князя Горчакова военному министру, отъ 5 іюля 1855 года.

(3) „Mille remerciments pour l'envoi du général Wrewsky, qui nous sera très utile pour arrêter beaucoup de détails administratifs à l'occasion des secours que Vous dirigez à notre renfort" — писалъ князь Горчаковъ военному министру, 18 іюня 1855 года.

(4) Изъ письма военному министру генерала барона Вревскаго, отъ 11 іюля 1855 года.

(5) Изъ письма князя Горчакова, отъ 14 іюля 1855 года.

(6) Изъ записки князя Горчакова, отъ 21 іюля 1855 года.

(7) Изъ письма Государя Императора, отъ 20 іюля 1855 года.

(8) Прилож. подъ лит. *А* къ отзыву князя Горчакова военному министру, отъ 30 іюля 1855 года.

(9) Извлечено изъ слѣдующихъ мнѣній, представленныхъ членами военнаго совѣта, собраннаго княземъ Горчаковымъ.

Мнѣнія представленныя 29 іюля (10 августа) 1855 года главнокомандующему, по поводу предполагавшихся начаться наступательныхъ дѣйствій.

Мнѣніе о положеніи Севастополя и окрестныхъ войскъ и мѣры, которыя бы можно принять для дѣйствій.

Севастополь, 29-го іюля 1855 г. 319-й день обороны.

Тайное.

Сильныя подкрѣпленія, состоящія впрочемъ изъ ополченія, прибываютъ не прежде конца октября.

Сѣна, по настоящей численности лошадей, станетъ въ Крыму до

15-го октября. При уменьшеніи лошадей на половину — до 15-го января. При уменьшеніи на $^{3}/_{4}$ — до 15 апрѣля.

Средства непріятеля, какъ въ продовольствіи, такъ и въ боевыхъ снарядахъ, неистощимы, ибо онъ господствуетъ надъ моремъ.

Въ мнѣніи моемъ, отъ 26-сего мѣсяца, имѣлъ я честь изложить, между прочимъ, слѣдующее: „Непріятель занимаетъ сосредоточенное положеніе на господствующей мѣстности, окруженной владѣемымъ имъ моремъ и укрѣпленной въ продолженіе 10-ти мѣсяцевъ огромнымъ числомъ рабочихъ.

„Очевидно, что непріятель, изъ своего сосредоточеннаго положенія, можетъ, по произволу, бросить огромныя массы войскъ на любую точку, оставляя ограниченное число для защиты твердынь своихъ на господствующей мѣстности, которыхъ и въ такомъ случаѣ, т. е. слабо защищаемыхъ, нельзя взять иначе какъ приступомъ, съ огромнымъ пожертвованіемъ числительной силы".

У насъ почти одинаковое число конницы съ непріятельскою; но мы имѣемъ въ окрестностяхъ Севастополя штыковъ 90 тыс., тогда какъ непріятель, по всѣмъ согласующимся между собою свѣдѣніямъ, имѣетъ ихъ 110—120 тыс., и кромѣ того ожидаетъ подкрѣпленій.

Очевидно, что съ какой бы стороны ни предпринять наступленіе на непріятеля, — съ Сапунъ-горы или изъ Севастополя, — перевѣсъ останется всегда на сторонѣ противниковъ.

Если и подвергнуть Севастополь случайности ослабленіемъ гарнизона, для усиленія отряда атакующаго Сапунъ-гору, то когда наступленіе и будетъ увѣнчано овладѣніемъ Сапунъ-горою, то все-таки отрядъ займетъ ее съ огромною потерею и перебитыми начальниками. Непріятель-же, узнавъ отъ перебѣжчика объ ослабленіи гарнизона, овладѣетъ Севастополемъ. Въ противномъ случаѣ, на слѣдующій день, непріятель атакуетъ значительнымъ числомъ свѣжихъ войскъ ослабленный, полу-разстроенный, утомленный отрядъ нашъ. Послѣдствія легко можно предвидѣть.

Если сдѣлать наступленіе на непріятеля изъ Севастополя, неминуемо ослабивъ себя отрядомъ для Инкерманскихъ высотъ, Мекензіевой горы и наблюдательными отрядами за непріятельскими войсками, занимающими Черную рѣчку и Байдарскую долину, то этому ослабленному отряду придется брать приступомъ батареи, редуты, нѣсколько рядовъ запутанныхъ какъ лабиринтъ траншей, съ глубокими профилями. Во время боя войска наши будутъ поражаемы съ фронта, и потомъ резервы папскоесь съ тыла, ядрами, бомбами и гранатами изъ повернутыхъ мортиръ, и пулями. Въ это время, подъ убійственнымъ огнемъ, будутъ разрабатывать въ траншеяхъ спуски для артиллеріи; работающіе люди и запряженныя лошади — поражаемы. Нельзя исчислить безпорядковъ и послѣдствій, не говоря уже о томъ, что войска, до выхода изъ нашей оборонительной линіи узкими колоннами, понесутъ уже значительную потерю. Но если и предположить счастливѣйшій исходъ дѣла, т. е. войска наши овладѣютъ Камчатскимъ редутомъ, 24-хъ-пушечною батареею, Викторіею и Зеленою горою, и принудятъ противниковъ очистить всѣ оставшіяся на лѣвомъ нашемъ флангѣ батареи и редуты, до надъ Геор-

гіевскимъ погребомъ включительно,—то разстроенныя войска наши, утомленныя боемъ и ночною работою, голодныя, съ перебитыми начальниками, имѣя артиллерію можетъ быть на половину, должны будуть на слѣдующій день принять общее сраженіе со свѣжими непріятельскими войсками, сосредоточенными ночью. Не трудно предвидѣть послѣдствій. Можно даже ожидать, что непріятель внесенъ будетъ въ Севастополь на плечахъ нашихъ.

Но оставаться въ настоящемъ страдательномъ положеніи, не смотря на превосходный, исполненный изумительнаго терпѣнія и самоотверженія духъ войскъ, невозможно.

Съ начала осады до 1-го декабря, вѣрнаго счета понесенной гарнизономъ потери опредѣлить нельзя, но можно полагать ее въ 5,000 челов. Съ 1-го же декабря по вчерашнее число, убитыхъ, раненыхъ, контуженныхъ, кромѣ оставшихся во фронтѣ.

Адмираловъ и генераловъ	4
Штабъ-офицеровъ	97
Оберъ-офицеровъ	838
Нижнихъ чиновъ	46,037
Безъ вѣсти пропавшихъ	1,047
	48,023
По 1-е декабря до	5,000
Въ сраженіи 24-го октября съ вылазкою изъ Севастополя, до	12,000
Для защиты Севастополя по 28-е іюля до	65,000

По случаю приближенія непріятельскихъ работъ, потери прогрессивно увеличиваются, и если-бы возможно было оставаться въ этомъ страдательномъ положеніи, подвергая гарнизонъ ежедневной огромной потерѣ, то ни пороха, ни еще менѣе продовольствія для лошадей, не станетъ, и при неимѣніи для больныхъ и раненыхъ, зимнихъ помѣщеній и испорченности временемъ года дороги для ихъ перевозки, они подвергнутся гибели.

Всякое предпріятіе, не ведущее къ снятію осады, есть мѣра безполезнаго кровопролитія. Между тѣмъ, исключительно оборонительное положеніе рано или поздно поведетъ къ паденію Севастополя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ потерѣ большей и лучшей испытанной части арміи.

Всѣ эти причины указываютъ единственную и необходимую мѣру— собрать въ одно цѣлое Крымскую армію, чтобы, дѣйствуя совокупно, можно было съ большимъ правдоподобіемъ ожидать успѣха. Но мѣра сія должна быть приведена въ исполненіе до прибытія подкрѣпленій къ непріятелю.

Весьма тайное.

И такъ съ стѣсненнымъ сердцемъ и глубокою скорбью въ душѣ, я, по долгу совѣсти, присяги и убѣжденію моему, избирая изъ двухъ

воль меньшее, долженъ произвести единственное средство—оставленіе Южной стороны Севастополя.

Невыразимо больно для сердца русскаго рѣшиться на крайнюю, ужасную мѣру; она глубоко огорчитъ гарнизонъ, 319 дней добросовѣстно борющійся съ сильнымъ непріятелемъ, имѣя ежеминутно передъ собою смерть и увѣчье. Въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ отталкивалъ я эту невыносимую мысль. Но любовь къ отечеству и преданность престолу превозмогли чувство оскорбленнаго народнаго самолюбія, и я, скрѣпя сердце, произнесъ роковую мѣру.

Но что̀ пріобрѣтетъ непріятель, положившій передъ Севастополемъ далеко болѣе 120 тыс. воиновъ—цвѣтъ Франціи и Англіи? Груду камней и чугунъ. Грозная Сѣверная сторона не допуститъ его овладѣть Сѣверною бухтою.

Овладѣніе Чоргуномъ, лежащимъ передъ нимъ горою на лѣвомъ берегу Черной рѣчки, и Байдарскою долиною, заключитъ непріятеля въ прежнее его тѣсное пространство, и если онъ не окончитъ дѣйствій своихъ въ Крыму занятіемъ Южнаго Севастополя, то можетъ предпринять два способа дѣйствій: 1) наступленіе на насъ съ большею частью силъ своихъ съ Сапунъ-горы; 2) высадить бо̀льшую часть силъ своихъ на Качѣ или ближе къ Евпаторіи. Въ обоихъ случаяхъ, оставляя грозное свое, укрѣпленное природою и искусствомъ мѣстоположеніе, онъ дѣйствуетъ въ нашу пользу, уравновѣшивая бой.

Но если до 15-го августа — окончательнаго наведенія моста—непріятель предприметъ бомбардированіе и приступъ, то, не щадя пороха, оставя гарнизонъ въ настоящей его числительной силѣ, и усиливъ Сѣверную сторону, на всякій случай, еще одною бригадою, можетъ быть, отбитый новый приступъ дастъ другой оборотъ крымскому дѣлу.

Если роковая мѣра не сохранится въ глубочайшей тайнѣ, то послѣдствія могутъ быть ужасныя.

Генералъ-адъютантъ графъ Остенъ-Сакенъ.

Ваше сіятельство, объясняя, „что нынѣ настало время рѣшить неотлагательно вопросъ о предстоящемъ намъ образѣ дѣйствій въ Крыму“, изволили предложить мнѣ, въ числѣ другихъ лицъ, вопросъ: „Продолжать ли пассивную защиту Севастополя, стараясь только выигрывать время и не видя впереди никакого опредѣленнаго исхода, или же, немедленно по прибытіи войскъ 2-го корпуса и Курскаго ополченія, перейти въ рѣшительное наступленіе“.

На это имѣю честь отвѣчать, что, зная общее положеніе дѣлъ и принимая въ соображеніе обстоятельства, изложенныя въ Запискѣ вашей, а также дополнительныя словесныя объясненія ваши, я заключаю, что мы находимся вынужденными ускорить развязку дѣлъ подъ Севастополемъ, и потому полагаю, что всякое предпріятіе, которое можетъ привести къ этой цѣли, должно быть начато безотлагательно, дабы еще болѣе не затруднить его чрезъ полученіе непріятелемъ ожидаемыхъ имъ подкрѣпленій.

Обращаясь за симъ къ послѣдующимъ вопросамъ вашего Сіятельства, а именно: „Какое дѣйствіе предпринять и въ какое время“,

обязываюсь доложить, что я нахожу выгоднѣйшимъ атаковать непріятеля со стороны Чоргуна, не ожидая для сего прибытія всѣхъ дружинъ Курскаго ополченія.

Конечно, мы не довольно сильны, чтобы имѣть право ожидать отъ однихъ этихъ дѣйствій окончательнаго освобожденія Севастополя, но при удачѣ могутъ представиться непредвидѣнныя обстоятельства, которыми мы, безъ сомнѣнія, воспользуемся для облегченія осажденныхъ.

Во всякомъ случаѣ, наступленіе съ нашей стороны, если удастся занять лѣвый берегъ Черной, поставитъ непріятеля въ необходимость употребить съ своей стороны всѣ усилія, чтобы отбросить насъ на правый берегъ сей рѣки, или, сосредоточивъ всѣ войска свои на Сапунъ-горѣ, испытать штурмъ на городъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, результатъ ряда кровавыхъ битвъ приведетъ, какъ я выше сказалъ, къ развязкѣ дѣлъ, т. е. къ единственной вѣрной цѣли, которую мы можемъ имѣть въ виду, предпринимая наступательныя дѣйствія.

Генералъ-адъютантъ Коцебу.

29-го іюля
1855 г.

Съ силами, которыми мы нынѣ располагаемъ, нельзя предположить возможнымъ сбить непріятеля съ Сапунъ-горы и заставить его теперь-же снять осаду Севастополя, но можно надѣяться, перейдя въ наступленіе съ приходомъ войскъ 2-го пѣхотнаго корпуса, поставить союзниковъ въ такое положеніе, чтобы заставить ихъ въ непродолжительномъ времени или штурмовать Севастополь при самыхъ невыгодныхъ для нихъ условіяхъ, или снять осаду.

Одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ достиженія таковой цѣли есть занятіе Ѳедюхиныхъ и сосѣднихъ съ ними горъ. Отрѣзанные отъ воды Черной рѣчки и отъ луговъ Байдарской долины, союзники не будутъ въ состояніи оставаться долгое время въ бездѣйствіи, и должны будутъ или рѣшиться на штурмъ, имѣя во флангѣ корпусъ, всегда готовый атаковать Сапунъ-гору, или же снять осаду.

Наконецъ, еслибы занятіе Ѳедюхиныхъ горъ заставило непріятеля спуститься въ большихъ силахъ съ Сапунъ-горы къ Чоргуну, то вылазка изъ Севастополя и занятіе нашими войсками Камчатскаго редута отодвинутъ осаду опять на такое долгое время, что снятіе ея можетъ легко быть первымъ тому слѣдствіемъ.

Всѣ эти причины заставляютъ желать:

1) Сколь можно скорѣе атаки Ѳедюхиныхъ и сосѣднихъ къ нимъ горъ, подкрѣпленной, въ случаѣ спуска непріятеля въ большихъ силахъ съ Сапунъ-горы, вылазкою изъ Севастополя на Камчатскій редутъ и демонстраціею на лѣвый флангъ непріятельской позиціи, слабо занятый союзниками; послѣднее заставитъ непріятеля разбить силы свои на огромное разстояніе и облегчитъ взятіе Камчатскаго редута.

2) Атаку эту произвести нынѣ-же, не ожидая прибытія всѣхъ дружинъ Курскаго ополченія.

Генералъ-лейтенантъ Сержпутовскій.

Время дѣятельной осады города можно считать еще 3 мѣсяца, т. е. до начала ноября; затѣмъ, отъ дурной погоды, осадныя работы непріятельскія должны пріостановиться.

На этотъ періодъ времени у насъ достанетъ пороху и снарядовъ, а также, при настоящемъ числѣ войскъ (считая по 10-е августа всѣ прибывшія части), достанетъ и для пополненія ежемѣсячной убыли (6 тыс. челов.) въ Севастополѣ, а равно и для удержанія непріятеля при его покушеніяхъ окружить городъ, оставаясь на настоящихъ нашихъ оборонительныхъ позиціяхъ.

Но по всѣмъ даннымъ, непріятелю, для успѣшнаго окончанія его осады, нужно гораздо менѣе 3-хъ-мѣсячнаго срока, слѣдовательно необходимо отдалить, сколько возможно, срокъ окончанія осады.

Для выполненія этой цѣли, самое выгоднѣйшее было-бы сраженіе въ сосѣдствѣ осадныхъ работъ непріятеля, съ тѣмъ, чтобы слѣдствіемъ нашего успѣха было занятіе значительной части сказанныхъ работъ.

Мѣсто для этого сраженія есть Сапунъ-гора и весь правый флангъ осадныхъ работъ непріятеля. Для наступленія нашего съ этою цѣлью возможныхъ направленій имѣется только два: 1) изъ Севастополя — отъ Корабельной стороны, и 2) отъ Чоргуна.

Выходя въ первомъ направленіи, сколько я могу судить, не представляется удобства развернуть такія силы, чтобы отъ успѣха ихъ можно было ожидать разстройства или пораженія непріятельской арміи, но, за то, мѣсто самаго боя представляетъ возможность, при успѣхѣ нашемъ, отдалить непріятеля отъ города. На какой именно срокъ — будетъ зависѣть отъ размѣровъ самаго успѣха.

Для выхода во второмъ направленіи, отъ Чоргуна, нужно прежде всего овладѣть долиною Чоргунскою, т. е. пространствомъ, лежащимъ впереди Чоргуна до Сапунъ-горы. Для такого предпріятія нужно употребить слишкомъ 40 тыс. пѣхоты и отъ 6 до 7 тыс. кавалеріи, ибо сначала нужно занять горы, по лѣвую сторону рѣки Черной лежащія (Гасфорта и Уральскія); по трудности ихъ атаки и вѣроятно весьма упорной обороны непріятеля, нужно предполагать, что успѣхъ нашъ будетъ намъ стоить значительной потери.

Непосредственнымъ результатомъ этого боя будетъ отнятіе у непріятеля теченія Черной рѣчки и дер. Комары. Но для совершеннаго овладѣнія долиною, необходимою для насъ, въ случаѣ нашего приступа на Сапунъ-гору, на другой день мы принуждены будемъ атаковать непріятеля, на позиціи, составленной хребтомъ высотъ, гдѣ были прежніе его редуты, а потомъ наши.

Съ помощью значительной нашей кавалеріи, наибольшій результатъ сего новаго сраженія можетъ быть разстройство сардинскаго корпуса, турецкихъ и частью французскихъ войскъ, и удержаніе за нами долины Чоргунской. Послѣ чего можно будетъ судить о возможности атаки съ остальными войсками Сапунъ-горы, которая, по трудности подступовъ и сильныхъ укрѣпленій, потребуетъ значительнѣйшаго числа войскъ, нежели какое можетъ оставаться въ нашемъ распоряженіи послѣ двукратнаго наступательнаго дѣйствія. Оставаясь уже въ оборонительномъ положеніи на вновь занятыхъ позиціяхъ,

для удержанія ихъ потребуется до 20-ти тыс. пѣхоты и отъ 4-хъ до 20-ти тыс. кавалеріи постоянно.

Таковыя успѣшныя дѣйствія съ нашей стороны на р. Черной, оттѣснивъ непріятеля и лишивъ его многихъ удобствъ лагернаго расположенія, заставятъ его возвратиться въ свои укрѣпленныя позиціи на Сапунъ-гору. На сколько же они могутъ отдалить окончаніе осады Севастополя—заключить трудно.

Что касается вопроса, въ какое время слѣдуетъ начать наступательныя дѣйствія, если бы таковыя были рѣшены, то полагаю его удобнѣйшимъ съ прибытіемъ первыхъ дружинъ ополченія.

Генералъ-лейтенантъ Липранди.

29 іюля 1855 г.
позиція на горѣ Мекензіевой.

По правиламъ военнаго искусства, которыя понынѣ на этотъ предметъ еще не опровергались, ни одна крѣпость не можетъ устоять противъ правильной осады, когда при-томъ исполняются всѣ правила. Особыя лишь обстоятельства могутъ измѣнить продолжительность оной. Оборона Севастополя доказываетъ, какъ долго можетъ держаться крѣпость, которой оставлено свободное сообщеніе для полученія подвоза всѣхъ необходимыхъ предметовъ. Не менѣе того, осаждающій приближается постоянно, хотя медленно, и тѣмъ достигаетъ возможности съ большими силами предпринять внезапное нападеніе. Это обстоятельство заставляетъ имѣть на оборонительной линіи постоянно въ готовности значительное число войскъ, коего ежедневная убыль, въ общей сложности времени защиты города, дѣлается слишкомъ великою.

При такихъ обстоятельствахъ, надобно имѣть въ виду еще слѣдующее соображеніе:

1) Съ наступленіемъ ненастной погоды подвозы къ крѣпости сдѣлаются болѣе затруднительными.

2) Хотя и строится мостъ для постояннаго сообщенія чрезъ бухту, но съ наступленіемъ осеннихъ сильныхъ бурь и онъ подвергнется поврежденію, или долженъ быть разведенъ.

3) Что осаждающій, сблизивъ фланги своихъ наступательныхъ работъ, хотя съ трудомъ, но достигнетъ цѣли — обстрѣливать бухту, и тогда, конечно, лишитъ насъ части нашихъ перевозочныхъ средствъ. Тогда Южная часть Севастополя, по недостатку въ огромномъ количествѣ требуемыхъ для обороны средствъ, придетъ почти въ состояніе совершенно обложенной крѣпости, а лишившись средствъ обороны, должна пасть, съ остаткомъ храбраго гарнизона, послѣ даже отчаянной и упорной защиты города частями.

Представляя себѣ такой исходъ дѣла нашего, при продолженіи нынѣшняго образа дѣйствій, и имѣя въ виду, что въ настоящее время общая численность обѣихъ армій почти равна, я рѣшительно убѣждаюсь въ мысли, что нынѣшнему порядку дѣйствій нашихъ надобно предпочесть наступательное дѣйствіе въ полѣ, дабы стѣснить непріятеля въ такое положеніе, чтобы позиція полевыхъ войскъ нашихъ, примыкая къ крѣпости, была въ сношеніи съ гарнизономъ по южную

сторону бухты. Такимъ порядкомъ достиглось бы соединеніе силъ нашей арміи для рѣшительнаго удара до времени, къ которому союзныя войска ожидаютъ подкрѣпленіе.

На предложенные мнѣ два вопроса имѣю честь изложить слѣдующее мнѣніе мое:

На вопросъ—,,какое дѣйствіе предпринять":

1) Атаковать непріятельскую позицію за Черною рѣчкою, и не останавливаясь на оной, перейти къ занятію высотъ Сапунъ-горы; для сего должна содѣйствовать часть гарнизона отъ Корнилова кургана. Исполненіе полагаю слѣдующимъ порядкомъ:

2) Продолжая обыкновенный огонь обороны крѣпости, за короткое время передъ наступательнымъ дѣйствіемъ отъ Черной рѣчки, огонь съ крѣпостныхъ верковъ усилить, дабы обратить вниманіе непріятеля, дѣлая даже другія демонстраціи.

3) Наступательное дѣйствіе со стороны Черной рѣчки предпринять двумя отрядами: правымъ, сильнѣйшимъ, — на Ѳедюхины горы, и лѣвымъ, менѣе значительнымъ, — на правую оконечность непріятельской позиціи.

Сему лѣвому отряду нашей боевой линіи начать наступательное дѣйствіе одновременно съ демонстраціею крѣпости и не слишкомъ стремительно.

Правому-же отряду, назначенному атаковать Ѳедюхины горы, когда признается удобнымъ, атаку вести такъ стремительно, какъ только мѣстныя обстоятельства сіе дозволятъ. При начатіи атаки праваго отряда, и лѣвому наступать быстрѣе, дабы не остаться слишкомъ разъединеннымъ.

4) Овладѣвши Ѳедюхиными горами, не останавливаясь, идти впередъ, вправо, по удобнѣйшей на то мѣстности, для овладѣнія высотами Сапунъ-горы.

Какъ только начнется дѣло занятія высотъ, всему отряду гарнизона Корабельной части города сдѣлать стремительную вылазку до редута Викторіи, какъ точки, на которую и правый отрядъ съ Черной рѣчки долженъ направить дѣйствіе своего праваго фланга.

По соединеніи сихъ двухъ отрядовъ составить общую линію позиціи, примыкая правымъ флангомъ къ Корнилову кургану, а лѣвымъ— къ удобнѣйшей точкѣ на мѣстности, т. е. около хутора бывшаго Соколовскаго.

5) Лѣвому отряду Черной рѣчки, во время сихъ дѣйствій, имѣя передъ собою слабыя и неохотно принимающія участіе въ войнѣ войска сардинцевъ, а также турокъ, сильно на нихъ напирать, и, тѣсня ихъ къ с. Кадыкіой, не допускать къ соединенію съ французами и англичанами, которые, нашимъ движеніемъ на Сапунъ-гору, конечно, примутъ общую позицію съ французами, тыломъ на Камышевой бухтѣ.

6) Стремительнымъ натискомъ нашей кавалеріи между отрядами съ Черной рѣчки, при дѣйствіи на Сапунъ-гору, содѣйствовать быстрѣйшему отступленію сардинцевъ и препятствовать англичанамъ отступать на Балаклаву, ежели бы они стали отдаляться отъ французовъ. Это полагаю нужнымъ для того, чтобы, отдѣливъ ихъ отъ

своего продовольствія, обратить на французскіе запасы, отъ чего, конечно, произойдутъ недостатокъ и безпорядки.

Отдѣливъ сардинцевъ и турокъ отъ прочихъ войскъ, надобно думать, что они одни не предпримутъ никакихъ наступательныхъ дѣйствій и, подъ наблюденіемъ незначительнаго отряда, запрутся въ укрѣпленіяхъ Кадыкіой и Балаклавы.

При исполненіи сего плана, ежели надобность укажетъ остановиться на нѣкоторое время для совокупности общаго хода дѣла, не надобно приказывать укрѣпляться земляными работами; лишь по достиженіи послѣдне-назначенной линіи отъ Корнилова кургана до хутора Соколовскаго, и по тому уваженію, что отъ убыли въ войскахъ можетъ произойти нѣкоторое разстройство, на слабыхъ пунктахъ, которые по общей связи необходимо занять войсками, можно допустить устройство легкихъ полевыхъ укрѣпленій.

По достиженіи сей цѣли, смотря по состоянію войскъ непріятеля, при значительномъ разстройствѣ оныхъ, надобно, не давая имъ оправиться, продолжать пораженіе, чему можетъ тогда содѣйствовать и городская часть Севастопольскаго гарнизона. Ежели-же разстройство обѣихъ сторонъ равномѣрно и нельзя разсчитывать на вѣрный успѣхъ отъ безостановочнаго дальнѣйшаго преслѣдованія, то довольствуясь пріобрѣтеннымъ успѣхомъ, — что союзнымъ войскамъ отрѣзана часть ихъ союзниковъ, что затруднено имъ сообщеніе съ Балаклавою, что атака на Севастополь будетъ имѣть половину объема, что атакующаго сильными вылазками и боковыми нападеніями нашихъ войскъ можно отбросить въ его дальніе подступы, и наконецъ, что сообщеніе Южной части города во всякое время года и погоды будетъ обезпечено и безостановочно—можно допустить работы сильнаго укрѣпленія позиціи, а по новому-же соображенію всѣхъ обстоятельствъ—назначить дальнѣйшій ходъ дѣйствій.

На второй вопросъ — „въ какое время предпринять дѣйствіе,“ я полагаю исполнить это тотчасъ по окончаніи всѣхъ нужныхъ на опое соображеній и приготовленій, которыя начать безотлагательно.

Генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ.

Севастополь
29 іюля 1855 г.

Во исполненіе повелѣнія вашего сіятельства, честь имѣю представить мнѣніе мое относительно предложенныхъ вопросовъ на обсужденіе нѣкоторыхъ изъ гг. генераловъ ввѣренныхъ вашему сіятельству войскъ.

На первый изъ сихъ вопросовъ,—а именно: „продолжать ли пассивную защиту Севастополя, стараясь только выигрывать время и не видя впереди никакого опредѣленнаго исхода, или-же, немедленно по прибытіи войскъ 2-го пѣхотнаго корпуса и Курскаго ополченія, перейти въ рѣшительное наступленіе“ — мнѣ кажется, не можетъ быть двухъ мнѣній.

Ясно, что ограничиваться пассивною обороною осажденнаго города, не до извѣстнаго какого-либо срока, ни до какого-либо ожидаемаго или предвидимаго событія, а, напротивъ, не имѣя въ виду

никакого опредѣленнаго исхода и только для выигрыванія времени, при той степени развитія, которой достигли уже осадныя работы непріятеля, значило бы, въ сущности, не выигрывать, а терять время, и обрекая гарнизонъ на ежедневныя большія или меньшія потери, истощая притомъ его силы физическія и — что еще важнѣе — нравственныя, почти навѣрное приготовить паденіе Севастополя.

Съ паденіемъ же сего города, не только Россія лишится важнѣйшаго изъ своихъ приморскихъ пунктовъ, огромныхъ запасовъ и проч., но еще непріятель, занявъ и укрѣпленія Сѣверной стороны, которыя мы не въ состояніи будемъ удержать за собою, пріобрѣтетъ, если не возможность къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ на полуостровѣ (для коихъ недостатокъ въ сѣнѣ можетъ послужить ему препятствіемъ), то, во всякомъ случаѣ, всѣ возможныя удобства для расквартированія своихъ войскъ на зиму и для зимовки флота, который, безъ сомнѣнія, тогда будетъ введенъ въ бухту, по очищеніи входа въ оную отъ затопленныхъ нами кораблей.

Такимъ образомъ, рѣшеніе участи уже не Севастополя, а крымскаго полуострова, содѣлается предметомъ будущей кампаніи, и перевѣсъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, будетъ на сторонѣ непріятеля. Положеніе его въ Крыму во время зимы будетъ выгоднѣе чѣмъ наше.

Вотъ, по моему разумѣнію, неизбѣжные плоды бездѣйствія нашего въ полѣ, если оно будетъ продолжено на неопредѣленное время.

Въ моемъ понятіи, дѣйствительнѣйшее средство спасти Севастополь должно состоять въ томъ, чтобы, сблизившись къ непріятелю со стороны р. Черной, развлечь его силы и поставить себя въ такое положеніе, чтобы мы имѣли возможность атаковать его съ поля, когда онъ пойдетъ на приступъ города.

Для этого намъ необходимо стать твердою ногою на лѣвомъ берегу Черной, нынѣ занимаемомъ непріятелемъ, и слѣдовательно атаковать и сбить его.

Остается разсмотрѣть—когда и какъ это предпринять.

По имѣющимся свѣдѣніямъ отъ перебѣжчиковъ и по другимъ источникамъ, союзныхъ войскъ подъ Севастополемъ нынѣ приблизительно отъ 60 до 70 тыс. французовъ, отъ 20 до 25 тыс. англичанъ, до 10 тыс. піемонтцевъ и отъ 6 до 8 тыс. турокъ, всего-же отъ 100 до 115 тыс. челов.

Войска эти расположены на протяженіи болѣе 20 верстъ отъ Камышевой пристани до Чоргуна, и часть оныхъ (преимущественно кавалерія) находится еще верстъ 10 далѣе, въ Байдарской долинѣ.

Положеніе ихъ по необходимости растянуто, ибо они должны съ одной стороны имѣть сильную часть войскъ для непосредственнаго прикрытія осады; часть же, также значительную, должны держать въ долинѣ Черной, для водопоя, коего на Севастопольскомъ плато было-бы недостаточно.

Примѣрно можно полагать передъ Севастополемъ, т. е. между Камышевою пристанью и Сапунъ-горою, до 60 или 65 тыс., въ долинѣ Черной—до 30 тыс., въ Байдарской долинѣ и прилегающихъ къ оной частяхъ до 10 тыс., можетъ быть нѣсколько болѣе или менѣе, ибо

показаній перебѣжчиковъ, различествующихъ между собою, нельзя принимать за положительныя данныя.

Если оставить Севастопольскій гарнизонъ въ теперешнемъ его составѣ, за исключеніемъ 7-й пѣхотной дивизіи, мы можемъ употребить для атаки отъ стороны Черной, съ демонстраціею отъ Инкермана, до 98 баталіоновъ, 74 эскадрона, 40 сотенъ и 300 орудій, что составитъ пѣхоты отъ 35 до 40 тыс., около 7 тыс. кавалеріи, до 3 тыс. казаковъ, т. е. отъ 45 до 50 тыс. челов. при 300 орудіяхъ, — силы хотя не огромныя, но не маловажныя. Но такъ какъ мы ожидаемъ къ 5-му августа, пять дружинъ ополченія, къ 8-му августа, съ предъидущими, восемь дружинъ, а къ 11-му августа, — всего двѣнадцать дружинъ, то мнѣ кажется слѣдовало-бы подождать прибытія сихъ дружинъ, по крайней мѣрѣ первыхъ пяти, а если можно, то и всѣхъ, ибо имѣть 8 тыс. челов. болѣе или менѣе въ день атаки—много значитъ.

Во всякомъ случаѣ, мы не можемъ атаковать прежде 2-го августа: слѣдовательно подождать нужно было-бы только 9 дней. Въ продолженіе этого времени, судя по средней сложности обыкновенныхъ дневныхъ потерь Севастопольскаго гарнизона, изъ онаго убыло-бы до 1,800 челов., а пришло-бы до 8 тыс.; слѣдовательно, чистой прибыли все-таки осталось-бы 6 тыс. челов., не включая въ этотъ разсчетъ выздоравливающихъ.

Но отсрочка атаки до прибытія дружинъ должна быть допущена или нѣтъ, смотря по обстоятельствамъ, и во всякомъ случаѣ мы должны поставить себя въ возможность предпринять атаку и 2-го августа, если непріятель предприметъ что-либо въ этотъ день, (что довольно вѣроятно), какъ канунъ именинъ Наполеона. Если же въ сей день ничего не будетъ предпринято, то равномѣрно начать атаку и безъ дружинъ, коль скоро будетъ замѣчено прибытіе новыхъ войскъ моремъ, или, что непріятель усиливаетъ укрѣпленія противъ Черной.

Вотъ мое мнѣніе относительно времени атаки.

Что касается способа исполненія оной, представляется два рода дѣйствій, извѣстные вашему сіятельству.

Первый изъ нихъ представляетъ ту выгоду, что разъ оттѣснивъ французовъ отъ Федюхиныхъ горъ, расположенные у подошвы Гасфортовой горы сардинцы и далѣе, по направленію къ Алсую, турки вѣроятно дрогнули-бы и не выдержали нападенія. Сверхъ того, вся линія непріятельская была-бы разрѣзана на-двое. Но здѣсь довольно важное препятствіе встрѣчается въ переходѣ подъ огнемъ непріятеля водопроводнаго канала, хотя, какъ мнѣ кажется, превосходство наше въ артиллеріи должно служить ручательствомъ въ успѣхѣ этого предпріятія.

При второмъ родѣ дѣйствій, войска наши не встрѣтятъ водопроводнаго канала, и будутъ имѣть дѣло лишь съ сардинцами и турками, а потому, можетъ быть, успѣхъ будетъ стоить менѣе пожертвованій, но, за то, мѣстность закрытѣе, движенія будутъ производиться по тѣснинамъ и крутымъ подъемамъ, хотя впрочемъ, по свидѣтельству лицъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, мѣста сіи доступны для всѣхъ родовъ оружія и войска наши уже проходили тамъ.

Если тѣмъ или другимъ способомъ намъ удастся овладѣть Гасфортовою и Ѳедюхиными высотами, то надлежитъ тамъ сильно укрѣпиться, оставивъ на послѣднихъ цѣлую дивизію, а на Гасфортовой горѣ—нѣсколько баталіоновъ и сильную артиллерію. Съ прочими за тѣмъ войсками отойти на Мекензіеву позицію и въ Чоргунъ, гдѣ оставаться во всегдашней готовности принять атаку непріятеля, если-бы онъ захотѣлъ вновь овладѣть Ѳедюхиными высотами, или самимъ атаковать Сапунъ-гору, если-бы онъ двинулся на приступъ Севастополя.

Во время атаки нашей со стороны Черной, вылазку изъ Севастополя произвести только въ такомъ случаѣ, если-бы непріятель со всѣми своими силами устремился съ Сапунъ-горы на подкрѣпленіе войскъ, расположенныхъ въ долинѣ Черной. Но и въ семъ случаѣ отнюдь не идти далѣе Камчатскаго редута, стараясь по возможности разорить непріятельскія работы, ближайшія къ городу.

Всякое другое дѣйствіе изъ города, въ обширнѣйшемъ размѣрѣ, безъ артиллеріи и кавалеріи, сквозь нѣсколько линій непріятельскихъ траншей, я считаю дѣломъ весьма опаснымъ и могущимъ повлечь за собою самыя пагубныя послѣдствія.

Генералъ-лейтенантъ Бутурлинъ.

Лагерь при Инкерманѣ
29-го іюля 1855 г.

Вслѣдствіе словеснаго приказанія вашего сіятельства, имѣю честь изложить мнѣніе мое относительно предстоящихъ дѣйствій подъ Севастополемъ:

1) Продолжить пассивную оборону города до 1-го ноября было-бы для насъ выгодно: во-первыхъ, по тому, что тогда мы получимъ въ подкрѣпленіе отъ 40 до 50 тыс. челов. государственнаго ополченія, а, между тѣмъ, въ началѣ сентября, прибываютъ сюда до 4.500 рекрутъ, и во-вторыхъ, въ октябрѣ и въ ноябрѣ, наступаетъ такое время года, которое менѣе благопріятно для осаждающихъ, нежели для насъ.

2) Если сѣна теперь достаточно до 15-го октября, то двѣ и даже три недѣли не сдѣлаютъ большой разницы, при усиленныхъ распоряженіяхъ генералъ-интенданта и съ принятіемъ другихъ къ тому мѣръ.

3) Но пассивная оборона можетъ быть нарушена со стороны непріятеля сильною бомбардировкою и даже новымъ штурмомъ. На эти два случая надобно быть готовымъ заблаговременно, и тогда, ни мало не медля, атаковать непріятеля въ полѣ.

4) Если, по какимъ бы то ни было причинамъ, продолжительная пассивная оборона Севастополя невозможна, то выгодно было-бы для насъ удержать ее хотя до половины августа, т. е. до прибытія сюда 12-ти дружинъ Курскаго ополченія, составляющихъ до 10 тыс. челов.

При рѣшительномъ наступленіи съ нашей стороны, кажется, выгоднѣе было-бы направить главную атаку для овладѣнія Чоргуномъ, поддержавъ эту атаку другою, съ Мекензіевой позиціи, для завладѣнія Уральскими горами; но для развлеченія непріятеля необходимо

въ то-же время сдѣлать изъ города двѣ вылазки: одну, — если возможно сильную,—отъ Корниловскаго бастіона, а другую, фальшивую,—изъ центра или праваго фланга оборонительной линіи.

Дежурный генералъ
генералъ-лейтенантъ Ушаковъ.

29-го іюля, 1855 г.

Англо-французская армія, обложившая Севастополь, не смотря на упорныя свои усилія въ теченіе 10-ти мѣсяцевъ, до сего дня не успѣла овладѣть на-скоро укрѣпленнымъ городомъ.

Съ самаго начала непріятель устроилъ громадныя батареи свои въ первой параллели, въ 700 саж. отъ нашихъ верковъ, и продолжительнымъ бомбардированіемъ хотѣлъ, какъ должно полагать, принудить гарнизонъ къ очищенію города; это было тщетное усиліе, напрасное кровопролитіе.

За тѣмъ французскіе инженеры, съ отличнымъ искусствомъ, подвели свои апроши на 40 саж. къ исходящему углу 4-го бастіона и вознамѣрились минами подойти подъ самое укрѣпленіе. Трудность почвы не дозволяла этому предпріятію осуществиться въ столь скорое время. Зима застала осаждающаго, а искусство нашихъ минеръ преградило непріятелю путь къ подземному наступленію.

Зима протекла безъ всякаго рѣшительнаго дѣйствія съ обѣихъ сторонъ.

Второе и даже третье бомбардированіе были также дѣла артиллерійскія, неимѣвшія никакихъ послѣдствій; непріятель не атаковалъ.

Только съ совершеннымъ наступленіемъ весны, когда погода позволила осаждающему съ большею дѣятельностью приняться за работы, начались настоящія осадныя дѣйствія. Передъ редутами за Килен-балкою и Камчатскимъ люнетомъ, непріятель роетъ траншеи, ведетъ апроши, устраиваетъ плацдармы. Онъ явно готовится къ атакѣ Корабельной стороны. Внезапное нападеніе на переднія наши укрѣпленія удается: непріятель овладѣваетъ Селенгинскимъ, Волынскимъ и Камчатскимъ редутами. Увлеченный первымъ успѣхомъ, французскій главнокомандующій рѣшается на атаку главныхъ укрѣпленій. Штурмующія колонны, собранныя въ отдаленныхъ траншеяхъ, послѣ продолжительнаго бомбардированія, устремляются на приступъ, но, встрѣченныя ружейнымъ и картечнымъ огнемъ нашихъ батарей, вынуждены къ отступленію, съ огромною безполезною потерею. Въ одномъ только пунктѣ непріятель успѣваетъ прорваться въ черту укрѣпленій, но за этотъ временный успѣхъ онъ платитъ многочисленными жертвами.

Послѣ кровавой неудачи, союзники снова обращаются къ правильной осадѣ; инженеры и войска ихъ усугубляютъ дѣятельность. Передъ № 3, Малаховымъ курганомъ, № 2, № 5, закладываются новыя параллели, ведутся апроши, устраиваются демонтиръ-батареи, несмотря на безпрерывный огонь нашихъ орудій, морскихъ и полевыхъ, денно и нощно поражающихъ непріятельскихъ рабочихъ. Пространство между рвами нашихъ укрѣпленій и осадными работами видимо сокра-

щается. Настаетъ роковая минута по-настоящему недавно начатой осады.

Близость непріятельскихъ батарей къ атакованнымъ бастіонамъ, превосходство калибровъ союзной артиллеріи, огромныя массы большихъ мортиръ, даютъ осаждающему перевѣсъ надъ нашими оборонительными средствами. Нанесши нашимъ батареямъ существенныя поврежденія, непріятель скрытно сосредоточитъ войска на опредѣленныхъ пунктахъ и стремительно атакуетъ городъ на нѣсколькихъ точкахъ. Поддержавъ во-время ту колонну, которая будетъ имѣть успѣхъ, генералъ Пелисьё можетъ овладѣть однимъ какимъ-нибудь бастіономъ; трудно будетъ выбивать его оттуда, если замолкшій огонь нашихъ батарей не будетъ препятствовать движенію непріятельскихъ резервовъ, а второй линіи обороны нѣтъ, и мѣстность не дозволяетъ устроить таковой.

Послѣ второй неудачи, непріятель, нетревожимый нашими войсками, можетъ оправиться и повторить то-же усиліе; Севастополь ему необходимъ: союзная армія не можетъ вернуться въ Европу иначе, какъ разбитая на голову или овладѣвъ городомъ и рейдомъ.

Между тѣмъ непрерывный огонь, какъ прицѣльный, такъ и навѣсный, производимый съ непріятельскихъ батарей, почти повсюду командующихъ нами занимаемою мѣстностью, ежедневно наноситъ намъ значительный уронъ. Жизнь подъ постояннымъ огнемъ тяжка, и зрѣлище ежедневной убыли товарищей не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на моральное состояніе войскъ: при трудахъ, изнуряющихъ тѣлесныя силы, духъ мало-помалу утрачивается, является равнодушіе.

Потеря наша въ настоящее время простирается до 200 челов. въ день, что въ теченіе мѣсяца составитъ страшный итогъ 6,000 выбывшихъ изъ строя. До зимы, т. е. въ три мѣсяца безъ усиленнаго бомбардированія, мы лишимся по этому разсчету 18,000 челов. Предположивъ, что въ продолженіе этого срока, непріятель сдѣлаетъ одно усиленное трехъ-дневное бомбардированіе, мы должны еще потерять до 5,000 челов., ибо на 3-мъ бастіонѣ въ одинъ день мы лишились 350 челов. ранеными и убитыми. Слѣдовательно, вся потеря будетъ состоять изъ 23,000, что равняется болѣе чѣмъ численности двухъ пѣхотныхъ дивизій такого состава, въ какомъ онѣ врядъ-ли нынѣ могутъ быть.

Это шаткое положеніе Севастополя, котораго гарнизонъ составляетъ цѣлая армія, съ ея начальниками, знаменами и многочисленною артиллеріею, заставляетъ думать о необходимости наступательныхъ дѣйствій, для отдаленія непріятельскихъ работъ и снятія, если можно, осады.

Вслѣдствіе изустнаго приказанія вашего сіятельства, я еще разъ сообразилъ всѣ извѣстныя мнѣ обстоятельства здѣсь, и нынѣ честь имѣю представить краткій очеркъ моего мнѣнія на милостивое ваше благоусмотрѣніе.

Имѣя въ виду, что наступленіе должно имѣть цѣлью оттѣснить непріятеля отъ Севастопольскихъ укрѣпленій въ такой степени, чтобы онъ не могъ предпринять штурма въ тѣхъ выгодныхъ условіяхъ,

при которыхъ онъ нынѣ можетъ на то рѣшиться, мнѣ кажется, что занятіе Ѳедюхиныхъ высотъ рѣшительно не принесетъ желаемаго результата, потому что сильная позиція на Сапунъ-горѣ, обороняемая хотя-бы на примѣръ тѣми же войсками, которыя теперь на Ѳедюхахъ, достаточно обезпечиваетъ осаждающій корпусъ отъ наступленія нашего ему въ тылъ, по крайней мѣрѣ на время приступа, и не мѣшаетъ ни бомбардированію, ни рѣшительному наступленію на наши укрѣпленія. Не говоря уже о войскахъ, находящихся въ Балаклавѣ, которыя не будутъ стоять въ это время въ одномъ наблюдательномъ положеніи.

Занятіе Чоргуна близъ Комаровъ не воспретитъ непріятелю входа въ Байдарскую долину, а на участь осаждающаго города не будетъ имѣть ровно никакого вліянія, кромѣ, можетъ быть, незначительнаго уменьшенія благосостоянія войскъ въ союзномъ лагерѣ.

Занятіе Камчатскаго редута и 24-хъ-орудійной англійской батареи, конечно, отложитъ на значительное время минуту приступа противъ укрѣпленій лѣвой половины оборонительной линіи, но не спасетъ Корабельной стороны отъ ужасовъ бомбардированія.

Между тѣмъ непріятель, оттѣсненный отъ Корнилова, 2-го и 3-го бастіоновъ, можетъ обратить всѣ свои усилія противъ правой половины нашей оборонительной линіи; 1-е и 2-е отдѣленія, при всей многочисленности ихъ артиллеріи, при всей числительности гарнизоновъ каждаго отдѣльнаго укрѣпленія, представляютъ гораздо менѣе выгодъ для обороняющагося въ минуту приступа. На Корабельной сторонѣ бастіоны расположены по кривой выгнутой линіи; за ними свободное, болѣе ровное пространство, по которому могутъ безпрепятственно двигаться войска даже колоннами; резервы, расположенные въ центрѣ, могутъ быть направляемы, по волѣ одного начальства, куда надобность укажетъ; начальникъ, находясь у острога или у бывшихъ Бѣлостокскихъ казармъ, видитъ всю линію, ввѣренную его попеченію, и можетъ слѣдить за всѣмъ ходомъ дѣла.

На правой-же сторонѣ укрѣпленія расположены на одной почти прямой линіи; мѣстность за ними пересѣченная: вслѣдъ за небольшою площадкою начинается глубокая артиллерійская балка, усѣянная многочисленными полуразрушенными зданіями; улицы неправильны; подъемы круты и каменисты; каждый бастіонъ долженъ имѣть особый резервъ; войска, находящіяся въ центральномъ резервѣ, врядъ-ли поспѣютъ на угрожаемый пунктъ во-время; главный начальникъ не можетъ лично руководить всѣмъ дѣломъ; на каждомъ пунктѣ необходимъ особый самостоятельный начальникъ, который имѣлъ-бы средства и право распоряжаться.

И такъ, отразивъ нападеніе непріятеля на Корабельную часть города, мы его по неволѣ заставимъ обратиться на ту часть, гдѣ, безъ сомнѣнія, онъ встрѣтитъ болѣе выгодныя для атаки обстоятельства. Слѣдовательно это будетъ не только полу-мѣра, но даже пагубное для Севастополя предпріятіе.

Для отвращенія вредныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ подобнаго рода движенія, даже при успѣхѣ, остается одно лишь средство: не ослабляя гарнизона правой половины, напротивъ, уси-

лить его, и одновременно съ вылазкою съ Корабельной части предпринять наступленіе и здѣсь, съ цѣлью овладѣть высотами передъ кладбищемъ и вправо отъ него лежащими, и утвердившись на нихъ, на мѣстахъ гдѣ было дѣло съ 10-го на 11-мая, отбросить и здѣсь всѣ осадныя работы непріятеля. Подобная мѣра потребуетъ еще многочисленныхъ жертвъ, подвержена большому сомнѣнію въ успѣхѣ, а въ случаѣ удачи—значительно увеличитъ линію обороны, и безъ того весьма пространную.

Взвѣсивъ всѣ вышесказанныя обстоятельства и вполнѣ оцѣнивая крайность, въ которой находится Севастополь, мнѣніе мое состоитъ въ томъ, что дальнѣйшей медлительности допускаемо быть не можетъ, что слѣдуетъ принять энергическія и рѣшительныя мѣры, безъ которыхъ могутъ скчасно произойти самыя пагубныя послѣдствія, какъ отъ искуснаго и настойчиваго дѣйствія непріятельскихъ полководцевъ, такъ и отъ какой-либо частной оплошности съ нашей стороны, за которую, при настоящемъ натянутомъ положеніи гарнизона, никакъ ручаться невозможно, и которую, можетъ быть, не удастся исправить въ самую критическую минуту. Мѣры эти должны привести насъ къ настоящему результату и дать видимое, существенное преимущество надъ непріятелемъ; иначе это будетъ напрасная трата людей, которые могутъ быть еще полезны Россіи и Царю.

По этому я предлагаю одно изъ двухъ: или, сохраняя Севастополь, рѣшительнымъ наступленіемъ овладѣть Камчатскимъ редутомъ, 24-хъ-орудійною батареею, Зеленою горою, и наконецъ—Викторіею, вытѣснить непріятеля съ его позиціи на оконечности Сапунъ-горы за Киленъ-балкою и утвердиться на пространствѣ между Каменоломнымъ оврагомъ и Делагардіевою балкою. Успѣхъ этого предпріятія доставитъ намъ ту выгоду, что всѣ осадныя работы непріятеля и его батареи лѣвой половины будутъ въ нашихъ рукахъ; что усилія его противъ правой части оборонительной линіи будутъ парализованы, траншеи будутъ продольно обстрѣливаться съ Зеленой горы, и союзники не дерзнутъ штурмовать 4-го и 5-го бастіоновъ, имѣя во флангѣ значительный отрядъ нашихъ войскъ. Федюхины высоты, Чоргунъ, очищаются сами собою. Дороги, спускающіяся съ Сапунъ-горы, самая Саперная дорога и Инкерманскій мостъ—свободны. Непріятель, если онъ не успѣетъ въ первый-же день выбить насъ со вновь занятой нами позиціи, будетъ принужденъ сосредоточиться въ Балаклавѣ и Камышевой бухтѣ, не имѣя между этими двумя пунктами свободнаго сообщенія, ибо наша кавалерія, владѣя всходами на плоскость Сапунъ-горы, будетъ въ состояніи воспрепятствовать всякому движенію непріятельскихъ войскъ.

Приведеніе этой мѣры въ исполненіе не терпитъ отлагательства; не далеко то время, когда, по причинѣ порчи дорогъ, всѣ доставки сдѣлаются затруднительными, а продовольствіе лошадей будетъ невозможно.

Полный комплектъ патроновъ на 65-тысячную армію равняется 6,500,000 патроновъ. Для совершеннаго обезпеченія дѣйствующаго отряда нужно по крайней мѣрѣ 13 милліоновъ патроновъ, чтобы не подвергнуть войска наши опасности быть безнаказанно разстрѣлен-

нымъ непріятелемъ. Имѣя подобный запасъ, мы можемъ дѣйствовать смѣло, ибо союзники врядъ-ли могутъ быть готовы къ отраженію подобнаго предпріятія.

Если-же это предположеніе сочтется неудобоисполнимымъ, то остается еще не менѣе рѣшительная мѣра, которую, я даже считаю болѣе дѣйствительною и вѣрнѣе ведущею къ главной цѣли, т. е. изгнанію союзниковъ изъ Крыма.

Укрѣпивъ Сѣверный берегъ бухты по возможности большимъ числомъ батарей, вооруженныхъ орудіями большаго калибра, вывести гарнизонъ изъ города и Корабельной слободки и взорвать покинутыя нами укрѣпленія. Слава русскаго оружія, 10 мѣсяцевъ защищавшаго городъ противъ постоянно превосходнаго непріятеля, отбившаго рѣшительный штурмъ, произведенный лучшими войсками французской и англійской армій, не однимъ огнемъ, но и штыками, ни мало не страдаетъ отъ произвольнаго очищенія города, гдѣ все почти разрушено, гдѣ техническихъ заведеній Адмиралтейства уже нѣтъ, гдѣ запасы, существовавшіе для ремонта флота, уже давно истощены для оборонительныхъ работъ.

Рейдъ съ оставленіемъ города не дѣлается доступнымъ для союзнаго флота, а батареи, построенныя на возвышенности Сѣверной стороны, командуя самымъ городомъ, возбранятъ непріятелю прочное въ немъ водвореніе, гдѣ онъ, впрочемъ, не можетъ найти никакого убѣжища.

Корабли, находящіеся въ настоящее время на рейдѣ, ежечасно могутъ быть взорваны или потоплены, а съ наступленіемъ холодной зимы, по-неволѣ, будутъ разобраны на дрова для многочисленныхъ потребностей гарнизона.

Слѣдовательно, обороняя нынѣ Севастополь, мы въ сущности защищаемъ лишь призракъ — имя безъ настоящаго значенія.

Оставивъ Севастополь, ваше сіятельство собираете въ одно цѣлое 90-тысячную армію, свободную для дѣйствій во всѣхъ пунктахъ Крыма и не подвергаемую болѣе многочисленнымъ и безполезнымъ потерямъ, какія мы несемъ нынѣ отъ бомбардированія.

Вы пріобрѣтаете 40 тыс. воиновъ, испытанныхъ всѣми ужасами осады и свыкшихся со всѣми опасностями, солдатъ, какихъ, конечно, не бывало въ Россіи и нѣтъ ни въ одной современной арміи.

Непріятель, овладѣвъ покинутою грудою развалинъ, не пріобрѣтаетъ ничего: бухта всё-таки не есть его собственность, онъ по прежнему заключенъ въ тѣсномъ пространствѣ между Черною рѣчкою и Херсонесомъ, а Крымская армія, неприкованная къ одной безусловной точкѣ, конечно, можетъ возбранить союзникамъ входъ въ Байдарскую долину и оттѣснить ихъ отъ Черной рѣчки на возвышенность Сапунъ-горы и къ Балаклавѣ.

Девяносто-тысячная армія, каковую вы будете имѣть тогда, можетъ, конечно, съ успѣхомъ предпринять то, на что 40 тыс. вспомогательнаго войска не могутъ рѣшиться.

Вашему сіятельству предстоитъ завидная участь повести войска въ славный бой и заслужить блестящею побѣдою имя героя, или, подобно Кутузову, оставивъ городъ, пріобрѣсти еще болѣе лестную

славу спасителя русской арміи, которой суждено подъ вашимъ начальствомъ совершить громкій подвигъ избавленія Крыма и Россіи.

Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ.

28 іюля 1855 г.

Въ запискахъ, представленныхъ мною вашему сіятельству, 25-го, 26-го и 28-го іюля, изложено два предположенія: одно состоитъ въ томъ, чтобы наступать изъ города 65-ю тысячами, причемъ штурмъ Чоргуна и Федюхиныхъ высотъ безполезенъ, а другое—въ очищеніи города, для сосредоточенія арміи въ одно цѣлое, не съ другимъ какимъ-либо намѣреніемъ, а собственно для того, чтобы вѣрнѣйшимъ, по моему мнѣнію, способомъ спасти Севастополь отъ неминуемой гибели.

Какъ то, такъ и другое предпріятіе должно совершиться по возможности въ скорѣйшемъ времени, а вслѣдъ за оставленіемъ города, никакъ не позже двухъ дней послѣ онаго, слѣдуетъ перейти въ рѣшительное наступленіе.

Соображая средства къ переводу войскъ съ Южной на Сѣверную сторону бухты, рождается мысль, что мостъ, нынѣ строющійся, необходимъ для перевоза гарнизона Городской части, съ тѣмъ, чтобы всѣ перевозочныя средства употребить собственно для Корабельной части и совершить все движеніе въ одну ночь. Но мостъ сей не можетъ поспѣть къ назначенному сроку и задержитъ исполненіе этого проекта до начатія предстоящаго бомбардированія. По этому я полагаю, что будетъ удобнѣе, оставивъ правую половину оборонительной линіи, перевести гарнизонъ Городской части на Корабельную и присоединить его къ собраннымъ тамъ для наступленія войскамъ, что составитъ отрядъ въ 75 тыс., оставивъ на Инкерманѣ 15 тыс. пѣхоты и всю кавалерію, для прикрытія Сѣверной стороны.

Съ этими войсками можно навѣрно овладѣть командующими Корабельною стороною высотами, какъ сказано въ запискахъ 26-го и 28-го іюля, имѣя передъ собою открытое поле—утвердиться на пространствѣ отъ Делагардіевой балки къ старому редуту, до спуска южно-бережскаго шоссе къ Сапунъ-горѣ. Такимъ образомъ сохраняется рейдъ, весь флотъ на немъ стоящій, который можетъ быть введенъ во внутрь бухты, пріобрѣтаются три пути сообщенія: съ Чоргуномъ, Инкерманомъ и Сѣверною стороною, и возможность сосредоточить всю армію въ одно цѣлое, для свободнаго дѣйствія, не теряя Севастополь.

Владѣя ключемъ непріятельской позиціи, т. е. Сапунъ-горою, намъ легко будетъ окончательно оттѣснить союзниковъ къ морю. 25 тыс. войска достаточно для занятія новой линіи, втрое меньшей нынѣшней; остальная часть арміи можетъ быть употребляема, по усмотрѣнію вашего сіятельства, гдѣ-бы ни встрѣтилась надобность въ нашихъ войскахъ, тогда какъ теперь малѣйшая диверсія со стороны непріятеля ставитъ насъ въ крайне затруднительное положеніе.

Эта мѣра всё-таки требуетъ скораго на нее рѣшенія и не менѣе

поспѣшнаго приведенія въ исполненіе, даже не дожидаясь прибытія дружинъ.

Атака же Сапунъ-горы съ 50 тыс. со стороны Черной рѣчки, по недоступности мѣстности и укрѣпленіямъ на ней находящимся, не будетъ имѣть никакого успѣха, обезсилитъ городъ и повлечетъ за собою лишь одну потерю. Одновременная-же съ этимъ вылазка съ 20-ю тыс. съ лѣвой половины на Камчатскій редутъ совершенно погубитъ, и городъ, и армію.

Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ.

30 іюля.

Эта записка представлена г. главнокомандующему послѣ окончанія военнаго совѣта.

На вопросы, Вашимъ сіятельствомъ вчерашняго числа предложенные, имѣю честь, по долгу вѣрноподданнаго и крайнему разумѣнію, изложить мое мнѣніе:

Оставаться въ Севастополѣ въ пассивномъ состояніи на продолжительное время, по многоразличнымъ причинамъ, какъ въ военномъ, такъ и въ административномъ отношеніи, мы не можемъ.

Непріятель уже приблизился на многихъ пунктахъ на весьма близкое разстояніе къ нашимъ веркамъ, такъ что послѣ усиленной и продолжительной бомбардировки какой-либо части, атака его можетъ быть даже успѣшною, несмотря на то самоотверженіе и храбрость, съ которыми войска будутъ защищать.

Результатъ успѣшной атаки можетъ повлечь за собою потерю Севастополя и большей части гарнизона.

Для перехода въ наступательное положеніе представляются два способа:

1) атаковать непріятеля изъ Севастополя.

2) атаковать со стороны Черной рѣчки.

Къ приведенію въ исполненіе перваго, необходимо въ той части города, изъ которой будетъ назначена атака, сосредоточить значительныя массы войскъ и не менѣе 50-ти тысячъ.

Скрыть переправу и размѣщеніе такой массы войскъ отъ непріятеля мы не имѣемъ возможности; слѣдовательно онъ уже приготовится.

За тѣмъ, для вывода войскъ къ бою, изъ-за нашихъ оборонительныхъ укрѣпленій мы не имѣемъ удобныхъ выходовъ; выдвигать же частями, чрезъ амбразуры и другіе незначущіе ходы, почти поодиночкѣ, и устраивать въ виду непріятеля,—потребуетъ много времени, тогда какъ онъ будетъ зорко слѣдить за каждымъ нашимъ шагомъ, и открывъ начало наступленія, подвергнетъ неустроенныя еще части сильному артиллерійскому и ружейному огню, слѣдовательно — вначалѣ разстройству, а вмѣстѣ и все предпріятіе можетъ неудаться.

Допустивъ, что, несмотря на всѣ затрудненія и неминуемую значительную потерю, успѣхъ будетъ на нашей сторонѣ и мы займемъ

какой-либо важный пунктъ, который, чтобы удержать, необходимо укрѣпить, а до того имѣть постоянно массы войскъ совершенно открытыми дѣйствію артиллеріи, что, съ потерею, затруднитъ и работы. Непріятель, высмотрѣвъ наше положеніе, черезъ сутки или болѣе, сосредоточитъ свои силы въ большей численности, употребитъ всѣ усилія сбить насъ и, при возможной удачѣ, вмѣстѣ съ нами ворвется въ укрѣпленія.

Наконецъ, ежели намъ вполнѣ удается удержать за собою занятый пунктъ и наономъ укрѣпиться, то мы не выходимъ изъ пассивнаго положенія, ибо союзники перенесутъ свою атаку на другую половину города, такъ какъ ихъ подступы на обѣихъ половинахъ одинаково близки.

А посему мы изъ пассивнаго состоянія не выходимъ, а неминуемо понесемъ весьма значительную потерю въ войскахъ, и безъ того въ численности ослабленныхъ, но за то не упавшихъ духомъ.

Второе предложеніе.

Атака со стороны Черной рѣчки можетъ принести временную только пользу. Она озаботитъ непріятеля, принудитъ стянуть растянутыя части снова въ Балаклавскій лагерь и на Сапунъ-гору, въ свои укрѣпленія.

Севастополь же останется въ одинаково невыгодномъ положеніи, и даже нѣсколько худшемъ.

Ежели ограничиться занятіемъ и укрѣпленіемъ Чоргунской позиціи и имѣть тамъ не болѣе 1½ дивизіи пѣхоты и части кавалеріи, а остальныя войска сколь возможно поспѣшнѣе приблизить къ Севастополю, то и тутъ положеніе наше ни мало не измѣнится.

При семъ долгомъ считаю присовокупить, что нѣсколько-дневное отсутствіе войскъ изъ Севастополя и его ослабленіе подвергнутъ городъ величайшей опасности. Союзники, одновременно съ дѣломъ на Черной рѣчкѣ, могутъ атаковать и даже взять его, ибо всѣ значительныя силы непріятеля такъ близки, что онъ на нѣсколько часовъ ихъ сосредоточитъ, тогда какъ наши, будучи въ отдаленіи, не будутъ и видѣть происходящаго, а тѣмъ болѣе подать какую-либо помощь.

А посему, для облегченія только временно Севастополя, а вмѣстѣ и стѣсненія непріятеля въ его позиціи, полагалъ-бы произвести атаку на Чоргунъ, но отнюдь не всѣми войсками, а только большею частью, примѣрно пятью дивизіями, оставя большіе резервы въ Севастополѣ и на Сѣверной сторонѣ.

На второй вопросъ — „въ какое время“:

Какъ изъ свѣдѣній, имѣемыхъ отъ перебѣжчиковъ, слѣдуетъ заключить, что 3-го (15) августа, есть намѣреніе произвести атаку, то полагаю, что овладѣніе Чоргунскою позиціею наканунѣ этого времени удержитъ его отъ штурма, хотя, быть можетъ, на нѣкоторое время. Но разъясненіи же нашихъ намѣреній онъ еще съ большими усиліями будетъ дѣйствовать противъ Севастополя.

Генералъ-лейтенантъ Семякинъ.

Г. Севастополь.
29-го іюля 1855 г.

Въ запискѣ, поданной сего числа, на вопросы вашего сіятельства я ограничился только разсмотрѣніемъ возможности выйти изъ пассивнаго положенія нашего, не оставляя Севастополя, и пришелъ къ тому убѣжденію, что переходомъ въ наступательное положеніе мы не достигнемъ положительно полезныхъ результатовъ: Севастополь останется по прежнему въ пассивномъ положеніи, и только лишь на нѣкоторое время отсрочится катастрофа.

И такъ, если оборона Севастополя на прежнемъ основаніи признается невозможною, а наступленія изъ города и отъ Черной рѣчки не обѣщаютъ полезнаго исхода, то, по моему убѣжденію,—разсматривая вопросъ, не вдаваясь въ политическія соображенія, которыя мнѣ вовсе неизвѣстны,—необходимы: совершенное оставленіе Севастополя и переводъ войскъ и всѣхъ годныхъ орудій и снарядовъ на Сѣверную сторону, уничтоживъ остальное взрывами. Укрѣпить высоты Бухты и Черной, занявъ Чоргунскую позицію достаточнымъ отрядомъ, представляетъ большія выгоды въ смыслѣ стратегическомъ, а именно:

1) Армія будетъ сосредоточена на недоступной позиціи, не подвергаясь непріятельскому огню и по своей численности неодолимая.

2) Непріятель, пріобрѣтя развалины Севастополя, будетъ самъ поставленъ въ пассивное положеніе, ибо изъ опредѣленной мѣстности не можетъ двинуться. Ежели-же пожелаетъ перенести театръ войны, переводомъ войскъ на судахъ, на другой пунктъ Крыма, то ему всегда можетъ быть противупоставлена значительная армія, оставя при Севастополѣ сколько надобность укажетъ. Наконецъ,

3) Занимая позицію на высотахъ Сѣверной стороны и владѣя высотами Чоргуна, никогда не будетъ поздно, воспользовавшись обстоятельствами, которыя могутъ представиться, нанести непріятелю рѣшительный ударъ наступленіемъ на правый его флангъ.

Генералъ-лейтенантъ Семякинъ.

Г. Севастополь
29-го іюля 1855 г.
Эта записка представлена г. главнокомандующему послѣ окончанія военнаго совѣта.

Поздній приходъ сильныхъ подкрѣпленій, назначенныхъ для дѣйствій въ Крыму, и количество сѣна, могущее прокормить лошадей въ нынѣшнемъ ихъ составѣ только до 15-го октября, показываютъ ясно, что намъ нельзя до того времени оставаться въ бездѣйствіи. Хотя пороху въ настоящее время у насъ и достаточно, но снарядовъ, въ особенности разрывныхъ,—мало, и доставляется ихъ менѣе нежели расходуется, даже при теперешней слабой стрѣльбѣ. Мастеровые и матеріальныя средства отъ порта, необходимые для обороны Севастополя, съ каждымъ днемъ уменьшаются и въ настоящее время уже ничтожны. Убыль морской прислуги у орудій, за неимѣніемъ матросовъ,

пополняется солдатами, и лучшіе наши комендоры перебиты. Потеря гарнизона отъ ежедневной, хотя и не сильной бомбардировки- очень ощутительна. Отплытіе вдругъ значительнаго числа непріятельскихъ пароходовъ показываетъ, что въ скоромъ времени должно ожидать прибытія свѣжихъ ихъ войскъ. Всѣ эти обстоятельства приводятъ къ тому заключенію, что мы должны ускорить наши наступательныя дѣйствія.

Весьма было-бы выгодно до начатія наступательныхъ дѣйствій дождаться прибытія Курскихъ дружинъ и построенія моста черезъ бухту; но какъ числительность Курскаго ополченія незначительна, а мостъ можетъ быть оконченъ не ранѣе 15-го августа, и притомъ, разсчитывая почти навѣрное, что непріятель прежде этого срока откроетъ снова общую усиленную бомбардировку, которая будетъ губительнѣе всѣхъ прежнихъ, (потому что батареи и подступы его на всѣхъ пунктахъ теперь гораздо ближе къ намъ), и которая, истребивъ значительно гарнизонъ, разстроитъ наши планы,—а потому на предложенные вопросы имѣю честь отвѣчать слѣдующее:

По мнѣнію моему, не ожидая окончанія постройки моста и прибытія Курскихъ дружинъ, слѣдуетъ приступить немедленно къ наступательнымъ дѣйствіямъ, не теряя нисколько времени.

Вице-адмиралъ Новосильскій.

Севастополь
29-го іюля 1855 г.

([10]) „Je marche à l'ennemi parceque si je ne le fesait point, Sévastopol serait tout de même perdu dans un tems très court. L'ennemi procède avec lenteur et circonspection; il a reuni une masse de projectiles fabuleuse dans ses batteries; cela se voit à l'oeil nu. Ses approches nous resserent de plus en plus, et il n'y a presque plus d'endroit à Sévastopol qui ne soit battu; des balles sifflent sur la place de St. Nicolas. Il n'y a pas à s'abuser; j'aborde l'ennemi dans des conditions détestables. Sa position est très forte: sur sa droite la montagne de Hasfort presqu'à pic et très fortifiée; sur sa gauche les montagnes de Федюхины, devant les quelles court un canal profond, encaissé, rempli d'eau et qu'on ne pourra franchir que sur des ponts qu'il faudra jeter sous le feu *à bout portant* de l'ennemi. J'ai 43 m. hommes de pied; si l'ennemi a du bon sens, il m'en opposera 60 m.

„Si—ce que j'espère peu—la fortune me favorise, je verrai à tirer parti de mon succès. Dans le cas contraire, il faudra se resigner à la volonté de Dieu. Je me replierai sur le Mekenzie et verrai à évacuer Sévastopol avec le moins de perte possible. J'espère que le pont sur la baye sera prêt à tems et que cela me facilitera la besogne.

„Veuillez Vous souvenir de la promesse que Vous m'avez faite de me justifier en tems et lieu. Si les choses tournent mal, il n'y en a pas de ma faute. J'ai fait le possible. Mais la donnée était trop difficile depuis le moment de ma venue en Crimée".

(Письмо князя Горчакова военному министру, отъ 3 (15) августа 1855 г.).

(11) Тотлебенъ.

(12) Изъ записокъ очевидца (А. Э. Ц.).

(13) Составъ сардинской арміи, подъ начальствомъ генерала Ламормора.

Дивизія генерала Дурандо.

бригада Фанти	3-й, 4-й, 5-й и 6-й линейные	5 батал.	3,100 челов.
	2-й берсальерскій	съ 6-ю оруд.	
бригада Чіальдини	7-й, 8-й, 13-й и 14-й линейные . .	5 батал.	
	3-й берсальерскій	съ 6-ю оруд.	

Дивизія генерала Тротти.

бригада Монтескіо	9-й, 10-й, 15-й и 16-й лин.	5 батал.	3,480 челов.
	4-й берсальерскій	съ 6-ю оруд.	
бригада Моллара	11-й, 12-й, 17-й и 18-й линейн. . . .	5 батал.	
	5-й берсальерскій	съ 6-ю оруд.	

резервная бригада Джустиніани	1-й и 2-й гренадерскіе, 1-й и 2-й линейные . . .	5 батал.	1,700 челов.
	1-й берсальерскій	съ 6-ю оруд.	

Кавалерія Савоару . . . . . . 4 эскадр. съ 6-ю оруд. 320 челов.

Крѣпостная артиллерія . . . . 1 батал. . . . . 500 челов.

Итого 26 батал. и 4 эскадр. при 36-ти орудіяхъ, въ числѣ 9,100 человѣкъ.

(14) Составъ французскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Гербильона (Herbillon).

2-го корпуса.

2-я пѣхотная дивизія, генерала Каму.

		Офиц.	Нижн. чин.
1-я бригада генерала Вимпфена	3-й зуавск. полкъ . .	35	1,617
	50-й линейный . . .	42	1,360
	Алжирскіе стрѣлки .	64	1,406
2-я бригада генер. Верже	6-й линейн. полкъ . .	39	1,494
	82-й	36	1,394
артиллерія	3-я батар. 12-го полка	2	140
	4-я батар. 13-го полка	3	200

Всего въ дивизіи 221 офицеръ и 7,611 нижн. чин. съ 12-ю орудіями.

3-я пѣхотная дивизія, генерала Фошё.

		Офиц.	Нижн. чин.
1-я бригада генерала Манéка	19-й стрѣлковый батал.	4	479
	2-й зуавской полкъ . .	27	1,491
2-я бригада генер. де Фальй	95-й линейн. полкъ . .	35	743
	97-й	37	748
артиллерія	6-я батарея 7-го полка .	3	140
	6-я батарея 13-го полка	3	182

Всего въ дивизіи 109 офиц. и 3,783 нижнихъ чиновъ съ 12-ю орудіями.

Резервнаго корпуса:

1-я пѣхотная дивизія генерала Гербильона.

		Офиц.	Нижн. чин.
1-я бригада генерала Сенсьè	14-й стрѣлк. батал. . . .	22	875
	47-й линейн. полкъ . . .	48	977
	52-й	43	1,094
2-я бригада генерала Клèра	62-й линейн. полкъ .	53	1,149
	73-й	52	775
артиллерія	3-я батарея 10-го п. .	4	190
	3-я батарея 12-го п. .	4	187

Всего въ дивизіи 225 офицеровъ и 5,247 нижн. чин. съ 12-ю орудіями.

Вообще же во всѣхъ трехъ дивизіяхъ 17,196 челов. съ 18-ю орудіями, а вмѣстѣ съ пятью батареями резерва до 18,000 челов. съ 48-ю орудіями.

([15]) Составъ кавалеріи генерала Моррпса.

		Офиц.	Нижн. чин.
1-я бригада генерала Кассаньоля	1-й полкъ Африканск. конн. егерей.	30	717
	3-й полкъ Африканск. конн. егерей.	29	597
2-я бригада	2-й полкъ Африканск. конн. егерей.	30	468
	4-й полкъ Африканск. конн. егерей.	25	641
	Итого . .	114	2,423

([16]) Кавалерія генерала Скерлета состояла изъ 30 эскадроновъ, въ числѣ до 3,000 человѣкъ.

([17]) Турецкія войскà, Османа-паши, находились въ составѣ 17-ти баталіоновъ и одного эскадрона, числомъ 9,950 человѣкъ съ 36-ю орудіями.

([18]) Составъ кавалеріи генерала д'Аллонвиля.

		Офиц.	Нижн. чин.
1-я бригада генер. Вальсинъ Эстергази.	1-й гусарскій полкъ	26	462
	4-й	37	578
2-я бригада генер. де Шамперона	6-й драгунскій полкъ	30	548
	7-й	31	422
	Итого . .	124	2,010

([19]) Число Союзныхъ войскъ на р. Черной.

Сардинскія войскà	9,100 челов.	съ 36-ю орудіями.
Пѣхота Гербильона	18,000 »	съ 48-ю орудіями.
Кавалерія Моррпса	2,600 »	,,
Турецкія войскà	9,950 »	съ 36-ю оруд.
Всегоже	39,650 челов.	съ 120-ю оруд.

(Эти цифры заимствованы изъ сочиненій Ніеля и Тотлебена).

([20]) Тотлебенъ.

(21) Guérin. Histoire de la guerre de Russie (1853—1856). II. 341.

(22) Составъ русскихъ войскъ, назначенныхъ для атаки непріятеля на рѣкѣ Черной.

Правое крыло, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Реада.

7-я пѣхотная дивизія генералъ-лейтенанта Ушакова.

Смоленскій пѣхотный полкъ	3 бат.	1,564 челов.
Могилевскій	3 »	1,387 »
Витебскій егерскій	3 »	1,603 »
Полоцкій	3 »	1,718 »

При ней 8-й артиллерійской бригады.

Батарейная батарея № 3	12 орудій.
Легкая батарея № 3	6 »
» » № 4	8 »
» » № 5	8 »

12-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Мартинау.

Азовскій пѣхотный полкъ	4 бат.	2,080 чел.
Украинскій егерскій	4 »	1,990 »
Одесскій	4 »	1,960 »

При ней 14-й артиллерійской бригады:

Батарейная батарея № 3	12 орудій.
Легкая батарея № 3	6 »
» » № 4	6 »
2-й стрѣлковый баталіонъ	619 чел.
Рота 2-го саперпаго баталіона	120 »
Уланскій Велик. Княгини Екатерины Михаиловны полкъ 8 эск.	943 »
При немъ конно-легкой батареи № 26	4 орудія.
Донской казачій № 37 полкъ . . . . 6 сот.	849 чел.

Итого 14,833 человѣка съ 62-мя орудіями.

Лѣвое крыло, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди.

6-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Бельгарда:

Низовскій егерскій полкъ	4 бат.	2,353 чел.
Симбирскій	4 »	2,346 »

12-й пѣхотной дивизіи:

Днѣпровскій пѣхотный полкъ	4 бат.	2,010 чел.

При нихъ 6-й артиллерійской бригады:

Батарейная батарея № 4	12 орудій.
Легкая батарея № 6	8 »
» » № 8	8 »
Взводъ горной артиллеріи	2 »

17-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора Веселитскаго.

Московскій пѣхотный полкъ	4 бат.	1,753 чел.
Бутырскій	4 »	1,696 »

Лейбъ-егерскій Бородинскій Его Величества полкъ 4 бат. 1,855 чел.
Тарутинскій егерск. . . . . 4 » 1,858 »
При ней 16-й артиллерійск. бриг. Батарейн. батарея № 1 12 орудій.
Легкая батарея № 2 . . . . 8 »
17-й артилл. бригады Батарейная батарея № 3 . . . . . . 8 »
7-й артиллерійск. бригады Батарейная батарея № 1 . . . 12 »
3-й стрѣлковый баталіонъ . . . . 650 чел.
Три роты 6-го стрѣлк. баталіона . . . . 300 »
Рота 3-го саперпаго баталіона . . . . 152 »
Греческій легіонъ Императора Николая I . . . . 500 »
Двѣ сотни донскаго казачьяго № 9 Ооміна полка . . . . . 276 »

Итого 15,889 челов. съ 70-ю орудіями.

Главный пѣхотный резервъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шепелева.

4-я пѣхотная дивизія.

Бѣлозерскій пѣхотный полкъ . . . . 4 бат. 2,773 чел.
Олонецкій . . . . 4 » 2,480 »
Шлиссельбургскій егерск. . . . . 2 » 1,091 »
Ладожскій . . . . 4 » 2,281 »
При ней 4-й артиллерійск. бригады Батарейн. батар. № 2 . 8 орудій.
5-я пѣхотная дивизія генер. маіора Вранкена.
Архангелогородскій Великаго Князя Владиміра Александровича пѣхотный полкъ . . . . 4 бат. 2,566 чел.
Вологодскій пѣхотн. полкъ . . . . 4 » 2,556 »
Костромской егерск. . . . . 4 » 2,450 »
Галицкій . . . . 4 » 2,531 »
При ней 5-й артилл. бригады: Батарейная батарея № 3 . . 12 орудій.
Легкая батарея № 4 . . . . 8 »
» » № 5 . . . . 8 »
Двѣ роты 2-го саперпаго баталіона . . . . 240 чел.

Итого 18,968 человѣкъ съ 36-ю орудіями.

Артиллерійскій резервъ, подъ начальствомъ полковника князя Челокаева.

9-й артиллерійской бригады:

Батарейная батарея № 4. . . . . 12 орудій.
Легкая батарея № 6. . . . . 8 »
» » № 7. . . . . 8 »
» » № 8. . . . . 8 »

10-й артиллерійской бригады:

Батарейная батарея № 1 . . . . 12 орудій.
» » № 2 . . . . 12 »
Конно-батарейн. батарея № 24 . . . . 8 »
Донская Конно-батарейная батарея № 3 . . . . 8 орудій.

Итого 76 орудій.

Главный кавалерійскій резервъ, подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи Шабельскаго.

1-я бригада 1-й драгунской дивизіи:

Лейбъ-драгунскій Его Величества (Московскій) полкъ 10 эск. 1,425 ч.
Драгунскій Великаго Князя Константина Николаевича (Каргопольскій) полкъ . . . . 10 эскадр. 1,452 ч.
1-я бригада 2-й драгунской дивизіи:
Драгунскій принца Эмилія Гессенскаго (Казанскій) полкъ . . . . 10 эскадр. 1,476 »
Рижскій драгунскій полкъ . . . . 10 » 1,375 »
Пикинерный дивизіонъ финляндскаго драгунскаго полка . . . . 2 » 279 »
Новомиргородскій уланскій полкъ . . . . 8 » 996 »
Донскаго казачьяго № 61 полка . . . . 3 сотни 400 »
Уральскій казачій № 1 полкъ . . . . 6 » 792 »
Конно-батарейн. батарея № 21 . . . . 8 орудій.
Конно-легкія батареи №№ 22 и 23 . . . . 16 »
Конно-легкой батареи № 26 . . . . 4 »

Итого 8,195 человѣкъ съ 28-ю орудіями.

(23) Описаніе сраженія на р. Черной, при отношеніи князя Горчакова военному министру, отъ 6 (18) августа 1855 года.

(24) Составъ лѣво-флангового отряда, генералъ-маіора Миттона.

Нижегородскій пѣхотный полкъ . . . . 4 батал. 1,267 чел.
Шлиссельбургскаго егерск. полка . . . . 2 » 1,091 »
Финляндскаго драгунскаго полка . . . . 8 эскадр. 1,118 »
Донской каз. № 23 Валуева полкъ . . . . 6 сотенъ. 804 »
Донскаго каз. № 9 Ѳомина полка . . . . 4 сотни 553 »
6-й артилл. бригады легкая батарея № 7 . . . . 8 оруд.
Конно-легкой батареи № 25 . . . . 4 »
Команда саперъ.

Итого 4,833 челов. съ 12-ю орудіями.

(25) Составъ тыльнаго отряда, генералъ-маіора Халецкаго.

Гусарскій Великаго Князя Николая Максимиліановича (Кіевскій) полкъ . . . . 8 эскадр. 1,041 ч.
Донской каз. № 56 Золотарева полкъ . . . . 6 сот. 796 »
Конно-легкой батареи № 25 . . . . 4 орудія

Итого 1,837 чел. съ 4-мя орудіями.

(26) Составъ Инкерманскаго отряда, генералъ-маіора Попова.

2-я бригада 7-й резервной пѣхотной дивизіи:

Витебскій резервн. егерск. полкъ . . . . 3 бат. 1,490 ч.
Полоцкій . . . . 3 бат. 1,513 ч.
Рота 6-го стрѣлковаго баталіона . . . . 105 »
11-й арт. бригады батар. батарея № 3 . . . . 12 оруд.
7-й арт. бригады легкой батареи № 1 . . . . 4 »
Донскаго каз. № 57 Тацына полка . . . . 3 сотни 385 ч.

Итого 3,493 человѣка съ 16-ю орудіями.

(27) Диспозиція для вылазки съ Корабельной стороны, за подписью генералъ-маіора князя Васильчикова.

(28) Общая диспозиція для наступленія Крымской арміи, съ 3-го на 4-е августа.

(29) Тотлебенъ.

(30) Niel. Siége de Sevastopol. 365—366.—Correspondance du Times: „Depuis quelques jours les indices d'une attaque imminente étaient devenus de plus en plus fréquens. Des mouvemens de troupes dans les environs de Sévastopol, les assertions uniformes des déserteurs et enfin les renseignemens fournis par les Tartares, qui apportaient continuellement des nouvelles des lignes russes, tout nous avertissait que les Russes, ayant reçu une partie des renforts qu'ils attendaient, se proposaient de courir encore une fois la chance d'un mouvement agressif.

„Quoique la ligne de la Tchernaia semblait être le point le plus menacé, toutefois de grands rassemblemens de troupes dans les ouvrages russes avaient fait concevoir la crainte que les assiégés ne tentassent quelque coup de main contre les positions des Alliés devant Sévastopol, et c'est par conséquent de ce côté-la que se porta l'attention des chefs des armées alliées.

„De nouveaux déserteurs arrivés dans la journée d'hier avaient annoncé avec assurance une attaque prochaine contre les lignes de la Tchernaia. Mais comme la même chose s'était répétée plus d'une fois dans les courant de la dernière quinzaine, il ne fut donné aucun ordre spécial, sinon celui de se tenir prêt à tout événement.“

(31) Бергъ. Записки объ осадѣ Севастополя.

(32) Тотлебенъ.

(33) Кузминъ. Описаніе участія 5-й пѣхотной дивизіи въ дѣлѣ при р. Черной. 9—10.

(34) „Dès ce moment je vis que l'affaire était gatée.“

(Изъ письма князя Горчакова военному министру, отъ 5 (17) августа 1855 г.).

(35) Bazancourt. Expédition de Crimée. L'armée. II. 390.

(36) Bazancourt. II. 390—391.—Guérin. II. 346—350.

(37) Рапортъ главнокомандующему генералъ-лейтенанта Липранди, отъ 17 (29) августа 1855 г.

(38) Записка генералъ-лейтенанта Ушакова объ участіи 7-й пѣхотной дивизіи въ сраженіи 4-го августа при р. Черной.

(39) Niel. 368.

(40) Кузминъ. 13—20.

(41) Тотлебенъ.

(42) Изъ записокъ очевидца.

(43) Описаніе сраженія 4-го августа 1855 года, при р. Черной, доставленное военному министру, при отношеніи князя Горчакова, отъ 6 (18) августа 1855 г.

(44) Тотлебенъ.

(45) Guérin. II. 359.

(46) „A propos de sorties, j'ai oublié de Vous expliquer hier la raison pour la quelle je n'ai pas voulu que la garnison de Sévastopol sortit de son enceinte pendant que nous nous battions sur la Tchernaya. Les parallèles de l'ennemi sont très profondes et la garde de tranchée qui s'y trouve est tou-

jours très nombreuse. On ne peut pas déboucher contre elles sans s'exposer à un feu de mousqueterie extrêmement meurtrier et sans tomber sous la mitraille des nombreuses batteries qui les garnissent. Les troupes sorties n'auraient pu enlever la parallèle la plus rapprochée de nous qu'après avoir éprouvé une perte énorme de manière qu'il leur eût été à peu près impossible d'enlever la parallèle suivante. Une pareille sortie m'aurait coûté énormément de monde sans aucun résultat car l'ennemi était assez fort pour nous faire face des deux côtés. J'ai donc préféré conserver ma garnison intacte et ne pas l'exposer à un combat très meurtrier qui, dans le cas où la chance eût très mal tourné, aurait pu avoir pour résultat d'amener l'ennemi dans la place même avec les troupes repoussées de la sortie."

(47) Описаніе сраженія на р. Черной, и проч. Кромѣ убитыхъ генераловъ: Реада, Вревскаго и Веймарна, и раненыхъ: Вранкена, Проскурякова, Тулубьева и Гриббе, показаны княземъ Горчаковымъ въ числѣ контуженыхъ: начальникъ 3-й артиллерійской дивизіи, генералъ-маіоръ Гагеманъ—въ голову тяжело; командиръ 2-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Левуцкій; оберъ-квартирмейстеръ 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-маіоръ Гротенфельдъ и командиръ 1-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Огаревъ.

(48) Донесеніе генерала Пелисьѐ. — Niel. 369.

(49) Шесть мѣсяцевъ въ Севастополѣ (Военн. Сборн. 1861 г. № 1).

(50) Тамъ же.

(51) Изъ письма Государю Императору князя Горчакова, отъ 5-го августа 1855 года.

(52) Изъ письма Государя Императора князю Горчакову, отъ 11-го августа 1855 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXIV.

---

(1) Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie (1853—1856). II. 379.

(2) Алабинъ. Походныя записки въ войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ. II. 296.—Бергъ. Записки объ осадѣ Севастополя. I. 93.

(3) Алабинъ. II. 298 и 302 — 303.

(4) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.

(5) Тотлебенъ.

(6) Журналъ военныхъ дѣйствій.

(7) Алабинъ. II. 305 — 306.

(8) Алабинъ. II. 312.

(9) Собственно-ручная приписка князя Горчакова (8-го августа) къ письму отъ августа 1855 года.

(10) Тотлебенъ.

(11) Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера. 238—239.

(12) Тотлебенъ.

(13) Бергъ. II. 4—5.

(14) Севастопольскія воспоминанія. 217—218.

(15) Тотлебенъ.

(16) Тотлебенъ.

(17) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму. — Niel. Siége de Sévastopol. 408—409.

(18) Тотлебенъ. — Записки очевидца.

(19) Тотлебенъ.

(20) Журн. военн. дѣйствій.

(21) Алабинъ. II. 329. — Тотлебенъ.

(22) Тотлебенъ.

(23) Изъ письма князя Горчакова военному министру, 12-го августа 1855 г.

(24) Тотлебенъ.

(25) Изъ письма Государю Императору князя Горчакова, отъ 14-го августа 1855 г.

(26) Собственно-ручная приписка князя Горчакова къ письму отъ 14-го августа 1855 г.

(27) Изъ письма князя Горчакова военному министру, отъ 20-го августа 1855 г.

(28) Bazancourt. L'expédition de Crimée. L'armée française. II. 400—401.

(29) Вейгельтъ. Перев. Безака. Осада Севастополя 1854—1856 г.

(30) Bazancourt. II. 401—403.—Guérin. II. 379—381. — Рапортъ генерала Ніеля, отъ 14-го сентября н. ст. 1855 г.

(31) Вейгельтъ.

(32) Число орудій на передовой линіи Севастопольскихъ укрѣпленій.

На 1-мъ отдѣленіи капитана 1-го ранга Зорина	310
На 2-мъ отдѣленіи капитана 1-го ранга Микрюкова . . .	193
На 3-мъ отдѣленіи капитана 1-го ранга Перелешина 1-го .	230
На 4-мъ отдѣленіи капитанъ-лейтенанта Карпова	113
На 5-мъ отдѣленіи капитанъ-лейтенанта Ильинскаго . . .	80
Полевыхъ орудій (безъ лошадей) на всей оборонительной линіи	56
всего . . .	982 оруд.

(33) Съ 5-го (17-го) по 23-е августа (4-е сентября) на оборонительной линіи подбито болѣе ста орудій, которыя, большею частью, не были замѣнены другими.

(34) Вейгельтъ.

(35) Тотлебенъ.

(36) Тотлебенъ. — Вейгельтъ.

(37) Алабинъ. II. 344—345.—Бергъ. II. 10—11.

(38) Тотлебенъ.

(39) Журналъ военн. дѣйствій. — Тотлебенъ.

(40) Тотлебенъ.

(41) Журналъ военн. дѣйствій. — Тотлебенъ.

(42) Алабинъ. II. 348—349.—Тотлебенъ.

(43) Бергъ. II. 16—17.—Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера. 266.

(44) Бергъ. II. 19—20.—Севастоп. воспоминанія. 266—267.—Тотлебенъ.

(45) Тотлебенъ.—Niel.

(46) 27-е и 28-е августа въ Севастополѣ (рукопись неизвѣстнаго автора).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXV.

(¹) Bazancourt. L'expédition de Crimée. L'armée française. II. 411—412.— Вейгельтъ (перев. съ нѣм. Безака). Осада Севастополя 1854—1856.

(²) Niel. Siége de Sévastopol. Journal des opérations du génie. 427—429.— Вейгельтъ.

(³) Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie. II. 387.

(⁴) Niel. 425.

(⁵) Du Casse. Précis historique des opérations militaires en Orient. 350—351.

(⁶) Вейгельтъ.

(⁷) Niel. 425.

(⁸) *На береговыхъ батареяхъ: Александровской* и № 8—резервный баталіонъ Виленскаго полка (400 челов.); № 10—резервный баталіонъ Литовскаго полка (400 челов.).

(⁹) *На І-мъ отдѣленіи:* батарея *Шемякина* (Полынковая) и *6-й бастіонъ*—Волынскій полкъ (2 баталіона, 800 челов.) и сводный резервный баталіонъ Брестскаго полка (400 челов.); *Ростиславскій редутъ* и *люнетъ Бутакова*—Углицкій полкъ (2 батал. 800 чел.), треть полка находилась на работахъ въ минахъ 5-го бастіона и люнета Шварца; *люнетъ Бѣлкина и 5-й бастіонъ*—Подольскій полкъ (2 батал. 800 чел.) и сводный резервный баталіонъ Бѣлостокскаго полка (400 чел.); *люнетъ Шварца и Чесменскій редутъ*—Житомирскій полкъ (2 батал. 1,000 челов.); *позади Чесменскаго редута и въ траншеѣ между Чесменскимъ и Ростиславскимъ редутами* въ ближайшемъ резервѣ 1-го отдѣленія Минскій полкъ (2 батал. 800 челов.).

(¹⁰) *На 2-мъ отдѣленіи:* батареи *Забудскаго* и *Петрова, въ Городскомъ оврагѣ*—Екатеринбургскій полкъ (2 батал. 1,400 чел.); *въ траншеѣ 2-й линіи, въ Городскомъ оврагѣ*—Колыванскій полкъ (2 батал. 1,400 чел.); *4-й бастіонъ* и *батарея Костомарова*—Томскій полкъ, (4 баталіона, 1,600 чел.); *Бульварныя* батареи и *Язоновскій редутъ*—Тобольскій полкъ (4 баталіона, 1,600 челов.).

(¹¹) *Въ главномъ резервѣ Городской стороны: на Городской высотѣ*

и *на Морской улицѣ*—полки Архангелогородскій (4 бат. 1,800 чел.) и Вологодскій (4 бат. 1,400 чел.), подъ начальствомъ генералъ-маіора Дельвига; *на площади близъ Николаевской батареи и на Екатерининской улицѣ*—полки Костромской (4 батал. 1,500 челов.) и Галицкій (4 батал. 1,500 челов.) и 16 орудій легкихъ батарей № 2-го 10-й и № 3-го 11-й артиллерійскихъ бригадъ.

([12]) *На 3-мъ отдѣленіи: на Пересыпи*—Охотскій полкъ (2 батал. 1,500 ч.); *на батареяхъ вправо отъ 3-го бастіона* (Никонова и проч.)—Камчатскій полкъ (2 батал. 1,100 чел.) и 6-й сводный резервный баталіонъ Волынскаго и Минскаго полковъ (350 чел.); *на 3-мъ бастіонѣ*—Владимірскій полкъ (2 батал. 750 челов.); *на батареяхъ влѣво отъ 3-го бастіона* (Яновскаго и Будищева)—Суздальскій полкъ (2 батал. 800 чел.), Якутскій (2 батал. 1,200 чел.) и 47-я дружина курскаго ополченія, 600 челов. *Позади 3-го бастіона, на 2-й оборонительной линіи*—Селенгинскій полкъ (2 батал. 1,200 чел.).

([13]) *На 4-мъ отдѣленіи*: на батареѣ *Жервс*—Вел. Князя Михаила Николаевича (Казанскій) полкъ (2 батал. 900 челов.); *на Малаховомъ курганѣ: по переднему фасу*—Модлинскій рез. полкъ (1 бат. 400 чел.); *по правому фасу и у горжи*—Замостскій рез. полкъ (1 бат. 500 чел.); *по лѣвому фасу и на ретраншаментѣ*—Прагскій рез. полкъ (2 бат. 500 чел.). *На минныхъ работахъ*—Люблинскій рез. полкъ (1 бат. 500 чел.). *На батареѣ Никифорова*—Муромскій полкъ (2 бат. 760 челов.).

([14]) *Въ непосредственномъ резервѣ 4-го отдѣленія въ Корабельной слободкѣ*—подъ начальствомъ генералъ-маіора Носова, полки Елецкій (2 батал. 900 чел.) и Сѣвскій (2 батал. 800 чел.); подъ начальствомъ генералъ-маіора Юферова, полки князя Горчакова (Брянскій, 2 батал. 700 челов.) и князя Варшавскаго (Орловскій, 2 батал. 500 челов.) и 49-я дружина курскаго ополченія, 600 челов.

([15]) *На 5-мъ отдѣленіи, на куртинѣ между батареей Никифорова и 2-мъ бастіономъ* и на 2-мъ бастіонѣ—по два баталіона Олонецкаго полка (всего по 665 чел.); *на куртинѣ между 2-мъ и 1-мъ бастіонами*—Бѣлозерскій полкъ (3 бат. 1,200 ч.); Черниговскій, графа Дибича Забалканскаго полкъ (два батал. 480 челов.); *на 1-мъ бастіонѣ и по линіи до Килenбалочной бухты*—три роты Алексопольскаго полка (330 челов.) и 48-я дружина курскаго ополченія, 600 челов.

([16]) *Въ непосредственномъ резервѣ 5-го отдѣленія, на склонахъ Ушаковой балки и въ ближайшихъ улицахъ Корабельной Слободки*—пять ротъ Алексопольскаго полка (450 челов.); полки: Полтавскій (2 батал. 550 челов.) и Кременчугскій (2 батал. 450 челов.).

([17]) Въ главномъ резервѣ Корабельной стороны: въ *Корабельной Слободкѣ и въ Аполлоновой балкѣ*—полки Шлиссельбургскій (4 батал. 1,400 чел.) и Ладожскій (4 батал. 1,400 челов.); *у Александровскихъ казармъ*—по тревогѣ долженъ былъ собраться баталіонъ патронщиковъ и кашеваровъ (700 чел.); *на площади у Доковой стѣны*—28 орудій легкихъ батарей: № 5-го 11-й и №№ 7, 8 и 9-го 12-й артиллерійскихъ бригадъ.

([18]) Bazancourt. II. 412 et 414—415.

([19]) Nicl. 431.—Тотлебенъ.

([20]) Bazancourt. II. 416.

([21]) Бергъ. Записки объ осадѣ Севастополя. II. 37.—Тотлебенъ.
([22]) Бергъ. II. 38—41. Тотлебенъ.
([23]) Guérin. II. 399.—Бергъ II. 66—67.
([24]) Донесеніе князя М. Д. Горчакова.—О. Константиновъ. Штурмъ Малахова кургана. Русск. Стар. 1875.—Бергъ. II. 42—43.
([25]) Тотлебенъ.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о Севастопольской защитѣ (подполк. Алексѣева). Севастоп. Сборн. Т. I.
([26]) Тотлебенъ.—Guérin. II. 403.
([27]) Guérin. II. 403.
([28]) Niel. 434.
([29]) Бергъ. II. 56—57.
([30]) Изъ артиллерійскихъ замѣтокъ на Севастопольскомъ рейдѣ.
([31]) Guérin. II. 417—418.
([32]) Guérin. II. 418—419.—Niel. 434.
([33]) Guérin. II. 421—425.—Niel. 435.
([34]) Тотлебенъ.
([35]) Guérin. II. 433.—Niel. 435.—Тотлебенъ.
([36]) На 2-мъ бастіонѣ и куртинѣ между бастіонами Корнилова и 2-мъ были введены въ дѣло полки:

Олонецкій	4 баталіона	. . . . 1.330	человѣкъ
Бѣлозерскій	3 »	. . . . 1.200	»
Черниговскій	2 »	 480	»
Полтавскій	2 »	 550	»
Кременчугскій	2 »	 450	»
Муромскій	2 »	 760	»
Сѣвскій	2 »	 800	»
Шлиссельбургскій	4 »	 1,400	»
	Итого 21 батал.	 6,970	челов.

([37]) Бергъ. II. 43—45.—О. Константиновъ. Русск. Стар. 1875.—Тотлебенъ.—Guérin. II. 403—409.—Niel. 432.—Rüstow. Der Krieg gegen Russland. I. 596—599.
([38]) Niel. 425.—Тотлебенъ.
([39]) Бергъ. II. 64—65.—Тотлебенъ.—Guérin. II. 426—428. Niel. 432—433.
([40]) Тотлебенъ.
([41]) Guérin. II. 428—429.
([42]) Guérin. II. 431—432.
([43]) Бергъ. II. 56—60 —Тотлебенъ.—Guérin. II. 415—416.
([44]) Тотлебенъ.—Guérin. II. 417.
([45]) Тотлебенъ.
([46]) Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера. 278—279.
([47]) Алабинъ. Походныя записки въ войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ. II. 372.—Тотлебенъ.
([48]) Bazancourt. II. 447.—Niel. 437—438.—Тотлебенъ.
([49]) Тотлебенъ.
([50]) Guérin. II. 413—414.

([51]) Guérin. II. 436—437.—Niel. 438.
([52]) Донесеніе генерала Пелисье.
([53]) Guérin. II. 437—438.
([54]) Изъ записокъ офицера, участвовавшаго въ оборонѣ Севастополя.
([55]) Алабинъ. II. 373—374.—Тотлебенъ.
([56]) Гюббенетъ. Очеркъ медицинской и госпитальной части русскихъ войскъ въ Крыму, въ 1854—56 годахъ. 152—153.—Кн. С. С. Урусовъ. Русск. Арх. 1875. № 6.—Guérin. II. 439 et 441. (Должно замѣтить однакоже, что показанія Герена крайне преувеличены).
([57]) Тотлебенъ.—Показанія очевидцевъ.
([58]) Изъ замѣтокъ Плат. Вас. Воеводскаго.
([59]) Показанія очевидцевъ.
([60]) Донесеніе генерала Пелисье.
([61]) Guerin. II. 438—439.
([62]) Слышано отъ Плат. Вас. Воеводскаго.
([63]) Письмо графа Д. Е. Сакена къ Ив. Ив. Красовскому. Русск. Арх 1875. № 6.—Служебная дѣятельность генерала Хрущова. Севаст. Сборн. Т. I.
([64]) Тотлебенъ.
([65]) Бергъ. II. 71—73.
([66]) Корабли: *Великій Князь Константинъ, Парижъ, Храбрый, Чесма, Ягудіилъ, Императрица Марія;* фрегатъ *Кулевчи*, корветъ *Калипсо*, бриги: *Аргонавтъ, Эндиміонъ, Язонъ, Эней и Тезей.*
([67]) Бергъ. II. 72.—Тотлебенъ.
([68]) Тотлебенъ.
([69]) Взрывъ Павловской батареи, на основаніи нѣсколькихъ уважаемыхъ сочиненій, послѣдовалъ 28 августа (9-го сентября), по полудни; но я счелъ наиболѣе вѣроятнымъ показаніе того, кто самъ взорвалъ батарею. (Письмо къ издателю Московскихъ Вѣдомостей капитана 1-го ранга Ильинскаго. Моск. Вѣдом. 1876. № 1).
([70]) Пароходы: *Владиміръ, Громоносецъ, Бессарабія, Крымъ, Одесса, Херсонесъ, Эльборусъ, Дунай, Грозный, Турокъ* и транспортъ *Гагра.*
([71]) Алабинъ. II. 381.—Бергъ. II. 77.
([72]) Всего убиты: 2,972 человѣка. Въ числѣ ихъ; генералъ-маіоры Буссау и Юферовъ.
([73]) Всего ранены: 6,762 человѣка: Въ числѣ ихъ генералъ-лейтенанты Хрулевъ и Мартинау и генералъ-маіоры Лысенко и Зуровъ. Контуженъ генералъ-маіоръ Носовъ.
([74]) Въ общемъ числѣ выбывшихъ изъ строя съ нашей стороны находилось на Корабельной сторонѣ 11,334 челов. а на Городской 1,579 челов.
([75]) Всего убиты 1,634 человѣка. Въ числѣ ихъ генералы: Сенъ-Поль, Мароллъ, Понтевè, Бретонъ и Ривè.
([76]) Всего раненыхъ 4,507 человѣкъ. Въ числѣ ихъ генералы: Боске, Меллинé, Бурбаки и Трошю.
([77]) Всего убиты 385 человѣкъ.
([78]) Всего ранены 1,879 челов. Въ числѣ ихъ генералы: фонъ Страубензее, Варренъ и Ширлей.

(79) Rüstow. Der Krieg gegen Russland. I. 608.—Guérin. II. 440—441.

(80) Niel. 528.

(81) Niel. 522.

(82) Вейгельтъ.

(83) Гюббенетъ. 156—159. Въ этомъ числѣ не помѣщенъ уронъ на прочихъ пунктахъ Крымскаго полуострова.

(84) Niel. 444—445.—Тотлебенъ.

(85) Тотлебенъ.

(86) Тотлебенъ.

(87) Собственно-ручная записка Государя Императора, отъ 3-го сентября 1855 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXVI.

---

(1) Отзывъ князя Горчакова къ военному министру, въ февралѣ 1855 г.

(2) Въ *курской* губерніи, съ доставкою въ Суджу и Бѣлгородъ: сухарей 75 тыс. четв., крупъ 9 тыс. четв., овса и ячменя 75 тыс. четв., въ *воронежской* губерніи, съ доставкою въ Валуйки и Бирючъ, такое же количество припасовъ; въ *харьковской* губерніи, съ доставкою въ Валки и селенія Тарановку, Новые-Водолаги и Мерефу: крупъ 8 тыс. четв., овса и ячменя 55 тыс. четв., въ *екатеринославской* губерніи: муки и сухарей по 28,538 четв., крупъ 10,186 четв., овса и ячменя 6,304 четв. Отъ *дворянства екатеринославской губерніи* сухарей 50 тыс. четвертей.

(3) Изъ неизданныхъ записокъ генерала Затлера.

(4) Тамъ-же.

(5) Генер. Затлеръ. Записки о продовольствіи войскъ въ военное время. I. 251.

(6) Изъ неизданныхъ записокъ генерала Затлера.

(7) Затлеръ. I. 252.—Показанія лицъ, участвовавшихъ въ оборонѣ Севастополя.

(8) Затлеръ. I. 253—254.

(9) Затлеръ. I. 256 — 259. — Изъ неизданныхъ записокъ его-же, о Крымской войнѣ.

(10) Приказъ 14-го августа 1855 г.

(11) Изъ неизданныхъ записокъ генерала Затлера, о Крымской войнѣ. — Ѳ. Стулли. Изъ эпохи Крымской войны. Вѣстн. Европы. 1876. № 8.

(12) Изъ неизд. записокъ генерала Затлера, о Крымской войнѣ.

(13) Изъ бумагъ интендантской части.

(14) Подробныя свѣдѣнія объ уничтоженіи нашихъ складовъ на сѣверномъ берегу Азовскаго моря можно найти въ главѣ XXX-й.

(15) Показанія участвовавшихъ въ войнѣ 1853 — 1856 годовъ.

(16) Ѳ. Стулли. Изъ эпохи Крымской войны.

([17]) Вѣдомость о смѣтной суммѣ для Южной арміи и войскъ въ Крыму дѣйствовавшихъ, на 1855 г.

На штатные расходы	394,206 р.	62½ к.
На провіантъ	15,030,260 р.	
На фуражъ	20,387,554 р.	36 к.
На мясныя и винныя порціи, уксусъ и перецъ .	15,268,646 р.	41 к.
На соль	231,145 р.	
На натуральные раціоны	4,544,853 р.	27½ к.
На подвижной провіантскій магазинъ	5,193,360 р.	
На экстраординарные расходы	1,500,000 р.	
На приварокъ отпускнымъ нижнимъ чинамъ. .	61,500 р.	88 к.
На покупку луку, хрѣну, чесноку и рѣдьки. .	20,250 р.	
Итого . . .	62,631,776 р.	55 к.

Изъ этой суммы было уплачено за всѣ заготовленія, сдѣланныя военнымъ министерствомъ, княземъ Меншиковымъ и генераломъ Анненковымъ.

(Извлечено изъ неизданныхъ записокъ генерала Затлера, о Крымской войнѣ).

([18]) Въ апрѣлѣ 1855 г. уже были открыты слѣдующіе госпитали:

1.	Севастопольскій военно-сухопутный на	2,130 больн.
2.	„ временной „	2,240
3.	Бакчисарайскій „	610
4.	Симферопольскій военной „	8,750
5.	„ временной № 14 „	3,300
6.	„ „ № 21 „	2,700
7.	Баяучскій, потомъ переведенъ въ Симферополь . . . . „	2,010
8.	Карасубазарскій . . . . „	1,210
9.	Ѳеодосійскій . . . . „	410
10.	Перекопскій . . . . „	4,150
11.	Морской . . . . „	1,800

Подвижные госпитали №№ 1, 3, 4 и 6.

(Гюббенетъ. Очеркъ медицинской и госпитальной частей русскихъ войскъ въ Крыму, въ 1854 — 1856 годахъ).

([19]) Гюббенетъ. 105—106.

([20]) Гюббенетъ. 64—65.

([21]) Гюббенетъ. 78—82 и 85.

([22]) Гюббенетъ. 86—88.

([23]) Гюббенетъ. 88—90 и 91—93.

([24]) Приказъ, отданный княземъ Горчаковымъ.

([25]) Гюббенетъ. 99.

([26]) Гюббенетъ. 120 и 126.

([27]) Гюббенетъ. 121.

([28]) Гюббенетъ. 126—127 и 140—141.

([29]) Гюббенетъ. 147—148.

([30]) Вѣдомость убыли войскъ при оборонѣ Севастополя.

([31]) Гюббенетъ. 150.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXVII.

(¹) Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie (1853 — 1856). II. 453.—Rüstow. Der Krieg gegen Russland. II. 5.

(²) Изъ приказа по Южной арміи и военно-сухопутнымъ и морскимъ силамъ въ Крыму, отъ 31-го августа 1855 г.

Далѣе было сказано:

,,Храбрые воины сухопутныхъ и морскихъ силъ! Именемъ Государя Императора благодарю васъ за ваше безпримѣрное мужество, за вашу твердость и постоянство во время осады Севастополя.

,,Долгомъ считаю принести въ особенности мою благодарность доблестнымъ вашимъ начальникамъ:

,,Гг. генералъ-адъютанту графу Остенъ-Сакену, начальствовавшему гарнизономъ въ продолженіе девяти мѣсяцевъ; генералъ-лейтенантамъ: Шепелеву, Хрулеву, Павлову, Семякину; вице-адмираламъ: Новосильскому и Панфилову, генералъ-маіорамъ: Мартинау, Пихельштейну, Лысенко 1-му, генералъ-адъютанту князю Урусову, Шульцу, Хрущову, Голеву, Сабашинскому, Шейдеману, Свиты Его Величества: князю Васильчикову и Тотлебену; полковникамъ: Козлянинову 2-му, Геннериху, Гарднеру; капитанамъ 1-го ранга: Зорину, Микрюкову, Перелешину 1-му, Перелешину 2-му; подполковнику Циммерману; капитанъ-лейтенантамъ: Ильинскому и Чебышеву, и всѣмъ гг. штабъ и оберъ-офицерамъ, участвовавшимъ въ осадѣ.

,,Объемъ приказа не дозволяетъ мнѣ внести въ него имена многихъ другихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, которымъ въ большей или меньшей степени принадлежитъ честь содѣйствія въ великомъ подвигѣ обороны Севастополя; но каждый изъ нихъ имѣетъ право на признательность Монарха и Отечества.

,,Между сими сотрудниками я назову только главныхъ дѣятелей изъ числа лицъ, ненаходившихся въ составѣ гарнизона, начальниковъ и чиновъ главнаго штаба ввѣренныхъ мнѣ войскъ: генералъ-адъютанта Коцебу; генералъ-лейтенантовъ: Сержпутовскаго, Бухмейра, Ушакова, Бутурлина и генералъ-маіора Крыжановскаго. Изъ нихъ

инженеръ-генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ оказалъ важную заслугу устройствомъ превосходнаго плотоваго моста черезъ бухту, обезпечившаго отступленіе войскъ.

„Воздавая заслуженную благодарность оставшимся въ живыхъ достойнымъ начальникамъ вашимъ, почтимъ, товарищи, память тѣхъ изъ нихъ, кои пали съ честью за Вѣру и отечество на валахъ Севастополя. Вспомнимъ въ особенности незабвенныя имена: Нахимова, Корнилова, Истомина, и вознесемъ мольбы наши къ Всевышнему, да ниспошлетъ Онъ миръ и успокоеніе ихъ праху и увѣковѣчитъ память о нихъ въ примѣръ грядущимъ поколѣніямъ Русскихъ.

(3) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.

(4) Изъ записки генералъ-адъютанта князя Горчакова, отъ 8-го сентября 1855 г., о положеніи дѣлъ въ Крыму.

(5) По свидѣтельству Герена: 1-й французскій корпусъ, генерала де-Салль, въ числѣ 31-й тыс. челов. пѣхоты и 2-хъ тыс. кавалеріи, съ 54-мя орудіями, былъ расположенъ въ Байдарской долинѣ; 2-й франц. корпусъ, генерала Каму, въ числѣ 35-ти тыс. челов. пѣхоты и 2-хъ тыс. кавалеріи, съ 66-ю орудіями, находился по лѣвую сторону р. Черной и на высотахъ къ югу отъ Инкермана; резервъ, подъ начальствомъ генер. Макъ-Магона, въ числѣ 21-й тыс. челов. пѣхоты и 300 кирасиръ, съ 48-орудіями, во второй линіи, а резервная артиллерія—54 орудія, впереди Балаклавы.—По показанію-же Ніеля, французская армія, 8-го сентября н. ст. состояла въ числѣ 126,705, а англо-сардинская - 63,715 челов.

(6) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.

(7) Составъ отряда генералъ-маіора Миттона: Смоленскій резервн. полкъ—3 баталіона; Кременчугскій егерск. полкъ—2 баталіона; Финляндскаго драг. полка—4 эскадрона; донской каз. № 56 подполк. Золотарева полкъ; 6 легкихъ пѣшихъ и 2 конно-легкихъ орудія.

(8) Журналъ дѣйствій въ Крыму. — Niel. 449 — 450. — Guérin. II. 454—455.

(9) Составъ отряда d'Алонвиля: 6-й и 7-й драгунскіе и 4-й гусарскій полки; 3-я батарея 15-го конно-артиллерійскаго полка.

(10) Bazancourt. L'expédition de Crimée L'armée française. II. 482—484.—Guérin. II. 460—461.—Журналъ дѣйствій въ Крыму.

(11) Журналъ дѣйствій въ Крыму.—Guérin. II. 461.

(12) Письмо князя Горчакова отъ 20-го сентября.

(13) Журналъ дѣйствій въ Крыму.

(14) Журналъ дѣйствій въ Крыму.

(15) Guérin. II. 471—473.

(16) Guérin. II. 473.—По свидѣтельству Рюстова, число десантныхъ войскъ простиралось до 11-ти тыс. человѣкъ (II. 18).

(17) Военно-историческій журналъ Очаковскаго отряда.—Глиноецкій. Очеркъ военныхъ дѣйствій на берегахъ Днѣпровско-Бугскаго лимана, осенью и зимою 1855 г.

(18) Глиноецкій. Очеркъ военныхъ дѣйствій и проч.—Guérin. II. 475—480.—Тотлебенъ.

(19) Изъ письма князя Горчакова, отъ 13-го октября 1855 г.

(20) Глиноецкій.—Guérin. II. 480—482.

(21) Изъ письма отъ 21-го октября 1855 г.

(22) Алабинъ. Походныя записки въ войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ. II. 387—391.

(23) Журналъ дѣйствій въ Крыму.—Guérin. II. 520—521.

(24) Журналъ дѣйствій въ Крыму.

(25) Въ концѣ августа н. ст., отправлены на Востокъ полки 76-й и 84-й; въ сентябрѣ—дивизія Риппертa, а въ половинѣ октября—дивизія Шасселу-Лоба. Rüstow. II. 4—5.

(26) Baudens. La guerre de Crimée. 63, 65 et 68.

(27) Baudens. 62.

(28) Guérin. II. 527—529.

(29) L'armée anglaise et miss Nightingal, par Shrimpton, ex-chirurgien major.—Guérin. II. 527.

(30) У Скрива (Relation médico-chirurgicale de la campagne d'Orient) число больныхъ, поступившихъ въ госпитали въ февралѣ, показано 13,985; а у Бодена (La guerre de Crimée—19,648).

(31) Guerin. II. 530—531.—Bauden. 259—260.

(32) Shrimpton.

(33) Изъ письма отъ 21 ноября 1855 г.

(34) Высочайшій Приказъ 27 декабря 1855 г.

(35) Изъ письма князя Горчакова, отъ 30-го декабря 1855 г.

(36) Журналъ дѣйствій въ Крыму.

(37) Тотлебенъ.

(38) Затлеръ. О госпиталяхъ въ военное время. 227—229.

По его показанію, изъ курскихъ дружинъ №№ 38—54, прибыло въ Крымъ, въ августѣ 1855 года: генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ 268; нижнихъ чиновъ: строевыхъ 15,855, нестроевыхъ 781; а оставалось въ началѣ марта 1856 года: штабъ и оберъ-офицеровъ 200; нижнихъ чиновъ: строевыхъ 7,681, нестроевыхъ 449.

Въ ноябрѣ 1855 года, прибыли дружины: орловской губерніи №№ 56—62 и 65—69, въ которыхъ было на лицо: штабъ и оберъ-офицеровъ 193; нижнихъ чиновъ: строевыхъ 10,319, нестроевыхъ 316; калужской губерніи №№ 70, 73, 75, 76, 78 и 79, въ которыхъ было на лицо: штабъ и оберъ-офицеровъ 97, нижнихъ чиновъ: строевыхъ 5,189, нестроевыхъ 175, и тульской губерніи №№ 80 и 82—90, въ коихъ было на лицо: генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ 150; нижнихъ чиновъ: строевыхъ 9,367, нестроевыхъ 325.

Въ началѣ марта 1856 года, въ этихъ дружинахъ оставалось на лицо: въ курскихъ, штабъ и оберъ-офицеровъ 200, нижнихъ чиновъ: строевыхъ 7,681, нестроевыхъ 449; въ орловскихъ, штабъ и оберъ-офицеровъ 117, нижнихъ чиновъ: строевыхъ 5,258, нестроевыхъ 304; въ калужскихъ, штабъ и оберъ-офицеровъ 67, нижнихъ чиновъ: строевыхъ 2,532, нестроевыхъ 162; въ тульскихъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, 168, нижнихъ чиновъ; строевыхъ 5,876, нестроевыхъ 312.

(39) Затлеръ. О госпиталяхъ въ военное время. 229—230.

(40) Показаніе штабъ-доктора Шрейбера. Военно-медиц. журналъ. 1857. IX.—Baudens. 402.

(41) Боденъ пишетъ, что англійскіе солдаты, состоявшіе на полной порціи, получали:

На завтракъ, въ 8 часовъ утра:

192 граммы (около 1/2 русск. фунта) бѣл. хлѣба, 4 граммы (около 1 золотника) чая и 24 граммы (5 1/2 золотниковъ) сахару.

На обѣдъ, въ полдень:

500 граммъ (около 1 1/4 фунта) супа, 384 граммы (90 золотник.) мяса, 128 граммъ (30 золотник.) хлѣба и 500 граммъ (около 1 1/4 фунта) картофеля либо другихъ овощей.

На ужинъ, въ 6 часовъ по полудни:
то-же, что и на завтракъ.

Кромѣ того, пиво, вино, либо ромъ, по назначенію медика.

(42) Донесенія штабъ-доктору Шрейберу окружнаго доктора полевыхъ госпиталей Быстрова и дежурному генералу Южной арміи Ушакову генералъ-маіора Червинскаго.

(43) Донесеніе ротмистра Мавроса, командированнаго для осмотра транспортовъ съ больными.

(44) Записка, подъ заглавіемъ: Нѣкоторыя свѣдѣнія о крымскихъ госпиталяхъ, извлеченная изъ письма Пирогова къ военному министру отъ 11 ноября 1855 года.

(45) Н. Соловьевъ. Скорбные листы крымской кампаніи (Русск. Вѣстн. 1872. IX.).

(46) Журналъ дѣйствій въ Крыму.

(47) Журналъ дѣйствій въ Крыму.—И. Красновъ. Оборона Таганрога и береговъ Азовскаго моря.—Guérin. II. 483—488.

Списокъ сестрамъ милосердія крестовоздвиженской общины.

1-е Отдѣленіе

(Въ Симферополѣ, съ декабря 1854.)

1. Стаховичъ (начальница Общины).
2. Шперлингъ.
3. Алешина.
4. Ждановская.
5. Эрбергъ.
6. Лодс.
7. Василенко.
8. Лашкова.
9. Степанова.
10. Васильева.
11. Гордынская.
12. Антипова.
13. Балашова.
14. Борисова.
15. Глѣбова.
16. Хольмбергъ.
17. Гюдницкая.
18. Дарсонвиль.
19. Домбровская.
20. Дружинина.
21. Сельстремъ.
22. Иллеръ.
23. Лебедева.
24. Павлова.
25. Барщевская.
26. Смирнова 1-я.
27. Смирнова 2-я.
28. Тидеманъ.
29. Никитина.
30. Долголенкова.
31. Аникина.
32. Саватьева.
33. Сапрановская.
34. Инокиня Ушакова.

Изъ этого отдѣленія сестры: Лоде, Василенко, Лашкова, Степанова и Васильева переѣхали въ концѣ декабря въ Бахчисарай; а остальныя, въ концѣ февраля, — въ Севастополь, гдѣ составили 4-е отдѣленіе. Къ нимъ въ апрѣлѣ 1855 года присоединились вновь прибывшія сестры:

1. Ремизова.
2. Николаева.
3. Пожидаева.

2-е Отдѣленіе

(Въ Севастополѣ).

1. Старшая сестра Меркурова.
2. Богданова 1-я.
3. Вигилянская.
4. Назимова.
5. Шимкевичъ.
6. Линская.
7. Залебедская.
8. Крупская.
9. Синявская.
10. Григорьева.
11. Кузнецова.
12. Протопопова.
13. Голубцова.

Въ іюлѣ 1855 года, къ сему отдѣленію, на Бельбекъ, прибыли сестры:

1. Алферова.
2. Волкова.
3. Матковская.
4. Попова 1-я.
5. Попова 2-я.
6. Стратопуло.
7. Аксенова.
8. Дунда.
9. Анисимова.
10. Астафьева 1-я.
11. Астафьева 2-я.
12. Вахрамѣева.
13. Жигарева.
14. Никитина.
15. Филимонова.
16. Шульцъ.
17. Красильникова.

3-е Отдѣленіе.

1. Старшая сестра Бакунина.
2. Богданова 2-я.
3. Травина.
4. Зихель.
5. Куткина.
6. Никитина.
7. Грибоѣдова.

5-е Отдѣленіе.

1. Старшая сестра Будбергъ.
2. Бабикова.
3. Башмакова.
4. Бышева.
5. Благовѣщенская.
6. Блюмеръ.
7. Вагнеръ.
8. Гинцельманъ.
9. Грабаричъ.
10. Леонова.
11. Лаппе.
12. Медвѣдева.
13. Мятельская.
14. Мещерская.
15. Надежина.
16. Петрова.
17. Селиванова.
18. Старченко.
19. Чупати.
20. Краузе.

Въ концѣ іюля прибыли въ Перекопъ сестры:

1. Старшая сестра Романовская.
2. Боделова.
3. Медвѣцкая.
4. Матковская.

Въ Херсонѣ и Николаевѣ находились:

1. Старшая сестра Щедрина.
2. Курбатова.
3. Дмитріянова.
4. Пиксичь.
5. Пустозерова.
6. Аверкіева.
7. Пономарева.
8. Наставина.
9. Даниловская.
10. Набокова.
11. Богданова 3-я.
12. Николенкова.
13. Предилина.
14. Тимошенко.
15. Якушева.
16. Малѣева.
17. Вальтеръ.
18. Булгарова.
19. Посенкова.
20. Мальшина.
21. Ковалева.
22. Кирова.
23. Главачъ.
24. Бѣлоускова.
25. Яроцкая.
26. Измайлова 2-я.
27. Фокина.
28. Ермолаева.
29. Логинова.
30. Гусева.
31. Рудовская.
32. Короткова.
33. Штина.
34. Дозорова.
35. Виноградова.

Въ концѣ сентября прибыли въ Симферополь:

1. Старшая сестра Карцева.
2. Малышева.
3. Испенія.
4. Пржевалинская.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXVIII.

(¹) Rüstow. Der Krieg gegen Russland. I. 467.—Bazancourt. L'expédition de Crimée. La marine française. II. 330—331.

(²) Донесеніе генералъ-адъютанта Берга.

(³) Письмо военнаго министра, князя Долгорукова къ адмиралу Дундасу, отъ 16-го (28-го) іюня 1855 года.—Письмо адмирала Дундаса князю Долгорукову, отъ 30-го іюня н. ст.—Отвѣтъ князя Долгорукова адмиралу Дундасу, отъ 18-го (30) іюня 1855 г.

(⁴) Донесеніе морскому министру контръ-адмирала Пено, отъ 11-го іюня н. ст. 1855 г.

(⁵) Донесеніе контръ-адмирала Пено, отъ 25-го іюня н. ст. 1855 г.

(⁶) Донесеніе контръ-адмирала Пено, отъ 11-го іюля н. ст. 1855 г.

(⁷) С.-Петерб. Вѣдомости. 1855, № 145.

(⁸) Русск. Инвалидъ. 1855. № 146.—Rüstow. I. 475.

(⁹) Русск. Инвалидъ. 1855. № 153.

(¹⁰) Генералъ-фельдмаршалъ графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ. Краткая біографія, изданная въ Варшавѣ, 1872 г.

(¹¹) Составъ Союзнаго флота.

Англійская эскадра: винтовыя суда: Герцогъ Веллингтонъ 131 оруд., Эксмоутъ 91 оруд., Пемброкъ, Корнвалисъ, Гастингсъ и Эдинбургъ, по 60-ти орудій; Эвріалъ 51 оруд. Аррогантъ 47 орудій. Амфіонъ 34 оруд. и Козакъ 20 орудій; колесные пароды: Круйзеръ 17 оруд. Мажисіеннъ 16 оруд. Вультуръ, Драгонъ и Гейзеръ, по 6-ти орудій; Мерлинъ 4 оруд. Локустъ и Лайтнингъ (Lightning), по 3 орудія; Принцесса Алиса и Вулканъ; парусныя суда: госпитальный корабль Бель-иль и транспортъ Эолъ; бомбарды: Rocket, Surly, Pickle, Blazer, Mastiff, Manly, Drake, Porpoise, Prompt, Sinbad, Carron, Beacon, Redbreast, Grappler, Havock, и Growler; канонерскія лодки: Starling, Lark, Thistle, Redwing, Magpie, Badger, Peller, Snapp, Dapper, Weazel, Stork, Pincher, Gleaner, Biter, Skylark и Snapper.

Французская эскадра: винтовыя суда: Аустерлицъ 100 оруд. Турвиль и Дюкенъ по 90 орудій; корветъ д'Асса, легкія суда: Орелъ,

Пеликанъ и Громъ; винтовыя канонерскія лодки: l'Aigrette, l'Avalanche, La Dragonne и la Fulminante—по два орудія; la Tempete, la Tourmente, la Poudre и la Redoute по одному орудію, 50-ти-фунт. калибра; парусныя бомбарды: le Tocsin, la Fournaise, la Trombe, la Torche и la Bombe—по двѣ мортиры, 0,32 метр. калибра; четыре транспортныхъ судна.

Морск. Сборникъ. 1855. № 9. — Bazancourt. La marine française. II. 359.

([12]) Донесеніе контръ-адмирала Дундаса, отъ 13-го августа н. ст. 1855 г.

([13]) Изъ подробнаго описанія бомбардированія Свеаборга, представленнаго генералъ-адъютантомъ Бергомъ.

([14]) Изъ подробнаго описанія бомбардированія Свеаборга.

([15]) Rüstow. I. 484.

([16]) Изъ донесенія контръ-адмирала Пенò, отъ 20-го августа 1855 г.

([17]) Изъ подробнаго описанія бомбардированія Свеаборга.—Rüstow. I. 485.

([18]) Изъ подробнаго описанія бомбардированія Свеаборга.

([19]) Списокъ раненымъ и контуженымъ, при бомбардированіи Свеаборга, 9, 10 и 11-го августа, приложенный къ донесенію контръ-адмирала Дундаса, отъ 13-го августа. — Рапортъ морскому министру контръ-адмирала Пенò, отъ 20 го августа.

([20]) Rüstow. I. 486 und 489.

([21]) Высочайшій Рескриптъ 7-го августа 1855 г.

([22]) Морск. Сборникъ. 1855 г. №№ 11 и 12.

([23]) Морск. Сборникъ. 1855 г № 9.

([24]) Морск. Сборникъ. 1855 г. № 10.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXIX.

(¹) Записки генерала Бриммера. — Словесныя показанія бывшихъ кавказцевъ.

(²) Сынъ Шамиля, Джемаль-Эдинъ получилъ воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ и служилъ въ уланскомъ Его Имп. Высоч. Вел. Князя Михаила Николаевича (Владимірскомъ) полку поручикомъ.

(³) Записки одного изъ участниковъ похода 1855 г. въ Азіятской Турціи.

(⁴) Изъ записокъ полковника де-Сажè.

(⁵) Газ. Кавказъ. 1855 г. № 18.

(⁶) Изъ записокъ генер. Бриммера.

(⁷) Составъ Александропольскаго отряда.

Пѣхота.

Кавказск. гренад. бригада, подъ нач. ген.-маіора. Майделя.	Лейбъ-карабинерн. Эриванскаго, Его Императорскаго Величества полка .	4	батал.
	Грузинскаго гренадерскаго Е. И. Выс. Вел. Князя Константина Николаевича полка	$3^1/_2$	»
	Кавказскій стрѣлковый баталіонъ .	1	»
	Кавказскій саперный баталіонъ . .	1	»
18-й пѣхотн. дивизіи подъ нач. генер.-лейтен. князя Гагарина.	Ряжскій пѣхотный полкъ	4	»
	Бѣлевскій егерскій.	4	»
	Тульскій	4	»
	Итого . . .	$21^1/_2$	батал.

Кавалерія.

Сводная бригада подъ нач. ген.-м. графа Нирода.	Тверской драгунскій Е. И. Выс. Вел. Князя Николая Николаевича полкъ	10 эскадр.
	Новороссійскій драгунск. князя Варшавскаго полкъ	10 »
	Нижегородскаго драгунскаго принца Виртембергскаго полка	8 »
	Итого	28 эскадр.

Иррегулярная кавалерія.

Донскаго казачьяго № 4 полка	5 сотень
» » № 20 полка	3 »
Сборный линейн. каз. № 1 полкъ	6 »
» » » № 2 полкъ	6 »
Конвой главнокомандующаго	1 »
Итого	21 сотня.

Кромѣ того, присоединились къ дѣйствующему корпусу:

Донской казачій № 35-й полкъ	6 сотень.
Грузинская дворянская дружина	2 »
Горской кавк. конной милиціи	2 »
Конно-мусульманскихъ №№ 1-го и 2-го полковъ	8 »
Охотниковъ полк. Лорисъ-Меликова	3 »
Карапапахской конной милиціи	2 »
Куртинскій № 2-й полкъ	5 »
Итого	28 сотень.

Артиллерія.

Пѣшая.

Кавказской гренад. артиллер. бригады:

Батарейная № 1-го батарея	8 орудій.
» № 2-го »	8 »
Легкая № 1-го батарея	8 »
13-й арт. бригады батарейная № 2-го батарея	8 »
18-й артиллер. бригады: батарейная № 4-го батарея	8 »
Легкой № 7-го батареи	4 »
Легкая № 8-го батарея	8 »

Конная.

Донская № 6-го батарея	8 орудій.
» № 7-го »	8 »
Линейная каз. № 13-го батарея	8 »
Итого	76 орудій.

Всего-же:

Пѣхоты	около 16,000	челов.
Кавалеріи	7,500	»
Артиллер. прислуги	1,000	»

(*) Составъ Ахалцыхскаго отряда.

Пѣхота.

13-й пѣх. дивизіи.	Бѣлостокскій пѣхотный полкъ	4	батал.
	Виленскій егерскій полкъ	4	»
18-й пѣх. див.,	Рязанскій пѣхотный полкъ	4	»
	Карталинской пѣшей милиціи	1	дружина.
	Итого 12 бат. и	1	дружина.

Кавалерія.

Донскихъ казаковъ	7	сотень
Конно-мусульманскій № 3-й полкъ	5	»
Осетинской конной милиціи	1	»
Ахалкалакской	2	»
Итого	15	сотень.

Артиллерія.

Двѣ батареи . . . . . 16 орудій.

Всего-же:

Пѣхоты	9.000	челов.
Кавалеріи	1,200	
Артиллер. прислуги	300	»

(⁹) Составъ Эриванскаго отряда.

Пѣхота.

Ширванскаго кн. Варшавскаго полка	2	батал.
Апшеронскаго пѣхотн. полка	1	»
Мингрельскаго егерскаго полка	1	»
Итого	4	батал.

Кавалерія.

Донскаго казачьяго № 23-го полка	4	сотни
Эриванской бекской конн. дружины	2	»
Эриванскій конно-мусульм. № 4-й полкъ	5	»
Куртинскій № 1-го полкъ	5	»
Итого	16	сотень.

Артиллерія.

21-й артилл. бриг. легкая № 7-го батарея . 8 орудій.

(10) Кавказъ. 1855. № 39-й.

(11) Начальникомъ штаба дѣйствующаго корпуса оставленъ генералъ-маіоръ Невѣровскій; назначены: оберъ-квартирмейстеромъ, вмѣсто полковника Колодѣева, полковникъ Рудановскій; дежурнымъ штабъ офицеромъ — подполковникъ Кауфманъ 2-й; командиромъ гренадерской бригады — генералъ-маіоръ Майдель; начальникомъ иррегулярной кавалеріи — генералъ-маіоръ Бакдановъ; начальникомъ артиллеріи — полковникъ Москалевъ; исправляющимъ должность генералъ-интенданта — полковникъ Колосовскій; командиромъ Куринскаго князя Воронцова полка—полковникъ Мищенко.

(12) Приказы по Отдѣльному Кавказскому корпусу, отъ 17-го мая 1855 г. за №№ 103, 104 и 105.

(13) На смотру 21-го мая было: 26½ баталіоновъ, 28 эскадроновъ, 72 орудія, три полка казачьихъ, 2 сотни мѣстной и 2 сотни Карапапахской милиціи и осадный паркъ.

(14) Генер. Черкесовъ. Блокада Карса въ 1855 г.

(15) Записки генер. Бриммера (рукоп.).—Записки полковн. де-Саже (рукоп.).

(16) Записки генер. Бриммера.—Черкесовъ. Блокада Карса.

(17) Записки генер. Бриммера.—Черкесовъ. Блокада Карса.

(18) Кавказъ. 1855. № 42 —Записки полковника де-Саже.

(19) H. Sandwith. A. Narrative of the siege of Kars. 229.

(20) H. Sandwith. 230—232.—Черкесовъ. Блокада Карса.

(21) Записки одного изъ участниковъ похода, и проч.—Черкесовъ. Блокада Карса.

(22) Черкесовъ. Блокада Карса.

(23) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.

(24) Черкесовъ. Блокада Карса.

(25) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.

(26) Составъ колонны графа Нирода: 10 баталіоновъ гренадерской бригады; 20 эскадроновъ сводной драгунской бригады; 8 сотенъ казаковъ и конной милиціи; 24 пѣшихъ и 16 конныхъ орудій.

(27) Составъ колонны князя Гагарина: 14 баталіоновъ 18-й пѣхотной дивизіи, одна рота Кавказскаго саперпаго баталіона, 8 эскадроновъ Нижегородскаго драгунскаго полка; 11 казачьихъ сотенъ; 28 пѣшихъ и 8 конныхъ орудій.

(28) Составъ отряда Ковалевскаго, направленнаго къ Ардагану: 10 баталіоновъ Рязанскаго и Виленскаго полковъ; 5 казачьихъ сотенъ; 4 орудія резервной батареи. батареи 19-й артилл. бригады и 8 орудій 6-й легкой батареи 18-й артилл. бригады.

(29) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи, 1855 г.

(30) Журналъ военн. дѣйствій —Кавказъ. 1855. №№ 44 и 46.—Донесеніе генерала Муравьева, отъ 5-го іюня 1855 г.

(31) Записки де-Саже.

(32) Черкесовъ. Блокада Карса.—H. Sandwith. 252—253.

(33) Донесеніе генерала Муравьева, отъ 8-го іюня 1855 г.—Записки де-Саже.

(34) Донесеніе генерала Муравьева, отъ 13-го іюня 1855 г.—Записки де-Саже.

(35) Журналъ воен. дѣйствій. — Черкесовъ. Блокада Карса. — Записки де-Сажè.

(36) Записки де Сажè.

(37) Письмо князя Долгорукова, отъ 10-го мая 1855 г.

(38) Составъ Эриванскаго (Баязетскаго) отряда: 1-й и 2-й баталіоны Ширванскаго пѣхотнаго полка; 1-й и 5-й баталіоны Мингрельскаго егерскаго полка; 5-й баталіонъ Тифлисскаго егерскаго полка; 8 орудіи легкой № 7-го батареи 21-й артиллер. бригады; Донской казачій № 23-го полкъ. Всего-же до 5,000 человѣкъ.

(39) Лихутинъ Русскіе въ Азіятск. Турціи въ 1854—1855 годахъ. 277.

(40) Лихутинъ. 279—280.

(41) Лихутинъ. 281—284.

(42) Донесеніе генерала Муравьева, отъ 26-го іюня. — Лихутинъ. 284—289.

(43) Донесеніе генерала Муравьева, отъ 26-го іюня. — Лихутинъ. 294—295 и 300—301.—Записки де-Сажè.

(44) Записки де-Сажè.—Записки одного изъ участниковъ въ походѣ и проч.

(45) Составъ отряда генералъ-лейтен. князя Гагарина: 4 баталіона Лейбъ-карабинернаго Его Величества полка; 10 баталіоновъ 2-й бригады 18-й дивизіи; по одной ротѣ стрѣлковъ и саперъ; 10 эскадроновъ Тверскаго драгунскаго полка; сводный лин. казачій № 2-го полкъ; одна сотня Карапапахской милиціи; 36 орудій.

(46) Составъ отряда генерала Бриммера: Эриванскій гренадерскій Его Имп. Высочества Велик. Князя Константина Николаевича полкъ: 1-я бригада 18-й пѣхотной дивизіи; по три роты саперъ и стрѣлковъ: Новороссійскій и Нижегородскій драгунскіе полки; Донской № 4-го, Сборный лин. № 1-го, Конно-мусульманскій № 1-го и Куртинскій № 2-го полки; 2 сотни охотниковъ Лорисъ-Меликова и 2 сотни горской милиціи; три батареи гренадерской артилл. бригады, конныя батареи №№ 7-го и 13-го и двѣ конно-ракетныя команды.

(47) Донесеніе генерала Муравьева, отъ 26-го іюня 1855 г.—Записки де-Сажè.

(48) Лихутинъ. 309—310.

(49) Донесеніе генерала Муравьева, отъ 29-го іюня 1855 г.

(50) H. Sandwith. 259.

(51) Донесеніе генерала Муравьева, отъ 29-го іюня 1855 г.

(52) Журналъ военныхъ дѣйствій. — Записки одного участниковъ похода и проч.

(53) Составъ отряда генер.-маіора Бакланова: Новороссійскій драгунскій полкъ; пикинерный дивизіонъ Нижегородскаго драгунскаго полка; по три сотни полковъ: Сборнаго линейн. № 1-го, Конно-мусульманскаго № 1-го и Куртинскаго № 2-го, двѣ сотни горской милиціи и полсотни охотниковъ Лорисъ-Меликова; конная № 13-го батарея и ракетная команда.

(54) Донесеніе генерала Муравьева, отъ 11-го іюля 1855 г.

(55) Составъ отряда барона Унгерштернберга: 7 сотенъ Донскихъ казаковъ и 4 сотни милиціи.

(56) Донесеніе генерала Муравьева, отъ 18-го іюля 1855 г.

(57) Тамъ-же.

(58) Записки полковника де-Сажè.

(59) Записки де-Сажè.—Записки одного изъ участниковъ похода, и проч.

(60) Черкесовъ. Блокада Карса.

(61) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.

(62) Кавалерія, оставленная при главной колоннѣ: сотня Грузинской дворянской дружины; три сотни Донского казачьяго № 4 полка; три сотни Конно-мусульманскаго № 1 полка и сотня охотниковъ Лорисъ-Меликова.

(63) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.

(64) Лихутинъ. 327 — 328. — 19-го (31) іюля, въ 4 часа по полудни, князь Дондуковъ — Корсаковъ послалъ генералу Суслову записку слѣдующаго содержанія: „Вчерашняго числа прибылъ въ Тазанлы съ авангарднымъ отрядомъ кавалеріи. Сего числа, въ 4 часа по полудни, выступаю чрезъ хребетъ Саганлугъ, пойду всю ночь и, сдѣлавъ только на разсвѣтѣ привалъ, 20-го числа къ вечеру надѣюсь быть въ Зевинѣ, въ 25-ти верстахъ отъ Вели-паши, отдѣлившись на 2 или на 3 перехода отъ главныхъ силъ.

Сего-дня главная колонна приходитъ на ночлегъ на мѣсто настоящаго моего лагеря, а завтра слѣдуетъ далѣе. По приказанію Г. Главнокомандующаго, сообщая Вашему Превосходительству о настоящемъ моемъ движеніи, имѣю честь присовокупить, что такъ какъ ввѣренный Вамъ отрядъ 20-го числа имѣетъ уже ночевать за переваломъ изъ Топрахъ-кале, и почти въ равномъ разстояніи отъ непріятеля съ моею кавалеріею, то Г. Главнокомандующій полагаетъ, что движеніе двухъ отрядовъ можетъ быть произведено совокупно съ двухъ сторонъ, какъ единственное средство застигнуть, ежели не всѣ силы Вели-паши, то, по крайней мѣрѣ, отрѣзать хоть часть его арріергарда, тяжестей, а можетъ быть и орудій.—Потому въ ночь съ 20-го на 21-е число Вашему Превосходительству предлагаетъ двинуться на легкѣ, по направленію къ Керпи-кеву, большою дорогою; тяжестямъ отряда слѣдовать по той-же дорогѣ, при прикрытіи, по усмотрѣнію Вашему Одновременно съ этимъ движеніемъ я выступаю изъ Зевина по главной дорогѣ; не доходя 10 — 12 верстъ до Керпи-кёва, поверну на право по обходной на Гассанъ-кале, черезъ Дали-Чермукъ, во флангъ и тылъ непріятелю.

Въ случаѣ намѣренія Вели-паши держаться въ настоящемъ его лагерѣ, при значительномъ превосходствѣ силъ (что допустить трудно), — Ваше Превосходительство имѣете, не переходя Араксъ, избрать позицію въ виду непріятеля и ожидать главныхъ силъ, покуда мой отрядъ будетъ отвлекать вниманіе Турокъ съ другой стороны: обоимъ отрядамъ бдительно слѣдить за непріятелемъ и, при первомъ его шагѣ къ отступленію, двигаться и преслѣдовать по указаннымъ направленіямъ. Передавая Вашему Превосходительству волю Г. Главнокомандующаго, съ своей стороны полагаю, что Вели-паша не дождется нашего приближенія, но быстрота движенія и неожиданность такого скораго появленія нашихъ войскъ предъ нимъ могутъ дать намъ, съ помощію Божіей, возможность застигнуть хоть

часть его войскъ.—Посланный съ этимъ письмомъ нарочный имѣетъ немедленно возвратиться съ отвѣтомъ черезъ Хорисанъ въ Зевинъ, гдѣ я буду находиться. Съ похода буду имѣть честь послать къ Вамъ новое увѣдомленіе, а къ разсвѣту 21-го числа отряды полагаю будутъ въ виду другъ друга. Прилагаю при семъ карту окрестности и укрѣпленія Керпи-кева. По соединеніи съ Вами поступаю подъ начальство Ваше до прибытія главныхъ силъ, ибо далѣе Гассанъ-кале двигаться не предписано. Отъ всей души желая Вамъ успѣха, съ своей стороны буду содѣйствовать оному, согласно изложеннымъ выше приказаніямъ, и Богъ поможетъ намъ надѣюсь исполнить волю Г. Главнокомандующаго. Поручаю себя Вашему постоянному ко мнѣ расположенію и прошу располагать вполнѣ мною; я счастливъ буду содѣйствовать хоть чѣмъ нибудь общему дѣлу, столь важному для насъ. И такъ до 21-го числа, и съ Богомъ впередъ."

(65) Лихутинъ. 337—342 и 345—357.—Черкесовъ. Блокада Карса.

(66) Донесеніе генерала Муравьева, отъ 24-го іюля. — Черкесовъ. Блокада Карса.

(67) Журналъ военныхъ дѣйствій.—Записки де-Сажè.

(68) Донесеніе генерала Муравьева, отъ 4-го августа 1855 г.

(69) Донесеніе генерала Муравьева, отъ 4-го августа 1855 г.—Записки де-Сажè.

(70) Записки одного изъ участниковъ похода 1855 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XL.

(1) Черкесовъ. Блокада Карса.—Rüstow. Der Krieg gegen Russland. II. 71—72.

(2) Записки одного изъ участниковъ похода 1855 года въ Азіятской Турціи.

(3) Войска, состоявшія въ нижнемъ лагерѣ: Лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка 1 баталіонъ; 18-й дивизіи Бѣлевскій и Тульскій полки 10 баталіоновъ; Виленскаго егерскаго полка 3 и Мингрельскаго егерскаго 2 баталіона; 13-й артиллер. бригады батарейная № 2-го батарея; 18-й артиллер. бригады: батарейная № 4-го и легкія № 7-го и 8-го батареи.

(4) Войска, состоявшія въ верхнемъ лагерѣ: Лейбъ-гренадерскаго Его Величества полка 4 баталіона; Грузинскаго гренадерскаго Его Высоч. Константина Николаевича полка 4 баталіона; 18-й дивизіи Рязанскій и Ряжскій полки — 10 баталіоновъ; Кавказской гренад. артилл. бригады; батарейная № 1-го и легкая № 1-го батареи; 18-й артилл. бригады легкая № 6-го батарея и Линейная казачья № 13 го батарея.

(5) Записки одного изъ участниковъ похода и проч. — Записки полковника де-Сажѐ.

(6) Черкесовъ. Блокада Карса.

(7) Русскій Инвалидъ. 1855. № 198.

(8) Высланы для пресѣченія пути Туркамъ: изъ отряда Унгернштернберга: одна сотня донцовъ № 2-го полка; 4 сотни Конно-мусульманскаго № 3-го полка и одна сотня Осетинской милиціи; изъ отряда князя Дондукова-Корсакова: одна сотня донцовъ № 4-го полка и одна сотня Конно-мусульманскаго № 1-го полка.

(9) Черкесовъ. Блокада Карса.—Записки де-Сажѐ.

(10) Русскій Инвалидъ. 1855. № 213.—Записки де-Сажѐ.

(11) Записки одного изъ участниковъ похода и проч. — Записки де-Сажѐ.—Записки генерала Романовскаго.

(12) Записки де-Сажѐ.—Писарскій. Подъ Карсомъ.

(13) Писарскій. Подъ Карсомъ.

(14) Писарскій.—Черкесовъ. Блокада Карса.

(15) Записки де-Саже —Записки Романовскаго.

(16) Черкесовъ. Блокада Карса.

(17) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.

(18) Записки генерала Бриммера.—Записки Романовскаго.

(19) Rüstow. II. 72.

(20) Вооруженіе укрѣпленій на Шорахскихъ высотахъ:

Въ ретраншаментѣ лѣваго крыла: *пять* гаубицъ и пушекъ, 12-ти-фунтоваго и 6-ти-фунтоваго калибра.

Въ редутѣ Тахмасъ-табіи: *двѣ* крѣпостныхъ орудія, 24-хъ фунтовыя, и *четыре* полевыя, 12-ти-фунтоваго и 6-ти-фунтов. калибра.

Въ люнетѣ Ярыманъ-ай: *двѣ* 12-ти-фунтовыя пушки.

Въ редутѣ Юксекъ-табіи: *одна* 15-ти-фунтовая гаубица и *три* 12-ти фунтовыя пушки.

Въ люнетѣ Гюрджи-табіи: двѣ 15-ти-фунтовыя гаубицы и *двѣ* 12-ти-фунтовыя пушки.

Въ Ренписонскихъ линіяхъ *двѣ* полевыя пушки.

Въ резервѣ, на Тахмасскомъ платò, *пять* полевыхъ орудій.

(21) Вооруженіе укрѣпленій на Чахмахскихъ высотахъ:

Въ Чимъ-табіи: крѣпостныя пушки: *одна* 24 хъ-фунтовая и *двѣ* 18-ти-фунтовыя; *одна* 15-ти-фунт. гаубица и *три* 12-ти-фунт. пушки.

Въ редутѣ Вели-паша-табіи (фортъ Лекъ): крѣпостныя гаубицы: *одна* 32-хъ фунтовая, *одна* 24-хъ-фунтовая и *три* 18-ти-фунтовыхъ; *одна* 2-хъ-пудовая мортира и *два* полевыя 12-ти-фунтовыя орудія. Люнетъ Чорчиля, правѣе форта Лекъ, былъ занятъ *двумя* 6-ти-фунт. орудіями.

Въ англійскихъ линіяхъ: въ Зорабъ-табіи: *одно* 18-ти-фунтовое и *одно* 12-ти-фунтовое крѣпостныя орудія и *двѣ* полевыя 6-ти-фунтовыя; въ Томсонъ-табіи *одна* крѣпостная 12-ти-фунтовая пушка, въ Тиздель-табіи крѣпостныя: *двѣ* 18-ти-фунтовыя гаубицы и *одна* 12-ти-фунтовая пушка.

(22) Донесеніе генерала Муравьева о штурмѣ Карса.

(23) Диспозиція для штурма Карса.—Записки де-Саже.

(24) Воспоминаніе о штурмѣ Карса. Военный Сборникъ. 1861. № 3.

(25) Воспоминаніе о штурмѣ Карса.

(26) Черкесовъ. Блокада Карса.—Записки де-Саже.—Записки одного изъ участниковъ похода и проч.

(27) Донесеніе генерала Муравьева.—Записки де-Саже.

(28) Донесеніе генерала Муравьева. — Записки Романовскаго.

(29) Записки одного изъ участниковъ похода и проч. — Записки Романовскаго

(30) Донесеніе генерала Муравьева.—Записки одного изъ участниковъ похода.

(31) Записки одного изъ участниковъ похода.

(32) Записки де-Саже.

(33) Донесеніе генерала Муравьева.—Записки генерала Бриммера.

(34) Записки одного изъ участниковъ похода.

(35) За этотъ подвигъ, подполковникъ Мих. Петров. Кауфманъ

удостоенъ, по рѣшенію кавалерственной думы, орденомъ Св. Георгія 4-й степ. а 1-му баталіону Рязанскаго полка Высочайше пожаловано георгіевское знамя. Маіору фонъ-деръ-Бригену пожалованъ орденъ Св. Владиміра 4-й степ. съ мечами. Въ числѣ особенно при семъ отличившихся показаны: генеральнаго штаба капитанъ Клугинъ; ротные командиры: Малиновскій и Попевскій и поручикъ Малаховъ; адъютантъ генерала Базина поручикъ Гавриловъ; Тульскаго полка поручикъ Ласовскій и Лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго подпоручикъ Макѣевъ.

(36) Донесеніе генерала Муравьева.

(37) Записки одного изъ участниковъ похода.

(38) Записки генерала Бриммера.—Записки Романовскаго.

(39) Записки генерала Бриммера.

(40) Черкесовъ. Блокада Карса.—Записки Романовскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XLI.

---

(1) Черкесовъ. Блокада Карса.—Записки одного изъ участниковъ похода 1855 года въ Азіятской Турціи.

(2) Усларъ. Записки о военныхъ дѣйствіяхъ Гурійскаго отряда подъ начальствомъ генерала князя Багратіона—Мухранскаго.

(3) Черкесовъ.

(4) Черкесовъ.—Усларъ. — К. Бороздинъ. Омеръ-паша въ Мингреліи (разсказъ очевидца).

(5) Составъ Гурійскаго отряда.

13-й пѣхотн. дивизіи	Брестскаго пѣхотнаго полка	4	батал.
	Литовскаго егерскаго полка	4	"
20-й пѣх. дивизіи, егерскаго кн. Воронцова (Куринскаго) полка		2	"
линейные баталіоны	Грузинскій № 1-го.	1	"
	Черноморскихъ №№ 9, 10, 11, 12, 14 и 16.	5½	"
	5-го резервнаго сап. баталіона	½	"
	Военно-рабочія роты №№ 20, 36 и 39 .	¾	"
	Итого	17¾	"
	Донскихъ каз. полковъ №№ 2 и 11	9	сотень.
	Сборныхъ каз. линейн. командъ	2	"
	Итого	11	сотень.
13-й артил. бригады.	Батарейная № 1 батарея	8	орудій.
	Легкая № 1 батарея	8	"
	Кавказской гренадерской артиллерійской бригады горная № 1 батарея.	8	"
	Сухумъ-калескаго артиллерійскаго гарниз. легкихъ	4	"
	Итого	28	орудій.

(6) Мѣстныя ополченія Гурійскаго отряда.

Имеретинское.

Конныхъ дружинъ 6	24	сотни
Пѣшихъ стрѣлковыхъ	3	,,

Гурійское.

Пѣшихъ дружинъ 7	27	сотень.
Стрѣлковая пѣшая	1	,,

Мингрельское.

Конныхъ дружинъ 4	16	,,
Пѣшихъ дружинъ 2	7	,,

Самурзаханское.

Конныхъ	2	,,
Пѣшихъ	2	,,
Итого	82	сотни.

(7) Усларъ.—Бороздинъ.

(8) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.

(9) Усларъ.

(10) Составъ войскъ оборонявшихъ переправы на Ингурѣ:

Литовскаго егерскаго полка	4	батал.
Куринскаго	2	,,
Грузинскій линейн. № 1 баталіонъ	1	,,
Черноморскій линейн. № 11 баталіонъ	1	,,
Черноморскаго лин. № 16 баталіона одна рота	$^{1}/_{4}$	,,
3-го резервнаго саперпаго баталіона двѣ роты	$^{1}/_{2}$	,,

Итого $8^{3}/_{4}$ баталіоновъ, въ числѣ до 5,000 человѣкъ.

Донской № 11 полкъ	6	сотень.
Донскаго № 2 полка	3	,,
Линейныхъ казаковъ	2	,,

Итого 11 сотень, въ числѣ 700 всадниковъ.

Конныхъ Имеретинск. дружинъ	4	,,
Конныхъ Мингрельск. дружинъ	4	,,
Нѣсколько пѣшихъ мингрельскихъ сотень.		

Всего милиціи отъ 3-хъ до 4-хъ тыс. человѣкъ.

Артиллерія.

Легкой № 1 батареи	4	орудія.
Горной № 1 батареи	4	,,
Горныхъ-Сухумъ-калесскаго артиллерійскаго гарнизона	4	,,

Итого 12 орудій.

Вообще-же съ милиціями до 9,000 челов. при 12-ти орудіяхъ.

(11) Бороздинъ.
(12) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.—Усларъ.
(13) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.
(14) Rüstow. Der Krieg gegen Russland. II. 100.
(15) Бороздинъ.
(16) Усларъ.
(17) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.
(18) Тамъ-же.
(19) Черкесовъ.—Усларъ.
(20) Усларъ.
(21) Русскій Инвалидъ. 1855. № 266-й.
(22) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.
(23) Усларъ.
(24) Русскій Инвалидъ. 1855. № 283-й.
(25) Прокламація генерала Муравьева, отъ 18-го ноября 1855 г.

«За отсутствіемъ моимъ изъ Тифлиса и по порученію моему, генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ обратился къ дворянству съ словами чести и правды.

«Настаетъ теперь минута, когда вы должны доказать передъ лицемъ всей земли, что вы потомки тѣхъ предковъ, которые доблестно боролись въ теченіи вѣковъ съ врагами за Святую Вѣру и за священныя узы домашняго быта; когда вы должны доказать, что не напрасно лилась и льется за васъ чистая кровь Россіи, и что вы достойны той высокой и священной любви, которую питаетъ къ вамъ сердце Русскаго Монарха, какъ къ единовѣрнымъ сынамъ своимъ.

«Я вполнѣ убѣжденъ, что слову князя Бебутова послѣдуютъ всѣ, подъ благословеніемъ преосвященныхъ архипастырей и священнослужителей, денно и нощно молящихся за васъ; я убѣжденъ, что примѣру доблестнаго дворянства послѣдуютъ всѣ сословія Имеретіи, Гуріи и Мингреліи — и граждане, и свободные поселяне, и владѣльческіе люди.

«Дѣло ваше открыто передъ Богомъ, и весь міръ смотритъ теперь на васъ.

«Ополчитесь, братья, всѣ и сокрушите, именемъ Божіемъ, злобныя покушенія исконнаго врага вашего.

«Съ крестомъ въ сердцѣ и съ желѣзомъ въ рукѣ!» какъ сказалъ незабвенный Императоръ Николай.

«Съ нами Богъ! Кого убоимся.»

(26) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.—Усларъ.
(27) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.
(28) Русскій Инвалидъ. 1856. № 7-й.
(29) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.
(30) Составъ корпуса Вели-паши: пѣхоты болѣе 6,000 человѣкъ; регулярной кавалеріи 1,500 и иррегулярной 1,200 человѣкъ.
(31) Лихутинъ. Русскіе въ Азіятской Турціи. 414—420 и 433—434.—Записки одного изъ участниковъ похода и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XLII.

---

(1) Записки одного изъ участниковъ похода 1855 г. въ Азіятской Турціи.

(2) А. Корсаковъ. Воспоминанія о Карсѣ. — Слышано отъ ген.-ад. Лорисъ-Меликова.

(3) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.

(4) Генер. Черкесовъ. Блокада Карса.

(5) А. Корсаковъ.

(6) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.

(7) А. Корсаковъ.

(8) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.

(9) А. Корсаковъ.

(10) А. Корсаковъ.

(11) Генер. Черкесовъ.

(12) А. Корсаковъ.

(13) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.

(14) Подлинный актъ предварительныхъ условій сдачи Карса подписанъ генераломъ Вилліамсомъ и директоромъ походной канцеляріи дѣйствующаго корпуса, полковникомъ Кауфманомъ, въ лагерѣ при Чифтликаѣ, 13-го (25) ноября 1855 г.

(15) А. Корсаковъ.

(16) Записки одного изъ участниковъ похода и проч. — А. Корсаковъ.

(17) Тамъ-же.

(18) А. Корсаковъ.

(19) А. Корсаковъ.

(20) Въ составѣ отряда полковника дѐ-Сажѐ было по два баталіона Рязанскаго, Ряжскаго и Тульскаго полковъ.

(21) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.

(22) Тамъ-же.

(23) Карсская область, при введеніи въ ней русскаго управленія, была раздѣлена на 8 уѣздовъ: собственно карсскій, гельскій, ардаган-

скій, зариматскій, башъ-шурагельскій, кагизманскій, гечеванскій и ольтинскій. Но городъ Ольта, по отдаленности и разобщенію высокими горами отъ Карса, не былъ занятъ русскими войсками.

(24) Rüstow. Der Krieg gegen Russland. II.

(25) Записки одного изъ участниковъ похода и проч.

(26) Приказъ главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, отъ 21-го января 1856 г.

(27) Слышано отъ участвовавшихъ въ управленіи карскою областью.

(28) Русск. Инвал. 1856 г. № 55.

(29) *Составъ гвардейскаго пѣхотнаго карпуса*: 1-я дивизія, 12 баталіоновъ и Л.-Гв. саперный баталіонъ, въ царствѣ польскомъ, виленской, гродненской и ковенской губерніяхъ; 2-я дивизія, 12 баталіоновъ и гвардейскій экипажъ, въ царствѣ польскомъ, гродненской и ковенской губерніяхъ; 3-я дивизія, 12 баталіоновъ и Л.-Гв. Финскій стрѣлковый баталіонъ въ эстляндской губерніи.

(30) *Составъ гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса*: гвардейская кирасирская и 1-я легкая гвард. кавалерійская дивизіи, по 24 эскадрона, въ ковенской и гродненской губерніяхъ; 2-я легкая гвард. кавалерійская дивизія: Л.-Гв. драг. и уланск. Его Величества полки, 12 эскадроновъ въ лифляндской губерніи; Л.-Гв. Гродненск. гусарск. 6 эскадроновъ въ новгородской губерніи; Л.-Гв. конно-піонерный дивизіонъ, Лейбъ-Атаманскаго полка два дивизіона и Лейбъ-Уральскій казач. дивизіонъ, въ Петербургѣ.

(31) *Составъ гвардейской артиллеріи*: 1-я и 2-я гвардейскія артиллерійскія бригады, 4 батарейныя и 4 легкія батареи, въ царствѣ польскомъ и гродненской губерніи; 3-я гвардейская и гренадерская бригада, 2 батарейныя и 2 легкія батареи, въ эстляндской губерніи; Л.-Гв. конная артиллерія и Л.-Гв. конно-артиллерійскій резервъ, одна батарейная и 4 легкія батареи, въ гродненской и лифляндской губерніяхъ.

(32) *Составъ войскъ въ Финляндіи расположенныхъ*: 1-я гренадерская дивизія, 12 баталіоновъ; 22-я пѣхотная дивизія, 22 финляндскихъ линейныхъ баталіоновъ (изъ числа ихъ 2 баталіона въ Кронштадтѣ). Три донскихъ казачьихъ полка, 1-я гренадерская артиллерійская бригада, 2 батарейныя и 3 легкія батареи.

(33) *Составъ Балтійскаго корпуса*: 2-я пѣхотная дивизія, 12 баталіоновъ, въ курляндской и лифляндской губерніяхъ; 2-я резервная пѣхотная дивизія, 12 баталіоновъ, въ лифляндской губерніи; 1-я легкая кавалерійская дивизія, 32 эскадрона, 4 казачьихъ полка, въ ковенской и курляндской губерніяхъ; 3 батарейныя, 5 легкихъ и 2 конныя батареи, въ курляндской и лифляндской губерніяхъ.

(34) 1-я и 3-я пѣхотныя дивизіи, 32 баталіона, въ царствѣ польскомъ; 2-я и 3-я бригады 1-й артиллерійской дивизіи, 4 батарейныя и 6 легкихъ батарей, въ царствѣ польскомъ.

(35) *Составъ Средней арміи*: 2-й пѣхотный корпусъ (4-я, 5-я и 6-я дивизіи, 2-й стрѣлковый и 2-й саперный баталіоны), 50 баталіоновъ, въ подольской губерніи; 2-я легкая кавалерійская дивизія, 32 эскадрона, въ царствѣ польскомъ; 12 казачьихъ полковъ; 6 батарейныхъ

9 легкихъ и 2 конныхъ батареи, въ волынской и подольской губерніяхъ.

([36]) *Составъ войскъ въ Крыму расположенныхъ*: 3-й пѣхотный корпусъ (7-я, 8-я и 9-я дивизіи, 3-й стрѣлковый и 3-й саперный баталіоны), 46 баталіоновъ, въ окрестностяхъ Севастополя; 7-я резервная пѣхотная дивизія, 12 баталіоновъ, въ восточной части Крыма; 4-й пѣхотный корпусъ (10-я, 11-я и 12-я дивизіи, 4-й стрѣлковый и 4-й саперный баталіоны), 50 баталіоновъ; 2-я гренадерская дивизія, 16 баталіоновъ, въ окрестностяхъ Севастополя; 6-й саперный баталіонъ въ Алуштѣ; 6-я легкая кавалерійская дивизія, 32 эскадрона; три полка 1-й драгунской дивизіи, 30 эскадроновъ; 14 казачьихъ полковъ; 15 батарейныхъ, 20 легкихъ и 4 конныхъ батареи.

([37]) *Составъ войскъ Южной арміи*: 3-я гренадерская дивизія, 16 баталіоновъ, сперва въ окрестностяхъ Карасубазара, а потомъ въ сѣверной части таврической губерніи; 5-го пѣхотнаго корпуса: 14-я дивизія, 16 баталіоновъ, въ окрестностяхъ Бендеръ; 15-я дивизія, 16 баталіоновъ, въ Одессѣ; 6-го пѣхотнаго корпуса: 16-я дивизія, 16 баталіоновъ, въ окрестностяхъ Одессы; 17-я дивизія, 16 баталіоновъ, въ херсонской губерніи; 11-я резервная пѣх. дивизія, 16 баталіоновъ, у Николаева; 14-я резервная пѣх. дивизія, 16 баталіоновъ, въ Бессарабіи; 15-я резервная пѣх. дивизія, 16 баталіоновъ, въ окрестностяхъ Одессы; 3-я и 4-я легкія кавалерійскія дивизіи, по 32 эскадрона, въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ; 5-я и 7-я легкія кавалерійскія дивизіи, 64 эскадрона, въ Бессарабіи; три полка 2-й драгунской дивизіи, 5-й стрѣлковый и 5-й саперный баталіоны въ Одессѣ; 6-й стрѣлковый баталіонъ близъ Николаева; 6 казачьихъ полковъ; 11 батарейныхъ, 17 легкихъ и 9 конныхъ батарей.

([38]) *Составъ войскъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса*: Кавказская гренадерская бригада, 8 баталіоновъ; 19-я пѣхотная дивизія, 20 баталіоновъ; 20-я пѣхотная дивизія, 20 баталіоновъ; 21-я пѣхотная дивизія, 20 баталіоновъ; 13-я пѣхотная дивизія, 16 баталіоновъ; 18-я пѣхотная дивизія, 16 баталіоновъ; Кавказскій стрѣлковый, Кавказскій и 3-й резервный саперные баталіоны; 18 грузинскихъ линейныхъ баталіоновъ; 13 кавказскихъ линейн. баталіоновъ; 16 черноморскихъ линейн. баталіоновъ. Три драгунскіе и 45 казачьихъ полковъ (изъ числа коихъ 30 донскихъ); 9 батарейныхъ, 13 легкихъ, 4 горныхъ и 11 конныхъ батарей.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XLIII.

---

(1) Изъ письма отъ 11-го (23) декабря 1854 г.

(2) Изъ письма князю Мих. Дмитр. Горчакову, отъ 17-го (29) декабря 1854 г.

(3) .... „un ami éprouvé au moment où il espérait lui donner des preuves de sa gratitude et d'un retour sincère aux anciennes voies.»

(4) Изъ депеши графа Нессельрода, отъ 10-го марта 1855 г.

(5) Депеша барона Мантейфеля, отъ 16-го марта 1855 г.

(6) Протоколъ совѣщаній въ Вѣнѣ № 10, отъ 17-го апрѣля н. ст. 1855 г.

(7) Приложенія къ протоколу № 11, подъ лит. *A* и *B*.

(8) Приложеніе къ протоколу № 12, подъ лит. *A*.

(9) Прилож. къ протоколу № 13.

(10) Прилож. къ протоколу № 14.

(11) Статья 2-я приложенія къ протоколу № 14.

(12) Протоколъ № 14, отъ 4-го іюня н. ст. 1855 г.

(13) Приказъ по войскамъ, отъ 24-го іюня н. ст. 1855 г.

(14) Постановленіе германскаго сейма, 26-го іюля н. ст. 1855 г

(15) Трактатъ 21-го ноября н. ст. 1855 г.

(16) Отзывъ графа Буля графу Эстергази, 16-го декабря н. ст. 1855 г. съ приложеніемъ проекта предварительныхъ условій.

(17) Journal de St.-Pétersbourg. 1856. 20 janvier.

(18) Протоколъ конференціи въ Вѣнѣ, отъ 20-го января (1-го февраля) 1856 г.

(19) Протоколъ Парижскаго конгресса № 2-й, 28-го февраля н. ст. 1856 г.

(20) Протоколъ № 11, 18-го марта н. ст. 1856 г.

(21) Протоколъ № 1-й, 25-го февраля н. ст. 1856 г.

(22) Протоколъ № 2-й, 28-го февраля н. ст. 1856 г.

(23) Депеша графа Нессельрода къ барону Бруннову, отъ 1-го іюня н. ст. 1853 г.

([24]) Протоколы №№ 13-й и 14-й Парижскаго конгресса, отъ 24-го и 25-го марта н. ст. 1856 г.

([25]) Протоколы №№ 10-й и 14-й, отъ 18-го и 25-го марта н. ст. 1856 г.

([26]) Протоколы: № 2-й, отъ 28-го февраля; № 5-й, отъ 6-го марта, и прилож. къ протоколу № 10-й, отъ 18-го марта н. ст. 1856 г.

([27]) Протоколы №№ 6-й и 7-й, отъ 8-го и 10-го марта н. ст. 1856 г.

([28]) Протоколъ № 4-й, отъ 4-го марта н. ст. 1856 г.

([29]) Протоколъ № 5-й, отъ 6-го марта н. ст. 1856 г.

([30]) Протоколъ № 3-й, отъ 1-го марта н. ст. 1856 г.

Трактатъ, заключенный въ Парижѣ, 18-го (30) марта 1856 г.

Ст. I. Со дня размѣна Ратификацій настоящаго трактата, быть на вѣчныя времена миру и дружеству между Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ съ одной, и Его Величествомъ Императоромъ Французовъ, Ея Величествомъ Королевою Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Его Величествомъ Королемъ Сардинскимъ и Его Императорскимъ Величествомъ Султаномъ—съ другой стороны, между Ихъ Наслѣдниками и Преемниками, Государствами и подданными.

Ст. II. Въ слѣдствіе счастливаго возстановленія мира между Ихъ Величествами, земли во время войны завоеванныя и занятыя Ихъ войсками будутъ ими очищены.

О порядкѣ выступленія войскъ, которое должно быть учинено въ скорѣйшее по возможности время, постановлены будутъ особыя условія.

Ст. III. Его Величество Императоръ Всероссійскій обязуется возвратить Его Величеству Султану городъ Карсъ съ цитаделью онаго, а равно и прочія части Оттоманскихъ владѣній, занимаемыя Россійскими войсками.

Ст. IV. Ихъ Величества Императоръ Французовъ, Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Король Сардинскій и Султанъ обязуются возвратить Его Величеству Императору Всероссійскому города и порты: Севастополь, Балаклаву, Камышъ, Евпаторію, Керчь-Еникале, Кинбурнъ, а равно и всѣ прочія мѣста, занимаемыя союзными войсками.

Ст. V. Ихъ Величества Императоръ Всероссійскій, Императоръ Французовъ, Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Король Сардинскій и Султанъ даруютъ полное прощеніе тѣмъ изъ Ихъ подданныхъ, которые оказались виновными въ какомъ либо въ продолженіе военныхъ дѣйствій соучастіи съ непріятелемъ.

При семъ постановляется именно, что сіе общее прощеніе будетъ распространено и на тѣхъ подданныхъ каждой изъ воевавшихъ Державъ, которые во время войны оставались въ службѣ другой изъ воевавшихъ Державъ.

Ст. VI. Военноплѣнные будутъ немедленно возвращены съ той и другой стороны.

Ст. VII. Его Величество Императоръ Всероссійскій, Его Величество Императоръ Австрійскій, Его Величество Императоръ Французовъ, Ея Величество Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи

и Ирландіи, Его Величество Король Прусскій и Его Величество Король Сардинскій объявляютъ, что Блистательная Порта признается участвующею въ выгодахъ общаго права и союза Державъ Европейскихъ. Ихъ Величества обязуются каждый съ своей стороны уважать независимость и цѣлость Имперіи Оттоманской, обезпечиваютъ совокупнымъ своимъ ручательствомъ точное соблюденіе сего обязательства и въ слѣдствіе того будутъ почитать всякое въ нарушеніе онаго дѣйствіе вопросомъ касающимся общихъ правъ и пользы.

Ст. VIII. Если между Блистательною Портою и одною или нѣсколькими изъ другихъ заключившихъ сей Трактатъ Державъ возникнетъ какое либо несогласіе, могущее угрожать сохраненію дружественныхъ между ними сношеній, то и Блистательная Порта и каждая изъ сихъ Державъ, не прибѣгая къ употребленію, силы, имѣютъ доставить другимъ договаривающимся сторонамъ возможность предупредить всякое дальнѣйшее столкновеніе, чрезъ свое посредничество.

Ст. IX. Его Императорское Величество Султанъ, въ постоянномъ попеченіи о благѣ своихъ подданныхъ, даровавъ фирманъ, коимъ улучшается участь ихъ безъ различія по вѣроисповѣданіямъ или племенамъ, и утверждаются великодушныя намѣренія Его касательно Христіанскаго народонаселенія Его Имперіи, и желая дать новое доказательство Своихъ въ семъ отношеніи чувствъ, рѣшился сообщить договаривающимся Державамъ означенный, изданный по собственному Его побужденію, фирманъ.

Договаривающіяся Державы признаютъ высокую важность сего сообщенія, разумѣя при томъ, что оно ни въ какомъ случаѣ не дастъ симъ державамъ права вмѣшиваться, совокупно или отдѣльно, въ отношенія Его Величества Султана къ Его подданнымъ и во внутреннее управленіе Имперіи Его.

Ст. X. Конвенція 13 Іюля 1841 года, коею постановлено соблюденіе древняго правила Оттоманской Имперіи относительно закрытія входа въ Босфоръ и Дарданеллы, подвергнута новому съ общаго согласія разсмотрѣнію.

Заключенный Высокими договаривающимися сторонами сообразный съ вышеозначеннымъ правиломъ актъ прилагается къ настоящему Трактату, и будетъ имѣть такую же силу и дѣйствіе какъ еслибъ онъ составлялъ неотдѣльную онаго часть.

Ст. XI. Черное море объявляется нейтральнымъ; открытый для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ входъ въ порты и воды онаго формально и навсегда воспрещается военнымъ судамъ, какъ прибрежнымъ такъ и всѣхъ прочихъ Державъ, съ тѣми токмо исключеніями о коихъ постановляется въ статьяхъ XIV и XIX настоящаго договора.

Ст. XII. Свободная отъ всякихъ препятствій торговля въ портахъ и на водахъ Чернаго моря будетъ подчинена однимъ лишь карантиннымъ таможеннымъ, полицейскимъ постановленіямъ, составленнымъ въ духѣ благопріятствующемъ развитію сношеній торговыхъ.

Дабы пользамъ торговли и мореплаванія всѣхъ народовъ даровать все желаемое обезпеченіе, Россія и Блистательная Порта будутъ

допускать Консуловъ въ порты свои на берегахъ Чернаго моря, согласно съ правилами международнаго права.

Ст. XIII. Въ слѣдствіе объявленія Чернаго моря нейтральнымъ на основаніи статьи XI., не можетъ быть нужно содержаніе или учрежденіе военноморскихъ на берегахъ онаго арсеналовъ, какъ не имѣющихъ уже цѣли, а посему Его Величество Императоръ Всероссійскій и Его Императорское Величество Султанъ обязуются не заводить и не оставлять на сихъ берегахъ никакого военноморскаго арсенала.

Ст. XIV. Ихъ Величествами Императоромъ Всероссійскимъ и Султаномъ заключена особая Конвенція, опредѣляющая число и силу легкихъ судовъ, которые они предоставляютъ себѣ содержать въ Черномъ морѣ, для нужныхъ по прибрежію распоряженій. Сія Конвенція прилагается къ настоящему Трактату и будетъ имѣть такую же силу и дѣйствіе какъ еслибъ она составляла неотдѣльную его часть. Она не можетъ быть ни уничтожена, ни измѣнена безъ согласія Державъ, заключившихъ настоящій Трактатъ.

Ст. XV. Договаривающіяся стороны, съ взаимнаго согласія, постановляютъ, что правила, опредѣленныя Актомъ Конгресса Вѣнскаго, для судоходства по рѣкамъ раздѣляющимъ разныя владѣнія или протекающимъ чрезъ оныя, будутъ впредь примѣняемы вполнѣ къ Дунаю и устьямъ его. Онѣ объявляютъ, что сіе постановленіе отнынѣ признается принадлежащимъ къ общему народному Европейскому праву и утверждается Ихъ взаимнымъ ручательствомъ.

Судоходство по Дунаю не будетъ подлежать никакимъ затрудненіямъ и пошлинамъ, кромѣ тѣхъ, которыя именно опредѣляются нижеслѣдующими статьями. Въ слѣдствіе сего не будетъ взимаемо никакой платы собственно за самое судоходство по рѣкѣ и никакой пошлины съ товаровъ составляющихъ грузъ судовъ. Правила полицейскія и карантинныя, нужныя для безопасности Государствъ прибрежныхъ сей рѣкѣ, должны быть составлены такимъ образомъ, чтобъ оныя сколь можно болѣе благопріятствовали движенію судовъ. Кромѣ сихъ правилъ, свободному судоходству не будетъ постановляемо никакого рода препятствій.

Ст. XVI. Для приведенія въ дѣйствіе постановленій предъидущей статьи учредится Коммиссія, въ коей Россія, Австрія, Франція, Великобританія, Пруссія, Сардинія и Турція будутъ имѣть каждая своего депутата. Сей Коммиссіи будетъ поручено предназначить и привести въ исполненіе работы, нужныя для очистки Дунайскихъ гирлъ, начиная отъ Исакчи, и прилегающихъ къ онымъ частей моря, отъ песка и другихъ заграждающихъ оныя препятствій, дабы сія часть рѣки и упомянутыя части моря сдѣлались вполнѣ удобными для судоходства.

Для покрытія расходовъ нужныхъ какъ для сихъ работъ, такъ и на заведенія, имѣющія цѣлію облегчить и обезпечить судоходство по Дунайскимъ гирламъ, будутъ постановлены постоянныя съ судовъ соразмѣрныя съ надобностію пошлины, которыя должны быть опредѣлены Коммиссіею по большинству голосовъ и съ непремѣннымъ

условіемъ, что въ семъ отношеніи и во всѣхъ другихъ соблюдаемо будетъ совершенное равенство относительно флаговъ всѣхъ націй.

Ст. XVII. Будетъ также учреждена Коммиссія изъ членовъ со стороны Австріи, Баваріи, Блистательной Порты и Виртемберга (по одному отъ каждой изъ сихъ державъ); къ нимъ будутъ присоединены и коммиссары трехъ При-Дунайскихъ княжествъ, назначенные съ утвержденія Порты. Сія Коммиссія, которая должна быть постоянною имѣетъ: 1, составить правила для рѣчнаго судоходства и рѣчной полиціи; 2, устранить всѣ какого либо рода препятствія, которыя встрѣчаетъ еще примѣненіе постановленій Вѣнскаго Трактата къ Дунаю; 3, предположить и привести въ исполненіе нужныя по всему теченію Дуная работы; 4, по упраздненіи общей предназначаемой статьею XVI Европейской Коммиссіи наблюдать за содержаніемъ въ надлежащемъ для судоходства состояніи Дунайскихъ гирлъ и частей моря, къ нимъ прилегающихъ.

Ст. XVIII. Общая Европейская Коммиссія должна исполнить все ей поручаемое, а Коммиссія прибрежная привести къ окончанію всѣ работы, означенныя въ предшедшей статьѣ, подъ № № 1 и 2, въ теченіи двухъ лѣтъ. По полученіи о томъ извѣстія, Державы, заключившія сей трактатъ, постановятъ опредѣленіе объ упраздненіи общей Европейской Коммиссіи, и съ сего времени постоянной прибрежной Коммиссіи передана будетъ власть, которою дотолѣ имѣетъ быть облечена общая Европейская.

Ст. XIX, Дабы обезпечить исполненіе правилъ, кои съ общаго согласія будутъ постановлены на основаніи изложенныхъ выше сего началъ, каждая изъ договаривающихся Державъ будетъ имѣть право содержать во всякое время по два легкихъ морскихъ судна у Дунайскихъ устьевъ.

Ст. XX. Въ замѣнъ городовъ, портовъ и земель означенныхъ въ статьѣ IV настоящаго трактата и для вящшаго обезпеченія свободы судоходства по Дунаю, Его Величество Императоръ Всероссійскій соглашается на проведеніе новой граничной черты въ Бессарабіи.

Началомъ сей граничной черты постановляется пунктъ на берегу Чернаго моря въ разстояніи на одинъ километръ къ востоку отъ соленаго озера Бурнаса; она примкнетъ перпендикулярно къ Акерманской дорогѣ, по коей будетъ слѣдовать до Траянова вала, пойдетъ южнѣе Болграда, и потомъ вверхъ по рѣкѣ Ялпуху до высоты Сарацика и до Катамори на Прутѣ. Отъ сего пункта вверхъ по рѣкѣ прежняя между обѣими Имперіями граница остается безъ измѣненія.

Новая граничная черта должна быть означена подробно нарочными коммиссарами договаривающихся Державъ,

Ст. XXI. Пространство земли уступленное Россіею будетъ присоединено къ Княжеству Молдавскому подъ Верховною властію Блистательной Порты.

Живущіе на семъ пространствѣ земли будутъ пользоваться правами и преимуществами присвоенными Княжествамъ, и въ теченіи трехъ лѣтъ имъ дозволено будетъ переселяться въ другія мѣста и свободно распорядиться своею собственностію.

Ст. XXII. Княжества Валахское и Молдавское будутъ подъ Вер-

ховною Властію Порты и, при ручательствѣ договаривающихся Державъ, пользоваться преимуществами и льготами коими пользуются нынѣ. Ни которой изъ ручающихся Державъ не предоставляется исключительнаго надъ оными покровительства. Не допускается ни какое особое право вмѣшательства во внутреннія дѣла ихъ.

Ст. XXIII. Блистательная Порта обязуется оставить въ сихъ Княжествахъ независимое и національное управленіе, а равно и полную свободу вѣроисповѣданія, законодательства, торговли и судоходства.

Дѣйствующіе нынѣ въ оныхъ законы и уставы будутъ пересмотрѣны. Для полнаго соглашенія касательно сего пересмотра, назначена будетъ особая Коммиссія, о составѣ коей Высокія договаривающіяся Державы имѣютъ условиться. Сія Коммиссія должна безъ отлагательства собраться въ Бухарестѣ; при оной будетъ находиться Коммиссаръ Блистательной Порты.

Сія Коммиссія имѣетъ изслѣдовать настоящее положеніе Княжествъ и предложить основанія ихъ будущаго устройства.

Ст. XXIV. Его Величество Султанъ обѣщаетъ немедленно созвать въ каждой изъ двухъ областей нарочный для того Диванъ, который долженъ быть составленъ такимъ образомъ, чтобы онъ могъ служить вѣрнымъ представителемъ пользъ всѣхъ сословій общества. Симъ Диванамъ будетъ поручено выразить желанія народонаселенія касательно окончательнаго устройства Княжествъ.

Отношенія Коммиссіи къ симъ Диванамъ опредѣлятся особою отъ Конгресса инструкціею.

Ст. XXV Принявъ мнѣніе, которое будетъ представлено обоими Диванами, въ надлежащее соображеніе, Коммиссія немедленно сообщитъ въ настоящее мѣсто засѣданія конференцій результаты своего собственнаго труда.

Окончательное соглашеніе съ Верховною надъ Княжествами Державою должно быть утверждено Конвенціею, которая будетъ заключена Высокими договаривающимися сторонами въ Парижѣ, и Хати-Шерифомъ, согласнымъ съ постановленіями Конвенціи. дано будетъ окончательное устройство симъ областямъ при общемъ ручательствѣ всѣхъ подписавшихся Державъ.

Ст. XXVI. Въ Княжествахъ будетъ національная вооруженная сила, для охраненія внутренней безопасности и обезпеченія безопасности границъ. Никакія препятствія не будутъ допускаемы въ случаѣ чрезвычайныхъ мѣръ обороны, которыя, съ согласія Блистательной Порты, могутъ быть приняты въ Княжествахъ для отраженія нашествія извнѣ.

Ст. XXVII. Если внутреннее спокойствіе Княжествъ подвергнется опасности или будетъ нарушено, то Блистательная Порта войдетъ въ соглашеніе съ прочими договаривающимися Державами о мѣрахъ нужныхъ для сохраненія или возстановленія законнаго порядка. Безъ предварительнаго соглашенія между сими Державами не можетъ быть никакого вооруженнаго вмѣшательства.

Ст. XXVIII. Княжество Сербское остается какъ прежде подъ Верховною Властію Блистательной Порты, согласно съ Император-

скими Хати-Шерифами, утверждающими и опредѣляющими права и преимущества онаго при общемъ совокупномъ ручательствѣ договаривающихся Державъ.

Въ слѣдствіе сего, означенное Княжество сохранитъ свое независимое и національное управленіе и полную свободу вѣроисповѣданія, законодательства, торговли и судоходства.

Ст. XXIX. Блистательная Порта сохраняетъ опредѣленное прежними постановленіями право содержанія гарнизона. Безъ предварительнаго соглашенія между Высокими договаривающимися Державами не можетъ быть допущено никакое вооруженное въ Сербіи вмѣшательство.

Ст. XXX. Его Величество Императоръ Всероссійскій и Его Величество Султанъ сохраняютъ въ цѣлости владѣнія свои въ Азіи, въ томъ составѣ, въ коемъ они законно находились до разрыва.

Во избѣжаніе всякихъ мѣстныхъ споровъ, линіи границы будутъ повѣрены и въ случаѣ надобности исправлены, но такимъ образомъ, чтобъ отъ сего не могло произойти никакого въ поземельномъ владѣніи ущерба, ни для той, ни для другой стороны.

На сей конецъ, немедленно по возстановленіи дипломатическихъ сношеній между Россійскимъ Дворомъ и Блистательною Портою, послана будетъ на мѣсто составленная изъ двухъ Коммиссаровъ Россійскихъ, двухъ Коммиссаровъ Оттоманскихъ, одного Коммиссара Французскаго и одного Коммиссара Англійскаго, Коммиссія. Она должна исполнить возлагаемое на нее дѣло въ продолженіе осьми мѣсяцевъ, считая со дня размѣна ратификацій настоящаго Трактата.

Ст. XXXI. Земли, занятыя во время войны войсками Ихъ Величествъ Императора Австрійскаго, Императора Французовъ, Королевы Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи и Короля Сардинскаго, на основаніи Конвенцій, подписанныхъ въ Константинополѣ 12 Марта 1854 года между Франціею, Великобританіею и Блистательною Портою, 14 Іюня того же года между Блистательною Портою и Австріею, и 15 Марта 1855 года между Сардиніею и Блистательною Портою, будутъ очищены послѣ размѣна ратификацій настоящаго Трактата въ скорѣйшее по возможности время. Для опредѣленія сроковъ и средствъ исполненія сего, имѣетъ послѣдовать соглашеніе между Блистательною Портою и Державами, коихъ войска занимали земли ея владѣній.

Ст. XXII. Доколѣ Трактаты или Конвенціи, существовавшіе до войны между воевавшими Державами, не будутъ возобновлены или замѣнены новыми Актами, взаимная торговля, какъ привозная, такъ и отвозная, должна производиться на основаніи постановленій имѣвшихъ силу и дѣйствіе до войны, и съ подданными сихъ Державъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ поступаемо будетъ наравнѣ съ націями наиболѣе благопріятствуемыми.

Ст. XXXIII. Конвенція, заключенная сего числа между Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ съ одной и Ихъ Величествами Императоромъ Французовъ и Королевою Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи съ другой стороны, относительно острововъ Аландскихъ, прилагается и остается приложенною къ

настоящему трактату и будетъ имѣть таковую же силу и дѣйствіе какъ еслибъ оная составляла неотдѣльную часть его.

Ст. XXXIV. Настоящій Трактатъ будетъ ратификованъ и Ратификаціи онаго будутъ размѣнены въ Парижѣ въ теченіе четырехъ недѣль, а если можно и прежде.

Статья дополнительная и временная.

Постановленія подписанной сего числа Конвенціи о проливахъ не будутъ примѣняемы къ военнымъ судамъ, кои воевавшими Державами употреблены будутъ для вывода морскимъ путемъ войскъ ихъ изъ земель ими занимаемыхъ. Сіи постановленія войдутъ въ полную силу, какъ только сей выводъ войскъ будетъ приведенъ къ окончанію.

Въ Парижѣ, въ 30-й день Марта 1856 года.

Конвенція касательно проливовъ Дарданеллъ и Босфора.

Ст. I. Его Величество Султанъ, съ одной стороны, объявляетъ, что Онъ имѣетъ твердое намѣреніе соблюдать на будущее время постановленія, неизмѣнно принимавшіяся какъ древнее правило Его Имперіи, въ силу коего всегда было воспрещаемо военнымъ судамъ Державъ Иностранныхъ входить въ проливы Дарданеллъ и Босфора, и что доколѣ Порта будетъ находиться въ мирѣ, Его Величество не допуститъ никакого иностраннаго военнаго судна въ означенные проливы.

А Ихъ Величества Императоръ Всероссійскій, Императоръ Австрійскій, Императоръ Французовъ, Королева Соединенныхъ Королевствъ Великобританіи и Ирландіи, Король Прусскій и Король Сардинскій, съ другой стороны, обязуются уважать сіе рѣшеніе Султана и сообразоваться съ вышеизъясненнымъ правиломъ.

Ст. II. Султанъ предоставляетъ себѣ, какъ и прежде, выдавать Фирманы для прохода легкихъ подъ военнымъ флагомъ судовъ, которые будутъ употребляемы, по существующему обыкновенію, при миссіяхъ дружественныхъ съ Портою Державъ.

Ст. III. Тоже самое изъятіе допускается въ отношеніи къ легкимъ подъ военнымъ флагомъ судамъ, которыя каждая изъ договаривающихся Державъ имѣетъ право содержать при устьяхъ Дуная, для обезпеченія исполненія постановленій о свободѣ судоходства по сей рѣкѣ, и коихъ число не должно превышать двухъ для каждой Державы

Ст. IV. Настоящая конвенція, приложенная къ общему Трактату, подписанному сего числа въ Парижѣ, будетъ ратификована и ратификаціи оной будутъ размѣнены въ теченіе четырехъ недѣль, а если можно и прежде.

Конвенція о русскихъ и турецкихъ военныхъ судахъ въ Черномъ морѣ.

Ст. I. Высокія договаривающіяся стороны взаимно обязуются не имѣть въ Черномъ морѣ иныхъ военныхъ судовъ кромѣ тѣхъ, коихъ число, сила и размѣры опредѣлены какъ ниже слѣдуетъ.

Ст. II. Высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ Себѣ содержать каждая по шести въ означенномъ морѣ паровыхъ судовъ въ 50 метровъ длины по ватерлиніи, вмѣстительностію не свыше 800 тоннъ; и по четыре легкихъ паровыхъ или парусныхъ судна, коихъ вмѣстительность не должна превышать 200 тоннъ въ каждомъ.

Ст. III. Настоящая Конвенція, приложенная къ общему Трактату подписанному сего числа въ Парижѣ, будетъ ратификована, и ратификаціи оной будутъ размѣнены въ теченіи четырехъ недѣль, а если можно и прежде.

Конвенція объ Аландскихъ островахъ.

Ст. I. Его Величество Императоръ Всероссійскій, согласно съ желаніемъ, изъявленнымъ Ему Ихъ Величествами Императоромъ Французовъ и Королевою Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, объявляетъ, что Аландскіе острова не будутъ укрѣпляемы и что на оныхъ не будетъ содержимо ни вновь сооружено никакого военнаго или морскаго заведенія.

Ст. II. Настоящая конвенція, приложенная къ общему трактату, подписанному сего числа въ Парижѣ, будетъ ратификована, и ратификаціи оной будутъ размѣнены въ теченіе четырехъ недѣль, а если можно и прежде.

ПОПРАВКИ и ОПЕЧАТКИ.

Въ первомъ томѣ.

	вмѣсто:	слѣдуетъ·
Стран.	17, стр. 10 снизу: Франція	„Франція
»	47, стр. 15 снизу: права права	права
»	48, стр. 17: приняли	принимали
»	64, стр. 14 снизу: возратиться	возвратиться
»	96, стр. 1 снизу: жизни	службы.
»	103, стр. 13 снизу: Рыдецца	Рыдеуца
»	105, стр. 3 снизу: настояще	настоящее
»	106, стр. 17: часто,	часто
»	112, стр. 6: графъ	князь
»	116, стр. 15: раздражитъ	раздражить
»	119, стр. 12: стустя,	спустя,
»	122, стр. 12 снизу: кавалерійскіе	кавалерійскіе полки
»	147, стр. 11 снизу: учавствовали	участвовали
»	170, стр. 9 снизу: № 68-й	№ 38-й
»	214, стр. 14: Кери-кевъ,	Керпи-кевъ,
»	220, стр. 7: пользуясь	они, пользуясь
»	230, стр. 12 снизу: бзагородство	благородство
»	232, стр, 18: перепраытся	переправиться

Во второмъ томѣ.

Стран.	1, стр. 17 снизу: болѣе	около
»	2, стр. 3 снизу:коргуса.	корпуса.
»	26, стр. 11 снизу: артуллерія	артиллерія

вмѣсто:	слѣдуетъ:
Стран. 58, стр. 14 снизу: состоялъ	онъ состоялъ
» 64, стр. 14 снизу: въ течевіи	въ теченіи
» 70, стр. 14 снизу: князь русовъ	князь Урусовъ
» 96, стр. 7: произсодить,	производить,
» 96, стр. 17 снизу: смѣжнаго	смежнаго
» 100, стр. 3: Вобще-же	вообще-же
» 118, стр. 6 снизу: потщаться	потщатся
» 126, стр. 17 снизу: Сознинками	Союзниками
» 141, стр. 4: истреблона;	истреблена;
» 143, стр. 15 снизу: говоритъ	говорить
» 178, стр. 3: крѣѣности	крѣпости
» 180, стр. 10: Меффей.	Мефрей.
» 185, стр. 2 снизу: 3 штуцерныхъ	4 штуцерныхъ,
» 196, стр. 10: Эдигарова,	Едигарова,
» 228, стр. 4: напріятель	непріятель
» 228, стр. 5 снизу: монястыря,	монастыря,
» 233, стр. 6 снизу: пароходъ;	пароходъ,
» 241, стр. 7: съ колѣноприклоненіемъ	съ колѣнопреклоненіемъ
» 251, стр. 13—14: *Артиллерійская.*	*Артиллерійская;*
» 251, стр. 7—6 снизу: *Поросытью.*	*Пересыпью.*
» 261, стр. 5: Кинбургскій	Кинбурнскій
» 265, стр. 15: былѣе	болѣе

Въ третьемъ томѣ.

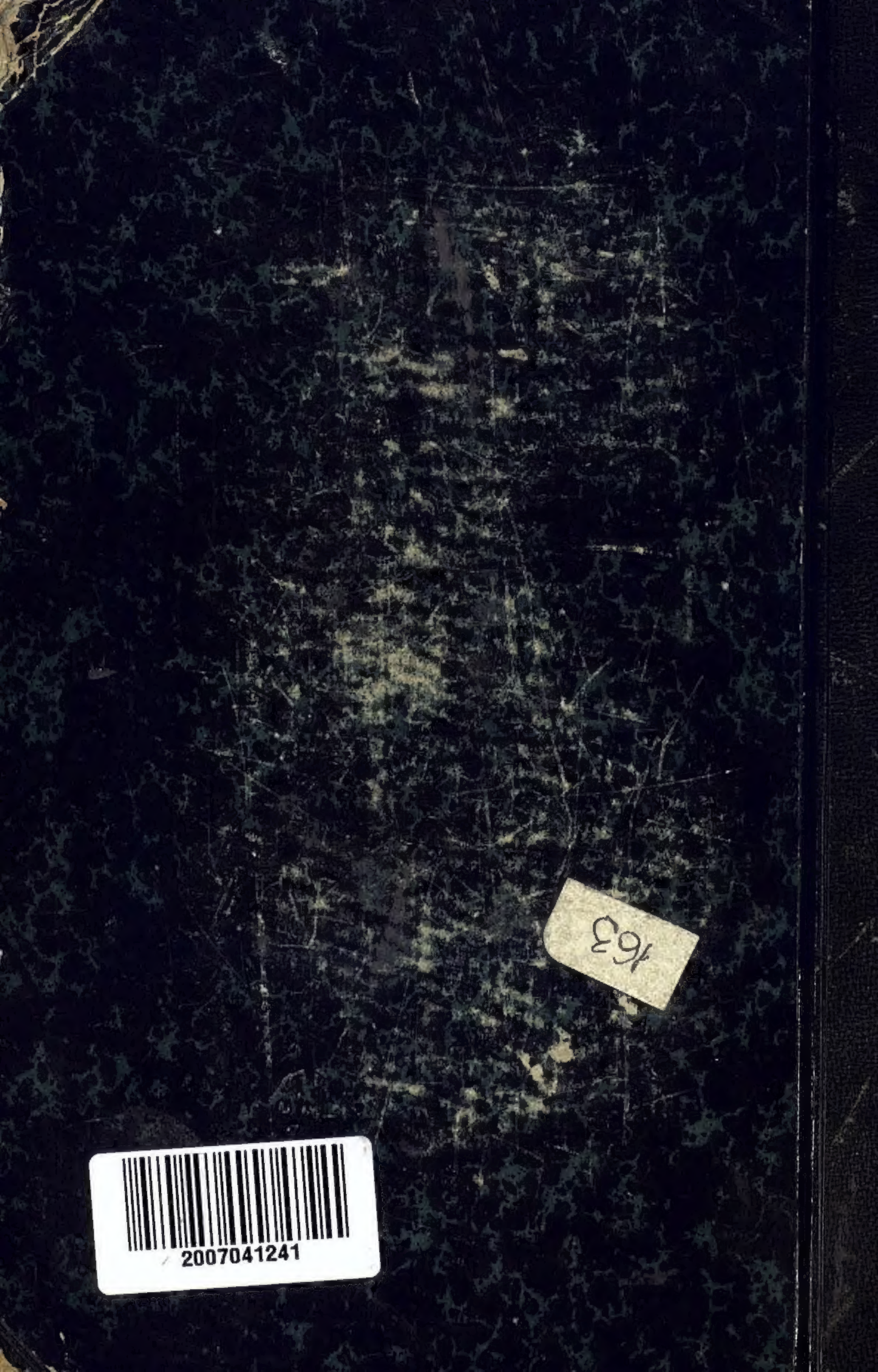
Стран. 15, стр. 18: $6^1/_2$ часовъ,	6 часовъ,
» 25, стр. 17: вѣстрѣламъ	выстрѣламъ
» 33, стр. 8 снизу: (8-го и 9-го)	(13-го и 14-го)
» 36, стр. 13: № 5-го,	№ 5-го
» 47, стр. 14: было всего на все	было, кромѣ береговыхъ батарей, всего на все
» 52, стр. 15; войска,	войска
» 80, стр. 6: защитнитамъ	защитникамъ
» 93, стр. 16 снизу: Батарея № 10-го, на которой	На батареѣ № 10-го
» 127, стр. 5 снизу: бала	была
» 148, стр. 14: Киленъ-балачномъ	Киленъ-балочномъ
» 150, стр. 13 снизу: отъ дѣйствій	отъ дѣйствія
» 165, стр. 13; Крнилова,	Корнилова,
» 166, стр. 10: Ивъ	Изъ
» 179, стр. 13: возратился	возвратился
» 213, стр. 4: Совремэнное	Современное
» 213, стр. 10: опасенія, Меншикова,	опасенія Меншикова,
» 221, стр. 17: или погребковъ	и погребковъ
» 253, стр. 7: командиръ	комендантъ

вмѣсто:	слѣдуетъ:
Стран. 265, стр. 6 снизу: вооруженіе оборонительной линіи	вооруженіе
» 284, стр. 13: до 80 тыс.	болѣе 80 тыс.
» 285, стр. 16 снизу: бобардированія,	бомбардированія,
» 322, стр. 13: Керчь-еникольскому	Керчь-еникальскому

Въ четвертомъ томѣ.

Стран. 95, стр. 1 снизу: чыс.	тысячъ
» 97, стр. 11 и 12 снизу: Въ половнѣ	Въ половинѣ
» 115, стр. 12 снизу: Бретовъ	Бретонъ,
» 136, стр. 8 снизу: артиллерію	артиллерією
» 154, стр. 17: симферепольскомъ	симферопольскомъ
» 158, стр. 15: большомъ	небольшомъ
» 175, стр. 7 снизу: голу.	году.
» 178, стр. 3: со времени	со времени
» 185, стр. 17 снизу: 3-й	3-іе
» 194, стр. 3 снизу: церемовіальнаго	церемоніальнаго
» 207, стр. 12: гооа,	года,
» 229, стр. 10: старался	старался,
» 231, стр. 8: инжеперовъ	инженеровъ,
» 232, стр. 2 снизу: баталіона,	баталіона.
» 258, стр. 14: Сурбъ-Огенасу,	Сурбъ-Оганесу,
» 260, стр. 12: Чакмакскимъ	Чахмахскимъ
» 275, стр. 14: копонаду	канонаду
» 298, стр. 5 снизу: имянинъ	тезоименитства
» 310, стр. 8 снизу: орріями	орудіями
» 312, стр. 6 снизу: Магараджихъ.	Махараджихъ.

163
2007041241